



**Международный фонд Н.Д. Кондратьева  
Институт экономики Российской академии наук**

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ РОССИИ:  
НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ И ЗАДАЧИ НА БУДУЩЕЕ**

Электронное издание

**Сборник научных трудов участников  
Международной научной конференции XXVI Кондратьевские  
чтения: *«Пространственный потенциал развития России:  
невыученные уроки и задачи на будущее»***

**Москва, 22-23 ноября 2018 г.**

**МОСКВА - 2019**

УДК 330.35.011  
ББК 65.9(2РОС)

**Редакционная коллегия:**

Р.С. Гринберг, член-кор. РАН, доктор экономических наук  
В.М. Бондаренко, кандидат экономических наук.

Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее. Сб. научных трудов участников Междунар. научной конференции - XXVI Кондратьевские чтения / под ред. В.М. Бондаренко – М.: МООСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2019, 455 с.

ISBN 978-5-901640-30-2

В данном сборнике опубликованы научные труды участников Международной научной конференции - XXVI Кондратьевские чтения: «Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее».

В соответствии с Научной программой, в сборнике представлены статьи участников, соответствующие тематике Конференции, ее целям и ключевым темам: Исторический опыт России и зарубежных стран решения проблем преодоления диспропорций и негативных явлений в пространственном развитии; Новые подходы и методологические основания решения проблем пространственного развития России, и формирования ее стратегии и механизма реализации; Пространственное развитие России в условиях формирования цифровой экономики, внедрения технологий Индустрии 4.0, создания «Умных городов»: новые возможности и риски в осуществлении прорывного научно-технологического и социально-экономического развития; Роль центра, крупных агломераций, городов-миллионников, регионов, малых городов, поселений, сельских территорий и местного самоуправления в решении проблем пространственного развития России и переходе от стратегии выживания к стратегии развития; Влияние на пространственное развитие России реализация новых инфраструктурных проектов и их взаимная обусловленность; Теория Н.Д. Кондратьева в научных исследованиях: новые результаты

Материалы Международной научной конференции - XXVI Кондратьевские чтения: «Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее» будут интересны не только маститым ученым, начинающим научным работникам, аспирантам и студентам различных университетов, но и широкому кругу читателей.

*Публикация подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ  
(Грант №18-010-20101)*

JEL: E17, E21, E23, E27, E29, F62, F63, P16, P17

УДК 330.35.011  
ББК 65.9(2РОС)

ISBN 978-5-901640-30-2

©Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2019  
©Авторы статей, 2019

## НАУЧНЫЕ ТРУДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

### СОДЕРЖАНИЕ

<b>Акаев Аскар Акаевич</b> .....	<b>10</b>
<b>Давыдова Ольга Игоревна</b> <b>Кирилюк Игорь Леонидович</b> <b>Малков Артемий Сергеевич</b> <b>Малков Сергей Юрьевич</b> <b>Шульгин Сергей Георгиевич</b> ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТА ПО РАЗВИТИЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	<b>16</b>
<b>Алинов Махсат Шарапатович</b> .....	<b>16</b>
НАСЛЕДИЕ ЭКСПО-2017: ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ ВОСТРЕБОВАННЫЕ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ РОССИИ	
<b>Амосов Александр Ильич</b> .....	<b>20</b>
О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ	
<b>Анисимова Галина Владимировна</b> .....	<b>25</b>
ПОЛЯРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	
<b>Аракелян Арман Эдвардович</b> .....	<b>29</b>
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	
<b>Аракелян Наринэ Робертовна</b> .....	<b>35</b>
<b>Аракелян Арман Эдвардович</b> ПРОРЫВНОЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ	
<b>Бельских Игорь Евгеньевич</b> .....	<b>40</b>
К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПАРТНЕРСТВА И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН В МИРЕ	
<b>Болдырев Олег Юрьевич</b> .....	<b>43</b>
УГРОЗЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ ГОСУДАРСТВА И МЕХАНИЗМЫ ЕГО ЗАЩИТЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	
<b>Бондаренко Валентина Михайловна</b> .....	<b>48</b>
НОВЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<b>Брындин Евгений Григорьевич</b> .....	<b>53</b>
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ, ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ЗДОРОВЬЕ–ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИНЕРГИЯ РАЗВИТИЯ	
<b>Букина Татьяна Витальевна</b> .....	<b>59</b>
<b>Шейна Марина Витальевна</b> СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ: РОЛЬ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	
<b>Бурьянов Сергей Анатольевич</b> .....	<b>67</b>

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ  
СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

<b>Бухвальд Евгений Моисеевич</b> .....	72
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	
<b>Власов Дмитрий Германович</b> .....	77
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТФОРМЫ УЧАСТНИКОВ ВЭД В ЦЕЛЯХ УСКОРЕННОГО ПРОХОЖДЕНИЯ ГРУЗОВ ЧЕРЕЗ ЕДИНУЮ ТАМОЖЕННУЮ ТЕРРИТОРИЮ ЕАЭС ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<b>Восканян Мариам Амбарцумовна</b> .....	83
КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ЗАМЕДЛЕНИЯ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В АРМЕНИИ	
<b>Гордиенко Дмитрий Владимирович</b> .....	91
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ЗАЩИЩЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ В ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА	
<b>Гринченко Сергей Николаевич</b> .....	102
О ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СТРУКТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ РОССИИ: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ	
<b>Гришина Ирина Владимировна</b> .....	108
СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО «ОТ ПРОТИВНОГО»	
<b>Дабиев Давид Федорович</b> .....	116
ГЕОГРАФИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	
<b>Дементьев Виктор Евгеньевич</b> .....	124
ИНДУСТРИЯ 4.0 И ПАРАДОКС СОЛОУ	
<b>Дорошкевич Александр Николаевич</b> .....	132
<b>Пястолов Сергей Михайлович</b> ДИСКРЕТНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	
<b>Ермаков Сергей Львович</b> .....	138
ФОРМИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ НАУКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<b>Захаров Александр Николаевич</b> .....	144
<b>Русак Никита Андреевич</b> АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<b>Захаров Александр Николаевич</b> .....	149
<b>Старовая Юлия Александровна</b> СИНГАПУР: КОНЦЕПЦИЯ «УМНЫЙ ГОРОД»	
<b>Захаров Валерий Константинович</b> .....	155
ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННОСТИ РОССИИ КАК ИМПЕРАТИВЫ ЕЁ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
<b>Иванов Михаил Юрьевич</b> .....	160
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЕСУРС РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ АСПЕКТ (МАКРО-МЕЗО УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД)	



<b>Кириченко Ирина Алексеевна</b> .....	<b>165</b>
<b>Маршова Татьяна Николаевна</b>	
<b>Смирнов Александр Владимирович</b> ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ	
<b>Кочетков Сергей Вячеславович</b> .....	<b>173</b>
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕДИНИЦЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ – ГЛАВНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ	
<b>Кочеткова Олеся Вячеславовна</b> .....	<b>181</b>
ЗАДАЧА ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	
<b>Красникова Евгения Васильевна</b> .....	<b>198</b>
ОРИЕНТАЦИЯ НА ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ - ИСХОДНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ИННОВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ	
<b>Крошилин Сергей Викторович</b> .....	<b>203</b>
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	
<b>Кузнецова Ольга Владимировна</b> .....	<b>211</b>
РОЛЬ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СТРАНЫ	
<b>Курнатов Михаил Юрьевич</b> .....	<b>217</b>
МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕОРИИ БОЛЬШИХ ВОЛН Н.Д. КОНДРАТЬЕВА ДЛЯ ПРЕДСТОЯЩЕГО НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА	
<b>Латков Андрей Владимирович</b> .....	<b>220</b>
К ВОПРОСУ ОБ ИНДИКАТОРАХ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	
<b>Лачина Татьяна Александровна</b> .....	<b>225</b>
<b>Чистяков Максим Сергеевич</b> КЛАСТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	
<b>Мазур Юлия Александровна</b> .....	<b>229</b>
ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<b>Макар Светлана Владимировна</b> .....	<b>234</b>
КЛЮЧЕВЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ: СОВРЕМЕННЫЕ АКЦЕНТЫ	
<b>Малахова Татьяна Сергеевна</b> .....	<b>237</b>
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЕАЭС НА РЕАЛИЗАЦИЮ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<b>Малкин Иосиф Гилевич</b> .....	<b>240</b>
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ НОВОЙ НООСФЕРНОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ	
<b>Машенко Юлия Александровна</b> .....	<b>246</b>
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ	

<b>Медведева Елена Ильинична</b> .....	<b>252</b>
РОЛЬ СЕМЬИ И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОКА ПОДМОСКОВЬЯ)	
<b>Мельникова Татьяна Борисовна</b> .....	<b>261</b>
УДАЛЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<b>Миронова Лариса Владимировна</b> .....	<b>266</b>
НОВЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НАЧАЛО ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ЭРЫ	
<b>Наумов Сергей Николаевич</b> .....	<b>272</b>
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<b>Никоноров Сергей Михайлович</b> .....	<b>278</b>
<b>Папенков Константин Владимирович</b> <b>Ситкина Кира Сергеевна</b> <b>Кривичев Александр Иванович</b> <b>Лебедев Александр Валерьевич</b>	
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ РЕЙТИНГА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ И КОМПАНИЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ	
<b>Никулина Ольга Валерьевна</b> .....	<b>285</b>
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	
<b>Одинцова Александра Владимировна</b> .....	<b>289</b>
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ	
<b>Огарков Сергей Анатольевич</b> .....	<b>295</b>
<b>Огарков Анатолий Прокопьевич</b>	
МЕХАНИЗМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	
<b>Орешенков Александр Александрович</b> .....	<b>301</b>
ТЕХНОЛОГИИ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ	
<b>Орлова Анжелика Феликсовна</b> .....	<b>307</b>
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОСНОВНОЙ ТРЕНД ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<b>Погребинская Екатерина Александровна</b> .....	<b>310</b>
<b>Сидоренко Валентина Николаевна</b>	
ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССОВ САМООРГАНИЗАЦИИ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ	
<b>Плисецкий Евгений Леонидович</b> .....	<b>315</b>
<b>Шедько Юрий Николаевич</b>	
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ НОВОГО ОСВОЕНИЯ	
<b>Попова Екатерина Витальевна</b> .....	<b>320</b>

---

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ КАК ПРЕЕМНИК ГЕНЕРАЛЬНОЙ СХЕМЫ РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СССР (ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)	
<b>Рабкин Сергей Владимирович</b> .....	<b>325</b>
ТРАНСПОРТНАЯ ДОСТУПНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	
<b>Румянцева Светлана Юрьевна</b> .....	<b>328</b>
ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ	
<b>Савойская Елена Васильевна</b> .....	<b>338</b>
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	
<b>Симонян Ренальд Хикарович</b> .....	<b>345</b>
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 1990-х ГОДОВ	
<b>Смелик Надежда Леонидовна</b> .....	<b>350</b>
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СДВИГИ В МАТЕРИАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	
<b>Соболев Эдуард Неньевич</b> .....	<b>354</b>
МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОПЛАТЕ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ	
<b>Сорокина Наталья Юрьевна</b> .....	<b>359</b>
ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	
<b>Старостин Александр Михайлович</b> .....	<b>364</b>
<b>Швец Лариса Георгиевна</b> ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ГЛОКАЛИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<b>Степанов Никита Сергеевич</b> .....	<b>372</b>
<b>Соколовская Елена Анатольевна</b> ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	
<b>Стрекалова Анастасия Сергеевна</b> .....	<b>377</b>
ПОТЕНЦИАЛ МАРКЕТИНГА ТЕРРИТОРИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ	
<b>Сухотин Алексей Борисович</b> .....	<b>382</b>
<b>Чернова Лариса Сергеевна</b> РЕЗЕРВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ	
<b>Трофимова Ольга Ефимовна</b> .....	<b>387</b>
РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ	
<b>Турсунмухамедов Искандер Гайратович</b> .....	<b>393</b>
ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)	
<b>Федоров Николай Юрьевич</b> .....	<b>397</b>
ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ДИНАМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	

<b>Хосроева Наталья Ильинична</b> .....	<b>404</b>
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	
<b>Цикин Алексей Максимович</b> .....	<b>410</b>
ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
<b>Цукерман Вячеслав Александрович</b> .....	<b>418</b>
<b>Горячевская Елена Сергеевна</b> О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ	
<b>Черноуцан Елена Михайловна</b> .....	<b>424</b>
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ФРАНЦИИ: ОПЫТ ПОЛЮСОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ	
<b>Швецов Александр Николаевич</b> .....	<b>430</b>
СИСТЕМНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, ИНСТРУМЕНТЫ	
<b>Щапова Юлия Леонидовна</b> .....	<b>435</b>
<b>Гринченко Сергей Николаевич</b> ЗАКОНЫ ГАРМОНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: МОДЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	
<b>Ягуткин Сергей Михайлович</b> .....	<b>440</b>
<b>Ягуткина Екатерина Сергеевна</b> НЕЙРОНОМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕПОПУЛЯЦИОННОГО РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ДЕЛОВЫХ ЦИКЛОВ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА	
<b>Ягуткина Екатерина Сергеевна</b> .....	<b>445</b>
РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ, ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ЗАСЕЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ	
<b>Ярашева Азиза Викторовна</b> .....	<b>449</b>
МАКРОРЕГИОНЫ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ	



**Акаев Аскар Акаевич**

*иностраннный член РАН*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,*

*г.Москва*

**Давыдова Ольга Игоревна**

*ООО «АйДесайд Консалтинг»*

*г. Королев*

*davydova.olga.msk@gmail.com*

**Кирилук Игорь Леонидович**

*Институт экономики РАН*

*г.Москва*

*igokir@rambler.ru*

**Малков Артемий Сергеевич**

*кандидат физико-математических наук*

*ООО «АйДесайд Консалтинг»*

*г. Королев*

*as@malkov.org*

**Малков Сергей Юрьевич**

*доктор технических наук, профессор*

*Институт экономики РАН*

*г.Москва*

*s@malkov.org*

**Шульгин Сергей Георгиевич**

*кандидат экономических наук*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы*

*г.Москва*

*sergey@shulgin.ru*

## **ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТА ПО РАЗВИТИЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

*Работа выполнена при поддержке РНФ (проект №14-11-00634)*

**Аннотация.** Рассматривается российский и зарубежный опыт оценки эффективности железнодорожных проектов с использованием математического моделирования. Обосновывается перспективность развития железных дорог Сибири и Дальнего Востока для российской экономики.

**Ключевые слова:** транссибирская магистраль, байкало-амурская магистраль, эффективность инвестиционных проектов, математическое моделирование, экономическая география

Увеличение пропускной способности Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, строительство новых участков железных дорог, создание высокоскоростных магистралей, другие направления развития железнодорожной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем востоке имеют для России как важное экономическое, так и принципиальное геополитическое значение. Экономический потенциал Сибири и Дальнего Востока в настоящее время используется малоэффективно в том числе, из за дефицита транспортной инфраструктуры. Кроме того, для России выгодно использовать своё географическое положение между экономически развитыми странами Европы и Азии и выступать посредником между ними, в том числе, в области железнодорожных перевозок.

Большой размер территории страны, необходимость сделать железнодорожные перевозки конкурентоспособными с морским транспортом (сейчас морской транспорт доминирует в силу более низкой стоимости перевозок, а по железным дорогам перевозится всего лишь 0.5% общего товаропотока между странами Европы и Дальнего Востока), большой потенциал транзитных перевозок делают особо актуальным увеличение скорости передвижения железнодорожного транспорта. Эта тема затрагивается в выступлениях президента России В.В.Путина: "Мы с удовольствием поддержим высокоскоростное движение или скоростное движение от Китая в Западную Европу через Россию, мы в разы увеличим скорость движения грузов по железной дороге. И грузов, и пассажиров" [1].

В этой связи ОАО РЖД разрабатывается, например, проект «Транссиб за 7 суток» (то есть, проект, предполагающий предполагающий увеличение скорости поездов до скоростей порядка 55,3 км/ч для доставки контейнеров). Также постепенно вводится в эксплуатацию высокоскоростной пассажирский транспорт, например, поезда «Сапсан», развивающие скорости до 200 км/ч. Но пока они используются только в европейской части России. Однако, в разных официальных источниках обсуждаются перспективы строительства высокоскоростных железных дорог в первую очередь в окрестности крупных сибирских городов, таких, как Новосибирск, Омск, Томск, или железных дорог, связывающих Владивосток с Хабаровском, или Харбином. Причём, в строительстве высокоскоростной магистрали Харбин — Владивосток заинтересован Китай [2].

Большой потенциал может иметь внедрение в использование поездов на магнитной подушке (маглев), которые в перспективе могли бы составить достойную конкуренцию авиаперевозкам. На данный момент лидером в практическом использовании этого вида высокоскоростного транспорта является ближайший сосед России — Китай, на экономику которого развитие российской транспортной инфраструктуры могло бы оказать существенное воздействие. Функционирующий в Шанхае Маглев разгоняется до скорости 431 км/ч.

В рамках Петербургского международного экономического форума с участием министра транспорта России Максима Соколова обсуждался проект строительства Hyperloop - сверхскоростной вакуумной транспортной системы, предложенной американским изобретателем Илоном Маском, на участке от границы КНР до посёлка Зарубино в Приморском крае. В случае успешной реализации проекта этот поезд сможет разогнаться до 1200 км/ч [3].

Осуществляемые и планируемые проекты развития железных дорог затратны и медленно окупаются. Поэтому, важную роль играют разработка и использование количественных методов оценки перспективности такого рода проектов, с использованием как разработок российских учёных, так и аналогичного опыта других стран. В данной работе из многочисленных публикаций, посвящённых оценке эффективности инвестиционных проектов развития железных дорог, в том числе, в восточной части России, мы в первую очередь упоминаем те, где используются передовые методы математического моделирования.

Относительно простым способом оценки коммерческой эффективности конкретных проектов (их прибыльности для инвесторов) является планирование денежных потоков (Cash Flow), характеризующих финансовый аспект развития проектов, и вычисление широко используемых в теории инвестирования показателей:

- совокупный объем доходов от реализации проекта;
- совокупный денежный поток и дисконтированный денежный поток по всем проектам;
- период окупаемости (PP) по совокупному дисконтированному денежному потоку для всех проектов;
- чистая приведенная стоимость (Net Present Value, NPV), интерпретируемая как общая прибыль для инвестора;

- внутренняя норма доходности (Internal Rate of Return, IRR) - процентная ставка, при которой NPV равна нулю.

Но этот подход не учитывает разнообразное влияние крупномасштабных проектов на экономику стран и регионов в целом. В странах, где уже достаточно развита транспортная инфраструктура, создание новых железнодорожных путей представляет больше интерес для инвесторов, чем для государства, не сильно влияя на макроэкономику. Для России же создание новых железных дорог на востоке страны может оказать сильное влияние на экономику регионов и страны в целом. Например, в трёх регионах крайнего востока России — на Чукотке, на Камчатке и в Магаданской области железные дороги до сих пор отсутствуют, следовательно, экономический потенциал железнодорожной инфраструктуры не используется вообще. О неблагоприятной обстановке в этих регионах свидетельствует, например, то, что они по состоянию на 2016 год находятся в десятке последних мест в стране по ожидаемой продолжительности жизни населения, и например, для Чукотки, занимающей предпоследнее место, этот показатель более, чем на 13 лет отличается от московского [4]. Последнее же место занимает республика Тыва, где также до сих пор отсутствуют железные дороги, хотя существует проект строительства железной дороги Курагино — Кызыл, который участвовал как объект в наших расчётах.

Исходя из сказанного, при математическом моделировании рассматриваемых нами проектов особенно важно учитывать не только коммерческую эффективность для инвесторов, но и бюджетную эффективность и экономическую эффективность для регионов и страны с учётом разного рода косвенных и мультипликативных эффектов. Например, нужен учёт воздействия на экологию, на демографическую ситуацию, на культуру, на политическую обстановку, на человеческий капитал. Для этого также разработан ряд методов.

В разных странах накоплен существенный опыт применения вычислимых моделей общего равновесия (Computable general equilibrium, сокращённо - CGE моделей). Эти модели, имеющие истоки, например, в модели Л. Вальраса и в методе «затраты-выпуск» нобелевского лауреата В. Леонтьева, использующие численные методы оптимизации, представлены в настоящее время в разнообразных вариантах. Они применяются для количественной оценки последствий различных воздействий на экономику. Применительно к моделированию влияния на макроэкономику изменений транспортной инфраструктуры они используются с 1990-х годов [5].

В различных современных моделях, с помощью которых делаются количественные оценки воздействия транспортной инфраструктуры на макроэкономическое развитие, заложены концепции направления, обобщённого в первую очередь в работах нобелевского лауреата Пола Кругмана и называемого Новой экономической географией [6]. В рамках этого направления рассматривается пространственное развитие регионов с учётом явлений возрастающей отдачи от масштаба производства, монополистической конкуренции, ряда других эффектов. Эти эффекты следует учитывать и при оценке перспектив воздействия развития железнодорожной инфраструктуры. При этом надо также учитывать, что модели новой экономической географии разработаны на основании исследования регионов, существенно отличных от России, имеющих более мягкий климат, более плотно и равномерно по территории проживающее население, другие отличия.

Россия же со своими богатыми ресурсами на крупных, мало освоенных территориях и со стратегически выгодным расположением до сих пор населена неоднородно по территории и при этом пока не входит в число передовых стран по уровню жизни населения.

В России есть свои традиции разработки математического моделирования в области экономической географии. К таковым относятся, например, оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели (ОМММ) [7]. У истоков этого направления моделирования стоит академик РАН А.Г. Гранберг. Сейчас эти модели развивают в институте экономики и организации промышленного производства сибирского отделения



РАН, находящегося в Новосибирске. В ОМММ учитываются баланс между отраслями каждого региона, интересы регионов, баланс интересов между регионами, с учётом интересов страны в целом, в том числе, интереса страны к выравниванию уровня жизни в регионах [8].

Опыт разработки CGE – моделей для Российской экономики имеется у сотрудников Центрального экономико-математического института. Также ими используется агент-ориентированное моделирование для анализа последствий реализации крупных инфраструктурных проектов (в том числе, ими осуществлена численная имитация продвигаемого Китаем проекта «Новый шёлковый путь») [9].

В разработке прогнозов и стратегий для железнодорожной отрасли активно участвуют также Совет по изучению производительных сил (СОПС) при РАН и Министерстве экономического развития России, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Акционерное общество «Институт экономики и развития транспорта» (АО «ИЭРТ»), Высшая школа экономики, другие организации.

Нашим коллективом также разработан ряд моделей, позволяющих учитывать воздействие инфраструктурных проектов на экономику стран. Нами сравниваются разные подходы, оцениваются их сильные и слабые стороны, возможности их синтеза для улучшения качества оценок. В частности, используются методы синергетики, эконофизики, продолжающие исследования российского учёного Д.С. Чернавского [10], накоплен опыт в оценке производственных функций и в исследовании феномена возрастающей отдачи, а также опыт моделирования товаропотоков с использованием уравнений в частных производных [11]. Принципиальной особенностью эконофизического подхода является то, что в нём естественным образом учитываются нелинейные экономические процессы и их неравновесная динамика. Адекватность описания процессов изменений, вызываемых масштабными инфраструктурными проектами в российских условиях, с учётом предстоящего перехода страны от состояния жёсткой ресурсозависимости на инновационный путь развития в рамках равновестного подхода представляется не вполне надёжной, хотя в рамках подхода, основанного на концепции общего экономического равновесия разными исследователями накоплен значительный опыт и отработан учёт различных экономических эффектов, поэтому, расчёты этим способом нами также были проведены.

Разрабатываемые модели должны быть согласованы со стратегическими документами разных уровней иерархии, разработанными министерством экономического развития [12-13], другими организациями государственного, региональных, отраслевых уровней (например, со стратегиями развития регионов, стратегией развития транспорта [14], в том числе, железнодорожного [15], стратегией развития и прочей нормативной документацией ОАО РЖД [16]). Частота упоминаний конкретных проектов в стратегических документах, на официальных сайтах, в посланиях президента Российской Федерации и в интервью высокопоставленных чиновников свидетельствует о шансах на их реализацию в ближайшем будущем. При работе с документами и официальными сайтами важно также учитывать, что стратегии, планы и прогнозы часто обновляются, корректируются, и важно стараться использовать в моделях наиболее актуальную информацию. В свою очередь, результаты моделирования можно будет применять при создании новых прогнозов, стратегий развития, территориальных схем планирования, федеральных целевых программ и других официальных документов, используемых в том числе при создании и реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов. Российская территория имеет потенциал для реализации в долгосрочной перспективе мегапроектов, таких, как строительство железных дорог, соединяющих Россию с Америкой через Берингов пролив, с Японией через Сахалин, которые могут оказать ещё большее влияние на экономическую ситуацию в России и в странах, являющихся её экономическими партнёрами.

На основе статистических данных, характеризующих реализуемые в настоящее время и в ближайшие годы проекты строительства и совершенствования железных дорог,

особенности регионов, через которые проходят эти дороги, в том числе, месторождений природных ресурсов, расположенных в этих регионах, для рентабельной добычи которых нужны возможности железнодорожной транспортировки, нами сделан ряд оценок коммерческой эффективности и экономической эффективности (для отдельных регионов и для страны в целом) ряда железнодорожных проектов, показана значительная степень их совокупного влияния на ВВП. Также рассчитывалось количество создаваемых благодаря проектам рабочих мест. В качестве источника данных о проектах использовались в первую очередь инвестиционные порталы регионов Сибири и Дальнего Востока, а также новости на официальных новостных сайтах с описанием конкретных проектов. Для оценки потенциала влияния проектов на мезоэкономические и макроэкономические показатели привлекались данные Федеральной службы государственной статистики (ВРП, численность населения), в том числе, прогнозные [4]. Цены на полезные ископаемые прогнозировались с учётом данных международной статистики.

В исследовании учитывались текущие, или запланированные на ближайшие годы достаточно крупные по объёму необходимых инвестиций проекты, требующие для своей реализации развития эффективной железнодорожной инфраструктуры (то есть, за пределами исследования остались, например, проекты, связанные с добычей нефти и газа, транспортируемых, соответственно, по нефтепроводам и газопроводам). При этом расчёты проводились не только для проектов, связанных с добычей природных ресурсов, но и для проектов, связанных с их обработкой, с производством товаров.

Проведённые нами количественные исследования подтвердили высокую перспективность дальнейшего развития железных дорог Сибири и Дальнего Востока как транзитного коридора китайского проекта «Один пояс - один путь» (Новый шелковый путь). На основе разработанной модели пространственных торговых потоков проведены прогнозные расчеты передвижения товаров по торгово-транспортным коридорам Нового шелкового пути для нескольких сценариев. Показано, что России целесообразно активно участвовать в создании коридоров, проходящих через российскую территорию, для чего нужна глубокая модернизация Транссиба и БАМа. При этом проект Нового шелкового пути может быть эффективно использован для ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока, он будет способствовать созданию на востоке страны современного экономического пояса высокотехнологичных и наукоемких производств, начиная от добычи полезных ископаемых и заканчивая изготовлением товаров с высокой добавленной стоимостью.

В итоге макроэкономическое моделирование показало, что с учетом прямых и косвенных эффектов модернизация Транссиба и БАМа приведет к дополнительному увеличению ВВП РФ в начале 2020-х годов на 1,5% по отношению к базовому сценарию без такой модернизации, в середине 2020-х годов - на 2,5%, к концу 2020-х годов – на 3,2%. Это дополнительное увеличение ВВП позволит выйти на темпы роста экономики России, превышающие среднемировые. В случае строительства высокоскоростной магистрали (с максимальной скоростью поездов на линии от 200 км/час и выше) произойдет качественный рост связности российской территории, сибирские и дальневосточные регионы в полной мере интегрируются в единое экономико-социальное пространство новейшей России, население этих регионов дополнительно увеличится на несколько миллионов человек. Объем транзитных перевозок из тихоокеанского региона в Европу возрастет в 5 раз, Россия станет ключевым звеном в мировой транспортной сети, качественно повысится ее роль как геополитического, политического, экономического, культурного моста между Западной Европой и быстро развивающимися странами АТЭС [17].

Работа выполнена при поддержке РНФ (проект №14-11-00634), авторы благодарят Билюгу С.Э., Дейс А.С., Коротаева А.В., Старикова И. В., Старкова Н.И., Шульгина А.Г. за плодотворное сотрудничество.

## Литература:

1. Эксперт: электронный ресурс [http://expert.ru/2017/12/14/predvyibornaya-programma-  
vladimira-putina/](http://expert.ru/2017/12/14/predvyibornaya-programma-vladimira-putina/).
2. Китай настроился на скорость. China Railway предлагает связать за 1 триллион рублей Владивосток и Харбин. [https://www.eastrussia.ru/material/kitay-nastroilsya-na-  
skorost/](https://www.eastrussia.ru/material/kitay-nastroilsya-na-skorost/)
3. Первую российскую ветку Hyperloop предложили проложить от Зарубино до Китая. <https://lenta.ru/news/2016/06/16/hyperloop3/>
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.
5. Named Shahrokhi Shahraki & Chris Bachmann (2018): Designing computable general equilibrium models for transportation applications, Transport Reviews, DOI: 10.1080/01441647.2018.1426651
6. Paul Krugman, "Increasing Returns and Economic Geography," Journal of Political Economy 99, no. 3 (Jun., 1991): 483-499.
7. Гранберг А.Г., Селиверстов В.Е., Суслов В.И. и др. Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1989. - 257 с.
8. Суслов В. И. (2011) Анализ и прогнозирование пространственного экономического развития России с использованием межотраслевых моделей // Управленческое консультирование. № 3. С. 93-105
9. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. Агент-ориентированная модель Евразии и имитация реализации крупных инфраструктурных проектов // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1102-1116
10. Д.С. Чернавский, Н. И. Старков, А. В. Щербаков. О проблемах физической экономики. УФН, 172:9 (2002), 1045–1066; Phys. Usp., 45:9 (2002), 977–997.
11. Малков А.С. О математическом моделировании товаропотоков. Препринт Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, 2005, № 11.
12. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р).
13. Прогноз долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (Министерство экономического развития Российской Федерации, Москва Март, 2013).
14. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. N 1734-р).
15. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 877-р).
16. Постников С.Б. О стратегическом планировании в ОАО «РЖД» // Бюллетень Объединенного ученого совета ОАО «РЖД», 2015, №4, с. 23-30.
17. Садовничий В.А., Осипов Г.В., Акаев А.А., Малков А.С., Шульгин С.Г. Социально-экономическая эффективность развития железнодорожной сети Сибири и Дальнего востока. Математическое моделирование и прогноз // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 3. — С. 758-777.

**Алинов Махсат Шарапатович**  
кандидат экономических наук, профессор  
Казахский национальный университет им. аль-Фараби  
Казахстан, Алматы  
amhесonot@mail.ru

## НАСЛЕДИЕ ЭКСПО-2017: ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ ВОСТРЕБОВАННЫЕ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ РОССИИ

**Аннотация.** Анализируется общее состояние загрязненности территорий и поселений России бытовыми и коммунальными отходами и предлагаются методы и пути решения проблемы в виде рекомендаций для федеральных и местных органов власти, а также формы работы с населением. Приводится комплекс мер, подготовленных Правительством для планомерной работы в долгосрочном периоде по решению проблемы отходов регионами страны. Экологические проблемы отходов в масштабе страны рассматриваются в контексте исследований международных экспертов (Германия, Греция). Во второй части статьи дается обзор лучших практик инновационных технологий стран мира, продемонстрированных на всемирной выставке ЭКСПО-2017 в Астане, которые могут быть интегрированы для применения в условиях России. В предлагаемых зарубежных проектах выявлены важные технологические преимущества, важные для использования в регионах и специализированных предприятиях и компаниях, т.е. пути вовлечения бизнеса в этот важный государственный проект.

**Ключевые слова:** твердые бытовые отходы, экология регионов, инновационные технологии, ЭКСПО-2017, государственная программа

По заключению ученого из Евросоюза, международного консультанта по устойчивому городскому развитию и соучредителя World Future Council Герберта Жирарде, определившего образ городских агломераций будущего, сейчас мы живем в эпоху «Петрополиса», когда городское население составляет 55% мирового населения и, как ожидается, достигнет 70–80% в последующие десятилетия. Наше будущее — город под названием «Экополис» — город, где все отходы будут переработаны и возвращены обратно в цикл. И главную роль здесь будет играть технология переработки, которая поможет выработать биологические и технические отходы [1].

Как известно, президент России Владимир Путин объявив 2017 год Годом экологии, поставил задачу — привлечь внимание к проблемным вопросам, существующим в экологической сфере, и улучшить состояние экологической безопасности страны. Среди наиболее острых проблем экологии, затрагивающих все регионы и города проживания наряду с проблемами чрезвычайно высокого уровня загрязнения атмосферных слоев и водных ресурсов, были названы растущие экологические угрозы накопления бытовых и коммунальных отходов [2]. Масштабы и острота объемов бытовых отходов определяется прежде всего территориальным фактором, количеством населенных пунктов по всей огромной стране на площади 17 100 тыс. кв. км, где только городских поселений насчитывается 1110 ед.

По статистике сегодня в России накоплено около 100 миллиардов тонн бытовых и производственных отходов, которые занимают порядка четырёх миллионов гектар. Количество стихийных свалок в России — свыше 20 тысяч, в среднем на каждого жителя России приходится 400 кг твердых бытовых отходов в год. Уровень утилизации твердых коммунальных отходов – 8% и лишь 13% сточных вод подвергаются нормативной очистке [3]. Результаты различных исследований свидетельствуют о том, около 60% населения страны указывают на неблагоприятную экологическую обстановку и необходимость очищения мест проживания [4]. Единственный выход — это переработка отходов и утилизация. Предприятий, которые занимаются утилизацией или переработкой отходов,

действует в стране крайне недостаточно. Задачи поставлены масштабные — от ликвидации нелегальных свалок и введения системы сбора ртутьсодержащего мусора и батареек до переоснащения производств и внедрения «зелёных» технологий. Правительством планировалось, что уже с 1 января 2017 года мусор будут собирать, перевозить, обрабатывать и утилизировать с учётом видов и классов опасности отходов, их объёма, происхождения и других факторов [4]. К сожалению, многие регионы к «мусорной революции» оказались не готовы, из-за чего переход на новую систему отложили до 1 января 2019 года. В 2017 году реформа запущена только в отдельно взятых 12 пилотных регионах, где намечено построить всего лишь 6 мусороперерабатывающих и 6 мусоросжигательных заводов.

Глобальная экологическая ситуация мусора в России не решается еще на самых первых этапах утилизации. В большинстве российских городов во дворах стоят контейнеры, в которые сбрасываются все остатки, накопившиеся дома. Мы не привыкли сортировать отходы, как это делают жители западных стран, что негативно сказывается на дальнейшем процессе утилизации и переработки. В идеале, в жилых районах должны устанавливаться контейнеры для стекла, пластика, алюминия. Также должна налаживаться система сбора макулатуры и металлолома. Раздельный сбор позволяет максимально использовать возможности вторичной переработки, снижая риски загрязнения. Проблема вредного мусора в современном мире требует скорейшего решения. Для этого требуется комплексный подход, затрагивающий все уровни — начиная от сортировки и заканчивая разработкой наиболее безопасных способов переработки.

Экологическая проблема отходов получила сильный толчок благодаря техническому прогрессу. Несомненно, он дал человечеству неисчислимо много, но и ситуация с утильсырьем в мире ухудшилась. За последние десятилетия на международном уровне появились множество научных исследований и новых технологий. На одном из фундаментальных исследований хотелось бы остановиться. Современный греческий архитектор К.А. Доксиадис разработал оптимальную структуру землепользования, которая по его и по нашему мнению может применяться при анализе потребностей биосферы и выработке политики природопользования при осуществлении человеческой жизнедеятельности [6]. Анализируя типы ландшафтов в общей площади территории, К.А. Доксиадис рекомендует в качестве оптимума структуру землепользования, позволяющую обеспечить как устойчивость биосферы, так и хозяйственную деятельность и быт цивилизации. В оптимальной на его взгляд структуре: 40 % площади должны составлять территории, обладающие тем или иным *заповедным* статусом, на которых хозяйственная деятельность практически полностью запрещена; 42 % — территории, посещение которых людьми признаётся допустимым *в целях отдыха и ограниченного ведения хозяйственной деятельности*, не нарушающей устойчивости биоценозов в их сложившихся границах; 10,5 % — *сельхозугодья*; 7,3 % — территории *населённых пунктов*, транспортных инфраструктур и промышленных предприятий (за исключением тяжёлой промышленности и переработки отходов); 0,2 % — площади под предприятиями *тяжёлой промышленности и переработки отходов*. Во-вторых, эта структура природопользования должна встраиваться в целостную, нормальную структуру алгоритмики государственного управления. При этом, государственное управление должно основываться, в первую очередь, на потребностях биосферы, которые в какой-то мере отражает схема природопользования, разработанная греческим исследователем. Считается, что на основе схемы Доксиадиса можно выработать *биосферно-экологическую политику государства*. Одним из аспектов этой политики является определение биосферно допустимой экологической ниши, которую в каждом регионе, обладающем своим своеобразием, может занимать цивилизованное общество. А это предполагает необходимость отказа от исторически сложившегося образа жизни цивилизации путём перехода к ландшафтно-усадебной урбанизации. Это позволит поддерживать устойчивость биосферы и воспроизводство здоровых поколений, сочетать в себе удобства городского образа жизни со здоровьем сельского образа жизни. При этом

такой подход свободен от недостатков каждого из них при опоре на современные и перспективные технологии и организацию макро- и микро- уровней экономики. Это открывает возможности к выработке *демографической политики государства*. Она должна определить количественные и качественные (медико-биологические и социокультурные) показатели, которыми должно обладать население в каждом регионе, а также — допустимые параметры миграции населения между регионами. С демографической и биосферно-экологической политикой необходимо должна быть связана *инфраструктурная политика*. И только из неё вытекает *экономическая политика региона и процессы её исполнения*. После завершения определённых этапов опять следует оценка территории и корректировка биосферно-экологической политики вкуче с демографической политикой. Так цикл замыкается. Таким образом, ядром методологии достижения основной цели функционирования экономики (гарантированного удовлетворения жизненных потребностей людей и общественных институтов биосферно-безопасным способом в преемственности поколений) должна стать — комплексная *концепция устойчивого развития на основе стратегии расселения на принципах ландшафтно-усадебной урбанизации*, основы которой мы изложили выше.

Однако кардинальное решение экологических проблем напрямую зависит от деятельности представителей государственной власти. Необходимо контролировать все направления экономики, чтобы все предприятия уменьшали свое негативное воздействие на экологию. В первую очередь нужна разработка и внедрение экотехнологий. Их можно позаимствовать и у иностранных разработчиков. Значительное количество действительно инновационных образцов таких технологий стран, мира были продемонстрированы на ЭКСПО-2017 прошедшей в столице Казахстана Астане. На наш взгляд, для российской экономики в данном направлении представляет интерес ряд инновационных проектов.

**В Швеции**, где предприятия имеют комплексные инфраструктурные решения в области энергоэффективности, биоэнергетики и управления отходами. Здесь не менее 95% бытового мусора можно использовать для генерации энергии и выработки вторсырья, 75% всего мусора пригодны для последующего рециклирования. В стране на свалку идет лишь малая толика от всего мусора – большая же часть перерабатываемой доли мусора сжигается, при этом процессе вырабатываются тепло и электричество, а в случае органических отходов получается биогаз. Продукция таких компаний, как Volvo Trucks, SKF, Vireo Energy и Presona доказывает, что использование шведских инноваций помогает сохранить природу и бережней относиться к ее неограниченным ресурсам.

**Италия** демонстрирует CMD ECO20 - систему микро-ТЭЦ, работающей на синтез-газе, создаваемой пирогазификацией древесных отходов биомассы. Система может производить до 20 электрических кВт и 40 кВт тепловой энергии, используя деревянные отходы как уникальный источник топлива. Основными древесными отходами, используемыми для пирогазификации, являются: отходы лесного хозяйства, побеги виноградной лозы, обрезка, ореховые скорлупы, скорлупы кокосовых орехов, раковины фундука, раковины каштана, раковины миндаля, оливковые ямы, ягоды абрикоса, ямы персика, стебли табака, стебли кукурузы, остатки тростника. Система отопления Polarsol легко масштабируется для объектов разного размера и назначения. В дополнение к односемейным домам имеются решения для гостиниц и баз отдыха, многоэтажные многоквартирные дома, промышленные объекты, пивоваренные заводы и т. д. Аналогичную технологию представили на выставке разработчики из Израиля (**HomeBiogas**), здесь система преобразует бытовые органические отходы в чистый газ для приготовления пищи и натуральных жидких удобрений. В качестве исходных ресурсов можно использоваться кухонные отходы и навоз.

В павильоне **Франции** были представлены технологии по преобразованию мусора в энергию, способную обогреть 300 тыс. семей, а также произвести биопластик на базе углекислого газа, выделяемого во время процесса горения, также промышленного производства метана из отходов, полученных в результате очистки сточных вод.

**Чешская Республика** продемонстрировала Комплекс технологических решений для производства топлива, э/энергии и тепла из отходов: шины и отходы из резины, сельхозотходы, биомасса, бытовые отходы, пластмасса, шланги из очистительных сооружений, загрязненные почвы. Решение PTR в сочетании с модулем энергия-когенерация позволяет создать полностью автономные системы, независимые от внешних поставок энергии. Для обеспечения бесперебойной работы при производстве э/энергии (24МВтЧ/сут) установка PTR перерабатывает ежедневно 36 тонн гранулата из шин. Установленная электрическая мощность 1МВт электроэнергии.

**Венгрия** представила Тепловой насос Термоватт. Предварительно очищенные стоки подаются на тепловой насос, там температура воды повышается, и тепловая энергия передается теплоносителю системы отопления, при этом, осадки и отфильтрованные стоки возвращаются в канализационную систему, без запаха, и нет опасных побочных отходов. Таким образом, преимущества тепловых насосов, использующих тепло сточных вод, следующие: низкие эксплуатационные расходы, быстрый и простой монтаж, минимальная площадь земельного участка для установки, простая система мониторинга, дистанционное управление и охрана окружающей среды – поскольку топливо не сжигается, вредные вещества и CO<sub>2</sub> не образуются.

Уникальный проект представила компания PLATO из **Венгрии**. Экологичное дорожное покрытие, произведенное из пластиковых отходов генерирует электричество, как солнечная панель или кинетическая панель (от веса пешеходов и автомобилей), заменяя провода, по которым передается выработанное электричество.

**Итальянская** компания Greenrail продемонстрировала запатентованные солнечные шпалы, которые имеют внутреннее ядро из преднапряженного бетона и внешнюю оболочку из переработанного пластика и резины от вышедших из употребления шин (ELT). Эта композиция позволяет повторно использовать 35 тонн отходов на каждый километр железнодорожной линии. Один километр железнодорожных линий, оборудованных нашими шпалами, дает до 150 кВт.ч.

В сфере строительства и ЖКХ - это технологии компании «Veolia» (**Франция**) по очистке сточных вод и по доочистке воды. Технология позволит получать воду, которую можно использовать повторно для ирригации, пополнения запасов грунтовых вод или для городских нужд, а кроме того производить удобрения, питательные вещества, генерировать тепловую и электроэнергию.

В некоторых странах переработка мусора и использование её продуктов достигли самого высокого уровня. Например, в **Японии** в качестве макулатуры используют даже билеты метро и другого транспорта. В России, к сожалению, проблему утилизации решают хуже, процент переработанных отходов составляет лишь 4 % от всего мусорного объема страны.

Компания Free the Seed **Малайзия** предлагает похожую на привычный пластик биоразлагаемую упаковку, одноразовую посуду и контейнеры, сделанные из рисовой соломы. Биоразлагаемые упаковки – будущее промышленности и лучшая альтернатива использованию пластика, который является типичным источником загрязнения воды, почвы, а также причиной смерти животных. Упаковка из биологических отходов решает сразу две проблемы – утилизация самих отходов и производство безопасной упаковки.

Минприроды планирует создать «народную» карту свалок — веб-ресурс, где можно будет отметить местоположение бесконтрольного мусорного полигона и проследить, как идет его устранение, а также сообщить о нелегальной свалке можно будет онлайн. Но решит ли это столь серьезную экологическую проблему?

### **Заключение**

Эти и другие экспозиции технологий стран, мира продемонстрированные на ЭКСПО-2017 прошедшей в казахстанской Астане, несомненно, представят интерес для городов и регионов России, где проблемы экологии отходов производства и потребления представляют национальную актуальность. По статистке сегодня в России накоплено около 100

миллиардов тонн бытовых и производственных отходов, которые занимают порядка четырёх миллионов гектар. Уровень утилизации твердых коммунальных отходов – 8%. В сфере очистки сточных вод: лишь 13% из них подвергаются нормативной очистке. Два года назад был принят закон, согласно которому формирование в каждом регионе прозрачной системы оборота твердых коммунальных отходов. С этой целью в 82 регионах России утверждены территориальные схемы. Этот документ предусматривает объективную оценку объемов образования отходов, порядок управления их трафиком.

#### **Литература:**

1. Herbert Girardet. Городах люди планеты: качества жизни в городах для устойчивого мира, Вайли, ИСБН 0-470-85284-4 - (2008).
2. 5 января 2016 года Президент России Владимир Путин подписал Указ «О проведении Года экологии в 2017 году».
3. Программа модернизации системы управления твердыми бытовыми отходами на 2014 - 2050 годы в России. 2013, Москва.
4. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. 25 ноября 2016 года. Москва, Кремль.
5. Эколого-экономический индекс регионов РФ. WWF России, РИА Новости при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Москва, 2012.
6. С. Doxiadis. Marriage between Nature and City, International Wildlife, v.4, no.1, January/February 1974.  
[http://www.doxiadis.org/Downloads/marriage\\_between\\_nature\\_and\\_city.pdf](http://www.doxiadis.org/Downloads/marriage_between_nature_and_city.pdf).

**Амосов Александр Ильич**  
доктор экономических наук, академик РАН  
Институт экономики РАН  
Москва, Россия  
[genesis1943@mail.ru](mailto:genesis1943@mail.ru)

## **О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00288 «Согласование структурных и институциональных преобразований в экономике страны в ближайшие годы и в долгосрочной перспективе»*

**Аннотация.** Для осуществления проектов развития территорий требуется увеличить доходы и расходы бюджета до уровня СССР. Это можно сделать за счет восстановления предприятий легкой и пищевой промышленности, а также других видов деятельности. В настоящее время с учетом потенциала увеличения доходов сотен тысяч предприятий и организаций в сельской местности и в малых городах можно сказать, что развитие территорий может стать основным источником многократного увеличения доходов и расходов бюджета страны. Развитие территориального потенциала позволит обеспечить занятость для десятков миллионов жителей страны.

**Ключевые слова:** проекты развития территорий социально-экономические системы

Развитие территорий подчиняется тем же закономерностям, как и развитие других сложных социально-экономических или природных систем. Так в живых организмах за своевременным принятием мер по реализации функций роста и развития следят особые



управленческие органы. Более того, в процессе управления развитием отдельного организма реализуются сложнейшие генетические программы. Указанные программы выполняются, как бы автоматически, то есть без осознания этих процессов насекомым, человеком или деревом, вырастающим из крошечного семени.

По определению Аристотеля «человек по природе своей есть существо политическое» [1, С.14]. В силу этого рост и развитие производительных сил и производственных отношений осуществляется отнюдь не автоматически, а на основе осознанного познания окружающей среды и развития мышления. При формировании и развитии культур, цивилизаций, законодательства, органов управления обществом и государством на смену природным генетическим программам пришло сознательное планирование и управление человеческой деятельностью.

По мере освоения методов сознательного планирования и управления происходили прогрессивные изменения в социальной сфере и в технологиях. В последние несколько столетий развитие науки и техники позволило осуществлять сначала промышленные, а затем научно-технические революции. Революционные преобразования привели к сверхускорению процессов общественной эволюции. В условиях сверхускорения общественной эволюции наметилось отставание в совершенствовании планирования и управления от потребностей объективной оценки негативных последствий перманентных революционных преобразований всего и вся.

Более подробно о последствиях сверхускорения общественной эволюции говорится в монографии автора. [2] Здесь же применительно к развитию территорий мы лишь отметим, что человечество, находясь на вершине всех пищевых и ресурсных экологических цепочек, до сих пор не выработало механизмов по сохранению окружающей среды. В вопросе использования территорий современное человечество ушло недалеко от саранчи, у которой есть только один способ остановить непомерное поедание кормовых ресурсов – гибель основной массы популяции.

В нашей стране наиболее крупные проекты по развитию территорий были осуществлены при реализации планов размещения производительных сил в СССР. Советский Союз стал второй сверхдержавой мира в суровых условиях Великой отечественной войны в 1943 г. Именно тогда СССР превзошел Германию и оккупированные ею европейские страны по всем видам вооружений, что обеспечило сначала перелом, а затем и победу во второй мировой войне. О роли планирования в управлении свидетельствует тот факт, что в жесточайших условиях 1941-1943 гг. выдающуюся роль сыграл Госплан СССР, наделенный в то время необходимыми полномочиями по управлению экономикой. Именно Госплан СССР организовал массовую эвакуацию предприятий, вывоз оборудования, создание новых цехов и предприятий, обеспечивших к 1943 г. необходимое увеличение объемов производства вооружений и другой продукции на территориях Урала, Кузбасса и т.д. Благодаря этому в кратчайшие сроки осуществилось индустриальное развитие обширных территорий. О масштабах строительства в годы войны говорит следующий факт: в 1941-1945 гг. в стране было введено больше мощностей электростанций, чем за 20 лет «перехода к рынку» в 1992-2012 гг.

В 1987 г. в СССР был принят Закон о предприятии, который, по сути, лишил Госплан СССР функций планирования и управления. Предприятия были переведены на «три С»: самоуправление, самоокупаемость, самофинансирование. Институт экономики АН СССР выступал против принятия данного закона. В 1986 г. по результатам обсуждения проекта закона ученые нашего института направили руководству страны доклад, в котором объяснялось: при отказе от централизованного планирования индивидуальное планирование не решает проблем ни самоуправления, ни самоокупаемости, ни самофинансирования. Между тем в США и в других развитых индустриальных странах никто не собирался отказываться и не отказывался от централизованного планирования.

В США, начиная с 1920-х годов, функции «Госплана» выполняет высший законодательный орган в лице Конгресса США. По принятому Конгрессом регламенту 6

месяцев в году конгрессмены занимаются рассмотрением долгосрочных проектов и целевых программ, а также распределением бюджетных средств на отдельные проекты, программы и на другие расходы. В законодательстве США предусмотрено открытое обсуждение документов бюджетного и программно-целевого планирования с обязательным участием компетентных представителей бизнеса и научно-экспертного сообщества. Наряду с системой бюджетного и программно-целевого планирования, в США успешно функционирует высокоразвитая система стратегического планирования.

В Российской Федерации формально Закон о стратегическом планировании принят. Однако системное планирование как таковое отсутствует. Принимаемые проекты и программы не обеспечиваются необходимым финансированием. Обязательные для исполнения планы социально-экономического развития подменяются ни к чему не обязывающими прогнозами. Долгосрочные стратегии разрабатываются бессистемно и не имеют необходимого административного, законодательного и финансового обеспечения.

В декабре 2018 г. информационное агентство «РИА Новости» сообщило о том, что Минэкономразвития направило в правительство «последнюю версию стратегии пространственного развития до 2025 года». В этом документе Минэкономразвития устанавливает «перечень специализаций для регионов на ближайшие семь лет». <sup>1</sup> Из информационного сообщения трудно понять, каким образом стратегия пространственного развития в разрезе крупных регионов увязана с развитием малых и средних городов и сельских поселений. Целесообразность административного установления перечня специализаций для регионов на плановый период также вызывает вопросы и нуждается в обосновании.

Специализация каждого региона всем субъектам управления в общем известна. Она формируется исторически в зависимости от численности и плотности населения, качества рабочей силы, географического положения, развития инфраструктуры и других факторов. В последние десятилетия в связи с деиндустриализацией специализация регионов нарушилась. В процессе реиндустриализации и нового индустриального и постиндустриального развития специализация может претерпевать изменения, но это вопрос стратегического и программно-целевого планирования, а не административного утверждения перечня специализаций для распределения субсидий. В соответствии с мировой практикой стратегического и программно-целевого планирования бюджетные средства выделяются на поддержку программ по занятости, по созданию инфраструктуры и других проектов, обеспечивающих развитие данного региона с учетом его специализации. При этом коммерчески эффективные и высокорентабельные проекты не нуждаются в бюджетных субсидиях. Строительство ликеро-водочных заводов и пищевых предприятий можно вполне осуществлять и без бюджетных ассигнований, чего нельзя сказать о переходе на экологически чистые технологии сбора и переработки мусора в городских агломерациях и в сельской местности.

В этой связи употребление в проекте стратегии пространственного развития до 2025 г. понятий «эффективная» и «неэффективная» отрасль в увязке с принятием решений по выделению субсидий более «эффективным» видам деятельности не соответствует мировой практике бюджетного финансирования. За счет средств налогоплательщиков необходимо оказывать поддержку программам жилищного строительства, транспортной инфраструктуры, экологии, создания рабочих мест и т.д. [3, С.7-34]

Развитие территорий так, или иначе, связано с землепользованием. В число крупнейших землепользователей и землевладельцев в современной экономике входят, наряду с сельским и лесным хозяйством, также разведка и добыча полезных ископаемых, туристическая и курортно-санаторная деятельность, строительство, городское и дачное хозяйство, транспорт, топливно-энергетический комплекс, оборонный комплекс, индустриальные предприятия и так далее.

<sup>1</sup> Специализации регионов: <https://news.mail.ru/economics/35646951/?frommail=1&from=login> 10.12. 2018.

Начиная со времен Киевской Руси и до 1930-х годов, большинство населения на российской территории проживали в сельской местности. Формирование русской и российской цивилизации происходило в рамках традиционных семей, сохранявшихся в России до начала XX века. Урбанизация, связанная с научно-техническим и индустриальным развитием, привела к переходу от традиционной сельской семьи к нуклеарной (одноклеточной) семье. В странах Запада урбанизация началась раньше, чем в России. В XX веке страны Запада лидировали в переходе к нулевому росту численности населения. В нуклеарных городских семьях понижается жизнеспособность, ухудшаются духовные и нравственные качества новых поколений. В этой связи в XX веке в США и в западноевропейских странах активизировалась государственная политика по сохранению традиционных фермерских семей, которые рассматривались как генофонд нации.<sup>2</sup> В СССР при насильственной коллективизации были ликвидированы семейные крестьянские хозяйства, что нанесло большой ущерб отечественной цивилизации. Этот ущерб был лишь частично компенсирован при создании и развитии советской цивилизации.

Переход к индустриальному типу технико-экономического и социального развития обеспечил ведущим индустриальным странам, включая СССР высокий уровень развития науки, техники, образования и благосостояния. Это породило иллюзии ненужности цивилизационного развития и ошибочные представления о том, что наука и техника способны обеспечить прогресс во всех областях при игнорировании необходимости сохранения и приумножения главного цивилизационного ресурса человечества в виде воспроизводства физически и духовно здоровых молодых поколений населения в традиционных семьях в сельской местности.

Во второй половине и в конце XX в. чрезмерная коммерциализация технологических и социально-экономических инноваций привела к тому, что на смену достижениям научно-технического и социального прогресса пришли негативные явления. Среди них можно выделить такую негативную тенденцию, как сокращение цивилизационных ресурсов развития. В настоящее время прямую угрозу цивилизационному и территориальному развитию в России представляют проекты ускорения урбанизации страны.

На гайдаровском форуме 2017 г. бывшим министром финансов была предложена стратегия создания в стране, наряду с имеющимся московским мегаполисом, еще 5-7 подобных мегаполисов в российских регионах. Эта идея уже частично реализована без всякого экспертного обоснования в виде расширения Москвы на Московскую область. Расширение московского мегаполиса произведено вопреки «Стратегии развития города Москвы на период до 2025 года», разработанной в 2008 г. Институтом экономики РАН вместе с двадцатью проектными и научно-исследовательскими институтами г. Москвы и Академии наук. Согласно разработкам научно-экспертного сообщества, одобренным прежним правительством Москвы, предполагалось осуществить масштабный проект по сокращению населения Москвы на 4 миллиона человек и их расселению по территории Центра России. В научно обоснованной Стратегии строительство жилья увязывалось с созданием рабочих мест. Вместо этого стали возводить многоэтажные дома на территории Московской области, создавая неразрешимые проблемы для обеспечения занятости и транспортного сообщения.

Проект ликвидации в России сельских поселений и переселения сельских жителей в огромные городские агломерации разработан западными архитекторами и лоббируется не только упомянутым выше бывшим министром. Авторы и лоббисты подобных проектов замалчивают вопрос о том, чем будут заниматься десятки миллионов жителей новых городских агломераций. Торговлей наркотиками и бандитизмом, как в агломерациях Юго-Восточной Азии, или жить на социальные пособия как беженцы в Западной Европе?

---

<sup>2</sup> В начале XX века в США насчитывалось около 11 млн. фермерских хозяйств, к 1960 г. число фермеров сократилось до 3 млн. и это количество фермерских семей поддерживается государством на протяжении последующих десятилетий.

Феномен ускорения урбанизации в XIX-XX веках имел определенный позитивный смысл в связи со строительством фабрик и заводов, развитием высшего образования, науки и т.д. Однако экономия средств на природоохранных мероприятиях привела к непомерной нагрузке на окружающую среду. В последние тридцать лет урбанизация сопровождается деградацией семьи, сокращением численности физически и духовно здоровых новых поколений, упадком культуры, системы воспитания и других компонентов полноценной цивилизации.

Важное значение для оценки человеческих цивилизационных ресурсов имеет показатель соотношения городского и сельского населения. В 1913 г городское население составляло 18%, в 1940 г. этот показатель благодаря социалистической индустриализации увеличился до 33%. Тем не менее, 67% сельского населения в 1940 году оказались достаточным цивилизационным ресурсом, чтобы в 1943 г. обеспечить перелом в войне, а в 1946-1950 гг успешно осуществить послевоенное восстановление народного хозяйства.<sup>3</sup>

Накануне развала СССР в 1991 г. удельный вес городского населения РСФСР достиг 74%, соответственно доля сельского населения составила 26%.<sup>4</sup> Таким образом, у России в начале системного кризиса 1990-х годов уже не имелось резервов человеческих цивилизационных ресурсов, наблюдавшихся в прежние трудные времена. За последние десятилетия численность коренного населения большинства российских регионов постоянно сокращалась. Очевидно, что для цивилизационного и социально-экономического развития территориального потенциала России требуется проводить политику, направленную на создание миллионов рабочих мест в средних и малых городах, а также в сельской местности в российских регионах.

Для осуществления проектов развития территорий требуется увеличить доходы и расходы бюджета хотя бы до уровня СССР. Следует напомнить: в советской экономике только легкая и пищевая промышленность давали больше доходов в масштабный бюджет страны по сравнению со всем экспортом сырьевых товаров. В настоящее время с учетом потенциала увеличения доходов сотен тысяч предприятий и организаций в сельской местности и в малых городах можно сказать, что развитие территорий может стать основным источником многократного увеличения доходов и расходов бюджета страны. Развитие территориального потенциала позволит обеспечить занятость для десятков миллионов жителей страны.

#### **Список литературы:**

1. Аристотель, Политика. – М.: Эксмо, 2015.
2. Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития. – М.: Издательство ЛКИ, 2009, - 312 с.
3. Социально-экономическая стратегия России. Отв. ред. Д.Е. Сорокин. Научные доклады Института экономики РАН, том II. – М. Экономика, 2010, с.7-35.

<sup>3</sup> Народное хозяйство СССР в 1974 г. Статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1975, с.7.

<sup>4</sup> Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегодник.. – М. Госкомстат РСФСР, с.76.

**Анисимова Галина Владимировна**  
кандидат экономических наук, доцент  
Институт экономики РАН  
г. Москва  
[anisimovagalina@bk.ru](mailto:anisimovagalina@bk.ru)

## ПОЛЯРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Аннотация.** В статье показано, что в результате либеральных экономических реформ в современной России усиливается межрегиональное неравенство по уровню доходов, заработной платы и качеству жизни населения, что является серьезной угрозой распада общественного и пространственного единства. Доказана необходимость активной государственной политики регулирования регионального неравенства в целях обеспечения устойчивого развития общества и экономики страны.

**Ключевые слова:** регионы, неравенство, государственная политика

В России за годы экономических реформ сформировалось существенное межрегиональное социально-экономическое неравенство по уровню доходов и заработной плате, располагаемому человеческому и социальному капиталу. Имеются серьезные региональные различия в режимах воспроизводства населения и показателях внутренней и внешней миграции, резкая дифференциация субъектов РФ по уровню и качеству жизни населения.

Сформировавшаяся в 1990-е годы экспортно-сырьевая модель развития России расширенно воспроизводит «точечный» или «сегментный» рост отдельных регионов, подотраслей и крупных мегаполисов (где концентрируется львиная доля финансовых ресурсов). Наблюдается крайне высокий уровень дифференциации по основным социально-экономическим показателям – величине валового регионального продукта на душу населения, объему производства промышленной продукции и т.д. [1]. В результате социально-экономическая дифференциация территорий и доходное неравенство населения различных регионов становится запредельной, что означает дальнейшую дезинтеграцию единого социального пространства страны.

Как показывает анализ, в настоящее время среди регионов сформировались устойчивые полюса по уровню доходов (табл. 1). Наивысшие позиции занимают Москва, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Уровень доходов здесь в 2-3 раза выше, чем в беднейших регионах. Весьма различаются по уровню доходов и отдельные области в рамках одного региона. Так, в г. Москве в 2017 г. величина среднедушевых денежных доходов составляла более 60 тыс. руб., однако уже в 100 километрах от столицы окружающая реальность кардинально другая.

За средними показателями социально-экономического развития РФ и крупных Федеральных округов скрываются значительные региональные отклонения аналогичных показателей у входящих в их состав субъектов, у региональных «столиц», крупных городов и остальной части территории каждого субъекта РФ. Например, в границах Центрального федерального округа имеются беднейшие российские регионы, среди которых Владимирская, Ивановская и Орловская области, где уровень доходов существенно ниже среднероссийского и почти в три раза ниже московского (не достигает и 25 тыс. руб.).

Таблица 1

Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации (руб.)

	2005	2010	2017
Российская Федерация	8112	18958,4	31422
Федеральные округа			

Центральный	11084	24689,0	40843
в т.ч.:			
Владимирская область	4141	12956,2	23988
Ивановская область	3486	11123,5	24760
Орловская область	4802	13114,6	24122
г. Москва	24958	44051,5	62532
Северо-Западный	9045	19876,8	33890
Южный	5783	15113,9	26928
Северо-Кавказский	5972	13294,8	24017
Приволжский	6220	15853,6	25870
Уральский	9507	21832	32944
в т.ч.:			
Ханты-Мансийский АО	18009	32385	44843
Ямало-Ненецкий АО	21766	43367,1	71705
Сибирский	6680	15007,2	23925
Дальневосточный	8892	20828,6	37070

Источник: [3, С.148-149; 4, С.190-191].

Важным фактором регионального подоходного неравенства является существенная дифференциация оплаты труда по регионам Российской Федерации, т.к. заработная плата по-прежнему остается главным источником дохода для населения России, занимая не менее 60% в структуре денежных доходов. Именно низкий уровень зарплаты стал одной из основных причин катастрофического падения среднего уровня реальных доходов населения.

В таблице 2 отражены данные в среднем по регионам, а также внутрирегиональные различия – области Центрального федерального округа с минимальным и максимальным уровнями заработной платы. Как видим, картина подоходного неравенства фактически совпадает с неравенством по заработной плате. Верхние позиции занимают Центральный, Северо-Западный, Уральский и Дальневосточный федеральные округа. Особенно на фоне других субъектов РФ выделяются Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Именно низкий уровень зарплаты стал одной из основных причин катастрофического падения среднего уровня реальных доходов населения.

Таблица 2  
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по регионам Российской Федерации (руб.)

	2005	2010	2017
Российская Федерация	8555	20952	39167
Федеральные округа			
Центральный	9622	25377	48593
в т.ч.:			
Брянская область	5235	12326	24743
Ивановская область	5144	13123	23470
Московская область	9558	25417	46836
г. Москва	14425	38411	73812
Северо-Западный	9487	23532	44450
Северо-Кавказский	4785	12569	24400
Южный	5800	15560	28712
Приволжский	11680	15614	29189
Уральский	11680	25035	43977
в т.ч.:			
Ханты-Мансийский АО	22829	41315	66719

Ямало-Ненецкий АО	27534	52619	89938
Сибирский	8110	18658	33718
Дальневосточный	11508	25814	48952

Источник: [4, С.192-193].

В России при формировании модели оплаты труда на первом месте находится отраслевая структура региона, рассматриваемая под углом зрения ее финансовой состоятельности. Средний уровень зарплаты в регионе определяется долей «прибыльных», доходных предприятий. Следует иметь в виду, что отклонение заработной платы от объективных различий в труде в сторону, как завышения, так и занижения негативно воздействует на ее стимуляционный эффект. Нерациональное использование трудового потенциала проявляется в недоиспользовании квалификационных возможностей по причине того, что «зарплатный» статус занятости в более значимых сегментах имеет приоритет над профессионально-квалификационным статусом. Поэтому смена места работы, в том числе с потерями сложности труда, становится предпочтительнее восходящей квалификационной мобильности. Этим объясняется высокий уровень трудовых перемещений, который сопровождается почти для половины меняющих место работы - переходом к менее квалифицированному труду.

В рамках российской модели трудовых отношений имеется сильная зависимость зарплаты, социальных пакетов, уровня доходов от места работы: сектора экономики (экспортно-ориентированный или обрабатывающий); региона (нефтегазовый или дотационный); финансового состояния предприятия. В то же время различия в заработках слабо связаны с профессиональными характеристиками работников, с их человеческим капиталом. В результате оплата труда одновременно страдает как от «переизбытка» дифференциации, так и от ее недостатка. Поэтому необходимо ставить вопрос не только о снижении уровня дифференциации до некоего «социально-нормального», но и об изменении качества дифференциации, а именно: придания ей профессионально-квалификационного характера.

Регионы, где превалирует низкооплачиваемая занятость, превращаются в зоны застойной хронической бедности. В целом за позитивной динамикой сокращения доли бедного населения в среднем по России, которая наблюдалась до 2010 г. скрывается менее радужная картина. В отдельных субъектах РФ за чертой бедности находится более трети населения (в Республике Тыва – 40,5%, в Ингушетии – 32,0%, а в Калмыкии – 27,3%, населения). Кроме того, во многих регионах за период 2009-2017 гг. численность бедных увеличилась, в том числе и в Центральном ФО. Таким образом, благополучная средняя картина складывается преимущественно за счет Москвы, Санкт-Петербурга и богатых сырьевыми ресурсами экспортно-ориентированных восточных регионов.

Существенное региональное доходное неравенство является важнейшим фактором огромных различий между регионами страны по обеспеченности и качеству человеческого потенциала. Более половины населения проживают в регионах, где уровень развития человеческого потенциала ниже среднего по России.

Следует учитывать и то, что за 2000-е годы выросло не только экономическое неравенство (по душевому ВРП), но и социальное, прежде всего в ожидаемой продолжительности жизни. «Богатые» регионы вкладывают все больше финансовых ресурсов в здравоохранение, в них меняется отношение населения к своему здоровью, ведь жизнь заставляет бороться за лучшие рабочие места на рынке труда. В Москве ожидаемая продолжительность жизни достигла 71 года, а нефтегазовые округа Тюменской области приближаются к 69 годам, хотя это зона Севера с неблагоприятным климатом. Там же, где качество населения ниже и на рынке труда все еще мало привлекательных рабочих мест с высокой оплатой труда, отношение к собственному здоровью остается прежним, и региональные различия определяются распространенностью асоциального образа жизни (степенью алкоголизации) и климатом.

Дифференциация уровня социально-экономического развития различных территориальных образований является следствием существования различий в отраслевой структуре хозяйства, уровне технической оснащённости производства и инновационной активности регионов, в степени развития производственной инфраструктуры и сферы обслуживания населения, сбалансированности бюджетов и прибыльности предприятий, в уровне доходов населения и его покупательной способности. В силу имеющихся различий экономических, социальных и природно-географических условий регионы России объективно обладают не одинаковыми возможностями для создания благоприятной деловой среды, привлечения инвестиций и реализации интеллектуального потенциала, проживающего в них населения.

Существенное региональное доходное неравенство является важнейшим фактором огромных различий между регионами страны по обеспеченности и качеству человеческого потенциала (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг регионов по индексу человеческого развития

	Душевой ВВП, долл. ППС	Ожидаемая продолжитель- ность жизни, лет	Грамот- ность, %	ИЧР	Место
Россия	25 365	70,93	99,7	0,874	
г. Москва	47 188	76,7	100,0	0,946	1
г. Санкт-Петербург	30 344	74,57	99,9	0,921	2
Тюменская обл.	80 566	71,5	99,7	0,903	3
Респ. Татарстан	30 467	72,17	99,7	0,894	4
Белгородская обл.	28 201	72,25	99,7	0,891	5
Респ. Саха (Якутия)	35 090	69,81	99,6	0,884	6
Респ. Коми	31 700	69,05	99,7	0,883	7
Томская обл.	25 316	70,67	99,7	0,880	8-9
Сахалинская обл.	75 091	67,89	99,7	0,880	8-9
Красноярский край	30698	62,23	99,6	0,877	10
Псковская область	12004	68,07	99,6	0,813	76
Ивановская область	9633	69,88	99,7	0,812	77
Чеченская респ.	7053	73,06	98,2	0,799	78
Еврейская АО	12917	65,2	99,5	0,797	79
Республика Тыва	10069	61,79	99,5	0,775	80

Источник: [2, С.285-287].

Вывод о значительных региональных различиях вытекает из оценки индекса человеческого развития (ИЧР, до 2013 г. – индекс развития человеческого потенциала). При расчете ИЧР по методике Программы развития ООН (ПРООН) учитываются величина ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни и степень грамотности. Около 1/4 населения России живет в регионах с уровнем ИЧР выше среднего по стране, в том числе 15% - в наиболее благополучных субъектах РФ (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область и Татарстан), индекс которых соответствует показателям развитых стран. Такие регионы могут опираться на собственные ресурсы и возможности для повышения человеческого потенциала. Более половины населения проживают в регионах, где уровень человеческого развития ниже среднероссийского. Кроме того, имеется огромная разница в величине среднедушевого ВВП. Разрыв между минимальным и максимальным значением превышает 10 раз. Верхние строчки рейтинга устойчиво занимают федеральные города (Москва и Санкт-Петербург), а также регионы со специализацией на добыче топлива и металлургии.



Следует учитывать и то, что сформировалось не только не только экономическое неравенство (по душевому ВРП), но и социальное, прежде всего в ожидаемой продолжительности жизни. «Богатые» регионы вкладывают все больше финансовых ресурсов в здравоохранение, в них меняется отношение населения к своему здоровью, ведь жизнь заставляет бороться за лучшие рабочие места на рынке труда. В Москве ожидаемая продолжительность жизни превысила 76 лет, а в нефтегазовых округах Тюменской области – 71 год, хотя это зона Севера с неблагоприятным климатом. Там же, где качество населения ниже, например, в Псковской и Ивановской областях, продолжительность жизни не достигает 70 лет.

При поляризации пространственного развития, которая становится все более очевидной, перспективы массовой группы бедных регионов остаются неясными, велик риск все большего отставания от лидеров. Продажа сырьевых ресурсов и высокие цены на энергоносители создают внутри страны иллюзию поступательного развития, однако в реальности это ведет к росту богатства «добывающих регионов» и обнищанию несырьевых провинций. В этой ситуации только активная роль государства, органов власти всех уровней могут ускорить переход российской экономики на новый уровень развития и наоборот, невнимание государства к проблемам пространственного неравенства приводит к деградации потенциала многих регионов.

#### **Список литературы:**

1. Воейков М.И., Анисимова Г.В. Политическая экономия неравенства. М.: ЛЕНАНД, 2018. - 272 с.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации в 2016 году. М.: АЦ при Правительстве РФ. 2016. – 298 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М.: Росстат. 2011. – 990 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М.: Росстат. 2018. – 1162 с.

**Аракелян Арман Эдвардович**  
*Исполнительный директор программы МВА  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
Преподаватель ВШФМ РАНХиГС при Президенте РФ  
г. Москва  
arakelyanedu@gmail.com*

## **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ**

**Аннотация.** Программа развития цифровой экономики (ЦЭ) должна руководствоваться научным определением ЦЭ и содержать концептуальную экономико-математическую модель (ЭММ) перехода на новый технологический уклад на базе объективных экономических законов (ОЭЗ), так как решение технических проблем не ведет автоматически к определению и разрешению экономических.

**Ключевые слова:** цифровая экономика, экспоненциальный рост технологий, регрессионная и концептуальная ЭММ, предсказуемая модель возникновения и внедрения технологий в экономические процессы.

Экспоненциальный рост технологий в отраслях меняет уклады и отношения, стирается грань реального и виртуального. Высок темп изменений, близка реальность искусственного интеллекта (AI). Повышение эффективности исследований - в ряду мер по проектированию

систем с использованием инноваций. Разработана экономическая оценка функционированию системы и только государство может масштабно создать комплексы и отрасли, планировать и выполнять программы, а поддержка инноваций - инструмент лидерства. Фактор повышения конкурентоспособности - инновационное развитие, отставание препятствует появлению технологий, создает барьеры глобальной ЦЭ и возможностям международного сотрудничества. Конкуренция на уровне государств за технологии, таланты, капитал формирует потребность в развитии инструментов поддержки. В мире трансформируются привычные модели и процессы в бизнесе. Информационные технологии (ИТ) как механизм/инструмент ЦЭ не в состоянии изменить систему рационального распределения, перераспределения, использования ресурсов и производимых потребительных стоимостей. Основа производства - ограниченный ресурс. По мере насыщения рынка он истощается, устаревает, провоцирует рынок на создание модели возникновения технологий и ресурса на основе необходимых потребностей. Именно экономистами ставится и решается задача пропорционального развития - согласования потребностей и производственных возможностей с помощью ЭММ на базе ОЭЗ, а соответствующее технологическое обеспечение и обслуживание модели, что рационально, остается за ИТ. ЦЭ требует модели бизнеса, парадигмы развития страны. У РФ есть оценка ситуации, структуры, ответственные, финансы по направлениям стратегии, центры цифровизации промышленности и подготовки кадров, кибербезопасности. Но Программа развития ЦЭ не содержит концептуальную ЭММ перехода на новый уклад. Некоторые ученые (Ведута Е.Н.) констатируют ее отсутствие, что препятствует использованию ИТ. Стремление прикрываться потоками «больших данных», препятствует созданию экономики. ИТ - передовой инструмент, но без ЭММ, без пропорционального развития экономики, не решат экономическую задачу. Решение технических проблем не ведет автоматом к их решению. Очевидна экономика с ИТ для мониторинга, контроля, автоматизации расчетов, документооборота, оказания услуг. Определение цифрового сектора Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики) с использованием стандартных отраслевых классификаций ООН имеет преимущество, но разные представления о ЦЭ без научного определения не способствуют достоверности и сопоставимости данных. ЦЭ для статистических целей не соответствует стратегии ее включения в киберпространство. По мнению ученого киберпространство – виртуальное, здесь создаются киберсистемы, имитирующие поведение реальных объектов, реагирующих на воздействия и события внешней среды в режиме реального времени. Но для организации ЦЭ нужна ЭММ, учитывающая действие ОЭЗ. Если информация является недостоверной, ее обработка с помощью ИТ на базе эконометрических моделей бессмысленна.

В 2017г. АЦ при Правительстве РФ с МГУ обсудили математическое и программное обеспечение динамической модели межотраслевого-межсекторного баланса (МОСБ, советский кибернетик Ведута Н.И.) с целью обсуждения организации ЦЭ. Ее отличие от кинематических (эконометрических) состоит в описании движения экономики в направлении, задаваемом конечными потребителями в виде системы алгоритмов с прямой и обратной связью, уточняющей задания конечных потребителей в зависимости от возможностей производителей с учетом предложений по технологиям в режиме реального времени. Для практического внедрения МОСБ странам необходима разработка методического обеспечения сбора исходной информации, поступающей от экономических агентов и практическая работа по внедрению ЦЭ на принципах экономической системы. Тогда страны будут иметь шанс стать локомотивом многополярного мира в пространстве, сумеют изменить вектор развития во времени.

"Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. Формирование ЦЭ - это вопрос национальной безопасности и независимости РФ, конкуренции отечественных компаний", – отметил Президент РФ 5 июля

2017г. на заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам [1]. Однако беспокоит анализ выполнения экономических и социальных показателей, предусмотренных в Указах Президента РФ от 7 мая 2012г. (табл. 1).

Таблица 1

Выполнение экономических и социальных показателей, предусмотренных в Указах Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012г.

Источник: составлено автором

Показатели	В Указах Президента РФ от 7 мая 2012 г.	Фактически
Рост производительности труда в 2018 году по отношению к 2011 году	1,5 раза	106%
Создание высокопроизводительных рабочих мест в млн. человек в 2018 году по сравнению с 17,49 млн. в 2012 году	25	17,1
Рост реальной заработной платы в 2018 году по отношению к 2012 году	1,4-1,5 раза	106%
Ожидаемая продолжительность жизни населения в 2017 году по сравнению с 70,2 годами в 2012 году	74 года	72,6 лет
Повышение доли инвестиций в основной капитал в составе ВВП с 21% в 2012 году до 2015 года и до 2018 года	2015 г. – 25%	17%
	2018 г. – 27%	18%

Продолжает беспокоить и анализ показателей социально-экономического развития РФ в период с 2013 по 2017 гг. и I кв. 2018 года (табл. 2).

Таблица 2

Социально-экономическое развитие РФ в период с 2013 по 2017 годы и I квартала 2018 года (в % к предыдущему году)

Источник: составлено автором

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Всего за 2013-2017гг.	2018 г. (прирост в % по отношению к I кварталу 2017 г.)
ВВП	1,3	0,6	-2,8	-0,2	1,5	0,3	1,3
Промышленность	0,4	1,7	-3,4	1,1	1,0	0,7	1,9
Строительство	0,1	-2,3	-4,8	-4,3	-1,4	-11,9	-4
Транспорт (грузооборот)	0,6	-0,1	0,3	1,8	5,4	8,1	3,3
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	20,5	2,6
Экспорт	-2,1	-4,8	-31,3	-17,5	24,8	-34,1	26,0
Импорт	1,6	-9,8	-37,3	-0,8	25,3	-28,7	21,7
Розничный товарооборот	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,2	-7,3	2,2
Платные услуги	2,0	1,0	-1,1	-0,3	0,2	1,5	1,4
Реальные доходы	4,0	-0,7	-3,2	-5,9	-1,7	-6,7	3,0

Более того, в 2018г. прирост по отношению к I кв. 2017г. составил всего 2,2% по розничной торговле, 1,4% по объему платных услуг, 2,3% по индексу потребительских цен,

5,2% по индексу цен производителей промышленности, 3,0% по реальным доходам и, к сожалению, -8,7% по численности безработных. И наконец, экономические показатели, предусмотренные в Послании ФС и Указе Президента РФ на перспективу: РФ должна войти в число пяти крупнейших экономик мира за период до 2024г.; прирост ВВП на душу населения до 2025г. должен составить 50%; увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации - с 10 до 50%; вклад малого предпринимательства в ВВП - с 20% к 2025г. до 40; число занятых малым бизнесом необходимо увеличить с 19 до 25 млн. чел.; необходимо обеспечить ежегодный прирост производительности труда в отраслях материального производства не ниже 5%; необходимо увеличить инвестиции в составе ВВП с 18% в 2017г. в %%% сначала до 25% , далее до 27%; годовой объём несырьевого неэнергетического экспорта необходимо увеличить за 6 лет (до 2024г.) с 169 млрд. долл. в 2016г. до 250, в том числе машиностроения с 24,4 млрд. долл. в 2016г. до 50; объём экспорта услуг, включая образование, международный туризм, транспорт, с 50,6 млрд. долл. в 2016г. до 100; расходы на строительство и обустройство автомобильных дорог установлено увеличить за 6 лет (до 2024г.) на 11 трлн. руб.; увеличить пропускную способность Транссиба и БАМа за 6 лет (до 2024г.) с 120 до 180 млн. т.; увеличить грузопоток по Северному морскому пути к 2025г. в 10 раз до 80 млн. т.; увеличить транспортные перевозки контейнеров по железным дорогам за 6 лет (до 2024г.) в 4 раза; предусмотрено увеличение затрат на развитие ЦЭ за счёт всех источников (по доле в ВВП) не менее чем в 3 раза; предусмотрен повсеместный быстрый доступ к интернету, в том числе проведение волоконно-оптических линий к посёлкам с населением свыше 250 жителей за 6 лет (до 2024г.).

Далее, в том же Послании ФС и Указе Президента РФ на перспективу указано, что в основе всего лежит благополучие наших граждан и здесь нужно совершить решительный прорыв: снизить уровень бедности за 6 лет (до 2024г.) в 2 раза – с 20 до 10 млн. чел., увеличить расходы на материнство и детство за 6 лет (до 2024г.) с 2,47 трлн. руб. в 2012-2017гг. до 3,4 трлн. руб. (+ 40%); ежегодный ввод жилья увеличить за 6 лет (к 2024г.) с 80 до 120 млн кв. м.; численность ежегодно улучшающих свои жилищные условия с 3 млн. чел. увеличить до 5; снизить размер ипотечного кредита с 9,5% до 7-8%; обеспечить повышение международного рейтинга по качеству общего образования за 6 лет (до 2024 г.) с 33 места среди стран мира и вхождение в 10 ведущих стран; создание новых научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций – не менее 15.

По важным показателям развития здравоохранения на перспективу до 2025г.: увеличить медицинские расходы в составе ВВП за 6 лет (до 2024 г.) с 4 до 5%, увеличение расходов в 2 раза; ожидаемая продолжительность жизни с 73 лет до 2025г. - 78 лет, до 2030г. - 80, в том числе здоровой жизни в 2025г. - до 67 лет; снижение смертности в трудоспособном возрасте на 100 тыс. человек населения за 6 лет (до 2024г.) с 530 чел. в 2016г. до 350; снижение младенческой смертности на 1000 родившихся живыми за 6 лет (до 2024г.) с 5,5 до 4,5; снижение смертности в ДТП за 6 лет (до 2024г.) – в 3,5 раза; обеспечение охвата всех граждан профилактическими осмотрами – не реже 1 раза в год; снижение показателей смертности за 6 лет (до 2024г.) на 100 тыс. человек населения: от болезней кровообращения с 616 в 2016г. - до 450 случаев; от онкологических болезней с 204 в 2016г. до 185 случаев.

Приоритетными Проектами/Программами на период до 2024г. стали «Производительность труда и поддержки занятости», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Международная кооперация и экспорт», и наконец, «Цифровая экономика». До 2024г. намечено реализовать 12 национальных проектов, в том числе: автодорожный, в том числе ремонт трасс в 68 крупных городах; демографический, особенно строительство яслей; инфраструктурный; ЦЭ, особенно широкополосную связь для государственного сектора, школ и больниц, а также софт для

государственных структур; здравоохранения, главным образом борьба с онкологическими заболеваниями.

Между тем в мире экспоненциальный рост технологий в отраслях меняет уклады и отношения, стирается грань реального и виртуального. Высокий темп изменений, близка реальность AI. Повышение эффективности исследований сегодня находится в ряду мер по проектированию систем с использованием инноваций. Разработана экономическая оценка функционированию системы. Реально только государство может масштабировать создание крупных комплексов и отраслей, планировать и выполнять масштабные программы, а поддержка инноваций - это инструмент лидерства. Фактор повышения конкурентоспособности - инновационное развитие, отставание препятствует появлению технологий, создает барьеры глобальной ЦЭ и возможностям международного сотрудничества. Конкуренция на уровне государств за технологии, таланты и капитал формирует потребность в развитии инструментов поддержки. В мире трансформируются привычные модели и процессы в бизнесе. Исторически механизмом, «обеспечивающим сближение стран, является распространение знаний...самые бедные страны догоняют богатые тогда, когда им удается достичь того же уровня технологического развития, навыков и образования...» [2].

Есть легко объяснимые мифы (правила), препятствующие мобилизации средств на социально-экономическое развитие (напр., сбалансированность госбюджета вместо его умеренной дефицитности; недоступность основной части крупных золотовалютных резервов РФ; высокая процентная ставка инвестиционного банковского кредита; использование безвозмездного долгосрочного финансирования, в основном бюджетного или централизованного в крупных компаниях, вместо возможных возвратных инвестиционных кредитов; налогообложение прибыли даже, если она направляется на инвестиции; отсутствие налоговой паузы при технологическом обновлении производства или при создании новых высокотехнологичных мощностей; отсутствие достаточных стимулов и льгот при импортозамещении и развитии экспортных производств с высокой добавленной стоимостью и высокоинтеллектуальных услуг). Но речь не об этом. IT как механизм и инструмент ЦЭ не в состоянии изменить систему рационального разумного распределения, перераспределения, а также использования ресурсов и производимых потребительных стоимостей. Основа производства - ограниченный ресурс. По мере насыщения рынка он истощается, устаревает и провоцирует рынок на создание модели возникновения технологий и ресурса на основе необходимых потребностей. Именно экономистами ставится и решается задача пропорционального развития - согласования потребностей и производственных возможностей с помощью экономико-математической модели на базе объективных экономических законов, а соответствующее технологическое обеспечение и обслуживание модели остается за IT. ЦЭ требует иных новых моделей бизнеса и парадигмы развития страны.

«Для повышения управляемости развитием экономики требуется переход от ручного управления к принципиально новой технологии управления экономическими системами, основанной на использовании IT, что предполагает смену господствующей монетарной доктрины. Новая парадигма базируется на научном подходе, основанном на: теории воспроизводства К. Маркса, содержащей условия бескризисного развития; мировом опыте национального счетоводства, прогнозирования и планирования экономики, экономико-математического моделирования; экономической кибернетики как методологии разработки систем управления и планирования экономики с использованием IT» [3].

Разделяем мнение о том, что в виртуальном киберпространстве создаются киберсистемы, имитирующие поведение реальных объектов, реагирующих на воздействия/события внешней среды в режиме реального времени и для организации ЦЭ необходима ЭММ, учитывающая действие ОЭЗ. Известно, эконометрия - изучение количественных характеристик экономических явлений и процессов средствами математического и статистического анализа; изучение конкретных количественных закономерностей и взаимосвязей экономических объектов и процессов с помощью

математических и статистических методов и моделей [4] (от греч. *oiconomike* искусство ведения домашнего хозяйства и *metron* мера; англ. *econometrics*; нем. *okonometrie* [5]). В некоторых трудах рассматривается проблема построения модели, в которой можно отразить изменения, постоянно происходящие в экономических объектах и предложены новые идеи для построения регрессионной модели, отражающей изменения, происходящие в объектах изучения; разбираются линейные, кубические, билинейные кусочно-трендовые регрессии, кусочные функции Кобба-Дугласа, проблема запаздывания Алмон [6]. При отсутствии ЭММ, описывающей информационное взаимодействие экономических агентов, внедрение «экономики данных» вызовет затраты на хаотичный сбор недостоверной информации, перегрузит управленцев, превратит ЦЭ в катализатор кризиса. Реализуя стратегии, некоторые страны нацелены стать лидером в формировании киберпространства, осуществляют анализ ЦЭ с целью определения направлений, структур, государственной поддержки. Одни страны имеют преимущества в мировых финансах, FinTech, создании глобального пространства, другие - сконцентрированы на национальной экономике и переход на технологический уровень с последующим встраиванием в цифровое пространство. Отставшие страны превращаются в доноров капитала для прорывных отраслей стран-лидеров, которые могут привести к краху государства с тяжелыми социальными и экологическими потрясениями. Государствам, компаниям и людям важно не потеряться, адаптироваться к реальности, так как прогресс общества невозможен без развития науки и техники, применения инноваций. Поэтому для развития ЦЭ с целью изменения цивилизации важна модель пропорционального развития экономики, жизни, экономико-математических систем, преодоление диспропорциональности мировой экономики. Ведута Е.Н. предлагает применять ЭММ стратегического планирования, которые представляют собой не системы документооборота, перекладываемые на ИТ, а механизм согласования плановых расчетов «затраты-выпуск» всех уровней экономики, обеспечивающий устойчивый рост. «Истинная экономическая наука демократична по своей сути, так как ее задача – выявить объективные экономические законы для использования этих знаний в обеспечении цивилизованного развития общества» [7].

«Формирование такой национальной экономической системы – сложный длительный процесс интеграции науки-образования-экономики, который требует соответствующей государственной экономической политики...» [8]. Очевидно, что управлять системой будучи ее частью можно, если система является относительно закрытой и предсказуемой. В относительно открытых системах возникает вопрос о предсказуемой модели возникновения и внедрения технологий в экономические процессы. Если невозможно предсказать создание технологии - невозможно предсказать и развитие экономики, а значит экономическая система является закрытой, она стохастическая и неуправляема. Реальность иная. Перспективы развития глазами прямых потребителей результатов деятельности – построение отношений, внедряя динамические модели стратегического развития.

### Список литературы:

1. Путин В.В. Совет по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: [сайт]. [2017]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/54983> (дата обращения: 07.09.2018).
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 86 с.
3. Ведута Е.Н. Межотраслевой-межсекторный баланс: механизм стратегического планирования экономики: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2016. 6 с.
4. Словарь бизнес-терминов [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/13659#> (дата обращения: 13.09.2018).
5. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4736> (дата обращения: 12.09.2018).

6. Пуарье Д. Эконометрия структурных изменений (с применением сплайн-функций). Т. Математико-статистические методы за рубежом. М.: Финансы и статистика, 1981.
7. Ведута Е.Н. Стратегическая экономическая политика государства. М.: ИНФРА-М, 2016. 7 с.
8. Аракелян Н.Р. Трансформация государственного регулирования экономики в условиях глобализации и циклических колебаний. №6-е изд. М.: Проблемы теории и практики управления, 2016. 129 с.

**Аракелян Наринэ Робертовна**

*кандидат экономических наук  
член-корреспондент Международной Академии менеджмента  
научный руководитель программы МВА  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
доцент кафедры ГРЭ ИОН РАНХиГС при Президенте РФ  
г. Москва  
arakelyan@sra.msu.ru*

**Аракелян Арман Эдвардович**

*Исполнительный директор программы МВА  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
Преподаватель ВШФМ РАНХиГС при Президенте РФ  
г. Москва  
arakelyanedu@gmail.com*

**ПРОРЫВНОЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-  
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ**

**Аннотация.** Экономика эпохи - экологическая ответственность (девиз «от доверия людей к доверию экономик и природоподобных технологий»); глобальная проблема социального неравенства и нормативное регулирование на пороге технологической сингулярности. Наука без границ международного взаимодействия делает то, что никогда не может политика. Бурное технологическое развитие делает именно экономическую кибернетику более востребованной, предъявляет требования к построению экономической модели технологического развития.

**Ключевые слова:** экспоненциальный рост технологий в отраслях, новый технологический уклад на базе объективных экономических законов, цифровая экономика, концептуальная экономико-математическая модель, модель возникновения и внедрения технологий в экономические процессы

Главный фактор изменения международного разделения труда — прорывные открытия в науке/технике, определяющие перманентную модернизацию, обновление техники/технологии в производстве товаров и услуг, что, кстати, не говорит об исчезновении специализации/кооперации в области готовой продукции. Выход из кризиса — движение мировой экономики в сторону равновесия с учетом требований мегаэкономики. «Традиционные подходы стимулирования предложения и спроса не в состоянии обеспечить ускоренное экономическое развитие. Необходимы глобальные изменения — наднациональное управление общей экономикой и финансовым рынком. Нужна комбинация стимулирования спроса и предложения, которая совпала бы с требованиями равновесия и выравнивания предельных продуктов по регионам мира. В противном случае борьба только макроэкономическими инструментами в пределах одного государства может усугубить последствия в другом» [1].

Благодаря развитию новых технологий мир переживает серьезную трансформацию, глубокие изменения затрагивают практически все сферы жизни. Меняются привычные бизнес-модели и процессы в самых разных областях и сферах деятельности. Экономика становится цифровой и переход к ней приоритетная задача Российской Федерации. В России сформирована программа развития цифровой экономики до 2024 года и основной вопрос на ближайшее будущее состоит в том, как государству и бизнесу наиболее эффективно совершить цифровую трансформацию и обеспечить необходимую инфраструктуру, на какие аспекты необходимо обратить внимание при создании инфраструктурной базы для развития новой экономики; как масштабировать цифровые инфраструктурные решения на российские регионы и как они будут способствовать региональному развитию; каким образом бизнес и государство будут трансформироваться в новых реалиях и оправдывает ли свою эффективность получившая широкое распространение модель партнерств между игроками рынка или есть более перспективные модели?

Экономика эпохи - серьезная экологическая ответственность производителя и потребителя. Развитые страны стремятся к устойчивому, «зеленому» развитию, внедрению модели циркулярной экономики замкнутого цикла. Перспективы Российской Федерации заманчивы, но важен успешный мировой опыт. Успешные экономические проекты рождаются из личного доверия людей, а общность взглядов на достижения культуры, науки и стремление к миру закладывают наилучшую основу для стратегической экономической интеграции. Глобализация и цифровизация окончательно стерли границы для общения между активными гражданами во всем мире. Особую роль в продвижении и развитии контактов играет дипломатия и необходимость перейти к доверию экономик. Важно какие ценности объединяют народы, а институты гражданского общества могут сделать многое для формирования атмосферы бизнес-доверия.

В XXI веке человечество сталкивается с новыми большими вызовами, препятствующими обеспечению устойчивого развития цивилизации. Для ответа на такие вызовы необходим поиск качественно новых подходов к развитию и переход на иные принципы производства и потребления энергии. Одним из таких подходов является развитие природоподобных технологий. Природоподобные технологии - технологии, воспроизводящие системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот. Их развитие и внедрение связано с необходимостью восстановления нарушенного человеком баланса между биосферой и техносферой.

Сегодня крайне важно завоевать доверие потребителя завтрашнего дня. Изменения, происходящие в глобальной экономике и демографии, оказывают существенное влияние на потребительские предпочтения. Уходит в прошлое демонстративное потребление, больше покупок совершается в интернете, минуя традиционные каналы, меняются критерии оценки товаров покупателями. Необходимо понимать какими будут предпочтения потребителя через 20-25 лет и какие требования будут выставляться на рынке. И, наконец, что должны уже сегодня предпринять компании, чтобы заслужить доверие завтра.

Одновременно растет социальное неравенство - глобальная проблема и один из самых больших вызовов современного общества, но достойного решения проблемы не выработано. Поэтому важны ответы на следующие вопросы: не способствует ли глобализация углублению социального неравенства, которое во все большей степени проявляется внутри стран, а не на межгосударственном уровне; способны ли современные модели ведения бизнеса учитывать долгосрочные интересы общества и какие реформы назрели для их применения в глобальном масштабе; новые технологии - катализатор неравенства или возможность в перспективе уменьшить ее и какие угрозы несет в себе равенство, если оно несправедливо, цифровая инфраструктура – вызов или возможности?<sup>[17]</sup><sub>[SEP]</sub>

На сегодняшний день в России доступ в интернет для граждан и организаций является одним из самых дешевых в мире, динамично развивается рынок хранения и обработки данных. При этом актуальным является вопрос обеспечения технологической устойчивости



и безопасности развивающейся цифровой инфраструктуры. Стоят амбициозные задачи не только стимулировать рост на основе цифровой инфраструктуры, но и обеспечить независимость, устойчивость и безопасность, что не может не создавать дополнительного экономического давления на отрасль. Необходимо быстрее рассмотреть возможности по изменению и взаимодействию регуляторных и коммерческих подходов преодоления вызова, а также принять меры для стимулирования развития всех уровней инфраструктуры, обеспечить ее технологическую независимость и безопасность для цифровой экономики. Крайне важна конкурентоспособность России на мировом рынке хранения и обработки данных и создание регуляторных стимулов для повышения экономической привлекательности инвестиций в цифровую инфраструктуру на перспективу.

Нормативное регулирование на пороге технологической сингулярности и необходимо срочно открывать двери для новых рынков. Оно является одним из ключевых аспектов для развития высокотехнологичных отраслей и рынков в контексте перехода к новому технологическому укладу. Необходимы меры для того, чтобы Российская Федерация стала комфортной юрисдикцией для разработки, тестирования и вывода на экспорт прорывных технологических и инновационных решений, чтобы создать среду, которая ускоряет процессы цифровой трансформации, способствует научно-технологическому развитию и развитию новых бизнес-моделей. Важно соблюсти баланс между интересами регулятора, необходимостью соблюдения норм безопасности и интересами высокотехнологичного бизнеса и потребителя.

Таким образом, на траектории роста российской экономики стоит задача стать одним из новых лидеров в технологической сфере и выйти на мировой рынок. Сегодня российские технологические компании способны создавать продукты высокого качества, однако в то же время на пути масштабирования бизнеса и повышения его эффективности отечественные хайтек-лидеры сталкиваются с вызовами, которые не всегда позволяют выходить на глобальные аудитории даже при наличии амбиций. Важно переломить ситуацию с помощью экспортных инициатив, поддержки для достижения точного/значимого эффекта на международных рынках, на которые имеет смысл ориентироваться. И здесь полезен опыт стран. Вызовы и решения следующие: макроэкономическая стабильность, достигнутая благодаря умеренно жесткой денежно-кредитной и бюджетной политике, обеспечила фундамент, на базе которого может быть построен каркас качественно новой высокопроизводительной экономики. Но нужны структурные преобразования для увеличения темпов экономического роста, ресурсы для ускорения, бюджетная политика, которая позволит сохранить доверие к макроэкономическим институтам и при этом создаст условия для рывка. Цифровизация может выступить в качестве основного двигателя экономического роста и повышения качества жизни населения. Но вместе с тем реальные изменения в эффективности и конкурентоспособности отраслей российской экономики невозможны без доступа к надежной высококачественной цифровой инфраструктуре, создание которой это ключевое конкурентное преимущество для национальных экономик будущего. Цифровизация - двигатель роста, инклюзивного развития. Блокчейн технология пока главным образом «пилотная». Внедрение ее в бизнес-процессы и государственное управление может изменить работу и повысить эффективность, но отсутствие наработанных практик и полного понимания, в каких сферах есть необходимость в блокчейне, тормозит процесс.

Далее, по инвестиционной привлекательности биотехнологии догоняют информационные технологии. Сегодня дигитализация на уровне бизнеса, государства и общества позволяет странам расширять сферы присутствия, конкурировать между собой в мире, повышая качество и уровень жизни населения внутри страны. Эксперты обсуждают опыт в мире, лучшие практики Российской Федерации и роль государственной поддержки трансформации в областях, плотно интегрированных в жизнь. Важны роль информационных технологий в цифровой трансформации, пути преодоления препятствий трансформации экономики в Российской Федерации, успешная практика, перспективы международного

взаимодействия.

Цифровая повестка - фактор повышения конкурентоспособности ЕАЭС, создание на едином экономическом пространстве «собственного центра силы» - притяжения инноваций, инвестиций, высококвалифицированных кадров и производства конкурентоспособной продукции. Залог воплощения - формирование собственных евразийских цифровых активов, в том числе платформ, а также равноправных партнерств. Цифровая экономика - новые точки роста для бизнеса, власти, взаимодействия. Крупный бизнес и власть могут использовать инновации молодых компаний, чтобы получить синергетический эффект. Предприниматели и представители корпораций и регионов разбирают практику сотрудничества. Более того, международная координация в борьбе с незаконным оборотом промышленной продукции имеет большой потенциал развития. Борьба с незаконным оборотом - эффективное противодействие росту теневого рынка, в том числе с учетом международного опыта и опыта Российской Федерации.

Эффективный инструмент для обеспечения лидерства является государственная поддержка инноваций. Устранить факторы, сдерживающие развитие инновационной экономики - использовать возможности, которые открывает международное сотрудничество при формировании технологических рынков. Глобальная конкуренция на уровне государств формирует потребность в развитии инструментов поддержки и финансирования инициатив. Однако без гарантии безопасности цифровое строительство – почти авантюра, так как в результате саботажа могут отключиться энергетические сети, связь, транспорт, городское хозяйство. Виртуальное пространство - измерение реального. В цифровом пространстве появилась инфраструктура - свои мосты и дороги, «полезные ископаемые» - данные, там уже всю «майнят» деньги.

Цифровое пространство будущего вызывает интерес государств не только из-за содержащихся ценностей, но и как новое поле боя. Важен «цифровой суверенитет» - способность государств контролировать пространство и обеспечить его безопасность. Оживление глобальной торговли ускоряется на фоне роста нефтяных цен. Необходимо спрогнозировать потребности в инфраструктуре, используя метод межотраслевого баланса и скоординировать развитие инфраструктуры международных транспортных коридоров с учетом развития промышленности в мире и использования возможных схем движения грузов. Исчерпание традиционных моделей экономического роста, основанных на экстенсивной эксплуатации ресурсов, делает необходимым поиск источников развития на основе науки и технологии.

Для Российской Федерации необходимы защита, сохранение, обустройство территории. Одновременно рациональное использование пространства - один из ресурсов развития. Технологический прорыв и пространственное развитие требуют превратить пространство Российской Федерации в фактор роста экономики и развития. Экономическая кибернетика может предложить модель и обеспечить необходимую концентрацию интеллектуальных ресурсов с учетом разнообразия и специализации отдельных регионов с учетом места Российской Федерации в мире, в том числе на интеллектуальной и научной карте.

Наука всегда делает то, что никогда не может сделать политика. Востребована наука без границ, наука - основа для международного взаимодействия. Универсальный язык науки – это и есть экономическая кибернетика в эпоху «цифры». Ценность для развития человеческого интеллекта - разработка экономико-математических моделей и решение сложных задач для практического применения, что служило катализатором экономического роста и порой приводило к революционным изменениям. Бурное технологическое развитие, переход к цифровой экономике делают экономическую кибернетику еще более востребованной, предъявляют к ней повышенные требования.

В конце концов экспоненциальный рост технологий в отраслях меняет и уклады, и отношения, в мире стирается грань реального и виртуального. Высок темп изменений и уже близка реальность искусственного интеллекта (Artificial Intelligence). Поэтому повышение

эффективности исследований сегодня находится в ряду мер по проектированию систем с использованием инноваций. Но реально только государство может масштабно создать крупные комплексы и отрасли, планировать и выполнять масштабные программы, а поддержка инноваций - это инструмент достижения лидерства. Фактор повышения конкурентоспособности - инновационное развитие, а отставание препятствует появлению технологий, создает барьеры глобальной цифровой экономике и возможностям международного сотрудничества. Конкуренция на уровне государств за технологии, а значит и таланты, и капитал формирует потребность в развитии сильнейших инструментов поддержки. «Разворачивающееся соперничество между странами за лидерство в очередной технологической революции приводит к необходимости осмысления возможных контуров экономики новой длинной волны. Успехи такого осмысления — дополнительный шанс не оказаться аутсайдером в этом соперничестве» [2]. В мире трансформируются привычные модели и процессы в бизнесе. Нельзя забывать о том, что исторически механизмом, обеспечивающим сближение стран, является распространение знаний и самые бедные страны догоняют богатые только когда им удается достичь того же уровня технологического развития (навыков, образования).

В рамках формулирования основных тезисов статьи можно сказать следующее:

- Формирование цифровой экономики - вопрос национальной безопасности и независимости Российской Федерации и конкуренции отечественных компаний, высокий темп изменений, экспоненциальный рост технологий в отраслях меняет уклады и отношения, стирается грань реального и виртуального.
- Далее, информационные технологии как механизм и инструмент цифровой экономики не в состоянии изменить систему рационального распределения, перераспределения, а также разумного использования ресурсов и производимых потребительных стоимостей, а цифровая экономика для статистических целей не соответствует стратегии ее включения в киберпространство.
- Программа развития цифровой экономики должна руководствоваться научным определением цифровой экономики и содержать концептуальную экономико-математическую модель перехода на новый технологический уклад на базе объективных экономических законов, так как решение технических проблем не ведет автоматически к определению и разрешению экономических.
- И наконец, наука всегда делает то, что никогда не может сделать политика. Востребована наука без границ, наука - основа для международного взаимодействия. Универсальный язык науки – это и есть экономическая кибернетика в эпоху «цифры». Бурное технологическое развитие, переход к цифровой экономике делают экономическую кибернетику еще более востребованной, предъявляют к ней повышенные требования.

#### **Список литературы:**

1. Аракелян Н.Р. Трансформация государственного регулирования экономики в условиях глобализации и циклических колебаний. №6-е изд. М.: Проблемы теории и практики управления, 2016. 128 с.
2. Виктор Дементьев. Изменчивость длинных волн экономического развития. №6-е изд. М.: Проблемы теории и практики управления, 2016. 45 с.

**Бельских Игорь Евгеньевич**  
*доктор экономических наук, профессор*  
*Волгоградский государственный технический университет*  
*г. Волгоград*  
*igbelvolgograd@rambler.ru*  
УДК 339.924

## **К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПАРТНЕРСТВА И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН В МИРЕ**

**Аннотация.** В современном мире возрастает значение партнерства и сотрудничества между странами. Национальные экономические границы постепенно уходят в прошлое, страны переходят на новый глобальный уровень сотрудничества. Как правило, этот уровень взаимодействия строится по факторам пространственной интеграции: близость территорий стран, общие экономические интересы, единая историческая судьба и желание правительств получить максимальные внешнеэкономические эффекты для роста благосостояния домашних хозяйств своей страны.

**Ключевые слова:** страны, интеграция, партнерство, мир, экономические интересы, Россия.

Россия страна огромных возможностей и обладает самыми выдающимися конкурентными возможностями во многих сферах и областях международного сотрудничества. Территория страны предполагает участие страны во множестве интеграционных программ и мероприятий, которые развивает весь мир. Нахождение страны, практически, в центре Евразии приводит к формированию глобальной повестки партнерства, которым не обладает больше ни одно государство. Интеграционный потенциал сотрудничества со странами-соседями весьма значителен. Правда, на текущем этапе развития страна находится в экономической изоляции по внутренним и внешним причинам, которые формируют особые условия развития. Правящие группы элит в России, пока не предлагают пути преодоления вынужденного изоляционизма от ведущих мировых центров и стран [6,7]. Поэтому потенциал страны в сфере партнерства и сотрудничества используется в недостаточной мере.

Есть аксиома, что соседние страны имеют очевидные преимущества для внешнеэкономического сотрудничества [2]. Этот вариант интеграции незаменим никакими аргументами. Есть из правила и исключения (ФРГ и ГДР; Северная Корея и Южная Корея; Куба и США; Пакистан и Индия; Ирак и Иран; и др). Политические противоречия из эпохи становления государственности и формирования территорий стран отягощают экономическое сотрудничество популистскими мифами прошлого. Когда экономика не работает эффективно и страна проигрывает конкурентную гонку с другими государствами, а политическая элита малоэффективна с управленческой точки зрения, тогда населению предлагают исторические мифы: кто виноват в этом? Виновата соседняя страна, слишком много было противоречий в историческом прошлом любого государства, включая бытовой межнациональный уровень. В результате, у более слабого в экономическом плане, государства проблем в развитии становится еще больше. Его проще интегрировать другим глобальным и успешным игрокам (яркий пример, витрины социализма - ГДР). Экономическое и политическое будущее таких стран в XXI веке любому эксперту по международным отношениям очевидно.

Будущее за международной интеграцией стран и территорий [3]. Национальная идентичность будет терять свое значения, гармонично заменяясь наднациональными идеями всеобщего благосостояния и успеха. В основе, которого находится развитие универсальных

норм и моделей высшего образования, использование результативных маркетинговых и эффективных экономических территориальных стратегий [1].

На наш взгляд, таким неуспешным странам, живущим за счет мифов прошлого, с позиции всеобщего исторического и экономического прогресса, необходимо отодвинуть и публично пересмотреть политические, институциональные противоречия в угоду экономическому интересу населения живущему в рядом расположенных государствах. Вспомним войну Мексики и США в середине XIX века (Мексика потеряла примерно 40% своей территории), вспомним франко-прусскую войну 1870-1871 гг. и первую мировую. Самые тесные партнеры в Северной Америке - США и Мексика, несмотря на многолетние попытки Д.Трампа построить стену на границе. Строительство стены – это наглядная попытка возродить миф прошлого в политических целях. В Европе - Германия и Франция ядро экономического и политического сотрудничества ЕС. Здесь даже нет ярких попыток возрождения политических мифов из очень непростого прошлого. Таких примеров среди передовых стран географически расположенных рядом - большинство. Это основа для глобального успеха бизнеса и стран в мировой экономике.

Вначале формируется территориальная конкурентоспособность определенного региона (это не кластерный подход по М. Портеру, который на основе территориально-отраслевого отбора отдельных промышленных производств видит будущее кластера с позиции микроэкономики). Этот подход больше напоминает советские методы районирования, когда за основу экономического района брались пространственные параметры хозяйственных связей. Таким примером, могут быть параметры расчета экономических показателей НИОКР на основе учета ресурсов [4, С.15.]. Без наладки близких хозяйственных, рыночных и финансовых связей экономической интеграции, а, следовательно, и конкурентоспособности у стран-партнеров не будет [5].

*Самыми конкурентоспособными государствами (регионами) мира являются страны расположенные в плотном окружении других стран.* Например, Германия (третья экономика мира, площадь составляет всего 357 тыс. кв. км.) тотально окружена европейскими государствами (морские границы сегодня не являются преградой, в отличие от океанов); США (первая экономика мира, площадь 9,364 млн. кв. км) – это центр Северной Америки, интегрирующий страны Карибского бассейна, Канаду и Мексику. Китай (вторая экономика мира, площадь этой страны 9,56 млн. кв. км.) центр экономической интеграции Юго-Восточной Азии (Японии, Вьетнама, Кореи и т.д.) [8]. *Раньше плотное кольцо государств-соседей рассматривалась как угроза национальной безопасности. Это ошибка, в нашем глобальном веке это конкурентное преимущество страны!*

XIX век с его изобретением и внедрением железных дорог позволил военным последний раз в начале XX века попытаться изменить границы европейских стран. Мировая война показала свою полную интеграционную непригодность для международного сотрудничества. Устаревшие и губительные методики не работают в современном мире экономического соревнования и глобальной конкуренции. Сегодня любая страна умеющая создавать бренды на своей территории является победителем в международном сотрудничестве. 10 лет назад китайские студенты не могли назвать ни одного мирового китайского бренда, сейчас их называют десятками уже российские студенты, их стоимость составляет миллиарды и миллиарды американских долларов. Они выросли только за счет рыночной интеграции Китая и экономик остальных стран. Оказывается не «винтовка рождает власть» (как ошибочно говорил Мао Цзедун), а бренд и мировое мирное сотрудничество [3].

Бразилия (площадь около 8,5 млн. кв. км), которая становится экономическим центром Южной Америки, показывает неплохие темпы экономического развития и роста населения. Аргентина или Чили темпы экономического роста менее успешны, но у них меньше стран-партнеров расположенных территориально рядом и т.д.

Самыми неконкурентоспособными странами мира, по-прежнему, являются страны Африки, где сосед беднее предыдущего соседа. Территориальная интеграция там дает очень

мало преимуществ. Племенными и бюрократическими кланами они даже не осознаются. Там идет война всех против всех. Межплеменная рознь, политические мифы с трудом преодолеваются современными лидерами.

Среднеазиатские страны СНГ, которые окружены слаборазвитыми экономиками малоинтересными для мирового рынка и глобализации. Страны Океании находятся в отчуждении от интенсивных экономических связей, хотя Австралия, как пример успешной страны, прикладывает много усилий для внешнеэкономического взаимодействия с ними.

Страны, имеющие меньше территориальных границ с другими государствами, меньшее количество выстроенных экономических и культурных связей, менее развиты. Например, Португалия (рядом океан), Испания, Греция (рядом исламский мир, Турция, с которыми еще идут бытовые и институциональные конфликты прошлого), Япония (стагнирует уже 20 лет и успевает конфликтовать с соседями, вместо того, чтобы занимать конструктивную позицию экономического партнерского развития пространства), ЮАР (с огромными социально-этническими проблемами, берегами океана) и бедными соседями.

Россия самая большая страна по площади в мире (более 17 млн. кв. км). Долгие годы лидировала в мире по добычи газа, нефти, имеет передовые позиции по алмазам, лесу, углю, электроэнергии. Большая часть границ проходит по Северному Ледовитому и Тихому океанам. Наиболее развита европейская территория страны, которой исторически не хватает внешнеэкономических связей. *Территориально и географически находимся на окраине европейского экономического мира, на окраине юго-восточного азиатского экономического пространства - это существенно затрудняет внешнеэкономическую деятельность и получения дивидендов от территориального партнерства.*

*Украина занимает выдающееся положение центра экономической интеграции всей Восточной Европы, Закавказья и Турции.* Площадь территории (604 тыс. кв. км) по сравнению с Россией – компактна, находится в южных широтах (здесь нет вечной мерзлоты и тундры), население (47,6 млн. чел) обладает определенным предпринимательским менталитетом, отсутствуют причины для голландской болезни (нет значительных запасов природных ресурсов); языковая близость с польским, чешским, белорусским и другими восточно-европейскими языками. Культурное и историческое родство с Россией. Развита транспортная инфраструктура (железные (22,3 тыс. км) и автомобильные (116,7 тыс. км) дороги, морские порты, магистральные трубопроводы (нефтепроводы 4000 км, газопроводов 34 000 км), воздушные пути (543 аэропорта) [8]. Потенциал экономического развития на внешних рынках в ближайшие годы огромен. Однако пока страна остается поставщиком трудовых ресурсов и мигрантов для ЕС и России.

Россия находится в более сложном положении, чем большинство европейских стран с позиции данного подхода. Одновременно с этим многообразие соседей позволяет стране проводить разную политику взаимодействия, что дает возможность дифференцировать возможности и сформировать базу для многостороннего сотрудничества. Строительство инфраструктурных проектов, газопроводов (например, на германском, турецком и китайском направлениях) позволяет наращивать возможности сотрудничества и избегать издержек взаимодействия с соседними беспокойными странами.

### **Список литературы:**

1. Бельских, И.Е. Маркетинг российских вузов на рынке образования: в поисках альтернатив роста. /И.Е. Бельских, Т.Б. Борискина, Е.В. Самсонова, Г.А. Мершиева, В.Н. Цыганкова. // Экономика и предпринимательство. 2018. № 7 (96). С. 770-772.
2. Джинджолия А.Ф., Международный маркетинг. / А.Ф. Джинджолия, А.В. Евстратов– Волгоград: Волгоградский государственный технический университет. 2011. - 72 с.
3. Евстратов, А.В. Стратегический маркетинг. /А.В. Евстратов. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет. 2010. - 84 с.

4. Кайль, Я.Я. Оптимальное планирование по критерию максимума ожидаемой эффективности / Я.Я. Кайль, В.В. Великанов, В.С. Епина. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 10: Инновационная деятельность. 2015. № 2 (17). С. 14-21.
5. Козенко, Ю.А. Развитие финансовой и информационной инфраструктуры модернизации российской экономики и приоритетных направлений финансовой политики XXI века / Ю.А. Козенко. - Волгоград, 2016. – 254 с.
6. Морозов, И.Л. Новая стратегия национальной безопасности России и меняющийся мир / И.Л. Морозов. // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 10-12.
7. Морозов, И.Л. Противодействие агрессивному национализму: уроки истории и вызовы современности / И.Л. Морозов, Е.А.Матвиенко. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 174-181.
8. Российский статистический ежегодник 2009: Стат. сб. М., 2009. - 795 с.

**Болдырев Олег Юрьевич**

*кандидат юридических наук*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*г. Москва*

*oleg211291@bk.ru*

## **УГРОЗЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ ГОСУДАРСТВА И МЕХАНИЗМЫ ЕГО ЗАЩИТЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

**Аннотация.** В статье описываются угрозы территориальному суверенитету России, без обеспечения которого она рискует утратить тот геополитический и экономический потенциал, которым обладает ее территория. Отмечается различие подходов юристов, экономистов и политологов к вопросам суверенитета и показано, что Россия не использует потенциально возможные, в том числе, апробированные в зарубежном опыте конституционно-правовые механизмы обеспечения и защиты своего территориального и экономического суверенитета.

**Ключевые слова:** территориальный суверенитет, экономический суверенитет, совместное освоение Курил, территории опережающего развития, конституционно-правовые механизмы защиты суверенитета

Пространственный потенциал развития России определяется не только самой большой в мире территорией, ее геостратегическим положением и запасами природных ресурсов, но и тем, обеспечено ли – в том числе, юридическими механизмами - сохранение подлинного суверенитета России над своей территорией, природными ресурсами, а также сохранение и реализация суверенных прав и юрисдикции на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне. То есть, сохраняет ли Россия свой территориальный суверенитет, без которого сомнительно обеспечение подлинного экономического суверенитета.

Представляется необходимым сделать четыре методологических оговорки.

1) Если экономисты используют термин «экономический суверенитет» свободно [1], то в юридической науке не все исследователи признают выделение данной категории, настаивая на сохранении традиционно выделяемой триады «государственный-народный-национальный суверенитеты» [2, С.362-363] и упуская из виду, что критерии выделения данных видов суверенитета различаются («государственный» и т.п. виды суверенитета выделяются по критерию субъекта, а «экономический» и т.п. – по критерию объекта). Но поскольку термин «экономический суверенитет» используется уже и в юридической науке [3], [4], и в нормативно-правовых актах [5] (в частности, в новой Стратегии экономической

безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [6]), и Конституционным Судом РФ [7], его использование представляется уместным и с юридической точки зрения.

2) Аналогично: если политологи свободно используют термин «территориальный суверенитет», то юристы чаще рассматривают территорию как пространственное ограничение действия суверенитета. Тем не менее, термин «территориальный суверенитет» также появляется в юридической литературе [8, С.45-71], а также используется в зарубежных нормативно-правовых актах, например, в Конституции Восточного Тимора [9].

3) Юристы разграничивают понятия «суверенитет» (так, по ст. 4 Конституции РФ, «суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию») и «суверенные права» (по ст. 67 Конституции РФ, «Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права»). Однако, в данном случае представляется целесообразным рассматривать термин «территориальный суверенитет» в широком смысле слова, включая оба указанных значения<sup>5</sup>.

4) Если политологи и экономисты иногда оценивают «реальный» или «подлинный» суверенитет, то многие юристы, следуя Г.Еллинеку и другим классикам государственно-правовой науки, рассматривают суверенитет лишь как понятие формально-правовое [10, С.458]<sup>6</sup>. Представляется, что данный подход лишь камуфлирует проблемы, а не содействует их выявлению и решению [11].

Суверенитет, будучи конституционно-правовой категорией, требует, в том числе конституционно-правовых механизмов защиты. Отметим некоторые угрозы территориальному суверенитету России, а также возможные и апробированные в зарубежном опыте механизмы его обеспечения и защиты:

1. Одну из главных угроз государственному и народному суверенитету в целом представляет возможность власти, несмотря на демократическую сменяемость, принимать от имени государства долгосрочные или даже вечные и необратимые международные обязательства, связывающие руки последующим властям и, соответственно, избравшему их народу. Это могут быть внешнеэкономические обязательства или стратегические геополитические решения, в том числе, о вхождении в наднациональные объединения или о передаче суверенных полномочий государства международным организациям, об отчуждении части территории или об уступке в территориальном споре. Таким образом, особенно серьезно эта угроза проявляется в отношении экономического суверенитета государства [12], а также в отношении его территориального суверенитета. Иногда данные обязательства носят и внешнеэкономический характер, и одновременно связаны с ограничением суверенитета государства в отношении части своей территории (например, через «соглашения о разделе продукции» либо иные концессионные соглашения с инвесторами государство может «допустить» иностранные и транснациональные корпорации к своим месторождениям, фактически ограничив свой суверенитет в отношении природных ресурсов на своей территории и свое суверенное право регулировать доступ иностранных лиц к своим недрам).

---

<sup>5</sup> Аналогично юристы часто различают понятия «суверенитет» и «суверенные полномочия» или «государственные полномочия». Так, ст.79 Конституции РФ и ряд конституций иных государств предусматривают возможность передачи «государственных полномочий» и «суверенных полномочий» на наднациональный уровень, но, по мнению ряда юристов, рассматривающих суверенитет, как дискретное свойство государства, не сводимое к его полномочиям («суверенитет либо есть, либо нет»), это нельзя рассматривать как передачу суверенитета или его части. Существует и иная позиция, согласно которой, за данными формулировками скрывается возможность отчуждения суверенитета (некоторые конституции прямо говорят об «ограничении суверенитета» или «суверенных прав»). Расходятся позиции и в вопросе соотношения данных терминов со сферами государственного ведения (см., например, ст. 71 Конституции РФ).

<sup>6</sup> Аналогично: если политологи-международники спорят о том, ограничивают ли международные договоры суверенитет государств, то большинство юристов-международников исходит из тезиса, что принятие международных обязательств – «это реализация суверенитета, а не его ограничение».



Российское государство в ходе своей истории неоднократно сталкивалось с проблемой отчуждения части территории или уступки в территориальном споре: яркие примеры – Русско-американская конвенция 1867 г. об уступке Аляски [13]; Соглашение между СССР и США 1990 г. о линии разграничения морских пространств (так называемое Соглашение Бейкер-Шеварнадзе) [14]; уступка Россией территорий в рамках демаркации российско-китайской границы в 2005 г. или уступка Норвегии части акватория Баренцева моря.

В некоторых государствах такое решение может быть принято не просто в усложненной процедуре, но лишь на основе референдума (так, в соответствии со ст. 73 Конституции Украины 1996г., если договор влечет изменение территории государства, обязательно проведение референдума [15]). В ст. 9 Конституции Республики Беларусь 1994 г. установлено, что территория государства едина и неотчуждаема [16].

В России эта проблема не является решенной. Нормы, закрепленной в части 3 ст. 4 Конституции РФ, устанавливающей, что «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории», представляется, недостаточно. Так, в одном из Комментариев к ст. 4 Конституции РФ отмечается: «Хотя Конституция России не предусматривает выхода из ее состава каких-либо территорий, это не означает, что теоретически данный акт не может быть осуществлен на основе международного договора. При этом такой договор подлежит обязательной ратификации парламентом страны и должен максимально учитывать интересы России в целом и проживающего на отделяемой территории населения» [16].

Хотя, еще в знаменитой ст. 28 Конституции Франции 1793 г. говорилось: «Ни одно поколение не может подчинить своим законам поколения будущие» [17], и представляется, что сегодня данный подход имеет смысл экстраполировать на сферу международных обязательств, принятых «предыдущим поколением», в России не только нет конституционного запрета, но даже не предусмотрено усложненных процедур для принятия долгосрочных и «вечных» международных обязательств и стратегических геополитических решений, включая отчуждение территории или уступку в территориальном споре (так, уступка Россией части акватория Баренцева моря Норвегии по договору 2010 г. была ратифицирована в порядке обычного федерального закона [18]).

2. Подобно тому, как автором данной статьи в других публикациях обозначалась проблема «латентного» ограничения экономического суверенитета государства [19, С.200], существует и угроза «ползучего» отчуждения территории. Так, представляется, что подобные риски создает так называемое совместное освоение Курильских островов Россией и Японией, притом, что у России с Японией отсутствует мирный договор, поскольку Япония претендует на эти территории и даже объявляет их своими. Возникают вопросы: не создает ли подобное «совместное освоение» дополнительные политические и юридические аргументы для территориальных претензий со стороны Японии (вопрос и политический, и юридический), и не приучает ли оно население России к мысли о спорности принадлежности данных территорий и о наличии у Японии оснований для претензий на эти территории (вопрос не юридический, но также заслуживающий внимания)? Представляется, что конституционное право должно найти ответы на эти новые вопросы. Одним из таких ответов могло бы стать закрепление в будущем на конституционном уровне недопустимости какого-либо совместного освоения территорий с государствами, на них претендующими, что могло бы стать механизмом обеспечения и территориального, и экономического суверенитета государства (поскольку территория представляет, как правило, либо стратегический, военный и геополитический, либо экономический интерес, либо их сочетание [20], [21], [22]).

3. Если отчуждение части территории корректнее определять не как ограничение суверенитета, а как сужение пространственной сферы, на которую он распространяется, как уменьшение объекта суверенитета (что, тем не менее, представляет не меньшую угрозу), то именно «ограничение суверенитета», скорее, имеет место в случаях сохранения соответствующей территории, но при распространении на нее тех или иных прав других

(особенно – иностранных) субъектов и/или при выведении ее из-под действия национального законодательства (национального правового регулирования — «национального правового поля»). Пример - выделение в рамках государственной территории отдельных территорий с особым режимом, которые (и определенные виды отношений на которых и связанных с их функционированием, а также возникающие из них споры) выводятся из-под общего национального правового регулирования и национальной юрисдикции. Как правило, это делается завуалировано: не напрямую, а через фактическое делегирование законодателем полномочий соответствующего регулирования органам исполнительной власти с возможностью их передачи иным, в том числе частным, коммерческим субъектам и с возможностью заключения соглашений с иными субъектами (в том числе иностранными) на условиях, отличающихся от национального законодательства, но при этом далее уже «связывающих» законодателя. Данная проблема актуализирована для России Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [23] (далее – ФЗ «О ТОР») и принятыми в соответствии с ним иными нормативно-правовыми актами.

Возникает вопрос о том, насколько положения данных нормативно-правовых актов соответствуют статье 4 Конституции РФ, предусматривающей распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию (вопрос соответствия Конституции РФ вызывает и п. 4 ст. 10 ФЗ «О ТОР», в соответствии с которым управляющая компания может наделяться полномочиями органов местного самоуправления – притом, что, в соответствии с п. 5 ст. 2 этого же Закона, «управляющая компания» — это акционерное общество, то есть, по подп. 1, 2 ст. 50, п. 4 ст. 66 ГК РФ, коммерческое юридическое лицо, основной целью деятельности которого является извлечение прибыли).

Показательно: в конце 2017 г. Минвостокразвития заключило контракт на 28 млн руб. для подготовки предложений о создании на Курильских островах территорий опережающего развития с иностранной компанией McKinsey & Company, что может представлять угрозу территориальному суверенитету и безопасности России, лежащую на пересечении указанных выше угроз [24].

Проблема могла бы быть решена, если бы Конституционный Суд РФ признал соответствующие положения ФЗ «О ТОР» и аналогичные им и/или развивающие их не соответствующими Конституции РФ.

4. В Конституции РФ отсутствуют апробированные в зарубежном опыте формулировки о запрете размещения иностранных военных баз на своей территории или о принятии столь стратегических решений исключительно на всенародном референдуме (актуализировано историей с т.н. «перевалочным пунктом» НАТО под Ульяновском) [25].

В заключение отметим, что пространственный потенциал развития России может определяться не только сохранением, но и «расширением» территориального суверенитета в условиях интеграции на постсоветском пространстве, что актуализирует анализ конституционных аспектов интеграционного права [26].

#### **Список литературы:**

1. Ершов М.В. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М.: Экономика, 2005.
2. Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет: история и современность. – М.: Аспект Пресс, 2013.
3. Блищенко И.П., Дория Ж. Понятие экономического суверенитета государства // Правоведение. 2000. № 1. С. 200-217.
4. Фархутдинов И.З. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. 2008. № 3.
5. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

6. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. №8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // ВКС РФ. 2004. № 4.
8. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
9. Конституция Демократической Республики Восточный Тимор от 20 мая 2002 г. // URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=336> (дата обращения: 16.07.2018).
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Вступ. статья д.ю.н., проф. И.Ю.Козлихина. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004.
11. Болдырев О.Ю. К вопросу о междисциплинарных направлениях для анализа проблематики экономического суверенитета государства // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 69-79.
12. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / научн. ред. С.А.Авакьян - Москва: Проспект, 2018.
13. Миронов И.Б. Политика правительства Российской Империи в освоении и ликвидации Северо-американских колоний: дис. ... канд. Ист. Наук. Воронеж, 2011.
14. Вылегжанин А.Н. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1. С. 104-113.
15. Конституция Украины // URL: [http://kodeksy.com.ua/ka/konstitutsiya\\_ukrainy/download.htm](http://kodeksy.com.ua/ka/konstitutsiya_ukrainy/download.htm) (дата обращения: 6 февраля 2018 г.).
16. Конституция Республики Беларусь на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь // URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 04.09.2018).
17. Конституция Франции 1793 года // Документы истории Великой французской революции. Т. 1 / отв. ред. А.В.Адо. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1990.
18. Федеральный закон от 5 апреля 2011 г. № 57-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2030.
19. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства и механизмы его защиты: взгляд юриста-конституционалиста // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. № 4. С. 199-207.
20. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
21. Козловский Е. А. Дальний Восток — зона притяжения (взгляд на перспективу в историческом плане). М.: ООО «Центр информационных технологий в природопользовании», 2006.
22. Сорокин Д. Е. Российский потенциал ассиметричных войн XXI века: социально-экономический аспект // Экономические стратегии, 2005. № 3. С. 13–15.
23. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».
24. Счетная палата: контракты с иностранными консультантами угрожают безопасности. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/01/29/749326-schetnaya> (дата обращения: 1 марта 2018 г.).
25. НАТО заплатит России за перевалочный пункт в Ульяновске // Ведомости. 2012. 20 марта // URL:

[https://www.vedomosti.ru/politics/news/2012/03/20/nato\\_zaplatit\\_rossii\\_za\\_centra\\_nato\\_v\\_ulyanovske#](https://www.vedomosti.ru/politics/news/2012/03/20/nato_zaplatit_rossii_za_centra_nato_v_ulyanovske#) (дата обращения: 26.03.2018).

26. Василевич Г.А., Василевич С.Г. Конституционные основы имплементации международных договоров Республики Беларусь и норм интеграционного права. Белорусский государственный университет. Минск: Право и экономика, 2015.

**Бондаренко Валентина Михайловна**

*кандидат экономических наук*

*ведущий научный сотрудник*

*Институт экономики РАН*

*г. Москва*

*bondarenko@ikf2011.ru*

## **НОВЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**Аннотация.** Статья написана по докладу, сделанному автором на пленарном заседании Международной научной конференции - XXVI Кондратьевских чтениях, посвященных актуальной теме: «Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее». Обосновывается необходимость использования нового методологического инструментария в решении проблем пространственного развития России. Но решать их надо системно, комплексно, целостно и междисциплинарно в единстве со всеми другими проблемами развития России на долгосрочную перспективу.

**Ключевые слова:** пространственное развитие, новых методологический подход, человек, цель, время, единая стратегия, единый критерий эффективности.

Острота проблемы развития России, ее актуальность заключается в том, что в 1990-годы ослабление внимания государства к проблемам пространственного развития страны и управлению этим процессом привело к возникновению глубоких деформаций в территориальном размещении производительных сил, уровнях развития субъектов Российской Федерации, миграционных потоках и т.д., и т.п.

При решении вопросов, связанных с размещением инвесторами новых производственных объектов, как правило, верх берут частные интересы бизнеса и отраслевые предпочтения федеральных министерств и ведомств. Интересы субъектов Российской Федерации, такие как создание новых рабочих мест, наполнение доходных статей бюджета, улучшение за счет этого качества жизни людей не решаются, не учитываются. За прошедшие годы произошло сжатие, уплотнение экономического пространства России. Сегодня на территории, составляющей лишь 5% от территории страны, производится свыше 40% суммарного валового регионального продукта. В то же время на территории европейского Севера, Сибири, Дальнего Востока, составляющих в совокупности 83% площади России, этот показатель не достигает и 30%.

Неравномерно распределен по территориям и научно-технический потенциал. Он концентрируется преимущественно на территории Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Нижегородской, Свердловской и Новосибирской областей. По данным Росстата, в 2016 году внутренние затраты на научные исследования и разработки по всем субъектам Российской Федерации составили свыше 943 млрд рублей, из них более 50% приходится на Центральный федеральный округ, что не способствует модернизации экономики Сибири и Дальнего Востока, ее переходу на инновационные рельсы. В 2012 году для целей мониторинга и управления регионами был разработан Ассоциацией инновационных регионов России совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации рейтинг инновационности регионов России. Но несмотря

даже на это, научно-технический прогресс генерируется центрами, число которых невелико и сосредоточены они преимущественно в европейской части России. Тем важнее их оптимальное пространственное распределение. Особенно с учетом того, что сегодня острую дискуссию вызывает точка зрения, которая обосновывает необходимость развития агломераций в пространственном развитии России и то, что они должны стать приоритетными на перспективу. Даже в Программе Гайдаровского Форума – 2019, недавно прошедшего в Москве, большое внимание было уделено проблемам пространственного развития и при этом подчеркивалось, что регионы России так сильно отличаются друг от друга по отдельным демографическим показателям, что различия между некоторыми из них сопоставимы с различиями между самыми развитыми и развивающимися странами мира [1].

По оценкам специалистов, сейчас в нашей стране сформировалось или формируется несколько десятков агломераций – это города-миллионники и прилегающие к ним территории, в которых проживают десятки миллионов человек. А во вне агломераций проживает почти 60 миллионов человек. Это более чем 800 малых городов, около 300 ТОРов и 400 моногородов, в которых действуют около 20 тысяч муниципалитетов, сельских поселений, Родовых поместий и экопоселений. И это притом, что разработана новая программа поддержки моногородов с целью обеспечения их стабильного развития. Но для достижения желаемого результата считают необходимым обеспечить координацию усилий администраций моногородов, градообразующих предприятий, максимально использовать федеральные и региональные меры поддержки, а также активно вовлекать в процессы изменений гражданское общество.

Формирование и реализация с помощью цифровых технологий и др. технологий Индустрии 4.0 Программ «Умный город» преимущественно осуществляется в агломерациях и, как следствие, происходит улучшение среды обитания, ее комфортности для человека именно в них. Это способствует к усилению процессов переселения в них все большего числа граждан, т.к. по мнению урбанистов Умный город это, прежде всего, укрепление связи между городом и его жителями, это превращение города в место интеллектуального развития с благоприятной экологической обстановкой. Поэтому сокращается число жителей в малых и средних городах, количество сельских поселений катастрофически снижается. Как результат — обезлюдение обширных территорий и может оказаться так, что пространство страны будет представлять собой архипелаг из группы островов — агломераций в безлюдном океане остальной территории России. А на таких территориях как Дальний Восток отток российского населения ведет к ускоренному их замещению населением из приграничных стран. Это значит, что возрастают риски для территориальной целостности страны, ее безопасности и благополучия. Решить все эти проблемы призвана Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года. Ее готовит Минэкономразвития России [2].

В целях оптимизации пространственного развития в настоящее время в проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года предлагается разделить Россию на 14 макрорегионов: Центральный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Западно-Сибирский, Южно-Сибирский, Енисейский, Байкальский и Дальневосточный. К 2025 году планируется обеспечить условия для формирования 35-40 крупных центров экономического роста, а также новых центров экономического роста в субъектах РФ. При этом предполагается, что доля городского населения в РФ продолжит увеличиваться, но произойдет замедление темпов концентрации населения в пределах Московской и Санкт-Петербургской городских агломераций. Окончательный вариант проекта министерством пока не представлен.

Обсуждение будущего документа идет активно и в научном сообществе. Но в основном акцент делается на инвестиционные, отраслевые и инфраструктурные аспекты пространственного планирования. Но совершенно не учитываются аспекты социальной, культурной, духовной жизни людей, комфорт и уровень жизни граждан. В свете майского

указа Президента России это является абсолютным приоритетом деятельности государства. Более того, отмечается отсутствие корреляции и увязка разрабатываемой стратегии пространственного развития с другими стратегическими документами и прогнозами, с их целями и задачами. Отсутствует общее для всех стратегий, программ и проектов целеполагание. Определение общей цели развития является наиважнейшей задачей фундаментальной науки. Ведь недаром президент России Владимир Путин и премьер-министр Дмитрий Медведев ожидают от Российской академии наук (РАН) активного участия в подготовке программ развития России и решении проблем пространственного развития России именно с учетом определения цели.

Но здесь надо отметить, что в настоящее время ни у кого, ни в России, ни в мире нет единого понимания цели, нет понимания куда идет человечество и видения на этой основе будущего. Целей ставится множество и они самые разные.

В комплексном, целостном, системном и междисциплинарном понимании и с учетом нахождения единой цели развития эту проблему никто не рассматривает. Так, в условиях использования цифровых технологий и др. достижений технологий Индустрии 4.0 создаются умные города. Цель создания первого «Умного города» Сонгдо в Южной Корее – сделать его важнейшим деловым центром Северо-Восточной Азии и застройщики рассчитывают, что город сможет привлечь множество компаний, желающих вести торговлю и бизнес в этом регионе. Аналогичные цели или другие частные цели ставятся и при разработке и создании умных городов в других регионах мира. Например, исследователи называют 10 городов, как считают, готовых к будущему. Это города в Австралии, Швейцарии, Нидерландах, США, Швеции, Сингапуре, Дании, ОАЭ и в др. странах. Такие города есть, например, в градостроительном плане Китая и Индии.

В России под Казанью создан «умный» город под названием Иннополис. Цель его создания та же – развитие высокотехнологичного бизнеса. Постепенно «умнеют» и обычные города, но с той же целью. Цель создания «Умных» городов в России - внедрить передовые цифровые технологии в области управления городскими хозяйствами на территории РФ, обеспечить рост конкурентоспособности российских компаний в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и создать перспективные продукты и услуги для обеспечения конкурентного предложения на внешних рынках цифровизации управления городами и территориями. То же самое следует из Меморандума о создании Национального консорциума развития и внедрения цифровых технологий в сфере городского управления (консорциум «Умный город»), подписанного 17 октября 2017 представителями Минкомсвязи России, компании «Ростелеком», корпорации «Росатом», Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) и МГУ им. М.В. Ломоносова. Самым продвинутым «Умным» городом в России считается Москва. В апреле 2018 г Москва представила для открытого обсуждения новое видение «Умного города», которое намечается реализовать до 2030 г. Цель разработки – сам «Умный город» и его технологии и их лучшие практики. Например, такие как: социальные сети, мессенджеры, технологии Big Data, цифровые помощники, облачные технологии, квантовые компьютеры, товарные агрегаты, машинное обучение и т.п. Исходя из объявленной методологии разработки стратегии «Умного города», в понимании будущего Москвы взяты разные прогнозы футурологов системно не объединенных единым целеполаганием. Разрабатывается специалистами ИКТ и вычислительных систем, специалистами по программированию, лингвистике, математике и аналитике без учета фундаментальных знаний о закономерностях формирования будущего, место и роль городов в этом будущем и влияние на пространственное развитие [3]. Риски и отрицательные последствия такого подхода к формированию умных городов России огромны. Отсюда следует, что самая важная задача, которую должна решить сегодня фундаментальная наука – дать методологическое обеспечение для поиска всех ответов на вопросы в формировании стратегии пространственного развития как базового документа в комплексной, системной,

целостной увязке со всеми другими стратегическими документами и с пониманием единого целеполагания.

Поэтому, главная задача автора данной статьи донести до научной общественности, до лиц, принимающих решения, до Правительства Российской Федерации и главы государства, что фундаментальная наука уже имеет методологию решения всех проблемы развития России, в т.ч. решения проблем пространственного развития России и разработку единой стратегии [4; 5]. Это не только проблемы развития цифровой экономики и строительства «умных городов» и т.п., но и возможность обеспечить комплексную, целостную, системную увязку решения всех проблем друг с другом и с задачами, обозначенными в майских указах Президента РФ 2018 г. И особенно обеспечить увязку каждой отдельной стратегии с другими стратегическими документами. И все это сделать с помощью нового методологического инструментария через нахождение общего для всех стратегий и 12 национальных проектов целеполагания. Ведь термин методология с древнегреческого понимается как путь, идя по которому достигается цель!

В соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ [6] в России разрабатываются в надежде на их реализацию, как минимум, 23200 стратегий разного уровня. Каждая из этих стратегий имеет свою цель, свои показатели и свои критерии оценки их достижения. Это полностью противоречит системному, целостному, комплексному представлению о развитии. Следовательно, есть основания утверждать, что ни одна из названных стратегий не будет реализована! Предлагаемый новый методологический подход - это результат многолетних эмпирических, политэкономических и мировоззренческих исследований. В проведенном исследовании были поставлены и решены четыре задачи.

**Первая задача** – это определить цель развития. Задача была решена, когда стало ясным, что развитие человеческого сообщества хотим, мы того или нет, происходит только ради того, чтобы удовлетворить высшую потребность каждого конкретного человека стать совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане и с высоким уровнем сознания.

**Вторая задача** была решена при условии, если развитие рассматривать с позиции целостности, комплексности, системности, и оно может быть познано только при объединении всех наук и духовных знаний в единое междисциплинарное знание и только в понимании и по отношению к этой выявленной объективно заданной цели. Только таким образом минимизируется во времени и в пространстве задача поиска, и устраняется хаос, сложность и неопределенность в понимании всех аспектов развития. Ведь до сих пор под междисциплинарным исследованием понималось решение задач одной науки методами другой. Или совокупность одновременно решения социально-экономических, демографических и эколого-климатических задач и процессов, например, в российских и зарубежных мегаполисах [7].

**Третья задача.** Было определено, что измерять, и сопоставлять все процессы и явления, опять же по отношению к объективно заданной цели развития, можно только с помощью единственного показателя - «время»!

И **четвертая задача.** Уже на основе этого единого показателя был получен единый критерий эффективности для всей системы и любой ее подсистемы, в любом разрезе – это «время между» достижением объективно заданной цели и той реальностью, где мы находимся. Если «время между» сокращается и эволюционно приближается к нулю, без возвратов вспять (а это значит без кризисов), то это значит, что Россия и мир объективно приближаются к достижению цели и каждый человек начинает ее в полной мере осознавать! А если возрастает, и возрастает для всех по-разному, то это означает, что все сообщество, все его части и все люди находятся в разных временных пространствах «между» и договориться друг с другом не представляется возможным.

За этим неизбежно следует нарастание конфликтов вплоть до возникновения войны. Сейчас мы с Вами являемся свидетелями пика таких отношений.

Таким образом, был получен новый методологический инструментарий. С его помощью стало возможным: сформировать новую парадигму прогнозирования будущего из будущего [8], понять закономерности развития человеческого сообщества и путей достижения цели [9], разобраться в природе системного кризиса и в том, что существуют только две парадигмы развития, одной из которых свойственны кризисы, а в другой могут быть созданы все условия для развития без кризисов [10], разобраться в том, что в условиях технологической революции Индустрии 4.0 и стремительного внедрения в жизнь цифровых устройств, решить в комплексе и с минимумом ресурсов и времени все 12 национальных проектов и достигнуть объективно заданной цели станет возможным только тогда, когда цифровая экономика будет рассматриваться как экономика согласованных интересов между государством, бизнесом, обществом и интересами каждого конкретного человека [11]. При условии, что этот механизм согласования интересов при их максимальном разнообразии будет реализован:

- В реальном времени;
- На каждом местном муниципальном уровне в режиме самоуправления;
- При осуществлении с помощью цифровых технологий персонализированного производства по его требованию, не производя ничего лишнего.

Это базовые условия решения всех проблем и мы получаем прогнозный горизонт не на 2030 год, а на всю долгосрочную перспективу пока не будет достигнута цель. И только таким образом развитие обеспечивается не методом проб и ошибок, а с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека, живущего на всем пространстве России.

В заключение следует добавить:

- Переход на новую парадигму развития, где целью является сам человек – является единственно возможным условием, способным мотивировать каждого конкретного человека на реализацию своего собственного потенциала, на повышение производительности труда, на обеспечение ускоренного и устойчивого во времени и в пространстве развития по отношению к цели с одновременным сокращением потребления всех видов ресурсов. И тем самым обеспечивается качество жизни не граждан вообще, а каждого конкретного человека;
- Новый методологический подход, как хорошее вино, выдержал испытание временем, и было бы хорошо для всех, для каждого человека в отдельности, для всей России и мира, если бы время между его разработкой и практическим использованием стремилось к нулю. Ведь недаром 8 декабря 2018 г. Президент России, выступая перед участниками собрания «Единой России», сказал: «Мир в целом находится в состоянии трансформации: очень мощной, динамично развивающейся трансформации. Если мы вовремя не сориентируемся, если мы вовремя не поймем, что нам нужно делать и как — отстать можем навсегда». И «Основная работа должна быть проведена в регионах Российской Федерации, на, региональном, даже на муниципальном уровне. Без этого успеха не будет».

#### **Список литературы:**

1. Гайдаровский форум 2019. Программа. <http://gaidarforum.ru/program/25-yanvaryu/> (Дата обращения 25.01.2019)
2. Проект Стратегии пространственного развития России до 2025 года [Эл. ресурс]-URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/planning/sd/201817081> (дата обращения 24.10.2018г.)
3. Умный город – Москва. [pravlenie-umnyy-gorod-programmy-tsifrovaya-ekonomika](http://pravlenie-umnyy-gorod-programmy-tsifrovaya-ekonomika) (дата обращения 24.10.2018г.)
4. Бондаренко В. М. Структурная модернизация в условиях формирования цифровой экономики // МИР (Модернизация, Инновации, Развитие), 2018. Т.9. № 2. С. 172-191. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.2.172-191.



5. Бондаренко В.М. и др. Россия в условиях цифровой трансформации: возможные модели социально-экономического развития // Информационное общество, 2018, № 6.
6. ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения 24.10.2018г.)
7. Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Б.А. Ревича. – М.: URSS, 2019.
8. Бондаренко В.М. Прогнозирование будущего сквозь призму новой методологии познания или прогнозировать будущее можно только из будущего / Прогнозирование будущего: новая парадигма: ред. Г.Г. Фетисов, В.М. Бондаренко. М.: Изд-во «Экономика», 2008. С. 220–270.
9. Bondarenko V. Transition to crisis-free development: a myth or reality? // World Futures. 2014. Volume 70. №2. Pp. 93-119.
10. Бондаренко В.М. Контурь экономики будущего и настоящего: две парадигмы развития // Вестник Института экономики РАН. 2011. №2. С. 25–38.
11. Бондаренко В.М. Мировоззренческие основания для поиска механизмов становления цифровой экономики // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. 2017. Специальный выпуск. Декабрь. С.144–152.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках  
научного проекта № 19-01-00001*

**Брындин Евгений Григорьевич**  
*Исследовательский центр ЕСТЕСТВОИНФОРМАТИКА  
г. Новосибирск  
bryndin15@yandex.ru*

## **НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ, ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ЗДОРОВЬЕ–ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИНЕРГИЯ РАЗВИТИЯ**

**Аннотация.** Основной вектор современной глобальной конкуренции и лидерства располагается в области динамично меняющихся преимуществ, основанных на научно-технических достижениях и инновациях. Опыт наиболее развитых стран показывает, что конкурентоспособность и лидерство обеспечивается функционированием национальной инновационной системы, в которой организовано научно-образовательное, инновационное технологическое, социально-экономическое и здоровое экологическое сотрудничество и партнерство.

**Ключевые слова:** синергия, научно-образовательная, инновационная технологическая, социально-экономическая, здоровая экологическая.

### **1. Научно-образовательная креативная синергия развития**

Соединение учебной и научной деятельности, их синергия – фактор и реальное средство повышения эффективности и конкурентоспособности инновационной экономики. Синергия образования и науки есть неперенное условие развития инновационной экономики. Синергия интеграции науки и креативного инновационного высшего образования ускоряет подготовку высококвалифицированных кадров. Ускоренный процесс подготовки высококвалифицированных кадров реализуется путем интеграции высшей школы с передовой исследовательской фундаментальной наукой.

Воспроизводство высококвалифицированных кадров имеет высокий приоритет. Крупные корпорации должны вкладывать достаточные средства в научные исследования и

разработки в области высоких технологий, подготовки специалистов соответствующего количества и качества, формировать систему государственно-частного партнерства в сфере высшего образования. Создание крупных учебных комплексов, базирующихся на совместной деятельности университета и производственного сектора, – одно из важнейших направлений межотраслевого взаимодействия для развития высокотехнологичной индустрии.

Исследовательская инновационная высокотехнологичная деятельность, как функция самореализации человека с поисковым менталитетом, творческой интуицией, ясным видением того, к чему должна привести та или иная новая технология становится приоритетной. Подготовка исследователей для инновационной высокотехнологической деятельности осуществляется на основе высшего креативного инновационного образования [1-3].

## **2. Промышленно-технологическая синергия развития**

Сегодня построение конкурентоспособного общества и подъем благосостояния во многом связаны с инновационными исследованиями и разработками с ростом инновационной емкости ВВП. Синергия инновационной и технологической деятельности имеет суммирующий эффект взаимодействия. Синергия интеграционных процессов в инновационной и технологической деятельности способствуют росту производительности труда, улучшению структур и конкурентной способности производств. Цифровые технологии привели к индустрии 4.0. В эпоху цифровой экономики технологии сами превращаются в работников. Движущим фактором этих процессов является экспансия компьютерных технологий. Изменились подходы к ведению бизнеса под влиянием развития технологий, в особенности резко снизилась потребность в найме сотрудников для выполнения повседневных рутинных задач. Происходит все более глубокое проникновение в нашу жизнь такого феномена, как «большие данные». Организации собирают информацию обо всех аспектах своей деятельности, об огромном наборе профессиональных навыков и операций. Роботы учатся легко и быстро осваивать новые навыки, особенно в тех случаях, когда у них есть доступ к большому объему данных для обучения. Роботы стали незаменимыми практически во всех отраслях промышленности. Учитывая способность универсальных роботов работать без перерывов и быстрое обучение новым видам работ, их привлекательность в качестве альтернативы человеку растет. Растет рынок интернет – магазинов. Синергия инновационных технологий и промышленности ведет к фундаментальной перестройке инновационной национальной инфраструктуры.

### **2.1. Инновационные центры навигаторы инноваций**

Создание инновационных центров, объединяющих научные открытия, результаты интеллектуальной деятельности, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские работы и высокотехнологичные компании поможет развитию инновационной деятельности. Инновационный центр представляет совокупность экономических субъектов объединенных на основе научных образовательных и исследовательских и экспериментальных институтов в систему по производству инноваций. Инновационные центры связывают инновационную активность и экономический рост. Стратегия развития инновационной деятельности строится на основе конкуренций нововведений, инвестиций, прибыли и факторов производства.

Результатом научно-исследовательской работы являются макеты и технологии. Результаты научно-исследовательской работы открывают поле деятельности для опытно-конструкторских работ. Результатом опытно-конструкторских работ являются передовые технологии и высокотехнологичные образцы с конкурентными эксплуатационными характеристиками. На передовых технологиях возвращаются высокотехнологичные быстрорастущие компании.

Научная деятельность поддерживается кадрами через фундаментальное образование. Исследовательская деятельность поддерживается кадрами через профессиональное образование. Опытно-конструкторские работы поддерживается кадрами через инженерно-

техническое образование. Фундаментальное, профессиональное и инженерно-техническое образование организуется как высокотехнологичное инновационное [1-3].

Результатом инновационных центров являются инновационные разработки высокотехнологичных быстрорастущих компаний.

## **2.2. Высокотехнологичные быстрорастущие компании основа инновационного технологического развития**

Эффективность системы инновационного технологического прорывного развития определяется ростом высокотехнологичных быстрорастущих компаний. Они добиваются результативности на внутреннем и внешних рынках в конкурентной борьбе по удовлетворению спроса населения и различных компаний.

Высокотехнологичные компании быстро растут за счет повышения производительности труда, снижения затрат, повышения качества продукции и услуг, конкурентной способности, высокой прибыльности, диверсификации удовлетворения спроса и синергии сотрудничества, использования цифровых технологий с Big Smart Data и повышения капитализации инновационной продукции.

Для поддержания роста высокотехнологичные компании периодически проводят инновационную аналитику и мониторинг конкурентоспособности на внешнем и внутреннем рынке. А также постоянно участвуют в отборе высокотехнологичных проектов креативных новаторов научно-образовательных организаций и инновационных центров. Высокотехнологичные быстрорастущие компании являются основой инновационного технологического развития.

Увеличение высокотехнологичных быстрорастущих компаний связано с передовой инфраструктурой научных исследований и разработок инновационной деятельности, а также совершенствованием межгосударственного сотрудничества по выводу конкурентной отечественной продукции на внешние рынки.

Высокотехнологичные быстрорастущие компании группируются на основе цифровой трансформации производства в центры мирового уровня, которые затем становятся центрами глобального технологического превосходства. Центры глобального технологического превосходства конкурентно заполняют международную инфраструктуру технологического полицентризма с экологическими трендами развития природных технологий. Инновационной деятельностью и синергией науки и производства с цифровыми технологиями они обеспечивают технологический и экономический рост и улучшают качество жизни населения.

Синергия инновационных исследований и высокотехнологичной промышленности ведет к фундаментальной перестройке рынка труда и социально-экономической системы.

## **3. Социально-экономическая синергия развития**

Справедливой основой социально-экономической синергии является финансовая стабильность здоровой жизнедеятельности каждого человека. Нравственной основой финансовой стабильности здоровой жизнедеятельности каждого человека является равномерность. *Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка (2 Коринфян. 8:12-15).*

Основным параметром финансового баланса населения территорий должна стать стартовая норма здоровой жизнедеятельности для всех участников экономических сфер и социальных программ. Стартовая норма здоровой жизнедеятельности позволяет обеспечить финансовую стабильность глобально. Для этого количество денег в экономике территорий должно быть всегда достаточно для производства и потребления продуктов, товаров и услуг здоровой жизнедеятельности населением, проживающим на ней. Также необходимо обеспечить равномерное регулирование ценообразования с учетом демографической ситуации и меняющегося спроса и предложений на рынке.

Финансовые балансы равномерной экономики должны обеспечивать всех участников хозяйственно-экономической деятельности и социальных программ финансами для здоровой жизнедеятельности.

Пусть СП - себестоимость продукции,  
КПТ - количество продукции-товара,  
РСТ - рыночная стоимость товара,  
КУТП - количество участников в товарной продукции,  
КПТП – количество производителей товарной продукции,  
С – спрос,  
РП – рыночная прибыль,  
О – отчисления от прибыли в фонды;  
ПП – присвоенная прибыль,  
СЭНЗЖ – социально-экономическая норма здоровой жизни,  
ПТ – производительность труда.

Тогда

$$\text{КПТ} \times (\text{РСТ} - \text{СП}) = \text{РП};$$

$$\text{ПП} = \text{РП} - \text{О};$$

$$\text{ПП}/\text{СЭНЗЖ} = \text{КУТП};$$

$$\text{КПТ}/\text{КПТП} = \text{ПТ}.$$

При 100% спросе на здоровую жизнь ( $C \geq \text{КПТ}$ ), ПП должна обеспечивать всех ее участников финансами для здоровой жизни.

Обеспечение населения стартовой социально-экономической нормой здоровой жизни осуществляется равномерным регулированием ценообразования с позиции реализации будущего спроса на здоровую жизнедеятельность.

Пусть  $\{X_i\}$  – множество товаров на рынке, где  $i = 1 \dots n$ ;

$X_i$  – количество  $i$ -ого товара;

$C_i$  – стоимость ресурсов на производство  $X_i$  товара;

$K_i$  – количество сотрудников участвующих в производстве и реализации  $X_i$  товара;

НЗЖ – норма здоровой жизнедеятельности;

$\Phi Z_i$  – фонд заработной платы сотрудников участвующих в производстве и реализации  $X_i$  товара; где  $\Phi Z_i \geq (K_i \times \text{НЗЖ})$  для всех  $i$ ;

$P_i$  – прибыль от реализации  $X_i$  товара на рынке, где  $P_i > \Phi Z_i$  для всех  $i$ ;

$U_i$  - цена  $i$ -ого товара на рынке;

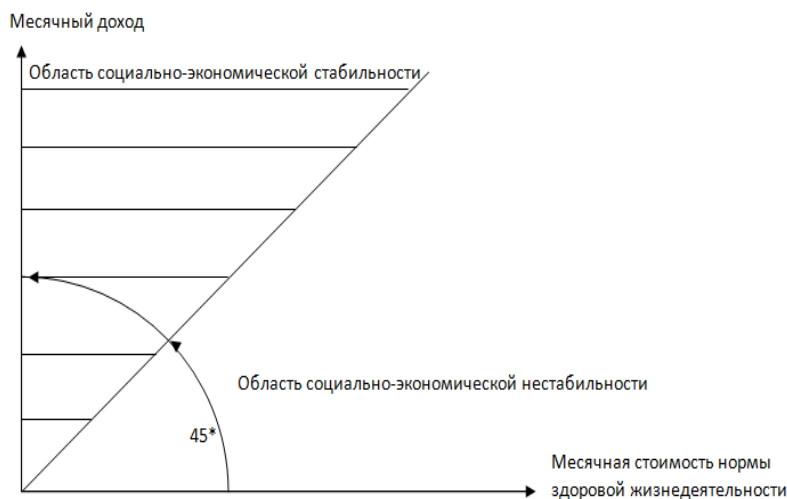
$K$  – количество населения;

$P$  – совокупная рыночная прибыль, где  $P = \sum P_i$  ;

Если  $U_i > (\Phi Z_i + C_i) : K_i$  для всех  $i$ ; то  $P : K \geq \text{НЗЖ}$ ; (1)

Если  $\Phi Z_i < (K_i \times \text{НЗЖ})$ , то увеличивается  $U_i$ , чтобы  $U_i > (\Phi Z_i + C_i) : K_i$ .

Финансовые балансы всех уровней, обеспечивающие условие 1, решают проблему поддержания здоровья населения и социально-экономической равномерной финансовой стабильности здоровой жизнедеятельности и поддерживают социально-экономическую синергию развития общества (Фигура 1).



Фигура 1.

Равномерный финансовый баланс населения городских и сельских территорий поддержит рыночное равновесие спроса и предложения.

Макроэкономическое равновесие достигается как результат совместных действий государства и бизнеса, факторов производства, спроса и предложения, при котором способ использования производственных ресурсов для создания различных продуктов, товаров и услуг и их распределение между гражданами населения сбалансированы. Динамическое равновесие достигается регулированием ценообразования и межотраслевого баланса равновесными ценами.

Эффективный механизм стабилизации глобального экономического благополучия осуществляется обеспечением покупательной способности, платежеспособного спроса, уравниванием цен, сбалансированными бюджетами государства и проектным финансированием и управлением [4-8]. Инвестированием в экологические проекты, проекты по здоровью поддержанию и проекты по улучшению качества жизни.

#### 4. Здоровая экологическая синергия развития качества жизни

Здоровье и экология основа качества жизни на Земле. Синергия экологии и здоровья достигается реализацией экологической и здоровьесберегающей программы. Экологическая программа «Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, чистая энергия, чистые города и села, чистая Природа» нужно ориентировать на формирование эко мира, во-первых, на повышение качества экологической экспертизы и ответственность малого, среднего и крупного бизнеса по загрязнению воздуха, воды, пищи, территории и Природы. Во-вторых, на ответственность экологических служб и власти за экологическое состояние воздуха, питьевой воды, территории города и села. В-третьих, на развитие и поддержку экологических проектов и мероприятий по контролю, учету и сохранению экологии окружающей среды. В-четвертых, на разработку и внедрение автоматизированной системы учета и контроля чистоты воздуха, воды, пищи, энергии, городов и сел, окружающей Природы. Информация от автоматизированной системы контроля, поступающая в государственные и общественные экологические контролирующие органы позволит оперативно реагировать на негативные явления. В-пятых, на формирование инфраструктуры здравоохранения перехода населения на здоровый образ жизни.

Реализация этой программы будет способствовать оперативному решению всех вопросов, направленных на восстановление экологии, сохранение здоровья и улучшения качества жизни населения, использование возобновляемых источников энергии, а самое главное превращение земли в заповедник, на которой люди будут жить по экологическим заповедям, не нарушающих естественной природы.

Иерархия быта в эко мире строится по цепочке: эко государство, эко города, эко дома. В эко государстве, эко городах и эко домах формируются эко быт, эко производство и эко общение. Циклы производственных, бытовых и общественных процессов не нарушают гармонии естественной природы на материальном, энергетическом и духовном уровнях. Циклы осуществляются обществом, не вмешиваясь в естественный ход природы, в ее естественное содержание, в окружающий мир ни бытовыми, ни производственными, ни социальными процессами. Общество и человек живут в эко мире в гармонии на основе экологических норм быта, общения и производства. Человек с рождения в семье включается в эко жизнедеятельность. Экологическое мышление, эко настрой, эко поведение приводят человека и общество к здоровому образу жизни в доме, городе, стране и мире. Экологический мир развивается на основе научных достижений, ведущих к безотходным технологиям, не нарушающих баланс природного содержания окружения общества, животного и растительного мира и жизни на Земле [9-10].

Программа здоровье сбережения нации формируется на основе здорового образа жизни. Чтобы вывести население России на здоровый образ жизни необходимо развивать здоровье сберегающую медицину и здоровье сберегающую систему здравоохранения. Здоровье сберегающая система здравоохранения будет периодически осуществлять диагностику населения, учить население настройке организма на здоровое состояние и здоровому образу жизни, помогать через оздоровительные профилактические центры настраивать организм на здоровое состояние и переходить на здоровый образ жизни [11-18]. Здоровый образ жизни обеспечивает человеку здоровье всю жизнь. Здоровое население сформирует здоровое общество. Для этого норма здорового человека должна стать стартовой социально-экономической нормой. Здоровье сберегающая система здравоохранения сможет реализовать экономический цикл восполнения и сохранения здорового человеческого ресурса. Здоровьесберегающая система здравоохранения переведет население России на здоровый образ жизни развитием оздоровительных способностей для достижения здорового состояния; приобретением навыков здоровье сбережения для сохранения здорового состояния; накоплением опыта здорового образа жизни в различных домашних, социальных и природных сезонных условиях для сохранения здорового состояния в течение года.

Важно каждому человеку сформировать экологическое здоровье творческое мышление. Когда здоровый образ жизни утверждается в здоровом обществе как семейная и культурная традиция и передается из поколения в поколение, тогда экологическое здоровье творческое мышление приобретает синергию развития качества жизни. Синергия сбережения здоровья и экологии способствует оперативному решению всех вопросов, направленных на повышение качества жизни и здорового долголетия.

### Список публикаций

1. Брындин Е.Г. Стратегия высокотехнологичного опережающего образования. Сборник Международной конференции «Управление талантами и трансформация корпоративной культуры». Издательский дом ТГУ. 2016. С. 221-224.
2. Брындин Е.Г. Инновационное развитие с опорой на высокотехнологичное образование. Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития Российских регионов». ТИУ. 2017. С. 266-271
3. Брындин Е.Г. Креативное инновационное высшее образование. Ежегодник: Россия: тенденции и перспективы развития, Вып.13, ч.2. – М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 797-802.
4. Брындин Е.Г. Равномерное жизнеустройство. Международная науч.-практ. конф. «Духовно-нравственные основы будущего России». ДВФУ. 2014. С. 110-117.
5. Evgeny Bryndin. Economic Aspect of Global Wellbeing. Journal “The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences”. Volume VII. 2016 . Pages 14-21.
6. Брындин Е.Г. Развитие цифрового сектора экономики. Сборник VII Международной научно-практической конференции: «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы» МГУ. 2018. С. 362-369.

7. Брындин Е.Г. Креативное управление диверсификацией экономики. Сборник VII Международной научно-практической конференции: «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы» МГУ. 2018. С. 759-764.
8. Bryndin E.G. Global Social-Economic Stabilization. *Scholar Journal of Applied Sciences and Research*, Volume 1: 3. 2018. P. 41-46.
9. Брындин Е.Г. Освоение жизненных пространств. X Международная Кондратьевская конф. «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ». М. Межрегиональная общественная организация наследия Н.Д. Кондратьева. 2017. С. 76-82.
10. Evgeniy Bryndin. Development of living floor spaces on the basis of ecological economic and social programs. *J. Resources and Environmental Economics*. V.1, N.1.2018. P. 1-8.
11. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Здоровоохранение на основе здорового образа жизни. Научный журнал «Национальное здоровье», № 1. КубГМУ. 2017. С. 34-42.
12. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Healthy Wellbeing of the Person and Society. Journal “The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS”. Volume XIX. 2017. Pages 130-139.
13. Брындин Е.Г. Брындина И.Е. Санаторно-курортный перевод населения на здоровый образ жизни. С-Пб.: /Научно-практический журнал «Донозология и здоровый образ жизни» № 1(20) 2017. С. 183-188.
14. E. G. Bryndin, I. E. Bryndina. Sanatorium Rehabilitation of the Population by the Healthy Lifestyle. International journal “Rehabilitation Sciences”, Volume 2, Issue 2. 2017. P. 35-40.
15. E. G. Bryndin, I. E. Bryndina. Formation of Public Health Care on Basis of Healthy Lifestyle. *International Journal of Psychological and Brain Sciences*. Vol. 2, No. 3, 2017, pp. 63-68.
16. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural Technology of High Quality Transition to Healthy Activity. *J. Galore International Journal of Health Sciences and Research*. Vol.3; Issue: 1. 2018. P. 24-32.
17. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Инфраструктура перехода населения на здоровый образ жизни. Ежегодник: Россия: тенденции и перспективы развития, Выпуск13, ч.2. – М.: ИНИОН РАН, 2018. С.648 – 653.
18. *Evgeniy Bryndin, Irina Bryndina*. Natural and Spiritual Aspects of Health and Social Infrastructure of Public Health Care on Base of Healthy Lifestyle. *Medical Open Journal Gerontology & Geriatrics*. Volume 3 Issue 6. 2018. P. 404-408.

**Букина Татьяна Витальевна**  
кандидат географических наук  
доцент по кафедре экономической теории  
Высшая школа экономики в Перми  
г. Пермь  
bukinatv@mail.ru

**Шейна Марина Витальевна**  
Кандидат физико-математических наук  
Высшая школа экономики в Перми  
г. Пермь  
marina\_cheina@mail.ru

**СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ: РОЛЬ  
ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

**Аннотация.** При рассмотрении старопромышленных городов возникает противоречие. С одной стороны - это необходимость инновационного развития городов как основных драйверов регионального развития, с другой – старопромышленный характер «ядра» данного региона. Это позволяет сформулировать гипотезу: развитие старопромышленных регионов будет связано с сохранением текущих тенденций без формирования приоритетов устойчивого пространственного развития, так как старопромышленные центры не смогут обеспечить вовлечение данных регионов в экономический рост.

**Abstract.** Cities have a crucial role in the development of regions through the development of innovation. When considering the old industrial cities there is a contradiction. On the one hand, this is the need for innovative cities developing as the main drivers of regional development, on the other - the old-industrial nature of the “core” of a given region. This allows us to formulate a hypothesis: the development of old industrial regions will be associated with maintaining current trends without prioritizing sustainable spatial development, as old industrial centers will not be able to ensure the involvement of these regions in economic growth.

**Ключевые слова:** старопромышленный город, инновационное развитие, региональное развитие, пространственная асимметрия, структура экономики.

**Key words:** old industrial city, innovative development, regional development, spatial asymmetry, economic structure.

Города играют важнейшую роль в развитии регионов, благодаря агломерационному эффекту, суть которого заключается в преимуществах концентрации экономической деятельности и ее разнообразии. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации (далее Стратегия) ведущая роль в развитии регионов отводится крупным центрам экономического роста, в качестве которых выступают крупнейшие и крупные городские агломерации [1].

В свою очередь, согласно основным положениям Стратегии, экономическое развитие крупнейших и крупных городских агломераций должно осуществляться, в том числе, за счет приоритетной поддержки высокотехнологических и наукоемких отраслей производства товаров и услуг, творческих (креативных) индустрий [1].

При этом в Стратегии никак не учтены особенности старопромышленных регионов, основная проблема которых – избыток производственных мощностей, представленных крупными и средними предприятиями с устаревшими оборудованием и технологиями, высокой степенью износа основных фондов.

И вот мы сталкиваемся с противоречием – с одной стороны, это необходимость инновационного развития текущих центров экономического роста как основных драйверов регионального развития, с другой – старопромышленный характер регионов, который накладывает отпечаток и на «ядро» данного региона. Это позволяет сформулировать гипотезу: развитие старопромышленных регионов будет осуществляться по инерционному сценарию, связанному с сохранением текущих тенденций развития экономики без формирования приоритетов устойчивого и сбалансированного пространственного развития, так как крупные центры, являющиеся старопромышленными территориями, не смогут обеспечить вовлечение данных регионов в экономический рост.

Верификацию данной гипотезы рассмотрим на примере г. Перми, который является «ядром» старопромышленного региона – Пермского края. В целях получения более корректных результатов будем рассматривать не один год, а изменения, произошедшие в экономике города за период 2012-2016 гг.

Рассматривая структуру экономики города за рассматриваемый период (2012-2016 гг.), необходимо отметить, что, как и в предыдущие периоды, определяющим для развития экономики города выступает вид экономической деятельности (ВЭД) «Обрабатывающие производства»: в общем объеме отгруженной продукции собственного производства, выполненных работ и услуг данный ВЭД составляет 71,6%.



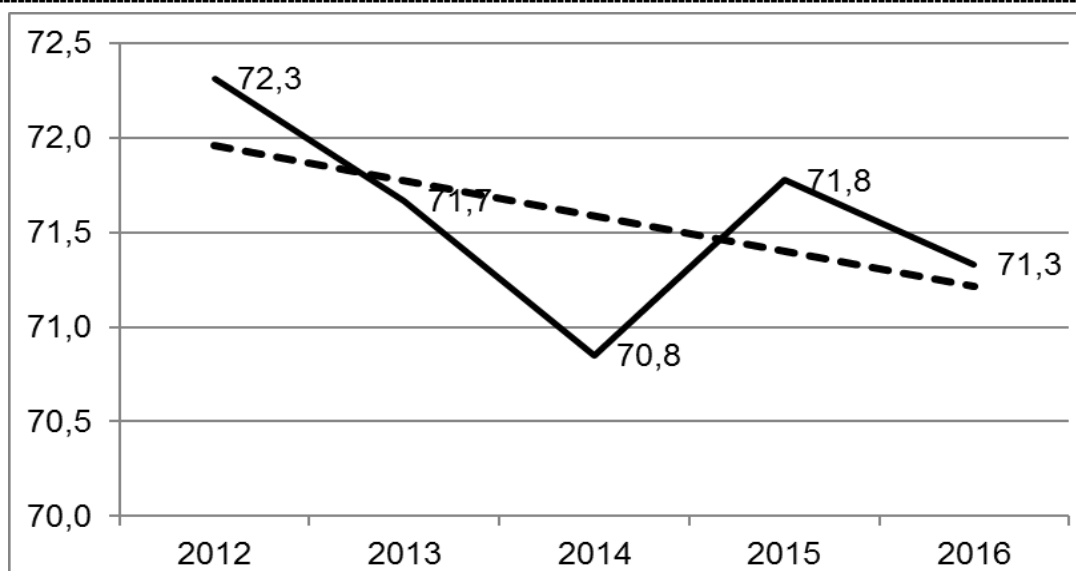


Рис. 1. Доля ВЭД «Обрабатывающие производства» в общем объеме отгруженной продукции собственного производства, выполненных работ и услуг

Это значит, что ключевая роль в экономике города Перми принадлежит промышленности: промышленным производством в городе занимаются 181 крупных и средних предприятий и организаций, что составляет 25% от общего количества промышленных предприятий Пермского края.

Проанализируем структуру данного ВЭД, представленную в табл. 1.

Таблица 1

Структура ВЭД «Обрабатывающие производства» г. Перми

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Обрабатывающие производства	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
из них:					
производство пищевых продуктов	4,77	4,72	3,57	3,71	4,89
обработка древесины	0,15	0,12	0,17	0,29	0,35
целлюлозно-бумажное производство, полиграфия	3,97	3,09	3,61	3,54	3,26
производство кокса и нефтепродуктов	56,58	60,02	60,80	67,55	54,35
химическое производство	7,66	7,80	8,04	10,23	10,64
производство резиновых и пластмассовых изделий	0,56	0,44	0,33	0,37	0,62
производство неметаллических минеральных продуктов	1,02	1,08	1,10	0,99	1,04
металлургическое производство	2,85	2,39	2,28	2,66	3,15
производство машин и оборудования	6,63	7,66	5,77	6,34	5,72
производство электрооборудования	6,31	5,91	5,43	6,74	7,67
производство транспортных средств	5,62	6,77	7,21	7,81	8,32

Если соотнести представленные подвиды экономической деятельности, отраженные в ОКВЭД (общероссийский классификатор видов экономической деятельности), с отраслями, отраженными в ОКОНХ (общероссийский классификатор отраслей народного хозяйства, имевшим место до 2005 г.), получим следующую картину (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение подвидов экономической деятельности по ОКВЭД г. Перми с отраслями по ОКОНХ

<b>Подвиды экономической деятельности (по ОКВЭД)</b>	<b>Отрасли (по ОКОНХ)</b>
производство пищевых продуктов	Пищевая промышленность
обработка древесины	Лесопромышленный комплекс
целлюлозно-бумажное производство, полиграфия	
производство кокса и нефтепродуктов	
химическое производство	Химическая промышленность
производство резиновых и пластмассовых изделий	
производство неметаллических минеральных продуктов	
металлургическое производство	
производство машин и оборудования	Машиностроение
производство электрооборудования	
производство транспортных средств	

Из табл. 2 следует, что ключевыми кластерами города являются: нефтегазоперерабатывающий, энергетический кластер, аэрокосмический кластер, химический кластер, машиностроительный кластер, лесопромышленный кластер.

Далее, рассмотрим отраслевую структуру экономики г. Перми (рис. 2).



Рис. 3. Структура экономики г. Перми в отраслевом разрезе за 2012-2016 гг., %

Итак, можно сделать вывод: преобладающими за рассматриваемый период являются ВЭДы, связанные, либо с добычей природных ресурсов, либо с начальными стадиями переработки – другими словами, городская экономика характеризуется преобладанием low-tech сектора против high-tech сектора, что в ближайшей перспективе может стать сильным ограничивающим фактором экономического развития города.

Говоря о структурных изменениях экономики любой территориальной единицы, будь то страна, регион, город, необходимо рассмотреть такой ключевой индикатор как инвестиции.

Проведем оценку инвестиционной деятельности в Перми. Посмотрим, какие тренды характерны для ключевого центра Пермского края.

Изменения инвестиций в г. Перми в период с 2012 г. по 2016 г. представлен на рис. 3.

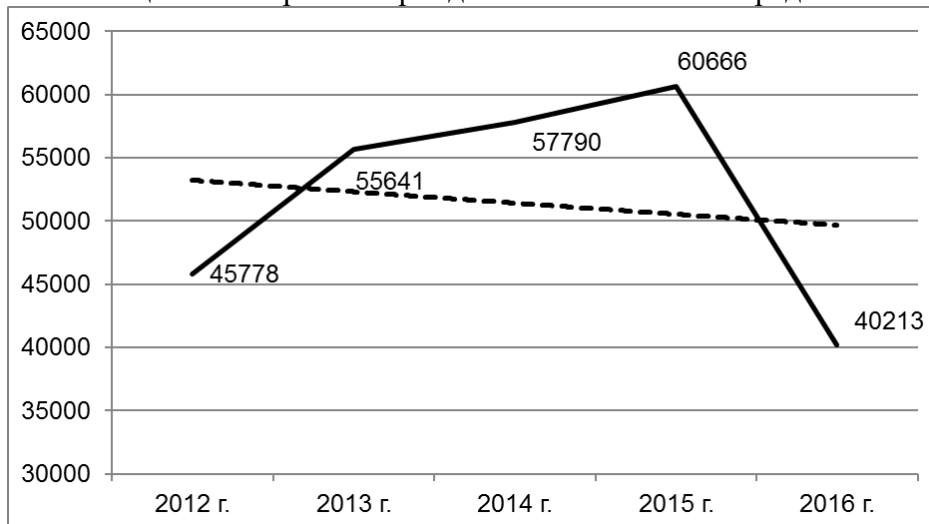


Рис. 3. Инвестиции в реальных ценах, млн руб.

Чтобы иметь возможность оценки реальных инвестиций, номинальные значения были «очищены» от влияния роста цен (приведены к ценам базового периода, за который был взят 2012 г.). Ситуация следующая: за рассматриваемый период в г. Перми происходит процесс «сжатия» инвестиций – региональный тренд в городе сохраняется. Сокращение инвестиций в г. Перми за период 2012-2016 гг. составило 12%. Если сравнить динамику инвестиций с 2015 г. по 2016 г. – ситуация буде еще «печальнее»: за данный период инвестиции сократились на 34%. Таким образом, в городской экономике мы наблюдаем сокращение производственного потенциала. Учитывая, что определяющую роль в экономике г. Перми имеют фондоемкие производства, т.е., которые требуют значительных капиталовложений на поддержание производственной базы и значительных инвестиций на ее расширение, возникает еще один ограничивающий фактор экономического развития – и это фактор «сжатия» инвестиций.

Давайте посмотрим, как обстоят дела с инвестиционной деятельностью ключевых ВЭД (табл. 3).

Таблица 3

Динамика инвестиций по видам экономической деятельности г. Перми в 2012-2016 гг.

Инвестиции по ВЭД	Темпы роста/спада в 2016 к 2012, %	Темпы роста/спада в 2016 к 2015, %	Тенденции роста/спада за 2012-2016 гг.	Тенденции роста/спада за 2015-2016 гг.
Инвестиции в реальных ценах, млн руб.	-12	-34	↓	↓
в том числе по видам деятельности:				
Добыча полезных ископаемых	-21	-20	↓	↓
Обрабатывающие производства	16	-60	↑	↓
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-52	36	↓	↑
Строительство	24	-6	↑	↓
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	19	60	↑	↑
Транспорт и связь	-1	-23	↓	↓
из них связь	x	x	x	x
Финансовая деятельность	-62	46	↓	↑
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	-25	-24	↓	↓

Анализ табл. 6 позволяет сделать следующие выводы. По ключевому ВЭД – «Обрабатывающие производства» за рассматриваемый период с 2012 г. по 2016 г. наблюдается положительная тенденция: мы имеем рост инвестиций в реальном выражении. Драйверами «инвестиционного роста» стали химическое производство и производство машин и оборудования (рис. 4).

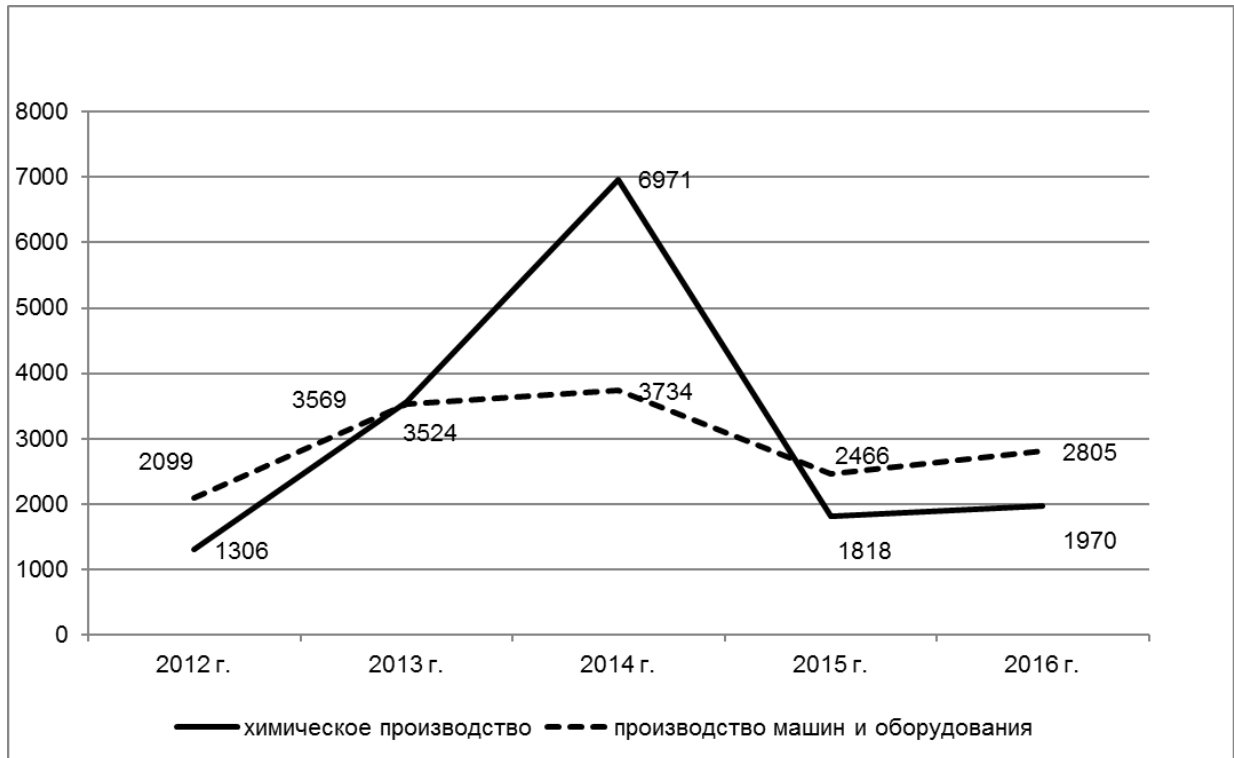


Рис. 4. Динамика реальных инвестиций (выраженных в ценах 2012 г.) по ключевым видам экономической деятельности ВЭД «Обрабатывающие производства», млн руб.

Однако динамика инвестиционной деятельности в 2016 г. по сравнению с 2015 г. в отношении ВЭД «Обрабатывающие производства» характеризуется отрицательными показателями: «сжатие» инвестиций за данный период составило 60%. И рис. 4 иллюстрирует, что это произошло в большей степени из-за резкого снижения инвестиционного потенциала химического производства.

Итак, процесс «сжатия» инвестиций является характерным и для г. Перми.

Подводя итог рассмотрению второй составляющей экономического развития города – инвестиционной деятельности, следует отметить наличие существенных ограничений по инвестиционной деятельности в городе. И причиной являются не внешние факторы в виде ограничения доступа к мировым финансам, а внутренние, а именно недостаточно благоприятный инвестиционный климат как на уровне страны и региона, так и на уровне города.

Итак, резюмируя структурные изменения, произошедшие в экономике г. Перми, можно констатировать, что сегодня экономическое развитие города сталкивается с достаточно мощными ограничивающими факторами в виде преобладания low-tech сектора в городской экономике против high-tech сектора; «сжатия» инвестиций, в результате чего в экономике города не только не происходит сохранения производственного потенциала, не говоря о его расширении: городская экономика характеризуется сокращением данного потенциала, и, как результат, сокращением возможностей экономического развития; недостаточно благоприятного инвестиционного климата в г. Перми, что приводит к деформации структуры инвестиций в основной капитал по источникам финансирования: более 90% привлеченных средств – это федеральный и региональный бюджеты.

Таким образом, экономика г. Перми стоит перед серьезными вызовами, и их игнорирование может негативно сыграть на ее развитии.

Перейдем к рассмотрению роли крупного центра, в данном случае, г. Перми как драйвера развития стратпромышленного региона – Пермского края. Для этого рассмотрим вклад г. Перми в формирование объема отгруженной продукции по видам экономической

деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»; формирование объема инвестиций в основной капитал. Данные были взяты за 2016 г. без субъектов малого предпринимательства.

В качестве показателя, позволяющего оценить данный вклад, использовали модифицированный индекс Джини для оценки пространственной асимметрии. Данный индекс Джини рассчитывался по формуле 1:

$$IG = \frac{m + 1}{m} - \frac{\sum Q_i}{50 * m} \quad (1)$$

где:

IG – индекс Джини;

m – число объектов;

$Q_i$  – накопленная доля показателя.

Интерпретация данного индекса Джини следующая. Данный индекс изменяется от 0 до 1. Значение «0» характеризует абсолютную равномерность, значение «1» - абсолютную неравномерность. Другими словами, чем сильнее значение индекса Джини отличается от «0», чем больше пространственная асимметрия.

Рассчитанный индекс Джини для объема отгруженной продукции ВЭД «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа, воды» в Пермском крае составил 0,81. Это свидетельствует о высокой пространственной экономической асимметрии. Доля г. Перми в величине объема отгруженной продукции в 2016 г. составила 48%. Таким образом, тенденция нисходящего тренда развития ВЭД «Обрабатывающие производства», «Добыча полезных ископаемых», «Производство электроэнергии, газа, воды», свидетельствующая о наличии кризисных явлений в экономике города, распространяется и на регион в целом (рис. 5).

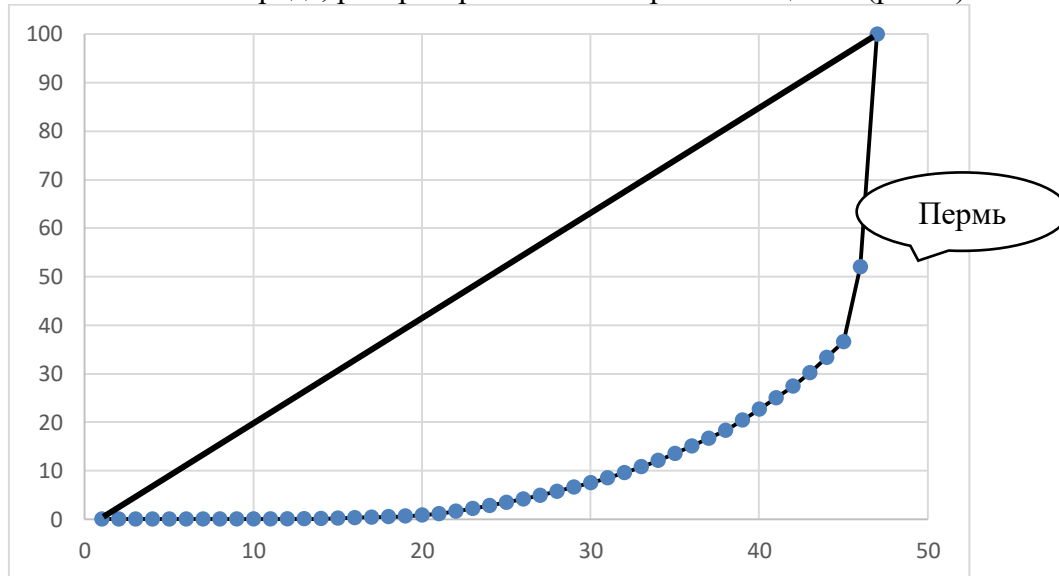


Рис. 5. Кривая Лоренца по показателю «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по муниципальным образованиям Пермского края» в 2016 г., млн руб.

Рассчитанный индекс Джини для объема инвестиций в основной капитал в Пермском крае составил 0,88. Это также свидетельствует о высокой пространственной экономической асимметрии. Доля г. Перми в величине объема инвестиций в основной капитал в 2016 г. составила 47%. Таким образом, тенденция сокращения производственного капитала в городской экономике распространяется и на регион (рис. 6).

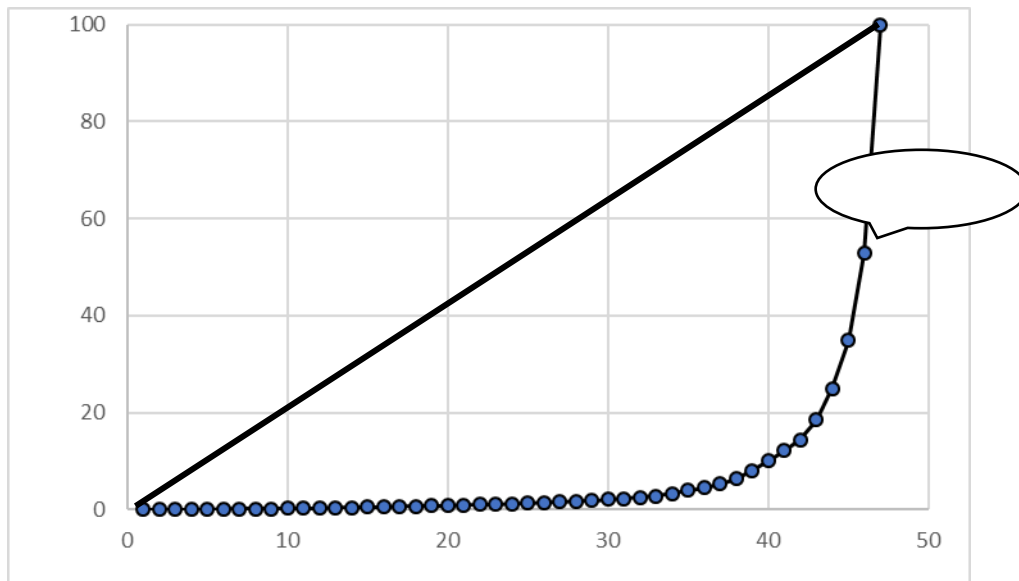


Рис. 6. Кривая Лоренца по показателю «Инвестиции в основной капитал по муниципальным образованиям Пермского края в 2016 г., млн руб.

Учитывая, что определяющую роль в экономике Пермского края, также как в экономике г. Перми имеют фондоемкие производства, т.е. те, которые требуют значительных капиталовложений на поддержание производственной базы и значительных инвестиций на ее расширение, возникает еще один ограничивающий фактор экономического развития – и это фактор «сжатия» инвестиций.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о развитии старопромышленных регионов по инерционному сценарию, связанному с сохранением текущих тенденций развития экономики без формирования приоритетов устойчивого и сбалансированного пространственного развития поскольку крупные центры не смогут обеспечить вовлечение данных регионов в экономический рост, была подтверждена на примере старопромышленного региона – Пермского края и его основного центра – г. Перми.

#### Список литературы:

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550971585> (дата обращения 25.10.2018).

**Бурьянов Сергей Анатольевич**  
кандидат юридических наук, доцент  
Московский городской педагогический университет  
г. Москва  
[burianov-msk@yandex.ru](mailto:burianov-msk@yandex.ru)

### СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

**Аннотация.** В статье исследуются стратегические перспективы развития России в условиях усиления глобальных процессов. Делается вывод, что потенциал устойчивого развития России неразрывно связан с интеграцией в мировое сообщество на основе создания условий для самореализации каждого индивида. Особо отмечается необходимость формирования научно-образовательной и нормативно-правовой основы для перехода к

устойчивому развитию на основе приоритета прав человека, мировоззренческого нейтралитета государства и толерантности.

**Ключевые слова:** глобальные процессы, глобальные проблемы, устойчивое развитие, самореализация личности, права человека, мировоззренческий нейтралитет, толерантность.

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным ускорением и усложнением общественных взаимодействий в планетарном масштабе [9]. Так как их развитие происходит не равномерно, то это приводит к разбалансировке и неуправляемости как общественных отношений, так и связанных с ними техногенных и социоприродных взаимодействий. В конечном итоге, это несет угрозы устойчивому развитию цивилизации и отдельных государств. В указанном глобальном контексте представляется актуальным исследование стратегических перспектив устойчивого развития России.

Термин «глобализация» основательно вошел в научный оборот, начиная с 70-80-х гг. прошлого века. Из многих зарубежных научных работ, посвященных глобализации, следует особо упомянуть Э. Тофлера, который уже в своей работе от 1970 г. указывает на беспрецедентную скорость «стихийной силы» глобальных перемен во всех сферах жизни общества, требующих осознания и адаптации с целью «предотвратить шок будущего» [6]. В более позднем фундаментальном труде от 1980 г. [5] исследователь констатирует, что третья (постиндустриальная) волна «продолжает трансформировать общество, поднимая его на все более высокий уровень многообразия и сложности» [6, С.546], а «подогревание темпа политической жизни, отражающее генерализованное ускорение перемен, интенсифицирует сегодняшнее разрушение политики и управления [6, С.552]. Далее говорится о низкой эффективности устаревших политических институтов в новых условиях, в результате чего лидеры национальных государств утрачивают эффективность «вне зависимости от риторики, которую они используют, и сабель, которыми они бряцают» [6, С.552]. Также приходится согласиться с мнением, что «их решения обычно вызывают дорогостоящие, нежелательные, зачастую опасные последствия и на глобальном, и на локальном уровнях» [6, С.552].

Из числа отечественных исследователей глобальных процессов и проблем следует выделить труды А.Х. Барлыбаева, Л.Е. Гринина, М.Г. Делягина, И.В. Ильина, П.Л. Капицу, Н.Д. Кондратьева, Э.Г. Кочетова, И.И. Лукашука, Н.Н. Моисеева, А.П. Назаретяна, А.Д. Урсула, А.И. Уткина, М.А. Чешкова, А.Н. Чумакова и др. В частности, еще в начале 90-х гг. прошлого века Н.Н. Моисеев говорил о начале принципиально нового глобального этапа человеческой истории при котором «могущество цивилизации впервые в истории планеты сделалось угрозой для жизни ее создателей, и проблема выживаемости человека на Земле стала реальной проблемой, стоящей перед мировым сообществом» [4, С.27-38].

Обобщая многообразие подходов, можно рассматривать глобализацию в качестве «объективного, но противоречивого и неравномерного процесса, направленного на формирование единой планетарной технососоциоприродной системы» [10]. В указанном контексте, как отмечает Х.А. Барлыбаев, «единственным легитимным средством, признанным мировым сообществом в качестве спасительного руководства к действию в изложенных обстоятельствах нарастающей неустойчивости мирового развития, преодоления деструктивных и наращивания конструктивных свойств глобализации, выступает концепция устойчивого развития» [1, С.1288-1289].

Данная концепция претерпела существенную эволюцию от экологических идеалов до более широкой альтернативы неуправляемости и несбалансированности глобальных процессов [7]. В частности, проблематика устойчивого развития была отражена в документах международных организаций, где особого упоминания заслуживает принятая в сентябре 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г.», направленная на «укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы» и состоящая из 17 целей и 169 задач.

Среди целей названы следующие: «1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах; 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение



питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства; 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте; 4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех; 5. Обеспечение тендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек; 6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех; 7. Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех; 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех; 9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям; 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними; 11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов; 12. Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства; 13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями; 14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития; 15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия; 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях; 17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития».

На внутригосударственном уровне России важную роль играет Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, принятая Указом Президента РФ от 01.04.1996 N 440. В соответствии с документом, «переход к устойчивому развитию должен обеспечить на перспективу сбалансированное решение проблем социально - экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала, удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений людей». В контексте указанной цели предполагается решение следующих задач: «в процессе выхода страны из нынешнего кризиса обеспечить стабилизацию экологической ситуации; добиться коренного улучшения состояния окружающей среды за счет экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления; ввести хозяйственную деятельность в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления».

Соответственно, в качестве основных направлений обозначены: «создание правовой основы перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, определяющего, в частности, экономические механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды; разработка системы стимулирования хозяйственной деятельности и установление пределов ответственности за ее экологические результаты, при которых биосфера воспринимается уже не только как поставщик ресурсов, а как фундамент жизни, сохранение которого должно быть неременным условием функционирования социально - экономической системы и ее отдельных элементов; оценка хозяйственной емкости локальных и региональных экосистем страны, определение допустимого на них антропогенного воздействия; формирование эффективной системы пропаганды идей устойчивого развития и создание соответствующей системы воспитания и обучения».

«Устойчивое развитие, как управляемый, интегрированный и сбалансированный процесс реализации жизненно важных интересов каждого человека и человечества, в

гармонии с природой» [2, С.36-49] неразрывно связано с правами человека. Также с правами человека неразрывно связаны толерантность, противодействие ксенофобии и нетерпимости, закрепленные в основополагающих международных документах. Для практического осуществления прав человека и достижения толерантности необходимо формирование инновационной научно-образовательной и нормативно-правовой основы, что будет способствовать переходу к устойчивому развитию и преодолению глобальных проблем. В свою очередь, важнейшим условием их реализации является принцип светскости, как мировоззренческого нейтралитета [3].

В соответствии со ст. 14 Конституции Россия является светским государством. Светскость государства, наряду с иными основами конституционного строя, выступает фундаментом для иных глав Конституции РФ и играет ведущую роль в системе конституционного права. Нарушения принципа светскости государства сопровождается повышением рисков для российской государственности.

Конституционный принцип светскости государства распространяется на государственную и муниципальную систему образования, которая должна быть нейтральной по отношению к каким-либо мировоззрениям. Кроме правового закрепления принципа светскости в Конституции России, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ подтверждает, что государство «не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания», а также «обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» (п. 2 ст. 4 ФЗ). Кроме того, «государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных организациях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании» (п. 3 ст. 4 ФЗ). В соответствии со ст. 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими; воспитание и образование детей осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания; религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные организации; по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы; религиозные объединения вправе осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в формах, определяемых внутренними установлениями религиозных объединений. Обучение религии и религиозное воспитание не являются образовательной деятельностью».

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. также содержит нормы, закрепляющие принцип светскости государственной и муниципальной системы образования. Кроме того, в ст. 5 гарантируется право на образование «независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». В указанном контексте правовое содержание светскости образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях России предполагает: обеспечение конституционной свободы совести и свободы вероисповедания; отделение и

равенство перед законом мировоззренческих (религиозных, антирелигиозных, иных) объединений от государственной и муниципальной системы образования; не допустимость в государственных и муниципальных образовательных учреждениях установления какого-либо мировоззрения (религиозного, антирелигиозного, иного) в качестве обязательного или официального; запрет мировоззренческим и иным общественным объединениям вмешиваться в управление государственными или муниципальными образовательным учреждением; запрет совмещать образовательный процесс с принуждением в обучении конкретному мировоззрению (в т.ч. религии, атеизму или религиозной культуре), а равно с принуждением к отказу от мировоззрения; недопустимость проведения в государственных и муниципальных образовательных учреждениях обязательных религиозных обрядов (за исключением свободного времени) [3].

Однако, практически во всех современных государствах имеются масштабные нарушения принципа мировоззренческого нейтралитета системы образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, что предопределяет нарушения прав человека и рост нетерпимости в обществе. Нарушения свободы совести в государственной и муниципальной системе образования могут привести к мировоззренческому расколу в обществе и, в конечном итоге, создадут вероятную угрозу национальной безопасности России. Для нейтрализации возможных осложнений законодательство и практику его применения необходимо привести в соответствие с Конституцией России.

В качестве вывода следует отметить, что перспективы устойчивого развития России неразрывно связаны с интеграцией в мировое сообщество на основе создания достойных условий для самореализации каждого индивида. Это значит, что международно признанные права человека, мировоззренческий нейтралитет, толерантность и противодействие нетерпимости должны стать безусловными приоритетами и основой устойчивого развития России.

В условиях углубления перехода к цифровой фазе информационного уклада роль человека в инновационной экономике объективно повышается, что требует создания правовых и организационных условий для его всестороннего развития. Так как доля творческого знаниеемкого труда в экономике возрастает, то это требует повышения квалификации работников. Это значит, что права человека, как мера возможного поведения, гарантированная системой форм международного и внутригосударственного права, выступают важнейшим инструментом развития «человеческого капитала». Для того, чтобы каждый человек смог стать целью общественного развития, как предпосылки для успешного развития общества, особая роль принадлежит реализации права на образование [8].

В перспективе, с учетом усиления глобальных процессов, политическая организация общества должна трансформироваться в децентрализованную неиерхическую несилую, основанную на усилении влияния гражданского общества и доверии, систему управления глобальными процессами в целях реализации прав человека, преодоления глобальных угроз и устойчивого управляемого развития человеческой цивилизации.

#### **Литература:**

1. Барлыбаев Х.А. Глобализация как форма движения и развития социоприродного мира // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1288-1289.
2. Бурьянов С.А. Некоторые подходы к определению понятия глобализации образования в контексте проблемы формирования системы управления глобальными процессами в интересах устойчивого развития // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 36–49.
3. Бурьянов С.А. Светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2016-й — начало 2017 года. М. 2017. – 196 с.
4. Моисеев Н.Н. Можно ли говорить сегодня о контурах будущего? // Полис. Политические исследования. 1991. № 3. С. 27-38.

5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. – 784 с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. – 560 с.
7. Урсул А.Д. В.И. Вернадский и ноосферные перспективы глобального направления науки // URL: <http://gigabaza.ru/doc/41510.html> (Дата обращения: 17.12.2018).
8. Урсул А.Д. Образование для устойчивого развития: инновационно-опережающие процессы // URL: <http://www.mgeu.ru/razvitie/ursul/> (Дата обращения: 17.12.2018).
9. Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. Монография. М.: Проспект, 2018. – 512 с.
10. Buryanov S.A. The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. Amsterdam, 2018. – 228 p.

**Бухвальд Евгений Моисеевич**  
*доктор экономических наук, профессор*  
*Институт экономики РАН*  
*г. Москва*  
*buchvald@mail.ru*

## **ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ**

**Аннотация.** Формирование системы документов стратегического планирования, связанных с регулированием пространственной структуры российской экономики, а также их практическая реализация в настоящее время требует дополнительных мер по усилению правовых и институциональных основ этой практики управления. Эта задача может быть решена, прежде всего, путем доработки и принятия Федерального закона об основах государственной политики регионального развития в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** стратегическое планирование, законодательное регулирование, институты и инструменты политики регионального развития.

Работа по подготовке документов стратегического планирования, предусмотренных 172-м Федеральным законом, показала, что сам по себе закон не решает всех проблем нормативно-правового регулирования такого планирования. В особой мере это относится к пространственному «срезу» социально-экономического стратегирования, основная цель которого - создать практические механизмы регулирования пространственной структуры российской экономики, в частности, в контексте основных задач федеральной политики регионального развития. Сложность решения данной задачи связана с тем, что длительное время все попытки обеспечить концептуальное осмысление этого вектора социально-экономической политики государства, а также сформировать его полноценную нормативно-правовую базу, успеха не имели. В итоге на протяжении почти 20 лет единственным действующим правовым актом в этой сфере оставался ныне уже не действующий Указ Президента РФ 1996 г.

Утвержденные этим Указом «Основные положения...» региональной политики в стране целостно отразили приоритеты региональной политики государства, выделяя, в частности, что очень важно, ее связь с совершенствованием федеративных отношений и местного самоуправления, с сокращением межрегиональной экономической дифференциации и пр. Одновременно документ указывал и на то, что решение большинства из поставленных задач в сфере регионального развития остается вне необходимого институционального обеспечения и нормативно-правового регулирования. Именно это и стимулировало в свое время начало работы над таким нормативно-правовым актом, как федеральный закон об основах государственного регулирования регионального развития.

Такой законопроект [1] был внесен в Государственную Думу Российской Федерации еще в 2000 г. В ноябре 2002 г. законопроект был принят во втором чтении, но затем его продвижение было приостановлено. Попытки вернуться к рассмотрению данного законопроекта принимались в 2002, 2007 и 2016 гг. Другими словами, длительное время законопроект формально продолжал находиться на рассмотрении и лишь относительно недавно был списан в архив – именно тогда, когда потребность в этом регулятивном документе обозначилась, по нашему мнению, наиболее зримо.

Между тем, законопроект содержал ряд важных и по-прежнему актуальных правовых норм. В частности, это – четкое определение понятия «региональная политика», которая определялась как система управляющих воздействий финансовой, социальной, внешнеэкономической, инвестиционной и других направлений политики государства на социально-экономическое развитие регионов. Среди других интересных положений данного законопроекта следует выделить включение в число субъектов политики регионального развития так называемых ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации [2], ныне утративших роль значимого «актора» такой политики. В значительной мере ассоциации в этой функции были «потеснены» созданными в 2000 г. Указом Президента РФ федеральными округами [3]. Таковые взяли на себя функции координации социально-экономической политики субъектов Федерации и ее согласования с мерами федеральной региональной политики. Теперь параллельно федеральным округам предлагается сформировать еще и особый институт макрорегионов, в результате чего представления о мезоуровне стратегического планирования в стране как-то потеряли определенность.

Принятие Закона №172-ФЗ о стратегическом планировании [4] дало возможность преодолеть затянувшуюся тупиковую ситуацию в области концептуального закрепления и законодательного регулирования региональной политики в Российской Федерации. При всех недостатках данного законодательного акта, его достоинством можно считать то, что его базовая идея строится на взаимоувязке стратегирования отраслевого и пространственного развития экономики. Соответственно, важную роль должны сыграть такие предусмотренные этим законом документы стратегического планирования, как «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации» [5] и «Стратегия пространственного развития Российской Федерации». На момент подготовки статьи такой документ, как Стратегия пространственного развития Российской Федерации все еще находится в стадии доработки. Однако основные положения данного документа были определены в Постановлении Правительства РФ №870 2015 г. [6]. В итоге, как мы полагаем, эти документы смогут сформировать ту концептуальную основу, которой ранее не хватало для доработки федерального закона по региональной политике.

Необходимость принятия такого закона ныне диктуется тем, что в политике регионального развития сложился круг вопросов, которые не имеют исчерпывающего правового регулирования. Прежде всего, сегодня сохраняется не вполне ясная ситуация с перспективами федеративной реформы в стране. То ли она уже завершилась, то ли нет. Если нет, то какие дальнейшие шаги в этом направлении были бы наиболее целесообразны. Конечно, закон о государственной региональной политике не может и не должен исчерпать собой законодательное регулирование федеративной реформы, однако этот документ может и должен указать на те ее актуальные задачи, которые в наибольшей мере могли бы повысить результативность государственной политики регионального развития. Прежде всего, это касается необходимости отказа от традиционно сложившейся трактовки этой политики государства как системы вспомоществования регионам и ее перехода к формированию условий и стимулов «саморазвития» субъектов Федерации.

Баланс централизованных инструментов государственной региональной политики и механизмов «саморазвития» регионов выступает одним из важнейших признаков федеративной государственности. Напротив, всякое бесконечное «перетягивание одеяла» полномочий и ресурсов на федеральные органы управления, последовательно превращает

таковые в центр административно-унитарного характера. Формализация федеративной природы российского государства не может быть «платой» за «эффективную» политику регионального развития и, в частности, за достижение целей относительного экономического выравнивания российских регионов.

В этой связи следует также обратить внимание на проблему гибкости в федеральной политике регионального развития. Речь идет об известном переформатировании этой политики от избыточного универсализма к ее осуществлению на адресной основе с мотивированным выделением различных типов субъектов Федерации и тех инструментов региональной политики, которые для них будут наиболее действенны. Ряд новых документов по стратегическому планированию говорит о том, что этот вектор совершенствования политики регионального развития может быть реализован. Так, в Постановлении Правительства РФ №870 указывается на необходимость строить основные положения Стратегии пространственного развития на основе результатов отнесения городов и регионов Российской Федерации к определенным типам. Эта мысль содержится и в «Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. В этом документе делается специальный акцент на дифференцированный подход к осуществлению мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей.

Однако использование таких начал региональной политики требует очень серьезной методической подготовки (критерии типизации; сроки и способы их периодической корректировки и пр.). Многие из этих вопросов могли бы, по нашему мнению, быть решены принятием федерального закона об основах государственной политики регионального развития. Например, это касается законодательного закрепления специфических функций отдельных видов институтов территориального развития; обязанности использования нескольких моделей межбюджетных взаимодействий федерального центра с субъектами Федерации на основе выделения в числе последних ряда целевых групп и пр. Кроме того, «возможность» еще не означает обязанности. Так, в официальном проекте Стратегии пространственного развития [7] хорошо прослеживается попытка применить в региональной политике государства принцип типизации, но только к различным видам поселений, а вот в отношении регионов этот подход, несмотря на его актуальность, явно не прослеживается.

В частности, абсолютизация симметричности межбюджетных взаимодействий центра и регионов, которая еще 15-20 лет назад могла быть отнесена к существенным достижениям в развитии российской модели бюджетного федерализма, сегодня уже явно непродуктивна. Так, в настоящее время в рамках действующей системы финансового выравнивания - и при поддержке государственных программ и институтов территориального развития - должны остаться только средне- и высоко дотационные регионы страны. Это обеспечит устойчивость их финансово-бюджетной базы и возможность реального стратегирования своего социально-экономического развития. Регионы-доноры и низко дотационные регионы должны формировать эту возможность через систему «расщепляемых» налогов, например, на основе участия в распределении НДС (до 5% контингента), а также за счет привлечения (на основе софинансирования) средств государственных программ территориальной направленности и средств федеральных институтов промышленно-инновационного развития.

Аналогично можно и нужно закрепить в указанном законе систему прозрачных критериев отбора регионов (макрорегионов), в отношении которых формируются федеральные программы территориальной направленности. К сожалению, часто используемый при аргументации необходимости таких программ принцип «приоритетности» допускает и субъективные трактовки, которые, однако, можно исключить, если смысл этого принципа будет закреплен законодательно. В соответствии с законом о государственной региональной политике, потенциальными бенефициарами программ территориального развития, по опыту некоторых стран, могут быть определены регионы, официально, на основе законодательно закрепленных критериев объявлены «территориями экономического бедствия». Это создаст правовую основу для того, чтобы данные территории были

получателями дополнительных форм государственной помощи, налоговых льгот и пр. при одновременном принятии мер по экономии и оздоровлению региональных финансов.

Крайне актуальная проблема, которая также может быть решена принятием названного федерального закона, состоит в необходимости координации действия основных каналов (инструментов) федеральной политики регионального развития. Сегодня это – межбюджетные отношения (причем в широком смысле, т.е. включая не только межбюджетные трансферты, но и распределение налоговых доходов по различным уровням бюджетной системы); государственные программы территориальной направленности; внепрограммная часть федеральных инвестиционных проектов и многочисленные федеральные институты развития. Пока же все эти инструменты федеральной региональной политики «работают» разобщенно, вне какой-либо взаимной согласованности. «Кумулятивная» картина их воздействия на тенденции социально-экономического развития субъектов Федерации не планируется и не отслеживается. В результате сказать, какое итоговое воздействие вся эта система инструментов оказывает на достижение приоритетов региональной политики федерального центра, включая и задачу экономического выравнивания регионов, невозможно.

Чтобы избежать всяких двусмысленностей, целесообразно закрепить в законе позитивное экономическое выравнивание субъектов Российской Федерации как основную задачу государственной политики регионального развития с акцентом на возрастающее значение выравнивания экономики России именно как пространства инновационного развития. Сегодня постановка этой задачи в системе региональной политики государства носит «всплывающий» характер: то она появляется в официальных документах, то исчезает. Те оценки, которые дает в этой связи Минэкономразвития РФ, варьируют по методике и по итоговым данным.

Первоначально, в Справочных материалах для Совета Федерации РФ Минэкономики РФ указывало, что межрегиональное неравенство в Российской Федерации за последние 10 лет (???) сократилось по показателю ВРП на душу населения с учетом паритета покупательной способности рубля с 14 раз до 11 раз, а по среднедушевым доходам также с учетом паритета покупательной способности рубля – с 6 раз до 3 раз. В официальном проекте Стратегии пространственного развития приведены уже иные данные. Здесь указывалось, что в течение последних 10 лет величина отношения среднего значения ВРП на душу населения по 10 субъектам Федерации с максимальным показателем к среднему значению ВРП на душу населения по 10 субъектам Федерации с минимальным показателем сократилась с 7,0 раз до 6,6 раза. Аналогичные соотношения по среднедушевым доходам с учетом паритета покупательной способности также сократились – с 2,9 раза до 2,2 раза.

Сам по себе тренд некоторого сокращения межрегиональной экономической дифференциации в Российской Федерации подтверждается и нашими расчетами (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Децильный коэффициент экономической дифференциации регионов России по душевой величине ВРП (без Крыма и Севастополя)

2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
<b>3,91</b>	<b>3,78</b>	<b>3,55</b>	<b>3,27</b>	<b>3,33</b>	<b>3,61</b>
2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
<b>3,52</b>	<b>3,86</b>	<b>3,73</b>	<b>3,18</b>	<b>3,40</b>	<b>3,14</b>

Таблица 2

Децильный коэффициент экономической дифференциации регионов России по душевой величине инвестиций в основной капитал (без Крыма и Севастополя)

2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
<b>6,07</b>	<b>6,40</b>	<b>5,31</b>	<b>4,86</b>	<b>5,74</b>	<b>5,09</b>
2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
<b>6,09</b>	<b>5,70</b>	<b>5,44</b>	<b>4,52</b>	<b>5,30</b>	<b>4,91</b>

Сопоставление данных, приведенных в табл. 1 и 2, показывает, что показатели экономической дифференциации регионов по душевой величине инвестиций в основной капитал более значительны, нежели по душевой величине ВРП. Это значит, что пока инвестиционный механизм российской экономики продолжает «работать» на дифференциацию регионов, а не на ее сглаживание. Кроме того, не ясно: если некоторое сокращение межрегиональной экономической дифференциации и имело место, является ли достигнутое решением задачи по существу, или тут еще нужны некие продвижения; и, если да, то до какого рубежа это вообще возможно и целесообразно. Этот вопрос требует очень серьезных исследований.

Наконец, в законе о государственной политике регионального развития, по нашему мнению, целесообразно закрепить положение о том, что обязательным составляющим (объектом) такой политики являются и малые формы территориальной организации. Прежде всего, это малые города России. По последним данным, моногородов в России насчитывается 319, причем, по нашим оценкам, примерно половина из них – малые города (с населением до 50 тыс. чел.). Собственно же малых городов примерно 800 (городские округа и городские поселения).

Сейчас в политике регионального развития еще неким образом позиционированы моногорода, которые являются потенциальными получателями помощи из Фонда развития моногородов. Кроме того, теперь здесь допускается создание ТОСЭР. А вот малые города как важный объект региональной политики неким образом «потерялись». Правда, официальный проект Стратегии пространственного развития воздерживается от однозначного акцента на мегаполисы как «локомотивы» экономического роста. Формально, поддержка обещана всем: и тем, и этим, но очень неконкретно и в необязательной форме. Как мы полагаем, поддержку малых городов в соответствии с законом следовало бы выделить в отдельное направление региональной политики, комбинируя в ней возможности государственных программ, институтов территориального развития, методы налогово-бюджетного стимулирования, регулирования социально-демографических процессов (расселения) и пр.

#### Список литературы:

1. Законопроект № 18259-3 «Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=18259-3&02>).
2. Федеральный закон 17 декабря 1999 г. №211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» (в редакции от 2 июля 2013 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.garant.ru/12117772/>.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. №849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12119586/>.
4. . Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/).



5. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/).
6. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71170676/>.
7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (проект) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081>.

**Власов Дмитрий Германович**  
*Приокский тыловой таможенный пост*  
*г. Калуга*  
*vlasovdmitriy@bk.ru*

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТФОРМЫ УЧАСТНИКОВ ВЭД В ЦЕЛЯХ УСКОРЕННОГО ПРОХОЖДЕНИЯ ГРУЗОВ ЧЕРЕЗ ЕДИНУЮ ТАМОЖЕННУЮ ТЕРРИТОРИЮ ЕАЭС ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**Аннотация.** Глобализация процессов интеграции экономик государств требует скорейшего пропуска грузов через таможенную границу ЕАЭС для своевременной наполняемости бюджета и пространственного развития России в целом. Для обеспечения этой функции остро необходимо внедрение эффективных инструментов автоматизации таможенных технологий, позволяющих выделять участников ВЭД, для которых необходимо максимально быстрое перемещение груза через границу на таможенное пространство ЕАЭС, товары которых подлежат таможенному и налоговому мониторингу и криминальные грузопотоки которых кого необходимо незамедлительно санировать.

**Ключевые слова:** административные барьеры, электронная платформа, добросовестный участник ВЭД, прозрачный зеленый коридор, пополняемость бюджета.

Развитие России невозможно без развития регионов в сотрудничестве с индустриальными и научными центрами страны и мира, без развития кооперационных, производственных и торговых связей. В этой связи открывается простор для действия механизмов свободной рыночной конкуренции. Основной экономической функцией государства становится создание и поддержание благоприятной конкурентной среды, снижение административных барьеров для частного предпринимательства, поддержка малого и среднего бизнеса, расширение сферы применения цифровой экономики, декриминализации и повышения безопасности цепей внешнеторговых поставок, повышения качества и доступности предоставляемых государственных услуг.

Однако хозяйственная экономическая практика требует выполнения ключевых государственных задач для экономического пространственного развития России, из которых необходимо выделить следующие:

- создание условий развития транспортных коридоров для мультимодального комплексирования видов транспорта между собой при обслуживании грузовых транспортных потоков и пассажиров: сетей речных трасс, высокоскоростных автомобильных, железнодорожных магистралей, гарантированной

высокоскоростной широкополосной связи и инфраструктуры узловых центров (морских, речных и авиационных портов);

- создание условий развития промышленных и перерабатывающих производств, с высокой долей добавленной стоимости, в особенности в отсталых и депрессивных территориях российских регионов Российской Федерации;
- создание условий распределения производительных сил по стране, обеспечения рабочих мест и трудозанятости населения, налогооблагаемой базы поселений, районов и регионов в целом;
- снижение административных барьеров и мотивации для законопослушного бизнеса добросовестных налогоплательщиков, а также санирование криминального сообщества незаконнопослушных участников ВЭД для увеличения пополняемости доходной части федерального бюджета таможенными сборами, пошлинами и налогами.

До сих пор в России административные барьеры препятствуют свободному перемещению грузов до их получателей при импорте, экспорте и международном транзите товаров через таможенную территорию Российской Федерации.

В тоже время ещё не преодолены серьезные структурные диспропорции, обусловленные крайне слабым развитием комплекса обрабатывающих производств с высокой долей добавленной стоимости (на долю регионов, включенных в состав данной макрзоны приходится только 7,2% от общего объема добавленной стоимости по России при менее 10 % суммарного валового регионального продукта и около 14% от общей по России численности занятых в экономике), что предопределяет сохранение трудоизбыточного характера экономики макрзоны с ее относительно низкой эффективностью, а также общей напряженности на рынке труда. Наряду с этим, данная макрзона характеризуется экстремально низкой инновационной активностью хозяйствующих субъектов, а также крайне низкой долей налоговых и иных поступлений в бюджетную систему России [1].

Пространственное развитие России затруднено её слабой инфраструктурной обустроенностью. Даже высокоскоростные автомобильные (в том числе платные) и железнодорожные магистрали вблизи федеральных центров все еще остаются редкостью, как и устойчивая и гарантированная высокоскоростная широкополосная связь. Для многих удаленных различных районов и зон российской периферии, таким образом, характерны транспортная и электронная недоступность. Среди уже освоенного пространства, заметно выросло количество заброшенных полей в сельской местности и промышленных зон в крупных, средних и малых городах, число «заброшенных» участков железных и автомобильных дорог [1]. Зачастую в этих регионах России, преобладает монозанятость населения, промышленный застой и сельское хозяйство здесь представлено на минимальном уровне. Такие регионы нуждаются в новых отраслях, производствах и равномерном распределении.

Таким образом, государству необходимо применять меры, посредством которых данные проблемы будут решены.

Рассмотрим на примере один из российских регионов – Ивановскую область, как издревле депрессивный российский регион, ныне обладающий множеством неиспользованных сельхозугодий. 60 % процентов земель в регионе заброшены и не используются по назначению [2]. Земли здесь не обрабатываются вообще. Но ведь это кормовая база для животноводства: мелкий и крупный рогатый скот. Не подлежит засеву по различным причинам теперь и лён, другие зерновые культуры, как основные посевные культуры, несмотря на подходящий климат, соответствующую благоприятную этому плодородность земли. Тогда как тысячу лет назад, в том числе и в советские годы, данные земли были засеяны. В настоящее время малая толика земли всё же засеяна, но встают важные земельные вопросы использования земель и потенциальные инвесторы уже находятся [2].

Так, одно из крупнейших мясоперерабатывающих предприятий России - компания «Дымов» в пос. Петровский Гаврилово-Посадского района Ивановской области приступает к строительству свиного комплекса на 2,5 тысячи голов с производством порядка 10 тысяч тонн мяса в год: выращивание свиней и их переработка. Животноводческий комплекс, по ожиданиям, станет крупнейшим в Ивановской области: объем инвестиций в создание свиного комплекса оценивается в 1,6 миллиарда рублей. Соответственно один только этот проект по животноводству позволит улучшить в Ивановской области трудозанятость населения региона. Возникнут 200 рабочих мест в районе, налогооблагаемая база поселений и региона в целом [3]. Эти положительные сдвиги принесут поступления налогов, сборов, отчислений в местный, региональный и федеральный бюджеты, заработную плату работникам предприятий.

Совместно с этим нужно решать и важные проблемы прокладки, строительства дорог для организации поставок сырья, вывоза готовой продукции, в том числе на экспорт. Дабы, не низкий по добавленной стоимости продукт (например: зерно) поставлять на экспорт из России в Евразийское экономический союз (ЕАЭС) и третьи страны, а продукцию с более высокой добавленной стоимостью (ВДС). Модель роста экономики России до кризиса держалась на масштабных перераспределениях созданной ВДС и ресурсной ренты между экономическими субъектами, в том числе между регионами [1].

Таким образом, государство не будет, к примеру, импортировать «куриные окорочка» из дальнего зарубежья, а мобилизует экспорт готовой продукции с ВДС: мясо кур, индеек, гусей, свиней и т.д. Эти производственные аспекты станут приносить весомые поступления таможенных сборов, платежей и налогов в федеральный бюджет России.

На международном уровне рассмотрим другой наглядный практический пример развития кооперационных связей между государствами ближнего зарубежья. Страны ближнего зарубежья (СНГ, Узбекистан, Таджикистан) планировали в 2018г. самостоятельно наладить переработку сырья (хлопок) и производить готовую продукцию. Однако в одиночку с этой производственной задачей не справились, и в настоящий момент заключается контракт, когда излишки хлопкового волокна будут поставляться на текстильные фабрики России. Поэтому, с точки зрения кооперации двух Республик и создания высококонкурентных тканей, пользующихся высокими потребительскими характеристиками, государству необходимо добросовестному сектору участников ВЭД снизить административные барьеры по импорту хлопка и экспорту готовой продукции: тканей, одежды зарубеж из России в государства-члены ЕАЭС и третьи страны, предоставляя привилегированный порядок скорости оформления этих грузов как на границе России, так и при таможенной очистке внутри страны.

В настоящее время уже принимаются меры в области упрощения перемещения грузопотоков внутри страны. В тоже время усиливаются контрольные функции, связанные с внутренними грузовыми российскими перевозками и внешнеторговыми поставками и платой за эксплуатацию дорог автомобильным транспортом регионально по электронной системе «Платон». Так, наложением штрафных санкций в большей степени на иностранные компании и пресечением неуплаты сборов с их стороны по системе «Платон» при въезде и выезде с таможенной территории России и движении по федеральным трассам без оплаты, государство поставило в одинаковые законно выполнимые условия деятельность иностранных и российских перевозчиков [4].

Выстраивается в связи с этим и инфраструктура для продвижения транспорта: мосты, эстакады, туннели, виадуки, точечно прокладываются трассы и магистрали и т.д. Начинают выстраиваться и на международном уровне транспортные коридоры: «Шёлковый путь» Европа-Китай, «Север-Юг», «Северный морской путь», «Северный широтный путь». Формируется поэтому и инфраструктура для продвижения транспорта внутри страны: новые скоростные электрифицированные железнодорожные линии, тоннели, мосты, эстакады, закупается подвижной состав, прокладываются новые широкие автомобильные трассы (без

перекрёстков) и магистрали. Однако работа ведётся точно в рамках отдельных регионов, областей и краёв.

К примеру, уже сейчас международный транзит через Республику Азербайджан вырос в 100 раз. Таким образом, резко возрос объём перемещения различных международных транзитных грузов только между Россией и Азербайджаном с начала функционирования транспортного коридора «Север-Юг». Так, разнообразие китайских, азиатских, японских, корейских товаров перемещается в контейнерах по транспортному коридору к Югу Каспийского моря. Далее, грузы доставляются сушей через Азербайджан и по Каспийскому, либо Балтийскому, Чёрному морям перемещаются через Россию речным, автомобильным либо железнодорожным транспортом в Европу. Так, уже строятся огромные морские порты и контейнерные терминалы в Новороссийске, С-Петербурге, которые аккумулируют, сортируют эти контейнеры из Китая, Кореи, Японии для погрузки в большие океанские суда. Далее, суда доставляют их в Европу: по Чёрному морю в Болгарию, либо по Балтийскому морю во Францию, Германию, Испанию, Англию и т.д. Поскольку логистический маршрут и затрачиваемое время оказываются короче и кратковременнее, транспортные издержки всех участников цепочки снижаются. При существующей инфраструктуре дорожных связей и магистралей объёмы перевозок составляют несколько млн. тонн, тогда как подобные транспортные коридоры дают возможности и потребности приумножать объёмы перемещаемых грузов в 1000 раз, т.е. достигнуть значений в 1000 млн. тонн.

При строительстве транспортных коридоров, выполняется огромный объём строительных, монтажных и организационных работ, что позволяет таким образом решать государственную задачу распределения производительных сил по стране, обеспечения рабочих мест и трудоузанности населения в целом.

Тем не менее, необходимо глобальным образом подходить к проблеме и выстраивать через таможенную территорию России протяжённые транспортные коридоры с прокладыванием огромных обводных, скоростных грузовых железнодорожных, автомагистралей, позволяющих разгрузить населённые пункты, не создавая пробок при продвижении груза и крупных простоев, издержек хозяйствующим субъектам – участникам ВЭД в этих центрах. Благодаря прокладке и выводу транспортных коридоров около городской черты, района, области или населённого пункта, это позволяет стремительно пропускать внешнеторговые грузопотоки с сохранением безопасности движения.

Важнейшей государственной задачей при строительстве международных транспортных коридоров огромной протяжённости является зарабатывание валютных доходов в федеральный бюджет на транзите различных грузов через таможенную территорию России посредством деятельности участников ВЭД благодаря ангажированию таможенных перевозчиков России, экспедиторских, логистических, транспортных компаний на водном транспорте (река, море), автомобильном, авиационном, железнодорожном транспорте.

При этом использование российскими и иностранными контрагентами внешнеторговой сделки, участниками ВЭД транспортных, экспедиторских и логистических компаний для перемещения импортных, экспортных и международных транзитных грузов через таможенную территорию России, по нашему мнению должно быть замотивировано и обеспечено преобладанием в этом смысле качества, удобств, стоимости и конкурентных преимуществ российских компаний перед иностранными. Это вновь поможет создавать рабочие места и трудоузанность населения России во всех регионах, налогооблагаемую базу поселений, районов, регионов для пространственного развития России и пополнения опять-таки бюджетов России всех уровней: местный, региональный и федеральный.

Проблемы транспортной логистики, логистизации торговли, пространственной интеграции и партнёрства стран, развития кооперационных цепочек для пространственного развития России находятся в центре внимания целого ряда российских исследователей: А.А. Акаев, Ю.А. Ковальчук, А.Н. Рябых, И.Е. Бельских, Е.П. Кузнецова.

Одновременно и важнейшие новые проблемы в области становления и развития цифровой экономики для пространственного развития России затрагивают интересы

следующих российских учёных: О.В. Никулина, М.М. Ищенко, И.М. Степнов, С.В. Дёмочкин, М.Н. Власенко, А.Э. Аракелян. Большую научную работу в области цифровой экономики проводит профессор, д.э.н. Брагина З.В., занимаясь цифровизацией бюджетного процесса на уровне муниципального образования региона. Задачи обеспечения бюджетного процесса быстрыми алгоритмами очень важны и необходимы. Но вместе с тем, отдельные участки научной области не разработаны. Поэтому плоскость наших исследований затрагивает участников ВЭД на уровне федеративного устройства. Развивать цифровую экономику необходимо, поэтому нужно обратить внимание на снижение издержек добросовестной среды участников ВЭД.

Как известно, теперь со стороны государства по отношению к бизнес-сообществу наблюдается серьёзный шаг на встречу и закрепление в обществе принципа *«презумпции добросовестности бизнеса»*, означающего его готовность побеждать в честной конкуренции при изменении идеологии государственного контроля и ограничении контрольных функций за деятельностью проверяемых лиц [5].

Хорошим показательным примером снижения административных барьеров государства служат импортные поставки цветов из Голландии в Россию, когда в целях сохранения качества продукции и скорости таможенной очистки такого груза, товар при въезде на таможенную границу России беспрепятственно, без досмотра и иных мер минимизации рисков пропускается на территорию России согласно упрощённому установленному порядку «зелёный коридор». Другим примером снижения административных барьеров государства, основанного на взаимосвязи полномочий регионального и федерального уровней, является нововведение по вопросам оказания на постоянной основе консультирования новым Ивановским экспортёрам многофункциональными центрами (МФЦ) г. Иваново и Ивановским таможенным постом Владимирской таможни совместно с Федеральным консультационным центром г. Москва поддержки экспорта при таможенном оформлении сертификатов соответствия, европейских сертификатов качества продукции на экспорт: например, поставки товара «пилеты из опилок» в Прибалтику.

Таким образом, в целях пополнения доходов бюджета, государство ориентирует производителей товаров с высокой добавленной стоимостью, на экспорт собственной продукции зарубеж. Так, ставится государственной задачей повысить экспорт сельхозпродукции с 20 млрд. до 45 млрд. долларов США.

Участники внешнеэкономической деятельности (ВЭД), принося своему бизнесу, значительные издержки в пути следования груза, накапливают свои расходы при таможенном оформлении в пунктах пропуска через таможенную границу, при простое на таможенных постах фактического контроля транспортных средств международной перевозки с товарами, в случае проведения досмотровых таможенных операций и иных мер минимизации таможенных рисков, хранения на складах временного хранения (СВХ), таможенных складах (ТСк) и др. Для этого, необходимо законопослушному сектору добросовестных участников (ВЭД) снизить административные барьеры и ограничить надзорные функции для свободного, быстрого движения товаров по единому таможенному пространству ЕАЭС и в случае его таможенной очистки.

М.В. Мишустин позиционирует систему налогового мониторинга для сомнительных сделок и для добропорядочных налогоплательщиков отсутствие налоговых проверок за открытость, прозрачность ведения бизнеса. Поэтому, использование автоматизации налогового контроля будет приводить к тренду роста эффективности камеральных налоговых проверок и существенным доначислениям, без выезда к проверяемым лицам. Это коснется всех налогоплательщиков независимо от системы налогообложения и размера бизнеса [6].

В нынешних условиях глобализации единого таможенного пространства ЕАЭС и необходимости скорейшего пропуска груза на таможенную территорию, сокращаются сроки выпуска товаров, регламентируемые государством с 2-х рабочих дней в 2010 г. до 4 часов в

2018 г. [7]. В российской таможенной практике, на сегодняшний момент срок выпуска импорта граничит в среднем на уровне 1 ч. 40мин.

Снижение сроков выпуска товаров до 4ч. и необходимость автоматизации процессов таможенного и налогового контроля подтверждает научную, практическую достоверность и обоснованность, а также апробацию автором с 2011-2018г.г. универсального механизма комплексной проверки импортных операций реализуемого таможенными и налоговыми органами, в том числе посредством создания системы электронной платформы налогоплательщика-участника ВЭД, позволяющей выполнять эффективную, консолидированную совместную работу, дифференцируя участников ВЭД в зависимости от проявленной ими степени таможенного и налогового рисков. Обосновано и предложено создание привилегированного порядка «прозрачный зелёный коридор» и упрощённой подсистемы «пост-контроль/зелёный коридор» электронных камеральных таможенных и налоговых проверок после выпуска только для законопослушных участников ВЭД, являющимися одними из наиболее эффективных инструментов сокращения административных барьеров, соблюдения принципа «прозрачности» внешнеэкономических сделок при ввозе товаров на единую таможенную территорию ЕАЭС и активизации деятельности добропорядочного бизнес-сообщества участников ВЭД. Применение в практике работы таможен региона деятельности Центрального таможенного управления (ЦТУ) электронной подсистемы «прозрачного» таможенного контроля после выпуска «пост-контроль/зелёный коридор» и надзорных каникул в отношении добропорядочного бизнес-сообщества участников ВЭД, в форме периодического проведения (1 раз в 3 года) у этой категории участников ВЭД профилактических камеральных таможенных проверок импортных операций (КТПИО) в электронном виде, закрепляет за ними статус свободного ускоренного прохождения грузов через единую таможенную границу ЕАЭС (менее 30 минут) и скорейший режим таможенной очистки (менее 2 часов) в таможне назначения (прибытия), при условии соблюдения и соответствия заданным критериям процедуры прохождения грузов «прозрачный зелёный коридор» [8,9].

В то же время необходимо усилить борьбу с криминальными внешнеторговыми грузопотоками недобросовестных участников ВЭД, импортируемыми со всех сторон на таможенное пространство ЕАЭС, экспортируемыми также на вывоз с таможенной территории ЕАЭС и проходящими транзитом через Россию как в государства-члены ЕАЭС, так и в ближнее и дальнее зарубежье третьих стран. Поэтому необходимо усилить санацию криминального сообщества участников ВЭД, подозреваемых или замеченных в схемах нарушения таможенного и налогового законодательства - «черный сектор», осуществляя выборочное санирование криминальных внешнеторговых грузопотоков товаров, реализуя механизм совместных камеральных и (или) в порядке вычисленной очерёдности совместных выездных таможенных и налоговых проверок этих лиц [8,10].

Таким образом, специализация региональных кластеров на производстве товаров с высокой добавленной стоимостью создаст и высокооплачиваемые рабочие места, и налогооблагаемую базу для бюджетов всех уровней и позволит заработать прибыль учредителям хозяйствующих субъектов. При этом значение товарных потоков с меньшими издержками прохождения товаров через границы будет только возрастать.

Кроме этого, анализ современных подходов и поиск новых методологических оснований требует новых подходов для снижения административных барьеров при прохождении товаров через границы и создание благоприятных условий для законопослушных участников внешнеторговых отношений. Кроме того снижение государственных издержек при пропуске товаров через границы единой таможенной территории ЕАЭС обеспечивает и снижение затрат законопослушных участников внешнеторговых связей. Мы предлагаем использовать электронную платформу портала государственных услуг для рейтингового отбора юридических лиц:

- а) законопослушных участников ВЭД используя для этой категории «прозрачный зелёный коридор» при прохождении товаров через таможенную границу ЕАЭС [8,9];

- b) выявление криминальных схем грузопотоков транзита, импорта и экспорта для анализа оперативными подразделениями [9,10];
- c) юридических лиц для плановых проверок после выпуска с большей вероятностью доначислений в федеральный бюджет;
- d) снижение относительного показателя затрат бюджетов приходящихся на количество налогоплательщиков соответствующего региона.

#### Список литературы:

1. Концепция стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. - [Электронный ресурс]. - [http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontsepsiya\\_SPR.pdf](http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontsepsiya_SPR.pdf).
2. Власти Ивановской области готовы помочь инвесторам, возрождающим заброшенные сельхозугодья. - [Электронный ресурс]. - Официальный портал. - The DairyNews. - <http://www.dairynews.ru/news/vlasti-ivanovskoy-oblasti-gotovy-pomoch-investoram.html>.
3. Свиньи ушли в ситцевый край. - [Электронный ресурс]. - Официальный сайт. – Зебра-ТВ. - <https://zebra-tv.ru/novosti/biznes/svini-ushli-v-sittsevyuy-kray/>.
4. Система «Платон» будет одинакова для российских и иностранных перевозчиков. - [Электронный ресурс]. - Официальный портал. - Диспетчерский интернет-сервис Перевозка 24. - <http://perevozka24.ru/news/Cistema-platon-budet-odinakova-dlya-rossiyskih-i-inostrannyh-perevozchikov>.
5. Владимирский Д. Взгляд Владимира Путина на развитие экономики страны // Ивановская земля, газ. - 2012. - 02 февр., №3 (325).
6. Камералки становятся все опаснее. Что научились выискивать налоговики, не выходя из кабинета. - [Электронный ресурс]. – Официальный сайт. – Клерк. - [http://www.klerk.ru/buh/articles/475188/?utm\\_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com](http://www.klerk.ru/buh/articles/475188/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com)
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза" (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). - [Электронный ресурс]. – [Справочная правовая система «Консультант Плюс].
8. Власов Д.Г. Автоматизированная технология выбора объектов совместных выездных налоговых и таможенных проверок импортных операций после выпуска товаров // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом, 2017. - №8. С.30-35. 0,63 п.л.
9. Власов Д.Г. Универсальный механизм совместной комплексной проверки импортных операций таможенных и налоговых органов // Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение, 2016. - №4 (48). С.21-30. 0,84 п.л.
10. Власов Д.Г. Методика организации и проведения совместной с налоговым органом выездной таможенной проверки импортных операций// Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение, 2014. - №4 (40). С.14-23. 1,00 п.л.

**Восканян Мариам Амбарцумовна**

*доктор экономических наук, доцент*

*Российско-Армянский (Славянский) университет*

*Армения, Ереван*

*mariam.voskanyan@rau.am*

## **КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ЗАМЕДЛЕНИЯ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В АРМЕНИИ**

**Аннотация.** Экономическая политика, прежде всего, несет в себе задачу по обеспечению высокого уровня благосостояния. Вместе с тем, развивающиеся экономики

зачастую подменяют понятия. В погоне за более количественными показателями смещаются акценты и задачи регулирования экономики, что в долгосрочной перспективе негативно отражается на качественном развитии.

В рамках данного исследования выделены ключевые факторы замедления темпов экономического роста в Армении, которые привели к ухудшению уровня благосостояния, увеличению уровня бедности, большому оттоку как человеческого, так и финансового капитала, и многим другим негативным последствиям.

**Ключевые слова:** экономический рост, искажения рынка, Армения

Последние десять лет развития экономики Армении ознаменовались рецессией и существенным замедлением темпов экономического роста. Многие исследования это доказывают [4]. Безусловно, внешние факторы сыграли свою роль. Однако, внутренние факторы, обусловленные институциональной несостоятельностью, на наш взгляд, имеют более весомое значение в процессе замедления темпов экономического роста за последнее десятилетие. Причины высокой эластичности экономики страны к внешним шокам как правило связаны со слабой институциональной средой и отсутствием внутренних резервов пополнения экономического потенциала в случае сокращения внешних источников «подпитки» экономики.

За последние десять лет средние темпы экономического роста в Армении составили 3,5%, в то время как средние показатели по миру за тот же период составляют 2,5%, а в группе стран со средним доходом – 5,3% (см. рис. 1). Средний показатель экономического роста за весь период независимости составил 3,3%. По миру эта цифра составляет 2,8% ежегодного роста<sup>7</sup>. Очевидно, что небольшой период двузначного экономического роста не создал достаточного потенциала для создания качественного экономического потенциала, что в свою очередь не привело к созданию внутренних резервов, позволивших устоять экономике в условиях высокой волатильности мировой экономики. В целом этот фактор и стал причиной значительного падения экономики Армении в 2009 г. и что более важно, причиной рецессии, которая сопровождается падением уровня жизни, повышением уровня бедности и многими другими социальными последствиями.

Одним из важных свидетельств этому является структура ВВП Армении по расходам. Как и множества экономик, ключевым источником роста ВВП является внутреннее потребление. Однако за последние десять лет мы наблюдаем резкое падению уровня потребления в стране, что в первую очередь говорит о падении уровня благосостояния населения. Важно отметить, что даже существенное увеличение доли государственных расходов в структуре ВВП не позволило увеличить объемы экономики в достаточной мере, о чем свидетельствует рисунок 1.



Рис. 1. ВВП в \$ США и темпы экономического роста в Армении.

Источник: База данных Всемирного Банка - <http://databank.worldbank.org>

<sup>7</sup> Источник: база данных Всемирного Банка - <http://databank.worldbank.org>



Наиболее яркой иллюстрацией современного развития экономики Армении является уровень подушевого дохода (см. рис. 2). Согласно классификации ВБ, Армения входит в группу стран со средним высоким доходам. Однако, как мы видим на рисунке, значение ВВП на душу населения в Армении по состоянию на 2017г. уступает среднему значению уровня подушевого дохода в группе стран со средним высоким доходам в два раза. Разрыв между Арменией и странами с высоким доходом, даже с учетом усредненного показателя, более чем в десять раз.

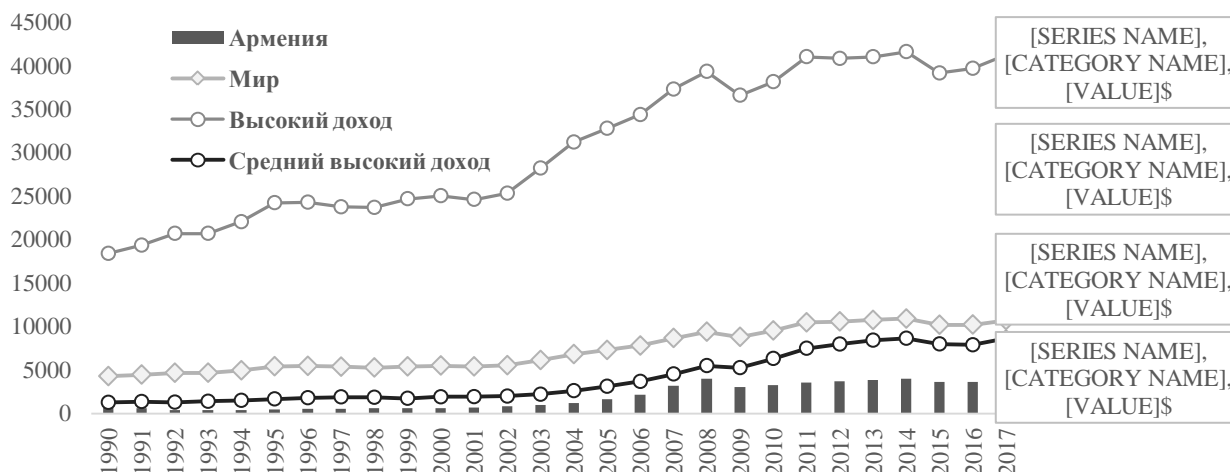


Рис. 2. ВВП на душу населения, \$ США в Армении и в мире.

Источник: База данных Всемирного Банка - <http://databank.worldbank.org>

Обзор некоторых качественных характеристик экономики, также наводит на достаточно пессимистичные выводы. Практически по большинству из имеющихся индексов развития тех или иных сфер жизни и благосостояния Армения находится на очень невыгодных позициях. Рисунок 3 иллюстрирует некоторые индексы, характеризующиеся в той или иной степени уровень жизни и условия для развития экономики. Как мы можем видеть, во всех представленных случаях Армения занимает одно из последних мест в рейтинге. При этом, значительные изменения за последние десять лет также не наблюдаются.

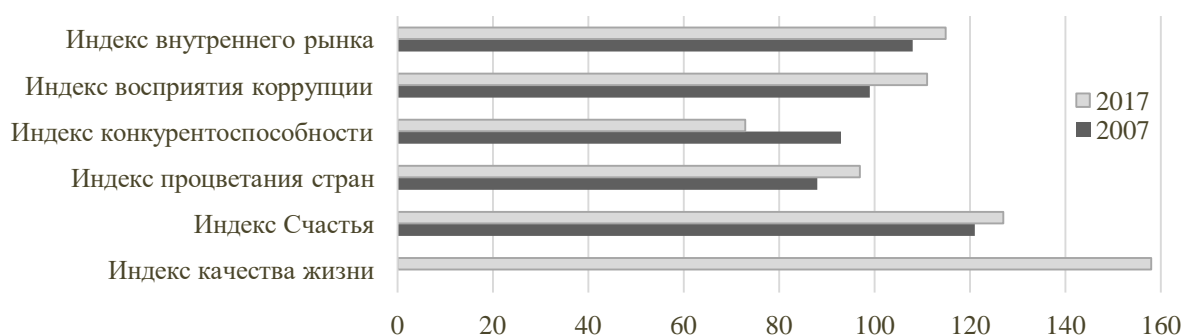


Рис. 3. Некоторые индексы качественного развития экономики Армении, место в мире.

Источник: <https://www.theglobaleconomy.com>

Наконец, рассматривая конкурентные возможности экономики Армении на мировой арене, мы можем заключить, что практически по всем критериям страна достаточно отстает по уровню развития от стран в первой двадцатке (см. рис. 4). Более того, некоторые факторы характеризуются ухудшением показателей. Так скажем, по макроэкономической стабильности Армения занимала 57 место в 2007г., тогда как в 2017г. уже сместилась на 101

позицию. Сократился также размер рынка, что характерно для экономики, находящейся в рецессии. Эффективность рынка труда также иллюстрирует негативные тенденции, что большей частью связано как с сокращением размеров самого рынка, так и большим оттоком населения последние годы.

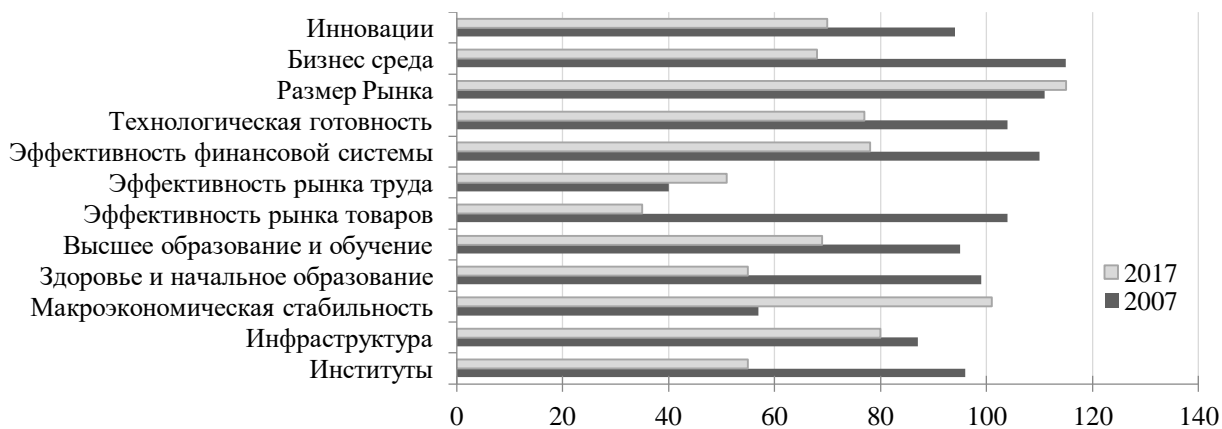


Рис. 4. Индекс конкурентоспособности, Армения, место в мире.

Источник: Всемирный экономический форум - <https://www.weforum.org/reports>

Таким образом, можно заключить, что замедление темпов экономического роста в Армении обусловлено множеством внутренних искажений рынка, который тормозят экономическое развитие страны как с среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе.

В рамках данного исследования, нами выделены ключевые факторы замедления темпов экономического роста, изменение которых приведет к ускорению роста и развития экономики.

Отметим, что выделенные факторы не полностью освещают весь спектр проблем, которые стоят перед экономикой Армении на пути к долгосрочному и устойчивому развитию. Однако, смена приоритетов относительно перечисленных факторов может привести к положительным сдвигам в развитии, прежде всего носящим качественный характер.

#### ✓ *Количественный рост вместо качественного*

На наш взгляд, первой проблемой, повлекшей за собой замедление темпов экономического роста, является упор макроэкономического регулирования на количественный, но не качественный рост. Наиболее яркие темпы экономического роста, достигнутые Арменией за период 2003-2008гг., были обусловлены существенными вложениями и соответствующим развитием строительного сектора. В то же время, сектор промышленности и сельского хозяйства сокращались с каждым годом. В результате, строительный сектор, зависимый как со стороны спроса, так и стороны предложения от внешних потоков капитала, в момент наступления кризиса пережил падение, которое в свою очередь непосредственно отразилось на экономическом росте.

Именно отсутствие качественного роста привело к резкому падению экономики и дальнейшей рецессии.

#### ✓ *Неэффективная фискальная политика*

Фискальное регулирование призвано в первую очередь обеспечивать условия для экономического роста. Однако, зачастую развивающиеся экономики, а Армения в этом смысле не исключение, использует инструменты налогово-бюджетной политики в целях пополнения государственного бюджета. Смена приоритетов в выборе направления фискального регулирования привела к увеличению налогового бремени с одной стороны и бюджетного дефицита с другой.

Отметим, что на фоне мирового финансового кризиса, а также локального кризиса в самой экономике Армении, налогово-бюджетная политика была направлена на увеличение

налоговой нагрузки как на бизнес, так и на домохозяйства, что в долгосрочной перспективе привело к сокращению ВВП, как по линии потребительских расходов, так и по линии доходов бизнес субъектов. За последние десять лет уровень налогового бремени с 16-17% поднялся до 22-12%<sup>8</sup>, и это в условиях сокращения спроса и прочих негативных последствиях кризиса!

Кроме того, в налоговых поступлениях в Государственный Бюджет РА все еще превалирует доля косвенных налогов, что также сказывается негативно на уровне благосостояния населения.

С другой стороны, расходная часть бюджета также не способствует стимулированию экономического роста. Из всех статей расходов Государственного Бюджета РА за последние десять лет увеличились расходы на государственный аппарат.

#### ✓ **Высокий государственный долг**

На протяжении последних десяти лет Государственный Бюджет РА страдает нарастающим хроническим дефицитом. По данным Национальной статистической службы Армении по состоянию на конец 2016г. бюджетный дефицит составил -5,5%. Необходимость покрытия бюджетного дефицита вынудила власти нарастить достаточно высокий государственный долг, который в условиях замедления темпов экономического роста является непосильной ношей для экономики.

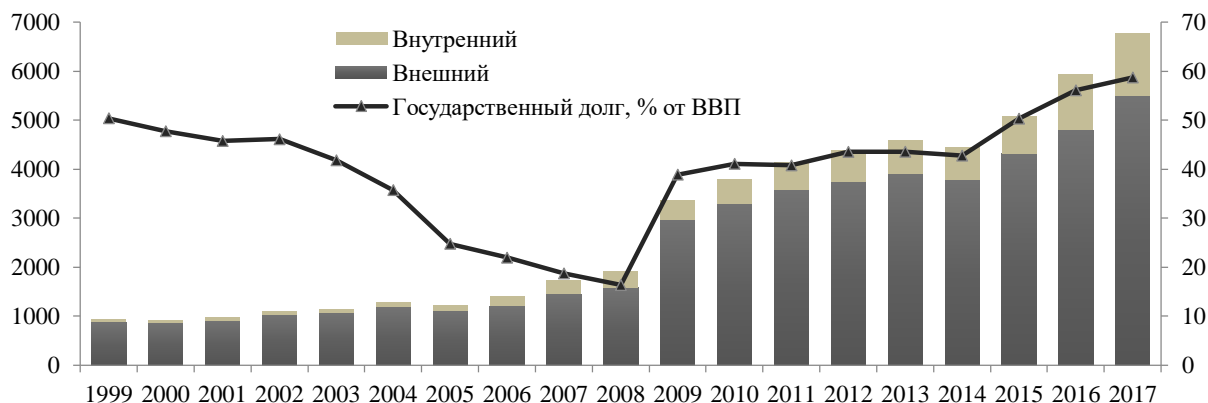


Рис. 5. Государственный долг Армении, в % от ВВП.

Источник: База данных Всемирного Банка - <http://databank.worldbank.org>

По результатам 2017г. уровень общего государственного долга Армении составляет 58,7% от ВВП (см. рисунок 5). Как мы можем наблюдать на рисунке, последние 4 года Правительство Армении наращивает также внутренний государственный долг, что может в перспективе привести к замещению внешнего долга внутренним. Однако в настоящий момент проблема внешнего долга актуальна и достаточно весома, особенно с учетом предстоящей первой выплаты по внешним заимствованиям в 2020г.

#### ✓ **Неэффективное монетарное и валютное регулирование**

Известно, что монетарная политика, может и должна обеспечивать такие условия, чтобы деньги сами по себе не оказывали негативного воздействия на экономику страны [5]. Воздействие монетарной политики на экономический рост всегда обусловлено конкретными условиями как самой экономики, так и внешней конъюнктуры мировой экономики. Выбор политики инфляционного таргетирования и одновременно активное вмешательство на валютный рынок за последние 10 лет повлекли за собой сокращение денежного предложения и как следствие, сокращение размеров рынка.

Многие наши исследования [3] доказывают, что политика ЦБ РА негативно сказалась на темпах экономического роста, прежде всего по причине концентрации «денежных властей» исключительно на достижении заданного уровня цен, тогда как искусственное

<sup>8</sup> Источник: Национальная статистическая служба РА – [www.armstat.am](http://www.armstat.am)

сдерживание роста денежного предложения в условиях кризиса привело к сокращению потенциального и фактического ВПП в долгосрочной перспективе.

#### ✓ **Монополизация экономики**

Экономика Армении характеризуется высокой степенью концентрации рынка, что негативно отражается на темпах экономического роста.

На сегодняшний момент около половины рынка характеризуется высокой степенью концентрации. Последние данные службы по защите конкуренции Армении свидетельствуют о достаточно высокой доли монополий (19%), дуополий (6%) и олигополий (35%) на товарном рынке. С другой стороны, высокой степенью концентрации характеризуется 25% товарного рынка, со средней степенью концентрации – 17%. Важно также отметить, что концентрация высока не только с точки зрения внутреннего рынка, но также и с точки зрения импорта, что еще более негативно сказывается на рыночной конкуренции в экономике. Показатели эффективности рынков также указывают на низкий уровень конкурентной среды в стране.

Таким образом, отсутствие достаточной рыночной конкуренции безусловно ведет к сокращению валового внутреннего продукта.

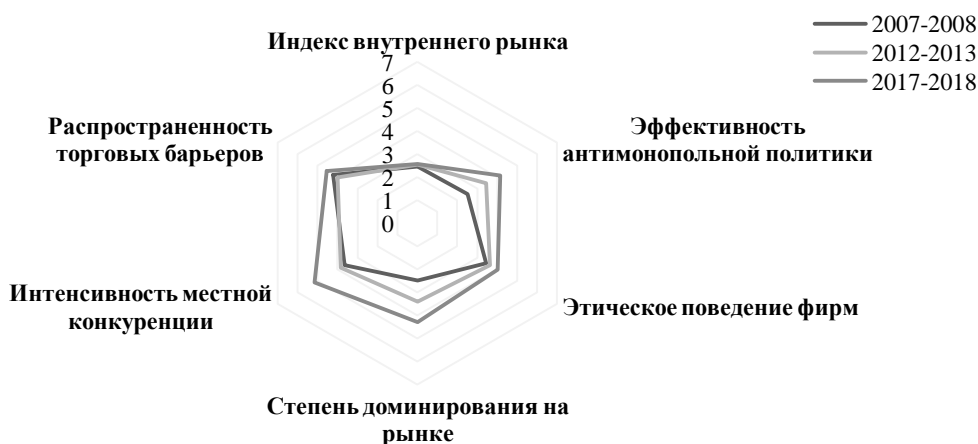


Рис. 6. Показатели эффективности рынков в Армении, значение (шкала от 1 до 7 (лучший)).

Источник: Всемирный экономический форум - <https://www.weforum.org/reports>

Более того, высокий уровень концентрации товарного рынка снижает уровень жизни и увеличивает долю населения с низкими доходами.

#### ✓ **Слаборазвитая финансовая система**

Финансовая система Армении развита только с точки зрения банковского сектора, однако и здесь последние десять лет накопились существенные проблемы.

Наши исследования [1, 2] доказывают не только однобокость развития финансовой системы Армении, но также и слабую связь с реальным сектором экономики, что не позволяет использовать накопления в банковской системе в пользу усиления экономической активности бизнес среды в Армении.

#### ✓ **Отрицательное сальдо торгового баланса**

Торговый баланс Армении на протяжении всего периода независимости характеризуется отрицательным значением сальдо, что в данном случае говорит о слабых экспортных позициях.

Безусловно причины превалирования импорта кроются в слабой и неэффективной институциональной среде, а также значительных ошибках макроэкономического регулирования, включая политику Центрального Банка РА. Так, одной из существенных причин сокращения экспорта является валютная политика ЦБ РА, которая на протяжении более 15 лет или укрепляла, или поддерживала имеющийся уровень обменного курса драма, что очевидно негативно сказывалось и продолжает негативно сказываться на экспортном

потенциале армянских товаров на внешних рынках. Стоит также упомянуть, что если в 1995 году в структуре экспорта Армении около 30% составляли машины и оборудование, то к настоящему моменту эта цифра сократилась до 2-3%. При этом, больше чем вдвое увеличилась доля продуктов питания. Очевидно, что изменения в структуре импорта не вызваны технологическим ростом и увеличением инновационного потенциала, а напротив говорят ровно об обратном.

✓ **Низкий уровень жизни, бедность**

Отдельной и вместе с тем существенной проблемой является уровень жизни населения в стране. Наряду с высоким уровнем безработицы, в экономике Армении наблюдается сокращение занятого населения, что обусловлено, прежде всего, достаточно высоким оттоком населения, за последние десять лет особенно. При этом, важным будет отметить, что эмигранты большей частью обладают высшим образованием, что говорит о серьезных потерях для экономики с точки зрения качественного человеческого капитала.

Причинами оттока населения, прежде всего, можно считать низкий уровень доходов. Выше мы уже рассматривали ВВП на душу населения. Значение средней заработной платы также находится на очень низком уровне. Согласно данным Национальной статистической службы РА она составила 362 доллара США по итогам 2018г. Среди стран ЕАЭС Армения занимает предпоследнее место по уровню средней заработной платы, тогда как ценовой фон на сегодняшний день в целом идентичен среди стран ЕАЭС. Не наблюдается также достаточного роста заработных плат. Средний темп роста заработных плат в Армении за последние 10 лет составил 8,4%, а за последние 5 лет 3,7%.

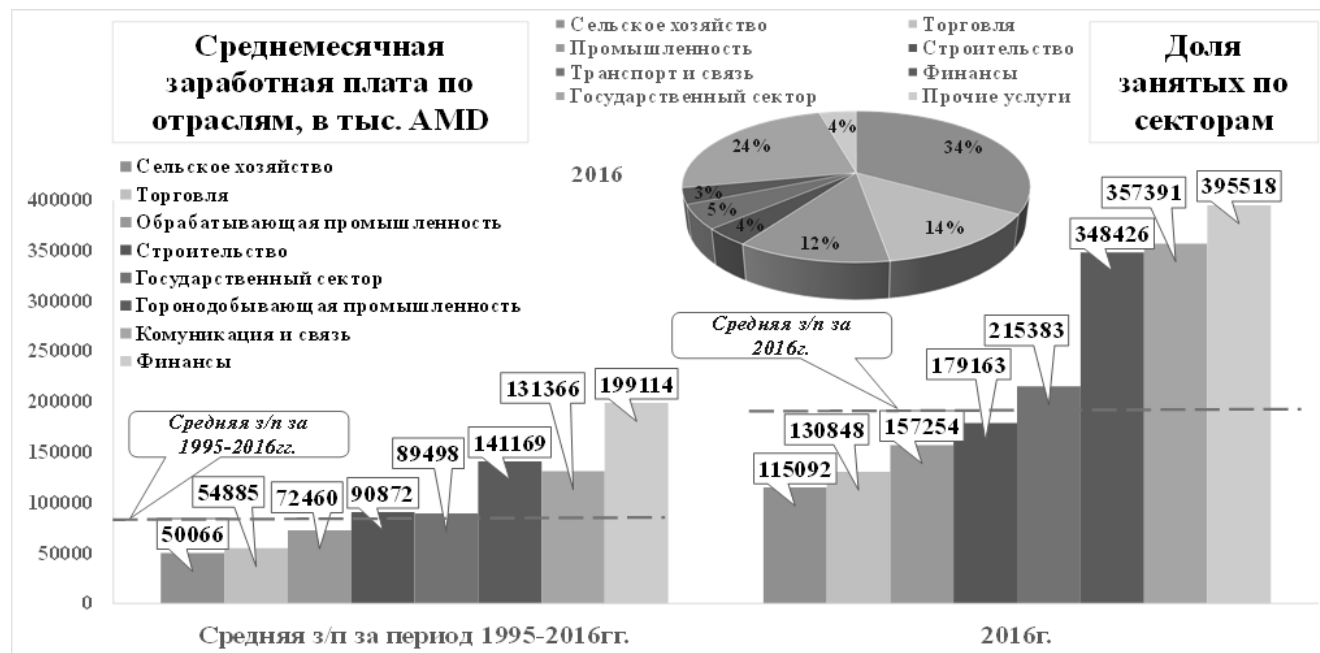


Рис. 7. Среднемесячная заработная плата по отраслям, в тыс. AMD и доля занятых по секторам в Армении.

Источник: Национальная статистическая служба РА – [www.armstat.am](http://www.armstat.am)

Важно также отметить, что наибольшая доля занятых наблюдается в сельском хозяйстве, тогда как именно в этой отрасли наименьший уровень заработных плат (см. рис. 7).

Уровень бедности в Армении составляет около 30%. По международным стандартам эта цифра находится на уровне 43,5% (см. рис. 8). За последние десять лет этот показатель сократился только на 4%. Доля крайне бедных в стране составляет 2%.

✓ **Высокий уровень коррупции**

По уровню коррупции страна занимает 111-е место в мире, а по индексу контроля коррупции 125-е. Показатели говорят сами за себя.

✓ **Неблагоприятная инвестиционная среда**

Наконец, последние 10 лет характеризуются большим оттоком капитала. На конец 2016 г. уровень ПИИ составил меньше 2% от ВВП, инвестиции в основной капитал составили 7,8% от ВВП против 19% в 2005г.

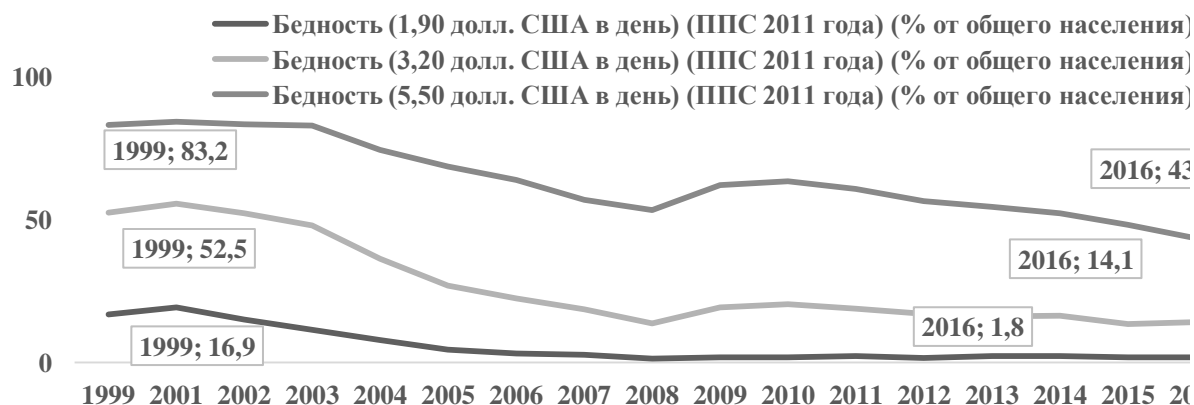


Рис. 8. **Уровень бедности в Армении, %**

Источник: База данных Всемирного Банка - <http://databank.worldbank.org>

Обобщая все вышесказанное, отметим, что все перечисленные выше факторы характеризуются глубокими искажениями и требуют незамедлительных действий.

На наш взгляд, ключевая ошибка макроэкономического регулирования прошлых лет заключается в отсутствии какой-либо стратегии, нацеленной на долгосрочную перспективу. Опыт стран с догоняющим развитием учит нас, что в основе успеха всех этих стран была четко разработанная стратегия макроэкономической политики, нацеленная на достижение прежде всего, высокого уровня благосостояния населения.

В настоящий момент Армения переживает новый виток развития, и при последовательном и эффективном подходе, это может стать возможностью для построения сильной и самодостаточной экономики.

**Список литературы:**

1. Восканян М.А. Банковская система Армении: ключевые проблемы и перспективы развития. Стратегические задачи макроэкономического регулирования и пространственного развития: Сборник научных трудов / Под ред. Д.Е. Сорокина, С.В. Шманёва, И.Л. Юрзиновой. – Орел: ОрелГУЭТ, 2018. – 196 с. Стр. 38-46.
2. Восканян М.А. Фондовая биржа Армении NASDAQ OMX: современная характеристика и перспективы развития. Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 1 марта 2018 г. / под общ. ред. Е.Н. Камышанченко, Н.П. Зайцевой. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 340 с. Стр. 113-116.
3. Восканян М.А., Галстян А.Г. Ловушка инфляционного таргетирования и ее воздействие на экономический рост: случай Армении. Научно-аналитический журнал «Управленец». № 5/69-2017 Изд. УрГЭУ - С. 97. Стр. 72-88.
4. Сандоян Э.М. О необходимости коренной модернизации системы государственного регулирования экономики в РА. Международная научно-практическая конференция “Современные проблемы инновационной экономики в развивающихся странах 17-18 октября 2013 года”, сборник научных статей том I Ереван Издательство РАУ

5. Friedman M. “The Role of Monetary Policy” // The American Economic Review, Vol. 58, No. 1, 1968, pp.12.

**Гордиенко Дмитрий Владимирович**

*доктор военных наук, профессор*

*действительный член (академик) Академии военных наук*

*профессор кафедры государственного регулирования экономики*

*Института общественных наук*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

*г. Москва*

*gordienko@ranepa.ru*

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ  
ПРИГРАНИЧНЫХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ  
ФЕДЕРАЦИИ: ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ЗАЩИЩЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ  
ХОЗЯЙСТВ В ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА**

**Аннотация.** Предложен подход к сравнительной оценке уровня экономической безопасности региона. Проанализирован подход к обеспечению экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов Российской Федерации в современных условиях. Сделан вывод о том, что в условиях реализации Россией своей «евразийской миссии» остается приоритетной задача обеспечения региональной экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов Российской Федерации.

**Ключевые слова:** экономика, оценка уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов России, Российская Федерация.

Оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности России и других государств мира может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны, расчетная формула которого может, в первом приближении, иметь вид [5, С.45 – 79; 6 – 8; 12]:

$$U_{ЭБ} = \prod_{i=1}^I \beta_i^{\alpha_i}, \quad 0,01 \leq \beta_i^{\alpha_i} \leq 100, \quad (1)$$

где:  $U_{ЭБ}$  - общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства государства,

$\alpha_i$  – вес  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность государства, здесь и далее полагается, что  $\alpha_i=1$ ;

$\beta_i$  – значение  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность государства<sup>9</sup>.

<sup>9</sup> При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при  $\alpha_i = 1$ ) и  $I = 9$  *наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя экономической безопасности государства –  $U_{ЭБ,min} = 10^{-18}$  – соответствует *наименьшему* уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя –  $U_{ЭБ,max} = 10^{18}$  – соответствует *наибольшему* уровню экономической безопасности государства. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства –  $U_{ЭБ} = 1$  – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики  $j$ -ого государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условию «порогу»,

Аналогично, оценка *общих интегральных уровней* экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов может базироваться на определении значений *общих нормированных показателей* безопасности хозяйств этих регионов, расчетная формула которого может, в первом приближении, иметь вид<sup>10</sup> [5, С.81 – 119; 6 – 8; 12]:

который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз.

Трудно искать какой-либо физический смысл в значениях общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства. Тем более нельзя абсолютизировать эти значения и применять к ним правила математического анализа. Однако, полученные таким образом значения общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства позволяют судить о том насколько уровень защищенности национального хозяйства страны поднялся (или опустился) относительно условно принятого порога и, следовательно, насколько этот уровень приблизился к уровню абсолютной защищенности (или абсолютной незащищенности) национального хозяйства. Для нашего случая (т.е. случая *одинаковой значимости компонент безопасности национального хозяйства* и принятых правилах нормировки частных показателей экономической безопасности) уровень абсолютной экономической безопасности государства составляет  $10^{18}$ , а уровень абсолютной незащищенности национального хозяйства страны –  $10^{-18}$ . В общем случае компоненты безопасности национального хозяйства имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) экономической безопасности государства. В частности, такая разнозначимость особенно проявляется для условий функционирования национального хозяйства в мирное время, в угрожаемый период и в военное время.

<sup>10</sup> Показателями-индикаторами региональной экономической безопасности могут стать: 1. Объем валового регионального продукта (ВРП); 2. Валовой сбор зерновых, млн. т.; 3. Доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4. Доля внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки (в % к ВРП); 5. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 6. Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 7. Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 8. Децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 9. Уровень безработицы (в % к экономически активному населению) и др.

Предполагается, что *наименьшее возможное* значение  $i$ -ого нормированного частного показателя региональной экономической безопасности –  $\beta_{i,j,min} = 0,01$  – соответствует наименьшему уровню экономической безопасности нашего государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение  $i$ -ого нормированного частного показателя –  $\beta_{i,j,max} = 100$  – соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства нашей страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение  $i$ -ого нормированного частного показателя –  $\beta_{i,j} = 1$  – соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства. Для **Приморского края** пороговыми уровнями региональной экономической безопасности могут быть: 1) для объема валового регионального продукта – доля ВРП в суммарном ВРП по субъектам РФ - 1,0 %; 2) для валового сбора зерновых – доля в валовом сборе зерновых РФ - 0,3 %; 3) для доли инвестиций в основной капитал – доля инвестиций в суммарных инвестициях по субъектам РФ - 1,7 %; 4) для доли внутренних текущих расходов на научные исследования и разработки – доля в общероссийских расходах на «гражданскую науку» - 0,6 %; 5) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции – соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции - 1,28; 6) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве – соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленной продукции – 0,7; 7) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения – соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума - 1,2; 8) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения – соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения - 0,9; 9) для уровня безработицы - соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы - 0,9. Для **Хабаровского края** пороговыми уровнями региональной экономической безопасности могут быть: 1) доля ВРП в суммарном ВРП по субъектам РФ - 0,9 %; 2) доля в валовом сборе зерновых РФ - 0,022 %; 3) доля инвестиций в суммарных инвестициях по субъектам РФ - 1,3 %; 4) доля в общероссийских расходах на «гражданскую науку» - 0,24 %; 5) соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции - 1,60; 6) соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленной продукции – 1,2; 7) соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума - 1,0; 8) соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения - 0,7; 9) соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы - 1,1. Для **Амурской области** пороговыми уровнями региональной экономической безопасности могут быть: 1) доля ВРП в суммарном ВРП по субъектам РФ - 0,45 %; 2) доля в



$$Y_{ЭБ,j} = \prod_{i=1}^I \beta_i^{\alpha_i} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_i^{\alpha_i} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100, \quad (2)$$

где:  $Y_{ЭБ,j}$  - общий нормированный показатель уровня безопасности экономики  $j$ -го региона,

$\alpha_{i,j}$  - вес  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего региональную экономическую безопасность  $j$ -го региона, здесь и далее полагается, что  $\alpha_{i,j} \neq 1$ ;

$\beta_{i,j}$  - значение  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего региональную экономическую безопасность  $j$ -го региона (региональную составляющую общего нормированного показателя уровня безопасности хозяйства  $j$ -го региона)<sup>11</sup>.

Каждое произведение  $\beta_i^{\alpha_i} \times \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}$  при этом представляет собой *нормированный частный показатель экономической безопасности* региона. При этом его общегосударственная составляющая  $\beta_i^{\alpha_i}$  характеризует безопасность национального хозяйства в целом (в среднем), а региональная составляющая  $\beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}$  - учитывает отклонение значения нормированного частного показателя экономической безопасности региона от общего (среднего) его значения по стране.

Диапазон значений общего нормированного показателя уровня безопасности экономики  $j$ -го региона  $Y_{ЭБ,j}$  при  $\alpha_i = \alpha_{i,j} = 1$  и  $I = 9$  находится в пределах от  $10^{-36}$  до  $10^{36}$ . *Наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя экономической безопасности  $j$ -го региона -  $Y_{ЭБ,j,min} = 10^{-36}$  - соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства и государства и соответствующего региона. И,

---

валовом сборе зерновых РФ - 0,6 %; 3) доля инвестиций в суммарных инвестициях по субъектам РФ - 1,0 %; 4) доля в общероссийских расходах на «гражданскую науку» - 0,085 %; 5) соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции - 0,24; 6) соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленной продукции - 0,6; 7) соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума - 1,3; 8) соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения - 1,0; 9) соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы - 0,9. Для **Сахалинской области** пороговыми уровнями региональной экономической безопасности могут быть: 1) доля ВРП в суммарном ВРП по субъектам РФ - 0,41 %; 3) доля инвестиций в суммарных инвестициях по субъектам РФ - 0,9 %; 4) доля в общероссийских расходах на «гражданскую науку» - 0,138 %; 5) соотношение фактического и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции - 0,22; 6) соотношение фактического и среднероссийского значения доли машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленной продукции - 0,1; 7) соотношение фактического и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума - 1,1; 8) соотношение фактического и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения - 0,6; 9) соотношение фактического и среднероссийского значения уровня безработицы - 1,3. Здесь значения нормированного частного показателя, характеризующего валовой сбор зерновых, полагаются  $\beta_{2,Сахалинская\ область} = 1$ .

<sup>11</sup> При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при  $\alpha_i = \alpha_{i,j} = 1$ ) и  $I = 9$  диапазон значений общего нормированного показателя уровня безопасности экономики  $j$ -го региона  $Y_{ЭБ,j}$  находится в пределах от  $10^{-36}$  до  $10^{36}$ . *Наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя экономической безопасности  $j$ -го региона -  $Y_{ЭБ,j,min} = 10^{-36}$  - соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства и государства и соответствующего региона. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя -  $Y_{ЭБ,j,max} = 10^{36}$  - соответствует наибольшему уровню экономической безопасности и государства и региона. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности  $j$ -го региона -  $Y_{ЭБ,j} = 1$  - соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства региона, понижение которого определяет состояние опасности для региональной экономики. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства данного региона от внешних и внутренних угроз.

наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя –  $U_{ЭБ,j,max} = 10^{36}$  – соответствует наибольшему уровню экономической безопасности и государства и региона. *Единичное* значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности  $j$ -го региона –  $U_{ЭБ,j} = 1$  – соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства региона, понижение которого определяет состояние опасности для региональной экономики. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства данного региона от внешних и внутренних угроз.

\* \* \*

Российским Правительством значительное внимание уделяется социально-экономическому развитию восточных регионов нашей страны: Западной и Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. С этой целью на федеральном и региональном уровнях принят и/или разработан ряд концептуальных и программных документов, предусматривающих экономическое и социальное развитие как отдельных субъектов федерации, так и перечисленных выше регионов в целом [1 – 3; 11, с. 81 – 94; 12 – 19]<sup>12</sup>.

Анализ перспектив социально-экономического развития России и SWOT-анализ факторов социально-экономического развития приграничных дальневосточных регионов позволяет сделать прогноз значений показателей их экономической безопасности до 2025 года<sup>13</sup>.

**Прогноз объема валового регионального продукта**<sup>14</sup> приграничных дальневосточных регионов определяется соответствующими Стратегиями их социально-экономического развития на период до 2025 года<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> Стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона объявлена «реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах РФ, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития». Для достижения этой цели признано необходимым «обеспечить сопоставимое или опережающее по сравнению со среднероссийскими темпами социально-экономическое развитие субъектов РФ, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, и решить ряд задач». В этой связи подчеркнуто, что «первоочередными из них являются: создание условий для развития перспективной экономической специализации субъектов РФ, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, на основе природно-ресурсного, индустриального, кадрового и научного потенциал в рамках федеральных отраслевых стратегий развития, стратегий социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований, а также стратегических программ крупных компаний; формирование устойчивой системы расселения, опирающейся на региональные зоны опережающего экономического роста с комфортной средой обитания человека; снижение барьеров для экономической и социальной интеграции территории Дальнего Востока и Байкальского региона с остальными регионами России и повышение конкурентоспособности продукции, товаров и услуг в соответствии с экономической специализацией путем формирования нормативной правовой базы, определяющей особые условия ценовой, тарифной, таможенной, налоговой и бюджетной политики; формирование численности населения и трудовых ресурсов в объемах, необходимых для решения экономических задач, стоящих перед регионом, повышение качества человеческого капитала; сохранение и поддержка традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Реализация такого базового сценария развития позволит обеспечить «рост валового регионального продукта субъектов РФ, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, более высокими темпами по сравнению с другими регионами РФ. При этом с 2011 по 2025 гг. темпы роста ВРП субъектов РФ, расположенных на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, превысят темпы роста валового внутреннего продукта в целом по РФ более чем на 0,5 процентного пункта в год», что «приведет к значительному повышению уровня жизни населения Дальнего Востока и Байкальского региона. Удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума сократится с 24,5 проц. до 9,6 проц».

<sup>13</sup> Здесь и далее прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации сделаны исходя из данных Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (КДР «Стратегия 2020»), подготовленной по заказу российского правительства в 2011 году. <http://strategy2020.rian.ru/>

<sup>14</sup> *Справочно:* Валовой региональный продукт (ВРП) — это показатель, измеряющий валовую добавленную стоимость, исчисляемый путем исключения из суммарной валовой продукции объемов её промежуточного потребления. На национальном уровне ВРП соответствует валовому национальному продукту, который является одним из базовых показателей системы национальных счетов. Валовой региональный продукт на

**Прогноз валового сбора зерновых.** Объем валового сбора зерновых в Приморском крае к 2025 году может достичь 0,213 млн т. (доля валового сбора зерновых края в валовом сборе зерновых Российской Федерации будет оставаться на уровне 0,18 %), в Хабаровском крае – 0,03 млн т. (доля валового сбора зерновых края будет находиться в диапазоне 0,025 – 0,026 %), в Амурской области – 1,000 млн т. (доля валового сбора зерновых области возрастет до 0,844 %).

**Прогноз инвестиций в основной капитал**<sup>16</sup>. Планируется, что за ближайшие десять лет суммарные инвестиции из федерального бюджета и частные инвестиции в проекты на территории Приморского края составят 2155,7 млрд руб. При этом основными объектами и проектами для инвестирования станут территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР)<sup>17</sup>. Кроме того, значительная часть инвестиций может быть привлечена также из зарубежных источников<sup>18</sup>.

---

стадии производства, рассчитанный производственным методом, представляет сумму валовой добавленной стоимости, созданной всеми институциональными единицами-резидентами на экономической территории региона (без учёта чистых налогов на продукты). Сумма валовых региональных продуктов по субъектам федерации не совпадает с ВВП России, поскольку не включает добавленную стоимость по нерыночным коллективным услугам (оборона, государственное управление и так далее), оказываемым государственными учреждениями обществу в целом, а также добавленную стоимость, произведенную на территории анклавов

<sup>15</sup> К 2025 году доля объема валового регионального продукта (ВРП) Приморского края в суммарном ВРП по субъектам РФ до 2025 года будет находиться в диапазоне 0,985 – 0,919 %, Хабаровского края – в диапазоне 0,28 – 0,24 %, Амурской области – 0,470 % Сахалинской области – в диапазоне 0,708 – 0,824 %.

<sup>16</sup> *Справочно:* Инвестиции в основной капитал – это совокупность затрат, направленных на строительство, реконструкцию (включая расширение и модернизацию) объектов, которые приводят к увеличению их первоначальной стоимости, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, производственного и хозяйственного инвентаря, на формирование рабочего, продуктивного и племенного стада, насаждение и выращивание многолетних культур, инвестиции в объекты интеллектуальной собственности: произведения науки, литературы и искусства; программное обеспечение и базы данных для ЭВМ, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, произведенные нематериальные поисковые затраты, затраты на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы и т.д. В состав инвестиций в основной капитал включены затраты, осуществленные за счет денежных средств граждан и юридических лиц, привлеченных организациями – застройщиками для долевого строительства. Инвестиции в основной капитал учитываются без налога на добавленную стоимость.

<sup>17</sup> Ранее в правительственных документах использовалась аббревиатура ТОР. Основными ТОСЭР являются: «Нефтехимический» (208,5 млрд руб.), «Остров Русский» (84,7 млрд руб.), «Надеждинская» (55,2 млрд руб.), «Михайловский» (27,7 млрд руб.), «Зарубино» (74,5 млрд руб.), проекты Восточного нефтехимического комплекса (1226,8 млрд руб.), Находкинского завода минеральных удобрений (390,9 млрд руб.), Большого морского порта «Зарубино» (70,3 млрд руб.), Животноводческого комплекса (17,2 млрд руб.). Проекты Восточного нефтехимического комплекса предусматривают создание нефтехимического комплекса. Реализация проекта позволит ликвидировать дефицит моторных топлив в Дальневосточном Федеральном Округе. Суммарная мощность комплекса по углеводородному сырью составит до 30 млн. тонн в год. В рамках реализации проекта планируется создание в порту города Находка терминала по перегрузке нефтехимии и нефтепродуктов с пропускной способностью 11,1 млн. тонн наливных грузов в год. Плановый объем реализации достигнет 400 млрд. рублей в годовом исчислении. Проект Находкинского завода минеральных удобрений предусматривает создание крупнейшего в мире современного высокотехнологичного и экологически чистого комплекса по производству минеральных удобрений в Дальневосточном федеральном округе. Реализация проекта позволит занять свободную нишу на рынке минеральных удобрений и химических веществ, которая образуется к моменту запуска завода в промышленную эксплуатацию вследствие роста мирового спроса на минеральные удобрения и химические вещества. Проект Большого морского порта «Зарубино» предусматривает создание универсального порта. Технические характеристики нового строительства основаны на самых передовых технологиях грузовых работ, планируется высокая производственная эффективность, соответствующая мировым стандартам. Реализация проекта позволит увеличить интенсивность внешнеэкономической торговли в регионе.

<sup>18</sup> В частности в марте 2014 г. в Токио прошел VI Российско-японский инвестиционный форум. Президент НК «Роснефть» И. Сечин предложил использовать японский инвестиционный потенциал в реализации трех проектов: «Дальневосточный СПГ», «Нефтехимический комплекс «Восточная нефтехимическая компания» (объем инвестиций – 40 млрд. долл.), а также «Судостроительный кластер на Дальнем Востоке» для обеспечения добычи нефти на морском шельфе.

Доля инвестиций в основной капитал Приморского края в суммарных инвестициях по субъектам Российской Федерации будет находиться в диапазоне 3,0 – 3,21 %.

Суммарные инвестиции из федерального бюджета и частные инвестиции в проекты на территории Хабаровского края в течение ближайших десяти лет могут составить 147,2 млрд руб<sup>19</sup>. В этом случае доля инвестиций в основной капитал Хабаровского края в суммарных инвестициях по субъектам РФ будет находиться в диапазоне 1,094 – 1,756 %.

Суммарные инвестиции из федерального бюджета и частные инвестиции в проекты на территории Амурской области в течение ближайших десяти лет могут составить 473,2 млрд руб<sup>20</sup>. Доля инвестиций в основной капитал Амурской области в суммарных инвестициях по субъектам РФ будет находиться в диапазоне 1,609 – 0,962 %.

<sup>19</sup> Основными объектами и проектами для инвестирования станут: ТООЭСР «Ракитная» (26,9 млрд руб.), «Комсомольск» (20,4 млрд руб.), «Ванино-Советско-Гаваньский» (69,6 млрд руб.), проект угольного терминала в Ванино (бухта Мучке, 30,3 млрд руб.).

Территория опережающего социально-экономического развития в Комсомольске-на-Амуре будет специализироваться на высокотехнологичных производствах в рамках авиа- и судостроительного кластера, а также на механообработке для нужд авиационного завода. Производство здесь будет создаваться при непосредственном участии Объединенной авиастроительной корпорации.

В 2011 году в Советской Гавани была зарегистрирована компания «Морской порт „Новая Советская Гавань“» для строительства современного терминала по переработке и отгрузке на экспорт зерна из Сибири. Предприниматели намерены возвести контейнерный терминал на 280 тысяч 20-футовых эквивалентов, а также завод по переработке рыбы с последующим строительством предприятия по выпуску биологического сырья из рыбных отходов, которое можно использовать для самых различных нужд, в том числе в медицинских целях. В рамках ТООЭСР «Ванино-Советско-Гаваньский» в Советско-Гаванском районе планируется создание рыбоперерабатывающего кластера. Здесь возможно развертывание новых объектов портово-логистической и производственной инфраструктуры, а также торговой логистики, дистрибуции, бункеровки и снабжения судов, судоремонта. Потенциальными инвесторами являются: ООО Терминал Совгавань, ООО Фортуна, ООО Рим, ООО Тернополь, ООО АкваТрейд ДВ -грузовой терминал, ООО "Премиум Инжиниринг", ООО "Дальневосточная производственная стивидорная компания" (дочерняя компания ООО"Трансхимэкспорт", г.Москва), ООО "Терминал Блэк".

Ключевым инвестором проекта угольного терминала в Ванино является ООО «Сахатранс». Для реализации проекта предусмотрены внебюджетные (25 382 млн. руб.) и бюджетные (4 907 млн. руб.) инвестиции.

<sup>20</sup> Основными объектами и проектами для инвестирования станут: ТООЭСР «Екатеринославка» (17,2 млрд руб.) и «Белогорск» (11,5 млрд руб.); проекты «Гаринский горно-обогатительный комбинат (ГОК)» (27,9 млрд руб.) и «Амурский газоперерабатывающий комплекс» (416,6 млрд руб.).

Будущий семенной завод в Октябрьском районе Амурской области станет центром Екатеринославской ТООЭСР «Екатеринославка».

Инвестиционный проект ТООЭСР «Белогорск» включает в себя строительство комбикормового завода и фабрики по переработке сои.

Группа «Петропавловск» планирует построить горно-обогатительный комбинат на базе Гаринского месторождения в Мазановском районе Амурской области, в 148 километрах от станции Шимановск Транссибирской железнодорожной магистрали. Промышленный продукт Гаринского ГОКа будет направляться для глубокого обогащения и производства гранулированного железа прямого восстановления на Кимкано-Сутарский ГКМ. На Гаринском ГОКе будет создано 1483 рабочих мест. Реализация проекта позволит диверсифицировать экономику Приамурья за счет создания первого на Дальнем Востоке современного, основанного новой технологии прямого восстановления железа, горно-металлургического комплекса полного цикла, создать железнодорожную инфраструктуру, обеспечивающую транспортную доступность внутренних слабодоступных районов Амурской области и позволяющую в перспективе осуществить соединение Байкало-Амурской магистрали с Транссибирской железнодорожной магистралью по линии «Шимановск – Гарь – Февральск».

Амурский газоперерабатывающий комплекс (ГПК) будет включать в себя три основных производства: газоперерабатывающее, гелиевое и газохимическое. Продукцией ГПК станут товарный и сырьевой газ, пропан—бутановая смесь, полипропилен, гликоли, полиэтилен, товарный гелий. «Газпром» планирует построить в области крупнейший в мире газоперерабатывающий завод мощностью до 60 миллиардов кубометров в год. Партнер газового концерна «СИБУР» планирует создать здесь же газохимический комплекс, для получения мономеров и последующего производства полимеров. Первоначальные сроки строительства газоперерабатывающего и гелиевого заводов — 2015 – 2018 годы, газохимическое производство планируют построить в период с 2021 по 2029 годы. В январе прошлого года инвестиции в ГПК оценивались в 620 млрд руб.

Суммарные инвестиции из федерального бюджета и частные инвестиции в проекты на территории Сахалинской области в ближайшие десять лет составят 2,9 млрд руб<sup>21</sup>. Однако доля инвестиций в основной капитал области в суммарных инвестициях по субъектам Российской Федерации в прогнозный период будет снижаться и находиться в диапазоне 1,311 – 2,344 %.

**Прогноз уровня безработицы<sup>22</sup>.** Соотношение прогнозного и среднероссийского значения уровня безработицы в Приморском крае будет находиться в диапазоне 1,014 – 1,467; в Хабаровском крае - 0,829 – 1,156; в Амурской области - 0,667 – 0,833 и в Сахалинской области - 1,133 – 0,986.

**Прогноз внутренних текущих расходов на исследования и разработки<sup>23</sup>.** Доля внутренних текущих расходов в Приморском крае на научные исследования и разработки в общероссийских расходах на НИР к 2025 году снизится до 0,25 %; в Хабаровском крае -

<sup>21</sup> Основным проектом для инвестирования станет Рыбоперерабатывающий комплекс на о-ве Шикотан. Проект предусматривает модернизацию производственных мощностей и инфраструктуры ЗАО «Рыбокомбинат «Островной», находящихся в максимальной приближенности к одному из крупнейших в мире районов рыболовства по запасам водных биологических ресурсов. Реализация проекта будет способствовать выполнению задач, поставленных Президентом и Правительством Российской Федерации в целях развития рыбохозяйственного комплекса Сахалинской области и Курильских островов. Также проект станет составной частью реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, которая подразумевает обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов.

К 2025 году объем инвестиций в основной капитал Сахалинской области может достичь 559,1 млрд руб.

<sup>22</sup> До 2025 года уровень безработицы в Приморском крае может сократиться до 6,6 %. Тем не менее, этот уровень в течение всего прогнозного периода будет выше среднероссийского.

Уровень безработицы в Хабаровском крае к 2025 году может снизиться до 5,2 %. Тем не менее, после 2017 года этот уровень будет выше среднероссийского.

В течение всего прогнозного периода уровень безработицы Амурской области будет меньше среднероссийского и к 2025 году снизится до 3,0 %.

К 2025 году уровень безработицы в Сахалинской области снизится до 5,1 %. Тем не менее, после 2015 года уровень безработицы в Сахалинской области будет выше, чем в среднем по России.

Справочно: Уровень безработицы – это отношение численности безработных к численности экономически активного населения (занятых и безработных), рассчитанное в процентах. Безработные (в соответствии со стандартами Международной организации труда – МОТ) – это лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: (1) не имели работы (доходного занятия); (2) занимались поиском работы, т.е. обращались в государственные или коммерческие службы занятости, использовали или помещали объявления в СМИ, Интернет, непосредственно обращались к администрации организации или работодателю, использовали личные связи или предпринимали шаги к организации собственного дела (поиск земли, зданий, машин и оборудования, сырья, финансовых ресурсов, обращение за разрешениями, лицензиями и т.п.); (3) были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели. Обучающиеся в образовательных учреждениях, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они не имели работы, занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

<sup>23</sup> Внутренние текущие расходы на исследования и разработки в Приморском крае могут достичь в 2025 году 28 000 млн руб. (1,43 % ВРП).

Объем внутренних текущих расходов на исследования и разработки в Хабаровском крае в 2025 году может достичь 15 600 млн руб. (3,008 % ВРП).

Внутренние текущие расходы на исследования и разработки в Амурской области к 2025 году могут возрасти до 26 000 млн руб. (2,606 % ВРП).

Объем внутренних текущих расходов на исследования и разработки в Сахалинской области может достичь 70 000 млн руб. (4,145 % ВРП).

Справочно: Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР; англ. *Research and Development, R&D*) — это совокупность работ, направленных на получение новых знаний и практическое применение при создании нового изделия или технологии. НИОКР включают в себя: научно-исследовательские работы (НИР) — работы поискового, теоретического и экспериментального характера, выполняемые с целью определения технической возможности создания новой техники в определенные сроки. НИР подразделяются на фундаментальные (получение новых знаний) и прикладные (применение новых знаний для решения конкретных задач) исследования; опытно-конструкторские работы (ОКР) и технологические работы (ТР) — комплекс работ по разработке конструкторской и технологической документации на опытный образец, по изготовлению и испытаниям опытного образца изделия, выполняемых по техническому заданию.

будет находиться в диапазоне 0,126 – 0,140 %; в Амурской области - 0,037 – 0,233 %; в Сахалинской области - 0,091 – 0,667 %.

**Прогноз доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства**<sup>24</sup>. Соотношение прогнозного и среднероссийского значения доли инновационной продукции в общем объеме промышленного производства может находиться для Приморского края – в диапазоне 0,038 – 0,042, для Хабаровского края – возрасти до 0,633, для Амурской области – будет находиться в диапазоне 0,145 – 0,231, для Сахалинской области – 0,057 – 0,172.

**Прогноз доли лиц с денежными доходами**<sup>25</sup> **ниже прожиточного минимума**<sup>26</sup>. Соотношение прогнозного и среднероссийского значения доли лиц с денежными доходами

<sup>24</sup> Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства Приморского края к 2025 году может достичь 0,56 %, Хабаровского края – 7,60 %, Амурской области – 2,777 %, Сахалинской области – 2,06 %.

*Справочно:* Инновационная деятельность — это комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования. Результатом инновационной деятельности являются новые или дополнительные товары/услуги или товары/услуги с новыми качествами. Также инновационная деятельность может быть определена как деятельность по созданию, освоению, распространению и использованию инноваций. Различают несколько видов инноваций: технические появляются в производстве продуктов с новыми или улучшенными свойствами; технологические возникают при применении более совершенных способов изготовления продукции; организационно-управленческие связаны с процессами оптимальной организации производства, транспорта, сбыта и снабжения; информационные решают задачи рациональной организации информационных потоков в сфере научно-технической и инновационной деятельности, повышения достоверности и оперативности получения информации; социальные направлены на улучшение условий труда, решение проблем здравоохранения, образования, культуры.

Под инновационной промышленной продукцией понимается продукция, которая в течение последних трех лет (включая отчетный период) подвергалась разного рода технологическим изменениям, а именно: (1) продукция, подвергавшаяся значительным технологическим изменениям или вновь внедренная (принципиально новая). Для данной продукции область применения (использования), эксплуатационные характеристики, признаки, конструктивное выполнение, а также состав применяемых материалов и компонентов являются новыми или в значительной степени отличающимися в сравнении с ранее выпускавшейся в мире продукцией; (2) продукция, подвергавшаяся усовершенствованию, т.е. уже существующая (в стране, в мире) продукция, параметры которой в значительной степени усовершенствованы или модифицированы (улучшены качественные характеристики, экономическая эффективность и т.п.); (3) прочая инновационная продукция, основанная на внедрении новых или значительно улучшенных производственных методов, предполагающих применение нового производственного оборудования, новых методов организации производства или их совокупности. Как правило, это относится к уже выпускаемой на предприятии или основанной на заимствованном передовом опыте продукции.

<sup>25</sup> *Справочно:* Реальные денежные доходы населения характеризуют изменение денежных доходов населения в сравнимых периодах в сопоставимых ценах (с корректировкой на индекс потребительских цен). Денежные доходы населения включают доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью; выплаченную заработную плату (начисленную заработную плату, скорректированную на изменение задолженности) наемных работников, пенсии, пособия, стипендии и другие социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивиденды и другие доходы.

<sup>26</sup> Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума в Приморском крае к 2025 году может снизиться до 7,5 % от общей численности населения края, в Хабаровском крае к 2025 году может сократиться до 7,2 %. К 2025 году доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума в Амурской области может составить 11,5 %. В течение всего прогнозного периода доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума в Амурской области будет выше, чем в среднем по России. В Сахалинской области доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума может снизиться до 8,0 % от общей численности населения. *Справочно:* Величина прожиточного минимума в соответствии в Федеральным законом РФ от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина включает минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Потребительская корзина в целом по Российской Федерации установлена Федеральным законом РФ от 3 декабря 2012 г. № 2274-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», в субъектах Российской Федерации она устанавливается соответствующими законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации.

ниже прожиточного минимума в Приморском крае будет находиться в диапазоне 1,00 – 0,94, в Хабаровском крае – 0,833 – 0,901, в Амурской области – 1,438 – 1,611, в Сахалинской области – в диапазоне 1,0 – 1,225.

**Прогноз децильного коэффициента дифференциации доходов населения<sup>27</sup>.** Соотношение регионального и среднероссийского значения децильного коэффициента дифференциации доходов населения будет находиться в Приморском и Хабаровском крае в диапазоне 0,66 – 0,71; в Амурской области – 0,95 – 1,12; в Сахалинской области – 0,73 – 0,83.

**Прогноз доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве<sup>28</sup>.** Соотношение прогнозного и среднероссийского значения доли продукции машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства будет находиться для Приморского края – в диапазоне 1,129 – 1,172; для Хабаровского края – 1,773 – 1,839; для Амурской области – 0,539 – 0,571; для Сахалинской области – 0,132 – 0,158.

## ВЫВОДЫ:

1. Представленный подход позволяет определить влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень безопасности национального хозяйства Российской Федерации и приграничных дальневосточных регионов нашей страны, а также

---

Федерации. Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально и устанавливается в целом по России – Правительством Российской Федерации, в субъектах – в порядке, установленном законами соответствующих субъектов Российской Федерации. Например, величина прожиточного минимума, установленная в Сахалинской области в соответствии с законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», за IV квартал 2011 г. составила: для всего населения – 9864 руб. на душу населения в месяц, для трудоспособного населения – 10358 руб./мес., для пенсионеров – 8140 руб./мес., для детей – 9452 руб./мес.; за II квартал 2014 г.: для всего населения – 11700 руб. на душу населения в месяц, для трудоспособного населения – 12321 руб./мес., для пенсионеров – 9273 руб./мес., для детей – 12311 руб./мес. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в июне 2014 года в Сахалинской области составила 15747,6 руб. (137 % к среднероссийской стоимости); стоимость минимального набора продуктов питания – 4824,4 руб. (147 % к среднероссийской стоимости).

<sup>27</sup> Децильный коэффициент дифференциации доходов населения в Приморском и Хабаровском крае к 2025 году может сократиться до 7,5; в Амурской области – снизиться до 10,5, а на Сахалине – до 8,0. *Справочно:* Дифференциация доходов населения — разница в уровне денежных доходов различных слоёв и групп населения. В количественном плане характеризуется показателями, отражающими степень неравномерности распределения доходов. Различие в доходах имеет следствием неравномерность в распределении материальных и нематериальных благ и играет определяющую роль в существовании социально-экономического неравенства.

<sup>28</sup> Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве Приморского края к 2025 году может достичь 15,8 %, в Хабаровском крае – может возрасти до 25,6 %. В течение всего прогнозного периода она будет выше доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве Российской Федерации.

Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве Амурской области к 2025 году может достичь 8,0 %, а в Сахалинской области – может возрасти до 2,21 %. В течение всего прогнозного периода доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве Амурской и Сахалинской области будет меньше, чем в среднем по России. *Справочно:* Машиностроение представляет собой отрасль тяжёлой промышленности, производящая всевозможные машины, орудия, приборы, а также предметы потребления и продукцию оборонного назначения. Машиностроение делится на три группы — трудоёмкое, металлоёмкое и наукоёмкое. В свою очередь, эти группы делятся на следующие отраслевые подгруппы: тяжёлое машиностроение, общее машиностроение, среднее машиностроение, точное машиностроение, производство металлических изделий и заготовок, ремонт машин и оборудования.

Металлообработка — это технологический процесс, процесс работы с металлами, в ходе которого изменяется их форма и размеры, деталям придается желаемая форма при помощи одного или нескольких методов обработки металла по созданию отдельных частей, сборочных узлов или больших структур (металлоконструкций). Термин охватывает широкий диапазон различных действий от построения больших кораблей и мостов до изготовления мельчайших деталей и ювелирных изделий. Поэтому термин включает в себя широкий диапазон навыков, процессов и инструментов. Надёжность, технология любого производства, любой металлической конструкции зависит от качества выполненной металлообработки, поэтому такое задание необходимо доверять профессионалам, обладающим достаточным опытом и необходимым оборудованием, предназначенным непосредственно для данных видов металлообработки. Металлообработка начала развиваться с обнаружения различных руд, обработки покорных и податливых металлов для производства инструментов и украшений.

спрогнозировать повышение уровня региональной экономической безопасности при реализации планов экономического роста и социально-экономического развития нашего государства и его дальневосточных регионов.

2. Проведенный анализ прогнозных статистических данных по девяти показателям экономической безопасности позволяет предположить, что уровень региональной экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов до 2025 года может повыситься при реализации планов социально-экономического развития дальневосточных регионов.

Кроме того, следует учитывать, что рыночные преобразования в России укрепили ее связь с другими государствами, с национальными хозяйствами экономически развитых и развивающихся стран, превратив отечественную экономику в органичную часть мирового хозяйства<sup>29</sup>. [4, С.12 – 34; 5, С.6 – 14; 6, С.34 – 46; 7, С.36 – 51; 8, С.42 – 78; 9, С.33 – 47; 10, С.29 – 51; 20, С.102 – 137]

3. Новый этап экономического кризиса, безусловно, ведет к снижению общего уровня защищенности как национального хозяйства России, так и экономики ее дальневосточных регионов.

В этой связи своевременное обновление Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, переработка Стратегий и реализация скорректированных Планов социально-экономического развития приграничных дальневосточных регионов нашей страны может в значительной мере снизить негативное влияние кризиса на уровень региональной экономической безопасности.

### Список литературы

1. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение; показатели / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. 1994. № 12. - С. 4–13.
2. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России / Л.И. Абалкин // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 9. - С. 771–776.
3. Абалкин, Л.И. Экономический рост в Российской Федерации: проблемы и перспективы / Л.И. Абалкин и др. Доклад VIII Российского экономического форума «Экономический рост в Российской Федерации: проблемы и перспективы». Екатеринбург, 2003. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19181832>.
4. Андрианов, В.Д. Россия. Экономический и инвестиционный потенциал / В.Д. Андрианов. - М.: Экономика, 1999. - 662 с.

<sup>29</sup> При этом хозяйства приграничных дальневосточных регионов имеют потенциал более глубокой интеграции с северо-восточными регионами Китая, а также регионами Японии и Республики Кореи.

*Справочно:* В рамках китайской Концепции «Один пояс – один путь», стратегической программы «Экономический пояс Шелкового пути» разрабатывается ряд проектов морских и сухопутных путей между Европой и Китаем под общим названием Новый Шелковый Путь.

Концепция «Один пояс и один путь» (кит. «一帶一路») — выдвинутая Китаем инициатива объединенных проектов создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Концепция была впервые анонсирована председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов главы в страны Центральной Азии и в Индонезию осенью 2013 года. В таких политических документах как план социально-экономического развития на 2015 год и доклад о работе правительства строительство «Одного пояса и одного пути» было включено в список важных задач, поставленных перед новым правительством Китая. Министр иностранных дел КНР Ван И подчеркнул, что осуществление этой инициативы станет «фокусом» внешнеполитической деятельности КНР в 2015-м. Подтверждено, что этот огромный проект будет включен и в план «13-й пятилетки», который будет принят в 2016 году. Суть данной китайской инициативы заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействий с участием Китая. По официальным данным Китая, «Один пояс и один путь» охватывает большую часть Евразии, соединяя развивающиеся страны, в том числе новые экономики, и развитые страны. На территории мегапроекта сосредоточены богатые запасы ресурсов, проживает 63 % населения планеты, а предположительный экономический масштаб — 21 трлн долларов США.



5. Барабин, В. Экономическая безопасность государства. / В. Барабин. - М.: Аванти, 2001. – 181 с.
6. Богданов, И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. / И.Я. Богданов. - М.: ИСПИ РАН, 2005. - 328 с.
7. Богданов, И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. / И.Я. Богданов. - М.: ИСПИ РАН, 2001. - 348 с.
8. Богданов, И.Я. Экономическая безопасность России: цифры и факты, 1992–1998. / И.Я. Богданов, А.П. Калинин, Ю.Н. Родионов. - М.: РАН. Ин-т социал.-полит. исслед., 1999. - 289 с.
9. Быстряков, А.Я. Национальная экономика: учебник / А.Я. Быстряков, И.Д. Мацкуляк, А.А. Синягов и др., под общ. ред. В.И. Кушлина. - М.: Изд-во РАГС, 2008. – 292 с.
10. Быстряков, А.Я. Мировой финансовый кризис и Россия: Монография / А.Я. Быстряков, И.Д. Мацкуляк, А.А. Синягов и др., под ред. А.Я. Быстрякова. - М.: МАКС Пресс, 2009. – 96 с.
11. Гордиенко, Д.В. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства. Монография / Д.В. Гордиенко, Н.Г. Яковлева. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 392 с. ISBN 978-5-00024-007-6.
12. Гордиенко, Д.В. Приморский край: изменение уровня экономической безопасности в период с 1990 по 2025 год / Д.В. Гордиенко, С.Г. Лузянин // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА, 2014, № 2 – М.: МФЮА. – С. 48 – 86. ISSN 2224-669X.
13. Гордиенко, Д.В. Оценка уровня региональной экономической безопасности Хабаровского края и динамика изменения защищенности его экономики в период с 1990 по 2025 г. / Д.В. Гордиенко, С.Г. Лузянин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2015, № 10 (295). – С. 40 – 56; № 11 (296). – С. 39 – 52; № 12 (297). – С. 41 – 61. ISSN 2073-2872.
14. Гордиенко, Д.В. Оценка уровня региональной экономической безопасности Сахалинской области и динамика изменения защищенности ее экономики (в период с 1990 по 2025 г.) / Д.В. Гордиенко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2015, № 29 (314). – С. 42 – 60; № 31 (316). – С. 43 – 60. ISSN 2073-2872.
15. Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года, утверждена постановлением Правительства Амурской области от 13.07.2012 г. № 380, Режим доступа:  
[http://www.amurobl.ru/wps/portal/!ut/p/c4/04\\_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gTAWN\\_RydDRwMLi0AzA09L5yALZ0\\_\\_IMsQY\\_2CbEdFAFEGi94!/](http://www.amurobl.ru/wps/portal/!ut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gTAWN_RydDRwMLi0AzA09L5yALZ0__IMsQY_2CbEdFAFEGi94!/)
16. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2025 года, утверждена Законом Приморского края от 20.10.2008 № 324-КЗ, Режим доступа:  
<http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/development/strategy/pk-25.php>
17. Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года (в ред. Постановления Правительства Сахалинской области от 15.01.2014 № 10). Режим доступа: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=139>
18. Стратегия социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года, утверждена постановлением Правительства Хабаровского края от 13.01.2009 № 1-пр. Режим доступа:  
[www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCQQFjAA&url=http%3A%2F%2Fgov.khabkrai.ru%2Finvest2.nsf%2FImages%2Fgeneral15%2F%24file%2Fpost1-1.doc&ei=6D77UojjMuSv4ATc-4DADw](http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCQQFjAA&url=http%3A%2F%2Fgov.khabkrai.ru%2Finvest2.nsf%2FImages%2Fgeneral15%2F%24file%2Fpost1-1.doc&ei=6D77UojjMuSv4ATc-4DADw)
19. Федеральная целевая программа "Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007 - 2015 годы", утверждена постановлением

Правительства Российской Федерации от 9 августа 2006 года № 478 (в новой редакции от 24.10.2013 № 943). Режим доступа:  
<http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=568>

20. Экономическая и национальная безопасность: Учебник / Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 768 с.

**Гринченко Сергей Николаевич**

*доктор технических наук, профессор*

*Институт проблем информатики ФИЦ "Информатика и управление" РАН*

*г. Москва*

*sgrinchenko@ipiran.ru*

## **О ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СТРУКТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ РОССИИ: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ**

**Аннотация.** На базе информатико-кибернетической модели самоуправляющейся системы Человечества проведён сравнительный анализ расчётных значений её типичных пространственно-временных характеристик и реально наблюдаемых. Отмечено, что при выработке оптимальной конфигурации антропогенных пространственных образований следует минимизировать дисбаланс между объективно существующими типичными и реально проектируемыми размерами их. Предложено дополнить триаду процесса развития Человечества «социум-труд-человек» до тетраэдра позицией «пространство/время».

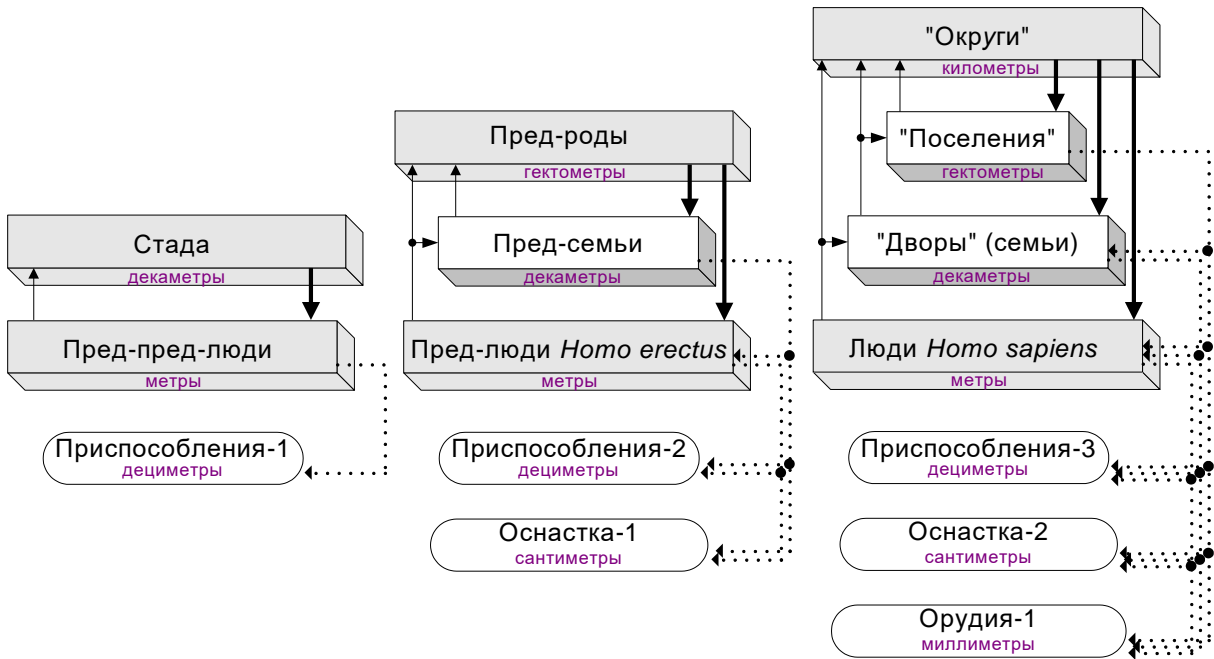
**Ключевые слова.** Россия как «сверхстрана», моделирование, пространство, триада «социум-труд-человек», пространство/время, тетраэдр

Среди характеристик пространственного развития России особое место занимают *пространственные размеры* как России в целом, так и её территориальных составляющих: округов, регионов, районов, агломераций и т.д. – в том числе и в контексте проблемы выбора их оптимальных, в том или ином смысле, значений в ходе *оптимизации территориальной структуры* страны.

Общепринятым на сегодня методом решения подобных проблем является прогнозирование путём использования математического моделирования экономических, демографических, географических, геополитических и иных параметров пространственного развития страны на базе имеющихся данных, полученных эмпирически, т.е. экстраполяция на основе истории процессов, реально происходивших в прошлом. Такой подход естественно назвать *индуктивным* [5].

Наряду с индуктивным методом моделирования, может применяться и *дедуктивный*, связанный с использованием пространственно-временных числовых рядов того или иного вида, характерных для моделируемого объекта (там же). Используемый при этом числовой ряд выбирается из системных соображений, внешних по отношению к моделируемому объекту, а не имеющихся данных об истории развития его внутренней структуры.

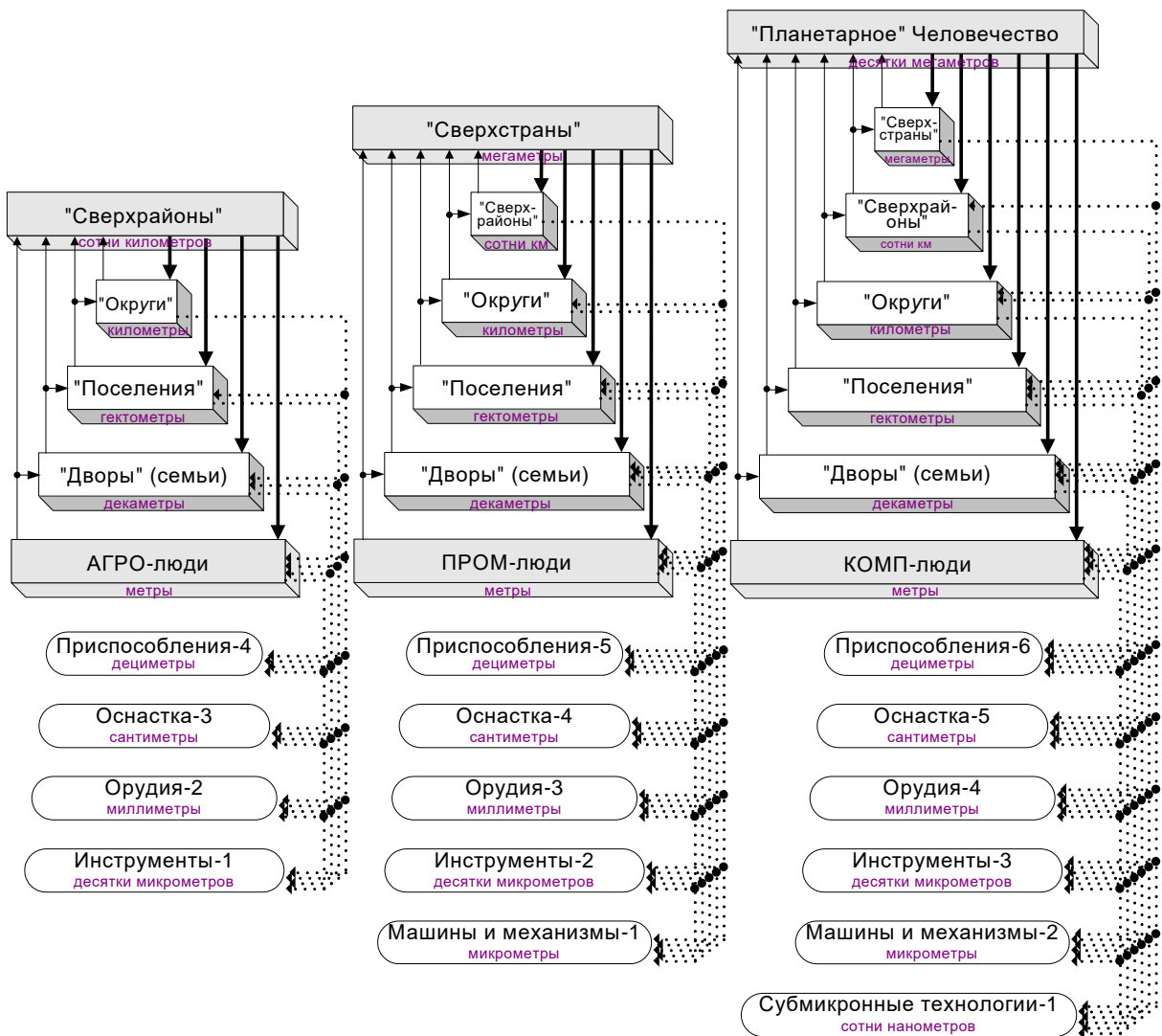
Ранее [2, 3] при моделировании пространственно-временных характеристик самоуправляющейся системы Человечества (рис. 1) в качестве такого ряда был использован ряд Жирмунского-Кузьмина – геометрическая прогрессия со знаменателем  $e^e = 15,15426...$  [7]. Здесь важно подчеркнуть, что данный закон применительно к пространственным размерам представителей иерархических уровней/ярусов системы описывает последовательность именно линейных размеров – радиусов круга той же площади, – а не их площадей.



а) с 28,2 млн. лет назад;

б) с 1,86 млн. лет назад;

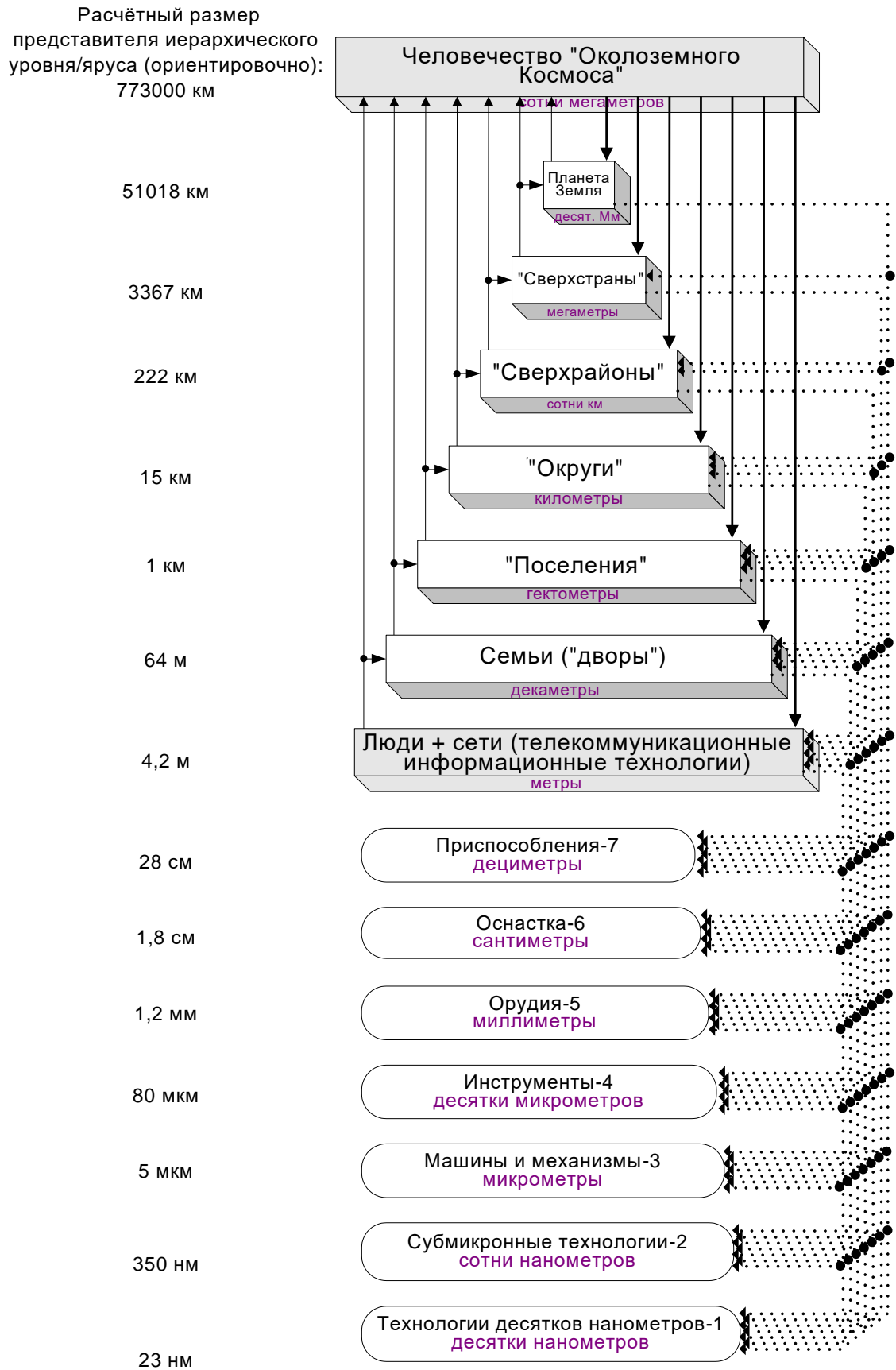
в) с 123 тыс. лет назад;



г) с 8,1 тыс. лет назад;

д) с ~1446 года;

е) с ~1946 года;



ж) с ~1979 года.

Рис. 1 (а-ж). Последовательно возникающие подсистемы самоуправляющейся системы Человечества.

Примечание: Восходящие стрелки, имеющие структуру «многие – к одному» (в левой части подсистем), отражают поисковую активность представителей соответствующих ярусов в

иерархии. Нисходящие сплошные стрелки, имеющие структуру «один – ко многим» (в центральной части подсистем), отражают целевые критерии поисковой оптимизации энергетики системы Человечества. Нисходящие пунктирные стрелки, имеющие структуру «один – ко многим» (в правой части подсистем), отражают оптимизационную системную память лично-производственно-социального: результат адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру вложенных в них нижележащих.

В ходе метаэволюционного <sup>30</sup> развития лично-производственно-социальной природной системы (Человечества) формируются устойчиво и эффективно действующие механизмы самоуправления всё увеличивающегося размера [6, 9] (рис. 2).

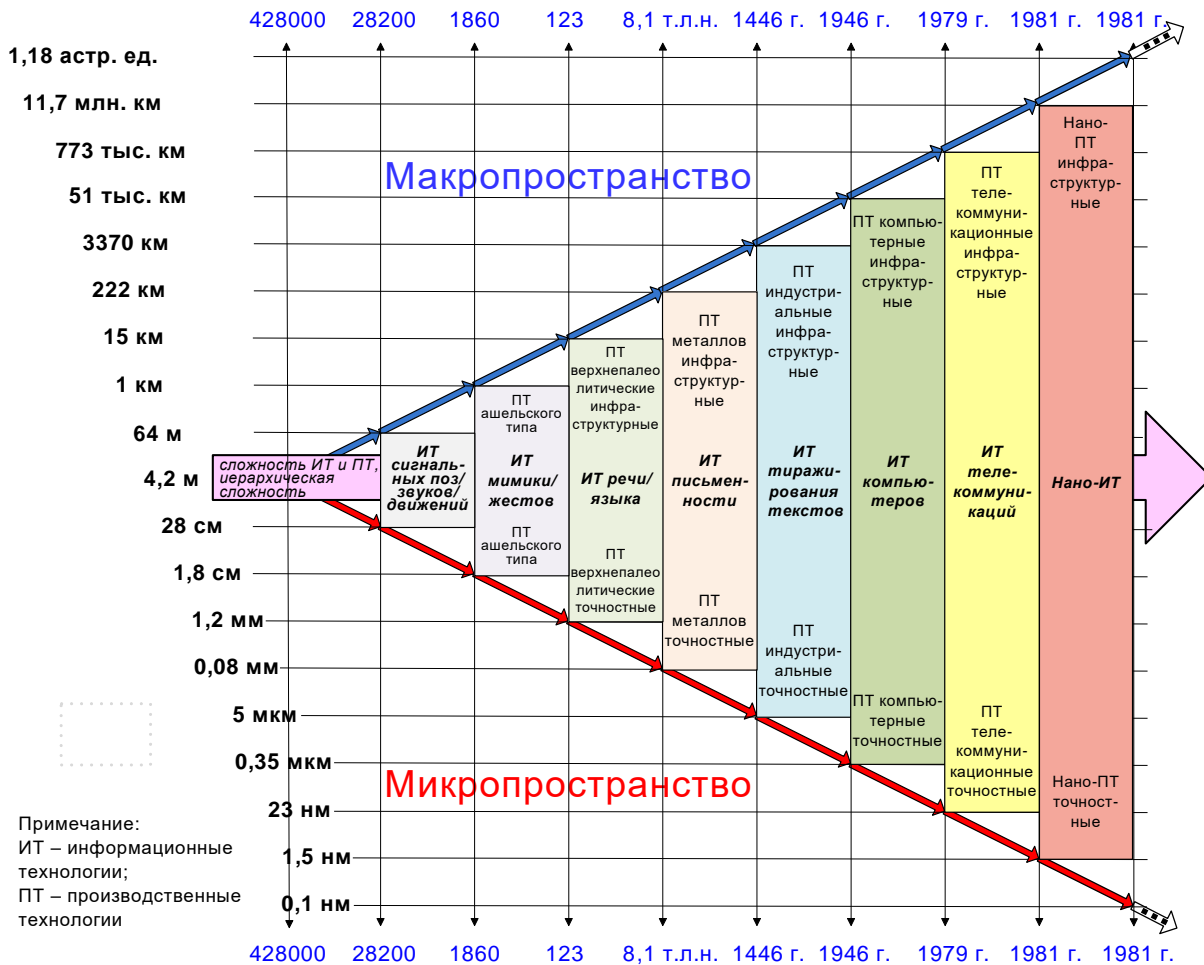


Рис. 2. Пространственно-временные характеристики самоуправляющейся системы Человечества в её историческом развитии (логарифмические масштабы).

Примечание. Иерархическая сложность – число уровней/ярусов в системной иерархии лично-производственно-социальной природной системы (Человечества), где оно варьирует в диапазоне 3–17 (согласно формуле  $N = 1 + 2n$ , где:  $n = 1 \div 8$ ).

Ярус с характерным размером ~4,2 м (радиус круга той же площади) соответствует оптимальной величине личного психологического пространства человека как индивида [4]. Формирование его представителей (сугубо биологических) – процесс цефализации позвоночных – началось около 428 млн. лет назад.

<sup>30</sup> **Метаэволюция** – процесс последовательного наращивания числа уровней/ярусов иерархической системы в ходе её формирования как таковой [3].

Ярус с характерным размером ~64 м типичен для так называемого «двора» или «сельской усадьбы», «хутора», «заимки» и т.п. вплоть до «фазенды» и «дачи» (в истории – места жительства семьи). Формирование его исторических представителей – стад (относительно автономных) «пред-пред-людей» *Nominoidea*, при общении между собой на базе информационной технологии (ИТ) сигнальных поз/звуков/движений и используя соответствующие инфраструктурные «пред-пред-производственные технологии», началось около 28,2 млн. лет назад. При этом они осваивали «пред-пред-производственную технологию», обладающую точностью до порядка 28 см.

Ярус с характерным размером ~1 км типичен для так называемых «поселений» (в истории – места жительства рода). Их примером могут служить понятия «дворянской усадьбы с лесопарком» (Архангельское: 8 кв. км, или 1,6 км; Талашкино: 4,98 кв. км, или 1,26 км; и т.д.), «поместья», «имения» и т.п. Формирование его исторических представителей – «поселений/родов» (относительно автономных) «пред-людей» *Homo erectus*, при общении на базе ИТ мимики/жестов и используя соответствующие инфраструктурные «пред-производственные технологии», началось около 1,86 млн. лет назад. При этом они осваивали «пред-производственную технологию», обладающую точностью до порядка 1,8 см.

Ярус с характерным размером ~15 км типичен для так называемых «округ» (в истории – места жительства племени). В царской России им соответствовала волость – низшая административная единица крестьянского самоуправления. Наибольшее расстояние отдалённых селений волости от центра управления в среднем не должно было превышать 12 вёрст, т.е. 12,8 км. С учётом того, что такие селения располагались не на самых границах волости, данную оценку следует несколько повысить, что делает её близость к расчётному значению ещё более наглядной. Формирование его исторических представителей – «племён/округ» (относительно автономных) людей *Homo sapiens*, при общении на базе ИТ речи/языка и используя соответствующие инфраструктурные производственные технологии (ПТ), началось около 123 тыс. лет назад. При этом они осваивали ПТ, обладающую точностью до порядка 1,2 мм.

Ярус с характерным размером ~222 км типичен для так называемых «сверхрайонов» (в истории – места жительства союзов племён). В наши дни – это государства среднего размера: Греция (132 тыс. кв. км, или 205 км), Болгария (188 км), Венгрия (172 км), Португалия (171 км), Румыния (275 км) и др. и **российские** регионы – Пермский край (160 тыс. кв. км, или 226 км), Вологодская область (215 км), Мурманская область (215 км), Приморский край (229 км), Республика Башкортостан (213 км), Алтайский край (231 км), Омская область (212 км), Республика Тыва (232 км), Республика Карелия (239 км) и т.д. Формирование его исторических представителей – «союзов племён/сверхрайонов» (относительно автономных) людей, при общении на базе ИТ письменности и используя соответствующие инфраструктурные ПТ, началось около 8,1 тыс. лет назад. При этом они осваивали ПТ, обладающую точностью до порядка 80 мкм.

Ярус с характерным размером образований ~3366 км типичен для так называемых «сверхстран» (в истории и современности – места жительства империй, союзов и т.п., так же относительно автономных). Именно к ним и относится **Россия**, наряду с Китаем, Индией, США, в какой-то степени Евросоюзом и др. Формирование его представителей – «сверхстран» людей, при общении на базе ИТ тиражирования текстов (книгопечатания) и используя соответствующие инфраструктурные ПТ, началось около 1446 года н.э. При этом они осваивали ПТ, обладающую точностью до порядка 5 мкм.

Ярус с характерным размером ~51018 км Планетарного образования формируется его представителями, при общении на базе ИТ компьютеров и используя соответствующие инфраструктурные ПТ, начиная примерно с 1946 года. При этом они осваивают ПТ, обладающую точностью до порядка 0,35 мкм.

Ярус с характерным размером ~773 тыс. км выводит Человечество в Ближний Космос. Он формируется его представителями при общении на базе ИТ телекоммуникаций и

используя соответствующие инфраструктурные ПТ. При этом они осваивают ПТ, обладающую точностью до порядка 23 нм.

Ярус с характерным размером ~11,7 млн. км выводит Человечество в Промежуточный Космос [3]. Он формируется его представителями при общении на базе перспективной нано-ИТ и используя соответствующие инфраструктурные ПТ. При этом они осваивают ПТ, обладающую точностью до порядка 1,5 нм (см. табл.). И т.д.

Таблица

Типичные расчетные (линейные) размеры элементов системы Человечества.

Расчётный радиус круга той же площади, км	Предлагаемая терминология ( <i>эмпирические оценки радиусов круга той же площади, км</i> )
...	...
11,7 млн.	Человечество Промежуточного Космоса
773 тыс.	Человечество Ближнего Космоса
51018	Планетарная система Человечества
3367	«сверхстрана» (СССР: 2670, Россия: 2335)
222	«сверхрайон»
15	«округа»
1	«поселение»
0,064	«двор»
0,0042	«личное пространство человека»

Таким образом, можно констатировать существование триады процесса эволюционного развития Человечества «социум–труд–человек», объединяющую в единое целое:

- и формулировку Аристотеля «Человек есть существо политическое, ... общественное» [1],
- и формулировку Ф.Энгельса «Труд создал самого человека» («Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» [8]).

Замечу, что последнее цитируемое положение верно, за исключением излишних здесь «сначала» и «а затем» – только тесная и *одновременно/параллельно действующая* связка понятий «труд-социум» определяет появление человека как такового, образуя триаду «социум-труд-человек». Речь же, наряду с другими ИТ, выступает как необходимое средство для общения в рамках сообщества/социума, причём именно в эпоху становления Homo sapiens.

Как представляется, можно сделать и следующий шаг в этом обобщении, дополнив данную триаду позицией «пространство/время», т.е. образовать модельную 3D-структуру – тетраэдр, каждая из вершин А-В-С которого соответствует триаде, а вершина D – объёмлющей её позиции «пространство/время» (рис. 3):

### Выводы и рекомендации:

1. Информатико-кибернетическая модель самоуправляющейся системы Человечества, давая возможность рассчитать её типичные пространственно-временные характеристики, позволяет перейти от чисто качественного к количественному анализу хода развития Человечества в ретроспективе и перспективе.

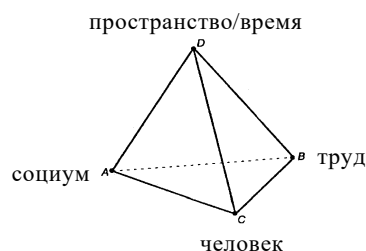


Рис. 3. Тетраэдр как схематичная модель процесса развития Человечества.

2. Исходя из гипотезы, что близкое соответствие типичных и реальных размеров пространственного образования свидетельствует об устойчивости его структуры, представляется целесообразной следующая рекомендация: при выработке оптимальной конфигурации тех или иных антропогенных пространственных образований следует минимизировать имеющийся дисбаланс между объективно существующими типичными и реально проектируемыми их размерами.

3. Предлагаемая иерархия типичных (ориентировочных) пространственных размеров структурных элементов системы Человечества, к которой, как представляется, последняя стремится в ходе своего развития, может быть использована при решении проблем оптимизации государственной структуры России.

### Список литературы

1. Аристотель. Политика // Антология мировой философии. М., 1969. Т.1. С. 465-475 [https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/aristotel\\_politics.html](https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/aristotel_politics.html)
2. Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). М.: ИПИРАН, Мир, 2004. 512 с. – см. также <http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/>
3. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИРАН, 2007. 456 с. – см. также [http://www.ipiran.ru/grinchenko/book\\_2/text.shtml](http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/text.shtml)
4. Гринченко С.Н. Об эволюции психики как иерархической системы (кибернетическое представление) // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 6. № 2. С. 60-76.
5. Гринченко С.Н. Моделирование: индуктивное и дедуктивное // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 95–101.
6. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Пространство и время в археологии. Часть 3. О метрике базисной пространственной структуры Человечества в археологическую эпоху // Пространство и время. 2014. № 1. С. 78-89.
7. Жирмунский А.В., Кузьмин В.И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. М.: Наука, 1982. 179 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Сочинения, т. 20, 1961. М.: Политиздат, 1961. 827 с. <http://www.politpros.com/library/28/259/>
9. Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. Центр «Информатика и управление» РАН, 2017. 236 с. – см. также <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/03f/45831.pdf>

**Гришина Ирина Владимировна**

*доктор экономических наук*

*Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России,*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы*

*г. Москва*

*grishinaiv@mail.ru*

## СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО «ОТ ПРОТИВНОГО»

**Аннотация.** В статье с использованием логического приема «доказательства от



противного» проводится обоснование необходимости формирования государственной стратегии пространственного развития России, обсуждается важность решения дилеммы обеспечения «пространственной справедливости», наряду с «пространственной эффективностью», предлагаются конкретные решения по совершенствованию структуры и инструментария управления пространственным развитием России, опирающиеся на актуальный зарубежный опыт.

**Ключевые слова:** пространственное развитие, стратегия, организационная структура управления, макрорегионы, микрорегионы

Перспективы пространственного развития Российской Федерации неизбежно связаны с противостоянием актуальным вызовам, среди которых внешние вызовы глобального характера (такие как переход к новому технологическому укладу и агломерационное развитие, возрастание роли Азиатско-Тихоокеанского региона как мирового центра глобального экономического влияния, достижение высокого уровня антропогенного воздействия на биосферу Земли, влекущее за собой рост глобального спроса на воду, землю, пригодную для сельскохозяйственного использования и т.д.), а также внутренние вызовы, среди которых наиболее актуальны демографические ограничения в сочетании с концентрацией населения в ограниченном числе крупнейших городов и, в первую очередь, в московской агломерации, устойчивые межрегиональные и внутрирегиональные контрасты по доходам, которые не только отражают отсутствие пространственной справедливости, но и препятствуют формированию емких потребительских рынков в регионах, недостаточная инфраструктурная обустроенность значительной части территории страны, особенно северных и восточных регионов и др. [1, С.22] Сохранение сложившихся пропорций может привести к пролонгации сложившихся тенденций, поэтому, взамен стихийной самоорганизации пространства необходимо **предложить стратегию государственного действия:** России нужна **государственная** стратегия пространственного развития.

В доказывании этого, на наш взгляд, довольно очевидного положения, обратимся к известному в математике приему - к доказательству от противного<sup>31</sup>, для чего сформулируем несколько антитезисов, отражающих различные аспекты иной точки зрения, сводящейся в совокупности к отсутствию необходимости государственного участия в пространственном развитии страны.

Рассмотрим следующие основные антитезисы:

- России не нужна стратегия пространственного развития;
- дилемма «пространственная эффективность» или «пространственная справедливость» успешно разрешена;
- структура управления пространственным развитием России вполне совершенна;
- Россия имеет особый путь, зарубежный опыт управления к ней не применим;
- для управления пространственным развитием уже применяются эффективные механизмы.

Опровержение каждого из вышеприведенных антитезисов может начинаться следующим образом: «Предположим, что тот или иной антитезис верен, тогда...». Рассмотрим антитезисы по порядку.

**Антитезис 1** - Предположим, что России не нужна стратегия пространственного развития.

Специфическим объектом управления в рамках стратегии пространственного развития выступает пространственная организация России – которая представляет собой в совокупности объединение трех китов - системы расселения, системы размещения экономической активности и инфраструктурного каркаса, которые накладываются друг на

<sup>31</sup> Доказательство от противного (лат. Reductio ad absurdum) – доведение до нелепости или сведение к абсурду, которое предполагает, что справедливость некоторого суждения (тезиса) доказывается через опровержение противоречащего ему суждения — антитезиса. Тогда тезис считается доказанным.

друга, вступают во взаимодействие с природной средой, взаимосвязаны и организованы между собой сетями управления и самоуправления (рисунок 1). Это - очень сложный объект управления, причем разнообразие нашего пространства, помноженное на его масштаб, диалектически превращает его в совершенно новую сложность.



Рисунок 1 – Объект управления стратегии пространственного развития России  
*Источник: составлено при участии автора в [2, С.15]*

Предположим, что такой сложносоставной объект может самоуправляться без целенаправленного воздействия со стороны субъекта управления (например, государства). Тогда, переход этого объекта из состояния «вчера» в состояние «завтра» происходит в результате самоорганизации системы, под воздействием стихийных рыночных сил, которые все расставляют по местам в соответствии со своими представлениями о целесообразности. К сожалению, в некотором смысле именно такой результат самоорганизации наблюдался в течение последних 30 лет: в результате, экономическое пространство России оказалось сконцентрированным на ограниченной по площади территории, фрагментированным, высоко поляризованным.

В перспективе в условиях вышеупомянутых серьезных вызовов (глобальных геополитических, технологических, внутренних демографических, экологических и других) все указанные процессы поляризации (концентрации в одних местах при опустынивании в других) имеют шанс только усугубиться, и привести к ухудшению геоэкономического положения страны.

Далее, **антитезис 2:** предположим, что дилемма одновременного обеспечения «пространственной эффективности», наряду с «пространственной справедливостью» успешно разрешена.

В любой государственной стратегии пространственного развития должны быть в явном виде обозначены эти два базовых принципа - пространственной эффективности, то есть, такое использование пространства как ресурса, при котором обеспечивается максимально эффективное использование других экономических ресурсов – природных, человеческих, производственных, энергетических, финансовых и др. за счет их оптимального взаиморасположения и более экономного варианта удовлетворения потребностей фирм и жителей в осуществлении коммуникаций в пространстве, приводящего к наиболее высоким показателям экономического роста, с одной стороны, и пространственной справедливости, то есть, права жителей любой территории на достойную социально-экономическую среду, в том числе, на социальные гарантии и обеспечение социального стандарта, комфортную среду проживания, безбарьерную межфирменную и человеческую коммуникацию, наличие мест

приложения труда и транспортную доступность услуг образования, здравоохранения, культуры, торговли и т.д., обеспечение экологической безопасности и др.

Соотношение пространственной эффективности и пространственной справедливости фактически предопределяет ответ на вопрос о возможном выборе приоритетов и механизмов реализации стратегии. Противостояние стихийным тенденциям *должно обеспечивать соблюдение обоих указанных принципов.*

В Стратегии пространственного развития [3] сейчас сделан фундаментальный выбор в пользу признания уникального пространственного разнообразия исходных условий развития регионов России как основы реализации ее внутреннего потенциала социально-экономического развития и достижения долгосрочных национальных целей. Опора на использование внутреннего потенциала означает непреложную значимость каждой территории для социально-экономического развития России, недопустимость выделения «депрессивных зон», поскольку одни регионы имеют потенциал с точки зрения развития экономики (производства товаров и услуг), другие – с точки зрения выполнения геостратегических задач, третьи – с точки зрения сохранения уникальных природных комплексов, сохранения биоразнообразия и экологических преимуществ, четвертые – с точки зрения развития туризма, поддержания традиционной культуры коренных народов России т.д.

Следовательно, в перспективе, пространственное развитие может опираться на *многополярность* – на развитие центров роста разного уровня (в том числе, региональных и локальных), формирующихся на основе капитализации различных факторов развития территорий – их выгодного экономико-географического положения и транспортно-логистического потенциала, агроклиматических, водных, лесных, минерально-сырьевых и энергетических ресурсов, культурно-исторического наследия и туристического потенциала, потенциала диверсификации внешнеэкономических связей на основе приграничного сотрудничества и т.д. Задача государственного регулирования будет состоять в стимулировании реализации *недоиспользуемого потенциала* всех регионов. Таким образом, решением извечной дилеммы «эффективность - справедливость», с учетом принципов, заложенных в Конституции Российской Федерации, сможет стать такой целевой вариант, который предполагает опору на все регионы, а не на ограниченное число агломераций, заранее назначенных иных точек роста. Поскольку только такой вариант сможет обеспечить гармонизацию и долгосрочную устойчивость экономического роста страны: потенциал роста будет преумножен за счет ускоренного развития экономики ныне экономически слабых и депрессивных регионов.

В качестве определяющего условия гармонизации общероссийских интересов и интересов регионов должен выступать, при этом, принцип Парето-оптимальности, предполагающий невозможность улучшения положения всей системы (страны) при ухудшении положения хотя бы одного из объектов системы - любого её региона. В свою очередь, структура управления пространственным развитием должна обеспечивать решений этой задачи. Современная схема управления пространственным развитием России представлена на рисунке 2.

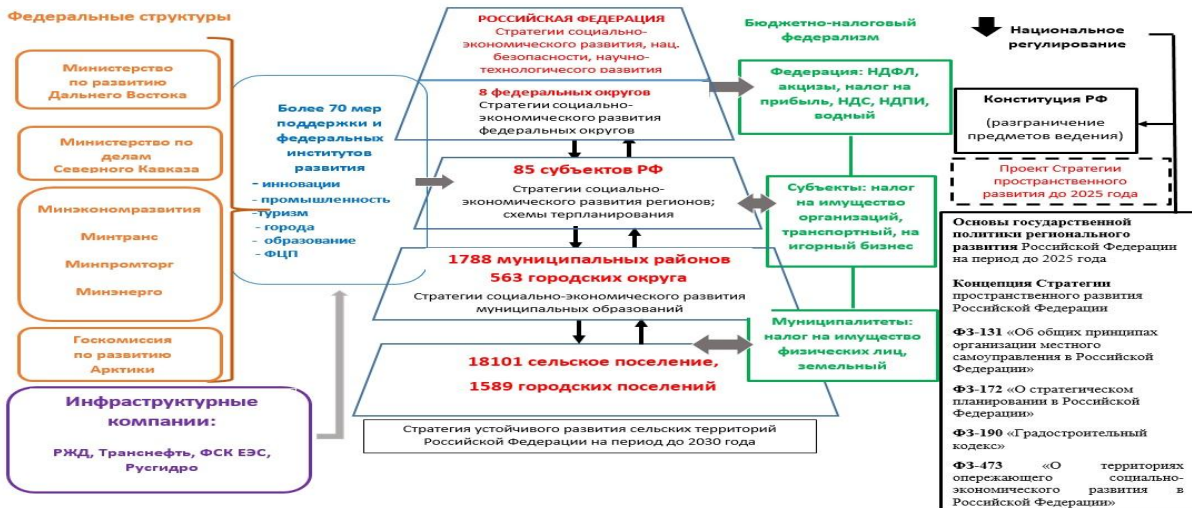


Рисунок 2 – Онтологическая схема управления пространственным развитием России  
 Источник: составлено при участии автора в [2, С.110]

Рассмотрим, насколько указанная структура позволяет эффективно решать задачи управления пространственным развитием.

**Антитезис 3:** структура управления пространственным развитием России вполне совершенна. Действительно, насколько можно судить по представленной онтологической схеме, все основные элементы системы управления пространственным развитием в России в настоящее время присутствуют – достаточно развито нормативное правовое обеспечение процесса стратегического планирования, бюджетного федерализма и местного самоуправления, используется широкий спектр мер поддержки пространственного развития, существует несколько структур управления на федеральном уровне, ответственных за развитие тех или иных территорий, либо – за определенный отраслевой компонент пространственного развития страны (транспорт, энергетику и др.). В то же время, в отличие от многих других стран, в России сейчас отсутствует единый орган, отвечающий за государственную региональную политику (таковым выступал, в свое время, Минрегион России), что необязательно, но необычно для такой высокоцентрализованной модели управления пространственным развитием, которую представляет Россия.

В отличие от других стран, в России отсутствует также единая общенациональная политика по развитию городов - Urban Policy, развитие городов регулируется Градостроительным кодексом, генпланами городов и планами землепользования и застройки, другими градостроительными документами. Существует отдельно направление по поддержке развития моногородов, но, в то же время, понятие «агломерация» нормативно не закреплено.

Что касается специальной сельской политики - Rural Policy – в Российской Федерации реализуется ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий (на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года)», разработана также аналогичная стратегия устойчивого развития до 2030 года, ответственным федеральным органом управления является Минсельхоз России. Вместе с тем, сельская политика явно должна стать одним из инструментов реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Таким образом, в принципе, в России используется достаточно разнообразный инструментарий управления пространственным развитием, однако, об эффективности используемой системы управления целесообразно судить по достигнутым результатам пространственного развития.

Из графика в левой части рисунка 3, где показана динамика изменения душевого ВВП в различных странах, видно, что Европейский Союз (ЕС) и отдельные страны Европы – Германия, Франция, Финляндия, а также США и Канада существенно опережают Россию –

находятся выше нее по графику (где Россия показана жирной пунктирной линией). Пока еще существенно уступают России в эффективности пространственного развития Китай, Бразилия, Индия.

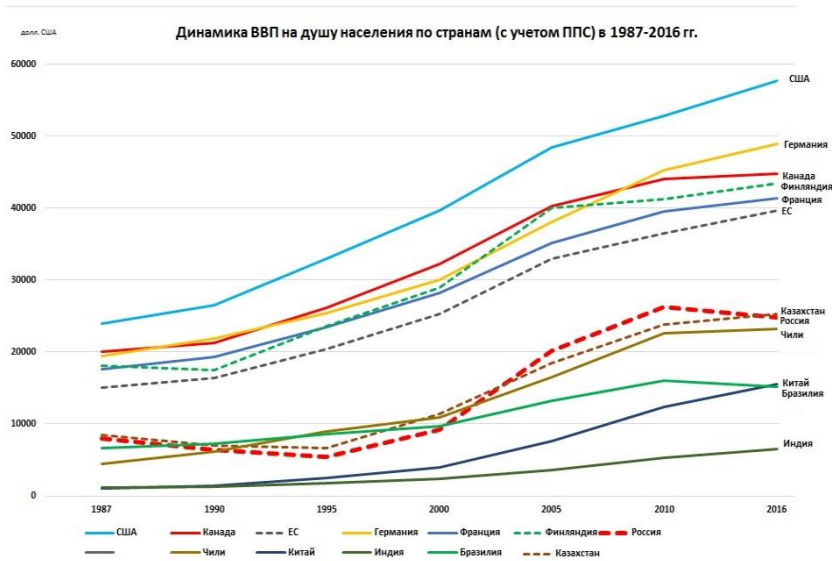


Рисунок 3 – Динамика изменения душевого ВВП в некоторых странах в 1987-2016 гг.  
 Источник: составлено по данным ОЭСР [3]

Что касается показателя пространственной справедливости, то межрегиональные различия в душевом ВВП внутри стран-лидеров (в 2016 г.) также меньше, чем в России. На графике на рисунке 4, больше размах вариации только в ЕС, но не на уровне стран (там он невелик – максимальное значение всего в 2,5 раза превосходит среднее), а на уровне НАТОС2 (т.е. 276 регионов стран ЕС), где наблюдается 6-кратное превышение.

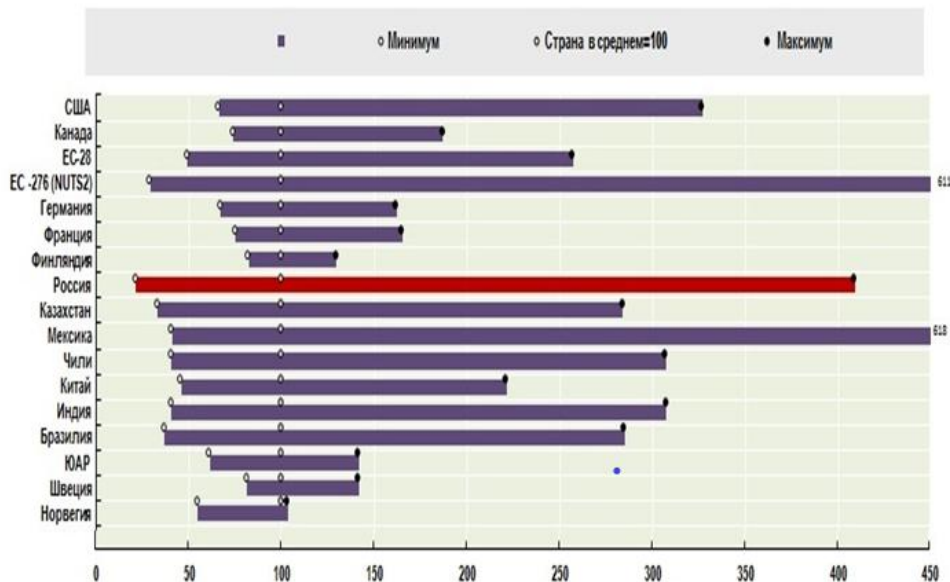


Рисунок 4 – Межстрановые сопоставления вариации душевого ВВП в некоторых странах в 2014-2016 гг. (по данным ОЭСР, без учета ППС)  
 Источник: составлено по данным ОЭСР [4]

Для России характерно превышение среднего показателя по стране в 4 с лишним раза регионом-лидером и одновременно самое большое отставание от среднего самого слабого региона - в 3 раза. Сопоставимый размах вариации наблюдается только между регионами Мексики. К сожалению, аналогичная ситуация характерна почти для всех показателей: столь

же высока межрегиональная дифференциация по доходам населения, по ожидаемой продолжительности жизни.

Из приведенных данных, на наш взгляд, следует необходимость совершенствования системы управления пространственным развитием России, в том числе, на основе конструктивного использования зарубежного опыта.

**Антитезис 4:** Россия имеет особый путь, зарубежный опыт управления к ней не применим.

В 2008 году Организация объединенных наций (ООН) определила «пространственное планирование» как ключевой инструмент для развития и эффективного управления», понимая под этим определение долгосрочных или среднесрочных целей и стратегий для территорий, а также координацию секторальной политики, в том числе, транспорта, сельского хозяйства и окружающей среды [5], что, на наш взгляд, очень созвучно задачам пространственного развития России. При всем внешнем разнообразии моделей управления пространственным развитием в разных странах, пространственное планирование - это всегда поиск механизмов по координации госполитики с целью обеспечения более сбалансированного экономического развития в рамках территории страны, в противовес развитию под влиянием исключительно рыночных сил.

Изучение зарубежного опыта свидетельствует о том, что не существует единого подхода по управлению пространственным развитием, поскольку в каждой стране учитываются ее особенности, но, при этом выбирается такая модель управления, которая позволяет обеспечить гармоничное и устойчивое развитие той или иной страны, основанное на поддержании баланса между пространственной эффективностью, с одной стороны, и пространственной справедливостью, с другой.

**Антитезис 5:** для управления пространственным развитием в России применяются эффективные механизмы.

На наш взгляд, для совершенствования системы управления пространственным развитием России важно конструктивно использовать зарубежный опыт по целому ряду направлений.

Так, в части совершенствования институционального обеспечения важно дополнить существующую систему управления недостающими уровнями и институтами, в том числе, проектным офисом по пространственному развитию, проектными администрациями макрорегионов, координационными советами агломераций и др. Существенным подспорьем может стать также микрорайонирование территории и определение функциональных городских ареалов и др.

Указанные нововведения позволят сделать организационную структуру управления пространственным развитием России более разнообразной, позволяющей отразить чрезвычайное разнообразие и масштаб нашего пространства. Целесообразно, на наш взгляд, создание системы с большим числом уровней управления (не административно-территориального деления (АТД), а именно уровней пространственного планирования и управления), с большим числом степеней свободы.

Создавая недостающие уровни управления пространственным развитием, в числе которых, например, макрорегионы, можно обратиться к опыту США – где Программа Америка 2050 выделяет 11 мегарегионов, в которых ожидается максимальный рост численности населения к середине XXI века и предлагаются способы решения проблем [6]. Столь же значительный горизонт планирования - до 2050 года - используется, кстати, и в ЕС, где для европейских макрорегионов определяются разные сценарии пространственного развития на долгосрочный период (Европа мегаполисов, Европа городов, Европа регионов) [7]. Важно также обеспечить координацию институтов поддержки регионального развития. Для макрорегионального уровня можно использовать, например опыт Канады, где шесть Агентств регионального развития полностью охватывают своими комплексными программами всю территорию страны (указанные агентства подконтрольны государству, которое регулярно проводит аудит их деятельности).



Еще один недостающий уровень управления пространственным развитием в России - это микрорегионы, представляющие собой средний уровень таксономии между субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями, который в настоящее время в России ничем не заполнен. В ЕС выделены так называемые NUTS3, в странах ОЭСР (вслед за ЕС) тоже выделяются регионы третьего территориального уровня (TL3), с использованием которых в настоящее время проводятся межстрановые сопоставления по широкому кругу показателей и для которых определяются основные особенности проведения специфически городской и специфически сельской политики. Как объединения локальных административных единиц определяются также метрополитенские (столичные) ареалы – фактически – это агломерации.

Для России определение таких уровней пространственного планирования как микрорегионы, агломерации и т.д. важно не только для корректного позиционирования в рамках международных сопоставлений (хотя Россия сейчас обидно не представлена на соответствующих картах (показывается серым фоном), в связи с отсутствием статистики для соответствующего уровня таксономии), но, что гораздо важнее – для успешного использования зарубежного опыта управления разными типами территорий. Так, например, для многих северных территорий России будет полезен опыт Финляндии по повышению экономической активности в отдаленных северных сельских микрорегионах.

В свою очередь метрополитенские (столичные) ареалы – это частный случай еще одного недостающего уровня управления пространственным развитием, так называемых функциональных городских ареалов (Functional Urban Areas, FUA, ФГА). Функциональные городские ареалы - это объекты управления, выходящие за административные границы городов, охватывающие целиком локальные рынки труда, отражающие связи между городской и прилегающей сельской местностью, которые важно учитывать при планировании развития социальной, транспортной инфраструктуры, решении экологических проблем и т.д.

Создание недостающих уровней управления пространственным развитием, в России позволит учесть все многообразие типов территорий и разработать для каждого из них специфические стратегии развития, определить приоритеты городской (Urban) и сельской (Rural) политики.

Еще одним важным условием совершенствования системы управления пространственным развитием является создание в России надежной информационной, в первую очередь, статистической базы - на уровне макрорегионов, планировочных мезорегионов, субъектов Российской Федерации, микрорегионов третьего территориального уровня (TL3, ТЛЗ), на уровне ФГА, на муниципальном уровне, и даже на внутримunicipальном уровне (на уровне поселений).

На наш взгляд, успешное решение задач пространственного развития невозможно также и без создания единого научно-методического центра по сопровождению реализации Стратегии пространственного развития России, в том числе по ее мониторингу. Несмотря на наличие значительного числа механизмов управления, важно обеспечить их адресное использование, точно учитывающее особенности конуретных пространственных объектов разного уровня.

В целом, лучшее структурирование объекта управления – пространственной организации территории России – позволит, на наш взгляд, получить более точную информацию о нем, сократить масштаб «слепых зон», повысить эффективность принимаемых управленческих решений.

Тогда, с опорой на такой комплексный подход, станет возможным рассматривать обширное пространство России не как обременение (применительно к которому нет обоснованного решений по возможному использованию), а как мощный ресурс, обеспечивающий возможности развития за счет разнообразия, как неотъемлемое достояние и стратегическое конкурентное преимущество страны.

### Список литературы:

1. Гришина И.В., Польшнев А.О., Шкуропат А.В., Котов А.В. Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока: Монография / И.В. Гришина, А.О. Польшнев, А.В. Шкуропат, А.В. Котов / под ред. доктора экон. наук И.В. Гришиной; Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. - М.: ВАВТ, 2018. - 280 с.
2. Проект Стратегии пространственного развития России до 2025 года [Эл. ресурс]-URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081> (дата обращения 24.10.2018г.)
3. Гришина И.В., Польшнев А.О., Шкуропат А.В., Котов А.В. Модели управления пространственным развитием в развитых странах. Отчет о НИР (препринт) / Руководитель темы И.В.Гришина. – М.: РАНХиГС, 2018. – 249 с.
4. OECD URL: [https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=PDB\\_LV](https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=PDB_LV) (дата обращения: 31.10.2018)
5. Spatial planning: Key Instrument for Development and Effective Governance, UN, 2008.
6. Программа «Америка 2050». [Эл. ресурс] - URL: <http://www.america2050.org/> (дата обращения: 05.01.2019).
7. Territorial Scenarios for Europe 2050 [Эл. ресурс] - URL: <https://www.espon.eu/topics-policy/publications/policy-briefs/territorial-scenarios-europe-2050> (дата обращения: 11.11.2018).

**Дабиев Давид Федорович**

*кандидат экономических наук*

*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН*

*Россия, г. Кызыл.*

*daviddabiev@yahoo.com*

## ГЕОГРАФИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

**Аннотация.** Выполненная оценка пространственного развития регионов России показывает значительную недооценку развития приграничных регионов, при создании необходимых институциональных условий приграничные регионы могут в разы увеличить свой экономический потенциал. Для дальнейшего поступательного развития приграничных регионов Сибири предложены меры, направленные на кардинальные изменения в области инфраструктурного обеспечения развития и создания условий для технологического развития приграничных регионов Сибири.

**Ключевые слова:** география, приграничные, регионы, панельные данные.

В настоящее время за рубежом относительно четко сформировалась система взглядов о влиянии географии на экономическое развитие стран. Одной из первых статей, касающейся влияния географии, наряду с экономическими и политическими институтами, на экономическое развитие стран стала фундаментальная работа Гэллага Дж., Сакса Дж. и Меллинджера А. «География и экономическое развитие» [1], в которой авторы приводят доказательства влияния физической географии на экономическое развитие стран, и приходят к выводу, что в эконометрических и теоретических исследованиях по межстрановым сравнениям экономического роста необходимо ввести географические факторы и параметры. В своем исследовании авторы приходят к следующим выводам относительно влияния географии на экономическое развитие стран: наиболее благоприятными для экономического развития являются прибрежные территории с умеренным климатом; решающее значение имеет степень урбанизированности в пределах 100 км. от побережья; распространенность



инфекционных болезней, главным образом малярии, неблагоприятно сказывается на экономическом развитии тропических стран.

Далее это направление было развито исследованиями Маккелара Л., Воргеттора А., Уорз Дж. [2], Фелайп И., Кумар У. [3] Коллиер П., О Коннел С. [4] и другими учеными.

Отметим, что в этом вопросе существуют два принципиально различающихся подхода: традиционный экономико-географический подход и использование моделей новой экономической географии (НЭГ). Особенностью традиционного экономико-географического подхода является сравнение разных по статусу территорий: одновременно сравниваются регионы, страны и континенты.[5].

Несмотря на достаточную известность работ Пола Кругмана [6] и его последователей за рубежом, использование моделей новой экономической географии в России не так распространено. Пионером в этой области является работа Коломак Е.А., которая протестировала выводы НЭГ применительно к дивергенции российских регионов [7]. Автор на основе регрессионного метода панельных данных доказывает значимость и влияние экономико-географических факторов на экономическое развитие регионов России. Несмотря на новаторский подход НЭГ, мы можем отметить, что такие экономико-географические факторы как внутриконтинентальность регионов России, проблемы транспортной инфраструктуры и удаленности от внешних рынков и другие факторы не были рассмотрены автором. С другой стороны, можно отметить, что методика НЭГ не предполагает достаточно полное изучение экономико-географических факторов (природно-ресурсный потенциал, рельеф, доступность к транспортным артериям, климат и т.д.), а концентрирует свое внимание на микроэкономических факторах, которые не зависят от пространственных характеристик [8]. По сути это гипотетические «точки» вне времени и пространства.

Безусловно, несмотря на большое разнообразие работ по экономической географии и региональной, а также пространственной экономике, количество эконометрических исследований, посвященных влиянию экономико-географических факторов на развитие регионов России является недостаточным. Настоящая работа является продолжением исследований, касающийся пространственных аспектов развития экономики России.

В последние годы за рубежом наиболее распространенным методом анализа влияния различных факторов на экономическое и социальное развитие является метод панельных данных (Panel Data Models). [9, 7]. Метод панельных данных в последние годы является одним из распространенных методов изучения в экономике, социологии и других гуманитарных науках, которая позволяет одновременно проводить анализ пространственных выборок и временных рядов.

Нами была выполнена оценка регионов России в период 1996 по 2013 годы *методом линейной регрессии панельных данных* по показателю ВВП на душу населения. При этом данные ВВП на душу населения регионов России с 1996 по 2012 гг. были приведены к сопоставимым ценам 2013 г. Расчеты выполнены в программе Стата. При расчетах из-за недостатка статистических данных была исключена Чеченская Республика. Для расчетов были использованы данные Росстата [10-13]. При этом регионы были сгруппированы на следующие группы:

- Метод классификации стран по признаку богатства природных ресурсов предложили Коллиер П. и О'Коннол С [4]. К богатым природными ресурсами странам они относят страны: у которых рентные доходы в валовом национальном доходе превышают 5%; скользящая средняя в будущем от рентных доходов в валовом национальном доходе превышают 10%; доля сырьевых товаров в экспорте за последние 5 лет превышают 20%. Однако, учитывая, что в настоящее время статистические данные Росстата не позволяют выделить отдельно регионы с богатыми природными ресурсами по вышеуказанному методу, нами предложено *условно* отнести регионы, у которых общий объем регионального продукта в отраслях<sup>32</sup>, использующих природные ресурсы в структуре валового регионального

<sup>32</sup> Добыча полезных ископаемых, рыболовство, рыбоводство.

продукта превышает 5% за последние 5 лет, к *регионам с богатыми природными ресурсами*. Используя данные Росстата [10-13] нами были получены данные о 29 регионах России, которые мы можем отнести к *регионам с богатыми природными ресурсами*<sup>33</sup>.

• *Условно прибрежные регионы* - регионы, которые отстоят от морских путей и портов от 0 до 500 км. При составлении списка условно прибрежных регионов нами были использованы данные по распределению территорий по зонам удаленности от океанов, морей и морских портов с круглогодичной навигацией, разработанные Безруковым Л.А [5].

• *Условно континентальные регионы* – регионы, которые отстоят от морских путей и портов от 500 и более 5000 км [5].

• *Приграничные регионы* – регионы, имеющие сухопутные границы с граничащими с Россией зарубежными странами.

Чтобы оценить разницу роста по вышеуказанным категориям регионов, мы используем метод регрессионного анализа панельных данных роста экономики (ВРП) на душу населения.

$$РостВРП_{\text{от}} = \beta_0 + \beta_1 ПРИГР + \beta_2 УСЛПРИБР * R_i + \beta_3 БОГПРИР * R_i + TimeFE + \varepsilon_{it}$$

• Где *УСЛПРИБР* является фиктивной переменной (dummy variable), который равен 1 если регион относится к условно прибрежным регионам, и 0 если – нет; *ПРИГР* равен 1, если регион является приграничным, 0 – нет; *БОГПРИР* равен 1, если регион располагает богатыми природными ресурсами, 0 – нет; *РостВРП<sub>от</sub>*- Рост валового регионального продукта на душу населения.

• Для контроля возмущений, влияющих на данные по регионам по годам, включен показатель годового фиксированного эффекта.

Результаты оценки роста регионов России по методу линейной регрессии в зависимости от групп показывает, что для российских регионов главным фактором роста является наличие природных ресурсов, а не территориальное расположение. Эластичность валового внутреннего продукта на душу населения по неприграничным регионам с богатыми природными ресурсами равна 0,55, то есть другими словами, рост ВРП на душу населения регионов с богатыми природными ресурсами на 1% приведет к увеличению ВРП на душу населения страны на 0,55% (Таблица 1). Отрицательный коэффициент эластичности для приграничных регионов показывает, что рост экономики на 1% приграничных регионов приводит к замедлению роста экономики страны на 0,29%. При этом близость к морским путям не оказывает какого-либо влияния на рост экономики.

Таблица 1

Оценка экономического роста регионов России в зависимости от трех групп (приграничные регионы, условно прибрежные регионы, регионы с богатыми ресурсами) методом панельных данных в ценах 2013 г. (1996-2013 гг.)

Зависимая переменная: Рост реального ВРП региона на душу населения	
Приграничные регионы	- 0,21*** (0,09)
Условно прибрежные регионы	0,11*** (0,10)
Регионы с богатыми ресурсами	0,55*** (0,14)

<sup>33</sup> Астраханская область, Оренбургская область, Самарская область, Тюменская область, Республика Бурятия, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Татарстан, Пермский край, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Белгородская область, Курская область, Республика Карелия, Калининградская область, Мурманская область, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Республика Коми, Архангельская область, Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ.

Константа	11,8*** (0,10)
Количество наблюдений	1501
R-sq	0,22
* - 1% уровень значимости. ** - 5% уровень значимости. *** - 10% уровень значимости.	

Для детализации данных нами также была выполнена оценка регионов по показателю ВВП на душу населения. При этом регионы были сгруппированы на четыре группы: 1) приграничные регионы с бедными природными ресурсами; 2) неприграничные регионы с бедными природными ресурсами; 3) приграничные регионы с богатыми природными ресурсами; 4) неприграничные регионы с богатыми природными ресурсами. Чтобы оценить разницу роста по четырем вышеуказанным категориям регионов, мы используем метод регрессионного анализа панельных данных роста экономики (ВРП) на душу населения.

$$РостВРП_{\text{дн}} = \beta_0 + \beta_1 \text{ПРИГР} + \beta_2 \text{ПРИГР}_{\text{БПрРес}} * R_i + \beta_3 \text{НЕПРИГР}_{\text{БПрРес}} * R_i + \text{TimeFE} + \varepsilon_{it}$$

Где *БПрРес* – богатые природными ресурсами регионы, фиктивная переменная (dummy variable), которая равна 1 если регион располагает богатыми природными ресурсами, и 0 если – нет; *ПРИГР* равен 1, если регион является приграничным, 0 – нет; *НЕПРИГР* равен 1, если регион является неприграничным, 0 – нет; *РостВРП<sub>дн</sub>* – Рост валового регионального продукта на душу населения.

Таблица 2

Оценка экономического роста регионов России в зависимости от трех групп (приграничные регионы, приграничные регионы с богатыми природными ресурсами, неприграничные регионы с богатыми природными ресурсами) методом панельных данных в ценах 2013 г. (1996-2013 гг.)

Зависимая переменная: Рост реального ВРП региона на душу населения	
Приграничные регионы	-0,21** (0,12)
Приграничные регионы с богатыми природными ресурсами	0,43** (0,14)
Неприграничные регионы с богатыми природными ресурсами	0,63** (0,14)
Константа	11,8** (0,08)
Количество наблюдений	1501
R-sq	0,21
* - 1% уровень значимости. ** - 5% уровень значимости. *** - 10% уровень значимости.	

Регионы с богатыми природными ресурсами, как приграничные, так и неприграничные показывают наибольшее влияние на рост экономики за период 1996-2013 гг. (Таблица 2). При этом, неприграничные регионы с богатыми природными ресурсами показывают наибольший коэффициент эластичности роста. Эластичность валового внутреннего продукта на душу населения по неприграничным регионам с богатыми природными ресурсами равна 0,63, то есть другими словами, рост ВРП на душу населения неприграничных регионов с богатыми природными ресурсами на 1% приведет к увеличению ВРП на душу населения страны на 0,63%.

В противоположность к этому, регионы, не обладающие богатыми природными ресурсами отстают в развитии, и характеризуются отрицательным коэффициентом эластичности. Таким образом, можно сделать вывод, что Россия слабо использует экономико-географические возможности экономики приграничных регионов. При росте ВРП на душу населения приграничных регионов России на 1%, темп отставания ВРП на душу населения России составляет 0,21%.

Нами была выполнена оценка роста ВРП на душу населения в зависимости от роста ВРП на душу населения федеральных округов России. При этом использовано следующее уравнение:

$$РостВРП_{\text{он}} = \beta_0 + \beta_1ЦФ\text{О} + \beta_2СЗФ\text{О} * R_i + \beta_3ЮФ\text{О} + \beta_4СКФ\text{О} + \beta_5ПФ\text{О} + \beta_6УФ\text{О} + \beta_7СФ\text{О} + \beta_8ДФ\text{О} + TimeFE + \varepsilon_{it}$$

Где ЦФО – рост ВРП на душу населения регионов Центрального федерального округа, СЗФО - рост ВРП на душу населения регионов Северо-Западного федерального округа, ЮФО - рост ВРП на душу населения регионов Южного федерального округа, СКФО - рост ВРП на душу населения регионов Северо-Кавказского федерального округа, ПФО - рост ВРП на душу населения регионов Приволжского федерального округа, УФО - рост ВРП на душу населения регионов Уральского федерального округа, рост СФО - ВРП на душу населения регионов Сибирского федерального округа, ДФО - рост ВРП на душу населения регионов Дальневосточного федерального округа.

Оценка экономического роста показывает, что наибольшее влияние на рост ВРП на душу населения оказывают федеральные округа (Столбец 1 Таблицы 3), богатые природными ресурсами – Дальневосточный (0,67) и Уральский (0,59). Неожиданным является достаточно высокий коэффициент эластичности Северо-Западного округа (0,39), который выше аналогичного показателя Центрального федерального округа (0,10). Видимо это связано с приморским положением и развитой транспортно-логистической инфраструктурой Северо-Западного округа, через который проходит основной транзит сырьевых и промышленных товаров страны. В противоположность к этому, Южный (-0,19) и Северо-Кавказские (-0,61) макрорегионы характеризуются отрицательными коэффициентами эластичности, что говорит о слабой эффективности развития этих регионов. Примерно в таком же, но в более лучшем положении находятся Приволжский (0,09) и Сибирский (0,07) федеральные округа. Эффективность использования экономики этих макрорегионов также является недостаточным, их развитие практически не влияет на рост экономики страны.

Далее мы дополним уравнение двумя фиктивными переменными ПРСФО и ПРСКФО.

$$РостВРП_{\text{он}} = \beta_0 + \beta_1ЦФ\text{О} + \beta_2СЗФ\text{О} * R_i + \beta_3ЮФ\text{О} + \beta_4СКФ\text{О} + \beta_5ПФ\text{О} + \beta_6УФ\text{О} + \beta_7СФ\text{О} + \beta_8ДФ\text{О} + \beta_9ПРСФ\text{О} + \beta_{10}ПРСКФ\text{О} + TimeFE + \varepsilon_{it}$$

Где ПРСФО – рост ВРП на душу населения приграничных регионов Сибирского федерального округа<sup>34</sup>; ПРСКФО – рост ВРП на душу населения приграничных регионов Северо-Кавказского федерального округа<sup>35</sup>.

Таблица 3

Оценка экономического роста федеральных округов России методом панельных данных в ценах 2013 г. (1996-2013 гг.)

	Зависимая переменная: Рост реального ВРП региона на душу населения	
	Столбец 1	Столбец 2
Центральный федеральный округ	0,10** (0,42)	0,10** (0,43)
Северо-Западный федеральный округ	0,39** (0,43)	0,39** (0,44)

<sup>34</sup> Новосибирская область, Алтайский край, Омская область, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Забайкальский край.

<sup>35</sup> Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания.

Южный	- 0,19** (0,45)	-0,19** (0,46)
Северо-Кавказский	- 0,61** (0,44)	-0,56** (0,53)
Приволжский	0,09** (0,43)	0,09** (0,43)
Уральский	0,59** (0,46)	0,59** (0,47)
Сибирский	0,07** (0,43)	0,40** (0,44)
Дальневосточный	0,67** (0,43)	0,67** (0,44)
Приграничные регионы СФО	-	-0,57* (0,23)
Приграничные регионы СКФО	-	-0,06** (0,31)
Константа	11,8** (0,41)	11,8** (0,41)
Количество наблюдений	1501	1501
R-sq	0,26	0,29
* - 1% уровень значимости. ** - 5% уровень значимости. *** - 10% уровень значимости.		

Выполненная оценка показывает (Столбец 2 Таблицы 3), что рост экономики приграничных регионов Сибири значительно отстает от других регионов.

Общая площадь приграничных регионов Сибирского федерального округа составляет около 30% Сибири, в которой живет половина населения федерального округа (Таблица 4).

Таблица 4

Сравнительные данные по социально-экономическому развитию приграничных регионов Сибири (составлено по данным 2014 г.) [10]

	Территория, тыс. кв. км.	Численность населения 1 января 2015 г., тыс. чел.	Уровень общей безработицы (в % от экономической активности населения)	Среднедушевые денежные доходы в месяц, рублей	Средняя номинальная заработная плата работников организаций, рублей	Валовой региональный продукт в 2013 г., млн. руб.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполнение работ и услуг собственными силами, млн. рублей	Выпуск продукции и сельского хозяйства, млн. рублей	Инвестиции в основной капитал, млн. рублей	Оборот розничной торговли, млн. рублей	Финансовые результаты деятельности крупных и средних организаций
											Сальдо, прибыль (+), убыток (-), млн. руб.
Сибирский федеральный округ	5145	19312,2	7	21490,4	28347	5535449,5	2577068	543890	1440980	2696933,4	315317
<b>Приграничные регионы Сибири</b>	<b>1531,6</b>	<b>9703,3</b>	<b>9,6</b>	<b>19952,3</b>	<b>25719,7</b>	<b>2267795,8</b>	<b>1633558,0</b>	<b>319749,0</b>	<b>519208,0</b>	<b>1396113,0</b>	<b>33032,0</b>
<b>Доля приграничных регионов в СФО, в %</b>	<b>29,8</b>	<b>50,2</b>	<b>-</b>	<b>92,8</b>	<b>90,7</b>	<b>41,0</b>	<b>63,4</b>	<b>58,8</b>	<b>36,0</b>	<b>51,8</b>	<b>10,5</b>
Республика Алтай	92,9	213,7	10,4	17133,6	22598	33089,9	5955	9582	13790	20730,2	2026
Республика Бурятия	351,3	978,5	8,4	22325,8	27739	177692	109881	16731	36065	138124,8	14252
Республика Тыва	168,6	313,8	19,1	14082,9	27507	41749,2	8753	5827	16182	18785,7	-7054
Алтайский край	168	2384,8	7,2	18433,5	19456	410824,6	254337	113938	102169	306526,3	16919
Новосибирская область	177,8	2746,8	5,1	23110,2	27214	821415,4	414835	71408	180035	461744,4	22604
Омская область	141,1	1978,2	6,7	24060,2	26205	553242,7	743990	83590	105786	314167,9	-3192
Забайкальский край	431,9	1087,5	10	20520	29319	229782	95807	18673	65181	136033,7	-12523

Вклад приграничных регионов Сибири (далее ПРС) в валовой региональный продукт Сибирского федерального округа (далее СФО) по данным 2014 г. составил 41% или 2267,8 млрд. руб.

Эти регионы значительно различаются по территории, составу населения, по уровню развития инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства и, конечно, по показателям социально-экономического развития.

Известно, что Сибирь располагает богатейшим природно-ресурсным потенциалом, уровень освоения которых значительно ниже, чем в других

макрорегионах страны. Анализ данных таблицы 4 показывает, что в целом, несмотря на значительный потенциал развития, рост объемов промышленности, в том числе обрабатывающей, кардинальных изменений в экономике ПРС не прослеживается. Приграничные регионы Сибирского федерального округа характеризуются низким уровнем инвестиций в основной капитал, небольшим оборотом экспорта (Таблица 5), незначительной прибылью крупных и средних предприятий.

Кроме того, общий уровень безработицы в ПРС в среднем выше регионов СФО, и колеблется от 5,1% в Новосибирской области до 19,1% в Республике Тыва. Средняя номинальная заработная плата в ПРС несколько ниже в СФО и составила 25,7 тыс. руб. в 2014 г.

Таблица 5

Данные по экспорту приграничных регионов СФО

	2005	2010	2011	2012	2013	2014
СФО	25633,4	37703,4	33111,7	35513	36051,2	34970,4
Приграничные регионы СФО, млн. долл.	9388,6	9734,6	3369,4	4813,5	5025,1	4994,6
Доля приграничных регионов в СФО, %	36,6	25,8	10,2	13,6	13,9	14,3

[Составлено по данным: 10-13]

Таким образом, результаты полученные автором согласуются с выводами других авторов. Например, по мнению Вардомского Л.Б [14], производство природных ресурсов в стране сосредоточено только в незначительном количестве регионов, а все остальные регионы относятся к отстающим и именно в них наблюдается рост дифференциации доходов населения.

По мнению некоторых исследователей, потенциал приграничных регионов используется в недостаточной мере, и приграничное положение не дает преимуществ в развитии регионов России, так как не созданы соответствующие институциональные условия [15].

В дополнение к этому, приведем данные по рейтингу регионов по уровню жизни семей в 2015 г., выполненное рейтинговым агентством РИА Рейтинг: по данным агентства к наиболее богатым регионам относятся Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, г. Москва, Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ненецкий автономный округ и Магаданская область, т.е. это богатые природными ресурсами неприграничные регионы, кроме столицы страны [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие страны определяется несколькими ресурсо-добывающими регионами, сырьевой потенциал которых создан еще в советские времена. Тем не менее, выполненные расчеты показывают, что в пространственном развитии страны значительную роль играют экономико-географические факторы. Оценка показывает значительную недооценку развития приграничных регионов, при создании необходимых институциональных условий приграничные регионы могут в разы увеличить свой экономический потенциал. При этом в настоящее время внутриконтинентальность сибирских регионов является одним из отрицательных факторов, не позволяющий им в равной мере конкурировать с другими регионами страны. Сравнение приграничных

регионов Сибири с регионами Северного Кавказа показывает более высокие показатели отрицательной эластичности для сибирских приграничных регионов.

Таблица 6

Предлагаемые направления для стратегического планирования приграничных регионов Сибири

направления	меры
1. Инфраструктурное обеспечение развития приграничных регионов Сибири	1. Создание налоговых и инвестиционных преференций для инвестиционных проектов, направленных на создание межрегиональных транспортных коридоров. 2. Содействие и участие в создании международных транспортных коридоров в Азиатской части России, в том числе и совместных инфраструктурных проектах стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). 3. Создание условий для дальнейшего развития таможенной инфраструктуры для приграничных регионов Сибири
2. Создание условий для технологического развития приграничных регионов Сибири	1. Введение системы пониженных (ранжированных в зависимости от региона) тарифов на грузоперевозки по РЖД на товары из внутриконтинентальных регионов до международных портов России. 2. Создание в приграничных регионах особых экономических зон. 3. Создание налоговых и инвестиционных преференций для товаров и услуг, имеющих высокую добавленную стоимость в приграничных регионах Сибири

На наш взгляд, для прибрежных регионов, в том числе и для регионов Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов существуют высокие возможности для наращивания потенциала развития, которые слабо используются. Экономико-географическое преимущество этих регионов необходимо использовать как для развития производства импортозамещающих промышленных и потребительских товаров, так и для увеличения экспорта продукции товаров с высокой добавленной стоимостью.

Для дальнейшего поступательного развития приграничных регионов Сибири нами предлагаются ряд мер, направленных на кардинальные изменения в области инфраструктурного обеспечения развития и создания условий для технологического развития приграничных регионов Сибири (Таблица 6).

**Литература:**

1. Gallup J.L. and Sachs J.S., with Mellinger A.D. Geography and Economic Development // Center for International Development at Harvard University: Working Paper No. 1. – March 1999. - p. 2-57.
2. MacKellar L., Woergoetter A. and Woerz J.M. *Economic Development Problems of Landlocked Countries* <http://www.ihs.ac.at/publications/tec/te-14.pdf>
3. Felipe J., Kumar U. The Impact of Geography and Natural Resource Abundance on Growth in Central Asia // Levy economics Institute of bard College: Working Paper No. 629. - October. 2010.– 23 p.
4. Collier, P. and O’Connell, S. 2007. “Opportunities and Choices” in Ndulu, B., *et al.* (eds), *Political Economy of Economic Growth in Africa, 1960-2000 Set, Volume 1, Chapter 2.*
5. Безруков Л.А. Экономико-географическое макроположение Сибири и проблема эффективности ее хозяйства. // География и природные ресурсы. – 2007. – №3. - С. 149-158.
6. Fujita M., Krugman P.R., Venables A. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade.*// MIT Press, 2001 - 367 p. Krugman P. What’s New about the New Economic Geography? // Oxford Review of Economic Policy, 1998, vol. 14, no. 2, pp. 7–17. Cambridge University Press, Cambridge.
7. Коломак Е.А. Эконометрический анализ панельных данных : учеб. пособие // НГУ. - Новосибирск, 2007. - 48 с.
8. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии. // Вопросы экономики. - 2013. - № 2. - С. 132-150.

9. Ратникова Т. А., Фурманов К. К. Анализ панельных данных и данных о длительности состояний. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2014.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 981 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Р32 Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с.
14. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. – М.: Книжный Дом «ЛИБРОКОМ». 2009, 2016 с.
15. Бадарчи Х.Б., Дабиев Д.Ф. Факторный анализ влияния развития добывающих отраслей промышленности на экологическую ситуацию в регионах. // Экономический анализ: теория и практика. – 2013 – №46(349) декабрь – С.13-26.
16. Новоженина Е. Рейтинг регионов по уровню жизни семей 2016. (Электронный ресурс). -Режим доступа:  
[http://www.riarating.ru/regions\\_rankings/20160601/630023921.html](http://www.riarating.ru/regions_rankings/20160601/630023921.html) (дата обращения 5 марта 2016)

**Дементьев Виктор Евгеньевич**  
*доктор экономических наук, профессор*  
*Центральный экономико-математический институт*  
*г. Москва*  
*vedementev@rambler.ru*

## **ИНДУСТРИЯ 4.0 И ПАРАДОКС СОЛОУ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ  
(грант No 17-02-00521 - ОГН)*

**Аннотация.** Определение реальной стадии очередной промышленной революции важно для формирования государственной экономической политики, для уточнения инвестиционных приоритетов бизнеса. Растущий выпуск цифровых благ, фокусировка внимания политиков на цифровых технологиях создают впечатление о близости апогея цифровой революции. Однако наблюдаемое на практике замедление роста производительности труда свидетельствует о необходимости дополнительной подготовки для широкомасштабного перехода к Индустрии 4.0.

**Ключевые слова:** индустрия 4.0, парадокс Солоу, цифровые технологии, промышленная революция.

Еще недавно перспективы социального и экономического развития связывались со становлением постиндустриального общества, в котором основная роль отводилась сфере услуг, а не промышленности. В настоящее время об очередной технологической революции часто говорят как об Индустрии 4.0 (Industrie 4.0), ориентируясь на немецкую государственную программу 2011 года [1]. Имеется в виду цифровая трансформация производства на основе внедрения технологий больших данных (Big Data), облачных вычислений (cloud computing), искусственного интеллекта (artificial intelligence), «интернета вещей» (Internet of Things), что должно привести к созданию «умных фабрик» (intelligent manufacturing). Соответствующие государственные программы по цифровой трансформации национальной экономики приняты во многих странах. Нельзя сказать, что сфера



услуг/сервиса стала малозначительной. Однако теперь более заметно проявляется зависимость развития этой сферы от состояния промышленности.

Формирование цифровой экономики происходит в условиях насыщенности многих отраслевых рынков. Как следствие, действующие на этих рынках компании ищут менее заполненные конкурентами сферы деятельности. Такие поиски часто ведутся в сфере обслуживания производимой компанией продукции. В этом направлении развивает свой бизнес, в частности, компания Боинг, рассчитывающая на то, что послепродажное обслуживание поможет в полтора раза увеличить масштабы бизнеса. Эти расчеты опираются на огромный парк произведенных компанией самолетов, учитывают, что на обеспечение эксплуатации самолета приходится до 70% от общих расходов в течение его жизненного цикла. Недавно созданное подразделение Boeing Global Services насчитывает 20 тыс. сотрудников и претендует на лидерство на рынке авиационных сервисов. Такое смещение структуры доходов в сторону сферы услуг наблюдается не только в авиастроении.

Цифровая трансформация рассматривается как средство повышения эффективности производства. Однако на практике наблюдается снижение темпов роста производительности труда в ряде стран, являющихся лидерами очередной технологической революции (рис. 1). В Германии такая ситуация складывается при том, что ежегодные инвестиции только в промышленную интернет-инфраструктуру достигают 40 миллиардов евро. Подобное снижение темпов роста производительности труда наблюдалась в начальный период и предшествующей технологической революции. Такой эффект инновационных изменений фигурирует в литературе как парадокс Солоу, поскольку именно он первый обратил внимание на парадоксальную динамику производительности труда на фоне компьютеризации экономики. В современной экономике США вновь наблюдается подобная тенденция (рис. 2).

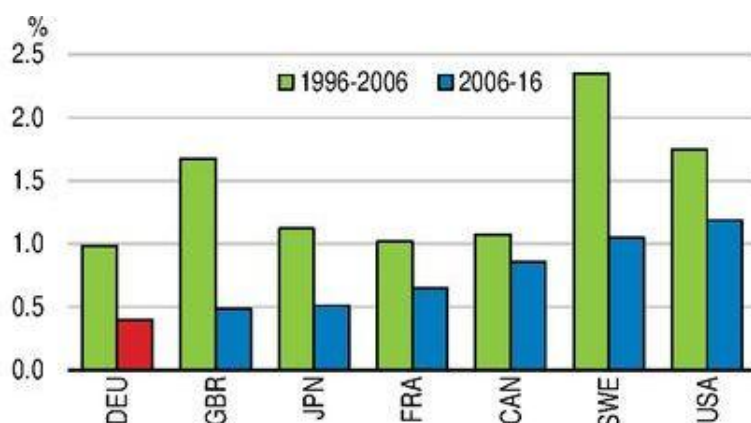
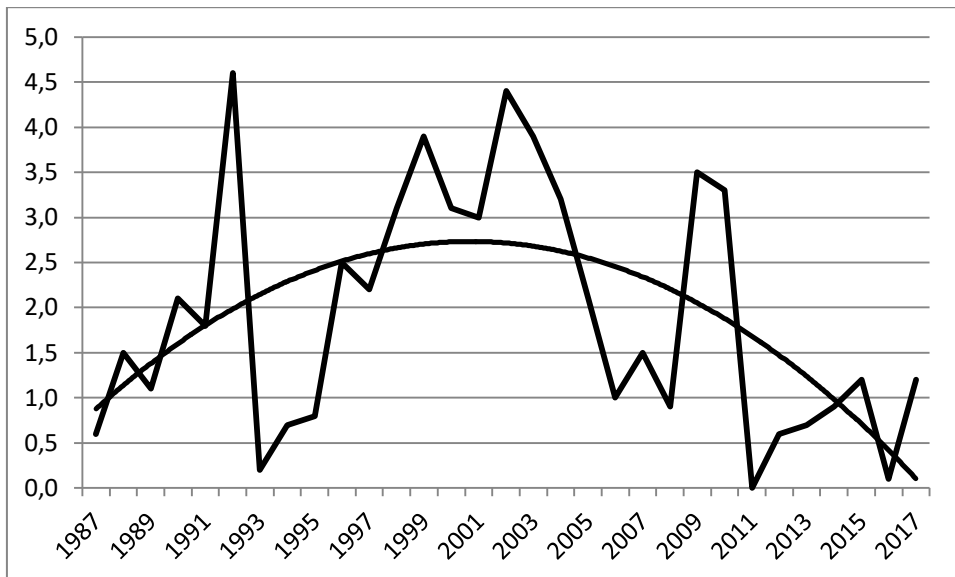


Рис. 1. Средние годовые темпы роста производительности труда  
Источник: OECD Economic Surveys: Germany 2018.



**Рис. 2.** Изменение производительности труда в бизнес секторе США.

Построено по Bureau of Labor Statistics USA. Table Net Multifactor Productivity and Cost [Электронный ресурс] URL.: <https://www.bls.gov/mfp/#data> (дата обращения: 8.10.2018).

Объяснением этой динамики может служить то, что потенциал обновления технологической базы производства раскрывается не сразу. Сказывается зависимость результатов многих принципиальных нововведений от наличия дополняющих эти нововведения инноваций. Так массовый переход к беспилотному автотранспорту предполагает синтез искусственного интеллекта, облачных технологий, интернета вещей. Одним из ключевых условий для безопасной езды беспилотных автомобилей является подключение их к сетям мобильной связи пятого поколения. Такая связь необходима для оперативного реагирования на изменения в движении окружающих машин. Связь 5G позволит уменьшить время реагирования примерно в 5 раз, что скажется на длине тормозного пути при необходимости экстренной остановки.

При отсутствии условий для радикальных изменений новые технологии широкого применения используются в качестве улучшающих инноваций для зрелых производств. Хотя эра беспилотного автотранспорта еще не наступила, системы интеллектуального управления парковкой стали опцией, предлагаемой многими автопроизводителями. К улучшающим относится и технология, позволяющая автомобилю поддерживать дистанцию до других автомобилей без участия водителя.

Однако такого рода улучшающие инновации порой лишь сдерживают падение темпов роста производительности труда в достигших фазы зрелости отраслях. Фактором снижения текущей ресурсоотдачи являются, в частности, крупные затраты на разработку принципиально новых технологий, осуществляемые в расчете на большие будущие прибыли. В парадоксе Солоу отражается двойственный характер процесса «созидательного разрушения» при переходе экономики на новую технологическую базу, когда улучшающие инновации сменяются радикальными. Эти инновации приводят к падению спроса на ряд товаров, что сказывается на динамике производительности труда.

На фоне продолжающейся цифровизации экономики США ее отдельные отрасли демонстрируют разные тенденции в сфере производительности труда (рис. 3 и 4).

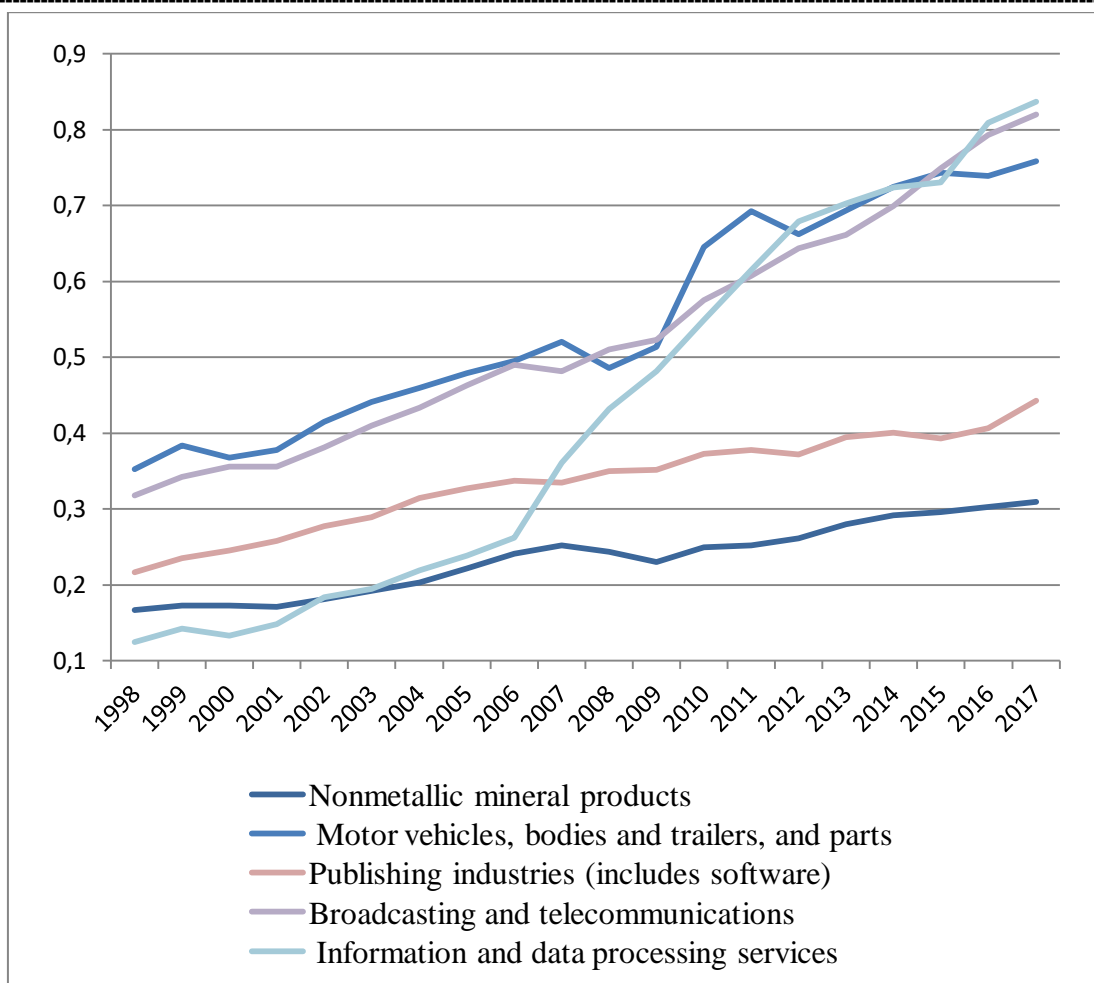


Рис. 3. Производительность труда в 5 отраслях экономики США (млн. долл./чел.)  
Построено по данным U.S. Bureau of Economic Analysis [Электронный ресурс] URL.:  
<https://www.bea.gov/> (дата обращения: 18.12.2018).

Как видно из рис. 3, производительность труда растет не только в ряде отраслей, непосредственно воплощающих информационные технологии, но и в некоторых традиционных отраслях, включая автомобилестроение и переработку неметаллического минерального сырья.

С другой стороны, в машиностроении, где ожидаются радикальные изменения на основе очередной промышленной революции, в последнее десятилетие производительность труда практически не растет на отраслевом уровне. Такая же ситуация в производстве компьютеров и электроники (рис. 4). В некоторых отраслях (черная и цветная металлургия, химическая и пищевая промышленность) быстрый рост производительности труда сменился ее снижением.

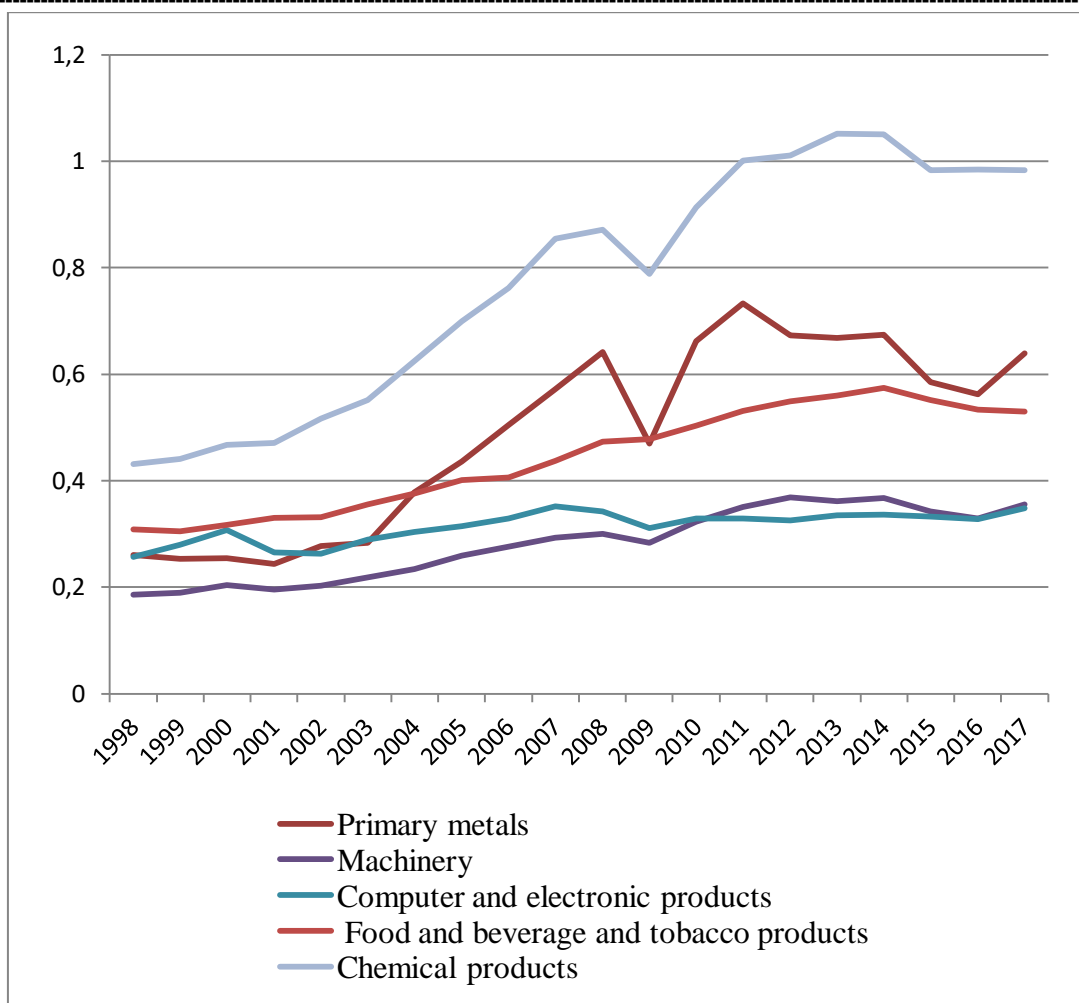


Рис. 4. Производительность труда в 5 отраслях экономики США (млн. долл./чел.)

Построено по данным U.S. Bureau of Economic Analysis [Электронный ресурс] URL.: <https://www.bea.gov/> (дата обращения: 18.12.2018).

Разная ситуация складывается в отраслях США и с точки зрения динамики фондоотдачи. При этом в автомобилестроении и переработке неметаллического минерального сырья рост производительности труда в 2009-2017 гг. на отраслевом уровне в 2009-2017 гг. сочетается с ростом фондоотдачи (рис. 5). В издательской деятельности и информационных услугах ситуация иная: здесь на фоне роста производительности труда в последние годы происходит снижение фондоотдачи. В рассмотренных отраслях с наметившейся тенденцией к снижению или стабилизации производительности труда (рис. 4) похожая ситуация складывается и в сфере фондоотдачи (рис. 6).

Новое проявление парадокса производительности в экономике США наблюдается на фоне растущего производства цифровых благ (табл. 1).

Таблица 1

Реальный валовой выпуск товаров в США

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	Млрд. долл.							
Total Economy	25708	25395	25849	26488	26944	27792	28424	28923
Digital Goods	199,3	215,1	224,6	223,2	225,7	212,2	234,3	251,4
Digital Services	1071,9	1330,5	1404,0	1473,0	1511,5	1609,2	1680,6	1776,6
	Процент прироста к предшествующему периоду							
Total Economy	--	3,0	1,8	2,5	1,7	3,1	2,3	1,8
Digital Economy	--	6,1	5,4	4,2	2,4	5,0	5,1	5,9
Digital-Enabling Infrastructure	--	5,9	5,1	3,6	2,0	4,6	4,7	5,8
Hardware	--	10,1	5,7	0,7	1,3	-6,7	13,3	10,9
Software	--	3,0	5,6	2,7	1,5	9,7	4,4	6,4
Telecommunications	--	4,3	3,6	2,9	2,2	5,1	4,5	3,9
Support Services	--	8,4	6,6	6,2	2,2	4,7	2,4	6,2
E-Commerce & Digital Media	--	8,7	8,2	10,1	6,6	8,8	8,5	6,8

Источник: U.S. Bureau of Economic Analysis [Электронный ресурс] URL.: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy> (дата обращения: 28.12.2018).

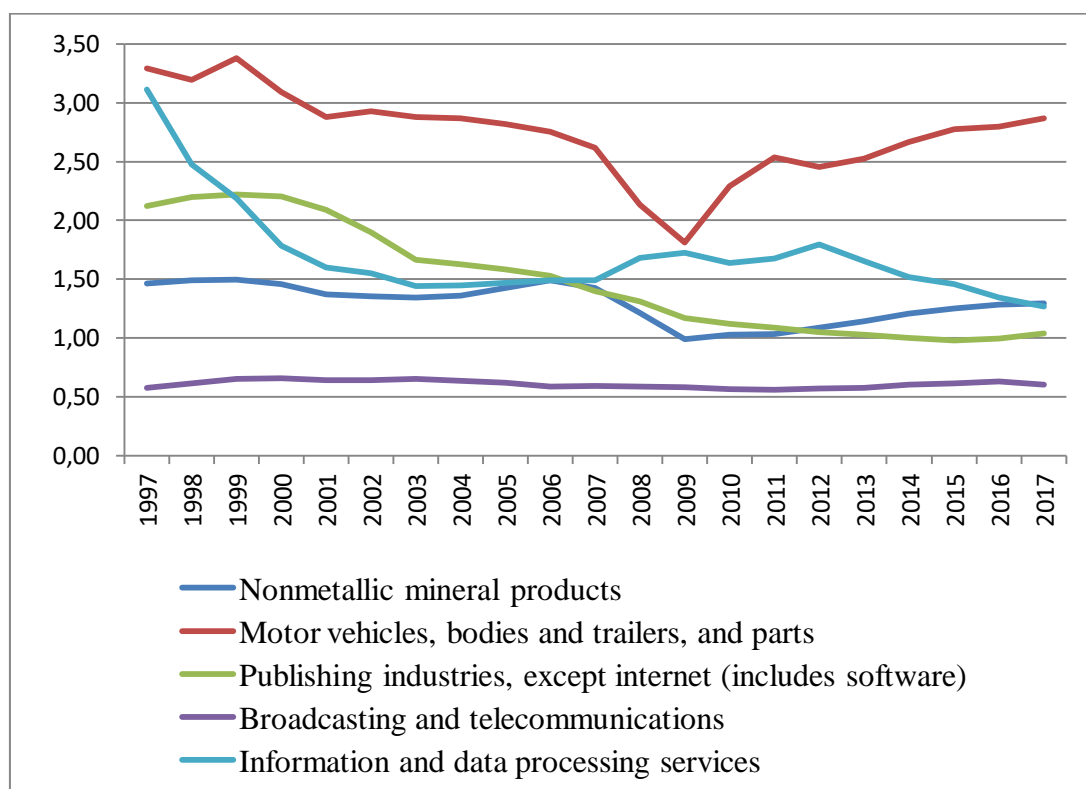


Рис. 5. Фондоотдача в 5 отраслях экономики США.

Построено по данным U.S. Bureau of Economic Analysis [Электронный ресурс] URL.: <https://www.bea.gov/> (дата обращения: 18.12.2018).

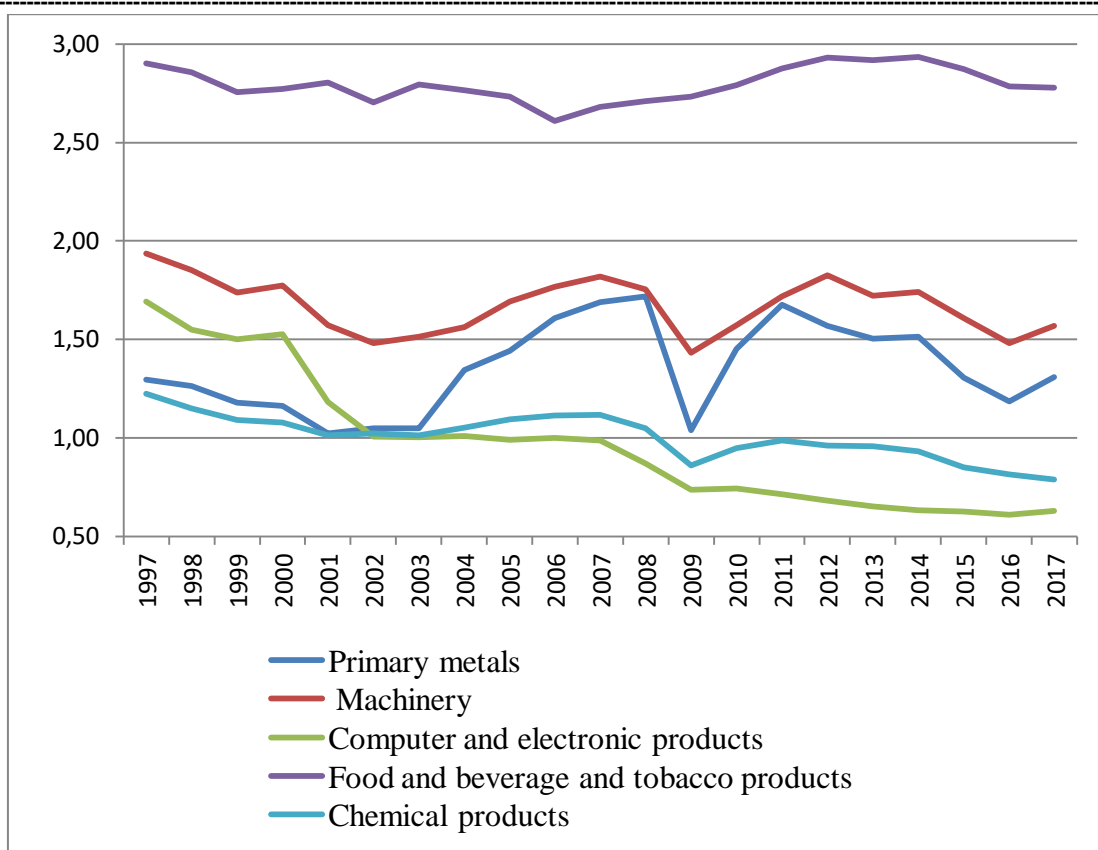


Рис. 6. Фондоотдача в 5 отраслях экономики США.

Для определения реальной стадии очередной технологической революции целесообразно рассматривать цифровизацию производства как многоэтапный процесс. В отчете, подготовленном Р. Кацем, выделены три этапа или три волны цифровизации [2]. Можно следующим образом представить эти волны.

Первая волна характеризуется совершенствованием управленческих информационных систем в зрелых отраслях, внедрением компьютеров для автоматизации обработки данных.

Вторая волна характеризуется переводом в цифровую форму уже не только внутрифирменных информационных связей, но и отношений между фирмами, между производителями и потребителями. Такие изменения обеспечиваются распространением Интернета, развитием поисковых систем, формированием электронных рынков.

Третья волна влечет за собой глубокое проникновение цифровых технологий непосредственно в производство путем перестройки его на основе Интернета Вещей, робототехники, искусственного интеллекта. Эти технологии, анализ больших данных, сочетаясь с технологиями предшествующих волн цифровизации, должны радикально изменить и управление экономическими процессами.

Выделение отдельных волн цифровизации позволяет избежать усредненных оценок этого процесса, способных дезориентировать о реальном этапе становления Индустрии 4.0.

Опыт первых двух волн цифровизации свидетельствует о том, что разработка и широкое распространение технологий, соответствующих отдельным волнам, требует много времени. Так внедрение компьютеров в деловую среду началось в 1960-ых, а их проникновение в бизнес фирм стран-членов ОЭСР достигло 92.61% только в 2014 г. [2]. Хотя отмечается, что прохождение волн цифровизации ускоряется, о начале быстрого подъема третьей волны говорить еще рано, о чем свидетельствуют и темпы роста цифровой экономики, представленные в табл. 1.

Судя по ситуации в сфере производительности труда и фондоотдачи, можно заключить, что в переходе к Индустрии 4.0 пока сохраняется своего рода инновационная пауза. Для реализации потенциала Индустрии 4.0 требуются дополнительные исследования и

разработки, изменения в образовательной и институциональной сферах. Прогнозируется, что очередная промышленная революция будет сопровождаться большими изменениями рынка труда, что может оставить без работы миллионы людей. Подготовка к таким изменениям только начинается.

Как отмечает С.Б. Шапошник, цифровые дивиденды получают только те страны, где создана благоприятная деловая среда, решены проблемы цифрового неравенства и информационной безопасности, обеспечен высокий уровень развития человеческого капитала [3]. Эти обстоятельства учитывает разработанная японской федерации крупного бизнеса «Кэйданрэн» стратегия создания «Общества 5.0» [4]. Эта стратегия выходит за рамки производственной сферы и предусматривает не только использование цифровых технологий, но и решение социальных проблем. Среди таких проблем сокращение численности населения, стремительное старение общества и стихийные бедствия.

Индустрия 4.0 требует обновления и сопряжения многих видов оборудования. Необходимо формирование общих стандартов в сфере интернета вещей. В цифровую революцию будут вовлечены многие отрасли экономики, включая те, где в настоящее время наблюдается снижение отдачи от отраслевых ресурсов. Как уже отмечалось, одной из причин этого снижения является отвлечение части ресурсов для создания заделов на будущее, на формирование элементов умного производства (smart manufacturing). Такое производство представляет собой конвергенцию, где сходятся возможности сразу нескольких составляющих [5]. Необходимый набор составляющих формируется постепенно в результате связанных с риском инвестиций, что сказывается на эффективности производства. Однако выжидательная позиция в расчете на привлечение чужих разработок имеет свои риски, поскольку доступ к новейшим технологическим достижениям может быть ограничен.

Один из сдерживающих факторов цифровой трансформации - технологическая инерция. Однако производства нисходящей длинной волны в процессе созидательного разрушения не являются лишь балластом для обновляющейся экономики. Уже существующие отрасли, как правило, обеспечивают первичный спрос на новые технологии, служат поставщиками ресурсов для формирующихся отраслей. Современная экономика дает многочисленные примеры высокой абсорбционной способности старых отраслей по отношению к принципиально новым технологиям. Слишком резкое свертывание инвестиций в эти отрасли волны может привести к затяжной депрессии в экономике.

При значительном отставании уже существующих отраслей от мировых технологических лидеров экономике грозит «структурная ловушка». О такой ловушке допустимо говорить, когда национальные компании в старых отраслях сильно уступают иностранным фирмам и не могут поддержать инвестициями и спросом развитие новых технологий. Для изменения ситуации необходима комбинированная стратегия развития, обеспечивающая синергический эффект от модернизации отстающих отраслей и становления новых производств. Наблюдаемая в США и Западной Европе тенденция к реиндустриализации, охватывающей и зрелые отрасли, создает предпосылки для широкого внутреннего спроса на новейшие технологии.

#### **Список литературы:**

1. Ideas. Innovation. Prosperity. High-Tech Strategy 2020 for Germany. Published by the Federal Ministry of Education and Research. Bonn, Berlin 2010 [Электронный ресурс] URL.: <https://docslide.net/technology/high-tech-strategy-2020-for-germany.html> (дата обращения: 03.09.2018).
2. Katz Raul. Social and economic impact of digital transformation on the economy. ITU, GSR-17 Discussion paper. 2017 [Электронный ресурс] URL.: [https://www.itu.int/en/ITU-D/Conferences/GSR/Documents/GSR2017/Soc\\_Eco\\_impact\\_Digital\\_transformation\\_finalGSR.pdf](https://www.itu.int/en/ITU-D/Conferences/GSR/Documents/GSR2017/Soc_Eco_impact_Digital_transformation_finalGSR.pdf) (дата обращения: 10.12.2018).

3. Шапошник С.Б. Измерение цифровой экономики: международные стандарты и российская статистика. Ломоносовские чтения, МГУ имени М.В. Ломоносова. 19 апреля 2018 г. Междисциплинарная секция «Многоуровневый социально-экономический мониторинг, планирование и управление в цифровой экономике»/
4. Toward realization of the new economy and society. Reform of the economy and society by the deepening of “Society 5.0”. Keidanren (Japan Business Federation). April 19, 2016 [Электронный ресурс] URL.: [http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/029\\_outline.pdf](http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/029_outline.pdf) (дата обращения: 22.12.2018).
5. Брендл Деннис. «Умное» производство: конвергенция различных составляющих // Control Engineering Россия, 2016, №6. [Электронный ресурс] URL.: [https://controlengrussia.com/industry-4-0/smart\\_manufacturing/](https://controlengrussia.com/industry-4-0/smart_manufacturing/) (дата обращения: 12.12.2018).

**Дорошкевич Александр Николаевич**  
*генеральный директор Методического центра «Древо Рода»*  
*г. Сергиев Посад, Россия*  
*drevoroda@mail.ru*

**Пястолов Сергей Михайлович**  
*доктор экономических наук, профессор*  
*Институт Научной Информации по Общественным Наукам РАН*  
*г. Москва*  
*Ibs-piast@mail.ru*

## ДИСКРЕТНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

**Аннотация.** Статья представляет возможности конвенционального подхода в условиях, когда он и другие методики базируются на природосообразных моделях управления. Производящее общество, как обязательная предпосылка цивилизации, «дискретная энергетика» социально-экономического пространства являются важнейшими категориями методологии проекта, продолжающего традиции системогенетики и других направлений школ В.Вернадского, Н.Кондратьева, А.Чижевского. Первый шаг к сборке «вертикально» и «горизонтально» разделенного пространства – открытое объявление ценностей проекта. Тезис, как обобщение опыта деятельности Методического центра «Древо Рода»: управляющее воздействие «сверху-вниз» даст желаемый положительный эффект, когда энергии управляемой сложной подсистемы, идущие «снизу-вверх», будут резонировать с управляющими энергиями, и вместе обе подсистемы, управляющая и управляемая, станут единым организмом.

**Ключевые слова:** пространственный потенциал, социо-техническая системность, дискретная энергетика, природосообразное управление.

*Актуальность* обращения к альтернативным методологиям в исследованиях социально – географо - экономических пространств обусловлена многими причинами. Выделим ключевую: конкурентоспособность России в современных условиях определяется не инновациями/информатизацией, а качествами пространственного потенциала (ПП). Просто потому, что, если Россия не обратится к этому «корню», то это будет уже не экономическая система «Россия», а множество субъектов с драматически различными уровнями развития. Проблемы раскрытия ПП требуют нестандартных комплексных подходов. Обнадеживающим примером такого подхода стала работа коллектива 87 сотрудников РАН (участвовало 30 институтов 5 отделений, ряд региональных научных центров РАН) [8]. Ученые последовательно изучили различные виды пространств, их иерархические уровни (с экономической точки зрения: «мега-, макро-, микро-»), формы. Актуальна постановка



задачи. Действительно, России необходима «пространственная наука», обращенная, прежде всего, к «пространству всестороннего развития человека». Однако остался нераскрытым вопрос о том, ориентирован ли процесс социально – экономической трансформации «на удовлетворение растущих потребностей населения и развитие способностей человека (гуманистический вектор), или он спонтанно отчуждает массы населения от их жизненных потребностей и развития способностей (негуманистический вектор)?» [8, С.163]. Один из рецензентов рассматриваемого труда заключает, что «в настоящее время Россия и ее регионы находятся в тупике бюрократически-олигархического капитализма» [2, С.143]. К сожалению, прошедший форум «Технологический прорыв: пространственное развитие России», Москва, 22-23.11.2018, показал, что многие разработки, предлагаемые для решения задач «прорыва», до сих пор ведутся в рамках прежней парадигмы (на основе линейных моделей инноваций). Так, продолжая линию Стратегии 2020, обсуждаемый проект «Стратегии пространственного развития» РФ 2030 (СПР) не отрицает возможности «сжатия» периферийных территорий, «отказа от возможности осуществления каких-либо перспективных проектов на малонаселенных российских территориях» [4, С.63].

Некоторые перспективы открывают социологические подходы. В то же время, среди экспертов и лиц, принимающих решения, распространено мнение о том, что «экономика и социология сошлись в одном: устройство и функционирование окружающего мира все менее понятно, в нем все больше нелогичности и, следовательно, неопределенности» [3, С.9]. Целью нашей работы является демонстрация возможностей, которые может открыть в том числе конвенциональный подход, если он и другие методики будут базироваться на природосообразных концепциях управления. «Дискретная энергетика» является одной из важнейших категорий, используемой методологии. Энергетика рассматривается в трактовке Квигли, который пишет «об энергетике цивилизаций» и о том, что она различна в «кукурузных», «рисовых» и других «зерновых» регионах [10], а современные антропологи обнаруживают удивительные, в том числе, физические, качества у представителей осколков тех цивилизаций, которые питаются фруктами и не отделяют себя от Природы. Мы же заметим, что современные техно-цивилизации потребляют и используют в качестве основного фактора производства информацию.

*Методология.* Дискретность, в нашем представлении, является социальной категорией. На сегодняшнем этапе исследования считаем необходимым обратиться, прежде всего, к методологическому инструментарию французской конвенциональной теории. Популяризатором одной из ее версий в России и переводчиком основных трудов основателей стал А. Олейник (сотрудник ИЭ РАН, 2004-2011; ЦЭМИ РАН, 2011 – н.в.).

Конвенционалисты принимают предпосылки о сложном и комплексном устройстве общества. Причем такого рода комплексность имеет, как «вертикальный», так и «горизонтальный» характер [7, 9]. С достаточной долей условности, «вертикальное» измерение социо-экономического пространства можно соотнести с режимом Микро-Мезо-Макро, а в «горизонтальном» измерении выделяется «шесть режимов оправдания», которые в одном из описаний представлялись также «градами»: «вдохновения», «патриархальный /домашний», «славы», «гражданский (critique)», «рыночный» и «индустриальный» грады. Более привычным для русскоязычного читателя выглядит термин «мир – соглашение». Отметим, что понятие «режим оправдания» появилось в связи с необходимостью легитимации интервенций индустриального и рыночного соглашений в зоны традиционного и экологического миров: «навязывания конвенций в повседневном регулировании» [7, 9]. В статье «Какой дорогой идти?» Тевено описывает конфликт, возникший из-за нежелания автохтонов долины Асп во французских Пиренеях принять проект скоростной автомагистрали (горного тоннеля Сомпор), в том виде, в котором его планировали осуществить местное руководство и чиновники ЕС. Необходимо было сопоставить ценности «индустриальной модернизации» и «домашнего града», а затем обосновать возможность «рыночно-домашнего компромисса» [7]. Заметим, что подобного рода проблемы для России

более чем актуальны, но в данном аспекте на высших уровнях управления они практически не рассматриваются.

Развивая теорию соглашений, отметим, что пространства/материи миров имеют различные свойства, характеризуются различными качествами энергий. В этой связи примем утверждение, что в оценке ПП необходимо учитывать не только традиционные ресурсы, но также - цивилизационные качества, присущие данному пространству. Известно, что генезис цивилизации начинается с образования толпы или группы. На основе достаточно долгосрочных планов, общих стратегий появляется общество. Общества могут быть паразитическими или производящими. Но, лишь производящие могут стать цивилизацией [10]. Следует заметить, что производятся могут не только материальные продукты. Так цивилизованные сообщества собирателей, охотников не просто потребляют дары природы, но сохраняют и воспроизводят экосистемы, их биоразнообразие, рассматривая свой род и культуру как часть экосистемы [7].

*Результаты.* Если с точки зрения предлагаемого подхода обратиться к «вызовам», обозначенным в СПР, то можно выделить не только и не столько «градиенты» экономической власти центра, межрегиональных контрастов и опасностей на приграничных территориях, сколько градиент, направленный в сторону, противоположную производящему сообществу. Склонность к паразитизму выражается в хищническом отношении к природным и другим ресурсам территорий. Она стала особенно заметной на закате СССР, а сегодня приводит уже к экологическим бедствиям, дифференцированным по регионам. И эта склонность проявляет себя уже как одно из качеств человеческого потенциала страны.

Обсуждения и споры по поводу этих качеств идут на протяжении всей истории, однако к одному такому спору 100-летней давности стоит вернуться. Осенью 1920 Уэллс доказывал «кремлевскому мечтателю», что «в результате большой и упорной воспитательной работы» даже капсистема может стать «цивилизованной». Тогда заграничные фабианцы, к которым относился Уэллс, и русские постепеновцы вынуждены были отступить.

К «постепеновцам», условно, относим и группу В.Вернадского. В 1915-ом была основана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Энергообеспечение, согласно первоначальному плану, должно было осуществляться при помощи малых и средних гидро, ветро и других типов станций - природосообразно. Согласно системогенетическому подходу Докучаева, логика развития человеческого разума определяет логику социо-технической эволюции человечества. Вернадский в «Живом веществе» пишет не только о биоэнергии [1]. Социология для Вернадского, как и для других натурфилософов того времени, была наукой о поведении насекомых, земноводных и, вообще, живых существ, включая человека.

Однако, проект ГОЭЛРО группа Вернадского вынужденно адаптировала под неотложные нужды пролетарского государства, существенно сократив гуманитарную составляющую. А усилиями Рыкова и Бухарина основой энергетики советской промышленности стали гигантские предприятия (ГРЭС, города-заводы и т.п.), что соответствовало проекту «всемирной коллективистской системы». Названные в СПР проблемы, в т.ч. «унификация» норм госуправления, бюрократизация, во многом, обусловлены принятой столетие назад моделью управления.

В дальнейшем рассуждении обратимся к формату существенной метафоры. Тогда, противостояние, в котором одной из сторон является Россия, может быть описано (и описывается) как «война цивилизаций».

По существу, сегодня наблюдаем столкновения сил и групп интересов, представители которых относятся к: (1) технократической цивилизации – ТЦ (в другой интерпретации - т.н. «цивилизация кочевников»); (2) традиционному укладу; (3) формирующейся эко-технологической цивилизации – ЭТ и (4) зарождающейся «биологической цивилизации» (которая, по замыслу, создает условия для раскрытия всех способностей человека). Не столько био- и минеральные ресурсы России привлекают «кочевников», сколько

неприемлема сама возможность развития биологической цивилизации для пророков Апокалипсиса. Особенностью ситуации является то, что за ТЦ пока сохраняется инициатива.

Принимая предположение о том, в экономических пространствах России доминирует периферийный капитализм, отметим, что в этих условиях проявляются худшие для человека труда виды отчуждения.

Обозначим их с учетом очередности этапов различных видов отчуждения и форм легитимизации капитала (объект отчуждения / объект режима оправдания):

(1) средства производства, средств труда / промышленный капитал;

(2) доверие / торговый и денежный капитал;

(3) культура, история / монополистический капитал (торговые марки, бренды, новые формы потребления ...);

(4) Природы (чувства единения с природой) / «экологический капитал» в качестве инструмента присвоения «хорошей» природы за счет «плохой», оставляемой другим (эйваронментализм, индексы вариативности экосистем, услуги экосистем и т.п.).

«Следует также выделить общую угрозу для всех технологических укладов - отстраненность техники и особенно технологий от этического осмысления» - указывает В.Лепский, по сути, на еще один аспект отчуждения [5, С.154]. С некоторым временным лагом данные явления затрагивают и академическую сферу, реализуясь, помимо прочего, в росте числа «новых» научных дисциплин (специалисты говорят в связи с этим о феномене «эпистемологического отчуждения»).

В системной теории управления известна закономерность: управляющая подсистема стремится подчинить себе управляемую посредством упрощения последней (подчинения, если та уже достаточно проста). В анализе данной ситуации учтем, что «цивилизация», как научная категория, чаще всего оказывается в положении граничного и трансграничного объекта, но представители отдельных дисциплин уделяют внимание лишь отдельным его признакам. Эти признаки описываются словами, отражающими свойства объекта того или иного соглашения. Однако в другом соглашении данный объект может быть просто невидим, его не существует как факта «новой реальности». Так, советские идеологи не могли осознать всей полноты угрозы со стороны рыночного соглашения, когда в 1960-х было предложено в качестве учетной категории использовать прибыль. Заметим, что развитие методов и форм бухгалтерского и экономического учета, есть отражение развития способов легитимизации капитала, а также форма борьбы на 4-м приоритете. Данный вопрос лишь касается поля нашего исследования, поэтому заметим, что на этом участке борьбы «идут позиционные бои». Однако бухгалтерские и другие нормы, навязываемые рыночной конвенцией, ограничивают горизонт планирования эксплуатации инфраструктурных объектов и, тем более экосистем, чей жизненный цикл не укладывается в стратегические временные рамки даже самых крупных корпораций.

Конвенциональная теория (КТ) предлагает пути преодоления таких ограничений. Так, отмечаем, что в соглашениях различных типов используется различная информация, в них по-разному устроено время. В рыночном соглашении время ориентировано на настоящее (период текущего финансового года); в индустриальном – это проекция в настоящее из будущего; в соглашении домохозяйств – это проекция в настоящее из прошлого. В экологическом соглашении время циклично; в соглашении творческой деятельности – дискретно. Игнорирование подобных различий обуславливает когнитивный диссонанс или, в лучшем (?) случае – непонимание существа текущих (в т.ч. негативных) процессов.

Предположение о гибриде соглашений, как модели цивилизации позволяет увидеть в сегодняшних реалиях захват экологической цивилизации цивилизацией техносферы. При этом повсеместно насаждается «упрощение». Но актер, позиционирующий себя только в индустриальном соглашении, этого не замечает, так как, в рамках одной из предпосылок КТ, объекты других соглашений не существуют в пространстве данного. Поэтому в индустриальном и рыночном соглашениях нет таких объектов, как природа и человек, их замещают «услуги экосистем» и «человеческий капитал». Угроза безопасности таится в

комбинации принципов рыночного и индустриального соглашений, при исключении других. В частности, потому, что для управления процессами в индустриальном соглашении необходимо знание будущего, но временной горизонт «рыночника» ограничен настоящим.

Авторская гипотеза (обоснованная в предшествующих публикациях) состоит в том, что общественное/организационное развитие идет не просто по спирали, раскручиваясь и переходя на новые уровни [6]. В данной статье мы не касаемся специальной темы цивилизационных циклов, но идеи школ Н.Кондратьева, А.Чижевского неявно присутствуют в наших рассуждениях, наряду с идеями школы В.Вернадского.

В определенные моменты, когда общество приобретает качества бюрократизированного, «качели» могут начать движение в обратную сторону. (Начиная новую фазу цикла). Тогда «производящее» общество, в части элементов, становится «паразитическим». Заметим, что в предлагаемой модели это не движение по или против часовой стрелки, а движение вверх и вниз в соответствии с направлением вектора энергоинформационного развития (стремление к развитию «родовой сущности» человека, по Марксу/Фейербаху). Здесь необходимо рассматривать переходы (или даже квантовые скачки) в другие миры-соглашения, но 2-мерная схема не дает таких возможностей, и мы обращаемся к воображению читателя.

Обнадеживающая перспектива появляется в развитии комплексного подхода, предусматривающего «дискретность» социально-экономического пространства, в т.ч., наличие соглашений различных типов и возможности/необходимости перехода из одного соглашения в другое при долгосрочном планировании. Тогда мы сможем увидеть, что «зерна» желаемого управленческого механизма (нового гибрида соглашений) вводятся в контекст существующего и комфортного для автохтона мира в формах граничных объектов. Несмотря на несовершенства аналитического и математического аппаратов, предлагаемая модель может быть использована для обнаружения или создания информационных «закладок» в управленческих посланиях, документах, моделях.

При наличии множества «миров-соглашений» (дискретности), без «руля и ветрил», ориентируясь только на «рыночные» маяки, общество хаотизируется и приобретает черты паразитического. Оно же структурируется и приобретает/возвращает свойства цивилизации при условии установления сущностных ценностей. В этой связи вспомним о тезисе одного из экспертов в области энергетических технологий - Э.Стирлинга, когда он, комментируя программу преобразований в сфере энергетики Великобритании, в одной из статей провозгласил, что открытое объявление ценностей препятствует формированию знания в интересах бюрократии.

Таким образом, хаос преодолевается посредством скоординированной работы на различных уровнях. Методический центр «Древо Рода», г. Сергиев Посад, МО, проводит соответствующие исследования и разрабатывает методики, с помощью которых становится возможным восстановление нормальной работы информационно-энергетических центров человека и перевод организма в оптимальный режим функционирования.

В наших исследованиях обоснован также выбор модели управления такими сложными социально – экономическими системами, какими являются: семейное хозяйство, мир – сообщество, народно – хозяйственный комплекс. Это - модель иерархии комплексов управляющих структур различных типов, аналогичных тем, что действуют в человеческом организме. В связи с присущими Природе разнообразием и вариативностью, для каждого конкретного случая (фермерского хозяйства, региональной социо-экономической системы) следует выбирать адекватную версию модели управления.

В теории такого рода модели отчасти разработаны, известны примеры успешных систем на практике. И это не только сложные социально-экономические системы. Так, в МЦ созданы и успешно применяются при проведении оздоровительных практик плоские колокола нового поколения, благодаря которым происходит гармонизация систем человеческого организма, проявляющая себя в виде благотворных изменений в психоэмоциональном и физическом состоянии человека.

Концепция природосообразного управления объясняет. Среди множества ритмов, оказывающих незримое воздействие на человека, наиболее значимыми являются суточный и годовой ритмы. При этом высшая управляющая система – Солнце, генерирует через годовой ритм управляющие сигналы на частоте, близкой к ноте До-диез; подсистема, управляющая жизнью живых существ на Земле, генерирует через суточный ритм сигналы на частоте, близкой к ноте Соль музыкального звукоряда. Созданные в МЦ «Древо Рода» плоские колокола в различном конструктивном исполнении настроены на октавные образы данных частот.

Здоровое состояние организма человека и его биоритмы поддерживаются внешними задающими ритмами, поэтому для поддержания или восстановления здоровья необходимо проведение синхронизации внутренних биологических ритмов человека с внешними ритмами, прежде всего с суточным и годовым ритмами. Если человек настроит с помощью данных плоских колоколов свои подсистемы (в т.ч. – центральную нервную, иммунную, эндокринную), то, как показывает полученный практический опыт, становится возможным успешное решение даже самых непростых жизненных задач.

*Исторический опыт.* Основой выживания русской крестьянской общины были, помимо прочих факторов, взаимопомощь и развитая система коммуникаций. Одним из наиболее эффективных инструментов для коммуникации являлись била и колокола, выступавшие в качестве сигнального инструмента. Поселения строились на таком расстоянии, чтобы звук был слышен от одного поселения до другого. Во множестве научных публикаций, кроме того, показано, что благополучие и экологическая безопасность территориального социально-производственного комплекса эффективно обеспечивается там, где частью сетевой структуры является экосистема.

*Заключение.* Наблюдения, научные эксперименты и накопленный в МЦ «Древо Рода» многолетний опыт позволил создать ряд инновационных разработок, которые успешно применяются для различных возрастных и социальных групп с целью восстановления и поддержания состояния здоровья на должном уровне, а также для тренинга различных способностей и решения широкого спектра прикладных задач. Обнаружено, в том числе, что группа «спевшихся» энтузиастов при помощи или без помощи приборов может наладить прямые и обратные связи с элементами экосистемы. Отмечено благотворное воздействие излучаемых плоскими колоколами нового поколения акустических вибраций на растения, почву, организм человека. Образованы несколько филиалов в регионах - сетевая организация пространства жизни.

Это – одна из наиболее эффективных форм согласования интересов, преодоления эпистемологических и конвенциональных границ с целью использования дискретности социальной энергетики для сохранения экологической вариативности и природосообразного развития. Таким образом, для изначально сформулированных идей группы В.И. Вернадского и его сподвижников открываются новые возможности в современных условиях.

#### **Литература:**

1. Вернадский В.И. Живое вещество. – М.: Наука. - 1978. - 358 с.
2. Воронов В.В. Академическая наука о междисциплинарном подходе к анализу и оценке пространственного развития России//Балтийский регион. – 2014. - № 4(22). – СС. 137-144.
3. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Г.В. Колодко; Ввод. глава Р.С.Гринберг. - М.: Магистр, 2012. - 176 с.
4. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России// Вопросы государственного и муниципального управления. - 2013. - № 2. - СС. 55–70
5. Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике) – М.: «Когито-Центр», 2016. – 160 с.
6. Пястолов С.М. Динамика институциональных форм на переднем крае науки//Journal of institutional studies. – 2018. № 1. – СС. 107-124.

7. Тевено Л. Какой дорогой идти? моральная сложность «обустроенного» человечества//Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. – с. 84 – 112.
8. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез: коллективная монография. — М.: Медиа-Пресс, 2013. — 663 с.
9. Boltanski L., Thévenot L. De la justification: les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991. (рус. пер.: Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градуса /Пер. с фр. О. В. Ковеневой. — М.: Новое литературное обозрение, 2013).
10. Quigley C. The evolution of civilizations. An introduction to historical analysis.- Indianapolis, Liberty press. – 1979. - p. 423.

**Ермаков Сергей Львович**

*действительный член РАЕН, кандидат экономических наук, доцент  
член Комитета Торгово – промышленной палаты Российской Федерации  
по безопасности предпринимательства  
г. Москва  
professor2406@mail.ru*

## **ФОРМИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ НАУКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Аннотация.** Дальнейшее развитие России в рамках пространственного потенциала нереально без глубокого осмысления экономических основ и последствий любой хозяйственной деятельности граждан. Слепое копирование основ советского правового уклада в условиях рыночной экономики в настоящее время слабо применимо. Наличие гражданско-правовых отношений в уголовных и административных составах деяний приводит к параличу правосудия и не позволяет оказывать необходимое правовое воздействие на сложившуюся в рыночных условиях «серосхемную» и «черносхемную» экономическую деятельность. Для решения данной проблемы необходимо пересмотреть имеющуюся кодификацию норм права и вычленив составы, прямо или косвенно содержащие «след» экономической деятельности, образовав новую кодификацию и утвердив, приняв новую науку, а также комплексную, самостоятельную отрасль российского права – экономическое право.

**Ключевые слова:** экономическое право, образовательные, глобализация, цифровые технологии, банковское право, судебно-экономическая экспертиза.

«Ни один ветер не станет попутным, если точно не знаешь: куда плыть» - гласит известная мудрость. Применительно к вопросам определения пространственного потенциала развития России данное утверждение приобретает все большую актуальность. В жизни общества не осталось и следа от административно-командной системы хозяйствования, а вступившая в свои права за прошедшие три десятка лет, считая от апрельского, 1985 года, Пленума ЦК КПСС, рыночная экономика сегодня требует от всех без исключения участников хозяйственных отношений все более глубоких знаний, умений и навыков для полноценного и правомерного использования предоставляемых системой возможностей и благ.

Активное развитие цивилизации, глобальные процессы, происходящие в обществе, как в России, так и в мире, не позволяют современным ученым и практикам оставаться безразличными ко все более обостряющимся проблемам качества получаемого в нашей

стране образования. Причем образования любого уровня: от «ясельного» до послевузовского. Понятно, что единого «рецепта» совершенствования и адекватной оптимизации образовательных результатов нет и быть не может. Однако давно настало время договориться хотя бы об основном стержне, направлении, конечной цели развития национального образования. Именно на этой базе обеспечение правовой базы образовательного процесса, формирование ее идеологии, экономических и политических образовательных основ станет важнейшим «строительным материалом» национального будущего.

Приятно осознавать, что именно сейчас все большая часть, «опьяненной» некоей мифической «свободой», населения осознает, что только прекращение внедрения заведомо деградационных направлений «реформирования» российского образования (о чем уже практически никто, из реально столкнувшихся с этим, не спорит) еще может восстановить утрачиваемое могущество страны.

Научным сообществом, а также различными социологическими опросами установлено, что за последние 20 лет демократических реформ образовательный уровень личности и образовательная система в целом деградировала, а количество учеников (в связи с демографическим кризисом) и, как следствие, учителей сократилось примерно в 2 раза! За последние годы ежегодно катастрофически снижается уровень минимально необходимых баллов при сдаче ЕГЭ по всем предметам. По нашему мнению, данное обстоятельство даёт право утверждать, что современные российские школьники получают с каждым годом всё меньше знаний. Образовательные программы разрабатываются таким образом, что учащиеся, закончившие школу порядка 10 лет назад, и нынешние выпускники, обладают совершенно разным «багажом знаний», и он явно не в пользу последних. А ведь на образование, пока еще, преимущественно, - бесплатное, из государственного бюджета расходуются не малые суммы!

Для иллюстрации нынешнего «качества» «профессионалов – дипломоноситеелей» достаточно вспомнить, например, что в прежней, советской образовательной системе (вне всякого сомнения, имеющей и свои, негативные, явления), для подавляющего большинства выпускников школ открывались дороги к бесплатному высшему образованию. Но доступно оно становилось лишь «лучшим»: хорошо и отлично успевающим по профильным для вуза предметам школы и, в обязательном порядке, - успешно сдавшим вступительные экзамены (испытания). И речь могла идти только об одной «попытке» поступления в 1 вуз в году, а «повторить» или повторно сдать экзамены – лишь через год. Остальные выпускники, не прошедшие через «сито» высоких требований к качеству, получали все возможности для освоения образовательных программ по более облегченной системе, ориентированной на одновременное приобретение специализированных умений и навыков (вечерняя, заочная, очно – заочная формы), либо – поступления в специализированные трудообучающие заведения с последующим присвоением квалификации по необходимой народному хозяйству и избранной для личностного ориентирования конкретной рабочей специальности.

Как известно, в нынешней образовательной парадигме глобализационные цели и ориентиры качественно изменились. Очевидная необходимость передачи молодому поколению накопленного веками опыта фактически стала невозможным, благодаря введению временных ограничений времени образования на всех уровнях, деградации «образовательных», «сеющих доброе, светлое, вечное» кадров, не заинтересованных в качестве конечного результата своего труда. При этом процесс эволюционного развития общества таит в себе проблему, связанную именно с тем, что среднестатистический, отдельно взятый индивид не успевает, да и не может успеть в силу своих объективно ограниченных человеческих возможностей, усваивать знания с той скоростью, с которой ему это предлагает общество.

Да и какой мотивировки можно ждать от среднестатистического выпускника средней «общеобразовательной» школы, который заранее знает, что полученных от урезанных программ знаний ему хватит, разве что, на поступление в коммерческий вуз с низкими

баллами ЕГЭ, а пройти «на бюджет» невозможно не только из-за малого количества и трудной преодолемости очевидных «дорогих» барьеров, но и потенциальной бесперспективности любой профессии. Подача документов на 15 специальностей (по три в пяти вузах) не может, по определению, содержать какой-либо мотив. А всеобщее отношение к бакалаврам как к недоучкам и всемерное желание их «не брать» на работу вообще, не создает перспектив развития личности.

Исследовательский центр «Левада – Центр» в 2018 г. провел опрос родителей и педагогов. Их спрашивали, считают ли они образование в России качественным [1]. В результате 64% опрошенных заявили о том, что школы полностью деградировали. Крайне резко родители комментировали школьные программы, заявляли, что в них напрочь отсутствуют базовые материалы по предметам. Также родители недовольны тем, что дети не сдают устных экзаменов и даже в профильных школах не получают глубоких знаний. Плюс ко всему, опрошенные заявили, что слишком часто сталкиваются со школьной бюрократией, финансовыми поборами и отсутствием четкого плана обучения.

Введение ЕГЭ вывело школьное обучение на уровень зазубривания и полного отсутствия развития практических умений и навыков. Гибкость мышления деформируется уже со среднего школьного возраста (12-14 лет). Интеграция системы высшего профессионального образования в России (в целях присоединения России к Болонскому процессу) фактически уничтожила огромное количество ВУЗов с колоссальным (советским!) опытом подготовки профессионалов [2]. Как следствие, страна потеряла понимание «технического профессионализма». Глобализация образования определила огромный разрыв в техническом оснащении не только между центральными городами России и провинциями, но и внутри одного города, или даже «среднестатистического» образовательного комплекса.

При этом эффективное регулирование явно затянувшегося процесса реформирования образования также невозможно без единого подхода к основным научно-практическим постулатам. Так, в частности, если оставить теоретикам дискуссии о формах и видах национального права, то «для общественного потребления» интерес разделится лишь между гражданским правом и правом уголовным. И никто не хочет умолять заслуги либо ущемлять какую-либо правовую отрасль, область и т.д. Речь совсем о другом. Общество хочет и должно понимать единые для всех «правила игры», правила и требования к общественной и личной безопасности, к функционированию «общества и государства как системы». Таким образом, формулируя, выстраивая образовательную платформу в обществе для его же, в конечном итоге, развития и процветания, необходимо четко определить правовые и экономические основы всестороннего жизнеобеспечения.

Отсутствие в основной «массе» современного общества, «нашпигованного» различными гаджетами и цифровыми технологиями, элементарного понимания основ финансово-экономической, правовой или политической грамотности не сможет, в конечном итоге, привести к единому и однозначному пониманию глобальных законов общественного развития и эффективного использования национального пространственного потенциала.

Сложившаяся, явно негативная, традиция встречного укрупнения объектов ответственности и разукрупнения отраслей и сфер вряд ли сможет вообще привести к общественно полезным результатам. Скажем, укрупнение образовательных, медицинских учреждений [3], различных уровней управления вплоть до министерств, при формировании узкоспециализированных отделений, филиалов либо удаленных платформ деятельности вообще грозит превратиться в полную бессмыслицу.

Например, современный выпускник юридического вуза, изучивший, согласно образовательной программе, предпринимательское, хозяйственное, торговое, административное, экологическое, банковское, муниципальное и т.д. право и поступая на работу по специальности, вряд ли сможет сразу сориентироваться: в каком направлении ему стоит рассматривать конкретный, порученный ему «спорный» материал. И уж точно не каждый, (а вообще – очень «редкий»), судебный эксперт, получивший в результате честных трудов соответствующую запись о квалификации в дипломе, сможет правильно и четко



провести столь необходимую во многих случаях судебно-экономическую (судебно-банковскую, судебно-финансовую и т.д.) экспертизу! И что в этой ситуации прикажете делать Судье, (Ваша Честь, как никак!), от которого требуется вынесение справедливого правосудного вердикта?

Думается, давно пришла пора понять: в основе любой деятельности, юридически значимого события или факта, всегда можно найти экономический след. Ведь от первобытного общества мы уже давным-давно ушли! А значит, следует, наконец, признать очевидное: экономическая деятельность, финансово-банковская операция или сделка всегда сопровождают жизнь и быт любого члена общества на всех его этапах. Глубокое исследование, изучение и законодательное регулирование правового механизма экономической деятельности является сегодня одним из основных направлений поступательного развития российского общества как системы.

Государственное регулирование экономики должно осуществляться через нормативно-правовые акты, которые имеют правовой характер, прежде всего - законы, а также организацию их четкого исполнения. Отметим также, что еще в 2014 году состоялся очередной «рывок» судебной реформы, вследствие чего сформировался «новый» Верховный Суд Российской Федерации, в котором аккумулированы функции как собственно Верховного суда России, так и Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. В результате единая высшая судебная инстанция стала высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам.

В составе Верховного Суда Российской Федерации создана Судебная коллегия по экономическим спорам наряду с судебными коллегиями по административным, гражданским, уголовным делам, делам военнослужащих, в соответствии с Федеральным конституционным законом № 3 от 05.02.2014 «О Верховном Суде Российской Федерации».

Указанное реформирование российской судебной системы с еще большей очевидностью показало необходимость пересмотра системы российского права и его форм, причем как в отношении процессуальных, так и в отношении материальных отраслей российского права. Вновь и вновь возникает проблема реформирования правовой кодификации и правой классификации. Именно экономическое право, как совокупность юридически значимых частных и комплексных норм, форм и категорий, искусственно (условно) относимых сегодня к различным отраслям права, но объективно содержащих при этом, как прямо, так и косвенно, «экономический след», должно быть основой формирования настоящего «фундамента» российской политико-правовой системы. Необходимо вывести экономическое право не просто «из тени забвения», но и признать его основой, догматом как минимум национального права [4].

Что касается немногочисленных и, к сожалению, не вполне удачных попыток организации в некоторых узкоспециализированных учебных заведениях изучения экономического права как учебной дисциплины, то, пожалуй, до момента полного осознания истиной значимости и величия экономического права как самостоятельной комплексной отрасли права, вобравшей в себя как уголовное, так и гражданское право в качестве неотъемлемых составляющих, - подобные попытки будут обречены!

Очевидно, что в отличие от давно «сложившихся» групп уголовных, гражданских и административных правонарушений, формально кодифицированных на основе сформировавшихся еще в советской правоприминительной практике основе разграничения и отделения, в отношении экономических споров мы наблюдаем совершенно иную ситуацию. Экономическое право как отрасль права де-юре отсутствует в официальной российской правовой доктрине, хотя, де-факте, постоянно «заявляет о своем существовании», а, значит, возникает вопрос о необходимости оперативного формирования целостного правового поля для оптимизации подхода к урегулированию этой группы споров. Экономическое право как отрасль права отсутствует в официальной российской правовой доктрине, что на наш взгляд, является нарушением баланса систем «отрасли права – судебные дела (споры)» [5, С.14-15].

Хочется надеяться, что в условиях пусть и «смешанной», но, все же, «впустившей в себя» рыночную основу, российской экономике вряд ли найдутся специалисты, оспаривающие переплетение принципов национального и международного права в экономической сфере.

По нашему мнению, основанному как на личном опыте правоприменения, так и на анализе, синтезе накопленного по различным правовым областям практического материала, давно не приходится сомневаться в том, что признавая и соблюдая конституционные нормы, включая приоритеты международных договоров в экономической деятельности, к самой отрасли экономического права необходимо относить как принципы и нормы экономического права, соответствующие веками выработанным экономическим законам (естественно тем, что изучаются в курсе экономических дисциплин), но также и различные, базирующиеся на указанных законах и принципах «неправовые нормы», такие, в частности, как правовые позиции в области экономических споров (позиции экономических судов, в т.ч. третейских), судебные прецеденты, индивидуальные договорные отношения, мнения независимых судебных экономических экспертов и результаты судебных экономических экспертиз, судебные усмотрения, этические и деловые нормы, сложившиеся в области экономической деятельности и т.д.

Естественно, что подобный пересмотр действующих на сегодня правовых основ, если не будут приняты оперативные меры перекодификации фактически действующих правовых норм и составов правонарушений, обеспечивающей унификацию судебной практики и обосновывающую судебные решения, может привести к недопустимому «размыванию» действующего российского права и, как следствие, нарушению прав и свобод субъектов права в области экономической деятельности. И нет никаких сомнений в том, что интеграционные и глобализационные экономические явления в современном мире требуют адекватного им правового механизма.

Напомню, что для целей данной статьи экономическую деятельность мы рассматриваем не как непосредственную, имеющую конкретные цели (например, извлечения прибыли) и решающую определенные экономические задачи (формирование бюджетов общества или семьи), но и, также, как опосредованную, оставляющую «экономический след». Именно такой подход, позиция, и позволит нам, в конечном итоге достичь возможности правовых и судебных оценок новых экономических явлений и инструментов, постоянно появляющихся в российской практике. В качестве примера можно отметить, что на сегодня мало кто разбирается в понятиях оборота (целей и задач) новоявленного на российском экономическом пространстве рынка криптовалют, хотя многие «хотят» пользоваться этим. Подобные юридически значимые факты и деяния уже «оцениваются» все расширяющейся правоприминительной практикой и судебными вердиктами, однако оцениваются бессистемно, не редко – диаметрально противоположно и несогласовано. И никакие решения пленумов самого главного суда в отсутствие правовых норм не смогут решить подобные вопросы.

Реактивное, подчас, развитие современных общественных отношений в обществе не может не оказывать влияния на доктринальные положения российской правовой науки, особенно если экономические преобразования, происходящие в результате процессов глобализации, выходят за рамки отдельных государств на общемировой уровень. Очевидно, что подобные процессы не всегда носят поступательный и конструктивный характер, иногда могут наблюдаться и деструктивные явления. Примеры этого можно наблюдать как на уровне национального права, так и в международном праве по ряду экономических отношений с трансграничным участием. И проблемы, как правило, заключаются именно в том, что даже учет особенностей «экономической гибкости» того или иного государства крайне сложно обеспечить в международном праве. А последнее, как известно, превалирует над национальным (в России это ст. 15 Конституции Российской Федерации).

Для глубокого, всестороннего понимания сущности и потенциальных возможностей экономического права как науки необходимо вспомнить, что данной теме и в прежние годы

уделялось определенное внимание. Многочисленные труды по экономическому праву многочисленных ученых и практиков, изданные в России и мире в полной мере свидетельствуют о том, сколь важна и нужна данная наука. По нашему мнению, абсолютным апофеозом данного направления в части исследования следует считать подготовленный видным государственным деятелем СССР и России, величайшим юристом современности, член – корреспондентом РАН, Заслуженным юристом РСФСР, доктором юридических наук, профессором В.Ф. Яковлевым и лауреатом Государственной премии России, доктором политических наук Г.Ю. Семигиным четырехтомник «Экономическое (коммерческое) правосудие в России», опубликованное издательством «Мысль» в 2004 – 2006 годах [6]. Именно в этой работе четко и всесторонне рассмотрены наиболее важные вопросы зарождения и становления коммерческого права России за период с XII века до российской рыночной экономики начала XXI века.

Раскрывая, анализируя шаг за шагом экономическое судопроизводство и различные проблемы разрешения хозяйственных споров авторы названного исследования доказали, четко мотивировали необходимость и неоспоримость наличия в России «смешанной» системы хозяйствования экономического права именно как самостоятельной, межотраслевой науки.

Экономическое судопроизводство не может и не должно по своей сути «отрываться», отделяться от полной «картины» деятельности хозяйствующего субъекта любого уровня: от домохозяйства и индивидуального предпринимателя до международного мегахолдинга. Уместно вспомнить, что еще известный правовед А.Б. Венгеров указывал в своих исследованиях на то, что в идеале, в «лабораторных условиях» правоведы и законодатели разных государств и периодов развития общества всегда стремились к формированию непротиворечивой, «идеальной» правовой системы, соответствующей политическим, межклассовым и иным соотношениям взаимодействующих сил в обществе, однако это почти никогда не удавалось: противоречивость законов являлась скорее правилом, чем исключением. [7, С.375].

И причин тому множество. Исторически доказано, что право, юридическая норма, как правило, отстает от реалий жизни, т.к. именно за счет совокупности, накопления прецедентов, в конечном итоге и формируется. Инертность системы права никогда не позволит, да и не может, оперативно ее перенастраивать, реформировать. Вместе с тем, очевидно, что потеря времени на данную перенастройку может оказаться губительным для государства, общества и его правовой платформы в целом. Происходящие в жизни общества социально-экономические революционные изменения, а равно также кризисы и т.д., даже при радикальных переменах остаются реликты предыдущего правового состояния. Указанное никак не позволяет считать ту или иную систему идеальной [7, С.376]. В теории права уже много столетий идет поиск системообразующего фактора, который так и не найден, в связи с чем можно сделать вывод о наличии многих системообразующих факторов, действующих по-разному в тех или иных обществах, как самостоятельно, обособленно, так и в совокупности, в комплексе [7, С.376].

Известные со школьных времен законы диалектического развития общества лишь подтверждают необходимость движения форм и методов правового обеспечения общественного развития, а значит, как и указывалось выше, реструктурирование имеющихся правовых «блоков» в новые, соответствующие духу современного этапа общественного развития России, вполне оправдано и обосновано.

Учитывая эти положения, а также специфику современности (процессы глобализации и экономической интеграции) с целью преодоления правовой неопределенности в общемировом масштабе ученые в области теории права справедливо исследуют концепцию интегративного правопонимания, которая базируется на необходимости приведения форм права в единую систему, состоящую из подсистем международного, наднационального и национального права, в каждую из которых в качестве элементов входят принципы права (международного, наднационального и национального, соответственно), правовые акты

(международные, наднациональные и национальные, содержащие соответствующие нормы права) и правовые договоры (всех уровней, соответственно) [8, С.305-311; 313].

Отлаженные, соответствующие духу времени и фактическим прецедентам правовые механизмы, действующие как в рамках одного государства, так и установленные, ратифицированные на международном уровне, призванные в своей совокупности регулировать внутренние и внешние экономические процессы в государствах, являются одним из наиболее мощных инструментов преодоления самых различных негативных явлений в экономической сфере [9, С.10].

Следовательно, необходимо как можно быстрее пересмотреть и соотнести реальные требования времени к современному этапу цивилизационного развития с конкретными целями и задачами, реализация и решение которых требуют четкого образовательного результата общества во всех его направлениях потенциального развития. А значит, что самому обществу необходимо добиться внедрения знаний, умений и навыков экономического права чуть ли не на уровне таблицы умножения или родного языка. Не понимая всей очевидности приведенного выше постулата, мы почти наверняка не сможем уверенно указать будущим поколениям даже примерного направления общественного развития, его позитивного поступательного движения, а значит и направления необходимого попутного ветра, о чем уже упоминалось выше.

#### **Список литературных источников:**

1. подробнее см.: <https://www.levada.ru/page/2/?s=качество+образования>.
2. <https://www.levada.ru/2017/08/28/vospitanie-detej-kachestva-i-professii-shkolnye-problemy/>.
3. <https://www.levada.ru/2014/11/21/naibolee-ostro-reforma-zdravoohraneniya-pochuvstvovalas-v-krupnyh-gorodah/>.
4. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Формы экономического права // Государство и право. 2017. № 1.
5. Экономическое право Российской Федерации: учебное пособие. Издание 2-е, стереотипное / отв. ред. Е.М.Ашмарина. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2016. – 364 с.
6. Экономическое (коммерческое правосудие в России. В 4 т. – М.; Мысль, 2004 – 2006 гг.
7. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник. М.: Юриспруденция, 2000.
8. Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1.
9. Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право Российской Федерации: Монография. М.:РГУП, 2017.

**Захаров Александр Николаевич**  
*доктор экономических наук, профессор*  
МГИМО МИД России  
г. Москва  
[alexandre\\_zaharov@yahoo.com](mailto:alexandre_zaharov@yahoo.com)

**Русак Никита Андреевич**  
*студент магистратуры*  
МГИМО МИД России  
г. Москва  
[atikinkasur@yandex.ru](mailto:atikinkasur@yandex.ru)

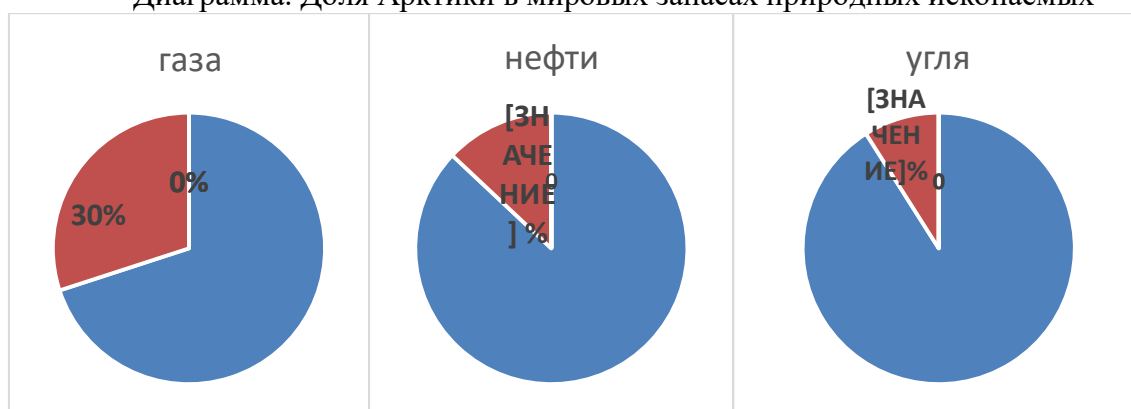
**Аннотация.** В статье рассмотрены особенности политики Китая в Арктике, приводится анализ ее значения в русле государственной стратегии КНР. В работе описаны концептуально-документальные и научные основы арктической политики Пекина. Подробным образом разобрано сотрудничество Поднебесной с арктическими государствами.

**Ключевые слова:** Арктика, КНР, энергоресурсы, энергетическая стратегия Китая, арктические страны.

### Экономическая привлекательность Арктики.

По разным оценкам, в Арктике сосредоточено 30-70% углеводородных полезных ископаемых нашей планеты [1]. Если говорить более конкретно, то запасы природного газа и сжиженного углеводородного газа, нефти и угля составляют 30%, 13%, 9% (т.е. 90 млрд баррелей нефти и 47 трлн м<sup>3</sup> природного газа) и 20% соответственно, причем 84% из них расположено на морском шельфе. Арктика богата и другими металлами, такими как золото, платина, никель, медь, железо. Здесь находится около 25% рыбных запасов мира [2, С.54-55].

Диаграмма. Доля Арктики в мировых запасах природных ископаемых



### Концептуально-документальные основы арктической политики Китая.

Впервые термин «арктическая стратегия» был упомянут в публикации Института военных наук Народно-освободительной армии Китая «Стратегическая оценка 2013» (2014 г.), где заявлялось, что без богатого минеральными, морскими и логистическими ресурсами Арктического региона невозможно будет обеспечить устойчивое экономическое развитие страны [3, С.49]. По мнению ряда экспертов [4, С.59], Арктика является вторым (после Африки) стратегически важным направлением геостратегии Китая, что связано, в первую очередь, со смещением центра мирового геополитического притяжения с оси Запад-Восток на ось Север-Юг, при этом экономические интересы Поднебесной идут на первом месте. Данная оценка подкрепляется в том числе и идеей китайского ученого Ли Жэньфу о том, что в ближайшее время господство в экономике будет обуславливаться контролем над Арктикой [5]. В связи с этим в рамках превращения Китая в арктическую державу китайские ученые разработали несколько концепций. Концепцию интернационализации Арктического региона как нельзя лучше обозначил контр-адмирал Инь Чжо, заявив, что «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти» [4, С.61]. Данную риторику поддержал ученый Чэном Баочжи, согласно которому близится конец монополии в регионе производителей арктических ресурсов, ибо настало время для принятия решений их потребителями [4, С.61]. Если говорить кратко, то данная концепция предполагает прекращение распространения суверенитета национальных государств на арктическую территорию и ее ресурсы, а также распространение на нее статуса общечеловеческого наследия. В рамках другой концепции Китай называется «околополярной державой» («near-arctic state»), что обосновывается китайскими учеными тем, что страна расположена в Северном полушарии, на ее территории находится исток Иртыша, хребет Тайшань задерживает поток холодного воздуха со стороны Северного Ледовитого океана [6, С.44-45],

а также тем, что Китай страдает от последствий таяния ледового покрова на Северном полюсе [3, С.50]. В целом же концепция не только предполагает право Китая на пользование арктическими ресурсами, но и регулярное пользование Северным морским путем (Северо-Западным и Северо-Восточным маршрутами) и, самое главное, активное развитие сотрудничества с «малыми» арктическими странами (Исландией, Данией, Норвегией) [4, С.62]. И, наконец, третьей концепцией является концепция «Северного шелкового пути», целью которой является контроль над Арктикой, что автоматически предоставляет контроль над мировой экономикой. Например, в его рамках можно будет построить глубоководный порт в Архангельске и ж/д магистрали Белкомур (Белое море – Коми – Урал) [4, С.62].

Документальную основу арктической стратегии Поднебесной составляют три документа: «Политика Китая в Арктике» (01.2018), «Программа подробного исследования в Арктике» и «Проект энергетической стратегии Китая» (2005) [7][6, С.44]. Согласно данным документам, главной целью Пекина провозглашается интернационализация региона, т.е. распространение на него приоритетных норм международного права, а поскольку до сих пор специального международного документа по Арктике не было выработано, то Китай оставляет за собой право участвовать в делах региона на основе существующих норм международного права (Устав ООН и Конвенция ООН по морскому праву). В документах также обозначены интересы Китая в Арктике, а именно: использование Северного морского пути, доступ к циркумполярному нефтегазовому супербассейну в составе регионального минерагенического пояса, установление партнерских отношений с государствами «арктической восьмерки» с целью вовлечения своих ресурсов в освоение Арктики [6, С.44].

#### **Научная основа арктической политики Китая.**

Изучением Арктики в Китае занимаются в следующих структурах [2, С.63]: Государственное океаническое управление Китая, Управление по делам Арктики и Антарктики, Институт полярных исследований Китая, Институт океанологии (КАН); Китайский университет океанологии (в Циндао), Шанхайская академия международных исследований, Даляньский морской университет; Сямэньский университет; Университет Тунцзи (Шанхай); Китайский антарктический центр геодезии и картографии Уханьского университета и Исследовательский центр морских разработок (Циндао).

Если говорить в общем [8], то в рамках реализации энергетического сотрудничества в Арктике все выработанные китайскими учеными стратегии поведения (стратегия роста, обратная стратегия, диверсифицированная стратегия и стратегия защиты) предполагают активное международное сотрудничество, причем оптимальной является первая из них. Реальными инструментами китайской геополитики при этом являются полярные исследования (при этом уже сейчас Китай тратит на них больше, чем, например, США – более 63 млн долл. США в год против 40 млн у США [9, С.114]), создание положительного образа страны и сотрудничество с малыми народами Севера. Согласно рекомендациям ученых, Китай должен постоянно демонстрировать свои мирные намерения в регионе, не вступать в прямую конфронтацию с Россией и как ответственная держава участвовать в принятии «Полярного кодекса». Для подтверждения прав Китая на участие в решении арктических проблем были введены термины «Большая Арктика» и «созидательное вмешательство», с помощью которых предполагается оправдывать непосредственное участие Китая в решении проблем Арктического региона.

#### **Экономическое наполнение арктической политики.**

В соответствии с официальными документами и рекомендациями научного сообщества Поднебесной следует выделить два основных направления экономической деятельности КНР в Арктике: использование Северного морского пути (СМП) и развитие сотрудничества со странами «арктической восьмерки».

По некоторым оценкам, путь из Шанхая в Роттердам через СМП на 22 %, а через СЗП на 15% короче, чем через Суэцкий канал, а из Шанхая в Гамбург короче на 6 400 км [2, С.57].

В связи с тем, что СМП позволяет сократить расстояние между Европой и Дальним Востоком на 4,5 тыс. км, на одном рейсе грузового корабля можно сэкономить 0,5-3,5 млн долл. США [10, С.24-25] [9, С.115]. Всего же экономия для Поднебесной могла бы составить до 120 млрд долл. США в год [2, С.61]. Например, судно «Тяньцзянь» сэкономило 15 дней и 383 тонны топлива [11], судно «Юн Шен» сэкономило 41 день пути и более 300 тыс. долл. США [3, С.47]. В 1997-2017 гг. китайцами было организовано восемь арктических экспедиций и открыто две полярные станции на норвежском Шпицбергене и в Исландии [7]. А к 2020 г. до 15% всего внешнего грузопотока Китая (375 тыс. тонн; 800 млрд евро [12]) будет проходить через СМП [2, С.61]. Для сопровождения судов через СМП Китай обладает ледоколом «Снежный дракон», второй подобный ледокол планируется спустить на воду в 2019 г. Очевидные плюсы использования СМП обусловлены, с одной стороны, отсутствием пиратства и, с другой стороны, импульсом к развитию северо-восточных провинций КНР и ее прибрежной зоны [9, С.115].

Что касается сотрудничества с арктическими государствами, то, во-первых, стоит отметить сотрудничество с «Северным Сингапуром» - Исландией. Причинами заинтересованности Китая в сотрудничестве с Исландией являются: стабильная внутривнутриполитическая ситуация в Скандинавии, заинтересованность небольшой экономики в иностранных инвестициях и открытость маленькой страны, не входящей в ЕС, к внешним связям с крупной азиатской экономикой [13]. В 2013 г. между двумя странами было подписано Соглашение о свободной торговле. В 2011 году китайский бизнесмен Хуань Нубо выступил с инициативой строительства в снежной Исландии отеля с площадкой для гольфа, что, по мнению некоторых экспертов, является попыткой завести в страну китайских рабочих с последующим их использованием для строительства более выгодных в финансовом плане арктических объектов и разработке полезных ископаемых [14]. Он уже было выкупил у Исландии землю площадью 300 км<sup>2</sup> (0,3% всей территории страны) за 9 млн долл. США и вложил 10 млн долл. США в обустройство китайской промышленной зоны в Исландии [15], но в последний момент исландцы опомнились и резко сдали назад, аннулировав сделку [9, С.118]. Китайская корпорация China National Offshore Oil Corporation заключила сделку с фирмой Eukon Energy по разведке запасов нефти у юго-восточного побережья Исландии – так началась разработка китайской компанией совместно с исландцами и норвежцами нефтеносного шельфа в секторе Дреки [9, С.118] [2, С.68] Исландия активно лоббирует интересы Китая в Арктическом совете.

Тесные отношения складываются у Китая с Данией [2, С.65-66]. В 2010 г. страны заключили пакет соглашений в сферах энергетики, «зеленой экономики», сельского хозяйства и продовольственной безопасности на сумму 740 млн долл. США. В 2013 г. именно благодаря активной поддержке Дании Китай получил статус наблюдателя в Арктическом совете [7]. Китайцы начали переговоры о разработке железорудного месторождения Исуа и медного месторождения в Гренландии.

Что касается экономического сотрудничества Арктики с Россией, то, если говорить кратко, в практическом наполнении оно выражается в следующем [9, С.119-120]. В 2014 г. «Роснефть» и китайская нефтегазовая корпорация (CNPC) заключили договор о совместном исследовании таких участков в Арктике, как Западно-Приновоземельский (Баренцевом море), Южно-Русский и Медынско-Варандейский (Печорское море). «Газпром» и CNPC заключили соглашение о разведке нефтяных и газовых месторождений в Арктике, при этом CNPC купила 20% акций проекта «Ямал СПГ» и планирует построить завод по производству СПГ мощностью 16,5 млн. тонн в год и создать соответствующую транспортную инфраструктуру. Как уже упоминалось выше, Китай готов проинвестировать строительство глубоководного порта в Архангельске и финансово вложиться в развитие Белкомура. Несмотря на определенные опасения [6, С.48], особенно актуальные в свете высказываний китайских официальных лиц в рамках реализации концепции интернационализации, в целом Россия и Китай настроены на активное сотрудничество в арктическом регионе, которое обусловлено их совместной заинтересованностью в развитии транзитного потенциала СМП,

а также стремлением России привлечь китайский капитал к участию в инфраструктурных проектах по освоению месторождений полезных ископаемых в Арктике [6, С.49].

**Выводы.** В целях интенсификации своего присутствия в Арктике Китай в своей арктической стратегии апеллирует к общечеловеческим интересам, развитием сотрудничества с «малыми» арктическими государствами подготавливает свою экономическую экспансию в регион на фоне повышения его ресурсной значимости [4, С.63] и через свою деятельность в Арктике упрочивает свои «сверхдержавные» позиции [6, С.50].

#### Список литературы:

1. А.В. Кижаяева. Арктика как новый вектор внешней политики Китая. / Актуальные проблемы современных международных отношений. - № (2017). – С. 126.
2. И.Н. Комиссина. Арктический вектор внешней политики Китая. / Проблемы национальной стратегии. - №1 (28) (2015).
3. Ю.В. Магдалинская. «Арктическая мечта» Китая и возможности её реализации. / Проблемы развития корабельного вооружения и судового радиоэлектронного оборудования. - № 4 (13) (2017).
4. С.Н. Погодин, Ван Цзюньтао. Геополитические и геоэкономические интересы Китая в Арктике. / Геополитика и безопасность. - №2 (38) (2017).
5. Китай прокладывает «Великий шелковый путь» в Арктику. – Режим доступа (URL): <http://newspaper.net/ru/article/region/9/theme/6?id=2844070>.
6. В.С. Ягья, Н.К. Харлампьева, М.Л. Ягутина. Арктика – новый регион внешней политики Китая. / Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». - №1 (2015).
7. Политика Китая в Арктике и ее влияние на регион. Режим доступа (URL): <http://vroanalytics.com/2018/07/10/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyanie-na-region/>.
8. М.А. Кобзева. Противоречия в оценках арктической политики КНР, / Конфликтология. - №2 (2017). С. 205-214.
9. В.П. Журавель. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность. / Арктика и Север. - №24 (2016).
10. Ю.В. Морозов. Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений. / Проблемы Дальнего Востока. - №5 (2016). С. 24,25.
11. Китай ищет альтернативу Северному морскому пути. Режим доступа (URL): [http://www.ng.ru/economics/2017-10-02/1\\_7085\\_china.html](http://www.ng.ru/economics/2017-10-02/1_7085_china.html).
12. С.Н. Гришнаев. Экономическое, технологическое и морское сотрудничество в Арктике. / Право и инвестиции. - №1-2 (2015). С. 77.
13. Н.А. Николаев. Сотрудничество Китая и Исландии в Арктике. / Арктика XXI век. Гуманитарные науки. - № 2(8) (2016). С. 61
14. Л.А. Матияк. Арктические стратегаемы Пекина. / Власть. – №8 (2016). С. 191.
15. В.И. Балакин. Стратегия Китая в Арктике и Антарктике. / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - №17 (2012). С. 231-232.



**Захаров Александр Николаевич**  
*доктор экономических наук, профессор*  
*Московский Государственный институт*  
*Международных отношений*  
*г. Москва*  
*alexandre\_zaharov@yahoo.com*

**Старовая Юлия Александровна**  
*студентка ФПЭК*  
*Московский Государственный институт*  
*Международных отношений*  
*г. Москва*  
*starovaya.yu.a@my.mgimo.ru*

## СИНГАПУР: КОНЦЕПЦИЯ «УМНЫЙ ГОРОД»

**Аннотация.** В статье рассматривается концепция «умный город», которая активно развивается в Сингапуре. Сингапур возглавил мировой рейтинг "умных городов", основывающийся на учете развития интернет-технологий и проникновения их в ключевые сферы общественной жизни. В работе подробно рассмотрены особенности данного smart city.

**Ключевые слова:** Сингапур, умный город, инновации, интернет-технологии, датчики, концепция SMART.

Сингапур – небольшое островное государство в Юго-Восточной Азии с населением около 5,5 млн человек. Благодаря грамотной экономической и инвестиционной политике страна развивается стремительными темпами, и современный Сингапур на протяжении нескольких лет подряд занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах. Этот город-государство представляет собой ведущий мировой деловой центр с открытой экономикой, будучи одновременно крупнейшим логистическим, технологическим, финансовым и торговым хабом Азиатско-Тихоокеанского региона, расположенным на пересечении основных морских торговых путей. Будучи также четвертым по величине мировым финансовым центром, Сингапур является одной из немногих азиатских стран с кредитным рейтингом AAA от всех 3 ведущих рейтинговых агентств. В 2016 году Сингапур стал второй инновационной экономикой мира, уступив по этому показателю только Швейцарии.

По результатам исследования компании Juniper Research (см. рисунок), Сингапур признан самым «умным городом» планеты по итогам 2017 года [1]. При анализе специалисты Juniper Research учитывали, насколько развиты в городе интернет-технологии, как глубоко они проникли в ключевые сферы общественной жизни, в инфраструктуру, в систему здравоохранения. Кроме того, они учитывали, как внедряются высокие технологии в производство и как используются для обеспечения общественной безопасности. Получилось четыре направления исследования: мобильность, здравоохранение, производительность, общественная безопасность. И по всем направлениям лучшим оказался Сингапур, который и получил звание самого умного города. В прошлом году Сингапур также был лидером рейтинга. Следом за ним расположились Лондон, Нью-Йорк, Сан-Франциско и Чикаго. В двадцатку попали три города из Китая, а также индийский Бхубанешвар [1]. К сожалению, ни один российский город в топ-20 не попал.

Что же такое «умный город»? Принято считать, что название «умный город» — это вольный перевод американского термина «smart city». Изначально термин smart не имел никакого отношения к интеллектуальным системам, а представлял собой аббревиатуру из 5 слов.

**The Top 20 Smart Cities Globally, Consolidated Performance 2017**

	City	Region
1	Singapore	Asia Pacific
2	London	West Europe
3	New York	North America
4	San Francisco	North America
5	Chicago	North America
6	Seoul	Asia Pacific
7	Berlin	West Europe
8	Tokyo	Far East & China
9	Barcelona	West Europe
10	Melbourne	Asia Pacific
11	Dubai	Middle East & Africa
12	Portland	North America
13	Nice	West Europe
14	San Diego	North America
15	Rio de Janeiro	Latin America
16	Mexico City	Latin America
17	Wuxi	Far East & China
18	Yinchuan	Far East & China
19	Bhubaneswar	Indian Subcontinent
20	Hangzhou	Far East & China

Рисунок. Топ-20 самых «умных» городов мира.

В 1954 году экономист и теоретик менеджмента Питер Друкер вывел формулу эффективного городского управления и назвал ее «SMART». Поэтому первое, что отличает умный город от всех остальных — эффективное управление.

- ✓ Specific (Конкретность). Объясняется, что именно необходимо достигнуть.
- ✓ Measurable (Измеримость). Объясняется в чем будет измеряться результат.
- ✓ Achievable (Достижимость). Объясняется за счет чего планируется достигнуть цели.
- ✓ Relevant (Актуальность). Определение истинности цели. Действительно ли выполнение данной задачи позволит достичь желаемой цели? Необходимо удостовериться, что выполнение данной задачи действительно необходимо.
- ✓ Time-bound (Ограниченность во времени). Определение времени, за которое должна быть достигнута цель.

Умный город – это обеспечение современного качества жизни за счет применения инновационных технологий, которые предусматривают экономичное и экологичное использование городских систем жизнедеятельности. Интеллектуальный город выполняет две важные задачи: во-первых, сбор и передача данных представителям управления, во-вторых, налаживание обратной связи между администрацией и горожанами, благоустройство среды. Плюсы смарт сити заключаются в повышении уровня жизни граждан и в уменьшении издержек рабочих процессов благодаря автоматизации деятельности, не требующей применения аналитических навыков [2].

Почему именно в Сингапуре так успешно развивается данная система? У Сингапура существует целый ряд преимуществ, позволяющих добиться воплощения плана Smart Nation. Первое преимущество - компактность, небольшая площадь страны. Сингапур — маленький высоко урбанизированный остров-город-государство в Юго-Восточной Азии, его общая площадь составляет всего 722,5 км<sup>2</sup>. В городе-государстве правительству не нужно согласовывать политику развития технологий с руководством различных регионов.

Еще одно преимущество - цифровая грамотная популяция. Население страны обладает необходимыми знаниями в цифровой сфере. Более того, одна сингапурская компания Jules разработала курс цифровой грамотности для детей дошкольного возраста. Он направлен на то, чтобы с самых ранних лет развивать в детях алгоритмическое мышление и высокие вычислительные способности.

Кроме того, система образования ориентирована на технику и науку. Два из четырех сингапурских университетов (Национальный и Наньянский технологический) входят в топ-50 мировых рейтингов вузов.

Хорошая инфраструктура, высокая скорость подключения и повсеместное использование смартфонов так же играет важную роль. Мобильная связь в Сингапуре одна из лучших и современных, покрыто 99% всей территории. Скорость одна из лучших: до 1 Гбит/сек. Согласно статистике, житель «умного города» имеет 2-3 смартфона, которые позволяют ему наиболее эффективно распоряжаться своими ресурсами.

В настоящее время в Сингапуре функционирует цифровая правительственная группа Smart Nation (SNDGG) для реализации повестки дня Smart Nation [4]. SNDGG был сформирован для упорядочения и ускорения процесса.

Сейчас правительство сосредоточено на трех направлениях:

1. Исследования и разработки, на которые в течение следующих пяти лет выделили 1 миллиард долларов. В 2017 финансовом году правительство Сингапура намерено потратить 1,7 млрд. долларов для работы с частным сектором для заключения контрактов на приложения Smart Nation. Работать правительство будет с отраслевыми поставщиками, в том числе с малыми предприятиями и стартапами, для разработки технологий в области анализа данных и датчиков, а также инфраструктуры связи, которая будет соединять сети датчиков интернет-вещания с центрами обработки данных.
2. Инфраструктура. Фактически в каждом доме и офисе имеется оптоволоконный интернет. Помимо этого в Сингапуре самый быстрый широкополосный доступ в мире.
3. Мобильное подключение. Аппаратная часть этого направления самая легкая, но наибольшее внимание уделяется программному обеспечению.

Общество – неотъемлемая часть развития нации. Правительство Сингапура понимает, что в эпоху цифровой революции, когда создаются новые рабочие места, появляется необходимость в наличии у среднего класса новых навыков. Следовательно, нужно обучать людей. Необходимо постоянно искать, где создаются новые рабочие места, новые способы создания ценности, какие сферы предоставляют возможности и в соответствии с этой информацией подготовить население. Для этого Сингапур фокусируется на образовательных навыках в будущем, вкладывая деньги в людей, которые снова идут учиться, повышать уровень своих навыков для увеличения производительности.

Задачи инициативы Smart Nation [4]:

- ✓ Использование всей мощи и потенциала цифровых и интеллектуальных технологий с целью создания новых рабочих мест и возможностей для бизнеса.
- ✓ Максимальное удобство проживания в стране.
- ✓ Увеличение продуктивности экономики за счет более эффективных государственных и бизнес-процессов.

- ✓ Создание новых возможностей в эпоху цифровых технологий и трансформация того, как люди живут, работают и играют, чтобы Сингапур оставался выдающимся глобальным городом.

Реализация концепции «Умный город» уже значительно улучшила ситуацию в Сингапуре. Интеллектуальная система управления транспортом в Сингапуре сократила время простаивания в пробках на 60 часов в год в среднем для каждого водителя. Помимо этого, правительство использует датчики для отслеживания движения общественного транспорта и оперативного реагирования на возникающие проблемы. По словам властей, система уже помогла сократить среднее время ожидания транспорта на остановках до 3–5 минут.

Один из кварталов города в районе Yuhua уже оснащён «умными» сенсорами — они отслеживают потребление электроэнергии, воды и другие показатели в режиме реального времени. Полученные данные помогут правительству оптимизировать расходы воды и снизить зависимость от Малайзии, откуда город импортирует пресную воду. Кроме того, Yuhua оснастили вакуумной системой управления отходами и солнечными панелями для выработки электроэнергии. Сенсоры также помогают жителям следить за расходом ресурсов и дают советы по тому, как снизить бытовые расходы.

Также Сингапур превзошел другие города по распространенности гаджетов среди пожилых людей. Это позволяет контролировать их состояние здоровья, продлевает жизнь и ее качество. Последние два года в городе тестировали систему наблюдения за пожилыми гражданами. В квартиры и на двери помещений устанавливали специальные датчики, отслеживавшие перемещение пожилых людей. Когда система обнаруживала что-то подозрительное (необычное движение или, наоборот, длительное отсутствие передвижений по квартире), она предупреждала об этом родственников и медицинских специалистов. Такая система призвана обеспечить спокойствие остальных членов семьи и избавить работающих жителей города от общественного осуждения по поводу того, что они якобы не исполняют свои семейные обязанности. В развертывании этой системы участвуют и негосударственные компании. На время тестирования технологии государство берет расходы по её поддержанию на себя, но в дальнейшем жители будут сами оплачивать её работу.

Ещё одна медицинская инициатива, которую тестируют в Сингапуре, — система телемедицинской помощи. Это практика, когда пациент получает помощь, не выходя из дома, связываясь с врачом удалённо. С 2014 года часть пациентов проходит программу реабилитации после болезней у себя дома. С помощью планшетов больные выясняют, какие упражнения им нужно делать, а врачи следят за исполнением предписаний — с помощью сенсоров и камер. Раз в неделю для пациента организуют сеанс видео связи для обсуждения результатов и дальнейших действий.

Однако правительство Сингапура не собирается останавливаться на достигнутом, уже разработан ряд стратегических национальных проектов в рамках Smart Nation.



Рисунок. Проекты Smart Nation

Во-первых, национальная цифровая идентификационная система (National Digital Identity (NDI)) для граждан и предприятий. Цель — осуществление транзакций в цифровом виде удобным и безопасным способом. Сингапурцы уже используют SingPass для ключевых транзакций с правительственными агентствами, и NDI будет строиться на системе SingPass [3].

20 августа SNDGO сообщил, что в течение следующих шести месяцев правительственное технологическое агентство Сингапура (GovTech) приступит к испытаниям мобильного программного обеспечения токенов в качестве «более удобной и безопасной службы аутентификации». Кроме того, GovTech расширит и сервис MyInfo, который заполняет онлайн-формы для государственных и частных цифровых услуг. Служба хранилищ данных была запущена в мае прошлого года и позволяет гражданам предоставлять свои личные данные только один раз, чтобы получить доступ к ряду услуг электронного правительства. Систему NDI планируется запустить через три года с прогрессивными испытаниями цифровых подписей для облегчения безбумажных транзакций. GovTech также будет работать с частным сектором для разработки разнообразных услуг с добавленной стоимостью, использующие NDI. К ним относятся подписание цифровых соглашений, безопасное хранение цифровых документов и контроль доступа для облегчения внедрения инноваций в отрасли и соблюдения планов по трансформации Сингапура в SMART-нацию.

Во-вторых, электронные платежи (e-Payments). Цель – доступность, простота, высокая скорость транзакций, безопасность и плавность платежей.

В-третьих, платформа датчиков умной нации (Smart Nation Sensor Platform). Цель – ускорение внедрение датчиков и других устройств IoT (Internet of Things – интернет вещей), которые сделают город более привлекательным для проживания и безопасным. Данная платформа — это особая сенсорная сеть, охватывающая весь остров и позволяющая подключать, анализировать данные и видео, а также осуществлять обмен данными между различными правительственными учреждениями. Проект, ранее известный как «Платформа

Smart Nation», был впервые объявлен в 2015 году агентством Infocomm and Media Development Agency (IMDA).

В-четвертых, умная городская мобильность (Smart Urban Mobility). Цель – использование данных и цифровых технологий, включая искусственный интеллект и автономные транспортные средства, для дальнейшего улучшения системы общественного транспорта.

Наконец, «Моменты жизни» (Moments of Life). Цель – установление связи между соответствующими государственными службами, агентствами с гражданами в ключевые моменты их жизни. В результате гражданам не нужно будет в будущем обращаться в несколько правительственных учреждений в разные ключевые моменты жизни, такие как создание семьи и воспитание ребенка в ранние годы. SNDGO заявила, что первоначальная версия цифровой службы будет доступна к середине следующего года, и в течение следующих двух-пяти лет правительство будет работать над расширением набора услуг и информации для других жизненных моментов. [6]

Россия и Сингапур в этом году отмечают 50-летие установления дипломатических связей. С государством, чьи размеры меньше Санкт-Петербурга, Россия сотрудничает по самым различным направлениям: продает металл и нефть, закупает электронику. Кроме того, российская сторона помогает строить на территории Сингапура нефтеперерабатывающие заводы.

Официального визита президента России в Сингапуре очень ждали. Главы двух государств должны договориться об инвестициях в области нефтехимии, ядерной медицины, высоких технологий. Для России важным моментом станет подписание соглашения о поддержке инновационных компаний на рынках Юго-Восточной Азии. Возможно, российский лидер подчеркнет все достоинства «умного города» и положит начало совершенствованию городов в нашей стране [5].

В Сингапуре, насколько мы знаем, часто говорят: «Среди друзей и вода — мед». Взаимное доверие — это всегда основа прогресса, дружбы, развития, — заметил В.В. Путин на приеме у Халимы Якоб, подняв бокал за дружбу народов. Можно ожидать долгого и продуктивного сотрудничества двух стран [5].

Таким образом, Сингапур – город будущего. Это государство может стать примером для других, ведь ставит интересы, безопасность и благополучие своих граждан выше всего остального. «Вы приезжаете в Сингапур, а потом рассказываете друзьям и знакомым, что побывали в будущем. Этого мы и добиваемся» - заявляет Вивиан Балакришнан, министр иностранных дел Сингапура.

### Список литературы:

1. Juniper Research Режим доступа (URL): <http://www.internationalinvestment.net/regions/asia/smart-city-juniper-research-reveals-20-cleverest/>
2. GovTech Singapore, “eGov Masterplans,” eGov Masterplans, 2016, Режим доступа (URL): <http://www.tech.gov.sg/About-Us/CorporatePublications/eGov-Masterplan>.
3. Joanna Seow, “Boost for Smart Nation Push with Agencies under One Roof,” March 25, 2017, Режим доступа (URL): <http://www.straitstimes.com/politics/boost-for-smart-nation-push-with-agencies-under-one-roof>.
4. Официальный сайт Smart Nation, Режим доступа (URL): <https://www.smartnation.sg/>
5. Официальный сайт газеты известия. Режим доступа (URL): <https://iz.ru/811727/nataliia-portiakova/glavnyi-gost-dlia-chego-vladimir-putin-priekhal-v-singapur>
6. Thio, Cherie. “A Smart District, a Leisure Destination.” Skyline, 2014. Режим доступа (URL): <http://www.ur.gov.sg/skyline/skyline14/skyline14-02/article-03.html>

**Захаров Валерий Константинович**  
доктор физико-математических наук, профессор  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
г. Москва  
[zakharov\\_valeriy@list.ru](mailto:zakharov_valeriy@list.ru)

## ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННОСТИ РОССИИ КАК ИМПЕРАТИВЫ ЕЁ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

**Аннотация.** Россия обладает следующими тремя общими исторически сложившимися данностями: *мировым своеобразием, внутренней хрупкостью и внешней уязвимостью*.

Поэтому населенческо-пространственная государственная политика в России может считаться *эпохально, стратегически и тактически защитной*, если: 1) у населения России происходит **размножительное** порождение и воспитание потомства в каждом поколении и 2) происходит экстенсивно-интенсивное **расселение** прирастающего населения по доступной территории России в каждом поколении.

**Ключевые слова:** внутренняя хрупкость, внешняя уязвимость, размножение населения, расселение по территории.

### Часть 1. Три общие исторические данности России

В статье [4] дано общее описание гео-эко ценозной, геополитической, формационной, идеологической и культурной наличной устроенности России. Приведём его здесь в самых общих чертах.

#### ГЕО-ЭКО ЦЕНОЗНАЯ УСТРОЕННОСТЬ РОССИИ

Гео-эко ценоз, к которому относится Россия в настоящее время, описывается следующими признаками.

Россия не только самая **северная**, но и самая **холодная страна** в мире [1, С.219]. В настоящее время территория считается *пригодной* для жизни людей, если: а) среднегодовая температура на ней не опускается ниже +2°C; б) она расположена не выше 2 км над уровнем моря. По относительному количеству пригодных территорий Россия занимает пятое место после США, Бразилии, Китая и Австралии. Более того, пригодные территории протянулись узкой полоской вдоль её южных границ с запада на восток [1, С.221]. Это часть территории России получила название *основной полосы (основной зоны) расселения населения*.

Огромные части страны (более половины) являются в настоящее время полностью непригодными для проживания, поскольку они находятся в зоне вечной мерзлоты, а также в болотно-низинной или гористой местности, а некоторые заняты непроходимой тайгой [9, С.196-201].

Соответственно указанному обстоятельству население сосредоточено в западной и южной частях страны. Основная полоса расселения имеет клинообразный вид, вытягиваясь на восток вдоль южных границ (вдоль Транссиба), при чрезвычайно низкой плотности населения Сибири и Дальнего Востока. Одновременно это сопровождается явно **избыточным ростом численности населения Москвы и Санкт-Петербурга**, а также стеканием редкого населения восточной части страны в несколько крупных городов Сибири.

Однако такое перетекание населения из северных и восточных регионов на юг и запад страны приходит в противоречие с тем, что основные **неосвоенные** природные запасы страны находятся как раз в Сибири и на Дальнем Востоке, где их практически некому добывать и перерабатывать [9, С.203-205]. Более того, чрезвычайная вытянутость страны в широтном направлении делает перевозки грузов и людей очень дорогими [2, С.105-110]. Всё это вынуждает управляющий слой страны, исходя из близорукой хозяйственной «выгоды», отдавать предпочтение внешним рынкам и использовать приезжую рабочую силу в ущерб собственному долговременному освоению и обустройству страны. А это, в свою очередь, влечёт огромные риски для существования такой разрозненной и необустроенной страны.



Из всего описанного выше следует, что в своём гео-эко ценозе Россия представлена, по-видимому, только вместе с Канадой, и их способ гео-эко хозяйствования **разительно** отличается от всех остальных мировых способов. Именно это вынуждает Россию и Канаду развиваться только соответственно своему собственному способу гео-эко хозяйствования [11, С.670]. Никакое заимствование и следование «передовым» образцам здесь никак не может помочь, поскольку этих образцов просто нет. Однако даже Канада не может служить для России образцом развития, т.к. она развивается в очень тесном пограничном взаимодействии с США, входящем в совершенно другой гео-эко ценоз. В качестве успешного образца можно было бы взять Норвегию, но как прекрасно показано в книге [10], она сильно отличается от России и Канады из-за наличия тёплого течения Гольфстрим, омывающего её северное побережье.

#### ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТРОЕННОСТЬ РОССИИ

Описанная выше чрезвычайная разрозненность страны в географическом, климатическом и гео-эко ценозном отношении и чрезвычайная инфраструктурная несвязность её территории, сопровождаемая чрезвычайной широтной вытянутостью, северным положением внутреннего пространства и чрезвычайной протяжённостью трудно защищаемых границ, делают Россию особенно уязвимой в геополитическом отношении и с запада, и с востока, и с юга, и с севера.

Несмотря на то, что Россия обладает протяжённой морской границей, это не наделяет её особенностями островного гео номоса. Чёрное и Балтийское моря являются почти внутренними морями, не говоря уже о Каспийском море. Незамерзающих портов за исключением Мурманска, Севастополя, Новороссийска и Туапсе практически нет. Северный Ледовитый Океан не даёт пока никаких степеней свободы. А использование возможных степеней свободы Тихого Океана пока весьма ограничено и затруднено низкой заселённостью Дальнего Востока. Поэтому Россия так и остаётся **в материковой геополитической формации**.

Более того, даже в своей материковой геополитической формации Россия представлена в **единственном** числе, и её номос геополитического бытия **разительно** отличается от всех остальных мировых номосов.

#### ФОРМАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ УСТРОЕННОСТЬ РОССИИ

Относительно экономической формации ясно, что Россия (после зигзага в **односистемную** экономическую формацию, хозяйственную деятельность которой можно описать как социалистическую, управляемую, **дирижистскую**, контролируемую, общественную, указательную, плановую и пр.) перешла в **односистемную** экономическую формацию, хозяйственную деятельность которой можно описать соответственно как капиталистическую, самоуправляемую, **либеральную**, партнёрскую, частную, обменную, рыночную и пр. Эта экономическая формация существовала в Европе лишь до конца девятнадцатого века.

Современной России в этой устаревшей либеральной экономической формации присуще резкое разделение на очень узкий **владельческий класс**, имеющий **средства** для бессовестного изъятия части труда других людей, и чрезвычайно обширный **невладельческий класс**, часть труда которого изымается и присваивается владельческим классом. Это влечёт за собой потенциальную конфликтность указанных обществ России.

#### ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ УСТРОЕННОСТЬ РОССИИ

**Теистические общества России.** Относительно идеологической сферы ясно, что Россия **примыкает**, по крайней мере, к четырём религиозным цивилизациям. В восточно-христианской цивилизации верующее христианское общество России является равноправным действующим лицом. В мусульманской цивилизации верующее мусульманское общество России является полностью вторичным и зависимым от духовных центров мусульманского мира. Относительно иудейской и буддийской цивилизаций положение, по-видимому, сходное с предыдущим.



**Атеистическое общество России.** Относительно идеологической сферы также ясно, что Россия **примыкает** к атеистической цивилизации, и атеистическое общество России пока является равноправным самостоятельным центром **атеизма**, как культурно-научного мировоззрения, не нуждающегося для **объяснения** любых бытийных явлений в привлечении дополнительных мысленных **сверхъестественных** сущностей, т.е. не обнаруживаемых в повторных воспроизводимых испытаниях одинаковым образом многими наблюдателями ни с помощью органов чувств человека, ни с помощью созданных человеком приборов.

Атеистическое (безбожественное) мировоззрение является **первичным исходным** мировоззрением со времени происхождения человека, как биологического вида. В то время древние люди ещё не обладали развитым изошренным мышлением, способным отделить от окружающего природного мира какой-либо надприродный мысленный мир.

**Конфликтность идеологических обществ России.** Как указано в книге [7], основным способом взаимодействия цивилизаций является поглощение других цивилизаций. Поэтому, по крайней мере, пять указанных мировоззренческо-цивилизационных обществ России время от времени предпринимают **наступление** друг на друга. В результате происходит перераспределение этих обществ на территории страны и изменение в них количества и состава приверженцев.

К сожалению, население России во время этих конфликтов сокращается.

#### КУЛЬТУРНАЯ УСТРОЕННОСТЬ РОССИИ

Относительно культурной сферы известно, что после принятия христианства Россия находилась под сильнейшим воздействием византийской духовно-культурной цивилизации. Однако после Смутного времени, которое некоторые исследователи рассматривают как ожесточённую войну между коллективным Западом и Россией, в которой Запад одержал верхушечную победу, городская (и в особенности столичная) Россия примкнула к центрально-европейской культурной цивилизации на подчинённой основе, где и продолжает оставаться до сих пор без всяких надежд на равноправность культурных влияний независимо от имперского, социалистического или либерального существования.

А исконная культура провинциальной и крестьянской России оказалась полностью заброшенной и практически никак не связанной с заимствованной культурой российского «столичного класса». Именно опора на культурно-родственный «столичный класс» позволяет коллективному Западу периодически осуществлять успешное культурное и идеологическое наступление на Россию.

Указанное крупное многосотлетнее культурное размежевание вдобавок осложняется наличием в стране большого количества разнообразных местных **этно-религиозных** культурных обществ.

Всё это многообразие культурных обществ России влечёт за собой их неизбежную потенциальную конфликтность.

#### ТРИ ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННОСТИ РОССИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЫТИЯ

Из этого описания в статье [4] был сделан вывод, что Россия обладает следующими тремя общими исторически сложившимися данностями: **мировым своеобразием**, **внутренней хрупкостью** и **внешней уязвимостью**. Эти общие исторические данности являются **итогом** всего предыдущего бытия страны.

В книге [5] было изложено **историко-памятное представление о Человеческом Мире**, согласно которому воспроизведение и обновление общественного бытия упорядочивается отражением всего прошлого бытия в общественной памяти, как сознательной, так и подсознательной. Поэтому указанные общие исторические данности России не только оказывали и оказывают чрезвычайное влияние на её прошлое и настоящее бытие, но будут оказывать его и на её будущее бытие.

Чрезвычайное **своеобразие** страны по мировоззренческим, культурным, национальным, формационно-хозяйственным, гео-эко природным, геополитическим и пр. сферам бытия показывает, что её сущность **разительно** отличается от сущностей любых

других государств мира. Это означает, что в своей бытийной цивилизации Россия представлена в единственном числе, т.е. она сама является **отдельной цивилизацией**.

Отсюда вытекает, что Россия волею исторически сложившихся обстоятельств **«обречена» на собственный путь развития, вытекающий из её своеобразной исторически сложившейся сущности**, и поэтому отличный от любого заимствованного со стороны «прогрессивного», «модернизационного», «цивилизованного» и пр. пути; и в частности отличный от **догоняющего** пути и **вписывания** в международное разделение добычи сырья, его промышленной переработки и их технологического, финансового и научного обеспечения.

Поэтому **перевод** страны на **несобственный** путь существования может происходить только посредством внутренне-внешнего **отклоняющего насилия**.

При этом указанная выше **внутренняя хрупкость** России, заключающаяся в потенциальной конфликтности её обществ во всех перечисленных сферах бытия, **обеспечивает** особенную **податливость** страны ко всем **насильственным преобразованиям**, поскольку они мгновенно переводят потенциальные конфликты в действительные.

История страны показывает, что любое осчастливливающее **насилие** над страной, осуществлённое **вопреки её исторически сложившейся сущности**, что петровское вбивание её в «европейское окно», что большевистское вбивание в «светлый коммунизм», что либеральное вбивание в «глобальный цивилизованный рынок», только приводило к неисчислимым людским страданиям и к вымиранию населения. Осчастливливающее **внутреннее насилие** обычно проводилось в интересах идеологически сплочённой «исторически продвинутой» «прогрессивной», «модернизационной», «цивилизованной» и пр. десятой части населения страны и применялось к остальным разобщённым «исторически отсталым» девяти десятым частям населения, презрительно называемым **историческими пережитками**.

Более того, указанная выше **внешняя уязвимость** России во многих из перечисленных сфер бытия **обеспечивает** дополнительную **податливость** страны ко всем внешним **навязанным преобразованиям**. Например, внутренне-внешнее либеральное вбивание России в «глобальный цивилизованный рынок» было в огромной степени обеспечено внешней уязвимостью СССР в мировоззренческо-идеологической и культурной сферах.

## **Часть 2. Общие исторические данности России и защитная населенческо-пространственная государственная политика**

Далее мы рассмотрим, как указанные выше особенности государственного бытия России должны сказываться на её государственной **населенческо-пространственной** политике.

В статье [6] было описано **популяционное (населенческо-пространственное)** представление о защитной государственной политике на разных временных промежутках.

### **(ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ) ПОПУЛЯЦИЯ И ДВА ЕЁ ИСКОННЫХ АРХЕТИПА**

**(Человеческая) популяция (на некотором временном промежутке)** – это общество, образованное некоторой совокупностью людей, населяющих в течение этого временного промежутка определенное пространство (*ареал обитания*), имеющих возможность биологического скрещивания внутри совокупности и почти не имеющих возможности биологического скрещивания с людьми вне этой совокупности (на этом временном промежутке).

У популяции как системы имеется такое внутренне необоснованное свойство как **возможность размножительного порождения и воспитания потомства**. Этим свойством люди по отдельности не обладают.

Внешним предметом, обосновывающим данное свойство, является **враждебная** содержательная среда. Действительно, при уменьшении числа особей в популяции должна возрастать враждебная нагрузка на каждую остающуюся особь, а при увеличении числа особей, наоборот, враждебная нагрузка на каждую исходную особь должна уменьшаться.

Поэтому враждебная содержательная среда побуждает членов популяции к **размножительному порождению и воспитанию потомства**, т.е. к тому, чтобы за время своего биологического проживания две особи порождали и воспитывали как можно больше (но не менее двух) детей, способных после взросления к самостоятельному порождению и воспитанию потомства.

Именно под воздействием враждебной содержательной среды в человеческой популяции выработался **тип размножительного порождения и воспитания потомства**. С течением времени он стал первым важнейшим бытийным **архетипом** [3] любой человеческой популяции. Памятный образ (мем) этого архетипа содержится в подсознании популяции и независимо от сознания побуждает популяцию к постоянному воспроизводству этого архетипа.

Количественно возрастающие популяции **вынуждены** были расселяться и осваивать более обширные ареалы обитания. В результате у популяций под действием типа размножительного порождения и воспитания потомства выработался и закрепился **тип размножительного экстенсивно-интенсивного** (т.е. *внешне-внутренне напряжённого*) **расселения по доступной территории Земли**. С течением времени он стал вторым важнейшим бытийным архетипом любой человеческой популяции.

Заметим, что раньше в литературе говорили не об архетипе с его побуждающим мемом, а о *зове природы*.

#### ЗАЩИТНАЯ НАСЕЛЕНЧЕСКО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Согласно сказанному выше, населенческо-пространственная государственная политика может считаться **эпохально, стратегически и тактически защитной**, если: 1) у населения государства происходит **размножительное** порождение и воспитание потомства в каждом поколении и 2) происходит экстенсивно-интенсивное **расселение** прирастающего населения по доступной территории государства в каждом поколении.

Размножение населения и его расселение по территории государства определяются в огромной степени его географической, климатической и гео-эко ценозной устроенностью, а также социально-политической устроенностью.

Чрезвычайная разрозненность России в географическом, климатическом и гео-эко ценозном отношениях и чрезвычайная инфраструктурная несвязность её территории, сопровождаемая чрезвычайной широтной вытянутостью, северным положением внутреннего пространства и чрезвычайной протяжённостью трудно защищаемых границ, означает, что размножение населения и его расселение по территории России является чрезвычайно трудоёмким делом, требующим заботливой самостоятельной государственной политики по целенаправленному использованию хозяйственных ресурсов страны в силу скудного российского прибавочного продукта и в силу отсутствия образцов для подражания. «В долгосрочной перспективе существования государства именно население становится главным капиталом и резервом в геополитической борьбе (хотя, конечно, не единственным). ... прирост населения «съедает» добавочный продукт, и благосостояние не растёт, но осуществляется «инвестирование в государство» – укрепляется устойчивость цивилизации ко внешним вторжениям, лучше осваивается территория, создаётся инфраструктура, растут размеры возможной государственной «надстройки»» [8, Т. 1, С.357].

Следовательно, государственная власть в России должна, если не побуждать, то, по крайней мере, не подавлять **воспроизводство** двух указанных выше главнейших архетипов бытия российской популяции.

К сожалению, история России свидетельствует о противоположном поведении власти. Например, в царской России власть постоянно расширяла территорию государства, но одновременно с этим введением крепостного права препятствовала и естественному приращению коренного населения, и особенно его **расселению** по расширяющейся территории. Это разрушительное противоречие между интересами народа и интересами господствующего класса привело государство к катастрофе 1917 года.

Не лучше обстояло дело и в социалистическом Советском Союзе с его новым колхозным закрепощением сельского населения со стороны городского пролетариата и последующим вынужденным бегством крестьян в города, в которых **невозможно** размножительное порождение и воспитание потомства и из которых **невозможно** расселение по территории страны. Это пролетарское подавление двух главнейших архетипов бытия населения СССР в итоге привело государство к катастрофе 1991 года.

#### **Список литературы**

1. Афанасенко И.Д. Русская цивилизация. История развития. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. – 506 с.
2. Голубчик М.М., Макара С.В., Носонов А.М., Файбусович Э.Л. Социально-экономическая география. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 418 с.
3. Захаров В.К. Второй НЭП как способ изменения геополитической химеры современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 3. С. 34-43.
4. Захаров В.К. Общие исторические данности как императивы государственной политики современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 11. Часть 3. С. 18-24.
5. Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом "Кислород", 2017. – 448 с.
6. Захаров В.К. Три представления об экономической безопасности государства в широком смысле // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 6. № 11. С. 45-56.
7. Киселёв С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. – М.: Изд-во «Известия», 2002. – 368 с.
8. Кудрявцев М., Мирон А., Скорынин Р. Статья «Америкой», оставаясь Россией: путь к процветанию. Т. 1, 2 – М.: Алгоритм-Б, 2006. – 624 с., 448 с.
9. Макара С.В., Глушкова В.Г. Экономика природопользования. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 588 с.
10. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. – М.: Крымский мост-9Д, НТЦ «ФОРУМ», 2001. – 416 с.
11. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.

**Иванов Михаил Юрьевич**

*кандидат экономических наук, доцент*

*Институт экономики РАН*

*г. Москва*

*vektr77@rambler.ru*

### **ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЕСУРС РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОСПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (МАКРО-МЕЗО УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД)**

*При финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований,  
Проект № 18-010-00787 (а)*

**Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы освоения пространственного потенциала России на основе использования мезоуровневого подхода. Выявлены причины, препятствующие его освоению, определены факторы, позитивно воздействующие на данный процесс. Автор опирается на работы российских советских ученых д.э.н., проф. Анчишкина А.И. [1] и д.э.н., проф. Иванова Ю.М. о соотношении экстенсивных и интенсивных процессов в расширенном воспроизводстве [3, 4], чл.-корр. РАН Клейнера Г.Б. [12, 13],

д.с.н., проф. Кирдиной-Чэндлер С.Г. [11], ряда российских ученых [14], а также на собственных исследованиях [5 – 10].

**Ключевые слова:** мезоуровневый подход; пространственный потенциал; процесс воспроизводства; социально-экономическая политика; противоречие между централизацией и децентрализацией.

Наличие огромной территории и богатейших природных ресурсов требуют осмысления реализуемой в стране социально-экономической политики, определения ее эффективности, учета изменений внешних условий существования страны и внутренних факторов, воздействующих на использование пространственного потенциала. Эффективность социально-экономической политики в отношении пространственного потенциала определяется в значительной степени наукоёмкостью принимаемых решений, с учётом их последствий для будущего развития как страны в целом, так и регионов и территориальных образований. Необходимо учитывать опыт ряда европейских стран и Китая по созданию полицентрической пространственной структуры экономики, что означает формирование множества центров экономического роста, особенно в расширении инфраструктурных возможностей глубинных и окраинных регионов.

Прежде всего, это касается сети дорог, а также воздушного сообщения. Особенно большое отставание России в обеспечении авиатранспортом. В России в настоящее время 252 аэродрома, что в 5 раз меньше, чем было в 1990 г. (1450). Россия, с её территорией в 17 млн. кв. км., обеспечена авиационным транспортом в 10 раз хуже, чем один американский штат Аляска. Всего в США 13500 аэродромов при территории 9,8 млн. кв. км. То есть Россия обеспечена авиацией почти в 100 раз меньше, чем США [2].

Использование пространственного потенциала выражается в его освоении, выявлении многообразных ресурсов, их насыщенности на данной территории, организации жизнедеятельности населения по их использованию. Эффективное использование пространственного потенциала предполагает, с одной стороны, централизованное управление из одного Центра для сохранения целостности страны, с другой, децентрализацию вплоть до поселенческих муниципальных образований (малых городов, поселков, деревень) для выявления и более полного использования имеющихся на территории ресурсов. От разрешения данного противоречия между централизацией и децентрализацией, особенно в распределении финансовых потоков, зависит эффективность использования пространственного потенциала российской экономики. В этом плане прав был академик Е. Примаков, который будучи Председателем Совета Министров, говорил: «Половину всех налогов следует оставлять в регионах и выравнивать бюджетную обеспеченность» (Газета «Правда» январь-февраль 2018 г. статья «Воля есть»). До сих пор эта проблема не решена.

Эффективно освоить пространственный потенциал страны может здоровый, динамично развивающийся народ, имеющий крепкую трудовую мотивацию и нравственно духовную ценностную ориентацию. Для этого требуется система мер по спасению генофонда народа, укреплению его здоровья, преодоления неблагоприятных демографических тенденций, укреплению нравственности и духовности. Между тем проводимая в стране пенсионная реформа, будет иметь самые негативные последствия на усиление неблагоприятных демографических тенденций, снижение трудовой мотивации, особенно у молодёжи, ухудшение здоровья населения и другие.

Мезоуровневый подход [11 – 14] к анализу проводимой в стране социально-экономической политики показал, что эта политика не способствует, а скорее препятствует решению задачи эффективного освоения пространственного потенциала.

Разрешение противоречия между централизацией и децентрализацией в освоении пространственного потенциала требует, прежде всего, научно-обоснованной государственной стратегии в управлении данным процессом. Какова данная стратегия видно на примере развития сельской местности и примере развития торговой отрасли. В сельской

местности проживает 37 млн. человек, т.е. 1/3 населения страны. На развитие сельских территорий Минсельхозу в 2017 году было выделено 7,1 млрд. руб. Для сравнения – бюджет футбольного клуба «Зенит» составляет 10,8 млрд. рублей.

После всех «оптимизаций» за пять лет с 2011 по 2016 годы число сельских больниц сократилось на 23,1%;, детских садов – на 12,0%, школ на 11,0%. Средний радиус доступности сельской школы составляет – более 17 км.; детского сада – 20 км; больницы 84 км; фельдшерско-акушерского пункта – 15 км. В результате более 30,0% сельской молодёжи хотят уехать из села.

Красноречивым показателем происходящих процессов является беседа с депутатом Государственной Думы С.А. Шаргуновым. Он говорит: «Как депутат от 4-х сибирских регионов, вижу: повальное уничтожение школ, библиотек, фельдшерско-акушерских пунктов. Напоминает политику геноцида. При этом, по данным ЦБ, за последние 17 лет из России вывезено 750 млрд. долларов. Согласно данным журнала «Forbes», совокупное состояние 200 крупнейших бизнесменов России выросло за год на 28%, от 360 до 460 млрд. долларов» (газета «Завтра» Выпуск №11 (1267) от 21 марта 2018 С.7).

Таким образом, проводимая социально-экономическая политика в отношении сельского населения стимулирует его покидать родные места, ведёт к обезлюдиванию огромных сельских территорий. А если ещё будет введен налог на личные подсобные хозяйства (ЛПХ), налоги, с которых не брали с 60-х годов XX века, то процесс обезлюдивания сельских территорий ещё более усилится, что весьма негативно скажется на процессе освоения пространственного потенциала страны.

Неэффективная государственная социально-экономическая политика в развитии торговли также препятствует успешному освоению пространственного потенциала. На уровне государства, включая руководство Минпродторга, реализуется настоящая торговая драма. Происходит многолетнее планомерное уничтожение малой торговли. Торговые сети уничтожают остатки малого предпринимательства – (мелкие магазины, рынки, киоски). Всё это негативно сказывается на положении населения в сельской местности, малых и средних городах, стимулирует переселение в крупные города из-за потери работы по месту проживания. И здесь наблюдается также тенденция к обезлюдиванию территорий. Вся торговля создаёт 1/3 ВВП, является основным работодателем, в ней занято 12,7 млн. человек, т. е. каждый 5-й работник.

В 2000 г. доля торговых сетей от общего объёма розничной торговли составляла 0,5 %, 2005 г. – 7 %, в 2018 г. более 30 %.

За последние 10 лет число крупных магазинов, разнообразных супермаркетов выросло почти в 8 раз. Доля мелкой торговли на рынках и ярмарках упала до 6 %. В 2008 г. в стране было 5,8 тыс. розничных рынков, сейчас менее 1,5 тыс. В 2000 г. продажи на рынках давали 25 % всего оборота торговли, сейчас менее 4 %.

В последние годы число малых магазинов сокращалось на 2% в год, киосков – на 3%, рынков – на 10%. Число мелких предпринимателей в торговле за последние 3 года сократилось с 1,7 до 1,5 млн. человек. Зато выросло число перекупщиков, что повышает цены в торговых сетях.

Данная политика препятствует развитию внутреннего рынка в стране, порождает межрегиональную, межобластную автаркию и в конечном счёте препятствует эффективному освоению пространственного потенциала.

Наконец, Минпродторг в новом варианте торговой стратегии признал, что огромные торговые центры вредны для конкуренции. Правительство предлагает запретить строительство крупных магазинов, если их доля на местном рынке выше 25%, обещает восстановить продуктовые рынки. Словом, при реализации государственной политики идёт шараханье из одной стороны в другую. В результате страдает население и страна в целом. Всё это негативно сказывается на освоении пространственного потенциала.

Для эффективного использования пространственного потенциала российской экономики необходимо учитывать опыт индустриально-развитых стран и СССР,

накопленный в XX веке по изменению воспроизводственной структуры материального производства, переходом от использования прибавочного продукта, как главного источника расширения производства, к фонду амортизации. Данный закономерный процесс выразился в переходе индустриально-развитых стран от преимущественно экстенсивного типа расширенного воспроизводства к преимущественно интенсивному типу [3], что позволило решать важнейшие социально-экономические задачи: развитие непроемкой сферы, эффективное использование пространственных ресурсов, развитие человеческого потенциала и др.

Данный переход был завершён в США в 60-е годы, в европейских странах в конце 70-х – середине 80-х годов [4]. Вместе с тем, система капиталистических производственных отношений, нацеленных на максимизацию прибыли, ограничила развитие данных тенденций.

В мировой литературе констатировалось, что развитые страны вступили в период постиндустриального развития. Система капиталистических производственных отношений, нацеленных на максимизацию прибыли, ограничила развитие данных тенденций. Мировой капитализм начал перерастать в наиболее хищную форму – мировой финансовый капитал, всё более отрывающийся от материального производства, нацеленный на финансовую сферу, как наиболее прибыльную. Концентрация прибавочного продукта в руках финансовой олигархии побуждает её на устранение конкурентов нерыночными методами, захват природных ресурсов, «цветные революции» и др. Учёт этих факторов необходим при исследовании развития пространственного потенциала страны.

Для России показателен опыт СССР, как пример упущенной возможности перехода к новой социально-экономической формации – к реальному социализму. В экономике после индустриализации 30-х годов происходили процессы, аналогичные развитым капиталистическим странам (но с некоторым отставанием) [9, 10].

Основные производственные фонды выросли с 1929 по 1990 годы в 140 раз, в том числе в промышленности в 400 раз. Вместе с ними росла амортизация, её доля в валовых производственных капиталовложениях в промышленности составила в 1990 г. 67,4 % против 10,0 – 12,0 % в годы первой пятилетки, а доля прибавочного продукта понизилась с 88,0 – 90,0% до 35,0 – 36,0 %. Были созданы условия для использования прибавочного продукта на развитие непроемкой сферы и человеческого потенциала. Но эти условия не были использованы, продолжалась абсолютизация экстенсивного роста производства путём нового капитального строительства за счёт прибавочного продукта.

Это вызывало повсеместный дефицит рабочей силы. За весь период 1929-1990 годы не было ни одного массового обновления основных фондов. Фактический срок службы оборудования составлял 30-40 лет путём неоднократных капитальных ремонтов. 9/10 созданной за 60 лет промышленности работало на себя и только 1/10 на народное потребление. Усилились противоречия в решении социальных задач.

Под лозунги, что современный социализм есть тупиковый путь развития, тогдашняя партийно-государственная, а также монополярная научная элита вместо реального перевода экономики СССР на преимущественно-интенсивный путь развития, ликвидировала социализм, заменив его капитализмом в его наихудшей форме – олигархического бандитского капитализма [7, 8].

#### **Выводы.**

1. Для эффективного освоения пространственного потенциала страны необходимо восстановление нарушенных в СССР и в 90-е годы в России, воспроизводственных пропорций между накоплением и обновлением основных фондов в материальном производстве, прежде всего, в промышленности. Для этого необходима разработка и реализация государственной стратегии в отраслевом и территориальных аспектах (как на макро, так и на мезо уровне), что позволит постепенно осуществлять переход от преимущественно-экстенсивного типа расширенного воспроизводства на преимущественно-интенсивный тип [5].

2. Использование увеличивающегося прибавочного продукта на развитие непроемкой сферы, человеческого потенциала позволит разрешить противоречие между наличием огромной территории и богатыми природными ресурсами, с одной стороны, и её населением, ослабевающим в физическом и нравственно-духовном смысле, с другой. Главное, не допустить переток прибавочного продукта в руки финансово-олигархического капитала, как отечественного, так и иностранного [9, 10].

3. Необходимо осуществлять социально-экономическую политику, адекватную эффективному освоению пространственного потенциала страны.

### Список литературы:

1. *Анчишкин А.И.* Проблемы интенсификации общественного производства. М.: Политическое самообразование. 1969 г. № 9;
2. *Бушин В.* Бирнамский лес двинулся / в газете «Завтра» декабрь 2018 г. № 49, с. 5.
3. *Иванов Ю.М.* Соотношение экстенсивных и интенсивных процессов в расширенном воспроизводстве. – М., 1980.
4. *Иванов Ю.М.* Вводный курс в политическую экономию как науку. М., 2008, - 280 с. ISBN 978-5-91299-049-6.
5. *Иванов М.Ю.* Закат капиталистической общественно-экономической формации и Россия (Макро-мезоуровневый подход к анализу воспроизводственного процесса», Инвестиции в России, 2018, № 8, С.16-21.
6. *Иванов М.Ю., Нешиной А.С.* Феномен мезоуровня в экономическом анализе: теория и практика // по материалам симпозиума в Институте экономики РАН, Вестник ИЭ РАН, 2018, №4, С.179-191.
7. *Иванов М.Ю.* Механизм расширения производства в глобальной экономике: невыученный урок / Инвестиции в России. 2017. № 1 (264). С. 11-18.
8. *Иванов М.Ю.* Социально-экономический аспект изменения механизма расширения производства индустриально развитых стран и его значение для России / Международная конференция «XXIV Кондратьевские чтения «Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений» Тезисы докладов и выступлений участников конференции. Москва, 16-17 ноября 2016 г. Международный фонд Н.Д. Кондратьева. Институт экономики Российской академии наук. С. 82 – 83. [Эл.ресурс: [https://inecon.org/docs/2016/IKF\\_Abstract\\_2016.pdf](https://inecon.org/docs/2016/IKF_Abstract_2016.pdf) ]
9. *Иванов М.Ю., Иванова Р.К.* Изменение механизма капиталистического воспроизводства развитых стран и стратегия развития России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 1. С. 159-168.
10. *Иванов М., Иванова Р.* Изменения в воспроизводственном процессе развитых стран и мировой финансовый кризис // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 1. С. 292-307.
11. *Кирдина-Чэндлер С.Г.* Эволюция социально-экономических систем на мезоуровне: пределы многообразия // Очерки по экономической синергетике. М.: ИЭ РАН, МРОО Центр эволюционной экономики. 2017.
12. *Клейнер Г.Б.* Какая мезоэкономика нужна России? Региональный разрез в свете системной экономической теории // Экономика региона. 2014, № 4 С.9-17.
13. *Клейнер Г.Б.* Мезоэкономика переходного периода. Рынки, отрасли, предприятия. М.: Наука. 2001.
14. Мезоэкономика развития / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера, Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука. 2011. 805 с. [PDF-версия: URL: <http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/09/Mezo-razv1.pdf> (дата обращения: 30.05.2018)]



**Кириченко Ирина Алексеевна**  
*кандидат экономических наук, доцент*  
**Маршова Татьяна Николаевна**  
*кандидат экономических наук, доцент*  
**Смирнов Александр Владимирович**  
*кандидат экономических наук*  
Всероссийская академия внешней торговли  
Минэкономразвития России  
г. Москва  
[94522@bk.ru](mailto:94522@bk.ru)

## ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Аннотация.** В статье проведен анализ нормы инвестирования в основной капитал в разрезе регионов Российской Федерации. Рассмотрены на фактических данных произошедшие изменения в составе двух федеральных округов – Сибирском и Дальневосточном. На примере данных регионов проанализирована дифференциация производственного потенциала, эффективности его использования и инвестиционной активности.

**Ключевые слова:** инвестиции в основной капитал, регионы Российской Федерации, анализ инвестиционной и производственной активности, производственные мощности, инвестиционная политика.

Неравномерность социально-экономического развития регионов Российской Федерации является одним из сдерживающих факторов в обеспечении устойчивого экономического роста на средне- и долгосрочный период. Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, то есть решение задач, поставленных Президентом Российской Федерации в майском указе 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [1], невозможно без активной инвестиционной политики, устраняющей высокую дифференциацию регионального развития.

На 10-м ежегодном инвестиционном форуме ВТБ Капитал «Россия зовет!», состоявшемся в Москве в ноябре 2018 года, глава Минэкономразвития Максим Орешкин заявил о планах оценивать КРІ (ключевые показатели эффективности, от англ. Key Performance Indicators) регионов по росту инвестиций [2]. Предполагается, что для выполнения майского указа Президента РФ [1] регионам установят КРІ по росту инвестиций.

«У нас в структуре экономики доля таких тяжелых секторов, как добыча природных ресурсов или энергетика, очень высокая, и рост в этих секторах во многом ограничен 1–2% в год. Это означает, что отрасли за пределами этих секторов, для того чтобы экономика росла быстро, должны показывать темпы порядка 5% в год», — сказал Орешкин [2].

Такие темпы «невозможны без агрессивной динамики инвестиций», отметил он, при этом в структуре инвестиций треть занимают те же добывающие сектора. «Поэтому для того, чтобы инвестиции росли целевым темпом 6–7% в год, у нас в прорывных отраслях этот темп должен быть порядка 8–10%. Задача, конечно, сверхсложная, и очевидно, что на ее решение должны быть нацелены все уровни власти», — подчеркнул министр. Такие же КРІ в скором времени установят для региональных властей, для них инвестиции тоже станут одним из ключевых показателей оценки эффективности.

Разработка и реализация региональной государственной инвестиционной политики, прежде всего, должна предусматривать ускоренный рост инвестиционной активности в регионах с низкой долей валового накопления основного капитала. Как показал анализ,

норма инвестирования по регионам отличается более чем в 4 раза. Так, например, в Ивановской области она составляла в 2016 году 13,0%, в то время как в Ямало-Ненецком автономном округе – 55,7% (объем инвестиций в основной капитал к объему валового регионального продукта – таблица 1).

Таблица 1

Норма инвестирования по федеральным округам РФ [3] в % к ВРП

Федеральные округа	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	24,9	23,5	21,1	21,1
Центральный федеральный округ	17,4	17,1	15,8	15,7
Северо-Западный федеральный округ	25,5	23,7	20,0	22,3
Южный федеральный округ	42,1	33,4	28,0	23,5
Северо-Кавказский федеральный округ	31,9	31,3	27,8	27,0
Приволжский федеральный округ	27,2	26,0	24,5	23,5
Уральский федеральный округ	28,6	29,2	26,0	28,7
Сибирский федеральный округ	26,0	24,2	20,3	20,3
Республика Бурятия	23,7	19,7	17,9	16,8
Забайкальский край	25,1	29,6	30,8	32,6
Дальневосточный федеральный округ	29,7	25,2	25,3	26,6

Несмотря на поставленную в президентских посланиях 2012 и 2018 гг. задачу по увеличению нормы накопления основного капитала, на протяжении последних лет она имела тенденцию к снижению (рисунок 1). Это является следствием крайне низкой инвестиционной активности в ряде регионов. При этом, если по итогам 2017 года отрицательная динамика инвестиций наблюдалась в 33 регионах, то в первом полугодии 2018 года – уже в 37.

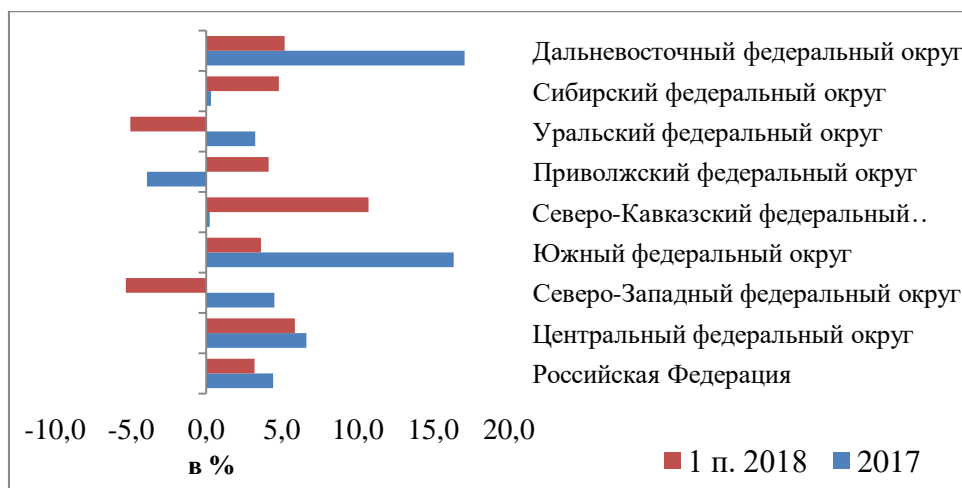


Рисунок 1 - Темпы прироста инвестиций в основной капитал (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Рассмотрим динамику инвестиций и ее влияние на экономическое развитие на примере регионов, в составе которых в ноябре 2018 года произошли изменения - Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. В соответствии с Указом Президента «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. №849» [4] Республика Бурятия и Забайкальский край поменяли прописку с Сибирского на Дальневосточный федеральный округ. После исключения Бурятии и Забайкалья в составе округа остались 10 регионов: Республика Алтай, Алтайский край,

Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области, Красноярский край, Тува и Хакасия. Теперь в составе ДФО находятся Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. По оценке экспертов, с уходом Бурятии и Забайкальского края — а это регионы депрессивные — социально-экономические показатели в целом по СибФО улучшатся [5]. Рассмотрим, как это могло бы отразиться на показателях инвестиционной и производственной деятельности в данных округах на ретроспективе.

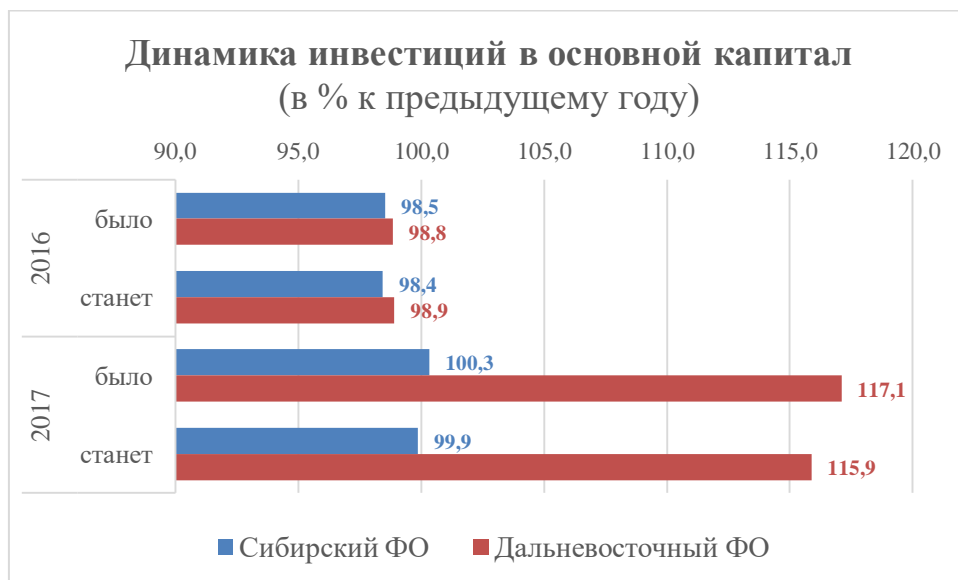


Рисунок 2

Как показывает анализ динамики инвестиций в основной капитал (см. рисунок 2), по данным за 2016 г. существенных изменений перемещение двух указанных выше регионов не внесло. Это объясняется разнонаправленной динамикой показателя в Республике Бурятия и Забайкальском крае. Так в 2016 г. индекс физического объема инвестиций в основной капитал в Бурятии составил 84,8%, в то время как в Забайкалье – 106,5%. В 2017 г. снижение темпов роста по Дальневосточному федеральному округу обусловлено более низкой общей динамикой двух вошедших регионов. Если в 2017 г. в ДФО году индекс физического объема инвестиций в основной капитал составил 117,1%, то по двум регионам он равнялся 105,6%.

Включение двух регионов в состав Дальневосточного федерального округа увеличило его удельный вес в 2016-2017 гг. в суммарном объеме инвестиций по регионам РФ лишь на 0,8 п.п. (см. рисунок 3).

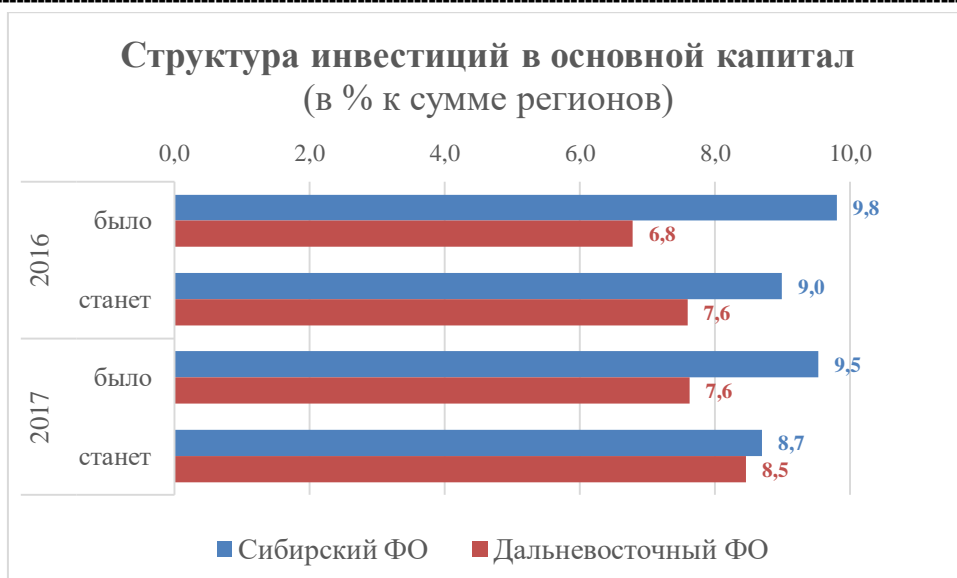


Рисунок 3

Применительно к норме инвестирования следует отметить, что если в Сибирском федеральном округе в прежнем составе входящих в него регионов в 2016 г. она была равной 20,3%, а в Дальневосточном федеральном округе – 26,5%, то вследствие произошедших изменений данная величина уменьшилась бы на 0,4% в СФО и увеличилась бы на 0,1% в ДФО (см. рисунки 4-5). Вместе с тем необходимо понимать, что между Республикой Бурятия и Забайкальским краем существует почти двукратный разрыв в значении показателя «доля инвестиций в основной капитал в ВРП» (см. таблицу 1).

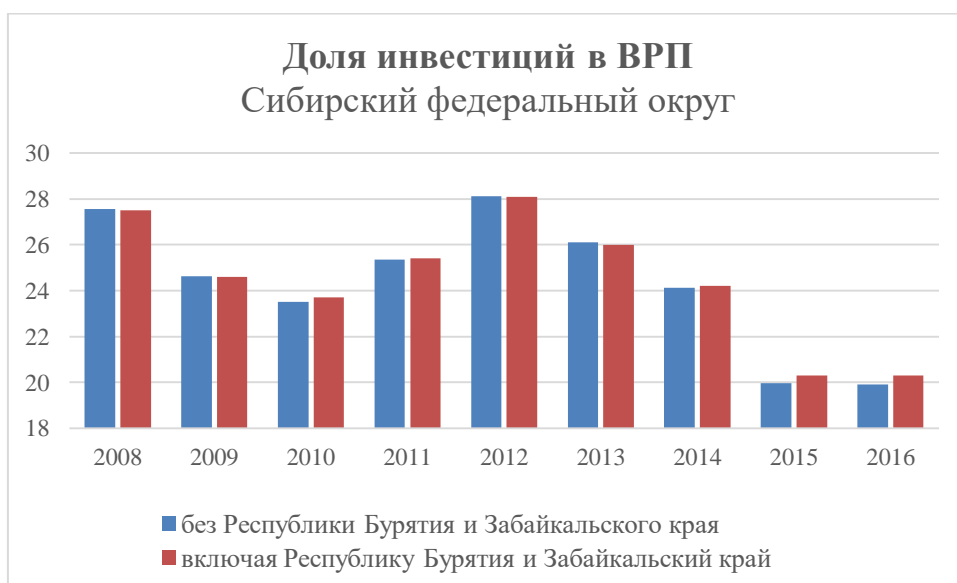


Рисунок 4

По данным за 2016 г. норма инвестирования в Республике Бурятия составляла 16,8%, в то время как в Забайкальском крае – 32,6%. По значению показателя данный регион среди всех субъектов федерации занимал десятое место, а по Сибирскому федеральному округу – первое.

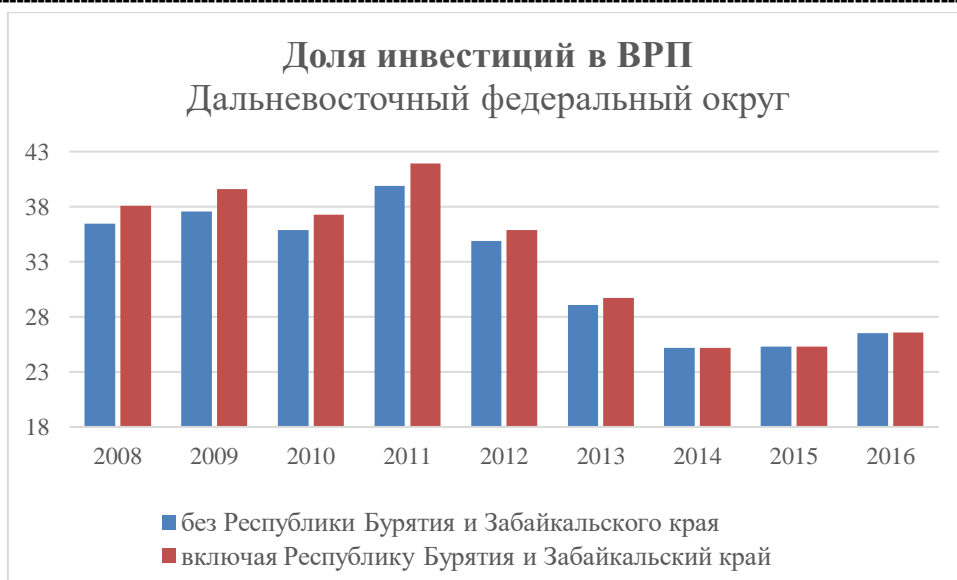


Рисунок 5

Анализ показывает, что значительной дифференциацией характеризуется не только инвестиционная, но и производственная активность регионов.

Сибирский ФО - более экономически развитый регион, обладающий большим экономическим потенциалом. При исключении из его состава Республики Бурятия и Забайкальского края мощности округа изменились незначительно, при этом включение данных областей в состав Дальневосточного ФО привело к существенному увеличению объемов производственных мощностей по ряду позиций.

Например, мощности по добыче угля каменного и бурого в СФО уменьшились на 7,8%, в то время как их увеличение в СФО составило 55,8%; мощности по производству щебня сократились в СФО на 6,4% увеличившись в ДФО на 19,4%; мощности по производству колбасных изделий уменьшились в СФО на 11,1% увеличившись в ДФО на 65,8%/ Аналогичные показатели по производству мясных полуфабрикатов составили 1,9 и 11,7%, по производству муки и мучных смесей 1,4 и 275%, по производству хлебобулочных изделий 2,8 и 16,4%, по производству макаронных изделий 0,4 и 6,5%, кондитерских изделий 2,8 и 44,5%, по производству распиленных и расколотых лесоматериалов 5,0 и 24,9% и т.д.

С включением двух округов в Дальневосточном ФО появится ряд мощностей по изготовлению продукции, ранее не производимой в регионе, в частности, мощности по производству целлюлозы древесной и целлюлозы из прочих волокнистых материалов, по производству бумаги и картона, по производству тарного картона, по производству ящиков и коробок из гофрированного картона, по производству нефтяных смазочных масел.

Наряду с различиями в объемах и отраслевой структуре производственного потенциала регионы характеризуются и различной эффективностью его использования. Так если в целом по Российской Федерации уровень загрузки производственных мощностей в 2017 году составлял 60,2%, то в Сибирском ФО 51,5%, в Дальневосточном ФО – 47,7%. При этом по отдельным товарным позициям, примеры которых приведены в таблице 2, дифференциация еще более значительная.

Следует отметить, что существенная дифференциация регионального уровня использования производственных мощностей является общероссийской проблемой. Так, мощности по производству стали при среднем по стране уровне использования в 2017 году в 84,9% в Центральном федеральном округе функционировали с загрузкой в 97,1%, а в Дальневосточном федеральном округе – 32,6%. Мощности по производству бумаги и картона в целом по Российской Федерации были загружены на 90,9%, при этом региональный коэффициент использования колебался от 90,6% в Центральном федеральном округе до 73,8% в Сибирском федеральном округе.

Таблица 2

Использование среднегодовой мощности в 2017 году, в %

Виды продукции	РФ	СФО	ДФО
Уголь каменный и бурый	84,0	86,1	73,7
Пески природные	52,9	69,9	55,3
Гравий	29,1	13,0	29,5
Щебень	66,0	55,7	60,8
Мясо	65,5	57,2	39,1
Изделия колбасные	56,5	61,8	44,2
Рыба мороженая	56,9	22,0	57,5
Пресервы рыбные	34,9	12,2	49,4
Флодоовощные консервы	47,1	75,3	68,6
Продукты кисломолочные	48,7	47,3	48,2
Мука из зерновых культур	51,9	47,2	23,3
Крупа	37,1	42,9	35,2
Изделия хлебобулочные	41,6	31,1	36,1
Изделия трикотажные или вязаные	63,1	59,9	16,1
Обувь	57,1	72,5	14,2
Лесоматериалы распиленные или расколотые	57,1	58,1	46,7
Изделия деревянные строительные и столярные	44,9	55,0	64,6
Первичная переработка нефти	83,6	80,5	83,2
Битумы нефтяные	55,1	39,5	19,4
Плиты, листы, пленка и полосы пластмассовые	73,2	68,1	85,4
Кирпич керамический неогнеупорный строительный	61,6	31,0	36,7
Портландцемент	52,3	47,3	52,8
Материалы и изделия минеральные теплоизоляционные	73,7	77,9	53,0
Сталь нелегированная в слитках	84,9	66,4	32,6
Конструкции и детали конструкций из черных металлов	16,0	37,5	26,7

Значительный разрыв в эффективности функционирования имеющегося производственного аппарата наблюдается не только на уровне крупных регионов (федеральных округов), но и на уровне областей. Так, мощности по производству лесоматериалов при среднем по России уровне использования в 2017 году в 57,1% в Центральном федеральном округе функционировали с загрузкой в 58,1%, при этом в Республике Бурятия коэффициент использования составлял 55,1%, а в Забайкальском крае – 15,6%. Мощности по производству кондитерских изделий функционировали в Забайкальском крае на уровне общероссийского коэффициента использования 63,6% (в целом по РФ – 60,7%), в то время как в Республике Бурятия коэффициент использования соответствующих мощностей был в два раза ниже – 30,4%.

Невысокий коэффициент использования наличного производственного потенциала, зачастую являясь следствием его низкой конкурентоспособности и неудовлетворительного состояния, в свою очередь выступает фактором, снижающим инвестиционную активность в силу низкой прибыльности предприятий.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что на протяжении последних лет Республика Бурятия существенно отстает по динамике промышленного производства: по данным Росстата за 2013-2016 гг. индекс промышленного производства в ней составил 104,7% за 4 года, в то время как в Забайкалье он был существенно выше (115,2% в 2016 г. по отношению к 2012 г.). Примечательно, что за этот же период в обоих регионах снизилась производительность труда в приблизительно равных величинах (96,0% и 96,5% соответственно), в то время как в целом по экономике был отмечен ее прирост на 0,7%.

Таблица 3

Индекс промышленного производства по отдельным субъектам Российской Федерации, в % к предыдущему году

Регионы РФ	2013	2014	2015	2016	2016 к 2012
Российская Федерация	100,4	101,7	96,6	101,1	99,7
<b>Сибирский федеральный округ</b>	<b>104,7</b>	<b>102,7</b>	<b>100,2</b>	<b>100,6</b>	<b>108,4</b>
Республика Алтай	96,5	105,6	125,2	149,0	190,1
Республика Бурятия	114,9	102,9	101,6	87,2	104,7
Республика Тыва	103,8	108,5	105,1	103,9	123,0
Республика Хакасия	110,5	95,2	98,0	109,5	112,9
Алтайский край	101,3	98,9	100,1	102,5	102,8
Забайкальский край	107,5	104,6	99,4	103,1	115,2
Красноярский край	109,3	102,3	99,0	99,0	109,6
Иркутская область	102,5	104,4	105,8	107,9	122,2
Кемеровская область	98,9	105,7	101,8	103,4	110,0
Новосибирская область	101,4	100,3	101,0	101,3	104,1
Омская область	103,2	103,5	100,4	97,1	104,1
Томская область	100,7	100,5	108,0	102,2	111,7
<b>Дальневосточный федеральный округ</b>	<b>103,3</b>	<b>106,7</b>	<b>101,0</b>	<b>100,8</b>	<b>112,2</b>
Республика Саха (Якутия)	106,2	104,9	103,8	101,9	117,8
Камчатский край	97,1	104,4	103,4	113,2	118,7
Приморский край	104,4	107,1	87,6	97,8	95,8
Хабаровский край	102,2	102,5	102,0	101,8	108,8
Амурская область	106,9	98,3	92,5	92,1	89,5
Магаданская область	103,0	109,0	107,5	100,8	121,7
Сахалинская область	99,5	106,1	112,6	106,5	126,6
Еврейская автономная область	102,6	113,3	91,3	90,2	95,7
Чукотский авт. округ	116,6	138,5	101,9	93,4	153,7

При разработке средне- и долгосрочных прогнозов социально-экономического территориального развития должна учитываться специфика обеспечения регионов созданной производственной базой, эффективность ее функционирования, возможности увеличения выпуска на имеющихся мощностях и, соответственно, потребности в инвестициях для обновления и расширения производственного потенциала.

Среди многочисленных факторов, влияющих на развитие региональной экономики, немаловажную роль играет стоимость создания новых мощностей. Проведенные расчеты свидетельствуют, что для российской экономики характерна значительная дифференциация удельных капитальных затрат как по видам экономической деятельности, так и в региональном разрезе. Так удельные капитальные вложения в создание обрабатывающих мощностей в Сибирском ФО в 1,1 раза выше, чем в среднем по РФ, а в Дальневосточном ФО - в 1,2 раза [6]. Различная абсолютная величина и динамика капиталоемкости ввода мощностей может оказывать существенное влияние на положение отраслей и регионов с

точки зрения инвестиционной привлекательности и возможностей инвестиционного воспроизводства мощностей. Учитывая, что более высокая капиталоемкость требует больше инвестиционных ресурсов даже для простого воспроизводства мощностей, что может тормозить развитие соответствующих производств в определенных регионах, требуются специальные меры по стимулированию инвестиционного развития таких территорий.

Решение по включению Забайкальского края и Бурятии в состав ДФО позволит реализовать на их территории масштабные, в том числе международные проекты, в частности, в области транспорта и энергетики, считают специалисты, поскольку в рамках действующего законодательства предусмотрены дополнительные преференции субъектам РФ, входящим в ДФО, среди которых: поддержка Фонда развития Дальнего Востока, налоговые льготы и другие инструменты господдержки в экономической и социальной сферах, которые используются на Дальнем Востоке [7].

Взаимосвязь инвестиционного и производственного аспектов в рамках прогнозирования сбалансированного регионального развития в контексте решения задачи по достижению устойчивого экономического роста должна выступать неотъемлемой частью экономического анализа и прогноза [8]. К сожалению, в настоящее время отсутствуют как аналитические разработки, так и практические механизмы учета инвестиционной и производственной активности на региональном уровне, в частности, при прогнозных расчетах.

В Центре государственного регулирования, инвестиционного и институционального развития Института макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России разработан специальный экономико-математический инструментарий, позволяющий как оценивать объемы и качественные характеристики регионального производственного потенциала, так и прогнозировать его развитие в привязке к уровню инвестиционной активности в регионах. Использование подобного подхода в прогнозно-аналитической практике позволит при разработке мер региональной политики учитывать специфику регионального производственного и инвестиционного потенциала и содействовать более активному включению региональных производственных комплексов в народнохозяйственный комплекс страны.

#### **Список литературы:**

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Информационное агентство «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/11/2018/5bfe4ba59a7947a9929a7afe>
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru>
4. Указ Президента РФ от 03.11.2018 №632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. №849».
5. Гробман Е., Грошин К., Еременко Е «Дальний Восток прирос Сибирью». // «Коммерсант» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791946>
6. Маршова Т.Н., Аленичева Т.Н. Отраслевая и региональная дифференциация удельных капитальных вложений // Сборник научных трудов ИМЭИ №2. 2013. с. 126-145.
7. Денисова М. «Бурятия переехала на Дальний Восток». Информационное агентство Восток телеинформ [Электронный ресурс]. URL: <http://vtinform.com/podrobnosti/136490/>
8. Кириченко И.А., Смирнов А.В. Стратегическое планирование инвестиций в развитие производственного комплекса Российской Федерации. В сборнике: Материалы XII Международной конференция Факультета государственного управления МГУ имени



М.В. Ломоносова «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире», М.: Инфра-М, 2015.

**Кочетков Сергей Вячеславович**

*доктор экономических наук*

*Член Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации Вольного экономического общества России*

*Россия, г. Санкт-Петербург*

*kochetkov-75@inbox.ru*

## **ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЕДИНИЦЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ – ГЛАВНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

**Аннотация.** В статье рассматривается инновационный потенциал промышленного предприятия как главная движущая сила пространственного развития экономики. Разработан методологический подход к определению направлений инновационного развития территорий. Сформирован механизм реализации пространственного развития экономики. Разработаны и рассчитаны критерии динамических ограничений инновационного потенциала промышленных предприятий. В заключении обоснованы практические мероприятия по определению пространственных границ территориального развития экономики.

**Ключевые слова:** инновационный потенциал, промышленное предприятие, инновационное состояние, критерий динамических ограничений, пространственное развитие.

В настоящее время перед государством, научным сообществом и практическими работниками стоит задача огромной значимости – поднять уровень управления, привести его в соответствие с требованиями нынешнего этапа экономического развития – перевод экономики к модели инновационного развития. Накопленный к сегодняшнему дню опыт реализации принципиальных положений хозяйственного механизма, таких, как значительное повышение эффективности производства за счет интенсификации использования инновационного потенциала промышленных предприятий, приобретает особое практическое значение в период их подготовки к работе в новых условиях. Он позволяет яснее усвоить его основные принципы и методы, что будет способствовать вскрытию и приведению в действие имеющихся резервов экономического роста на всех уровнях управления, чтобы народное хозяйство нашей страны превратилось в единый хозяйственный комплекс с мощным инновационным потенциалом.

Сегодня прослеживаются процессы, связанные с созданием инновационной системы производства, которая должна отвечать все возрастающим потребностям экономики в инновационном развитии [2]. Функционирование этой системы создает организационные и экономические условия для устойчивых высоких темпов роста производства, достижения наибольших конечных результатов.

Наблюдаемые в последние годы тенденции предметного расширения научно-исследовательской деятельности и сложившиеся принципы формирования инновационного потенциала промышленных предприятий во многом противодействуют регулированию возможностей развития территорий [3]. Особую важность указанный разрыв имеет в силу того, что усиливающаяся дифференциация уровней территориального развития обуславливается скоростью распространения новой техники и технологий [5].

Научная проблема исследования заключается в выявлении и устранении противоречий между потребностями территорий в инновационном развитии и возможностями их удовлетворения. Решение поставленной проблемы состоит в формировании, выявлении

базовых условий реализации и определении перспективных направлений наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий с целью регулирования пространственных границ возможностей развития.

В условиях кардинального изменения факторов и источников экономического роста, поиска, выбора и неуклонного усиления их действия методический подход к решению поставленной научной проблемы заключается в постановке задачи измерения функциональных свойств производственной системы, состоящей в планомерном переводе базового состояния динамического равновесия инновационного потенциала промышленного предприятия в пределах установленных пространственных границ к новому, предполагающему качественные изменения его первоначальных свойств. Это наглядно демонстрирует следующая формула [4]:

$$IC = IP + IR, \quad 1)$$

где  $IC$  – инновационный потенциал;

$IP$  – инновационные возможности;

$IR$  – инновационный резерв.

В этом случае отбор вариантов пространственного развития состоит в устранении противоречия между объективно возникающими потребностями территорий в инновационном развитии и имеющимися в наличии возможностями их удовлетворения, т. е. инновационный потенциал есть ничто иное, как потребность в инновационном развитии. При этом расчет показателей основывается на следующем методологическом подходе к определению направлений инновационного развития территории. В аспекте измерения это выглядит следующим образом (рис. 1) [1].

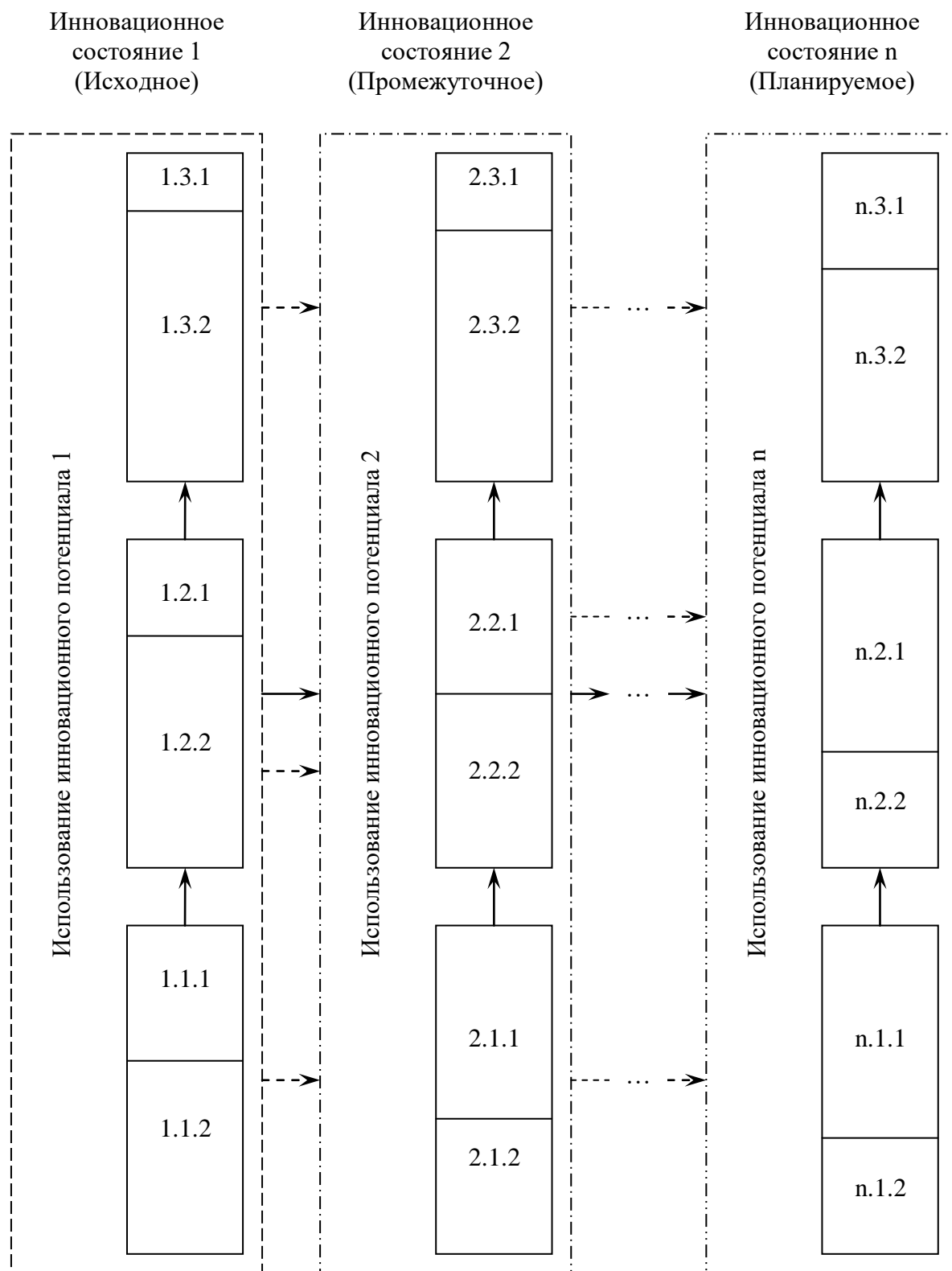


Рис. 1. Методологический подход к определению направлений инновационного развития территории<sup>36</sup>

<sup>36</sup> 1. Экономические показатели формирования инновационного потенциала (исследования и разработки – объем исследований и разработок):

Решение проблем, связанных с выявлением и устранением противоречий между потребностями территорий в инновационном развитии и возможностями их удовлетворения, предполагает в первую очередь определение их места и роли в структуре инновационного цикла. Сложность этой задачи обуславливается расширением возможностей применения продукции одной и той же отрасли для реализации целей инновационного развития, а также, что особенно важно в настоящее время, растущим объемом потребностей, который осуществляется по мере развития производственной базы. Именно поэтому все большее значение приобретает научное предвидение направлений развития и удовлетворения потребностей.

Структура экономики, если брать ее отраслевой аспект, отнюдь не является простым набором технологий, преобладающих в отраслях, которые ее образуют. Каждая отрасль имеет некоторые общие технологические характеристики. Они позволяют группировать отрасли по характеру воздействия на предметы труда: отрасли с непрерывными процессами, протекающими в закрытых агрегатах; отрасли с «дискретными» процессами механической обработки и сборки. Отрасль может быть образована одним законченным технологическим циклом или несколькими и даже многими не связанными между собой циклами.

Вместе с тем технологические циклы могут выходить за рамки отраслей, создавая основу для межотраслевого комбинирования. На базе разветвленных технологических цепочек, охватывающих различные стадии обработки, а также транспортировку и промышленное потребление продукции, существуют устойчивые межотраслевые образования, или, как их еще иногда называют, «системные отрасли», и возникают новые.

В связи с этим следует отметить, что в рамках отраслей обычно существуют различные варианты ведущих технологий, не говоря уже об их конкретном многообразии на уровне промышленных предприятий.

В этой связи для определения пространственных границ возможностей территориального развития предлагается создание инновационной системы, в рамках которой реализуются новые формы и методы интеграции науки и производства, осуществляется ускоренное внедрение научно-технических достижений, улучшение управления производством (рис. 2).

---

1.1.1, 2.1.1, ..., n.1.1 – Результаты исследований и разработок, внедренные в производство – *объем научно-исследовательских работ, результаты которых будут использованы на стадии опытно-конструкторских разработок*

1.1.2, 2.1.2, ..., n.1.2 – Неиспользуемые результаты исследований и разработок – *объем научно-исследовательских работ, результаты которых остаются на уровне научных исследований*

2. Экономические показатели реализации инновационного потенциала (результаты исследований и разработок, внедренные в производство, включая подобные результаты исследований предыдущих периодов):

1.2.1, 2.2.1, ..., n.2.1 – Серийное и массовое производство технических изобретений и новшеств – *объем производства инновационной продукции и продукции, произведенной с помощью передовых производственных технологий*

1.2.2, 2.2.2, ..., n.2.2 – Опытные образцы технических изобретений и новшеств – *объем опытных образцов*

3. Экономические показатели наращивания инновационного потенциала (коммерциализация технических изобретений и новшеств, включая произведенные за предшествующие периоды):

1.3.1, 2.3.1, ..., n.3.1 – Практическая реализация технических изобретений и новшеств – *объем реализации инновационной продукции и продукции, произведенной с помощью передовых производственных технологий*

1.3.2, 2.3.2, ..., n.3.2 – Нереализованные технические изобретения и новшества – *объем нереализованной инновационной продукции*

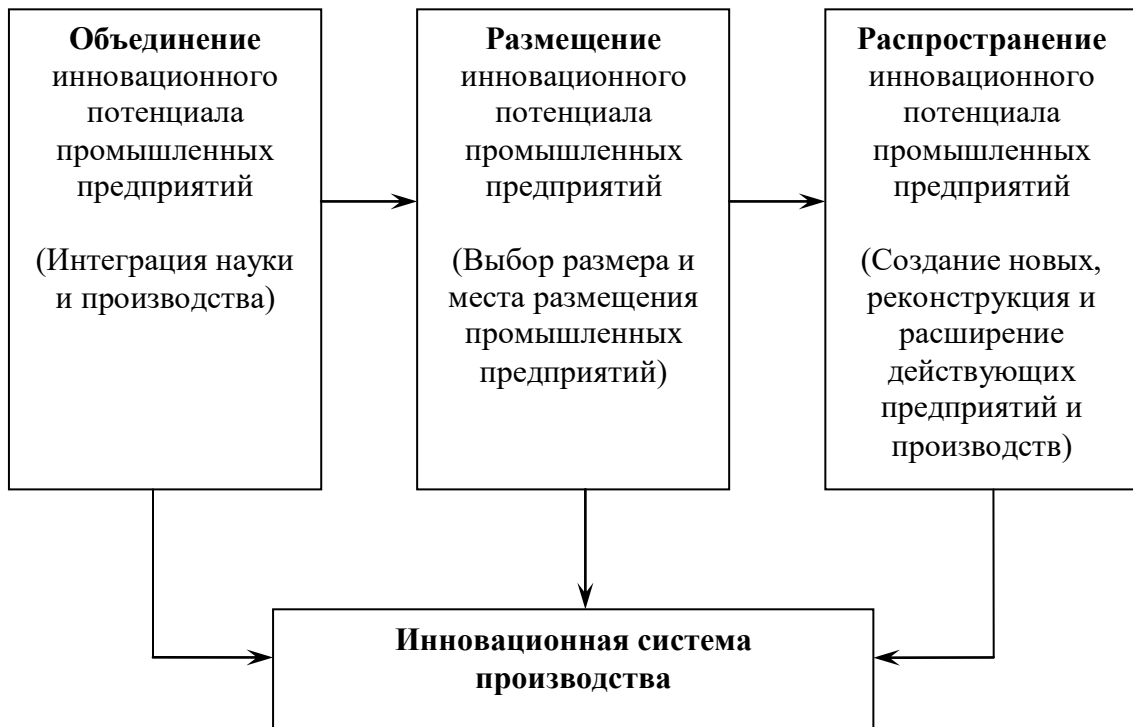


Рис. 2. Механизм реализации пространственного развития экономики

Далее для характеристики сложившейся в российской экономике ситуации, связанной с объединением инновационного потенциала промышленных предприятий, рассмотрим коэффициент концентрации (скопления) изменений (инноваций) (см. рис. 3). Этот коэффициент показывает изменение состава инновационного потенциала и рассчитывается по формуле:

$$I_{AV} = \frac{E}{IC_E}, \quad (2)$$

где  $I_{AV}$  – коэффициент концентрации инноваций;

$E$  – наращивание инновационного потенциала;

$IC_E$  – инновационный потенциал после наращивания.

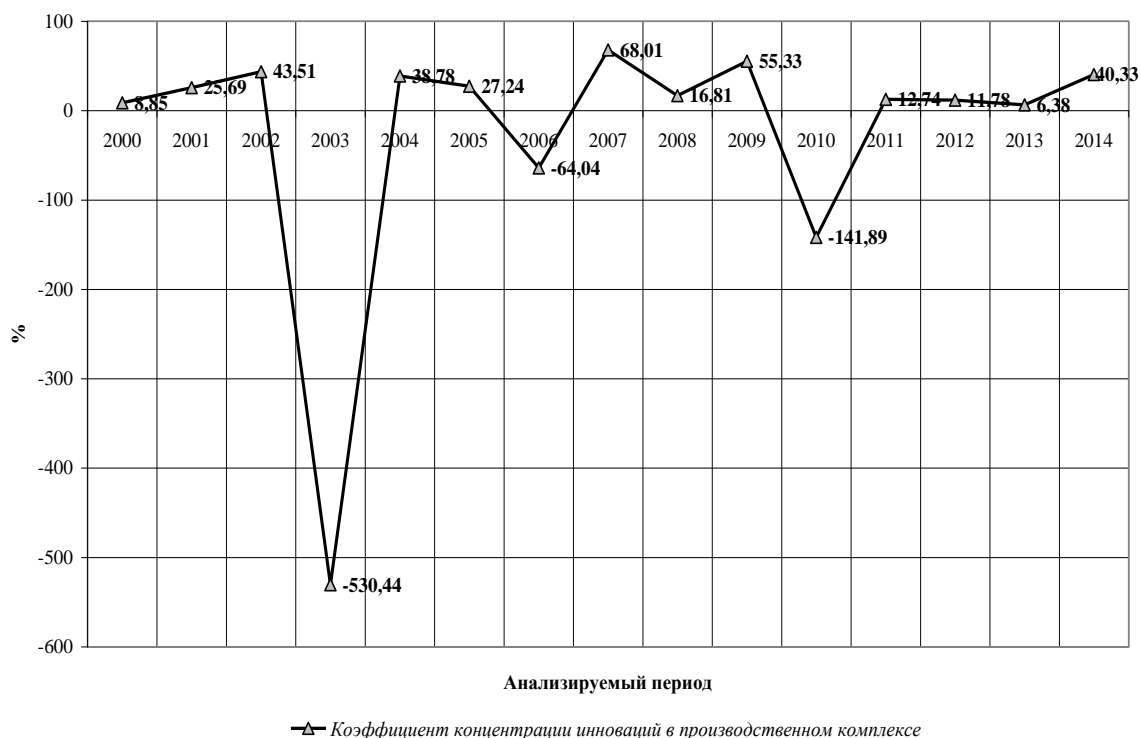


Рис. 3. Концентрация инноваций в производственном комплексе<sup>37</sup>

Анализ данных рис. 3 показывает, что за анализируемый период в целом прослеживается тенденция повышения эффективности использования инновационного потенциала промышленных предприятий. В то же время следует отметить, что отрицательные значения рассматриваемого коэффициента свидетельствуют о том, что накопленный инновационный потенциал за предыдущие годы позволяет обеспечить достижение целей инновационного развития и не требует дополнительных исследований и разработок. Это говорит об оптимальном взаимодействии научных организаций и производственных предприятий.

Размещение инновационного потенциала промышленных предприятий определяется его структурой и характеризуется при помощи коэффициента структуризации инноваций (см. рис. 4). Расчет этого коэффициента выражает изменения структуры инновационного потенциала и осуществляется по следующей формуле:

$$I_{EQV_1} = \frac{E}{IP}, \quad (3)$$

где  $I_{EQV_1}$  – коэффициент структуризации инноваций.

<sup>37</sup> Расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

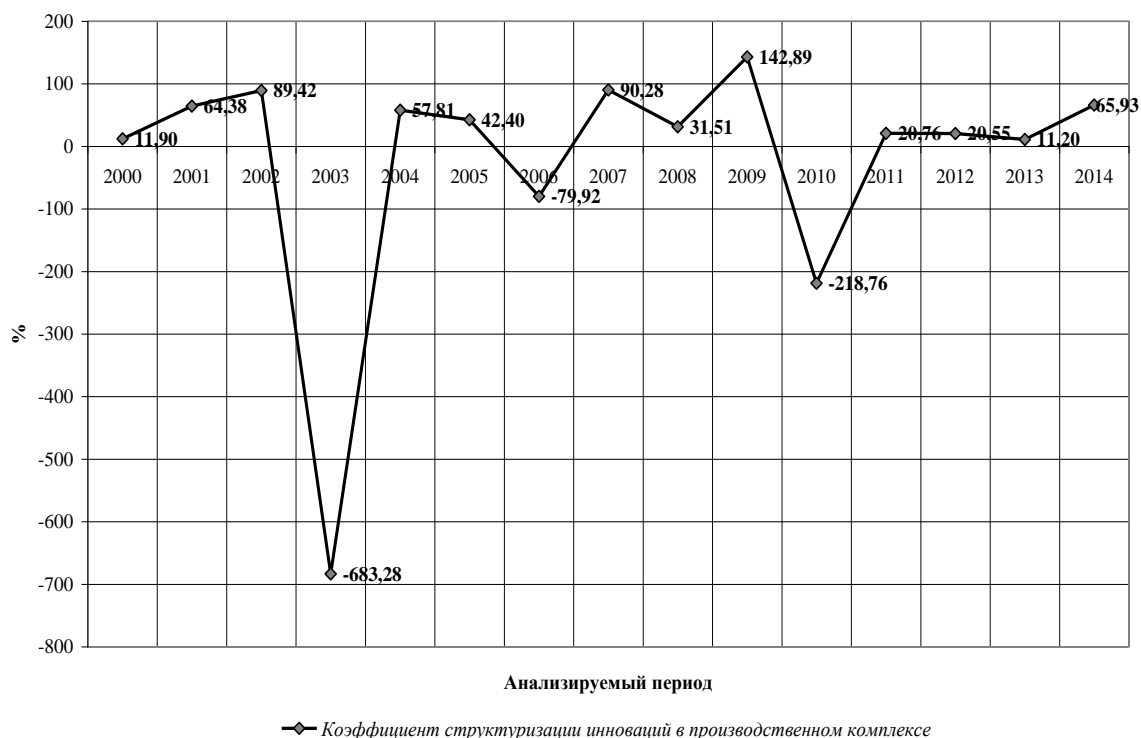


Рис. 4. Структуризация инноваций в производственном комплексе <sup>38</sup>

Данные рис. 4 говорят о том, что за анализируемый период в структуре инновационного потенциала промышленных предприятий происходят качественные изменения, суть которых заключается в выявлении и выборе для них перспективных направлений инновационного развития экономики. Отрицательные значения коэффициента связаны с преодолением последствий мирового экономического кризиса. В этой связи при размещении инновационного потенциала следует учитывать выбор размера промышленного предприятия, и особенно, места его функционирования в отрасли, а также межотраслевые связи.

И, наконец, третий элемент инновационной системы производства – распространение инновационного потенциала промышленных предприятий – является наиболее важным в силу того, что в настоящее время государству, научному сообществу и практическим работникам следует обратить внимание именно на модернизацию действующих предприятий. По мнению авторов, – это первый шаг на пути перехода российской экономики к модели инновационного развития. Вместе с тем, не стоит забывать, а со временем должно стать преобладающим как раз создание новых производств.

В этих условиях распространение инновационного потенциала промышленных предприятий должно ориентироваться на коэффициент равновесия инноваций (см. рис. 5), который рассчитывается по формуле:

$$I_{EQV_2} = \frac{E}{IR}, \quad (4)$$

где  $I_{EQV_2}$  – коэффициент равновесия инноваций.

<sup>38</sup> Расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

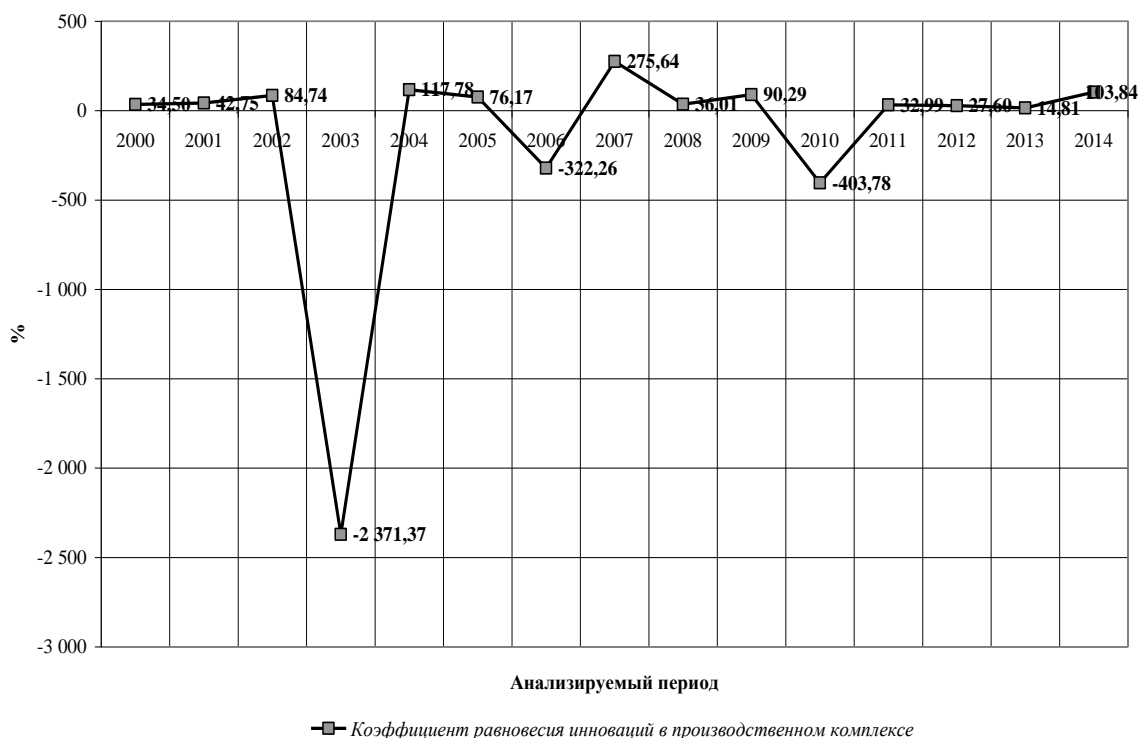


Рис. 5. Равновесие инноваций в производственном комплексе<sup>39</sup>

Анализ данных рис. 5 наглядно демонстрирует, что распространение инновационного потенциала промышленных предприятий определяется величиной имеющегося инновационного резерва. Его размер показывает, какое именно направление инновационного развития экономики является приоритетным, и что следует осуществлять: создавать новые или реконструировать и расширять действующие предприятия и производства в нашей стране.

В аспекте изложенного важно сказать, что разработанные критерии динамических ограничений инновационного потенциала промышленных предприятий в совокупности представляют собой методику определения пространственных границ территориального развития экономики, которая может и должна быть применена для нахождения изменений в единице хозяйствования при использовании ее инновационного потенциала.

В этих условиях названные изменения являются ничем иным, как фундаментальной константой динамического состояния материальных возможностей развития инновационной системы производства, расположенного на определенной территории.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Измерение инновационного потенциала промышленных предприятий представляет собой определение их инновационного состояния, что выступает методологической основой подхода к определению направлений инновационного развития территорий.

Выявление изменений в единице хозяйствования при использовании ее инновационного потенциала является фундаментальной константой динамического состояния материальных возможностей инновационной системы производства, расположенного на определенной территории.

Главным выводом следует считать то, что определение пространственных границ возможностей территориального развития осуществляется на основе интенсификации использования инновационного потенциала промышленных предприятий. Это является доминирующим компонентом методологии создания инновационной системы производства,

<sup>39</sup> Расчеты автора по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.



учитывающей особенности формирования, принципы функционирования и перспективы наращивания инновационного потенциала промышленных предприятий.

Все это позволит обеспечить перевод российской экономики к модели инновационного развития с учетом ее пространственных границ.

### Список литературы

1. Кочетков, С. В. Инновационный потенциал промышленных предприятий – инструмент развития экономики / С. В. Кочетков, О. В. Кочеткова // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 3 (57). – С. 78-91.
2. Кочетков, С. В. Инновационный потенциал промышленных предприятий: определение и динамика развития / С. В. Кочетков, О. В. Кочеткова // Экономист. – 2017. – № 10. – С. 55-66.
3. Кочетков, С. В. Моделирование состояния инновационного производства / С. В. Кочетков и др. // Вопросы радиоэлектроники. – 2015. – № 1 (1). – С. 60-64.
4. Кочетков, С. В. Оценка инновационного потенциала промышленных предприятий / С. В. Кочетков // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 34-38.
5. Кочетков, С. В. Поляризация научных исследований и результатов их использования – главный фактор торможения экономики / С. В. Кочетков, О. В. Кочеткова // Экономист. – 2018. – № 7. – С. 25-34.

**Кочеткова Олеся Вячеславовна**

*кандидат экономических наук*

*г. Белгород*

*kochetkova.olesya@bk.ru*

## ЗАДАЧА ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

**Аннотация.** Необратимые структурные и институциональные изменения в экономике России обуславливают имманентную разработку схем и вариантов кибернетического, или функционального, моделирования инновационного развития на уровне промышленного предприятия, что, в свою очередь, выступает в качестве основы расширенного воспроизводства. Это определяет необходимость разработки методики построения индикативной системы измерения инновационного развития, базирующейся на проведенном праксеологическом анализе инновационного производства и разработанных принципах функционального проектирования инновационной системы единицы хозяйствования.

**Ключевые слова:** таксономия критериев элиминирования функциональных пределов производственной системы, функциональное моделирование, праксеологический анализ инновационного производства, методика построения индикативной системы измерения инновационного развития единицы хозяйствования, принципы функционального проектирования инновационной системы.

Необратимые структурные изменения в экономике России обуславливают, по мнению автора, перманентную разработку совокупности индикативных, параметрических и критериальных систем измерения инновационных возможностей единицы хозяйствования, отраслей, регионов и народного хозяйства в целом и построение соответствующей ей схемы кибернетических, или функциональных, моделей инновационного развития, что, в свою очередь, обеспечивает формирование инновационной способности народного хозяйства страны.

Постулируется, что процесс исследования предполагает выбор проблемы (онтологический аспект) и метода её решения (гносеологический аспект) с учётом влияния

социальных интересов учёного как члена определённого общества через его жизненный идеал на формирование его научных интересов и научных идеалов (аксиологический аспект).

В аспекте вышеозначенного следует отметить, что разработанная методология параметрических систем измерения и кибернетических моделей инновационного развития единицы хозяйствования и лежащая в её основании авторская концепция (иначе – система новых знаний) элиминирования функционального предела производственной системы единицы хозяйствования могут и должны выступать в качестве перманентных задач метагрессологической теории функционирования предприятия промышленности.

Это детерминирует необходимость разработки экономического механизма инновационного функционирования единицы хозяйствования (см. табл. 1).

Таблица 1

**Элементы экономического механизма инновационного функционирования  
единицы хозяйствования**

№ п/п	Наименование этапа исследования	Содержание этапа исследования (Элементы научного вклада)	Фаза разработки
1	2	3	4

1.	Постановка исследуемой проблемы	<p>Проблема обуславливается общим противоречием между объективно возникающими потребностями единицы хозяйствования (промышленного предприятия) в инновационном развитии и наличными возможностями их удовлетворения.</p> <p>Принципиальный вопрос, составляющий научную проблему исследования, заключается в разработке экономического механизма инновационного функционирования единицы хозяйствования, который включает постановку и решение задачи кибернетического, или функционального, моделирования инновационного развития на уровне промышленного предприятия и разработку параметрической системы измерения инновационного развития единицы хозяйствования, базирующихся на таксономии критериев элиминирования функциональных пределов производственной системы предприятия промышленности</p>	Определение понятия «экономический механизм инновационного функционирования единицы хозяйствования»
----	---------------------------------	---	---

Окончание табл. 1

1	2	3	4
2.	Познание предмета исследования	Открытие закономерностей и зависимостей организованности структурных отношений инновационной системы единицы хозяйствования	Разработка классификации индикативных систем измерения инновационного развития предприятия промышленности
3.	Разработка методологии решения проблемы	Разработка комплекса задач, требований, принципов, условий, форм, противоречий экономического механизма инновационного	Разработка методики построения инновационной системы единицы хозяйствования, базирующейся на

		функционирования единицы хозяйствования	праксеологическом анализе инновационного производства и разработанных принципах функционального проектирования отраслей промышленности
--	--	---	--

Разработанная автором методика построения инновационной системы единицы хозяйствования базируется, в частности, на праксеологическом анализе инновационного производства, что, в свою очередь, эмануирует из инновационного состояния отраслей промышленности типических государств (табл. 2) [4, С.20].

Таблица 2

**Классификация государств по показателю инноваций,  
2000-2015 годы**

	2000	2005	2010	2014	2015
1	Швейцария	Швейцария	Швейцария	Швейцария	Швейцария
2	Швеция	Швеция	Сингапур	Сингапур	Сингапур
3	США	США	Швеция	Финляндия	Бельгия
4	Финляндия	Финляндия	Германия	Бельгия	Германия
5	Бельгия	Сингапур	Финляндия	Германия	Финляндия
6	Сингапур	Нидерланды	Нидерланды	Ирландия	Великобритан ия
7	Израиль	Канада	Норвегия	Нидерланды	Дания
8	Канада	Дания	Австрия	США	Швеция
9	Франция	Бельгия	США	Австрия	Австрия
10	Германия	Германия	Бельгия	Швеция	Нидерланды
11	Нидерланды	Норвегия	Канада	Дания	США

*Окончание табл. 2*

	2000	2005	2010	2014	2015
12	Дания	Великобритан ия	Тайвань	Великобритан ия	Ирландия
13	Великобритан ия	Австрия	Дания	Южная Корея	Южная Корея
14	Норвегия	Израиль	Франция	Норвегия	Норвегия
15	Япония	Франция	Великобритан ия	Австралия	Франция
16	Австралия	Австралия	Австралия	Израиль	Австралия
17	Австрия	Ирландия	Ирландия	Канада	Израиль
18	Ирландия	Япония	Южная Корея	Франция	Канада
19	Южная Корея	Южная Корея	Израиль	Тайвань	Тайвань
20	Тайвань	Тайвань	Япония	Япония	Япония
21	Чешская Республика	Чешская Республика	Чешская Республика	Чешская Республика	Чешская Республика
22	<b>Россия</b>	Испания	Венгрия	Португалия	Португалия

23	Венгрия	Венгрия	Испания	Испания	Испания
24	Испания	Индия	Португалия	Венгрия	Венгрия
25	Индия	Италия	Китай	Италия	Китай
26	Италия	Китай	Италия	Китай	Италия
27	Польша	<b>Россия</b>	Индия	Польша	<b>Россия</b>
28	Индонезия	Польша	<b>Россия</b>	<b>Россия</b>	Польша
29	Китай	Португалия	Польша	Греция	Греция
30	Греция	Греция	Греция	Турция	Южная Африка
31	Португалия	Южная Африка	Индонезия	Южная Африка	Турция
32	Бразилия	Индонезия	Южная Африка	Индонезия	Индонезия
33	Мексика	Бразилия	Бразилия	Бразилия	Бразилия
34	Турция	Мексика	Мексика	Индия	Индия
35	Южная Африка	Турция	Турция	Мексика	Мексика

Автор полагает, что таксономия экономических циклов, нивелирующих ограничители - индикаторы инновационного состояния народного хозяйства, позволяет чётко указать на апостериоризм разработанных закономерностей и зависимостей организованности структурных отношений инновационной системы единицы хозяйствования.

Это обеспечивает установление внутренней существенной и устойчивой связи имманентных элементов инновационной системы единицы хозяйствования, обуславливающей их упорядоченное изменение, а также определяющей в процессе спиралевидной динамики сохранение и обогащение «наследственного ядра» – протономического инварианта - инновационной системы при её переходе в качественно новое состояние и замену «генотипа» при периодической смене эволюционных, кризисных и революционных форм системы более высокого уровня.

По мнению автора, структурирование имманентных элементов инновационной системы может регулироваться внутренним механизмом действия закономерностей её организованности и развития.

1. Периодическое инновационное обновление является всеобщей закономерностью общества в целом и всех составляющих его систем.
2. Инновационная деятельность развивается неравномерно циклично, волны инновационной активности сменяются спадами.
3. В динамике инновационной активности наблюдается взаимовлияние инновационных циклов разной продолжительности, а также их взаимодействие с циклической динамикой смежных и отдалённых сфер общества.
4. Волны инновационной активности неравномерно распределяются в пространстве, периодически меняются их эпицентры и лидеры (рис. 1) [3, С.4].
5. В динамике инноваций проявляются закономерности социогенетики – наследственности, изменчивости и отбора.

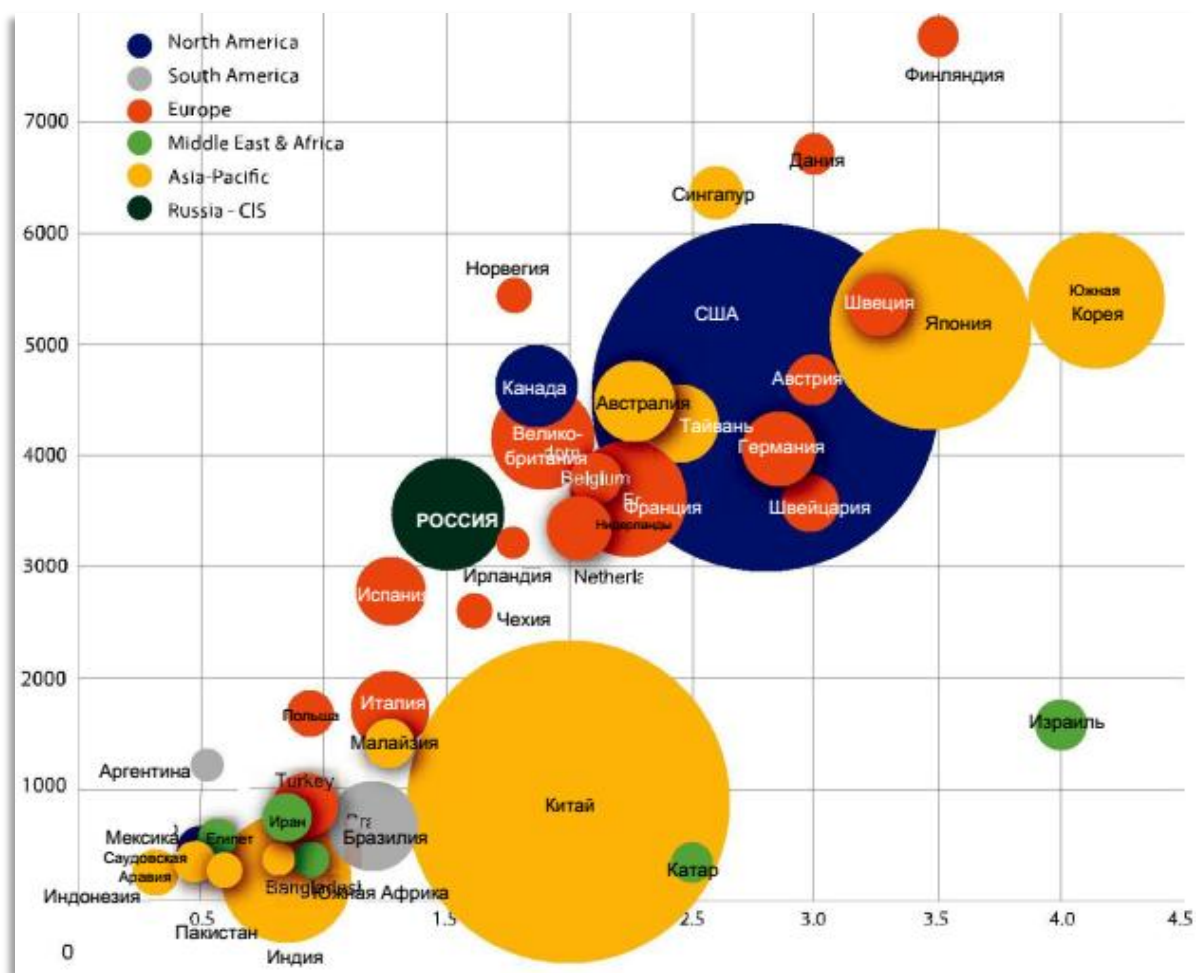


Рис. 1. Прогноз финансирования мировых исследований и разработок в 2018 году

Основываясь на результатах анализа рис. 1, следует заметить, что формирующееся глобальное инновационное пространство обуславливает функционирование нового определённого типа хозяйствующего субъекта, обладающего инновационным потенциалом и способного создать свою инновационную систему. Возможность реализации указанного положения детерминирована объективной необходимостью управления формированием инновационной системы единицы хозяйствования.

Известно, что любая система может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка, в то время как её элементы могут выступать в качестве системы более низкого порядка. Иерархичность, многоуровневость характеризуют строение, морфологию системы и её поведение, функционирование: отдельные уровни системы обуславливают определённые аспекты её поведения, а целостное функционирование оказывается результатом взаимодействия всех её сторон, уровней (табл. 3) [2, С. 30].

**Взаимосвязь понятий «система» и «организация»  
в сравнении с соответственно сходными с ними понятиями  
(«ПВ» - подход по вертикали; «ПГ» - подход по горизонтали)**

«ПВ»	«ПГ»						
	Система		Объединение		Множество		Образование
	разные	отдельная	разные	отдельное	разные	отдельное	
Организация	Есть	-	-	-	-	-	-
Структура	Есть	Есть	Есть	-	-	-	-
Способ связи	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	-	-
Элементы и связи	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	-
Объект	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть

Автором постулируется, что инновационная система единицы хозяйствования – это совокупность:

- имманентных элементов инновационной системы единицы хозяйствования, отнесённых к таким уровням структуры модели, как параметрическое элиминирование, критериальная предельность и регуляторы инновационного развития;
- показателей и индикаторов метагрессологического свойства каждого из имманентных элементов предложенной системы;
- характеристик внутренней структуры (изоморфического строения) имманентных элементов инновационной системы единицы хозяйствования;
- взаимовлияний и взаимодействий между имманентными элементами инновационной системы единицы хозяйствования в процессе её деления;
- внешних связей указанной инновационной системы.

Таким образом, инновационная система предприятия представляет собой определённую организованность отношений инновационности элементов, которые находятся в состоянии неразрывного единства с внешней средой и проявляют свою целостность, вступая с ней в требуемые отношения.

Исходя из разработанных положений проектирования инновационного развития единицы хозяйствования, автор обосновывает экономическую сущность функциональных принципов управления инновационными изменениями на уровне предприятия промышленности и лежащую в их основании характеристику глубины вносимых изменений при использовании инноваций.

Данный подход позволяет установить концептуальные положения функционирования системы принципов управления инновационными изменениями на уровне единицы хозяйствования, которые включают:

- формирование методологического подхода к осуществлению инновационной деятельности на уровне предприятия промышленности (рис. 2);
- признание инновационного приоритета в качестве основы инновационной системы единицы хозяйствования;
- разработка критериальной модели варианта предельного инновационного решения;
- определение структуры инновационных рисков предприятия;

- формулирование принципов построения инновационной системы единицы хозяйствования;
- создание функционально-уровневой модели инновационной системы на уровне промышленного предприятия;
- выявление качественных параметров формирования свойств инновационной системы единицы хозяйствования;
- реализация условий и факторов инновационного поведения предприятия;
- выбор формы инновационного развития единицы хозяйствования;
- обеспечение инновационной безопасности, являющейся основой устойчивого развития предприятия;
- управление сопротивлением инновационным изменениям на уровне единицы хозяйствования.



Рис. 2. Формально-праксеологические принципы функционирования производственной системы единицы хозяйствования

В рамках проводимого исследования автор считает, что разработка кибернетической модели инновационного развития единицы хозяйствования обеспечивается установлением функционально-производственной зависимости в инновационной системе промышленного предприятия, заложенной в исходном понятии инновационного развития, абстрагирующем одну из сторон многосвязного процесса общественного производства (см. рис. 3).





Рис. 3. Существенные признаки обобщения понятия  
«инновационное развитие единицы хозяйствования»

Среди закономерностей формирования функциональных отношений инновационного развития и установления функциональных пределов производственной системы единицы хозяйствования, автор выявляет и выделяет определённого рода зависимости между элементами указанной системы:

- функциональная зависимость структурного типа предприятия от уровня развития его инновационного потенциала;
- функциональная зависимость организационных свойств от признаков инновационной системы единицы хозяйствования;
- зависимость функционирования инновационной системы единицы хозяйствования от возможности циклического воспроизведения связей и отношений инновационной деятельности.

В рамках построения теории элиминирования функционального предела производственной системы единицы хозяйствования автор выделяет такие структуры, для которых технологическая составляющая является определяющей в процессе их функционирования: если такая структура только начинает формироваться или создаваться, она непременно базируется на новых прогрессивных технологиях современного и следующего за ним новейшего технологического уклада. Отличительной чертой таких структур является полный охват стадий воспроизводственного цикла (наука – техника – технология – производство – распределение – потребление или эксплуатация – сервис) и реальная возможность комплексного развития всех его составляющих, имея все необходимые для этого подразделения (научно-исследовательские и опытно-конструкторские, производственные и др.).

В аспекте вышеозначенного следует отметить, что предложенная автором функциональная система единицы хозяйствования определяет технологические пределы, выявляющие количественные и качественные параметры развития её производственной системы (см. рис. 4).



Рис. 4. Группа понятий первого уровня концептуальной схемы  
«Экономический механизм регулирования инновационной системы единицы хозяйствования»

Исходя из представленного автор полагает, что разработанная функциональная система единицы хозяйствования устанавливает в точке бифуркации направление следующего движения – развития производственной системы предприятия промышленности (табл. 4).

Таблица 4

**Материальные критерии истинности концептуальной схемы  
«Экономический механизм регулирования инновационной системы  
единицы хозяйствования»**

№ п/п	Подход	Существенные признаки обобщения	Эманирование структуры возможностей
1	2	3	4
1.	Диалектико-материалистически	Системность природы возникновения различного рода интересов	Объективная стадия развития хозяйствующего субъекта
		Противоречие интересов взаимодействующих сфер	
		Новый качественный уровень развития	
2.	Теория элиминирования функционального предела	Функциональное различие оснований развития	Функция организованной экономической системы предприятия, опосредующая процесс его развития в результате осуществления хозяйственной деятельности
		Циклическая динамика составляющих экономической деятельности	
		Инвариантная устойчивость связи явлений, предметов, отношений	

1	2	3	4
3.	Методологический	Экономическая категория	Сознательно сформированные отношения между хозяйственными структурами разного типа по поводу разработки, создания, освоения и распространения инноваций, являющихся основой их воспроизводства
		Закономерности развития	
		Принципы функционирования	

В процессе исследования выявлено, что разработанная автором инновационная система единицы хозяйствования является необходимым и достаточным, т.е. оптимальным, условием использования достижений науки и техники в реальном секторе экономики (рис. 5).



Рис. 5. Методические основы структурного анализа инновационной системы единицы хозяйствования

В этой связи разработка системы показателей развития инновационных возможностей единицы хозяйствования может включать наблюдаемые и латентные переменные (см. рис. 6) [5].

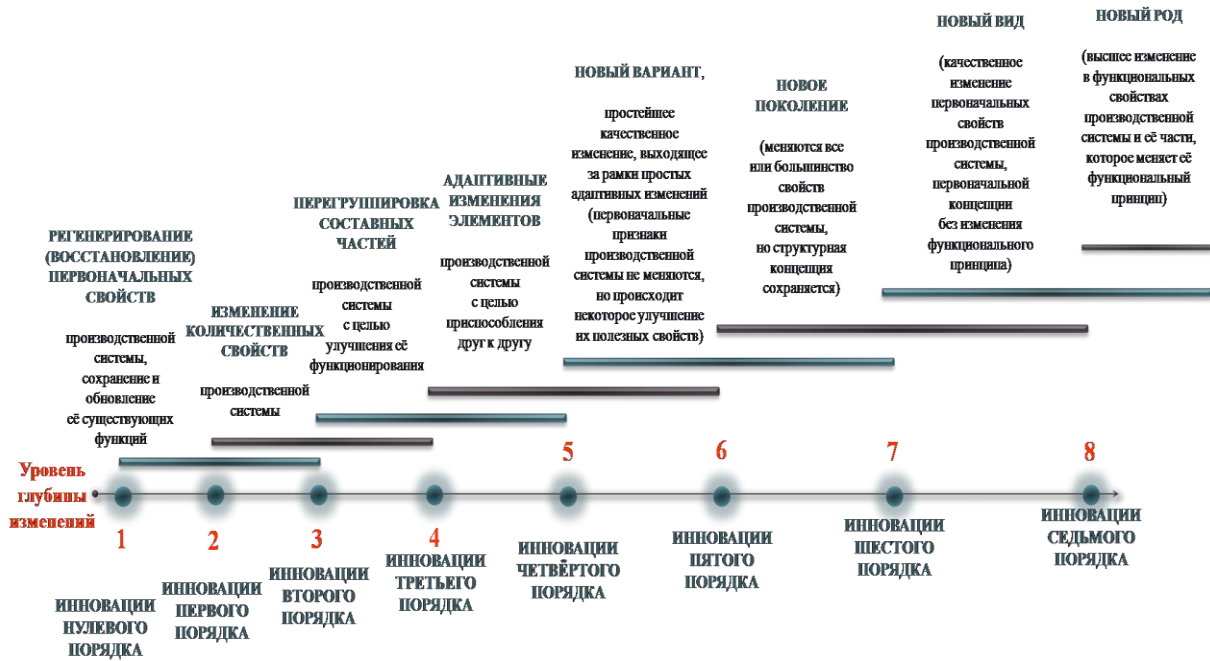


Рис. 6. Типизация изменений инновационной системы единицы хозяйствования

Функциональный анализ рис. 6 доказывает положения концепции длинных волн Н. Д. Кондратьева, которые формулируются с учётом взаимодействия экономических механизмов: статики, выявляющей пропорции и взаимозависимости между элементами, которые определяют целостность экономических систем и их способность к функционированию; циклической динамики, отражающей закономерности неравномерного движения экономических систем; социогенетики, раскрывающей внутренние условия сохранения целостности любой системы и её адаптации к изменениям экономической среды в процессе развития (рис. 7).

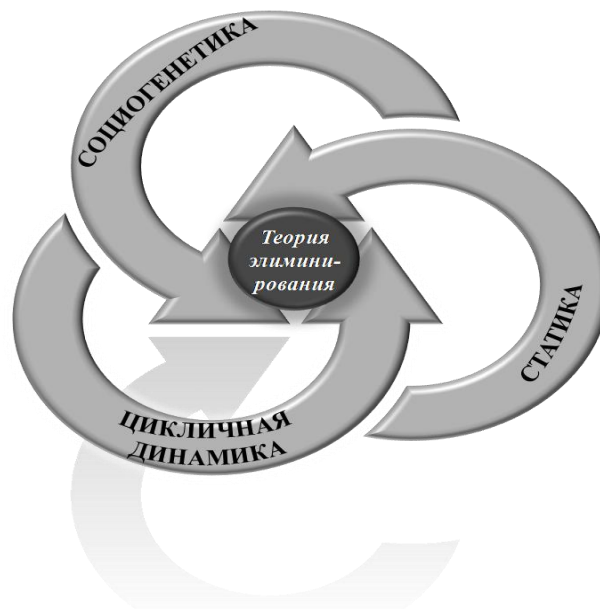


Рис. 7. Взаимозависимости теории элиминирования функционального предела производственной системы единицы хозяйствования

Разработанные автором концептуальные положения инновационного развития единицы хозяйствования, параметры кибернетического моделирования инновационной системы

предприятия промышленности, а также создание комплексной технологии выступают основой формулирования принципов функционального проектирования инновационной системы единицы хозяйствования (рис. 8).



Рис. 8. Принципы функционального проектирования инновационной системы единицы хозяйствования

По мнению автора, - это обуславливает разработку и обоснование системы индикаторов функциональных пределов производственной системы и критериев инновационного развития единицы хозяйствования (см. табл. 5) [1, С.49-50].

В рамках разработанного автором подхода предложенные коэффициенты могут и должны выступать в качестве императива для разработки и применения методов измерения уровня инновационной деятельности единицы хозяйствования: метод инновационной адаптации; метод инновационного резерва; метод инновационного распространения. Экономическая сущность метода инновационной адаптации состоит в оценке: имеющихся ресурсов на существующих рынках; имеющихся ресурсов для будущих рынков; вновь разрабатываемых ресурсов при несуществующих рынках; вновь разрабатываемых ресурсов на существующих рынках.

Метод инновационного резерва заключается в том, что способности единицы хозяйствования к осуществлению инновационной деятельности можно описать как минимум двумя категориями: потенциал и возможность. Инновационный потенциал определяется способностью и готовностью предприятия осуществлять эффективную инновационную деятельность. Способность – это наличие и сбалансированность структуры потенциала. Готовность – это достаточность уровня развития потенциала и имеющихся ресурсов для осуществления инновационной деятельности.

Реализация метода инновационного распространения предполагает, что производственная система, в зависимости от совокупности её свойств, может быть открыта для той или иной инновации, закрыта для неё или полукрыта – полужакрыта.

Таблица 5

**Разработка системы индикаторов  
элиминирования функционального предела  
производственной системы единицы хозяйствования**

№ п/п	Наименование группы разработанной системы показателей	Наименование показателя, обозначение	Порядок расчёта
1	2	3	4
1.	Показатели эффективности функционирования производственной системы инновационного типа	<p>Коэффициент внутренней эффективности производственной системы инновационного типа, <math>K_{\text{Внутр.эфф.}}</math></p>	<p>Обосновывает удельный вес самостоятельно разработанных предприятием инновационных технологий в общем объеме технологий и рассчитывается по формуле:</p> $K_{\text{Внутр.эфф.}} = \frac{ИТ_{\text{сам.}}}{ИТ_{\text{общ.}}},$ <p>где <math>ИТ_{\text{сам.}}</math> - количество самостоятельно разработанных предприятием инновационных технологий; <math>ИТ_{\text{общ.}}</math> - общее количество используемых на предприятии технологий</p>
		<p>Коэффициент внешней эффективности производственной системы инновационного типа, <math>K_{\text{Внешн.эфф.}}</math></p>	<p>Обусловливает удельный вес используемых предприятием извне инновационных технологий в общем объеме технологий и имеет вид:</p> $K_{\text{Внешн.эфф.}} = \frac{ИТ_{\text{стор.}}}{ИТ_{\text{общ.}}},$ <p>где <math>ИТ_{\text{стор.}}</math> - количество используемых предприятием извне инновационных технологий</p>

1	2	3	4
2.	Показатели эффективности использования инновационных технологий	<p>Коэффициент эффективности собственных инновационных технологий,</p> $K_{Эсит}$	<p>Представляет собой удельный вес продукции, произведённой с помощью собственных инновационных технологий:</p> $K_{Эсит} = \frac{O_{ин}}{O_{общ}},$ <p>где <math>O_{ин}</math> - объём инновационной продукции, произведённой с помощью собственных инновационных технологий; <math>O_{общ}</math> - общий объём производимой предприятием продукции</p>
		<p>Коэффициент эффективности сторонних инновационных технологий,</p> $K_{Эстит}$	<p>Заключается в определении удельного веса продукции, произведённой с помощью сторонних инновационных технологий:</p> $K_{Эстит} = \frac{O_{инст}}{O_{общ}},$ <p>где <math>O_{инст}</math> - объём инновационной продукции, произведённой с помощью сторонних инновационных технологий</p>
3.	Показатели эффективности инновационной продукции	<p>Коэффициент полной эффективности инновационной продукции,</p> $K_{Пэип}$	<p>Характеризует удельный вес произведённых предприятием единичных инноваций в общем объёме инноваций:</p> $K_{Пэип} = \frac{O_{еи}}{O_u},$ <p>где <math>O_{еи}</math> - объём произведённых предприятием единичных инноваций; <math>O_u</math> - общий объём инноваций</p>
		<p>Коэффициент сопряжённой эффективности инновационной продукции,</p> $K_{Сэип}$	<p>Обуславливает удельный вес произведённых предприятием сопряжённых инноваций в общем объёме инноваций:</p> $K_{Сэип} = \frac{O_{си}}{O_u},$ <p>где <math>O_{си}</math> - объём произведённых предприятием сопряжённых инноваций.</p>



Данный методический подход позволяет измерять перманентные составляющие метагрессологического свойства единицы хозяйствования, что, в свою очередь, обеспечивает реализацию механизма инновационного функционирования предприятия промышленности (рис. 9).



Рис. 9. Системообразующее свойство и организационные закономерности на уровне единицы хозяйствования

Основываясь на вышеозначенном, автор полагает, что разработка и обоснование индикаторов элиминирования функционального предела производственной системы единицы хозяйствования выступают в виде следующей схемы реализации (рис. 10).

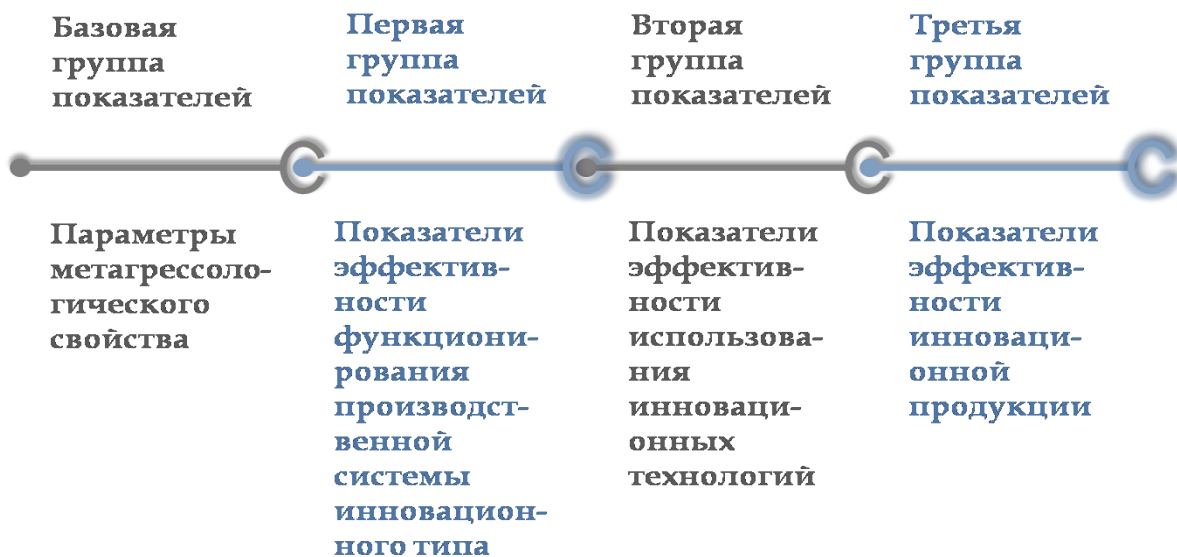


Рис. 10. Разработка индикаторов элиминирования функционального предела производственной системы

В результате проведённого исследования автором разработаны теоретические и методологические основы формирования механизма регулирования эффективности инновационной деятельности предприятия (см. рис. 11).



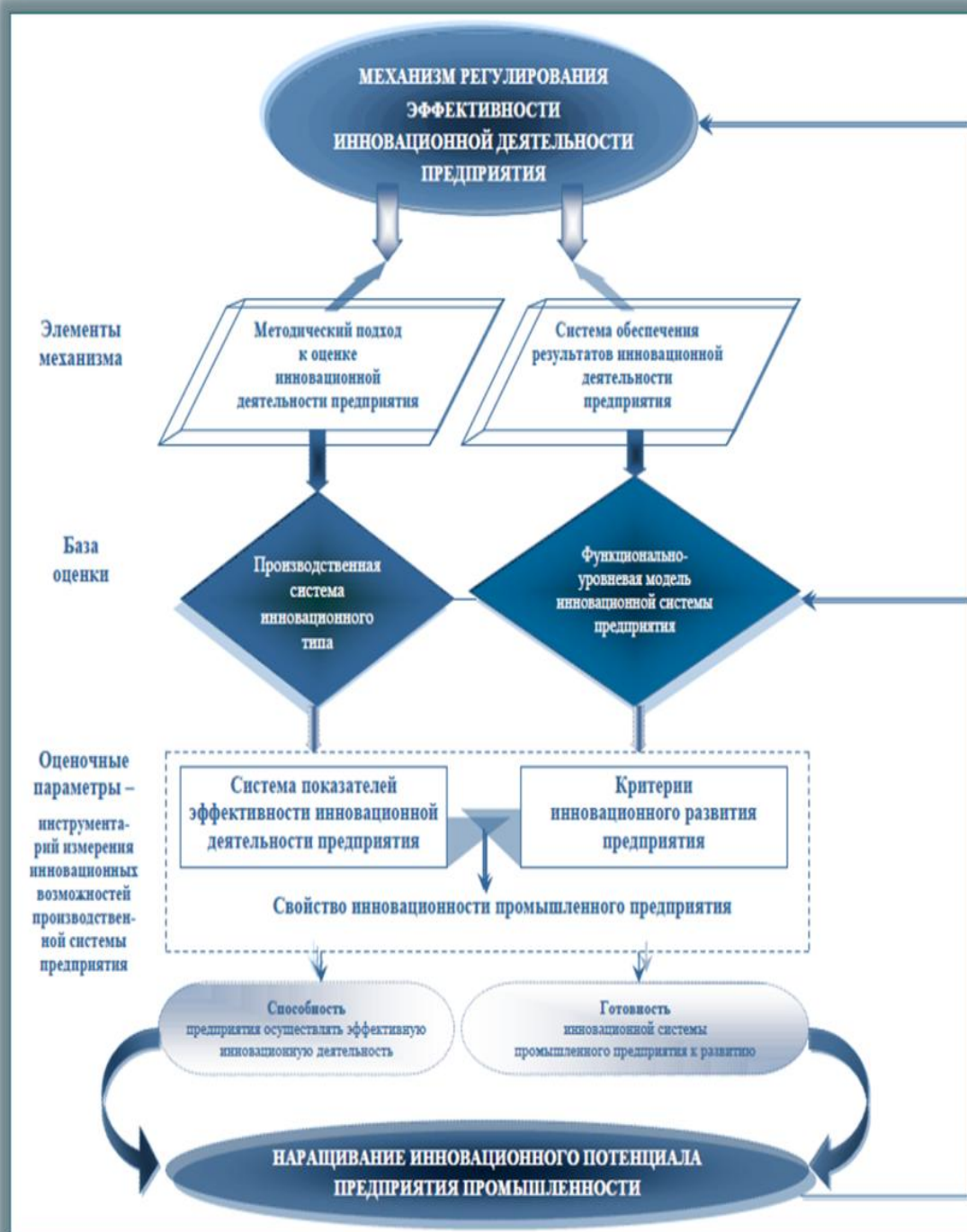


Рис. 11. Экономический инструмент измерения инновационного развития единицы хозяйствования

Главным выводом, по мнению автора, следует считать то, что внедрение результатов кибернетического моделирования инновационного развития единицы хозяйствования на основе таксономии критериев элиминирования функциональных пределов производственной системы, разработанного и предложенного автором в рамках постановки и решения задачи проектирования параметрической системы регулирования инновационного развития территории, обеспечивает высшее изменение в функциональных свойствах

производственной системы, которое меняет её функциональный принцип, а также устанавливает в точке бифуркации направление последующего движения к формированию и функционированию инновационной системы на уровне единицы хозяйствования.

#### **Список литературы:**

1. Кочетков С. В. Комплексное использование инновационного потенциала – базис развития российских промышленных предприятий / С. В. Кочетков, О. В. Кочеткова // Вестник Самарского государственного экономического университета. - 2008. - № 7 (45). - С. 47 - 52.
2. Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики / Л. А. Петрушенко. – М. : Издательство «Наука», 1971. – 290 с.
3. The 2018 Global Research and Development (R&D) Funding Forecast. (2018). *R&D Magazine*. – NJ: Advantage Business Media (ABM). – 36 Pp.
4. The Innovation Indicator 2017. (2017). *acatech* - National Academy of Science and Engineering (Deutsche Akademie der Technikwissenschaften e.V.)/Federation of German Industries (Bundesverband der Deutschen Industrie e.V. (BDI)). - Druckerei Schmidt, Lünen. – 60 Pp.
5. Valenta, František. Tvůrčí aktivita – inovace – efekty / Edice *Ekonomie a společnost*. – 1. vyd. – Praha: Vydavatel Svoboda, t. Rudé právo, 1969. – 258 stran.

**Красникова Евгения Васильевна**  
кандидат экономических наук, доцент  
МГУ им. М.В. Ломоносова  
г. Москва  
*krasnikova@econ.msu.ru*

### **ОРИЕНТАЦИЯ НА ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ - ИСХОДНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ИННОВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ**

**Аннотация.** Проблема формирования единого экономического пространства в границах страны вопреки его огромному экономическому потенциалу так и остается нерешенной, хотя в разные исторические периоды такие попытки предпринимались. Решение проблемы видится в долгосрочном планировании с целевой установкой на формирование единого экономического пространства, теоретической основой которого должна стать теория циклического развития воспроизводственного процесса.

**Ключевые слова:** единое экономическое пространство, планирование, российская экономика, циклическое развитие

Прежде всего, попытаемся ответить на вопрос: почему за прошедшие столетия единое экономическое пространство в России так и не сформировано вопреки ее огромному пространственному потенциалу.

Представляется, что пространственный потенциал страны может быть реализован с позиции формирования единого экономического пространства, где такое единство усматривается в равномерном инновационном развитии всех регионов страны, независимо от их специализации, предопределяемой пространственным потенциалом каждого из них.

Россия и после распада СССР осталась самой большой по территории страной мира. Однако самым парадоксальным образом за прошедшие столетия ее истории так и не было сформировано единого экономического пространства вследствие крайне медленного освоения огромного экономического пространства за пределами Урала. Невольно вспоминаешь слова Петра 1: «Велика Россия, окоротить бы ее по Уралу». Велика, прежде

всего, относительно численности населения страны и при современных 146 млн. чел., не говоря уже о петровских временах. Велика даже с учетом того, что значительная часть азиатской части территории не пригодна для проживания. Но и пригодная не только не обжита, но численность населения на ней в последние годы даже сокращается.

Первая и весьма серьезная попытка экономически освоить эту территорию была предпринята в годы Столыпинской реформы, щедро наделявшей крестьян свободными земельными угодьями в Сибири и на Дальнем Востоке, так как таковых в европейской части не оказалось при резко возросшем спросе на нее со стороны российского крестьянства, освободившегося, наконец, от крепостного рабства. Но реформа была приостановлена в связи с убийством П. Столыпина, а после Октябрьского переворота она и вовсе была отброшена. В советский период были предприняты совсем иные, но немалые усилия по ее освоению. На азиатской территории было возведено множество крупных промышленных центров, особенно стремительно разросшихся в годы войны в связи с эвакуацией промышленных предприятий из европейской части, оставшихся и после войны. Промышленное строительство сопровождалось возведением множества объектов производственной инфраструктуры. Однако долгосрочной стратегии, целенаправленной на формирование единого экономического пространства, не разрабатывалось, хотя на исходе социализма в экономической науке широко обсуждалась проблема формирования единого народнохозяйственного комплекса, практикой так и осталась не востребованной.

Ситуация не изменилась и в постсоветский период, причин чему множество. В их числе такие, как сохранение приоритетного развития ВПК, ныне именуемого ОПК, ввиду сохранения приоритетности внешней и при этом весьма агрессивной политики относительно внутренней; жесткая властная вертикаль, сводящая на нет горизонтальные связи между регионами страны и тем щедро питающая их отчужденность; неблагоприятный для частного бизнеса инвестиционный климат, тормозящий развитие экономики в любой географической точке страны. Но совершенно особую роль сыграл курс на экспортно-сырьевую ориентацию экономического развития, не преодоленную и поныне. В соответствии с ним экономический интерес со стороны правящей элиты и крупного бизнеса вызывали преимущественно природные богатства, в том числе сосредоточенные и за пределами Урала, в границах концентрации которых возрождались старые и возводились новые крупные промышленные объекты по добычи полезных ископаемых в целях их последующего экспорта преимущественно в первозданном виде. Тому способствовало постепенное исчерпание потенциала старых объектов ТЭК и в еще большей мере переориентация в силу известных причин российского экспорта энергоресурсов с западноевропейских потребителей этих ресурсов на азиатские, в числе которых КНР, РК, Япония. Это стимулировало наращивание объемов производства в пределах возможного вследствие истощенности недр на старых объектах, но в еще большей мере – освоение новых месторождений. Более того, в начале 2017 г. было принято законодательство, облегчающее приобретение физическими лицами в частную собственность земельных участков, хотя ожидаемого эффекта оно не дало, так как жизненный уровень широких слоев населения несопоставим с затратами на обустройство нового местожительства и освоение новых земель.

Появились и другие обстоятельства, вынуждающие уделять больше внимания привлечению населения для заселения незанятых территорий. Так, возникла реальная опасность постепенной утраты этих территорий и при этом вполне мирным путем, путем «тихой колонизации» этих территорий столь многочисленным населением соседнего Китая. Тому в немалой мере будет способствовать и весьма энергичное освоение КНР Шелкового пути.

Проблема приобретает актуальность и ввиду маловероятной, но все же реальной опасности распада страны при крайне слабых экономических и пр. связях между регионами как регионами одной страны. Даже мощная властная вертикаль может не выдержать испытания при определенных обстоятельствах тем более, что такой мотив отчетливо звучал в 1990-е годы, но щедро обещанной самостоятельности они так и не получили. Но и ныне

главы республик были бы отнюдь не прочь именовать себя Президентами республик, находящихся в составе России.

Тормозом на пути формирования единого экономического пространства выступает исторически сложившаяся ситуация с расселением по стране, доведенная ныне до состояния абсурда. Так, 30% населения проживает только в одном, естественно, наиболее обжитом и благоустроенном Центральном федеральном округе, порядка 10% из них - в Москве. И при этом тенденция к наращиванию столичного населения сохраняется, темпы жилищного строительства в ней не затихают, не менее трети возводимой жилой площади скупается иногородними, в том числе и мигрантами. Явная перенаселенность мегаполиса сопровождается ухудшением экологической ситуации, что отнюдь не способствует столь желательному росту численности населения.

При обсуждении данной проблемы учеными приводится немало убедительных аргументов о целесообразности с точки зрения создания единого экономического пространства перевода столицы страны в ее географический центр, а это такие города, как Новосибирск, Красноярск, что, однако, маловероятно. По крайней мере, на официальном уровне такая проблема не ставится, а Государственная дума даже в Новую Москву не захотела переезжать. «Выселить» из Москвы удалось только «Газпром», да и то просто в другой мегаполис.

Итак, к числу трудно преодолимых предпосылок, препятствующих решению данной проблемы, можно отнести лишь одну – сохраняющуюся в обозримом будущем несопоставимость численности населения страны и ее территории. Но для начала ее решения вполне сгодилось бы более равномерное его расселение. Исходной предпосылкой такого расселения явилось бы территориально сбалансированное развитие отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности с приоритетом последней в условиях грядущего падения значимости природных ресурсов по мере освоения возобновляемых источников энергии, в условиях необходимости освоения новейших технологий, технологий четвертой промышленной революции. Переориентация экономического развития необходима и для предотвращения необратимости сложившейся технологической отсталости страны. В условиях, когда развитыми странами стремительно осваивается шестой ТУ, российской экономикой освоен лишь четвертый. К тому же спрос на рабочую силу со стороны современных технологий устойчиво сокращается, высокая потребность сохраняется лишь на высококвалифицированный труд. Тем более есть смысл ориентироваться на освоение в малонаселенных территориях высоких технологий.

В этой связи попытаемся подойти к проблеме единого экономического пространства в русле Кондратьевских чтений, то есть с позиции циклического развития воспроизводственного процесса и его закономерностей. Формирование единого экономического пространства вследствие своих масштабов есть непосредственная функция государства, в современном индустриальном обществе выступающего макроэкономическим субъектом, выполняющим функции макроэкономического регулятора. Значимость его регулирующих функций обусловлена крайне сложной и устойчиво усложняющейся макроэкономической структурой во всех ее аспектах по мере освоения очередных ТУ, что осознается и российской правящей элитой [1].

Выполнение столь крупномасштабной проблемы немислимо вне использования планового механизма хозяйствования в масштабах национальной экономики, а это функция государства как макроэкономического субъекта. При этом процесс планирования должен быть ориентирован на теорию циклического развития воспроизводственного процесса, имманентно присущего индустриальному развитию, глубоко разработанную к настоящему времени. В числе последних работ по данной проблеме монография С.Глазьева [2]. Индустриализация вбирает в себя средне- и долгосрочные циклы, движение которых и должно быть отражено в ориентации планирования на их продолжительность, то есть планы должны быть не только кратко-, но средне- и долгосрочными, отражающими движение среднесрочных, протекающих на фоне долгосрочных. В границах государственного сектора

соответствующие государственные институты обладает наибольшей свободой в использовании такого механизма, присущей директивному планированию, но в масштабах национальной экономики, представленной множеством форм частной собственности, – индикативного, реализуемого методами экономической политики во всем многообразии ее аспектов, что и делается во всех развитых капиталистических странах, начиная с середины XX в. С освоением третьей промышленной революции оно становится все более востребованным.

С этой точки зрения, казалось бы, российское государство унаследовало богатый опыт планирования, который следовало лишь подкорректировать под ныне рыночную природу национальной экономики, как это было сделано в КНР с первых лет рыночного реформирования. Но в России, где ныне государственный сектор весьма высок, так и не созданы институты планирования в соответствии с рыночными условиями хозяйствования, институты, в которых концентрировалась бы вся многогранная деятельность государственных органов по разработке плановых заданий адресного характера с обоснованием временных границ и с их тесной увязкой в масштабах государственного сектора, с предусмотренными жесткими санкциями в случае нарушения плановых заданий по срокам выполнения, по ассортименту выпуска, по масштабам производства вплоть до отставки государственных чиновников за провалы в сфере их деятельности. Иными словами, институт планирования, давно апробированный даже в развитых капиталистических странах, фактически не заработал у нас вопреки собственному опыту планирования, вопреки опыту адаптации планирования к рыночным условиям в КНР, сумевшей выстроить гибкую и весьма эффективную систему планового регулирования экономики, в равной мере способствующую развитию и государственного, и частного секторов. Более того, направляя частнопредпринимательскую деятельность в русло реализации общенациональных интересов, плановые органы не ущемляют при этом ее сугубо рыночные. Именно таким макрорегулированием обеспечивалось удвоение ВВП за каждое прошедшее с начала реформирования десятилетие. Опыт весьма поучительный для России, о чем и пишет П.Нолан [3].

И все же российской правящей элитой планирование не было отторгнуто полностью. Однако ее деятельность на поприще стратегического планирования, предпринятая с начала нового века, оказалась весьма активной, но мало продуктивной. Практически ни одна программа не была выполнена в полном объеме, российская экономика так и не выведена в инновационные лидеры. В масштабах экономики не осуществлена ни модернизация экономики, ни инновационное обновление ее производственного потенциала. Что же касается реструктуризации (ранее говорилось о диверсификации), то ситуация еще более ухудшилась, так как совершенно сознательно был сформирован сырьевой вектор развития, превративший Россию отнюдь не «в энергетическую державу мира», но в поставщика на мировой рынок энергоресурсов, в сырьевой придаток мировой экономики. Но в таком качестве трудно формировать единое экономическое пространство, развивающееся в соответствии с закономерностями индустриализации, ориентированное на первоочередное развитие отраслей обрабатывающей промышленности, от цикла к циклу поставляющих все более совершенные технику и технологии, в которых материализуются очередные принципиально новые достижения фундаментальных наук.

Все эти обстоятельства сделали российскую экономику весьма уязвимой со стороны внешней конъюнктуры, что в полной мере и выявил экономический кризис 2008-2009 гг., совсем неслучайно в наибольшей мере поразивший именно нашу экономику (падение ВВП на 7,8%) в качестве сырьевого придатка, место которого в мировом экономическом пространстве вполне естественно оказалось столь уязвимым. И это очень тревожный сигнал в современных условиях, когда человечество приступило к формированию единого мирового экономического пространства, а именно таково содержание глобализации. Чтобы не законсервироваться в таком качестве, российское экономическое пространство должно быть безотлагательно переориентировано на инновационное развитие, обеспечиваемое

приоритетным развитием обрабатывающей промышленности, в развитых странах завершающей освоение пятого и приступающей к освоению шестого ТУ, в ходе которого создается автоматическая система машин, чем и завершается, в интерпретации К. Маркса, история индустриализации, следовательно, и капитализма, коль скоро в ее осуществлении Маркс усматривал его историческую миссию. Человечество вступает в эпоху постиндустриального, а тем самым и посткапиталистического развития. Широко известный американский ученый И. Валлерстайн даже дату такой смены обосновал – середина XXI в. [4]

Переориентация развития российской экономики на освоение современных ТУ в границах единого экономического пространства неизбежно будет сопровождаться формированием циклической формы движения воспроизводственного процесса, представляющей единством средне- и долгосрочных циклов в сложном взаимодействии фаз, присущих каждому из них. Пограничной между циклами выступает фаза экономических кризисов, традиционно социально крайне острая. В связи с этим чрезвычайно важно осуществлять планирование с учетом такой формы движения вопреки опыту советского планирования, которым закономерности индустриального развития были полностью отброшены, как якобы присущие капиталистической экономике (напомним хотя бы о приоритете в советской практике планирования физического износа перед моральным, закладывавшимся основу амортизационной политики), а не индустриализации. Средне- и долгосрочное планирование никак не было связано с движением циклов. И это при том, что проф. Кондратьев – автор концепции долгосрочных циклов, единственный советский ученый, вошедший в мировую экономическую науку.

Циклическое движение имманентно присуще индустриализации как качественно определенному этапу в развитии производительных сил. Оно охватывает весь массив национальной экономики и протекает в соответствии с присущими ему закономерностями, к настоящему времени глубоко и всесторонне изученными экономической наукой, вследствие чего ориентация на такие закономерности в процессе планирования, направленного на формирование единого экономического пространства, становится вполне доступной. В свою очередь это позволяет избегать глубоких экономических потрясений в кризисные годы принятием превентивных мер. Напомним хотя бы о широкой дискуссии, развернувшейся ныне в мировой экономической науке по поводу введения безусловного (универсального) базового дохода в качестве превентивной меры по предотвращению социальных конфликтов в связи с нависшей угрозой массовой безработицы, которой чревато освоение шестого ТУ. Единого мнения на этот счет не сформировалось, но важно то, что продолжают не только научные дискуссии, но и эксперименты на практике. Примечательно, что населением Швейцарии по итогам проведенного референдума относительно внедрения такого дохода было отвергнуто 76% голосовавших. Элемент иждивенчества, заложенный в таком доходе, чужд протестантской этике, этике трудолюбия и бережливости.

Итак, весь массив национальной экономики должен быть приведен в единое экономическое состояние на основе четкого представления о циклах во всем многообразии их закономерностей. Именно такой подход должен закладываться в основу стратегического планирования.

И еще одно важное обстоятельство следует отметить. Современная рыночная экономика есть единство государственного, корпоративного и сугубо рыночного, основанного на индивидуальной и низших формах ассоциированного присвоения, секторов. Оптимизация их соотношения по критериям рыночной экономики в масштабах национальной лежит в основе оптимизации соотношения государственного планирования в границах государственного сектора с индикативным, регулирующим развитие частного сектора. Чрезвычайно важно не подменять государственным сектором частный, не завышать границы директивного планирования, не подавлять инновационно-инвестиционную частную деятельность, так как такие подмены чреваты снижением эффективности функционирования национальной экономики. Опыт всех развитых стран свидетельствует о том, что именно

частный бизнес, руководствуясь заложенной в нем целевой установкой, вывел их в мировые инновационные лидеры, что расходы на НИОКР в частном секторе и поныне выше, чем в государственном, что частнопредпринимательской деятельностью формировалось единое экономическое пространство, что потребность в государственной поддержке появилась лишь в ходе освоения третьей и последующих промышленных революций по мере роста потребностей в общественных благах, как совместно потребляемых, а потому совместно и финансируемых. Вывел вследствие неукоснительного следования заведомо непреодолимым закономерностям циклического развития, так как именно инновационное развитие гарантирует максимизацию прибыли, устойчивость в конкурентной борьбе. И, напротив, в игнорировании этих закономерностей вплоть до настоящего времени и состоит одна из основных причин технологической отсталости России как на региональном, так и национальном уровнях, нерешенность ею проблемы формирования единого экономического пространства.

**Список литературы:**

1. Максим Орешкин Перспективы экономической политики. Экономическая политика Том 13 № 3 2018
2. Сергей Глазьев Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. (Коллекция «Изборского клуба»). - М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
3. Нолан П. Уроки экономических реформ: опыт Китая и России Экономическое возрождение России 2017 № 2 (52)
4. Иммануэль Валлерстайн После либерализма: Пер. с англ. /Под ред. Б.Ю.Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003, – 256 с.

**Крошилин Сергей Викторович**

*кандидат технических наук, доцент*

*Государственный социально-гуманитарный университет*

*г. Коломна*

*Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН*

*г. Москва*

*krosh\_sergey@mail.ru*

## **НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ**

**Аннотация.** Цифровая экономика ставит новые задачи для системы подготовки квалифицированных кадров. Появляются новые потребности у рынка труда как внутреннего, так и внешнего. Это связано со значительным расширением возможностей и повсеместном использовании новых ИТ, со сменой технологических укладов и развитием технологий. Появляются новые специальности и целые отрасли. Это требует эффективных подходов в подготовке специалистов, которые будут способны работать и принимать новые вызовы цифровой реальности.

**Ключевые слова:** цифровая экономика, система образования, образовательная траектория, новации.

Сегодня благодаря цифровой экономике и внедрению новых информационных технологий меняется сам социум, специальности, благодаря новациям, робототехники и развитию искусственного интеллекта появляются новые профессии и целые отрасли. Трансформируется и система подготовки профессиональных кадров, формы обучения [1]. Непрерывное образование в течение жизни сегодня – это объективная необходимость, которую осознают не только в Европейском Союзе, но и в нашей стране рассматривают, как один из главных элементов социальной модели развития общества [2, 3]. Традиционные

формы обучения все чаще меняется на смешанные с применением E-Learning и M-Learning (посредством использования ИКТ и мобильных средств связи) [4]. Очевидно, что непрерывное обучение сегодня это объективная необходимость, которая продиктована современными вызовами экономикой и социумом.

Основным вопросом при получении образовательной услуги индивидом остается направление обучения и какие компетенции, навыки необходимо осваивать сегодня что бы стать востребованным специалистом через 4-6 лет? Сегодня принято говорить о получении «мягких навыков» (soft skills), которые дают человеку набор знаний и компетенций гарантирующие трудоустройство индивида. В условиях развития цифровой экономики нужны принципиально другие мягкие навыки, которые добавляются к уже имеющимся профессиональным навыкам (hard-skills). Например, к hard-skills можно отнести: умение решать проблемы, принимать решения, заниматься коллаборацией, эмпатию, energy management, смелость / стойкость, многозадачность; а к soft skills – умение проводить аналитику данных, воспринимать машинное обучение, управлять искусственным интеллектом, заниматься программированием, выстраиванием архитектуры ИТ-систем, кибербезопасностью. Вот эти «цифровые» навыки в ближайшие 5-10 лет должен предложить рынок образовательных услуг России.

Например, специалисты из Boston Consulting Group (BCG) [5] приводят следующую классификацию задач (профессий) для различных категорий работников. В Категории «Умение» можно отнести возможность человек справляться с более 50% – типовых задач; преобладает преимущественно физический труд; подготовка: не требуется или короткий цикл обучения (например: уборщики, продавцы, водители, грузчики, охранники). В Категории «Правило» - более 50% – техническая, рутинная работа; принятие решений на основе правил и инструкций; подготовка: специализированная или прикладная (например: слесари, бухгалтеры, медсестры, офисные администраторы). Категория «Знание» - более 50% – аналитическая, творческая работа; автономность при принятии решений; подготовка: высокий уровень образования и дополнительная подготовки. Доля сотрудников по категориям задач в странах мира приведена в таблице 1.

Таблица 1

Доля сотрудников по категориям задач в странах Мира, %

Категории задач / Страны	Россия	США	Германия	Великобритания
«Знание»	17	24	29	45
«Правило»	48	59	56	37
«Умение»	35	17	15	18

Источник: *Россия 2025: от кадров к талантам [Электронный ресурс] / The Boston Consulting Group. Режим доступа: [http://image-src.bcg.com/Images/Skills\\_Outline\\_web\\_tcm27-175469.pdf](http://image-src.bcg.com/Images/Skills_Outline_web_tcm27-175469.pdf) (дата обращения 10.12.2017).*

Как видно из этих данных для России «Знание» – 17%, «Умение» – 35%, а для Великобритании характерна противоположная картина 45% и 18% соответственно.

Такое изменение в нашем социуме и цифровизация экономики сегодня трудно представить, но согласно аналитикам проникновение информационных технологий во все сферы общества приводит к появлению новых профессий в том числе и для пенсионеров и инвалидов (исчезнет от 9 до 50% существующих профессий), произойдут существенные изменения в текущих профессиях (востребованным станет творческий труд с высокой квалификации). В России уже существует Атлас «Новых профессий» разработанных в Сколково (186 новых профессий появится к 2030 г.). Среди них: Дизайнер виртуальной среды обитания; Адвокат по робоэтике; Digital – комментатор культуры; Биохакер на фрилансе; Аналитик данных «Интернета вещей»; Дизайнер человеческого тела и другие. Очевидно, что российский рынок образовательных услуг [6].



В связи с развитием инновационной деятельности в российской экономике необходимо выяснить отношение руководители предприятий; работники / служащие предприятий; преподавателей и учащихся учебных заведений к развитию инновационной деятельности в стране. Для этого было проведено исследование образования [2], как основного компонента развития и повышения качества человеческого потенциала регионального социума для возможности реализации инновационной деятельности в регионе (опрошено более 2000 человек). В результате исследования были опрошены руководители и работники более 70 предприятий, деятельность которых потенциально и реально связана с инновациями, а также представители торговли и торговых сетей. Были опрошены преподаватели и учащиеся десяти образовательных учреждений [3,4].

Большинство руководителей (85%) считают, что уровень бакалавра недостаточен для работы специалиста в условиях инновационной экономики. Аналогично это мнение разделяют 62% опрошенных работников и 66% студентов. В этом также уверено и 53% школьников (см рис. 1). Учитывая современный компетентностный подход в бакалавриате респондентом было предложено выбрать те компетенции, которыми должен обладать специалист, работающий в команде инновационного бизнеса. Руководители чаще всего отмечали необходимость уметь четко формулировать цели и задачи деятельности организации (68%), уметь видеть будущее применение своего изобретения (63%), уметь отстаивать свои интересы и защищать свое мнение на переговорах (52%), а также уметь мыслить глобально, действовать локально (50%). Работники - необходимость уметь четко формулировать задачи и цели деятельности организации (73%), уметь видеть будущее альтернативное применение своего изобретения (70%), использовать ИТ (53%), а также уметь мыслить глобально, действовать локально (43%).

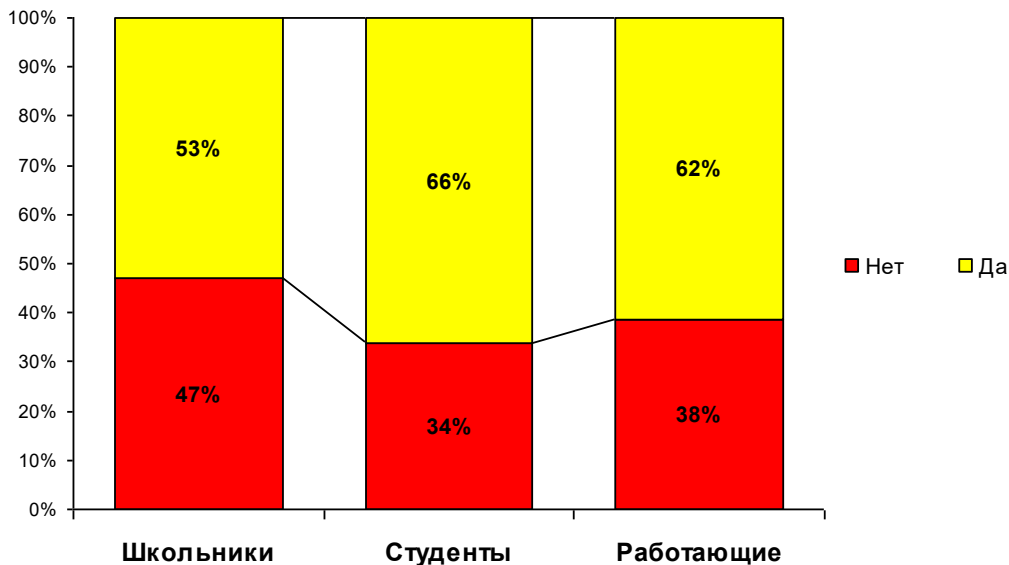


Рис. 1. Результаты ответа на вопрос: «На Ваш взгляд, для современного работника достаточен уровень бакалавра?», %

Источник: Авторские исследования [3,4].

Преподаватели - необходимость использовать ИТ (73%), уметь четко формулировать цели и задачи деятельности организации (60%), уметь распределять необходимые функции между людьми в команде (67%), уметь видеть будущее применение своего изобретения (67%), отстаивать свои интересы и защищать свое мнение на переговорах (67%), а также мыслить глобально, действовать локально (67%). Учащиеся выбрали необходимость уметь четко формулировать цели и задачи деятельности организации (60%), отстаивать свои интересы и защищать свое мнение на переговорах (60%), использовать ИТ (53%), а также мыслить глобально, действовать локально (47%) [3].

У преподавателей выяснялись основные качества, знания, умения и навыки, которые необходимы специалисту для успешной реализации инновационной деятельности. Основными качествами, по мнению преподавателей, для специалиста в области инноваций должны стать: умение договариваться, готовность к сотрудничеству (64%); организаторские способности (62%); склонность к творчеству (креативность) (60%); а также стремление к саморазвитию (53%). Меньше всего указали лидерские способности (27%), мобильность (24%) и желание добиваться успеха (13%). Основными знаниями, по мнению преподавателей, для специалиста в области инноваций должны стать: новые информационные и коммуникационные технологии (87%); маркетинг новых технологий и инновационной продукции (60%); управление командой (54%); а также методы управления качеством инновационных проектов (47%). Меньше всего нужны знания об источниках финансирования инновационной деятельности (27%), управление результатами интеллектуальной деятельности (24%) и управление проектами (20%). Основными умениями и навыками, по мнению преподавателей, для специалиста в области инноваций должны стать: использование информационных и компьютерных технологий (100%); способность принятия решений в условиях экономического риска и неопределенности (67%); эффективная работа с персоналом (53%); а также организация сетевого взаимодействия сферы науки и бизнеса (47%). Меньше всего указали проведение переговоров с представителями внешних организаций (27%); подготовка и проведение презентаций инновационного проекта (20%); оценка результатов инновационной деятельности (13%). На вопрос о вариантах самообразования, была выявлена следующая взаимосвязь: чем старше опрашиваемая группа, тем более активно она занимается самообразованием (см. рис. 2).[3,4].

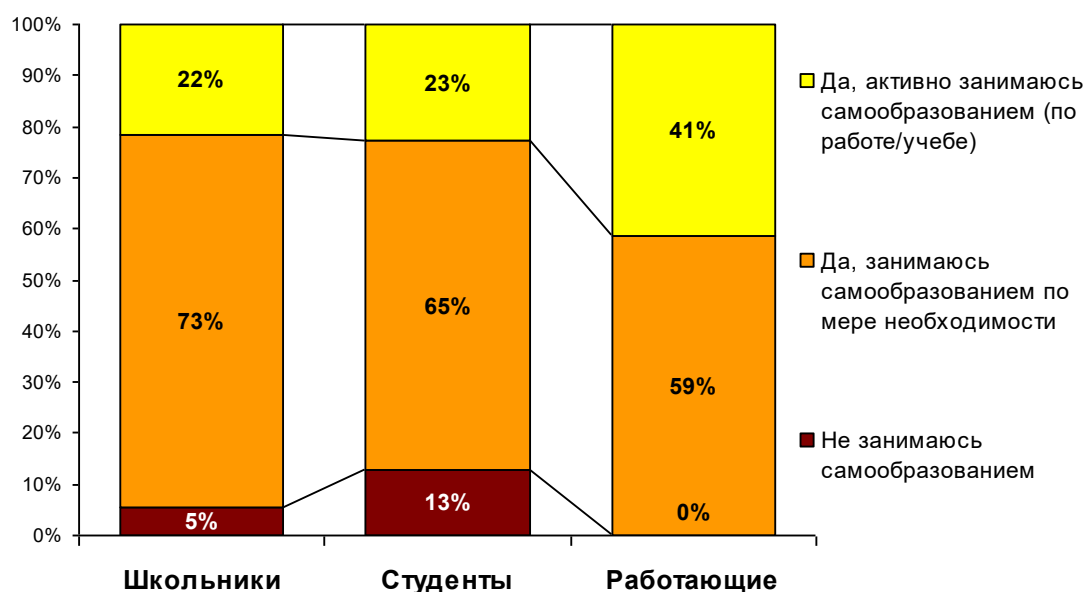


Рис. 2. Занятие самообразованием, %

Источник: Авторские исследования [3,4].

Не занимаются самообразованием вообще 5% школьников и 13% студентов. Среди работающих таких нет. При личном интервью респонденты чаще всего связывали возможность получения самообразования с использованием информационно-коммуникационных технологий – прежде всего с Интернетом и образовательными ресурсами в нем.

Стремление к личному развитию – это сегодня основная потребность / стимул в обучении у подавляющего большинства учащихся (80,2%). Ориентируются на требования потенциального работодателя 12,3%. Некоторые учащиеся (в основном ВУЗов) определяют свою потребность в обучении как «общую тенденцию» 7,5% (см. рис. 3) [7].

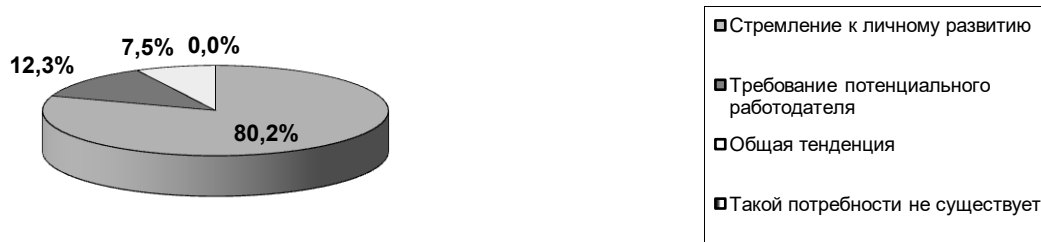


Рис. 3. Чем определена потребность в обучении, %

Источник: Авторские исследования [7].

При выборе: работать на интересной, творческой, но низкооплачиваемой работе, или получать высокую заработную плату, но без творческого подхода (например, рутинная работа), треть опрошенных (32,1%) - выбрали интересную работу, а остальные (67,9%) – высокую заработную плату. То есть, основной выбор работы учащихся основывается именно на материальном стимулировании. При этом те, кто хочет получать высокую заработную плату (67,9%) готовы постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки, то есть учиться «через всю жизнь». Чуть меньше половины опрошенных (47,7%), в принципе, готовы связать свою будущую карьеру с инновационным бизнесом. Категорично не хотят этого делать 20% и треть (32,3%) – пока не определились. Причем не зависимо от направления обучения (профиля, специальности) четверть опрошенных (26,7%) хотели бы работать в сфере информационных технологий и телекоммуникаций; чуть меньше (21,1%) – обеспечивать безопасность (в т.ч. информационную и экономическую) (см. рис. 4) [7].



Рис. 4. В какой сфере инновационного бизнеса хотели бы работать учащиеся, %

Источник: Авторские исследования.

Почти пятая часть (19,2%) готовы связать свое будущее с медициной (отмечал в основном девушки). Около 10% хотели бы работать в инновационном бизнесе связанным с приборостроением, электроникой и энергетикой. Следует отметить, что инновационный бизнес в сельском хозяйстве (биотехнологии), в сфере экологии (ресурсосбережения), в индустриальных технологиях и военном деле – никого не заинтересовало [7].

Интересно отметить, что не смотря на то, что четверть опрошенных (26,7%) хотели бы работать в сфере информационных технологий и телекоммуникаций, инженером (исполнительным работником) быть никто не хочет (0%). В основном все хотят занимать должность в финансовой сфере (34,8%), быть технологом (14,7%), предпринимателем (12,8%), специалистом отдела продаж (11,7%), менеджером стратегического управления

(8,2%), маркетологом (7,5%), работником научной сферы (5,7%), изобретателем (4,6%). Инженером на предприятии, инженером по ИТ и специалистом непосредственно по инновациям никто быть не хочет (см. рис. 5) [7].



Рис. 5. Кем себя видят учащиеся в новой экономике, %

Источник: Авторские исследования [7].

Очевидно, что большинство хотят работать в финансовой сфере, в силу сложившегося мнения в обществе, что именно там можно заработать больше. В выборе должности опять доминирует заработная плата: на третьем месте, указанных должностей, «предприниматель», который лишь немного уступает «технологу». Для учащихся систем НПО и СПО (их было больше половины в опросе) – это является «верхней ступенью» в их реальной перспективе карьерного роста. На четвертом месте «специалист отдела продаж» - относительно простой способ, по мнению большинства, зарабатывания денег [7].

На вопрос «Что может являться основным стимулом для Вашего участия в инновационной деятельности?» - больше половины (56%) отметили - повышение материального благосостояния (или достойное материальное вознаграждение) (см. рис. 6) [7].



Рис. 6. Основной стимул для участия в инновационной деятельности, % (можно выбрать несколько вариантов)

Источник: Авторские исследования [7].

Около 41% отметили карьерный рост, возможность реализовать личные идеи (проекты) и удовлетворение от работы. Около четверти опрошенных указали, что профессиональная самореализация, возможность предпринимательства, активное участие в научной и общественной деятельности. Признание коллег интересно лишь 10%. Полученные результаты имеют схожую тенденцию с вариантами ответов на вопрос «Что является основным стимулом для получения высшего образования?» [7].

Таким образом, материальная составляющая остается главной и основной причиной в стимулировании современной молодежи к обучению. Выбор специальности и сферы деятельности, также зависит, прежде всего, от потенциальной возможности высокой оплаты труда. При этом большинство опрошенных (в среднем 56%) склонны считать, что высшее образование должно быть бесплатным (см. рис. 7) [7].

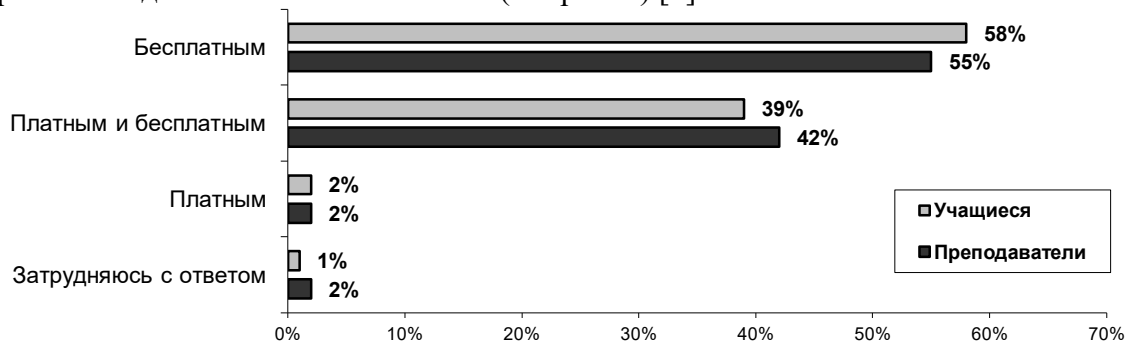


Рис. 7. Каким должно быть высшее образование, %

Источник: Авторские исследования [7].

За бесплатное образование 55% преподавателей и 58% учащихся. За «платное и бесплатное» образование 42% преподавателей и 39% учащихся. И только 2% опрошенных выступают за полное платное образование. Сегодня большинство студентов престижных специальностей учатся на платной основе именно этим можно объяснить такие варианты ответов, в основном за их учебу платят родители. Только пятая часть опрошенных совмещают учебу с работой. Те кто работают – работают не по специальности. Причем больше четверти (26,7%) не планируют в дальнейшем работать по получаемой специальности. Это достаточно тревожная тенденция. Особенно это опасно для бюджетных специальностей, так как на обучение данных специалистов государство выделяет средства из бюджета и рассчитывает на данных специалистов. Из тех, кто не планирует работать в дальнейшем по выбранной специальности, половина указала причину – не интересная работа; другая половина - на отсутствие спроса на данных специалистов в городе/районе [7].

Очевидно, что большинство хотят работать именно в финансовой сфере, в силу сложившегося мнения в обществе, что именно там можно заработать больше. В этом плане инновации и вообще инновационная экономика воспринимается молодежью, как нечто достаточно сложное и «не понятное», что требует от них дополнительных усилий и необходимости дальнейшего обучения. В этом смысле и движение по карьерной лестнице у всех опрошенных ассоциируется исключительно как возможность получать больше.

Следует отменить традиционное распределение различных образовательных ресурсов, которые используют в своей трудовой деятельности современные работники. Наши исследования показали, что руководители 28% знаний получили (научились) в образовательном учреждении; 38% знаний получили на рабочем месте и 34% - освоили самостоятельно (см. рис. 8). У работников ответы следующие: 31% знаний получили в образовательном учреждении; 39% знаний на рабочем месте и 30% - освоили самостоятельно (см. рис. 9) [7].

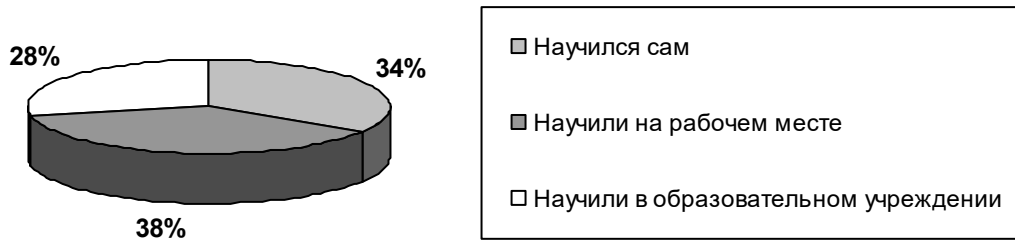


Рис. 8. Оценка вклада (долевая) различных образовательных ресурсов (с точки зрения руководителей), которые используются непосредственно в трудовой деятельности, %  
*Источник: Авторские исследования [7].*

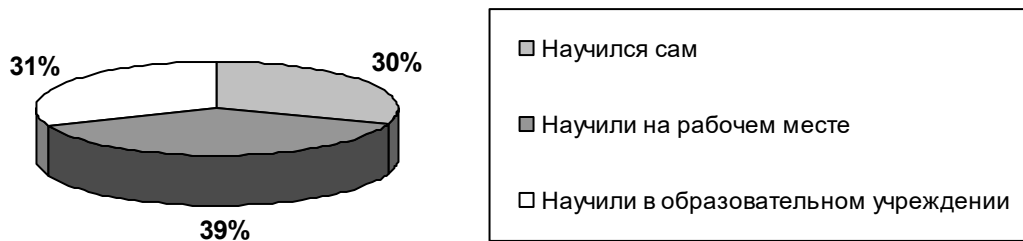


Рис. 9. Оценка вклада (долевая) различных образовательных ресурсов (с точки зрения работников), которые используются непосредственно в трудовой деятельности, %  
*Источник: Авторские исследования [7].*

Таким образом, система образования дает меньше трети (29%) необходимых знаний для реальной трудовой деятельности. Почти 40% знаний, которые используются в трудовой деятельности сотрудники, получают на рабочем месте и больше трети (32%) – самостоятельно, то есть занимается самообразованием. Следовательно, обучение непосредственно на предприятии, является самым эффективным способом образования с точки зрения работодателя. Основную причину этого они видят в «оторванности» классического образования от реальной трудовой деятельности, а также низкое качество самого процесса подготовки специалистов в ВУЗе.

Очевидно, что сами инновации, опираются на новейшие информационно-коммуникационные технологии, уровень развития и освоения которых в регионах различен. Это в свою очередь приводит к разным возможностям развития инновационной экономики в регионах. Степень владение ИКТ персоналом на предприятиях и возможности обучения - определяют перспективы развития цифровой экономики в регионе. Вызовы последнего времени заставляют по иному взглянуть на процесс получения знаний и выбор профессий. Очевидно, что в условиях «цифровой» экономики появятся новые профессии. Логично предположить, что более востребованными станут профессии из категории «Знание», которые в большей степени ориентированы на творческий труд и высокую квалификацию. Существующие профессии ждут серьезные трансформации (необходимость переподготовки кадров), которые в большей степени будут связаны с изменениями в технологическом и техническом планах.

#### Список литературы:

1. Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. The importance of the system of primary professional education for Russia's innovative economy // Russian Education and Society. – M.E. Sharpe Inc, USA, Armonk, NY, vol. 56, no. 5, 2014, pp. 73-91.
2. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. Electronic education and innovative economy development in Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2011. № 4. С. 47-59.

3. Крошилин С.В., Медведева Е.И. Влияние маркетинга образования на инновационное развитие общества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М.: Издательский дом «Финансы и кредит», 2011, № 25(118), С.11-21.
4. Крошилин С.В., Медведева Е.И. Новые формы обучения на основе информационно-коммуникационных технологий: реализация неформального и информального образования в России // Проблемы развития территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. - 2016. - № 6 (86). - С. 94-111.
5. Россия 2025: от кадров к талантам [Электронный ресурс] / The Boston Consulting Group. Режим доступа: [http://image-src.bcg.com/Images/Skills\\_Outline\\_web\\_tcm27-175469.pdf](http://image-src.bcg.com/Images/Skills_Outline_web_tcm27-175469.pdf) (дата обращения 10.12.2017).
6. Атлас новых профессий [Электронный ресурс] / Московская школа управления. Сколково. Москва. 2014. Режим доступа: [http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO\\_SEDeC\\_Atlas.pdf](http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf) (дата обращения 10.12.2017).
7. Инновационная экономика в региональном социуме: монография / А.А. Угрюмова, Е. И. Медведева, С. В. Крошилин. – Коломна: МГОСГИ, 2012. – С. 76-104.

**Кузнецова Ольга Владимировна**  
*доктор экономических наук, профессор*  
*ФИЦ «Информатика и управление» РАН*  
*г. Москва*  
*kouznetsova\_olga@mail.ru*

## **РОЛЬ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СТРАНЫ**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-014-00044 А «Роль глобальных городов в трансформации государственного регулирования территориального развития (опыт стран ОЭСР)».*

**Аннотация.** Актуальную роль городов-миллионников в развитии стран объясняет не только общепризнанная стадийная концепция урбанизации, но и современные теории разных направлений науки. На текущем этапе развития мировой экономики крупнейшие города с пригородами становятся центрами инновационного развития в силу ряда факторов: наилучшим условиям для формирования кластеров, превращения в глобальные города, развития креативного класса, передаче неявных знаний. Это подтверждается примером Германии.

**Ключевые слова:** города-миллионники, городские агломерации, концепция урбанизации, постиндустриальная экономика, стратегия пространственного развития

Разработка в России Стратегии пространственного развития страны резко активизировала дискуссию о необходимой стране системе расселения и роли в ней городов-миллионников. Хорошо известно, что в России не прекращается миграция населения в центры субъектов РФ, Санкт-Петербург и особенно в столичный регион – Москву и Московскую область. Эту тенденцию принято объяснять преимущественно российской спецификой: с теоретической точки зрения – отставанием от экономически развитых стран в развитии урбанизации, с практической – в основном недостатками федеральной политики регионального развития, прежде всего, чрезмерной централизацией полномочий и несправедливой концентрацией финансовых ресурсов в столице (чему посвящено немало работ, например, [3]).

Однако, как будет показано далее, несмотря определенную справедливость последнего тезиса, ситуация на самом деле гораздо сложнее, и продолжающаяся концентрация населения в городах-миллионниках свойственна не только России или развивающимся странам, но и экономически развитым государствам, одним из примеров которого является Германия. Опыт этой страны особо интересен, поскольку здесь проводится целенаправленная политика децентрализованного размещения федеральных органов власти, предусмотренная основным законом страны активная политика по обеспечению равноценных условий жизни на всей территории страны. Иначе говоря, концентрацию населения в городах-миллионниках Германии нельзя будет объяснить, как в России, явными недостатками государственной политики.

**Концентрация населения в Германии.** В Германии четыре города с численностью населения более 1 млн. человек: Берлин (на конец 2017 г. – 3,61 млн чел.), Гамбург (1,83 млн чел.), Мюнхен (1,53 млн чел.) и Кёльн (1,08 млн чел.). Концентрация населения в городах-миллионниках в стране на протяжении ряда лет не происходила, напротив, подчас даже сокращалась (правда, в случае Берлина это связано с последствиями объединения страны, а не закономерностями в развитии урбанизации). Но в середине 2000-х картина принципиальным образом изменилась: начался стабильный рост доли городов в населении Германии.

Таблица 1

Изменение доли городов-миллионников в численности населения Германии

Годы	Доли городов в населении Германии, %			
	Берлин	Гамбург	Мюнхен	Кёльн
1990	4,31	2,07	1,60	1,20
1995	4,24	2,09	1,62	1,18
2000	4,11	2,09	1,52	1,17
2005	4,12	2,12	1,56	1,19
2010	4,23	2,19	1,69	1,23
2011	4,28	2,20	1,72	1,24
2012	4,14	2,14	1,79	1,28
2013	4,19	2,15	1,82	1,28
2014	4,24	2,16	1,85	1,30
2015	4,27	2,17	1,87	1,31
2016	4,33	2,19	1,87	1,30
2017	4,36	2,21	1,84	1,30

Источник: <https://www.destatis.de>.

Правда, данные по роли городов-миллионников в системе расселения нуждаются в дополнительных уточнениях, поскольку данные статистики в немалой степени зависят от того, как проведены официальные границы городов. Например, в России есть примеры появления городов-миллионников именно благодаря изменению границ – включения в городскую черту бывших пригородов. Напротив, нынешние границы Москвы (не считая «Новой Москвы») занижают реальную численность населения города, особенно после выхода метро за официальные его границы.

К тому же анализ системы расселения по населенным пунктам в их формальных границах дает весьма искаженные представления о предпочтениях населения в части выбора типа населенного пункта как места жительства. Ведь одно дело небольшой город или даже сельское поселение в пригороде крупнейшего города, имеющее с ним хорошее транспортное сообщение (дающее возможность каждый день ездить в город на работу, не говоря уже о поставках продукции на его емкий рынок), и город/село на периферии, не имеющие возможностей для развития сколько-нибудь тесных связей с крупнейшими городами. Пригороды, даже сельские, городов-миллионников по вполне очевидным причинам являются привлекательными для проживания (самым ярким примером является



подмосковная «Рублевка»), для размещения предприятий. Поэтому крайне важно, анализируя ситуацию в малых и средних городах, сельской местности, учитывать положение населенных пунктов по отношению к крупнейшим городам.

Неудивительно поэтому, что в Германии (как и в Евростате) уровень урбанизации оценивается не по доле городского и сельского населения (как в России), такие данные в последние годы вообще не публикуются, а по плотности населения муниципалитетов, которые для оценки уровня урбанизации делятся на три группы:

- с высокой плотностью населения (густонаселенные) – большие/крупные города или территории вблизи них, в которых по меньшей мере 50% населения живет в густонаселенных кластерах;
- со средней плотностью населения – города меньшего размера (малые, средние), пригороды, где менее 50% населения живет в сельских ячейках сетки и менее 50% населения живет в густонаселенных кластерах;
- с низкой плотностью населения (малонаселенные) – сельские территории, где более 50% населения живет в сельских ячейках сетки.

Динамика распределения населения по названным типам муниципалитетов в Германии (таблица 2) опять показывает увеличение роли ключевых городов – территорий с высокой плотностью населения, причем за счет сокращения доли проживающих в муниципалитетах с низкой плотностью населения при стабильной роли территорий со средней плотностью населения. Можно было бы предположить, что население крупных городов растет за счет мигрантов, однако статистика показывает, что это не так, рост роли густонаселенных территорий обеспечили граждане Германии.

Таблица 2

Распределение населения Германии по муниципалитетам с разной плотностью населения

Типы муниципалитетов	2011	2012	2013	2014	2015
Доля населения (%), проживающего в районах					
с высокой плотностью населения, в т.ч.	35,1	35,3	35,4	35,6	35,7
граждане Германии	33,4	33,6	33,7	33,8	33,8
неграждане Германии	54,3	54,1	53,7	53,1	51,4
со средней плотностью населения, в т.ч.	41,6	41,5	41,5	41,6	41,6
граждане Германии	42,0	42,0	42,0	42,1	42,1
неграждане Германии	36,3	36,2	36,3	36,5	37,2
с низкой плотностью населения, в т.ч.	23,3	23,2	23,1	22,9	22,8
граждане Германии	24,5	24,4	24,3	24,2	24,1
неграждане Германии	9,4	9,6	9,9	10,4	11,5

*Источник:* <https://www.destatis.de>.

Особо можно обратить внимание на сокращение роли в системе расселения муниципалитетов с низкой плотностью населения. При этом абсолютная численность их населения оставалась стабильной, тогда как численность густонаселенных муниципалитетов увеличилась за рассматриваемый период почти на 5%. Это означает, что малозаселенные территории оказываются малопривлекательными для жизни даже в таких экономически развитых странах, как Германия.

**Теоретические объяснения возрастающей роли городов-миллионников.** В объяснении процессов урбанизации исследователи отталкиваются от разработанной еще в начале 1960-х гг. стадийной концепции урбанизации Д.Джиббса. В последующие годы модель Д.Джиббса трансформировалась, к середине 1990-х годов сформировалась теория дифференциальной урбанизации, суть которой в том, что концентрация и деконцентрация населения сменяют друг друга, и эти процессы определяют потоки миграций и рост поселений. Выделены шесть стадий урбанизации [2, С.172]:

- 1) начальная крупногородская стадия урбанизации, отличающаяся ускоренным ростом главных городов за счет малых и особенно средних;
- 2) зрелая крупногородская стадия, при которой рост главных городов и потери населения малыми достигают максимума, но средние города тоже начинают расти за счет привлечения мигрантов;
- 3) начало поляризационной реверсии, когда по темпам роста лидируют средние поселения, главные стремительно теряют свою привлекательность, а малые ее наращивают;
- 4) зрелая стадия средних городов, когда малые города по темпам роста уже догоняют, но еще не могут обойти средние, а индекс главных городов становится отрицательным;
- 5) контрурбанизация, отличающаяся начальной стадией роста малых городов, которые растут быстрее всех, а средние центры теряют привлекательность, с ними сближаются крупные города, прошедшие нижнюю точку;
- 6) на последней стадии большого цикла средние города отстают от малых и крупных, но уже не очень сильно и ненадолго.

После завершения шестой стадии урбанизации цикл начинается заново, но на новом цикле стадии становятся короче, дифференциация между крупными – средними – малыми городами меньше, проявляется устойчивость иерархии сложившейся системы расселения.

Из приведенных выше данных следует, что ситуация последних лет в Германии в наибольшей степени соответствует второй стадии: идет концентрация населения в наиболее густозаселенных территориях за счет снижения доли малозаселенных территорий, тогда как роль территорий со средней плотностью населения остается постоянной. Возможно, такая ситуация является следствием именно цикличности процессов урбанизации, но это в любом случае не снимает вопроса о том, почему именно крупные города оказались наиболее привлекательными для мигрантов, особенно учитывая, что доли городов-миллионников в численности населения Германии растут уже более десятка лет.

На наш взгляд, объясняя современные тенденции в урбанизации, важно учитывать, что за прошедшие десятилетия кардинальным образом изменились и собственно процессы и особенности социально-экономического развития, и теоретические их объяснения. Резкий скачок в научно-технологическом развитии, креативная экономика, глобализация – это явления последних десятилетий. Поэтому для объяснения роли городов-миллионников в социально-экономическом развитии стран необходимо опираться на теоретические разработки, которые учитывают все эти явления [1; 6; 8-9; 11-14]. Обобщение выводов этих теорий позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе развития мировой экономики крупнейшие города приобретают дополнительные преимущества для своего социально-экономического развития. При этом традиционные преимущества – наличие емкого рынка сбыта, высокий уровень развития рыночной инфраструктуры, выполнение функций центральных мест, узловое положение в транспортной системе – тоже сохраняют свое значение.

Одной из относительно новых экономических теорий является концепция кластеров М.Портера. Формирование кластера предполагает появление на ограниченной территории целого ряда компаний схожей специализации, образовательных и научно-исследовательских центров соответствующего профиля и т.д. Все это требует определенной концентрации населения и экономической активности, т.е. крупных городов.

Другая причина возрастания роли городов-миллионников – активно идущие процессы глобализации, возрастание в мировой экономике роли глобальных городов, в качестве которых, очевидно, могут выступать только крупнейшие.

Но важнейшее преимущество городов-миллионников – это наилучшие условия для развития инновационных видов деятельности, что объясняется концепцией Р.Флориды о креативном классе, современными взглядами на возрастающую значимость интенсивного взаимодействия, общения людей, предпринимательского сообщества, дающего высокую скорость генерации и распространения новых знаний, инноваций, технологий.

Принято считать, что современный уровень информационно-коммуникационных технологий позволяет большому числу людей, занятых творческими профессиями, работать в удаленном доступе, т.е. выбирать для себя место жительства без его территориальной привязки к месту работы. Однако детальные исследования, причем на примере той же Германии, показывают, что это не так. Пространственные факторы играют ключевую роль в развитии инновационных процессов в обрабатывающей промышленности страны [4; 10].

Таким образом, система расселения меняется в зависимости от изменений в обществе и экономике. Конечно, сейчас не идет речь о столь масштабных трансформациях в расселении, которые сопровождали процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу. Вместе с тем и переход от индустриального общества к постиндустриальному, продолжающиеся процессы трансформации постиндустриального общества не могут не приводить к изменениям в системе расселения. По всей видимости, одно из проявлений таких изменений – возрастание роли городов-миллионников.

**Выводы для федеральной политики пространственного развития.** Прежде всего, необходимо обратить внимание на важность принципиального совершенствования российской статистики в части перехода от сбора информации исключительно по населенным пунктам в их административных границах к сбору информации по городским агломерациям. В германской статистике невозможно, как в России, просто по доле городских и сельских жителей, уровень урбанизации оценивают по числу жителей в муниципалитетах с разной плотностью населения.

В качестве доказательства данного тезиса можно привести и очень яркий пример США: формально в США с их 300 млн жителей 9 городов-миллионников с общей численностью населения в 24 млн. человек (т.е. около 7% населения). Численность населения крупнейших городов оказывается такой: Нью-Йорк – 8 млн жителей, Лос-Анджелес – 4 млн, Чикаго – 3 млн и Хьюстон – 2 млн, Филадельфия, Финикс, Сан-Антонио, Сан-Диего – 1-1,5 млн жителей. Однако если оценивать ситуацию в США по агломерациям, то миллионников в США оказывается уже ровно 50 с общей численностью населения в 160 млн чел. Совершенно по-иному выглядит и численность населения крупнейших агломераций: Нью-Йорк – 19 млн жителей, Лос-Анджелес – 13 млн, Чикаго – 10 млн, Даллас – Форт-Уэрт и Филадельфия – 6 млн, Майами, Хьюстон, Вашингтон и Атланта – 5 млн [5, С.166].

В России есть немало научных работ по делимитации отдельных городских агломераций, такая работа по всей стране делалась в ходе работы над Стратегией пространственного развития РФ. Однако такой подход на уровне федеральных органов власти пока не получил дальнейшего развития, пока можно говорить только о разово проведенной работе. И, главное, обсуждение Стратегии пространственного развития велось преимущественно в более привычных для России категориях населенных пунктов разного статуса и людности.

С точки зрения реализации федеральной политики пространственного развития принципиальным вопросом является выбор крупнейших городов и их агломераций в качестве одного из приоритетов такой политики. Очевидно, что крупнейшие города отличаются не только подробно рассмотренными выше преимуществами для жизни и ведения предпринимательской деятельности, но и сталкиваются с многочисленными проблемами. [7; 15]. Однако без успешного развития крупнейших городов невозможно обеспечение инновационного развития экономики страны, формирование современной, отвечающей вызовам времени ее структуры. Неудивительно поэтому, что в европейских странах политике городского развития уделяется все большее внимание, городская политика все больше встраивается в общую систему приоритетов региональной политики в целом [15]. Что, повторим, не отменяет традиционной базовой цели последней – сокращения межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития.

Таким образом, в России необходим поиск баланса между созданием условий для устойчивого динамичного социально-экономического развития крупнейших агломераций и созданием достойных условий жизни по всей территории страны.

Направления и инструменты государственной городской политики – это тема для отдельной работы, но в общем можно сказать, что современные технологии позволяют гораздо успешнее решать проблемы крупнейших городов по сравнению с предшествующими периодами. Речь идет о т.н. «умных» городах, отличающихся среди прочего гораздо более эффективной работой инфраструктуры, включая транспортную. Возможно, что внедрение технологий «умного» города, способствовавшее повышению качества жизни в городах, стало еще одним дополнительным фактором роста концентрации в них населения.

Конечно, в рамках городской политики усилия органов власти должны быть направлены на обеспечение высокого качества городской среды (особенно важной для высококвалифицированных кадров), развитие профессионального образования и научно-исследовательской деятельности, условий для коммерциализации научных разработок и т.п. Столь же очевидно, что необходимо заниматься развитием не только городов в их административных границах, но и городских агломераций. Это создаст в т.ч. условия для сохранения разнообразия типов населенных пунктов.

Для России принципиальное значение, на наш взгляд, имеет также создание условий для динамичного социально-экономического развития довольно большого числа ведущих городских агломераций. Формирование точек роста, привлекательных для жизни территорий в разных макрорегионах страны, должно сократить миграционный отток в столичную агломерацию, способствовать сокращению межрегиональной дифференциации в макрорегиональном разрезе.

В любом случае, необходимость консервации сложившейся системы расселения, на наш взгляд, не является аксиомой. Важно понимать, что каждому этапу развития экономики и общества соответствует своя система расселения, и, скорее всего, невозможно будет совместить новую модель экономики со старой системой расселения.

#### **Список литературы:**

1. Гоффе Н.В. Мегалополисы – инкубаторы инноваций // *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 3, с. 46-59.
2. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
3. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // *Pro et contra*, 2012, № 6 (57), с. 6-18.
4. Носова А.Н. Территориальные формы интеграции науки, образования и производства в обрабатывающей промышленности Германии. Дисс. ... к.геогр.н. – М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2018. – 236 с. (<https://istina.msu.ru/dissertations/108884209/>; дата обращения 24.10.2018)
5. Смирнягин Л.В. Агломерация: за и против // *Городской альманах*. Вып. 3. – М.: Институт экономики города, 2008. С. 162-174.
6. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.
7. *Человек в мегалополисе: опыт междисциплинарного исследования* / Под ред. Б.А.Ревича. – М.: URSS, 2019.
8. *Competitive Cities in the Global Economy / OECD Territorial Reviews.* – OECD, 2006. – 451 p.
9. Duranton G., Pugo D. *The Growth of Cities.* – OECD, 2013. – 67 p.
10. Findeisen S., Suedekum J. *Industry Churning and the Evolution of Cities: Evidence for Germany.* – Bonn, 2007. – 25 p.
11. Fujita M., Thisse J.-F. *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location and Globalization. Second Edition.* – Cambridge, 2013. – 528 p.
12. Herrschel T. *Cities, State and Globalization.* – London, New York, 2010. – 200 p.
13. Perry M. *Controversies in Local Economic Development.* – London, New York, 2010. – 258 p.
14. Storper M. *Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development.* – Princeton, 2013. – 276 p.

15. Urban Europe: Statistics on Cities, Towns and Suburbs. 2016 Edition. – Eurostat, 2016. – 286 p.

**Курнатов Михаил Юрьевич**

*соискатель ученой степени*

*Ивановский государственный университет*

*г. Иваново*

*kurnatov.m@yandex.ru*

## **МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕОРИИ БОЛЬШИХ ВОЛН Н.Д. КОНДРАТЬЕВА ДЛЯ ПРЕДСТОЯЩЕГО НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА**

**Аннотация.** Пространственное развитие России невозможно без внедрения инноваций. Как преодолеть проблемы при внедрении инноваций даются рекомендации. При недостатке оборотных средств в звеньях цепи производственной кооперации затраты финансируемые из заемных средств предложено оплачивать из выручки от реализации отрасли. На несколько налоговых периодов переносится налоговая нагрузка, зарплата и др. Снижение издержек от привлечения заемных средств позволит вознаградить трудовые коллективы и учредителей ЮЛ.

**Ключевые слова:** НИОКР, Кондратьев, инновации, оборотные средства.

На X Международной конференции «Научное наследие Кондратьева Н.Д. и современность» состоявшейся в рамках Конгресса «Глобалистика-2017» в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в сентябре 2017 года мы обсуждали научное наследие Н.Д. Кондратьева. В процессе обсуждения возник вопрос о прогностической функции теории больших волн в предстоящем технологическом укладе. Хотелось бы остановиться на этом вопросе подробнее.

Недостатком теории является абстрактность трех понятий.

А. Экономические условия нового цикла и период накопления. Нет возможности отслеживать научные составляющие фундаментальной и отраслевой науки, формирующих новый технологический уклад, в финансовых результатах работы отрасли. Зачастую результаты научных разработок задёшево передаются в промышленность. Контроль, за которой, переходит финансовым корпорациям, извлекающим сверхприбыли из серийного производства. Недостаток оборотных средств тормозит научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

Б. Комплекс изобретений и открытий. Стихия рынка стимулирует спрос на открытия и изобретения. Только в военной сфере имеется генеральный заказчик и инвестор оплачивающий новое поколение технологий и их внедрение в военную промышленность. У хозяйствующих субъектов отраслевой науки и опытного производства нет генерального заказчика на комплекс новых технологий для отраслей.

В. Усложнение социальных взаимоотношений. Необходимо понимание стержневого вектора усложнения социальных отношений в отраслях нового технологического уклада.

С целью формирования прогностической функции теории в новом технологическом укладе мы предлагаем расширить понятийный аппарат составляющих её терминов.

1. Вспомним хозяйственную практику с правами на музыкальные произведения, Оплачивается авторам каждое использование музыкального произведения. Агентство прав регистрирует факт использования и перечисляет авторам вознаграждение. Большая работа проведена государством по учету сборов за кинопрокат. Сложнее с выгодой от использования НИОКР. Это требует подведения хозяйственных результатов работы отраслей. Этим должно заниматься государство. Основная задача, это сбор налоговой

нагрузки. Вторая задача, справедливое вознаграждение отраслевой науки, большая часть которой становится частной.

Мы предлагаем вовлекать научные разработки с оценочными показателями стоимости. Минимальными - при условиях убыточности серийного производства. Максимальными - при условиях большой прибыли отрасли в жизненном цикле производства товара. За основу можно принять принципы учетной политики, разработанные и примененные мною в хозяйственной практике в головном хозяйствующем субъекте отраслевой науки. Базой регистрации прав на научные разработки используемые в звеньях цепи производственной кооперации могут стать отраслевые электронные платформы. Серийное производство, вовлекая в производство разработки, регистрирует обязательства оплатить используемые результаты отраслевой науки в зависимости от финансовых результатов работы отрасли. Указываются предельные значения [6,7,8].

Необходимо расширить понятие критической массы изобретений принятых к использованию. Изобретения, открытия, разработки, проекты конструкторской документации, опытные образцы необходимо принимать по факту их использования. С поощрением правительственными наградами и материально. Такой метод применяется для поощрения спортивных достижений. Его нужно расширить и для хозяйствующих субъектов науки.

Пример. Послание Президента Федеральному собранию 2018 г. «Это новейшие разработки последних лет, это результат усилий десятков, десятков научных организаций, конструкторских бюро, институтов... Хочу сейчас обратиться к каждому из них и сказать: конечно, будут и премии, и награды, и почётные звания».

Для хозяйствующих субъектов отраслевой науки критерием может стать показатель налоговых поступлений отрасли. ФНС создает платформу для регистрации хозяйственных сделок. Эта информационная база может стать основой для системы вознаграждения отраслевой науки.

Отраслевая наука в 90-е годы серийным производством недооценивалась. У машиностроительных заводов не хватало оборотных средств на НИОКР. Государство должно провести анализ внедрения изобретений в производство с точки зрения наращивания налогооблагаемой базы. И на основе этого дополнительно поощрить труд конструкторов и исследователей отраслевой науки. а) Наградить грамотами для получения звания ветеран труда. б) Зачесть в страховую часть пенсионных начислений фактически оплаченные работодателями страховые взносы на страховую часть пенсии, отсеченные предельными значениями показателей средней зарплаты по стране или количеством баллов.

2. Принять за усложнение социальных связей для нового технологического уклада принципы бестарифной оплаты труда Волгина [5] и капитализацию зарплаты Бабаева [1,2]. За основу мы предлагаем принять положение об оплате труда разработанное мною для КБ краностроения.

3. Предложить для расширительного толкования лага задержки внедрений инноваций при созревании экономических условий принципы учетной политики и план счетов бухгалтерского учета, предложенные и внедренные в хозяйственную практику.

В Основах государственной инновационной политики Российской Федерации подчеркивается, что «... задача инновационного развития состоит в том, чтобы, найти и осуществить способы мобилизации источников финансирования НИОКР...». Существенное влияние на функционирование частного сектора оказывает разобщённость многочисленных хозяйствующих субъектов, и как следствие невозможность бизнес-проектов в отраслевом масштабе, с цементирующей опорной конструкцией стратегическим бизнес-планом с формированием определенных объективных условий функционирования отраслевого рынка и, располаганием реальной властью на соответствующем рынке.

Третий раз участвую в конференции в Институте экономики РАН и хотелось бы ответить на конкретные вопросы коллег.

1. Каким образом предлагаемая методика поможет большему вовлечению НИОКР в серийное производство, росту зарплат конструкторов и проектировщиков?

Сдерживает вид деятельности отраслевой науки недостаток оборотных средств в звене серийного производства. Увеличить количество серийно выпускаемой продукции позволит применение предлагаемой учетной политики поставок продукции сектору аренды техники, оборудования, капитальных работ.

2. Каким секторам серийного производства предназначена эта методика?

А) *Транспорт для малых городов.* У перевозчиков выкупить автобус (троллейбус, трамвай, электробус) большой вместимости нет оборотных средств. Методика предлагает производителям заключать контракты жизненного цикла. В учетной политике заводов начисление налогов с отгруженной продукции будет происходить по мере получения денег от эксплуатации техники на линии. Начисление и выплата зарплаты персоналу будет так же по этому графику.

Б) *Инфраструктурные объекты.* В Ивановской области много неиспользованной земли. Деревни пустеют. Предпринимательство минимально. Сельские дороги приходят в негодность. Предлагаются на строительство сельских дорог, мостов и другой инфраструктуры договора жизненного цикла. График поступления денег строительному подрядчику будет длительным из средств налоговых поступлений от роста сборов налогов.

В) Мы предлагаем для Ивановской области новый вид деятельности - поселки дожития. Специализированные поселения для людей пенсионного возраста. Для молодых пенсионеров предусмотреть возможность досуга. Для преклонного возраста систему ухода и обслуживания. Построить первый такой поселок, можно используя предложенную методику. Конкурентное преимущество этой методики – минимум заемных дорогостоящих банковских кредитов.

Г) Тариф сбора средств для капитального ремонта многоквартирных домов в Ивановской области назначен был недостаточный. В срочном ремонте нуждаются многие дома. Региональный оператор заключает договора лишь в объеме собранных средств. Мы предлагаем договора с отсрочкой оплаты. Это позволит большее количество домов отремонтировать.

Д) Утепление фасадов многоквартирных домов. Производство утеплителей и подрядчики выполнившие эти работы будут получать деньги в рассрочку от экономии средств на отопление многоквартирных домов.

Е) Конкурентным преимуществом таких регионов как Ивановская область является индивидуальное садоводство и огородничество. Для сбора, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции нет системы потребительской кооперации с необходимыми производственными мощностями. Создание всего этого без использования дорогостоящих банковских кредитов делает проект реальным для реализации.

Ж) Арендное жилье. Заказчиком для строителей выступит муниципалитет. Договор со строителями будет предусматривать оплату выполненных работ из сборов от аренды жилья.

*Ничего лишнего* [3,4] и бизнес-проекты сокращают непроизводительные издержки и становятся окупаемыми.

### Список литературы:

1. Бабаев Б.Д. Москва: донор или «вампир»? – Иваново: ИВГУ, 2009.
2. Бабаев Б.Д., Боровкова Н.В., Казаков М.Г., Медведева М.В., Новиков А.И. Кластерный подход и региональные точки экономического роста: теоретико-методологические аспекты; под общ. ред. Б.Д. Бабаева – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009.
3. Бондаренко В.М. Интеллектуальный потенциал нового методологического подхода в познании будущего и формировании стратегии его достижения Кондратьевские волны. - г. Волгоград, Изд. Учитель, №6, 2018, С. 203-207
4. Бондаренко В.М. Прогнозирование будущего: новая парадигма. Н.Д. Кондратьев

- кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн: взгляд из современности Сборник статей под ред. Л.Е.Григина, А.В.Коротаева, В.М. Бондаренко – Волгоград. Изд. Учитель, 2017, С 237-251.
5. Волгин Н. Бестарифная оплата труда. - М.: Профиздат, 1991.
  6. Курнатов М.Ю. К вопросу бизнес-планирования НИОКР в условиях недостатка оборотных средств в Сб. Экономические проблемы развития России – Иваново: ИвГУ, 2011.
  7. Курнатов М.Ю. Опыт стимулирования в рамках производственной кооперации в Сб. «Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики» под ред. Бабаева Б.Д. – Иваново: ИвГУ, 2011.
  8. Курнатов М.Ю. Предпринимательский доход с цепочки жизненного цикла // Экономика современной России: теоретические и методологические подходы к решению актуальных проблем развития: мат. междунар. науч.-технич. конф. Ч. 1. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004.

**Латков Андрей Владимирович**

*доктор экономических наук, профессор*

*Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС*

*при Президенте РФ*

*г. Саратов*

*latcov-av@yandex.ru*

## **К ВОПРОСУ ОБ ИНДИКАТОРАХ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ**

**Аннотация.** Диспропорции социально-экономического развития территорий связываются с неравномерным распределением организационно-управленческих центров частных корпоративных структур. С помощью расчета значений индекса Херфиндаля-Хиршмана оценивается региональная концентрация корпоративной активности в РФ в 2012-16 гг. Проведен сравнительный анализ концентрации управленческих структур в регионах России и США.

**Ключевые слова:** частные корпорации, локация штаб-квартир, концентрация экономической активности, пространственное развитие

### **Введение**

Указом Президента Российской Федерации № 13 от 16.01.2017 г. были утверждены Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года, а распоряжением Правительства РФ утвержден соответствующий План реализации [1, 2]. «Планом реализации Основ...» предусмотрены разработка проекта Стратегии пространственного развития РФ, а также стратегий социально-экономического развития макрорегионов и субъектов федерации; разработка аналитических программ территориального развития; имеется раздел, посвященный привлечению частных инвестиций в негосударственный сектор экономики; критерии принятия решений о создании зон (территорий) с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности. «Основами государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года» определены факторы и условия регионального развития, оказывающие влияние на формирование и реализацию государственной политики регионального развития, в том числе «значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов, неравномерное размещение производительных сил...». В разделе III «Цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики регионального развития» в качестве одной из целей указано «обеспечение устойчивого экономического роста и научно-



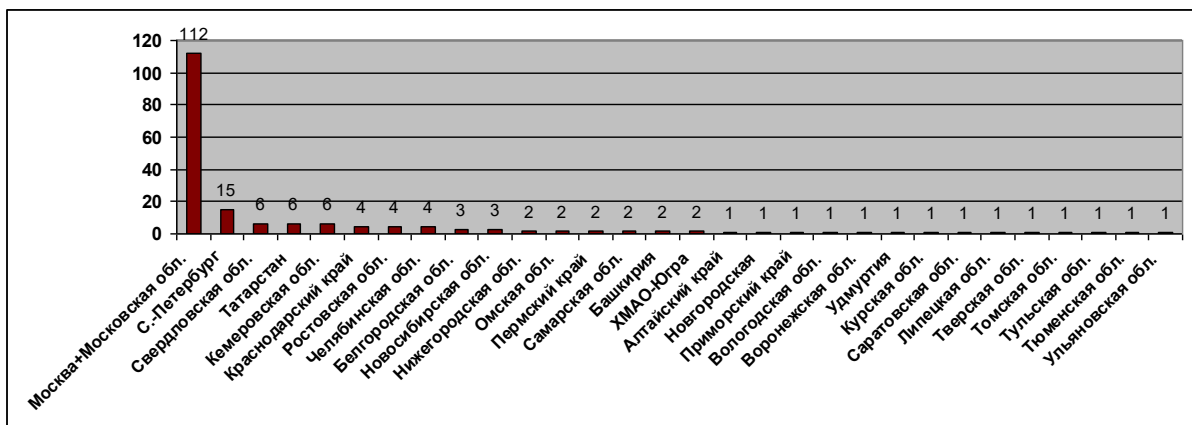
технологического развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», а также определение основных направлений изменения пространственной структуры экономики Российской Федерации». В данном контексте очевидно, что важной проблемой является выбор наиболее объективных индикаторов, позволяющих оценить степень социально-экономической дифференциации территорий в экономическом пространстве России.

Привлекательность различных территорий для экономически активного населения во многом обусловлена имеющимися возможностями карьерного роста и, как следствие, роста доходов. В свою очередь, в значительной степени это зависит и от такого фактора, как территориальное размещение штаб-квартир крупнейших корпоративных структур. Для стран с небольшой площадью территории эта проблема не является важной. Широко известны примеры микросоциальных и некоторых малых государств (Лихтенштейн, Монако, Люксембург и др.), которые непосредственно доступны для ежедневного посещения своих рабочих мест гражданами сопредельных государств. Совершенно иначе ситуация складывается для крупных государств с большой площадью территории. Диспропорции социально-экономического развития их отдельных территорий в известной степени можно связать с неравномерным распределением организационно-управленческих центров интегрированных корпоративных структур. В качестве примеров чаще упоминаются крупные полупериферийные страны, такие как Бразилия, КНР, Индия, Индонезия и некоторые другие. Россия не является исключением. В этой связи целесообразно анализировать диспропорции социально-экономического развития российских регионов в аспекте размещения управленческих структур, являющихся центрами формирования статусно-административной ренты как составной части доходов топ-менеджеров корпораций.

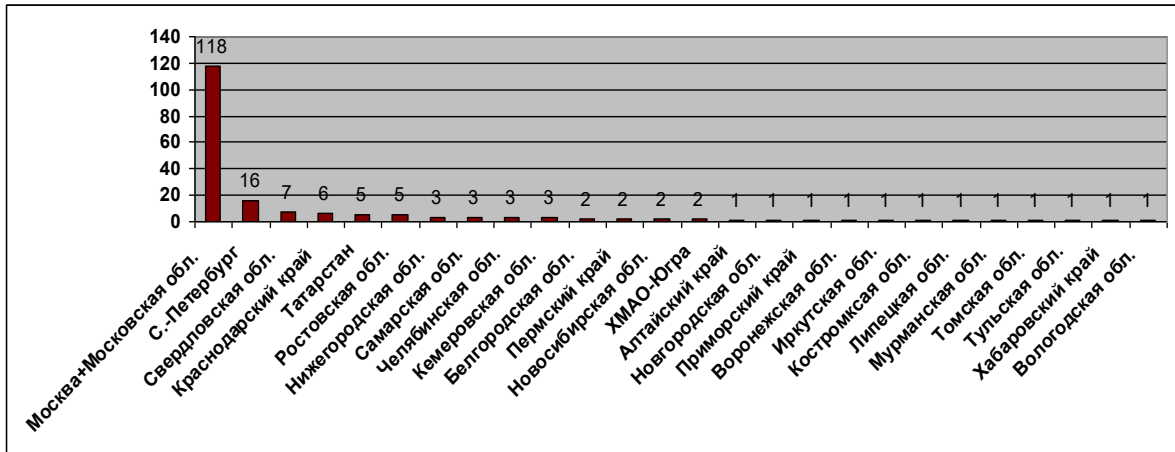
### Основная часть

Информационной базой исследования явились результаты рейтингования Forbes TOP-200 российских частных компаний, проведенные в 2013 г. (по итогам 2012 года) и в 2017 г. (по итогам 2016 года) [3, 4]. В качестве базы для межстранового сравнительного анализа были выбраны США, сопоставимые по площади территории и количеству административно-территориальных единиц с Российской Федерацией. TOP-200 крупнейших частных компаний США в 2016 г. был также составлен по рейтингу Forbes в 2017 г. [5]. Критерием выделения крупнейших частных компаний стали объемы их выручки за соответствующие годы. Распределение экономической власти между отдельными регионами оценивалось с помощью индекс Херфиндаля-Хиршмана (*Herfindahl-Hirschman index, HHI*).

Территориальное распределение штаб-квартир 200 крупнейших частных российских компаний представлено на рис. 1.



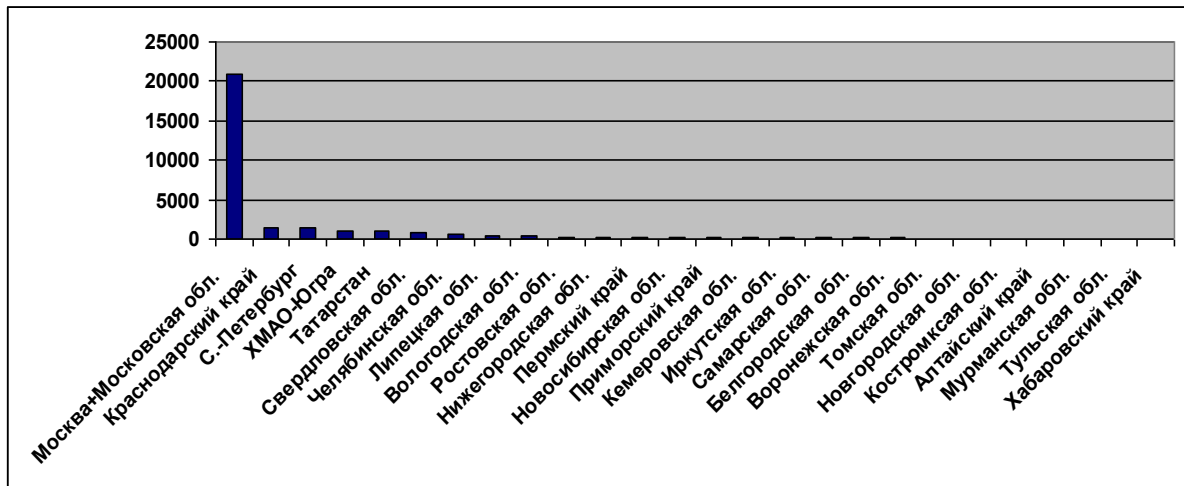




**Рис. 3. Территориальное распределение штаб-квартир крупнейших российских частных компаний между регионами РФ в 2016 г.**

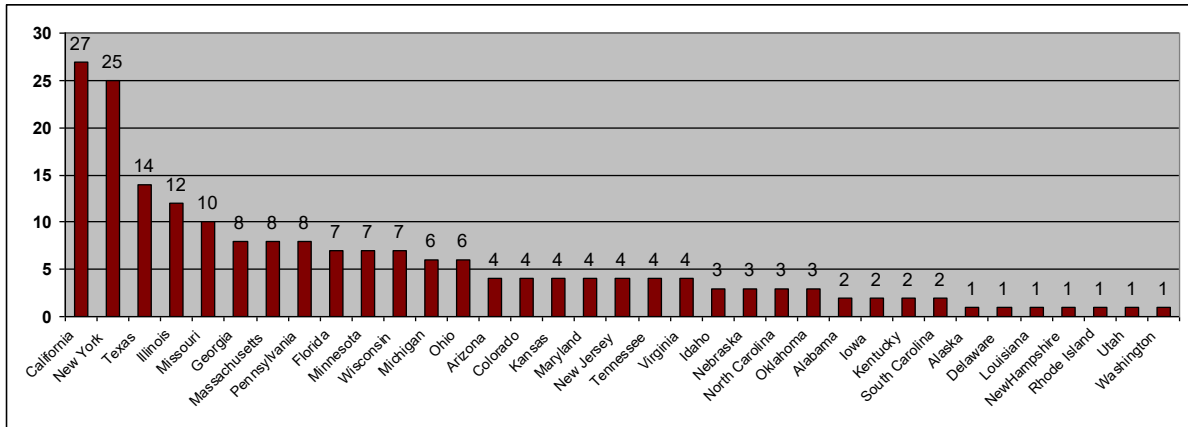
Из всех российских регионов штаб-квартиры крупнейших частных компаний в 2016 г. были расположены менее чем в трети – в 27 регионах, причем подавляющая часть – в Москве и Подмоскovie (как было сказано выше, в процессе анализа эти 2 субъекта федерации были объединены по агломерационному признаку). Как следствие, индекс концентрации управленческих структур крупнейших частных корпораций в России заметно вырос (НИИ = 4025).

Валовой корпоративный продукт 191 компании, имеющей штаб-квартиры в регионах РФ, в 2016 г. составил около 30078 млрд. руб., из которых на московские корпорации пришлось более 20800 млрд. руб. Учитывая суммарный ВКП по отдельным регионам, экономическая дифференциация субъектов Российской Федерации выглядит еще более впечатляющей, чем по итогам 2012 года (НИИ = 4868) (см. рис.4).



**Рис. 4. Территориальное распределение валового корпоративного продукта крупнейших российских частных компаний между регионами РФ в 2016 г.**

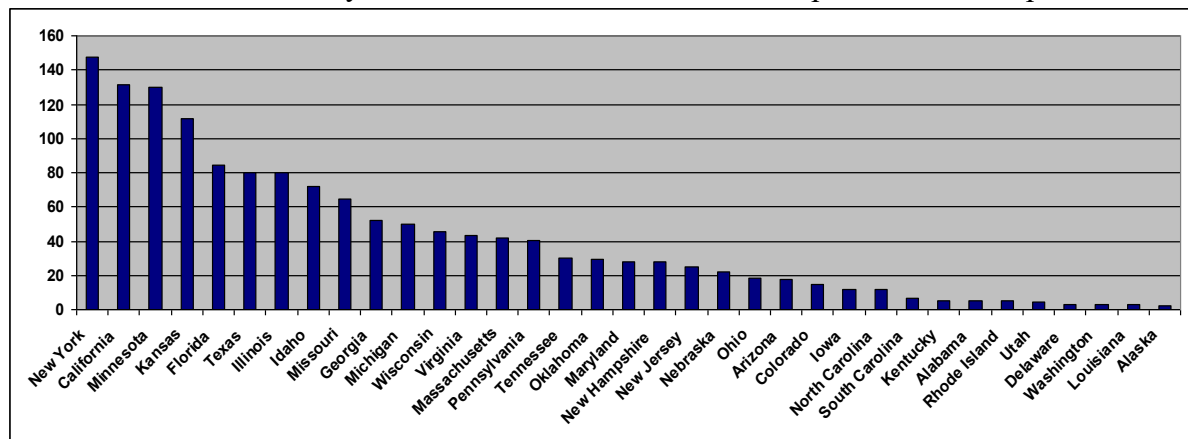
По площади территории и по количеству регионов США являются сопоставимыми с Россией. Поэтому определенный интерес вызывает сравнение соответствующих показателей РФ и США. Территориальное распределение штаб-квартир крупнейших частных компаний (“Largest Private Companies”) США между отдельными штатами в 2016 г. отображено на рис. 5.



**Рис. 5. Территориальное распределение штаб-квартир крупнейших частных компаний США между отдельными штатами в 2016 г.**

Обращает на себя внимание тот факт, что среди американских TOP-200 частных компаний нет таких, которые бы имели штаб-квартиры за пределами своей страны. Из 50 штатов в 35 (т.е. в подавляющем большинстве) есть штаб-квартиры крупнейших корпораций. Абсолютный лидер (территория-гегемон) отсутствует. Как следствие, концентрация управленческих структур крупнейших частных корпораций в США очень низкая (НИИ = 594).

Территориальное распределение валового корпоративного продукта крупнейших частных компаний США между отдельными штатами в 2016 г. представлено на рис. 6.



**Рис. 6. Территориальное распределение валового корпоративного продукта крупнейших частных компаний США между отдельными штатами в 2016 г.**

Валовой корпоративный продукт TOP-200 частных компаний США в 2016 г. составил 1448,1 трлн. долл. США. Следует обратить внимание на интересную деталь: если в России значение НИИ, рассчитанное по количественному распределению штаб-квартир между отдельными регионами, меньше рассчитанного по распределению ВКП, то в США наблюдается противоположная картина (НИИ = 552 по концентрации валового корпоративного продукта).

**Выводы:**

Таким образом, можно сделать вполне определенные выводы о современном состоянии экономического развития российских регионов и о целевых индикаторах пространственного развития Российской Федерации.

1. Чрезмерно большие диспропорции экономического развития российских регионов стали самоподдерживающимся негативным явлением, которое возможно преодолеть (смягчить) только при помощи адекватной целенаправленной государственной политики.

2. Представляется целесообразным уточнить целевые установки, ключевые индикаторы для мониторинга реализации плана Основ государственной политики регионального развития РФ, используя, в частности, показатели концентрации деловой активности в регионах России.

#### **Список литературы:**

1. Указ Президента Российской Федерации № 13 от 16.01.2017 г.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р
3. URL: <http://www.forbes.ru/rating/200-krupneishikh-chastnykh-kompanii-rossii-2013/2013> (Дата обращения: 15.07.2018)
4. URL: <http://new.forbes.ru/rating/350675-200-krupneyshih-rossiyskih-kompaniy-2017> (Дата обращения: 17.07.2018)
5. URL: [https://www.forbes.com/largest-private-companies/list/#tab:rank\\_header:state](https://www.forbes.com/largest-private-companies/list/#tab:rank_header:state) (Дата обращения: 17.07.2018)

**Лачинина Татьяна Александровна**

*доктор высшей степени в области экономических наук  
профессор в области экономики  
Член-корреспондент Российской инженерной академии  
г. Владимир  
t\_lachinina@mail.ru*

**Чистяков Максим Сергеевич**

*соискатель ученой степени кандидата наук  
Институт экономики и менеджмента Владимирского государственного  
университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых  
г. Владимир  
shreyamax@mail.ru*

## **КЛАСТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ**

**Аннотация.** Стратегическая необходимость обеспечения устойчиво-равномерного социально-экономического развития территорий подразумевает сбалансированное использование организационно-экономических ресурсов региона. К основным организационно-экономическим механизмам, фигурирующим в программах экономического развития, относят кластерные технологии. Кластеры являются необходимым условием формирования конкурентоспособных предприятий в пространственно-территориальном развитии региона как проявление преимуществ синергии кластерных элементов. Задействование кластерного подхода позволяет сформулировать концептуальные предпосылки экономической и социальной привлекательности территории, формируя определенный уровень деловой активности на платформе генерации «точек роста» через использование территориальных ресурсов и потенциала региона.

**Ключевые слова:** кластер, кластерные технологии, пространственно-территориальная структура, пространственное развитие, «тройная спираль».

Как отмечают Г.Б. Клейнер, Р.М. Качалов, Н.Б. Нагрудная, кластеры по своей экономической сути занимают промежуточное место между автономными организациями, региональными промышленными комплексами и отраслевыми альянсами, сочетая в себе черты всех указанных видов экономических систем. Кроме того, кластер несет не себе и

отпечаток проектных систем, поскольку часто является плодом сознательных организационных усилий лиц, рассматривающих формирование кластера как управленческий проект. Наконец, в определенном смысле кластер можно рассматривать как процесс, поскольку его состав не постоянен и может измениться в любой момент производственной деятельности. Эти интегрированные свойства кластера позволяют в принципе применять к ним как методы классического управления экономическими объектами, так и методы управления проектами. Учет и использование многоаспектных характеристик кластеров позволит, как можно надеяться, преодолеть отмечаемую сейчас многими исследователями и экспертами односторонность и неэффективность известных подходов к организации рынка [1].

Кластерный подход рассматривается как методический инструментальный пространственного структурирования экономики, позволяющий задействовать новые возможности конкурентных преимуществ, а также выявления триггерных (реперных) точек роста в контексте сбалансированного сочетания региональных интересов и определенных предприятий. Формирование инновационной системы по кластерному типу в пространственной структуре экономики региона позволяет выстраивать взаимоотношения государства, науки и бизнеса по принципу "тройной спирали", что обеспечивает развитие интегрированных структур, обладающих потенциалом трансфера знаний, в конечном итоге создающих благоприятные условия для генерации инновационного каркаса в общей концепции эволюции сбалансированной социально-экономической структуры региона.

Устойчивое и динамичное развитие инновационных кластеров в значительной степени зависит от доступности передовой научной мысли и технологий для вовлечения их в производственный цикл, а также от аккумулятивного притока значительного объема финансовых ресурсов. Главенствующее значение в пространственном развитии региональной экономики на основе инновационно-ориентированного кластерного подхода заключается в наличии развитой инфраструктуры интеллектуально-научного и финансового потенциала, тем самым кластер формируется как своеобразный коммуникационный центр непрерывного и продуктивного взаимодействия представителей научной и финансовой среды [2, С.412-413].

Кластер в пространственно-организационной концепции развития территории представляет собой конфигурационную структуру элементов, объективно или субъективно относящиеся к одной определенной групповой принадлежности функционирования. Формируемая структура обладает свойством подвижности и регенерации (восстанавливаемости), что способствует повышению резистентности резидентов кластерной структуры к турбулентной внешней среде. Кластеры способствуют формированию однородности и однозначности совокупного вклада в эффективность их деятельности от каждого субъекта [3, С.139].

Основными принципами формирования и развития кластерных структур в пространственно-хозяйственной структуре экономики региона являются координирующее взаимодействие кластерных элементов; процессно-проектный подход в выработке мероприятий по совместному развитию кластерной конфигурации; формирование модели синергии экономико-производственного и социального потенциала кластера в общей структуре эвентуальности региона; наличие регулирующего звена в кластере, выполняющего координирующую функцию; трансформация экономического эффекта деятельности кластера в социальный эффект.

Ключевым в структуре образования кластера является элемент «выгодной целесообразности», достигаемый за счет более конструктивного взаимодействия субъектов кластерной конструкции, расположенных на одной территории. Взаимодействия протекают на фоне снижения издержек, возникновения и увеличения положительных обратных связей, обеспечивающих интенсивное продуктивное развитие элементов кластерного образования [4, С.179].

Основным вектором государственной поддержки кластерного развития пространственной структуры экономики региона является достижение социальной привлекательности и экономического благополучия, роста благосостояния граждан.

Фактором кластеризации пространственной структуры экономики является наличие побуждающих мотивов к стартапу консолидирующего объединения деятельности предприятий на основе как явных, так и второстепенных форм партнерства.

Потенциал кластеризации территории в масштабах структурной диверсификации промышленности опирается на присутствие ресурсной составляющей пространственного развития. Система ресурсных связей позволяет объединить стартапы на основе проектного подхода и является элементом стратегии социально-экономического развития региона в аспекте формирования контуров кластерной структуры. В этой связи целесообразно задействовать модель актуальной значимости ресурсов территории в перспективной эвентуальности генерации высокотехнологичных региональных кластеров.

Фундамент развития пространственной социально-экономической структуры региона на основе кластерного подхода, по нашему мнению, составляет целесообразность координации и верификации целей и задач резидентов в стратегии развития, согласование механизмов и инструментов их достижения. При этом кластерный эффект от вхождения в кластерную структуру предприятий позволит оценить интенсивность и силу кластерного взаимодействия в пространственной структуре экономики региона, тем самым произвести корректировку и усовершенствование практического применения кластерных технологий в стратегии развития инновационного высокотехнологичного формата производственно-территориальной организации экономики России.

Кластерная структура, как целостная саморегулируемая система, представляющая собой совокупную взаимосвязанность резидентов кластера, находящихся в определенной взаимозависимости в пространственно-временном диапазоне, трансформационно преобразующих исходный материал (ресурсы) в конечный продукт (добавленную ценностную составляющую в виде прибыли), способна к прогрессивной эволюции (либо к угасанию и регрессу) в долгосрочной стратегии достижения запланированных целей и задач жизнеобеспечения, всецело корреляционно зависящая от способности данной системы обеспечить выверенное функционирование всех структурных элементов и подсистем.

Кластерный подход в пространственно-территориальном развитии позволяет применять различные формы координационного взаимодействия, что способствует переходу на иной (более совершенный) уровень управления. Формирование кластерной конфигурации катализирует деятельность в стратегически важных отраслях народного хозяйства вследствие мультипликативного эффекта посредством динамических изменений взаимодействия в структуре «тройной спирали».

Концепция формирования процессов пространственно-территориального сосредоточения экономики рассматривает факторы преимуществ, среди которых П. Кругман выделяет факторы «первой природы» (выгодное территориальное положение, природно-климатические ресурсы и т.д.), которые не подчинены аспекту существования человеческой цивилизации, и фактора «второй природы» (человеческий капитал, инновационно-технологическая деятельность, институциональная среда, агломерационный эффект), который в значительной степени варьирует от общественно-государственной составляющей [5].

Согласно теории «агломерационного эффекта» П. Кругмана основным фактором роста является скопление производственной деятельности в определенных географически взаимосвязанных регионах, которое дает выигрыш предприятиям благодаря увеличению своего размера или от положительных экстерналий, возникающих вследствие присутствия на рынке других предприятий. Поэтому Кругман предлагает рассматривать кластеры не как фиксированные потоки товаров и услуг, а как динамические образования на основе создания знаний, возрастающей отдачи и инноваций [6, С.35].

Как свидетельствует мировая практика, задействование кластерных технологий в развитии региона приводит к большей эффективности при понимании специфики и общих тенденций (трендов) пространственно-территориальной эволюции; при дифференциации и систематизации объективных и субъективных негативных факторов и возможностей повышения конкурентоспособности пространственно-территориальной структуры экономики региона; при формировании и развитии территорий опережающего развития (ТОР), которые, при грамотной реализации, способны в последующем произвести трансфер инноваций и технологий на большую часть территории РФ.

Можно утверждать, что не существует универсальной концепции развития предприятий и отдельных территориальных образований. Поскольку каждое из них выделяется своими характерными особенностями, то особое значение приобретает локальная политика, и прежде всего локальная стратегия инновационного прогресса, которая часто формируется именно благодаря кластерному подходу [7].

Региональная экономика имеет свой специфический кластерный профиль. Данную спецификацию можно проследить в специальном перечне [8]. Унификации и стандартизации кластерных структур, их сравнительному анализу по регионам, будет способствовать совокупность базовых определений, которые были бы универсальны по всем территориям. Для их формирования целесообразно иметь алгоритм группировки отраслевых кодов, которые бы отражали межотраслевые связи [9, С.130].

Необходимо отметить, что при определении критериев классификации кластеров можно упомянуть самостоятельность их формирования за счет проявления рыночных сил пространственного характера, а также искусственного целеполагания их создания институциональными субъектами. При принудительном построении кластерной конфигурации в пространственно-территориальной структуре экономики создается риск повторения прообразов территориально-производственных комплексов (ТПК) [10, С.125].

К проблемным аспектам эволюции кластерных структур в РФ следует отнести трансфер опыта зарубежного кластерного строительства. При разработке программных документов используется зарубежный опыт 10-15 летней давности, не учитывающий российскую специфику, а также современный подход кластерного развития, в рамках которого осуществляется поддержка и протекция исследований в данной области, позволяющий добиться максимального эффекта в инновационной деятельности. Данный подход (smart specialization) является основой современных европейских кластерных стратегий, имеющий перспективы трансформации в общеевропейскую кластерную политику. В перспективе планируется, что рассчитывать на поддержку Европейского союза смогут лишь те территории, которые «вышли на траекторию наукоемкой специализации». Тем самым для динамичного встраивания в систему мирового кластерного развития необходимо на государственном уровне придерживаться данных прогрессивных тенденций инновационного развития. При этом необходимо отметить широкий спектр применения «умной специализации» – от нано- и биотехнологий до сферы услуг и туристско-рекреационной деятельности. Таким образом, одним из сдерживающих факторов развития кластерных технологий в РФ является хронологический.

#### **Список использованной литературы:**

1. Клейнер Г.Б., Качалов Р.М., Нагрудная Н.Б. Синтез стратегии кластера на основе системно-интегрированной теории // Отраслевые рынки. 2008. № 5-6 (18)
2. Чистяков М.С. Стратегия формирования пространственных кластерных структур сетевого типа как инструмент устойчивого социально-экономического развития региона // Современные проблемы регионального развития: тезисы VII Всерос. науч. конф. Биробиджан, 9-11 октября 2018 г. / Под ред. Е.Я. Фрисмана. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН - ФГБОУ ВО "ПГУ им. Шолом-Алейхема", 2018. С. 411-413. ISBN 978-5-904121-22-8.



3. Дашицыренов Ч.Д. Пространственное развитие региона на основе формирования экономических кластеров // Актуальные проблемы современной экономики: коллективная монография / Под науч. рук. В.Г. Беломестнова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. – 272 с. ISBN 978-5-89230-570-9.
4. Лачинина Т.А., Чистяков М.С. Кластерные технологии как необходимый элемент политики устойчивого социально-экономического развития региона // Управление инновациями-2017: материалы международной научно-практической конференции 13-15 ноября 2017 г. Под редакцией Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. Москва, 2017. С. 176-181. ISBN 978-5-9997-0640-9.
5. Krugman P.R. Geography and Trade / P.R. Krugman. - Cambridge MA : MIT Press, 1991. - 142 p.
6. Voja С. Clusters models, factors and characteristics / С. Voja // International Journal of economic practices and theories. - 2011. - № 1. - P. 34-43.
7. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Макроэкономические аспекты региональной политики // Экономическая политика. 2006. № 4. С. 98-122.
8. Карта кластеров России // 1993-2015, НИУ ВШЭ, Российская кластерная обсерватория. Институт статистических исследований и экономики знаний [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://map.cluster.hse.ru> (09.01.2019).
9. Майзель А.И., Хутиева Е.С. Перспективы развития инновационных кластеров в Санкт-Петербурге // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 128-135.
10. Тютюшев А.П., Гасанов М.А., Васечко Д.Ю. Кластеры как инновационные экономические структуры // Вестник ТГПУ. 2011. № 12 (114). С. 121-127.
11. Конференция «Концепция smart specialization в региональной и инновационной политике» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.imemo.ru/index.php?page\\_id=502&id=2782](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2782) (15.09.2018).
12. Гарнов А.П., Гарнова В.Ю. Кластеризация экономики: способы повышения эффективности государственной промышленной политики // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 6 (90). С.110-117.

**Мазур Юлия Александровна**

*кандидат экономических наук, старший научный сотрудник*

*Институт экономики промышленности*

*Украина, г. Киев*

*mazyr@nas.gov.ua*

## **ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Аннотация.** В статье обозначены проблемы при использовании налогово-бюджетных инструментов стимулирования инноваций в контексте пространственного развития экономики России. Обоснована целесообразность совершенствования подхода к предоставлению инвестиционного налогового кредита с позиций уменьшения налоговой нагрузки на инновационную активность хозяйствующих субъектов. Предложены рекомендации по реформированию налогового стимулирования инноваций в государстве.

**Ключевые слова:** налогово-бюджетные инструменты, стимулирование инноваций, пространственное развитие, инвестиционный налоговый кредит, инновационная активность.

Нестабильность институциональной среды снижает инновационную активность хозяйствующих субъектов в регионах России. Согласно статистическим данным [1, С.7] доля крупных и средних предприятий, осуществляющих инновационную деятельность,

сократилась с 9,5% в 2010 г. до 8,5% в 2017 г. Это обусловлено тем, что участники инновационного процесса нуждаются в квалифицированной рабочей силе, рынках капитала и потребителей, определенной структуре прав интеллектуальной собственности, а также должны быть способны к внедрению изменений в производство, обусловленных новыми научными исследованиями и разработками. Рост наблюдался в Центральном (на 1,3%) и Южном (на 0,9%) федеральных округах, а также в городах Санкт-Петербург (на 3,1%) и Москва (на 1%); снижение имело место в остальных регионах страны: в Приволжском (на 3,2%), Северо-Кавказском (на 3%), Дальневосточном (на 2,2%), Сибирском (на 0,9%) и Северо-Западном (на 0,8%) федеральных округах [1, С.58]. В то же время, поскольку трудовые ресурсы и инновационные проекты являются мобильными на мировом рынке, регионы имеют достаточно возможностей для формирования устойчивых темпов роста инновационной экономики. Решение об инвестициях в региональные инновационные производства зависит от многих факторов, одним из которых является государственная поддержка деятельности, направленной на создание новых видов продукции (процессов производства или технологий). Так, одним из основных источников финансирования затрат на технологические инновации, помимо собственных средств предприятий, остаются средства федерального бюджета, доля которых в 2017 г. составила 27,1% в общей структуре таких затрат [1, С.26]. Поэтому важным направлением пространственного развития экономики России является обеспечение государственной поддержки расходов на инновационные разработки, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы с использованием соответствующих налогово-бюджетных инструментов.

Среди современных научных исследований, посвященных проблемам налогового стимулирования инноваций в условиях пространственного развития экономики, особое значение имеют зарубежные исследования, а именно работы L. Evers, H. Miller и Ch. Spengel [2], T. Karkinsky и N. Riedel [3], S.M. Ali Abbas и A. Klemm [4], J.G. Gravelle [5], M. Hasegawa и K. Kiyota [6] и других ученых. Анализу влияния налогов на инновационное развитие регионов в России посвящены фундаментальные работы В.В. Иванова, М.О. Какаulina, О.А. Цепелева [7], где авторами предложена методология расчета предельного налогового давления на инновационное развитие Амурской области. В статье Ю.В. Симачева, М.Г. Кузык, В.В. Фейгина [8] представлена попытка оценить меры российской государственной политики в сфере стимулирования инноваций с помощью налоговых льгот. А.А. Герман и В.А. Макаровой [9] проведен анализ налогового стимулирования деятельности компаний Ленинградской области и Дальневосточного федерального округа. В работе А.И. Татаркина, А.Д. Максимова и Т.А. Максимова [10] оценены разные виды эффективности налогового стимулирования региональной экономики, исходя из принятой в Пермском крае Методики оценки налоговых льгот, и предложены рекомендации по её совершенствованию. Ю.Б. Ивановым, И.А. Майбуровым и А.В. Назаренко [11] обосновывается методика оценки эффективности налоговых вычетов для налога на прибыль предприятий.

В целом уровень научной разработки проблемы налогового стимулирования инноваций в России для обеспечения устойчивого развития её территорий является не исчерпанным. Опираясь на наследие специалистов-предшественников, целью работы является обоснование проблем в использовании налогово-бюджетных инструментов и предложение перспективных направлений государственного стимулирования инноваций в условиях пространственного развития экономики России.

Стимулирование инноваций предполагает использование инструментов прямого государственного или налогового регулирования развития технологий. В условиях ограниченности бюджетных средств прямые государственные инструменты не справляются с задачей инновационного пространственного развития экономики, поэтому применяются налоговые механизмы, с помощью которых вводятся соответствующие стимулы и устанавливаются льготные режимы налогообложения прибыли предприятий. Для таких предприятий требованиями о предоставлении права на получение налоговых стимулов в

инновационной сфере с позиций пространственного развития могут быть следующие положения:

- территориальности: инновационные разработки должны проводиться в регионе, обеспечивающем предоставление соответствующих налоговых стимулов;
- регионального контента: среди сотрудников предприятия, занятых в инновационной сфере (например, научных сотрудников), должно быть определенное количество граждан региона, в котором осуществляется налоговое стимулирование соответствующих инноваций;
- эксплуатации: инновационные разработки должны использоваться на благо региона, предоставившего налоговые стимулы;
- прав интеллектуальной собственности: право собственности на полученный инновационный продукт (товар, услугу) принадлежит региону, которым предоставлены соответствующие налоговые стимулы.

В целом налоговые инструменты стимулирования инноваций имеют определенные преимущества перед прямыми государственными, благодаря чему способствуют решению проблем по привлечению разных групп предприятий к инновационной деятельности, снижению рисков провала правительства в выборе инновационных проектов, привлечению предприятий более точно уведомлять о полученных доходах, снижению административных расходов планирования, распределения и управления [12, С.42; 13, С.66]. Проведенный анализ российского опыта налогово-бюджетного стимулирования инноваций показал, что, с одной стороны, налогово-бюджетные инструменты способствуют повышению чистой приведенной стоимости перспективных инвестиционных проектов, снижая себестоимость инновационных разработок, а фискальные меры государства способствуют распределению инвестиций по разным проектам, между предприятиями и секторами экономики, обеспечивая ее инновационное развитие.

Но с другой, – прямые государственные и налоговые инструменты должны быть правильно спроектированы на принципах их использования (простоты и стабильности правил, прозрачности отчетности, ужесточения контроля за деятельностью государственных органов власти) с целью снижения административных расходов. Так, в российском правовом поле положительное влияние на пространственное развитие такого бюджетно-налогового инструмента, как инвестиционный налоговый кредит, который может применяться как к налогу на прибыль, так и к некоторым региональным или местным налогам, ограничено во времени, так как снижает налоговую нагрузку на доходы налогоплательщиков в течение недостаточного для их становления времени, что отражено в статье 66 Налогового кодекса РФ. Последующая поэтапная уплата суммы кредита и начисленных процентов влечет дополнительный рост налоговой нагрузки на доходы таких налогоплательщиков. Формирование базы налогообложения прибыли осуществляется без включения в расходы процентов за пользование инвестиционным налоговым кредитом. Это обуславливает снижение инвестиционной и инновационной активности хозяйствующих субъектов и, таким образом, замедляет темпы пространственного развития российской экономики.

В отличие от России механизм предоставления инвестиционного налогового кредита во многих инновационно развитых странах мира совершенно иной: он имеет вид инвестиционной скидки, которая уменьшает налогооблагаемую прибыль и не влияет на налоговые обязательства. Поэтому по форме предоставления инвестиционный кредит является субсидией, а не займом. При таких условиях его использование способствует уменьшению налоговой нагрузки и более уместно в условиях пространственного развития российской экономики.

Несмотря на то, что инвестиционный налоговый кредит в целом является одним из самых простых инструментов налогового стимулирования, его использование имеет риски. Одна из основных проблем заключается в том, что предприятия могут нести значительные расходы на соблюдение соответствующих требований. Например, проверять все расходы на НИОКР для обоснования того, что исследовательские разработки ведутся только в

некоммерческом секторе. Существует также опасность потери такого стимула в случае его двойного предоставления, например, когда контракты с другими предприятиями на выполнение подрядных работ включены в исчисляемую базу налогообложения. Однако если применять инвестиционный налоговый кредит ко всем расходам на инновационные разработки, то он должен стимулировать деятельность всех предприятий-участников хозяйственного процесса. В данном случае невозможно избежать кумуляции, поскольку предприятия, которые являются субподрядчиками по инновационным разработкам, а также те, которые осуществляют такие разработки, могут получить пользу от предоставления инвестиционного налогового кредита.

Последние попытки по реформированию механизма налогово-бюджетного стимулирования инноваций свидетельствуют о том, что его положительное влияние на пространственное развитие России ограничено. Исходя из этого, предложены рекомендации, основанные на анализе международного опыта, а именно:

1. Главным требованием налогового стимулирования инноваций должно быть осуществление субъектом хозяйствования систематической деятельности, направленной на достижение научно-технического прогресса в условиях научной или технологической неопределенности;

2. Налоговые стимулы должны:

а) быть доступны инновационным предприятиям независимо от их территориального расположения в пределах государства и размера. Это связано с тем, что налоговое стимулирование в современных условиях глобального развития смарт-технологий способствует решению проблем модернизации существующих и создания новых инновационных предприятий, использующих информационно-коммуникационных технологий независимо от территориального расположения;

б) позволять вычитать из суммы налога на прибыль инновационных предприятий часть расходов, которые законодательством РФ должны быть определены как квалифицированные расходы на развитие инноваций, сокращая тем самым сумму сформированного налогового обязательства таких предприятия перед бюджетом;

в) предоставляться на безвозвратной основе в течение законодательно установленного периода времени, который должен составлять от одного до пяти лет;

г) быть разработаны с учетом сведения к минимуму возможностей развития коррупции при предоставлении стимулов и злоупотреблений налогоплательщиками при их использовании;

3. Оценка правительством ожидаемых расходов и выгод от налогово-бюджетного стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности предприятий России должна быть аналогична оценке других видов налоговых расходов с учетом институциональных особенностей развития пространственной экономики, что обеспечит своевременное выявление их преимуществ и недостатков в действующей институциональной среде, а также будет способствовать их корректировке для использования в дальнейшем.

Таким образом, практическая значимость предложенных рекомендаций заключается в том, что их реализация позволит создать условия для положительного влияния налогово-бюджетных инструментов стимулирования инноваций на пространственное развитие России, а также наращивания в её регионах темпов экономического роста до уровня инновационно развитых стран мира.

#### **Список литературы:**

1. Инновационная деятельность в Российской Федерации. Выпуск 4: Инф.-стат. мат. / Под ред. Бахтурина Г.И., Березиной Е.В., Лебедева К.В., Самариной Ю.В. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. 88 с. URL: [http://csrs.ru/archive/stat\\_2018\\_inno/innovation\\_2018.pdf](http://csrs.ru/archive/stat_2018_inno/innovation_2018.pdf) (дата обращения: 10.01.2019).
2. Evers L., Miller H., Spengel Ch. Intellectual Property Box Regimes: Effective Tax Rates and Tax Policy considerations / Centre for European Economic Research, 2013.

- Discussion Paper № 13-070. 55 p. URL: <http://ftp.zew.de/pub/zew-docs/dp/dp13070.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
3. Karkinsky T., Riedel N. Corporate Taxation and the Choice of Patent Location within Multinational Firms // *Journal of International Economics*. 2012. Vol. 88 (September). P. 176-185.
  4. Abbas S.M. Ali, Klemm A. A partial race to the bottom: corporate tax developments in emerging and developing economies // *International Tax and Public Finance*. 2013. Vol. 20 (August). P. 596-617.
  5. Gravelle J.G. Tax Havens: International Tax Avoidance and Evasion / CRS Report, 2015. January 15. 55 p. URL: <http://fas.org/sgp/crs/misc/R40623.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
  6. Hasegawa M., Kiyota K. The Effect of Moving to a Territorial Tax System on Profit Repatriations: Evidence from Japan / Research Institute of Economy, Trade and Industry, Discussion Paper series 13-E-047. 2013. 33 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/13e047.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
  7. Иванов В.В., Какаулина М.О., Цепелев О.А. Модель расчета предельной налоговой нагрузки региона с учетом реализации крупнейших инвестиционных проектов // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 292-302.
  8. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Фейгина В.В. Государственная поддержка инноваций в России: что можно сказать о воздействии на компании налоговых и финансовых механизмов? // *Российский журнал менеджмента*. 2014. Т. 12, № 1. С. 7-38.
  9. Герман А.А., Макарова В.А. Влияние налоговых льгот на инвестиционную деятельность российских корпораций // *Известия ДВФУ. Экономика и управление*. 2017. № 4. С. 73-82. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2017-4/73-82>.
  10. Татаркин А.И., Максимов А.Д., Максимов Т.А. Оптимизация методического сопровождения применения налоговых льгот в регионах: практика Пермского края // *Экономика региона*. 2015. № 1. С. 197-213. DOI: <https://dx.doi.org/10.17059/2015-1-17>.
  11. Иванов Ю.Б., Майбуров И.А., Назаренко А.В. Методологические основы оценки и моделирования эффективности налоговых льгот // *Общество и экономика*. 2016. № 10. С. 80-96.
  12. Мазур Ю.О. Перспективи податкового стимулювання НДДКР в Україні: досвід інноваційно розвинутих країн // *Економіка промисленості*. 2016. № 2 (74). С. 33-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivi-podatkovogo-stimulyuvannya-nddkr-v-ukrayini-dosvid-innovatsiyno-rozvinutih-krayin> (дата обращения: 10.01.2019).
  13. Мазур Ю.А. Налоговые стимулы НИОКР в условиях эмерджентной экономики: направление реформ для Украины // *Экономика промышленности*. 2017. № 2 (78). С. 61-79. DOI: [10.15407/econindustry2017.02.061](https://doi.org/10.15407/econindustry2017.02.061).

**Макар Светлана Владимировна**  
доктор экономических наук, доцент  
Финансовый университет  
г. Москва  
svetwn@mail.ru

## **КЛЮЧЕВЫЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ: СОВРЕМЕННЫЕ АКЦЕНТЫ**

**Аннотация.** Представлен агломеративный подход и систематизация пространственных структур как конструкций, результирующих и закрепляющих процессы организации/реорганизации пространства национального и субнационального уровня России. Выделены акценты, соответствующие актуальным трендам, вызовам, угрозам современного национального и субнационального развития.

**Ключевые слова:** Россия, пространственное развитие, пространственные структуры, человеческий капитал, агломеративный подход.

Национальная конкурентоспособность, как и конкурентоспособность регионов России, определяются не только ее исторически сложившимися пространственными особенностями, но и актуальными акцентами текущего периода пространственного развития. Очевидно, что они должны быть адекватны природным и экономическим трендам, вызовам, угрозам, чтобы поддерживать гармоничные взаимоотношения природных и экономических подсистем на конкретных территориях. На наднациональном уровне научное представление о пространственном развитии продолжает формироваться в рамках пространственной науки (spatial science) как особого междисциплинарного направления. Вместе с ростом мирового научного признания данного направления растет к нему в последнее десятилетие национальный интерес. Очевидно, что научная категория пространственного развития все более сопрягается с отечественной хозяйственной практикой, особенно с эффективностью настоящего социально-экономического развития регионов страны, ее национальной безопасностью [1, С.8-11]. Эти аспекты наряду с рядом других нашли отражение в Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации, длительный процесс разработки которой связан с ее очевидной значимостью [2, С.265].

Приоритетные проблемы, акцентированные на государственном уровне управления:

1-низкая степень освоенности национального (макрорегионального) пространства,  
2-неэффективная организация регионального пространства: слабая связанность элементов и структур (пространства субъекта Федерации, федерального округа, национального пространства),

3-сжатие [3, С.17] экономического пространства страны, что представляет угрозу национальной безопасности.

Современный процесс трансформации и организации пространства объединяет экономические, социальные, территориальные и экологические акценты социально-экономического развития России и ее регионов. Актуальный и перспективный акцент, по мнению автора – устойчивое пространственное развитие. Его концепт обусловлен потребностью формирования национальной стратегии пространственного развития, с одной стороны, и, с другой, - необходимостью устойчивого (стабильного) функционирования региональных социально-экономических подсистем. Устойчивое пространственное развитие регионов выдвигает следующие критерии к пространственным структурам: многофункциональность, резистентность, комплексность, приемственность процесса развития [4, С.44-45].

Пространственные структуры представляют собой результат развития хозяйства (в основном национального и субнационального уровня), они создают и закрепляют определенную организацию регионального пространства. Также их образование и

преобразование связано с процессом реорганизации национального и субнационального (регионального) пространств. Выявление актуальных пространственных структур для развития страны и ее регионов опирается на стратегию развития России, теорию региональной экономики (и, в частности, ее атрибуты), стратегии развития регионов-субъектов РФ, на анализ элементов национального/ регионального хозяйства, выделение его особенностей, и, в конечном счете, направлено на реализацию потенциала пространственного развития России и ее регионов, новых возможностей использования ресурсов, их приращение и, в итоге, прогрессивное устойчивое национальное развитие.

Мониторинг данного развития возможен в настоящее время для ключевых пространственных структур, к которым относятся: города и городские агломерации, транспортная инфраструктура, территориально-отраслевые и инновационные кластеры [5]. Современная политика пространственного развития России акцентирует особое внимание именно на последних. В этой связи необходимо подчеркнуть принципиальное значение парадигмы развития, выбранной страной. Именно она определяет концепцию процесса формирования макроструктуры ее пространства. Далее происходит формирование акцентов стратегии развития и приоритетных пространственных структур.

Территориально-экономические кластеры – как одна из разновидностей агломераций – актуальная форма размещения производительных сил для нашей страны в последнее десятилетие [6, С.24-26]. Однако важно учитывать и использовать преимущества других типов агломераций [7, С.116-118]: городских агломераций, отраслевых районов и креативных регионов. Особенности таких пространственных структур как городские агломерации и отраслевые районы обусловлены их преимуществами – эффективностью и гибкостью. Два других типа агломераций – экономические кластеры и креативные регионы – рассматриваются как центры создания знаний и инноваций.

Теоретическое знание, которое является триггером технологических инноваций, входит в число основных признаков постиндустриального общества. Парадигма постиндустриального развития, представляющая глобальный тренд, акцентирует приоритеты развития человека, особенности взаимодействия людей, изменения в характере труда, а также другие параметры, которые объединяет понятие «устойчивое развитие человеческого капитала». Данный вектор – превращение человеческого потенциала в человеческий капитал – связан с вопросами миграционной подвижности, показатели которой, – важный индикатор процессов поляризации современного пространства

Именно с формированием и оценкой человеческого капитала [8, С.68-70] связан, по нашему мнению, наименее исследованный пока и разработанный в нашей стране тип агломераций – креативные регионы. Вместо специализации и пространственной кластеризации связанных отраслей (видов деятельности) в данном случае акцент делается на наличие регионального разнообразия квалификаций и компетенций, носителями которых являются конкретные люди, группы людей, социальные кластеры [9]. В России креативные регионы связываются в настоящее время с формированием инновационных технологических комплексов. Стратегии развития страны предусматривают создание ряда крупных технополисов со специализацией на «прорывных» технологиях и инновационных продуктах. Предпринята попытка обозначить их конкретных ареалов: Владивосток – Хабаровск, Новосибирск – Томск – Красноярск, Екатеринбург – Челябинск, Самара – Казань, Ростов-на-Дону – Краснодар, Москва – Московская область (в т.ч. Сколково), Санкт-Петербург – Ленинградская область.

Как с национальной, так и с региональных (субнациональных) позиций (развития хозяйства отдельных регионов-субъектов РФ с учетом специфики развития отдельных территорий, а также концепций развития макрорегионов России) следует подчеркнуть сохраняющуюся актуальность и перспективность исследования пространственных структур агломерационного типа. Для России целесообразно развивать все разновидности структур данного типа.

Суть агломеративного подхода заключена в следующем:

- -присоединить (по возможности) неупорядоченные элементы к сетевой структуре;
- -выделить (создать) агломерации различного вида с учетом соответствия их особенностей сложившейся специфике регионов;
- -использовать все возможные по комплементарности сочетания: экономико-отраслевые, территориальные, социальные.

Агломерирование необходимо рассматривать как один из возможных процессов, происходящих в пространстве, наряду с такими процессами как освоение, уплотнение, сжатие. Формирование пространственных структур и отдельных элементов характеризует каждый из них. С позиций приоритетов национального уровня, необходимо подчеркнуть, что на основе пространственных структур агломерационного типа с элементами и связями, соответствующими особенностям каждого вида агломераций, теоретически возможно сформировать устойчивую конструкцию под заданные стратегические цели социально-экономического развития России.

### **Литература:**

1. Лексин В., Порфирьев Б. Правовые механизмы в структуре регуляторов пространственного развития (на примере российской Арктики) // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С.8-17.
2. Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2 (98). С.264-287.
3. Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). - М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
4. Макара С.В. Устойчивое пространственное развитие: критерии и индикаторы // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы международной научной конференции в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Том.2 – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 409 с. С.43-46.
5. ГИС-технологии для управления устойчивым пространственным развитием регионов России/ под ред. П.В.Строева, Р.В.Фаттахова, С.В.Макара.- М.:А-проджект, 2018. 160 с.
6. Макара С.В. К развитию теории организации регионального пространства // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6. С.22-27.
7. Макара С.В. Развитие национального пространства: организационно-структурные концепты // Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности. Т. 2. М.: Финуниверситет, 2015. С.114-119.
8. Власюк Л.И., Кашин В.К., Макара С.В. Индикаторы гуманизации регионального развития: человеческий капитал // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т.9. № 6. С.68-76.
9. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. - М.: Бизнес Атлас, 2010. 272 с.



**Малахова Татьяна Сергеевна**  
кандидат экономических наук  
Кубанский государственный университет  
г. Краснодар  
malakhovats@mail.ru

## **ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СТРАНАМИ ЕАЭС НА РЕАЛИЗАЦИЮ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**Аннотация.** В условиях глобальной нестабильности позиции России в геоэкономической сфере являются неоднозначными и противоречивыми. Введенные в отношении нашей страны санкции со стороны США и ЕС только углубляют структурные проблемы национальной экономики. В этой связи России необходимо укреплять внешнеэкономическое и внешнеполитическое сотрудничество с прямыми партнерами в рамках Евразийского экономического союза, реализуя концепцию стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года.

**Ключевые слова:** кризис, санкции, позиции России, индустриализация, Евразийский экономический союз.

После распада СССР и краха биполярной системы позиции современной России в глобальной экономико-политической сфере неустойчивы и противоречивы. В условиях глобальной нестабильности национальная экономика не стала центром силы, которой была в советское время [1, С.45–54]. Согласимся с утверждением Р.И. Хасбулатова, что если говорить в целом об экономике СССР, это была могучая, здоровая экономика, не имевшая никаких «смертельных недугов» и способная эволюционировать в новом качестве. Общество было стабильным, разделившим социалистические идеалы; оно, однако было весьма недовольно качеством управления, многие руководители в центре и регионах вызвали раздражение [2, С.52]. Сегодня Россия все больше становится зависимой от внешней среды, от политических и экономических решений отдельных интеграционных групп, международных организаций, ущемляющих интересы Российской Федерации в области внешнеэкономических и политических связей. Кроме того, негативное влияние на динамику российской трансформации оказывают современные глобальные дисбалансы. Многие российские ученые и эксперты уже давно акцентировали внимание на необходимость применения стратегии импортозамещения в российской экономике. Однако об указанной стратегии правительство России вспомнило в самое неподходящее для страны время, когда происходит существенный отток иностранных инвестиций из страны, усиление санкционного режима и т.д. За два десятилетия страна стала практически полностью зависима от импортных компонентов, и за обозначенное время сформировалась не отечественная инфраструктура, а импортная. Импортозамещение предполагает не поиск новых рынков с целью закупки товаров, а развитие собственного производства, что в нынешних условиях практически не наблюдается. По мнению В.Т. Рязанова, импортозамещение должно выступать в увязке с расширением инвестиционной деятельности, направленной на масштабное обновление основного капитала [3, С.3-32]. Ученый подчеркивает, что реформирование хозяйственной системы в соединении с активной промышленной политикой и разворотом в сторону новой индустриализации – таков путь к обеспечению динамичного и устойчивого экономического роста [4, С.3-34].

Механизм импортозамещения заключается в том, что снижение реального обменного курса приводит к относительному удорожанию импортных товаров, вследствие чего спрос должен смещаться в сторону товаров национального производства. Ряд экспертов утверждают, что целесообразно стимулировать импортозамещение с целью устранения кризисных явлений в отечественной экономике. С данным утверждением нельзя не

согласиться, поскольку импортозамещение действительно может стать фактором выхода страны из стагнации. Однако это длительный процесс, требующий колоссальных финансовых средств со стороны и государства, и частных инвесторов. Так, профессор О.С. Сухарев считает, что на протяжении последних 20 лет коэффициент структурной независимости обрабатывающих производств, и в частности машиностроения, неуклонно ухудшался. Это выражалось в увеличении импортной зависимости в производстве машин и оборудования, в формировании элементов «импортной инфраструктуры» [5, С.77-81].

В современных условиях рассматриваются как минимум две модели включения стран в мировое хозяйство: интеграционная и адаптационная. Крупные хозяйственные системы самодостаточного типа, как правило, предпочитают модель взаимодействия с другими крупными экономическими структурами. Что же касается небольших стран (хозяйственных систем), то они выбирают модель интеграции с более масштабными экономиками и нередко становятся центрами региональных союзов [6, С.445–460]. На наш взгляд, для постсоциалистических стран, в особенности ЕАЭС, необходима смешанная модель, базирующаяся на интеграционной и адаптационной моделях. С точки зрения геополитических интересов России целесообразнее использовать интеграционную модель [7, С.13–26]. Вызывает опасение, что отдельные постсоциалистические государства функционируют или в блоке НАТО, или в ЕС, в частности Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия и др. Российской экономике необходимо взаимодействовать с государствами-партнерами в контексте обеспечения экономической безопасности страны и сохранения её национальных границ. Одни эксперты, такие как Г. Киссинджер и З. Бжезинский, не заинтересованы в сильной России. Другие эксперты, в частности Р. Лайн, С. Тэлботт, К. Ватанабэ, довольно сдержанно реагируют на интеграционные процессы в постсоветском пространстве, однако они также не желают иметь Россию в качестве сильного игрока с имперскими амбициями в глобальной системе.

Обозначим возможные сценарии дальнейшего сотрудничества России с отдельными странами и регионами после снятия санкций или ослабления санкционного режима, а именно: налаживание и углубление сотрудничества с ключевыми игроками в глобальной экономике (США, Германия, Япония, Китай и т.д.) и нахождение консенсуса во внешнеполитических и экономических противоречиях; переориентация национальной экономики на азиатский рынок и углубление сотрудничества с государствами-партнерами в данном регионе; усиление взаимодействия с государствами – партнерами в рамках группы БРИКС, СНГ, ЕАЭС и т.д.; восстановление и развитие тесного сотрудничества со странами Европейского союза и усиление геополитических позиций на евроазиатском пространстве. Мы выбрали именно данный период, поскольку после введения санкций многие страны мира пересмотрели среднесрочное и долгосрочное сотрудничество с Россией. Довольно сложно спрогнозировать, как поведут себя в этой ситуации страны-партнеры. В современных условиях национальному правительству целесообразно гибко вести переговоры даже с союзными государствами, поскольку трудно предугадать ход дальнейших событий. Безусловно, российская экономика привлекательна для государств-партнеров своими энергетическими и минеральными ресурсами, научными технологиями, транзитной территорией, однако этого оказалось мало для отдельных стран. Ярким примером оказалась Украина, которая почти в одночасье переориентировала свою экономико-политическую систему на Запад и на довольно тесное сотрудничество с блоком НАТО. Безусловно, в идеальном варианте Российской Федерации целесообразно налаживать и углублять партнерство с ключевыми игроками глобальной экономики, в частности с США, Германией, Японией, Китаем и отдельными НИС. Однако указанный сценарий утопичен, поскольку политическое давление со стороны представленных стран может в среднесрочной и долгосрочной перспективе оказать негативное влияние на внешнеторговые отношения между странами. Для США необходимо сохранить лидирующие позиции в глобальной экономико-политической сфере, а не укреплять отношения с Россией и рядом других стран. Можно предположить, что Соединенным Штатам даже выгодно углубление конфликта между Россией и Европейским

союзом, поскольку они сами стремятся сохранить свое влияние на данную группировку. Как утверждает В.И. Меркулов, «Россия – евразийское государство, геополитически расположенное между Европейским союзом и Азиатско-Тихоокеанским регионом... Данную двухвекторность развития нельзя игнорировать». Мы полностью разделяем это мнение, однако трудно согласиться с тем, что Россия будет связующим звеном между западноевропейскими и восточноазиатскими интеграционными пространствами [8]. В лучшем случае они будут основными конкурентами на глобальном рынке. При этом Россия может оказаться между двумя противоборствующими экономико-политическими блоками во главе с ЕС и восточноазиатскими государствами.

Что касается взаимодействия России в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), то этот формат позволит утвердить геополитические позиции страны в глобальной экономико-политической сфере. В данной группе Россия принимает на себя роль ядра, а входящие страны-партнеры (Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия) составляют её периферию. В большинстве случаев периферийные государства соглашаются на российские условия при тесном международном сотрудничестве. Однако если ЕАЭС сравним с наиболее развитыми интеграционными группами, то увидим, что в глобальном масштабе их позиции неоднозначны и слабы. Также модель интеграции в рамках ЕАЭС реализуется медленно, в отдельных аспектах непоследовательно и встречает мощное внешнее давление со стороны США и ЕС. К сожалению, в рамках ЕАЭС функционируют те страны, которые имеют структурные экономико-политические проблемы и не способны в нынешних условиях предложить конкурентоспособный товар, который будет пользоваться спросом на глобальном рынке. Что же касается геоэкономических интересов России, то здесь в большей мере необходимо применить адаптационную модель. При реализации стратегии импортозамещения упор необходимо делать на внутренние ресурсы, а также на развитие системообразующих отраслей национальной экономики. Следует стремиться к обеспечению продовольственной безопасности страны, а не находить новые рынки для импорта товаров и услуг.

В рамках концепции стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года обозначается, что процессы интернационализации России в единое евразийское и мировое экономическое пространство будут реализовываться через интеграцию в мировое хозяйство отдельных предприятий, кластеров, локальных пространственных структур различной специализации, совершенствуемых региональных хозяйственных комплексов, трансформируемых на основе развития новой высокоэффективной и конкурентной специализации российских регионов. Так, с целью обеспечения встраивания пространственных структур различного уровня в единое евразийское, а также геоэкономическое пространство до 2030 г. необходимо реализовать: опережающее развитие в каждом регионе специализированных видов хозяйственно-экономической деятельности; совершенствование имеющихся и строительство новых транспортных узлов и транспортных коммуникаций регионального, межрегионального, а также международного значения; создание с привлечением зарубежных специалистов, а также передовых зарубежных компетенций с последующим функционированием во всех субъектах РФ высокоэффективной инновационной инфраструктуры и т.д. Однако все указанные выше цели возможно реализовать только при грамотной и последовательной экономической политике руководства страны. Кроме того, необходимо привлечение не только частного капитала, но и государственных инвестиций для реализации указанной стратегии. Безусловно, целесообразно применить форму государственно-частного партнерства, где гарантом реализации крупномасштабных проектов будет выступать российская сторона по отношению к зарубежным и национальным инвесторам.

Таким образом, во-первых, для постсоциалистических стран, в особенности ЕАЭС, предлагается смешанная модель, базирующаяся на интеграционной и адаптационной моделях. С точки зрения геополитических интересов России целесообразно использовать интеграционную модель, поскольку необходимо обеспечить экономическую безопасность

страны и сохранить её национальные границы. Что же касается геоэкономических интересов России, то здесь в большей мере подходит адаптационная модель. Так, в соответствии с современными тенденциями России следует наращивать свой экономический потенциал за счет внутренних ресурсов, что позволит более стойко переживать дисбалансирующие процессы в мире [9].

Во-вторых, представлены возможные сценарии дальнейшего сотрудничества России с отдельными странами и регионами после снятия санкций или ослабления санкционного режима. Усиление взаимодействия с государствами – партнерами в рамках группы БРИКС, СНГ, ЕАЭС – это приоритетное и наиболее важное направление для экономики России в современных условиях [10].

#### **Список литературы:**

1. Малахова Т.С. Причины и последствия распада биполярной системы: геоэкономический аспект // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №2. С. 45–54.
2. Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации. Том 1 / Под ред. чл.-кор. РАН, д.э.н., профессора Р.И. Хасбулатова. – М.: Вече, 2017. – С. 52.
3. Рязанов В.Т. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. №8. С. 3–32.
4. Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 5: Экономика. 2013. №4. С. 3–34.
5. Сухарев О.С. Стратегии импортозамещения // Бюджет. 2014. №11. С. 77–81.
6. Гринберг Р.С., Косикова Л.С. Новые тенденции экономического сотрудничества на постсоветском пространстве // Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки. М.: Наука, 2004. С. 445–460.
7. Малахова Т.С. Позиции России в глобальной экономике: тенденции и противоречия // Финансы и кредит. 2015. №21 (645). С. 13–26.
8. Меркулов В.И. Россия – АТР: узел интересов. – М.: Академический Проект, 2005.
9. Малахова Т.С. Глобальный экономический кризис и трансформационные процессы в мировой валютно-финансовой системе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. №95. С. 806–822.
10. Малахова Т.С. Кризис глобальной экономики: тенденции и противоречия: монография / Т.С. Малахова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015.

**Малкин Иосиф Гилевич**

*Инженер, независимый исследователь  
г. Москва  
brilliant\_99@mail.ru*

## **МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ НОВОЙ НООСФЕРНОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ**

**Аннотация.** Для прорывного развития России и решения комплексных задач, стоящих перед отечественной экономикой, необходимо осуществить Новую ноосферную индустриализацию России (ННИР). Реализация этой глобальной задачи потребует применения принципиально новых комплексных научных междисциплинарных подходов и методов исследований сложных нелинейных динамических систем, принятия нового

коэволюционного вектора технического прогресса. Цель научных и инженерных исследований – создание мега-проекта будущего России.

**Ключевые слова:** новая индустриализация, экономические модели, междисциплинарные исследования, сложные системы, системный подход, социальная политика, ноосфера

## 1. Главная цель развития экономики страны.

1.1 В послании федеральному собранию 1 марта 2018 года президентом РФ В.В. Путиным поставлена стратегическая задача – это прорывное развитие России с темпами роста экономики выше мировых в качестве базового условия для прорыва в решении социальных, инфраструктурных, оборонных и других задач.

1.2 Следует отметить, что президент постоянно на протяжении целого ряда лет выдвигает перед правительством амбициозные долгосрочные, масштабные цели и задачи по подъёму экономики. Но всякий раз приходится с сожалением наблюдать, что, не смотря на существующую острую необходимость преодолеть застой и низкие темпы роста отечественной экономики и таким образом приблизиться к показателям мировых высокоразвитых стран, реализация этих масштабных глобальных идей осуществляется правительством далеко не эффективно. Причина такого неудовлетворительного положения заключается в недостаточности всеобъемлющего системного многофункционального комплексного подхода к решению поставленных важных задач развития экономики страны и отсутствия должного контроля за выполнением поставленных целей.

1.3 Решение комплексных задач, стоящих перед отечественной экономикой, должно строиться на построении пространственной многоуровневой модели развития страны с максимально широким охватом всех без исключения проблем. Каждая проблема не существует изолировано, а находится в динамическом пространственно взаимодействии с другими проблемами. Нельзя решить одну проблему не решая одновременно другую проблему.

Решение проблемы, как отдельной подсистемы в иерархии подсистем, представляет из себя задачу функциональной оптимизации заданных входных и выходных параметров отдельной подсистемы в функциональном взаимодействии с другими подсистемами.

## 2. Анализ экономической модели России на основе исследования сложных систем

2.1 К изучению и анализу экономической модели развития России следует подходить с точки зрения строго научного мультидисциплинарного интегрального системного подхода на основе теории сложных систем. Изучение сложных взаимодействий и связей отдельных составляющих систем, возникающих из совокупности взаимодействующих объектов, является основной целью теории сложных систем.

Это потребует от исследователей выйти за пределы привычных устоявшихся рациональных методов мышления и переключиться на применение комплексного научного интегрального динамического мышления.

2.2 Н.П. Бусленков выделяет следующие характеристики сложных систем: наличие большого числа взаимно связанных и взаимодействующих между собой элементов; сложность функций, выполняемых системой, и направлений на достижение заданных целей функционирования; возможность разбиения системы на подсистемы, цели функционирования которых подчинены общей цели системы; наличие управления (часто имеющего иерархическую структуру), разветвленной информационной сети и интенсивных потоков информации; наличие взаимодействия с внешней средой и функционирования в условиях случайных факторов

Сложные системы описываются средними, случайными величинами (надёжность, помехозащищённость, качество управления, вероятность отказа, эффективность, устойчивость функционирования [1, С.25].

2.3 *Прежде всего, требуется организовать прорыв в научном подходе в изучении проблем отечественной экономики с позиции исследования исторической эволюции экономической модели развития России с точки зрения теории сложных систем.*

В этом отношении важным является методология исследования сложных систем. Так, например, в сложной экономической системе страны в её перспективном развитии, следует рассматривать в качестве составных частей этой системы сложные взаимодействующие нелинейные динамические подсистемы, встроенные в свою очередь в общую сложную единую экономическую систему государства в виде отдельных укрупнённых блоков сложных подсистем, представляющие из себя модели экономики на региональных и муниципальных уровнях.

2.4 Исследования сложных систем с огромным количеством данных требует особого творческого подхода: «Система, состоящая из (обычно большого) числа (как правило сильно) взаимодействующих объектов, процессов или агентов, понимание которых требует разработки или использования новых научных инструментов, нелинейных моделей, описаний вне равновесия посредством компьютерного моделирования [9].

Принципиально новое системное видение экономической динамики в сложном недетерминированном пространственном развитии потребует направленных коллективных усилий большого числа исследователей: «Нелинейные исследования экономических проблем в основном связано со взаимодействием между частями открытых социальных систем. Они пытаются обеспечить новое видение экономической динамики: видение множественного, временного, непредсказуемого и сложного. Прослеживается тенденция заменить простые подходы на сложные и специализированные на общие в экономических исследованиях» [10, р.85].

Отечественная экономическая наука должна выйти на новые междисциплинарные рубежи смелых неограниченных в рамках искусственно созданных барьеров динамичных моделей построения отечественной экономики будущего. Но при этом следует называть вещи своими именами, избавляясь от стереотипов принятой господствующей неолиберальной тупиковой экономической модели развития. Не следует пытаться вписать в создаваемую модель будущего развития страны отжившие и не поддающиеся реформированию сложившиеся структурные элементы экономической системы отечественной экономики.

### **3. Прорыв означает осуществление Новой ноосферной индустриализации России (ННИР)**

3.1 Первое на что нужно обратить внимание – это формирование целеполагания технического прогресса и экономического роста страны.

Термин прорыв, хотя целиком и оправдан в данных условиях, должен быть дополнен и наполнен конкретным содержательным значением.

В системном анализе необходимо при постановке задачи выдвинуть главную цель развития системы функционально взаимосвязанную с различными подсистемами.

3.2. Несомненно, что прорывное прогрессивное развитие страны может обеспечить только осуществление новой ноосферной индустриализации России (ННИР).

В основе ННИР как единой сверх сложной непрерывно эволюционирующей системы лежит интеграция и функциональная нелинейная связь огромного числа, стремящаяся к бесконечности, параметров отдельных встроенных подсистем. Они охватывают все отрасли технологического, политического, социального, культурного устройства общества. Строго говоря, каждый индивидуум в этой системе является в свою очередь отдельной подсистемой.

Россия не может не быть ведущей индустриальной державой. Без сильной и высокоэффективной современной промышленности она не сможет сохранить свою территориальную целостность и независимость.

Для этой цели предстоит в ближайшее время разработать на междисциплинарной основе глобальный системный проект будущего коэволюционного развития России и осуществления ННИР — прорыв в будущее [2; 3].

#### **4. Осуществление ННИР должна стать объединяющей идеей общества**

4.1 Задачи прорыва в будущее страны и, как следствие, необходимость осуществления ННИР, пока не воспринимаются обществом, как единая объединяющая многогранная идея и главный императив в деятельности социума. Слишком велики и разрознены цели и представления отдельных страт общества. Осуществление ННИР не может быть успешным в той философской парадигме, которая доминирует в принятых координатах развития российской экономики в условиях искусственно навязанной после распада Советского Союза безальтернативной и непродуманной экономической модели архаичного капитализма.

4.2 Укоренившаяся в постсоветское время господствующая идеология и модель капиталистического пути развития страны, которая приводит к:

- Апологетике крайних форм индивидуализма и потребления;
- Избыточному неравенству;
- Отсутствию полноценных институтов развития;
- Бедности значительного числа населения страны;
- Недопустимому социальному расслоению общества;
- Серьёзным недостаткам в сфере трудовых отношений, образования, медицины, культуры и т.д.

Не позволяет добиться поставленных руководством страны глобальных прорывных целей экономического развития России.

Наблюдаемая в обществе определённая апатия, отсутствие должного доверия к органам власти, скептическое отношение к решениям правительства – таковы, к сожалению, реалии сегодняшней действительности. Люди повсеместно и, можно сказать, вполне оправдано волнуются за своё будущее и своё благосостояние. Только декларации и лозунги уже давно не воспринимаются обществом.

#### **5. ННИР – обобщённая идея и система прогрессивного развития страны.**

ННИР – воплощаемая в жизнь пространственная бесконечная в своём культурном и хозяйственном разнообразии форма новой многоукладной экономики будущего, с одновременным единением вокруг общей целевой задачи.

В основе ННИР заложена светлая лучезарная идея о ноосфере, порождённая великим русским учёным В.И. Вернадским. Его задуманная, но до сих пор далёкая от воплощения мечта о построении ноосферы, как продолжения эволюции биосферы под воздействием разумной деятельности человечества, становится всё более актуальной в условиях нарастания негативных факторов глобального экологического кризиса.

Осуществление ННИР означает построение в России качественно новой индустрии XXI века на основе прогрессивных прорывных технологий, безотходных производств, поиска и внедрения новых возобновляемых источников энергии с переходом на V и VI технологический уклад.

#### **6. Необходимы новые подходы к решению задач прорывного и прогрессивного развития страны.**

6.1 К сожалению, правительство до настоящего времени не в состоянии представить обществу реалистичную полноценную конкретную строго научно обоснованную программу развития страны и прорыва в будущее в сложных геополитических условиях, в которых находится экономика России.

Попытки разработки программ экономического развития России отдельными коллективами нельзя назвать по-настоящему успешными и не принесли желаемого результата. Эти программы носят по преимуществу декларативный характер и недостаточно научно проработаны.

Ситуация в отечественной экономике носит неустойчивый характер. Для поставленной президентом задачи встать в ближайшие шесть лет на уровень индустриально развитых стран потребуется выходить на темпы роста отечественной экономики 6– 8% . Многим

ведущим экономистам страны эти планы кажутся трудно выполнимыми. И в более оптимистичном реалистичном сценарии прогноз темпа роста в ближайшие годы видится в пределах 2 % в год.

6.2 Программа импортозамещения – это пока ещё довольно сложная для своего осуществления попытка уйти от сырьевой зависимости в отечественной экономике. и вполне ожидаемо она не смогла дать ощутимого результата, так как искусственно купировала взаимоувязанные стоящие перед обществом разнообразные острые, в том числе социальные, проблемы, без решения которых не может осуществиться качественный переход в новую инновационную постиндустриальную эпоху.

6.3 Одним из основных препятствий для новой индустриализации служит укоренившееся в стране крайне избыточное социальное неравенство. Некоторые представители элит не идут в ногу со временем и запросом общества на серьёзные перемены в общественном укладе страны, не в состоянии преодолеть собственные порой узкие меркантильные интересы весьма далёкие от интересов осуществления НИИР, удобные для собственного благополучия принятые стереотипы, якобы свободной неолиберальной модели экономики, которые позволяют им концентрировать в своих руках огромные богатства, приобретать несоизмеримые с их полезным вкладом в развитие страны материальные ресурсы.

*Для решения накопившихся острых социальных проблем требуется принять новую социальную политику государства, отвечающую устойчивому экономическому развитию страны в качестве приоритетной задачи национальной безопасности.*

6.4 Цель новой социальной политики государства, рассматриваемая как один из основных способов эффективности функционирования экономики страны:

- Решительная борьба с бедностью;
- Гармонизация общественных отношений;
- Справедливое распределение национального дохода;
- Улучшение качества и уровня жизни;
- Рациональное использование трудового потенциала;
- Доступность ко всем видам общественных благ;
- Защита окружающей среды и т.д.

Субъектами социальной политики являются органы законодательной и исполнительной власти различных уровней, работодатели в государственном и негосударственном секторах экономики, а также профсоюзные и иные общественные организации, которые влияют на разработку государственной социальной политики. К разработке новой социальной политики государства следует привлечь все субъекты законодательной и исполнительной власти различных уровней, работодатели в государственном и негосударственном секторах экономики, а также профсоюзные и иные общественные организации, которые влияют на разработку государственной социальной политики [4; 5].

**7. Дефицит профессиональных кадров – главный тормоз технического прогресса.**

7.1 Имеющийся острый дефицит профессиональных кадров во всех отраслях народного хозяйства страны представляет значительную сложность внедрения в практику плоды научно-технического прогресса и успешного осуществления НИИР.

Недостаточная профессиональная подготовка кадров, порой ограниченность кругозора и культурного развития, безынициативность и зачастую откровенная безответственность значительного числа чиновников и исполнителей, в сочетании с нарушением этических норм и принципов их поведения, влечёт за собой негативные последствия для роста экономики.

7.2 Особенно остро стоит вопрос с дефицитом квалифицированных инженерно-технических кадров (ИТР).

Этот дефицит наблюдается во всём мире. Так, например, Германия рассчитывает этот дефицит покрыть за счёт притока эмигрантов [6].



Вице-президент и управляющий директор кадровой компании Manpower Group по России и СНГ Феликс Кугел предупреждает: в ближайшие годы из-за нерешаемых проблем на рынке труда в стране может случиться производственный коллапс. Если сейчас компаниям просто тяжело найти инженеров, а кадровый голод они пока компенсируют за счет работников предпенсионного и пенсионного возрастов, то через несколько лет разразится катастрофа: предприятия свернут производство. А оно показывает, что хотя российские компании предлагают инженерам очень выгодные условия, найти необходимых специалистов для них чрезвычайно сложно [7].

В конце 2011 года на недостаток инженерных кадров в России сетовал и занимавший тогда пост премьер-министра Владимир Путин. По его словам, эта проблема для экономики даже важнее, чем коррупция и административные барьеры.

Деиндустриализация страны в постсоветский период и, как следствие, деградация инженерного образования, привели к очень серьёзным последствиям, сделав весьма сложными условия преодоления технологического отставания России от индустриально-развитых стран и осуществления НИИР.

*Подготовка квалифицированных инженерно-технических кадров нового поколения для нужд современной промышленности – задача огромной государственной важности.*

7.3 Для успешного становления 5-го и 6-го технологических укладов, осуществления НИИР, предусматривающих применение прорывных прогрессивных технологий, безотходных производств, поиска и внедрения возобновляемых источников энергии, новых форм пространственного развития территорий и городов и т.д. в условиях опасных нарастающих негативных последствий изменения климата, подготовка высококвалифицированных кадров управления, для сферы НИОКР, инженерии и производства имеют первостепенное значение.

#### **8. НИИР предусматривает новые формы взаимодействия подсистем и институтов управления и развития.**

В настоящее время отдельные подсистемы и институты управления и развития страны недостаточно интегрированы в единую комплексную систему принятия ответственных решений на самом высоком административном уровне и зачастую откровенно слабо взаимодействуют друг с другом.

#### **9. Осуществление НИИР требует принятия нового коэволюционного вектора технического прогресса [8].**

В условиях становления информационного общества основой теоретической базы НИИР является грандиозное учение о биосфере и ноосфере гениального русского учёного В.И. Вернадского.

#### **Вывод:**

Многофункциональность и взаимосвязь комплексного подхода к осуществлению Новой ноосферной индустриализации России в сочетании с проявлением воли и решимостью руководства страны и твёрдого устремления передовой части российского общества вывести страну в лидеры мировых индустриально развитых стран позволят преодолеть многочисленные трудности на пути технического прогресса и созидания технологического прорывного развития России.

#### **Список литературы:**

1. Бусленко Н. П. Сложные системы // БСЭ. — 5-е изд. — Т. 3;
2. Малкин И.Г. Основные положения Новой Ноосферной Индустриализации России— [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: [http://wto-inform.ru/experts/malkin\\_i\\_g\\_osnovnye\\_polozeniya\\_novoy\\_noosfernoy\\_industrializatsii\\_rossii/](http://wto-inform.ru/experts/malkin_i_g_osnovnye_polozeniya_novoy_noosfernoy_industrializatsii_rossii/) (дата обращения: 16.01.2019);
3. Малкин И.Г. Новая Ноосферная Индустриализация России — прорыв в будущее //НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ, РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ // Материалы XII Международного симпозиума (Нижний Новгород, 28 –

- 30 мая 2013г.) — ДИАЛОГ МИРОВОЗРЕНИЙ: ЧЕЛОВЕК В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ – С.311 – 318;
4. Социальная политика государства текст: учебное пособие / Тарент И. Г., Юдников С. А. –изд. 3-е, перераб. — Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС, –2014.– 172 с
  5. Смирнова А. А., Егорова М. С. Основные цели, задачи и функции социальной политики // Молодой ученый. — 2015. — №11.4. — С. 208-211. — [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/91/20113/> (дата обращения: 16.01.2019).
  6. Проблемы дефицита инженерно -технических кадров / А. Е. Варшавский, Е. В. Кочеткова // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. –Вып 32. –С. 2 -16.
  7. Эксперты предсказывают России производственный коллапс из-за дефицита инженеров. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/09/26/56c0bc3e9a7947299f72dce5> (дата обращения: 16.01.2019).
  8. Малкин И.Г. Новый коэволюционный вектор технического прогресса // Журнал «Монтажные и специальные работы в строительстве – 2013. - № 10 (32). – С. 2 – 14;
  9. Richards, D., B.D. McKay, and W.A. Richards [1998]. "Collective choice and mutual knowledge structures." *Advances in Complex Systems*. Vol. 1, pp. 221-236
  10. Wei-Bin Zhang Theory of Complex Systems and Economic Dynamics. *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences*, Vol. 6, No. 2, April 2002.

**Машенко Юлия Александровна**  
кандидат экономических наук, доцент  
Южно-Российский институт управления РАНХиГС  
г. Ростов-на-Дону  
[yulia-maschenko@yandex.ru](mailto:yulia-maschenko@yandex.ru)

## СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ

**Аннотация.** В статье исследуются современные тенденции региональной дифференциации развития социальной сферы в Российской Федерации. Отмечается значение развития обеспеченности территорий объектами социальной инфраструктуры как одного из ключевых механизмов решения стратегической задачи сбалансированного пространственного развития России. Представлено современное содержание стратегического подхода к организации пространственного управления социальной сферой.

**Ключевые слова:** социальная сфера, территориальная организация социальной сферы, региональная дифференциация.

Территориальная организация социальной сферы в РФ всегда отличалась существенными диспропорциями, в основе которых – многочисленные природно-климатические, исторические, демографические, экономические и иные причины [1, с. 114]. Объективные особенности систем расселения и условий жизнедеятельности населения в регионах оказывают непосредственное влияние на развитие территориальной сети объектов социальной инфраструктуры, усложняют предоставление социальных услуг. Межрегиональная асимметричность проявляется в частности в характере развития и размещения объектов социальной инфраструктуры, некоторые представления о которой дает следующая таблица.

Таблица

Региональная дифференциация некоторых показателей развития социальной сферы

	Общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на одного жителя, кв. м		Удельный вес обучающихся во вторую и третью смены, %		Численность врачей всех специальностей на 10 000 человек населения, человек		Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек населения, посещений в смену	
	2010	2017	2010	2017	2010	2017	2010	2017
Значение показателя в РФ	22,6	25,2	13,1	12,6	50,1	47,5	257,9	270,1
Число регионов со значением выше среднероссийского	40	47	33	36	33	49	35	44
Минимальное значение показателя	12,0	15,0	0,0	0,02	28,3	28,0	118,9	124,9
Максимальное значение показателя	30,4	31,8	40,0	38,7	84,8	80,7	504,3	507,6
Соотношение максимального и минимального значений показателей	2,41	2,124	x	x	3,0	2,88	4,24	4,06

Важной характеристикой уровня жизни населения является обеспеченность жильем. Уровень этого показателя за последние годы существенно повысился. Если в 1990 году в среднем на одного жителя РФ приходилось 16,4 кв. м жилья, то к 2005 году этот показатель увеличился до 20,8, а к 2017 году – до 25,2 кв.м, [2]. Очевидным фактором роста значений данного показателя является жилищное строительство, давшее прирост общей площади жилищного фонда РФ на 477 млн. кв.м в период 2010-2017 гг. Тем не менее только максимальные значения показателя в ряде регионов (Курская, Московская, Новгородская Пензенская, Псковская области и др.) за счет относительно высокой доли сельского жилищного фонда и жилищного фонда малых и средних городов соответствуют стандарту, определенного ООН – 30 кв.м в среднем на человека. Рост показателя жилищной обеспеченности также связан во многом с демографической ситуацией в стране, характеризовавшейся на протяжении ряда лет кризисом и ежегодной убылью населения.

Еще одним важным показателем, характеризующим жилищный фонд, является удельный вес ветхого и аварийного жилого фонда в общей площади жилых помещений. Так, удельный вес аварийного жилья, т.е. жилья, имеющего деформации и повреждения несущих конструкций, представляющие опасность для жизни проживающих, в 2017 году в РФ составил 0,7% в общей площади всего жилищного фонда (в 2010 году – 0,6%) при региональной дифференциации показателя от 0,0% (гг. Москва и Санкт-Петербург) до 7,5% (Республика Саха-Якутия) [2]. Показательно, что в худшем состоянии находится жилищный фонд регионов, расположенных в суровых климатических условиях (Архангельская и Мурманская области, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа и др.), где природа и так создает мощные ограничительные условия для благоприятной жизнедеятельности населения.

Важнейшим аспектом состояния жилищного фонда является его благоустройство, параметры которого улучшаются крайне медленно и неоднородно. Так, уровень

обеспеченности сельского жилищного фонда водопроводом составляет 59%, горячим водоснабжением – 35%, водоотведением – 48%, отоплением – 68% [2]. Особенно тяжелой является ситуация в Кировской, Курганской области, Новгородской областях, Республиках Алтай, Тыва, Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Ненецком автономном округе, Забайкальском крае. В 2017 году не отапливалось более 20% общей жилой площади в 25 регионах – субъектах РФ; в 40 регионах более 20% жилищного фонда не обеспечены водопроводом. Если учесть тяжелые климатические условия в этих регионах, то становится очевидным, что нынешний уровень благоустройства здесь не позволяет не только сельскому, но зачастую и городскому населению иметь приемлемое качество жизни.

Важная характеристика доступности жилищно-коммунальных услуг – удельный вес расходов домашних хозяйства на их оплату в общей сумме потребительских расходов. Данный показатель изменился в среднем по РФ с 9,2% в 2010 году до 9,7% в 2017 году [2] при более высокой доле коммунальных услуг вследствие высокой стоимости и нерационального потребления энергетических ресурсов [3]. Региональная дифференциация доли расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг по отношению к доходам домохозяйств, практически незаметная между федеральными округами, выгладит достаточно существенной в региональном разрезе – от 5,6% (Республика Дагестан) до 15,6% (Ямало-Ненецкий автономный округ). Причинами этому является географические, климатические ограничения, технологические решения, социальный характер тарифного регулирования коммунальных услуг.

Обеспечение общедоступности различных уровней образования является одной из важнейших задач государственной и муниципальной политики в данной сфере. Одним из показателей доступности общего образования является удельный вес обучающихся во вторую и третью смену, численность и удельный вес которых в значительном числе регионов остается весьма высоким. Так, практически во всех школах Сибирского федерального округа (за исключением Республики Хакассия) удельный вес обучающихся во вторую и третью смену в 1,5-2 раза превышает значение среднероссийского показателя. Худшим в стране остается значения данного показателя в регионах с высокой рождаемостью (республики Дагестан, Ингушетия, Чечня) и миграционным приростом (Краснодарский край), материально-техническая база систем общего образования которых не соответствуют актуальным демографическим тенденциям.

Обеспечение общедоступности дошкольного образования для детей является важнейшей задачей органов местного самоуправления. Современные тенденции развития этого уровня образования в РФ таковы, что дошкольное образование может быть получено в государственных, муниципальных и частных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, различных типов. Вместе с тем во многих регионах сохраняется дефицит мест в дошкольных образовательных организациях. Объясняется данный факт тем, что темпы жилищного строительства зачастую опережают строительство объектов образования, в связи с чем существующая сеть дошкольных образовательных организаций не в полной мере удовлетворяет потребности в получении дошкольного образования. Поэтому высокие значения показателя обеспеченности детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми (более 800 мест на 1000 детей) характерны либо для регионов с низкими темпами жилищного строительства (Владимирская, Ивановская области), либо для регионов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий, где доля детей в численности населения объективно низкая (все субъекты Северо-Западного федерального округа, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ и др.). Самая низкая доступность дошкольного образования по-прежнему характерна для регионов Северного Кавказа (Республика Дагестан – 258 мест на 1000 детей, Республика Ингушетия – 289 мест на 1000 детей) [2], что в полной мере коррелирует с высокой рождаемостью в данных регионах. Традиционный характер экономического уклада,

высокая доля проживающих в сельской местности и степень занятости женского населения в домашнем хозяйстве в определенной степени ослабляет данную проблему. Противоположные тенденции в структуре экономики и занятости в урбанизированных регионах с относительно высоким развитием промышленности и сферы услуг (регионы Центрального, Южного и Приволжского федеральных округов) требуют максимально быстрого и эффективного повышения общедоступности дошкольного образования.

Территориальная доступность дополнительного образования детей характеризуется параметрами, сходными с состоянием системы общего образования. С 2015 по 2017 гг. число организаций дополнительного образования детей уменьшилось на 952 ед., а численность обучающихся в них сократилась на 275 тыс. чел. Слабая материально-техническая база учреждений дополнительного образования, низкий уровень оплаты труда педагогического персонала в ряде регионов являются существенными ограничивающими развитие данной системы факторами.

Наиболее высокую степень угрозы демографическому и трудовому потенциалу страны несут параметры дифференциации обеспеченности населения медицинской помощью, кадровой и материально-технической ее составляющими. В связи с проводимой политикой реструктуризации медицинской помощи и оказывающих ее медицинских учреждений возможности стационарного лечения для населения в отдельных регионах значительно снизились. Если в 1990 году на 10 тыс. населения приходилось 137,4 больничных коек, то к 2005 году этот показатель снизился до 110,9, а к 2017 году составил 80,5. При этом межрегиональная дифференциация обеспеченности населения больничными койками традиционно снижается за счет резкого снижения максимальных значений показателя. Так, в 2005 году наиболее высокие значения данного показателя составляли 241,8 в Чукотском автономном округе, 169,5 в Камчатском крае и 170,9 в Республике Тыва. В 2017 году максимальная обеспеченность населения больничными койками составила 133,1 в Чукотском автономном округе и 121,7 в Сахалинской области, где стационарную сеть необходимо сохранять относительно многочисленной из-за сложных климатических условий [2]. Только в 10 регионах значение показателя превышает 100 коек на 10000 человек населения (в 2005 году – в 68 регионах-субъектах РФ), и все эти регионы относятся к зоне Крайнего Севера и приравненным к ней территориям.

Компенсировать сокращение стационарной базы лечения в медицинских организациях согласно проводимой политике повышения эффективности системы организации медицинской помощи должно амбулаторно-поликлиническое звено системы здравоохранения. Между тем параметры сокращения коечного фонда, содержащиеся в дорожных картах субъектов РФ, далеко не всегда увязываются с возможностями амбулаторно-поликлинических учреждений обеспечить лечение пациентов в амбулаторных условиях [4]. Неравномерность развития сети амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ) сохранилась к 2017 году на достаточно высоком уровне, хотя и несколько снизилась. Вызвано это, как и в случае с сокращением вариации по обеспеченности населения больничными койками, снижением уровня максимальной мощности АПУ (с 581,8 посещений в смену на 10000 человек населения до 507,6). Вместе с тем статистика фиксирует общее увеличение мощности АПУ в большинстве регионов РФ. Так, если в 2005 году субъектов РФ, мощность АПУ которых составляла более 300 посещений в смену, насчитывалось 13, то в 2017 году их было 21. Максимальная обеспеченность по данному показателю, как и в случае с коечным фондом, характерна для регионов, находящихся в неблагоприятных природно-климатических условиях. Меньше всего возможность получит своевременную медицинскую помощь у населения республик Дагестан, Ингушетия, Чечня, города Севастополя, поликлинические учреждения которых не могут обеспечить прием более чем 200 человек на 10000 населения [2].

Развитие системы АПУ – актуальная задача российского здравоохранения, вызванная как сокращением объемов стационарной помощи и перехода к стационарзамещающим технологиям, так и ростом заболеваемости населения, отмечаемой в последние годы, общим

ухудшением здоровья многих возрастных групп, демографическими изменениями в обществе, приводящими к увеличению численности и доли старших возрастов.

Достаточно существенными остаются межрегиональные различия в уровне обеспеченности врачами – 2,88 раза в 2017 году. В аутсайдерах, как и в 2000-х гг., регионы Центра и республики Северного Кавказа, с наименее значительной динамикой роста заработной платы.

В целях повышения укомплектованности медицинских организаций, расположенных в сельской местности, с 2012 г. осуществляются единовременные компенсационные выплаты медицинским работникам по программе «Земский доктор» за счет средств Федерального фонда ОМС в размере 1 млн. рублей. В 2012–2018 гг. общее количество медицинских работников, привлеченных в рамках этой программы для работы в сельских населенных пунктах и рабочих поселках, составило более 26 тыс. чел. Однако, как и многие меры финансового характера, эта мера демонстрирует затухающий эффект: если в 2012-2014 гг. число участников этой программы составило 15 279 врача [4], то в 2014-2018 гг. – немногим более 11 тыс. Разовая выплата на обустройство молодого специалиста только до определенной степени способствует решению проблемы территориального кадрового дисбаланса в отрасли. Большой эффект будет иметь работа, проводимая регионами с учётом рекомендаций Минздрава РФ, по совершенствованию систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений здравоохранения, ориентированная на увеличение доли выплат по окладам в структуре зарплаты до 55 - 60 %.

Таким образом, основная тенденция большинства показателей социального развития – сохранение высокого уровня региональной дифференциации. Самый поверхностный срез состояния региональной дифференциации некоторых параметров развития социальной сферы показывает, что в регионах России, как и прежде, не сформировано более или менее однородное социально-экономическое пространство и не созданы относительно сходные условия жизнедеятельности населения. Человек не может рассчитывать прожить одинаково долгую, здоровую, обеспеченную жизнь, получить необходимые медицинские, образовательные, культурные, жилищно-коммунальные и другие услуги независимо от территории – места жительства. Следовательно, не имея возможности регулярного пространственного перемещения, мы рискуем остаться «заложниками» территории в решении ключевых вопросов жизнедеятельности.

В период оживления российской экономики в 2009-2014 гг. эта тенденция несколько замедлилась, о чем свидетельствует возросшее число регионов со значениями показателей выше (лучше) среднероссийских. Однако преодолеть ее пока не удастся. Главное условие преодоления значительных различий в уровне социальных показателей по регионам страны – сближение уровня экономического развития регионов. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, интерпретированным в значительном числе исследований, дифференциация уровня экономического развития также имеет тенденцию к сохранению и усилению. Региональная дифференциация производства ВВП на душу населения отмечается на крайне высоком уровне и измеряется десятками раз (50-80 раз на протяжении 2010-2017 гг.), с учетом экономической деятельности в нефтегазодобывающих регионах РФ.

Таким образом, в условиях высокой степени межрегионального неравенства в современной России смягчение социальной дифференциации, снижение межрегиональных и внутрирегиональных различий в уровне жизни населения, качестве социальной среды остается важнейшей задачей государственной политики пространственного развития.

С учетом проведенного анализа современного состояния территориальной организации оказания услуг отраслей социальной сферы можно отметить, что развитие обеспеченности территорий объектами социальной инфраструктуры способно стать одним из ключевых механизмов решения стратегической задачи сбалансированного пространственного развития России. Этому, в частности, способствуют следующие меры:

- развитие сети учреждений различной организационно-правовой формы;

- внедрение гибких и многообразных форм предоставления услуг как в стационарных, так и в мобильных формах;
- укрепление материально-техническую базы учреждений, обеспечение физической сохранности объектов, безаварийного функционирования;
- создание многофункциональных образовательных, культурно-досуговых, физкультурно-спортивных и т.д. комплексов;
- обеспечение взаимодействия между учреждениями и организациями различных отраслей социальной сферы;
- активное партнерство государства, органов местного самоуправления, бизнес-сообщества, некоммерческих организаций, социальных групп населения территорий в решении различных вопросов и т.д.

Одним из инструментов решения задачи сбалансированного пространственного развития, поставленной еще в 2008 году в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, является переход к стратегическому планированию пространственного развития в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В настоящее время Министерством экономического развития по поручению Правительства РФ ведется работа по подготовке проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Представленный проект обращает внимание, что основным направлением пространственного развития большинства стран является полицентрическое развитие, направленное на увеличение числа центров экономического роста. Подобное понимание приоритетов территориального развития в РФ преобладало на начальных стадиях работы над Стратегией. Одним из фокусов первых версий Стратегии являлось выделение точек роста, большинство из которых представляли собой текущие центры экономического развития – крупные и крупнейшие городские агломерации. Такой подход был подвергнут жесткой критике, поскольку слишком весомая опора на агломерации может привести к деградации экономики страны и социальной сферы, дальнейшей деформации существующей системы расселения, еще большему увеличению масштабов социально-демографического процесса перетока населения (маршрут «деревня» – малый город – средний город – город-миллионник – столица) и т.д.

В текущей версии Стратегии возобладало понимание, что обеспечить устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации, развитие человеческого капитала, сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения можно только путем развития различных типов территорий:

- крупнейших и крупных городских агломераций;
- городов с численностью населения от 100 до 500 тыс. человек;
- малых и средних городов, сельских территорий за пределами крупнейших и крупных городских агломераций;
- минерально-сырьевых центров;
- геостратегических территорий Российской Федерации.

Обеспечить совершенствование территориальной организации оказания услуг отраслей социальной сферы предполагается за счет повышения эффективности планирования размещения новых, либо модернизации и расширения существующих объектов отраслей социальной сферы на федеральном, региональном, местном уровнях. Такой приоритет пространственного развития приведет к созданию равных возможностей для граждан России независимо от места их проживания в реализации своих социальных и культурных прав.

#### **Список литературы:**

1. Мащенко Ю.А. Совершенствование территориально-отраслевой организации социальной сферы в Российской Федерации. [Текст] / Ю.А.Мащенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 110-116

2. Регионы России: Социально-экономические показатели, 2018: Статистический сборник [Электронный ресурс]. / Режим доступа: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1138623506156](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156)
3. Сиваев С.Б. Жилищно-коммунальный комплекс: между политикой и экономикой [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/10/Report-ZH-KH-H-internet-fin-1.pdf>
4. Шишкин С.В., Шейман И.М., Абдин А.А., Боярский С.Г., Сажина С.В.. Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://www.hse.ru/ma/health/news/201544499.html>

**Медведева Елена Ильинична**  
*доктор экономических наук, доцент*  
*Государственный социально-гуманитарный университет*  
*г. Коломна*  
*Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН*  
*г. Москва*  
*e\_lenam@mail.ru*

## **РОЛЬ СЕМЬИ И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОКА ПОДМОСКОВЬЯ)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ  
Грант № 17-32-00005-ОГН*

**Аннотация.** Семья как социально-экономическое понятие претерпевает значительные трансформации. Сегодня изучение брачно-семейных отношений связано с определенными трудностями: достаточно личная сфера, отсутствие релевантной информации. Изменение структуры семьи, принципов и подходов к брачно-семейным отношениям не возможно проанализировать по данным официальной статистики. Однако существует целый ряд проблем от решения которых зависит стабильность развития не только конкретного региона, но и страны в целом.

**Ключевые слова:** экономика семьи, демография, социально-экономическое развитие, посемейная структура, развитие регионов.

Сегодня изучение брачно-семейных отношений связано с определенными трудностями: с одной стороны – это достаточно личная сфера, с другой - отсутствие релевантной информации, так как единственным вариантом в данном случае является показатели официальной статистики – перепись 2010 года [1,2]. Изменение самой структуры семьи, принципов и подходов к брачно-семейным отношениям не возможно проанализировать по данным официальной статистики. Однако существует целый ряд проблем от решения которых зависит стабильность развития не только конкретного региона, но и страны в целом. Проблемы разводов (нестабильности брачных союзов), обесценивание института семьи, рост числа «гражданских» браков, ориентация населения на малодетность – все это становится причинами сокращения рождаемости и убыли населения [1,2].

Семья является самым важным социальным институтом, имеющим колоссальный исторический опыт трансформаций и изменений в различных экономических, социальных и демографических условиях. Сама необходимость существования, функционирования семьи определяется общественными и индивидуально-личностными потребностями. Однако в



современных условиях происходит разрегулиция, наблюдается нестабильность семейных отношений (в определенной степени наблюдаются кризисные явления), что в конечном итоге приводит к значительной институциональной трансформации семьи. Это связано прежде всего с социально-экономическими трансформациями в нашем обществе, которые влияют на состояние семейных отношений [1].

Ухудшение материального достатка индивидов, начиная с «шоковой терапии» в 90-е годы, заканчивая современными кризисными явлениями в 2008-2009 и в 2014 годах, резкие колебания курса рубля, обесценивание денежных средств, невозможность получения доступных (дешевых кредитов) в конечном итоге приводят к отсутствию перспективы приобретения собственного жилья (для молодых семей) или улучшения жилищных условий (для семей с детьми). Это влияет на снижение рождаемости в крупных урбанизированных регионах и коренным образом изменяет структуру российской семьи. Современная Подмосковная семья в основном состоит из двух поколений: родителей и детей. Сегодня очень мало семей, которые могут констатировать наличие связи трех-четырёх поколений. Большими семьями, как правило, живут «в глубинке», где большим количеством родственников проще выжить. В Центральной части России необходимости в больших семьях нет, поэтому модель семьи «родители и дети» становится распространенной. Сокращение среднего размера семьи ведет к ослаблению семейных связей и может выступать объективным фактором дестабилизации родственных отношений. Важное влияние на подрастающее поколение оказывает сама семья, а если семья из нескольких детей, то появляются возможности для формирования полноценного семейного коллектива, что в конечном итоге положительно воздействует на каждого члена семьи, обогащает жизнь и создает благоприятную естественную обстановку для будущей адаптации детей к жизни в рабочем коллективе и социуме [2,3].

Достаточно сложная демографическая ситуация в стране (падение рождаемости, сокращение продолжительности жизни, старение населения и др.) заставляет не только ученых, но политиков обратиться к проблемам брачно-семейных отношений. Специалистами уже не раз доказано, что существует прямая зависимость между количеством заключенных браков и родившихся детей. Сколько бы не утверждали сегодня о «раскрепощении нравов», «торжестве гражданского брака» - наш социум остается весьма консервативным в вопросах рождения детей вне брака [4].

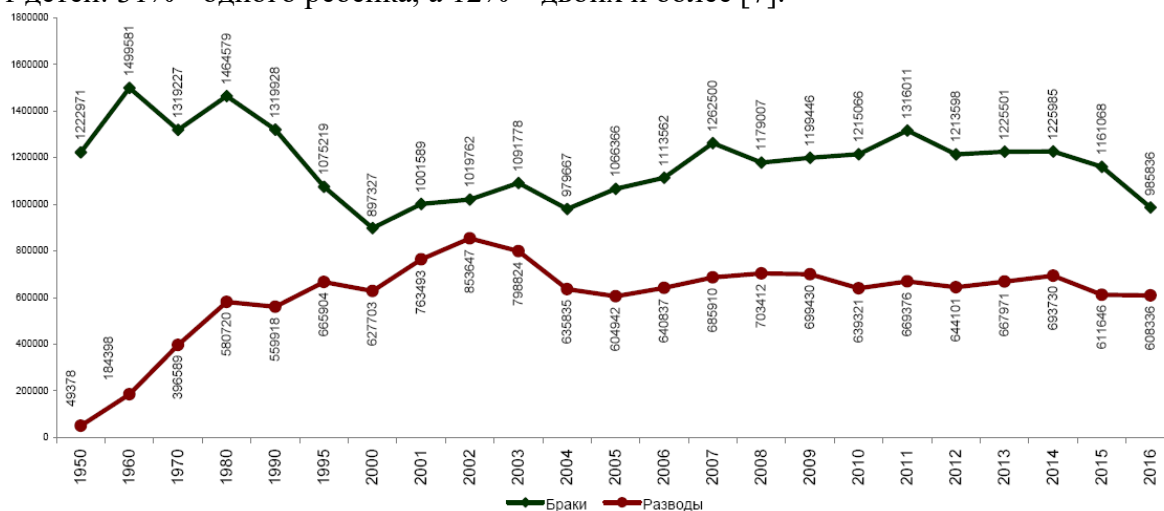
На демографические и социальные проблемы, безусловно, влияют и экономические изменения: кризисные явления, введение санкций, дестабилизация на рынке труда, рост безработицы, инфляционные процессы и снижение покупательной способности населения. Они вносят свою составляющую в трансформацию брачно-семейных отношений в стране.

По оценке специалистов к 2030-2034 годам нашего столетия число мужчин и женщин выравнивается. В дальнейшем количество мужчин станет уменьшаться [5]. При этом уже сегодня растет число семей с одним родителем (как правило – матерью) (согласно некоторым данным, из 150 родителей одиночек – 149 мам и только 1 отец.). Сейчас таких семей более 5 млн. В целом растет число одиночных домохозяйств, которые состоят из одного человека. Например, в 2002 году их число составляло 22,3% от общего числа домохозяйств, сейчас — более 25,7% (примерно 14 млн.) [6]. По расчетам, в каждой третьей российской семье – матери-одиночки. В реальности таких матерей меньше, так как в данных официальной статистики не учитывается «гражданский брак». При таком совместном проживании достаточно часто умышленно не указывается отец ребенка, для получения дополнительных льгот, например, при постановке на очередь в дошкольное воспитательное учреждение.

Еще одна проблема – это увеличение числа разводов. По некоторым оценкам около половины браков в России распадается. По данным РОССТАТа, в 2016 году на 15% уменьшилось число зарегистрированных браков. Это также приводит к снижению рождаемости. Тенденция уменьшения количества браков началось в 90-е, когда к

экономическим сложностям, добавилась «новая мода» на «свободные отношения» (см. рис. 1) [2].

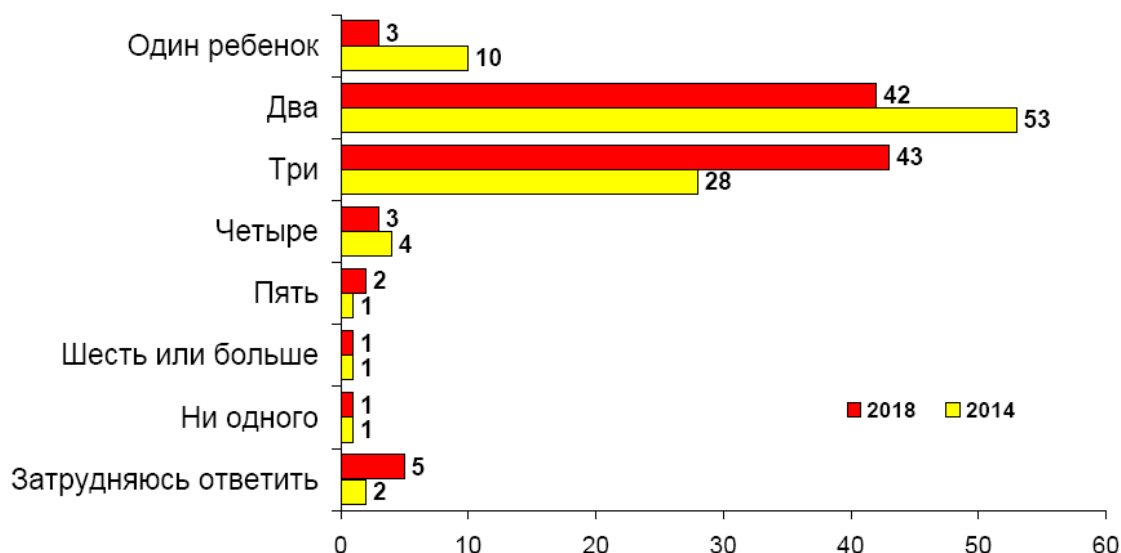
В 2015 году в России было образовано 1 161 044 новых семей. В 2016-м - 985 834, то есть на 175 тыс. семей меньше. По данным Росстата, в 2016 году распалось более 60% брачных союзов: было заключено всего 985 000 браков и состоялось 608 000 разводов. В 2014–2015 годах тенденция сохранилась: 57,7% — в 2014 году и 52,67% — в 2015 году. С 90-х годов в России более всего разводов произошло в 2002 году — 854 000, а в 1998 году, наоборот, наименьшее количество — всего 502 000. Следовательно, даже при учете рождаемости, мы потеряли около 175 000 детей которые не появятся на свет в ближайшие 2–3 года. К сожалению, число разводов растет. Самый опасный период для браков – 5-9 год совместной жизни. Четверть разводов, а именно 25,8% приходится именно на данный период. На втором месте «короткие браки» в 1-2 года – 19,4%. При этом 43% разводящихся имеют детей. 31% - одного ребенка, а 12% – двоих и более [7].



Составлено по : Данные РОССТАТА. Демография. Браки и разводы / Росстат. —  
Режим доступа: [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/demo/demo31.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo31.xls) и  
[http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/demo/demo32.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo32.xls) / (дата обращения  
12.12.2018).

Рис. 1. Количество браков и разводов на 1000 человек населения

Сегодня дети остаются одной из основных причин для создания семьи и/или заключения брака. Например, согласно последним исследованиям (лето 2018 г.) Всероссийского центра изучения общественного мнения, заметно выросла доля тех, кто считает, что в «идеальной» семье должно быть трое детей (рост с 28% в 2014 г. до 43% в 2018г.). Еще 42% считают, что для семейного счастья необходимо иметь двоих (см. рис. 2) [8].



Источник: [8]

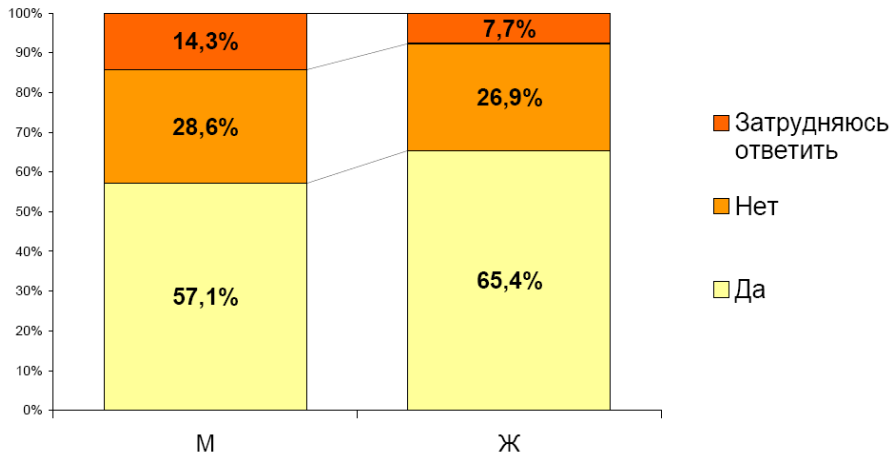
Рис. 2. Сколько детей должно быть в «идеальной» семье, %

Согласно исследованиям ВЦИОМ более 54% россиян считают, что дети - это основа семьи и основное предназначение брака. Каждый пятый уверен, что забота о ребенке – это основной смысл жизни человека. Для продолжения человеческого рода и улучшения демографической ситуации необходимы семейные отношения по мнению 14%. 12% опрошенных считают, что видят в детях «опору в старости». Для 7% - это просто большое счастье. Среди основной причины, по которой сегодня семьи отказываются от рождения детей, является нехватка денег. Это отметили 44% россиян. Четвертая часть опрошенных считают, что нежелание иметь детей – это просто эгоизм. 12% участников опроса полагают, что боязнь ответственности заставляет людей «не рожать». Проблемы со здоровьем и отсутствие жилья – указал каждый десятый из опрошенных россиян. 7% опрошенных убеждены, что лишь карьеристы не хотят иметь детей. 6% полагают, что это их личное право и выбор (иметь или не иметь детей) [8].

Так как особенности семейно-брачных отношений являются достаточно сложным вопросом для исследования, особенно в разрезе гендерного неравенства в рамках общего исследования (выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ Грант № 17-32-00005-ОГН) отношения к институту семьи и брака среди различных возрастных когорт, которое проводилось совместно Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва) и Государственным социально-гуманитарным университетом (Коломна) в 2017-2018 гг., было принято решение о разработке инструментария (опросного листа) для выявления гендерных особенностей восприятия института семьи и брака сегодня. Опрос проводился на примере Юго-востока Подмосковье - в шести городах и десяти населенных пунктах, находящихся в сельской местности. Общая выборка составила 1500 человек: 24,2% опрошенных были из Коломны, 22,5% - представляли Луховицы, 14,7% - Воскресенск, 11,2% - Егорьевск, 8,6% - Озеры, 6,4% - Зарайск (6,4%), из населенных пунктов в сельской местности было 12,4% опрошенных. Половозрастная характеристика выборки следующая: 3,3% респонденты от 14 до 16 лет; 35,0% – от 17 до 19 лет; 59,2% – от 20 до 25; 2,5% - от 26 до 30 лет. 47% - мужчины, 53% - женщины. 80% респондентов выросли в полной семье, 37,6% – являются единственными детьми. Каждый десятый респондент состоит в браке, причем: менее одного года 40%, от 1 до 3 – 60% респондентов. Один ребенок среди супружеских пар есть у 18,2% опрошенных, два у 9,1% [1,2,3].

Несмотря на значительные трансформации, которые произошли в современном российском обществе за последние годы (появление однополых браков, увеличение числа гражданских браков и разводов, течение «чайлдфри» и т.п.), традиции остаются незыблемыми. 80,8% респондентов согласны с утверждением, что создавать семью (вступать

в брак) нужно один раз и на всю жизнь и лишь 7,5% - придерживаются противоположного мнения. При этом 65,4% женской аудитории видят в семье основное условие для достижения стабильности в жизни (см. рис. 3), это на 8,3 меньше, чем у мужчин.

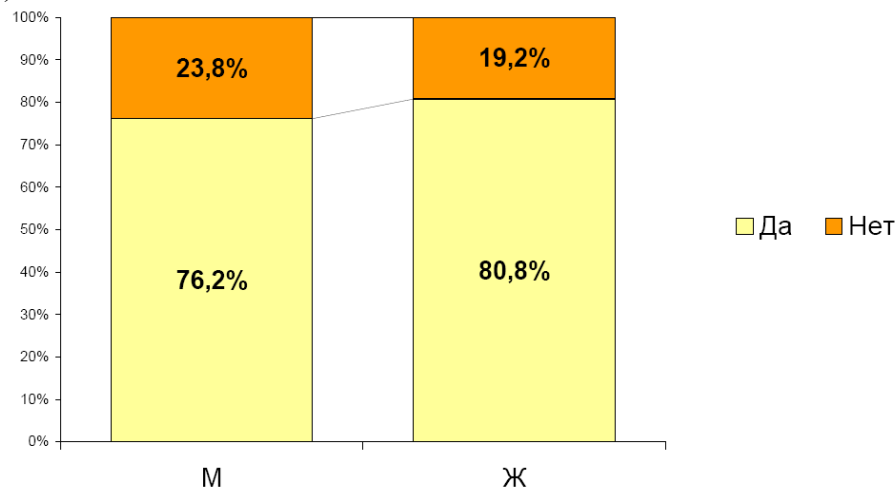


Источник: авторские исследования

Рис. 3. Влияние семьи на достижение стабильности и уверенности в жизни, %

81% мужчин утверждают, что родительский опыт семейной жизни повлиял на их личные взгляды в вопросах семьи и брака. Из женской аудитории 21,8% согласны с утверждением отсутствия связи с родительским опытом, при выстраивании своих брачно-семейных отношений. 92,3% - представительниц прекрасного пола готовы брак строить прежде всего на любви, в то время как каждый пятый мужчина так не считает.

Весьма интересно отношение к гражданскому браку и сожительству до брака. Абсолютное большинство опрошенных женщин - 80,8% уверены, что свои чувства необходимо проверить еще до замужества (мужчин согласных с этим меньше на 4,6%) (см. рис. 4).



Источник: авторские исследования

Рис. 4. Варианты ответов на вопрос «Необходимо ли жить с избранником/избранницей до вступления в брак?», %

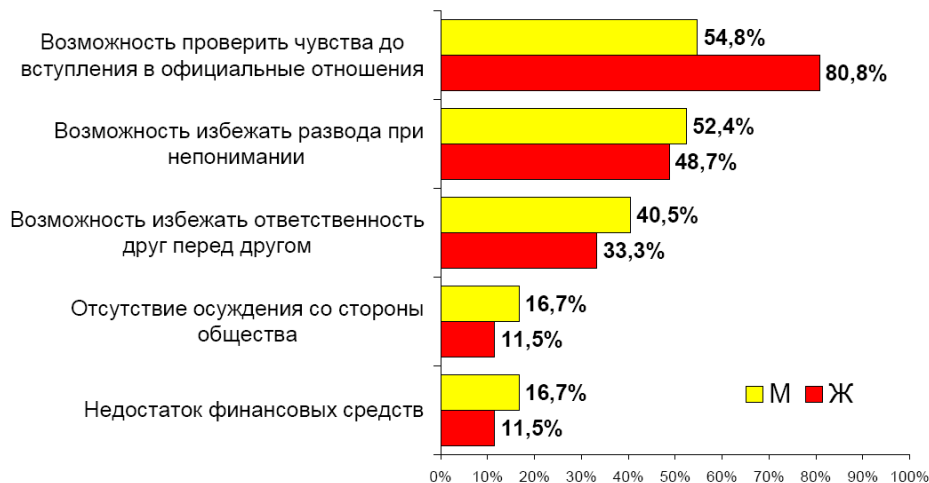
Сегодня наблюдается «очевидная популярность» гражданских браков не только среди мужчин, но и среди женщин. И причин этому множество. Большинство опрошенных женщин 80,8% видят в таких отношениях прежде всего «возможность проверить чувства до вступления в брак» (54,8% мужчин – тоже поставил это на первое место). Больше половины женщин (52,4%) и почти столько же мужчин (48,7%) на втором месте определили «возможность избежать развода при непонимании». Как нестранно, но треть женской аудитории, видят в этом «возможность избежать ответственности перед партнером», среди

мужчин такой вариант выбирали чаще – 40,5%. Остальные возможные причины «популярности» гражданских браков в российском обществе приведены на рисунке 5.

Гендерное отличие есть и в вопросе рождения ребенка вне брака. Современная молодежь вообще считает, что если ребенок появляется в гражданском браке, то это абсолютно не является причиной (как у старшего поколения) для заключения официального брака (см. рис. 6).

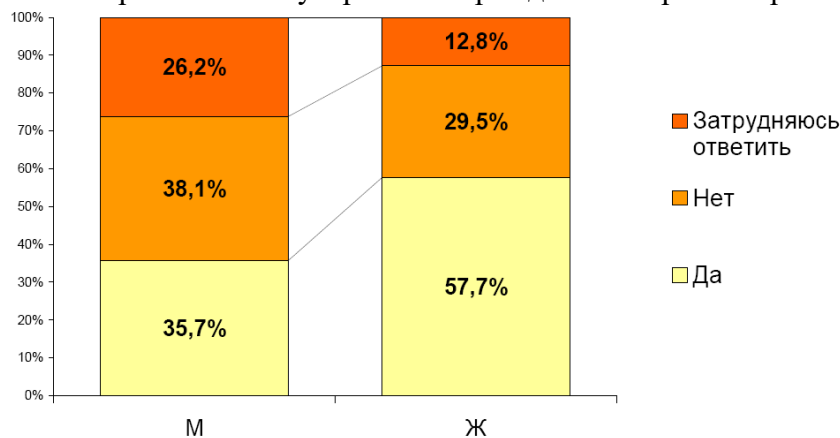
В этом случае треть мужчин (35,7%) согласны идти в ЗАГС, гораздо больше таковых среди женщин (57,7%) – считают необходимым узаконить свои отношения в случае рождения ребенка. 38,1% мужчин не считают это поводом для законного заключения брака. Это мнение разделяет треть женщин. 1/3 всех респондентов считают, что законный (официально зарегистрированный) брак более надежный. 72,5% – уверены, что от формы регистрации «надежность» взаимных отношений не зависит. Интересно отметить, что не один из респондентов не указал, что незарегистрированный («гражданский») брак более надежный, чем зарегистрированный.

Несмотря на достаточно «свободные нравы» в современном обществе, первоочередной причиной разрыва отношений может стать измена одного из супругов (89,7% женщин указали на это). На втором месте «Не сошлись характерами»: 71,4% – мужчин и 62,8% – женщин. На третьем месте – финансовые трудности (проблемы) и скучный досуг. Отсутствие собственного жилья – также одна из причин для распада семьи, причем женщины указывали ее чаще – 19,2%, чем мужчины – 16,7%. (см. рис. 7).



Источник: авторские исследования

Рис. 5. Причины «популярности» гражданских браков в российском обществе, %



Источник: авторские исследования

Рис. 6. Результаты ответа на вопрос «Есть ли необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка?», %

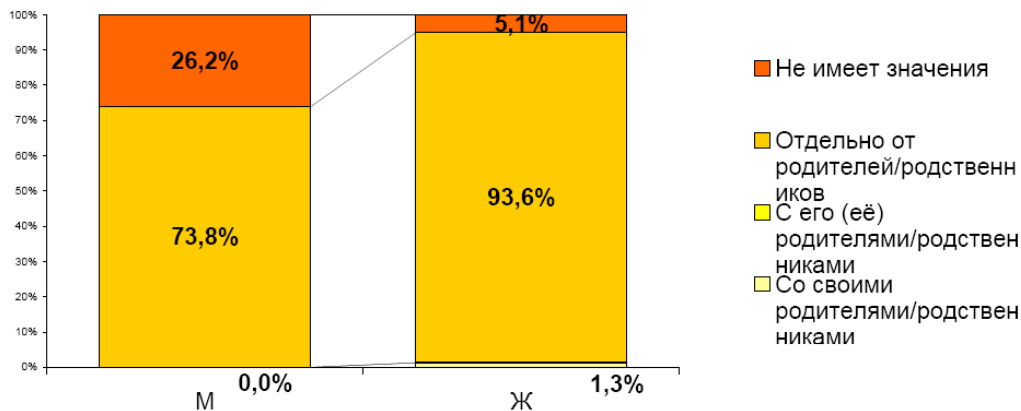


Источник: авторские исследования

Рис. 7. Что чаще всего становится причиной распада семьи, %

Однако в большинстве случаев развод – это крайняя мера. Более критично к разводу относятся женщины: 70,5% стремятся до последнего сохранить семью, а 6,4% считают, что развод – это вообще не приемлемо. Треть мужчин воспринимает развод, как нормальное явление.

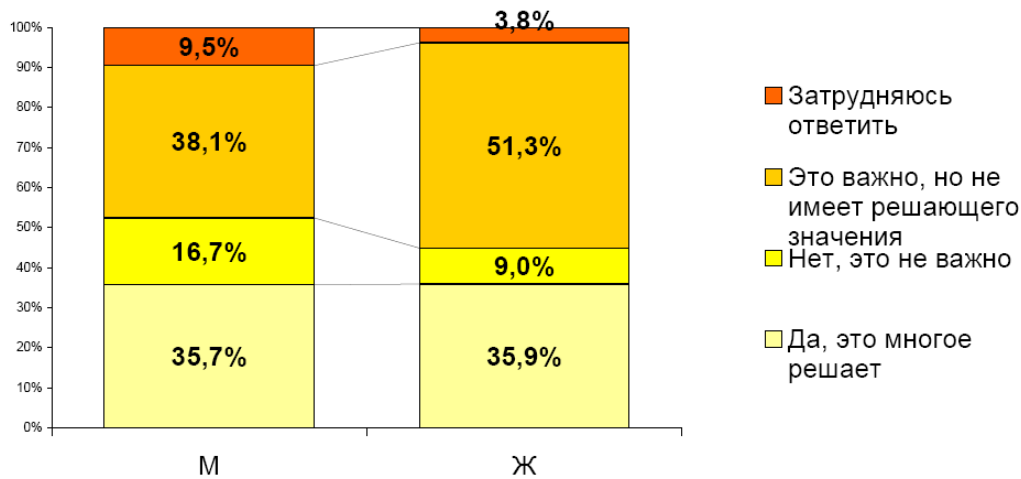
Достаточно часто именно жилищный вопрос становится причиной отказа от заключения официального брака или создания «полноценной» семьи. Современное поколение желает проживать отдельно от родителей, однако позволить себе отдельное жилье могут не все. Более требовательно к данному вопросу подходят женщины. Среди них 93,6% хотят проживать отдельно, с ними согласны 73,8% мужчин (см. рис. 8).



Источник: авторские исследования

Рис. 8. Где следует жить после замужества (женитьбы), %

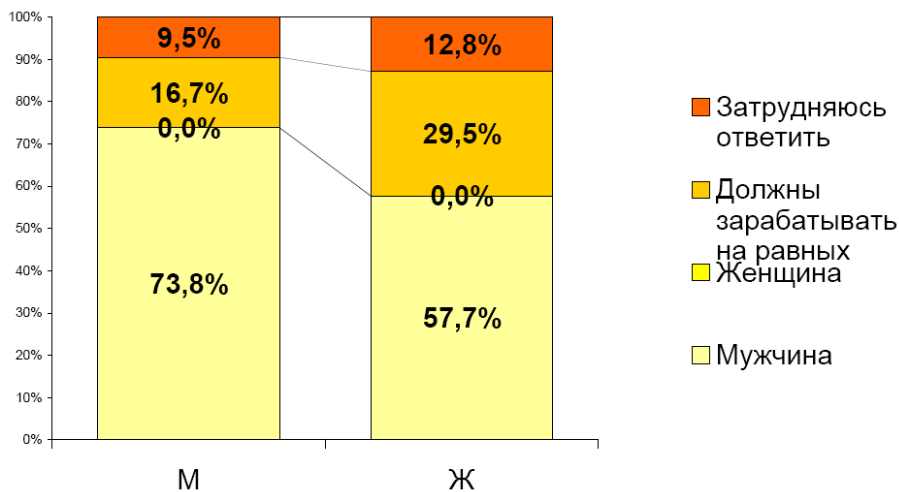
Вопрос об отдельном жилье при регистрации отношений (решения о вступлении в брак) интересует треть опрошенных: для 35,7% мужчин и 35,9% женщин. Не является важным для 9% женщин и 16,7% мужчин. «Это важно, но не имеет решающего значения» у 38,1% - женской и половины (51,3%) мужской аудитории (см. рис. 9).



Источник: авторские исследования

Рис. 9. Важность жилищного вопроса при принятии решении о браке, %

Традиционно отношение к вопросам материального обеспечения семейной жизни. 29,5% женщин уверены, что в современной семье супруги должны зарабатывать одинаково, с ними согласны 16,7% мужчин. Основной доход должен обеспечивать мужчина, по мнению 73,8% сильной части человечества и 57,7% женщин. Следует отметить, что вариант ответа «В семье основной доход должна приносить женщина» не выбрал никто из интервьюируемых (см. рис. 10).

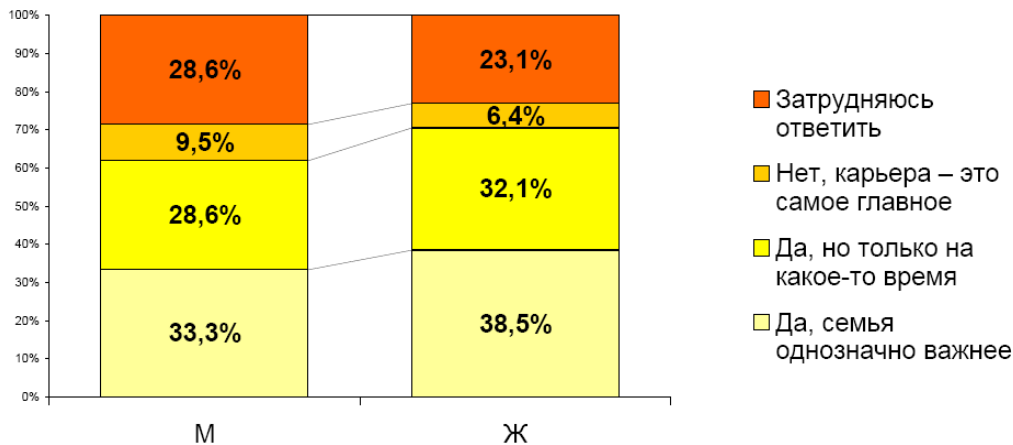


Источник: авторские исследования

Рис. 10. Кто должен приносить основной доход семьи, %

Большинство опрошенных респондентов (95%) разделяют мысль, что брак обязательно требует компромиссов от обоих супругов. Причем категорично «против» высказались 7,7% женщин и 2,4% мужчин. Каждый десятый мужчина (9,5%) не готов отказаться от карьер ради семьи, среди женщин таких меньше – 6,4%. Треть всех опрошенных готовы пожертвовать карьерой, но «только на какое-то время» (декретный отпуск и тп). 38,5% женщин – готовы бросить карьеру ради семьи, с ними солидарна треть мужчин (см. рис. 11).





Источник: авторские исследования

Рис. 11. Готовность отказаться от карьеры ради семьи, %

Каждый пятый (19%) мужчина не готов отказаться от больших заработков ради того, чтобы больше проводить времени с семьёй, среди женщин таких лишь 12,8%. Однако почти треть всех опрошенных сделали бы это ради времени в кругу семьи.

В заключении, следует отметить, что тема гендерного неравенства в брачно-семейных отношениях россиян весьма сложна, многогранна и требует дальнейшего изучения. Сегодня достаточно многие исследователи обращаются к данной тематике, так как от решения проблем в данной сфере зависит не только демографическое и социальное благополучие нашей страны, но и перспективы развития и безопасности отечественной экономики. Семейные отношения – это прежде всего основа и фундамент для рождения и воспитания нового поколения, сохранение, приумножение и развитие традиций, российского суверенитета, развития социума. Наши исследования на юго-востоке Подмоскovie позволили сделать вклад в решение данной проблемы и выявить особенности гендерного различия в решении вопросов брачно-семейных отношений.

#### Список литературы:

1. Медведева, Е.И. Российская семья и экономика страны [Электронный ресурс] / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Социальное пространство. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2434>
2. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмоскovie // Проблемы развития территории. Вологда: ВолНЦ РАН. - 2018. - № 2(94). - С. 120-140.
3. Крошилин С.В., Медведева Е.И. Значение семьи в воспроизводстве населения // Актуальные социально-экономические вопросы: проблемы и варианты решений: сборник материалов международной научно-практической конференции (19-20 апреля 2017 г. Россия, Коломна) / отв. ред. Ж.К. Леонова, ред.-сост. Е.И. Медведева, С.В. Крошилин. – Коломна: ГСГУ, 2017. – С. 107-119.
4. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Значение института семьи в консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – С. 63-70.
5. World Economic Forum. 2016. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report2016/> (Дата обращения: 04.12.2018).
6. Статистика одиноких женщин в России 2018 [Электронный ресурс]. Аналитический ресурс. URL: <http://redtailer.ru/statistika-odinokih-zhenshhin-v-rossii-2018/> (Дата обращения 12.12.2018).



7. Филиппова, Д. Число браков сократилось на 15%. Россияне предпочитают официально не оформлять отношения [Электронный ресурс] / Д. Филиппова // Известия – 13 февраля 2017. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/663985>. (Дата обращения 12.12.2018).
8. Цветы жизни или сколько детей нужно для счастья? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс выпуск №3717 от 17 июля 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9212> (Дата обращения 12.12.2018).

**Мельникова Татьяна Борисовна**

*кандидат экономических наук  
Севастопольский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова  
г. Севастополь  
tmln82@mail.ru*

## **УДАЛЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Аннотация.** Статья рассматривает взаимодействие удаленной занятости и пространственного развития Российской Федерации. Выявлены основные перспективы и риски распространения дистанционной работы для пространственной стратегии. Исследовано влияние удаленной занятости на доходы региона.

**Ключевые слова:** удаленная занятость, НДФЛ, пространственное развитие

XXI век с его ускоренным погружением в цифровое пространство открывает для Российской Федерации возможности сокращения географических расстояний между регионами через синтез экономики и информационных технологий.

Уже сейчас ряд ученых исследуют трансформацию российского пространства под влиянием отдельных направлений цифровой экономики. В целях соблюдения требования по минимизации задержки сигнала между центром и объектом могут возникнуть цифровые агломерации, которые способны привести к новому формату административно-территориального деления Российской Федерации [1, С.30-31].

Происходят изменения и в теории социально-экономической географии и пространственного развития, что выражается в обсуждении такого течения как география Интернета, изучающего пространственную дифференциацию Интернет-услуг [2, С.46].

Научное пространство, в основном, наполнено исследованиями вокруг межмашинных коммуникаций, однако, создание возможностей для цифровой экономики в Российской Федерации, в том числе через обеспечение покрытия широкодоступным интернетом территории нашей страны, откроет резервы повышения уровня занятости в ее удаленном или дистанционном формате.

Стоит отметить, что исследования, посвященные взаимодействию дистанционной работы и пространственного развития возникли еще в середине двадцатого века. Изначально, в 1960 годах отдельные компании использовали фрилансеров для снижения затрат и повышения гибкости. В 1970 году в рамках идей «информационного общества» концепция удаленной занятости стала популярна в кругах ученых и футурологов и, учитывая нефтяной кризис того периода, была связана с возможностями сокращения энергопотребления. В 1980х годах были сделаны выводы, что результатом распространения дистанционной работы кроме сокращения мобильности могут выступать укрепление социальной стабильности и большая вовлеченность в общественную жизнь на местах. Однако, впоследствии, появились результаты исследований, фиксирующие увеличения рекреационной и социальной мобильности, а также возможное перемещение жителей в более отдаленные от города «зеленые» зоны [3, С.874-878].

Фактически, вследствие развития удаленной занятости можно выделить два течения: новые траектории мобильности и новый формат мобильности.

Новые траектории мобильности возникают когда, по причине нахождения в родном муниципальном образовании, житель больше перемещается внутри территории проживания, между соседними территориями, а также в личных целях (туристских, социальных) на более далекие расстояния.

Новый формат мобильности приобретает виртуальную интерпретацию. Виртуальная мобильность подменяет часть каждодневной мобильности приводя к сокращению фактических перемещений по территории.

То есть мы наблюдаем ситуацию, когда, как справедливо замечают отдельные ученые, «факторы пространственной мобильности и ее потоки помимо личных целей и обстоятельств зависят от стадии развития общества, текущих и притом географически дифференцированных экономических, политических, институциональных условий» [4, С.11].

Тем самым, видоизмененная мобильность населения может оказать ключевое влияние на моделирование нового пространства Российской Федерации. В течение длительного времени в российском пространстве уже формируется положительное отношение к дистанционной занятости на фоне не снижающегося интереса к данной теме к зарубежной научной литературе. Недавние исследования подтверждают интерес работодателей к внедрению технологий в целях исключения работника из офисной работы, где это возможно. В частности, данный факт вызван тем, что работники зачастую выполняют большой объем неоплачиваемой работы и с большим энтузиазмом в обмен на собственный выбор времени и места работы [5, С.208].

В России за последние десять лет не менее миллиона человек получили опыт самостоятельной занятости на рынке дистанционной работы, причем значительно увеличилась доля фрилансеров из более мелких населенных пунктов [6, С.101]. Связано это и с тем, что вопреки распространенному мнению, жители периферии обладают достаточно высокой мобильностью [7, С.498], а также сталкиваются с несоответствием собственной высокой квалификации и предложением на рынке труда. Это приводит к тому, что значительная часть населения не прекращает поиски работы, будучи трудоустроенными. Такие данные показывает недавнее исследование в Свердловской области. 21% от общего числа трудоустроенных, фактически имели дополнительные рабочие места [8, С.372-373].

Вместе с тем по результатам другого исследования по Свердловской области. Жители региона активно участвуют в обмене информацией («виртуальная» мобильность): практически половина опрошенных зарегистрированы в специальных приложениях для общения, треть – на портале госуслуг, четверть – на специализированных порталах покупок и получения услуг. Сдерживающим фактором выступают недостаточные возможности низкодоходных слоев населения по оплате информационных услуг, при этом 12,7% в целом населения Свердловской области имеют два персональных компьютера [9, С.66-67]. С другой стороны, предприятия и организации региона расширяют свои возможности дистанционного общения за счет формирования интранета и экстранета [10, С.428].

Встречное движение работодателей и работников по использованию возможностей дистанционной занятости приводит к тому, что механизмы снятия административных и организационных барьеров занимают одно из важнейших мест во многих рекомендациях научного сообщества [11, С.60].

На данный момент, удаленная занятость в основном рассматривается с позиции преимуществ для работника и работодателя, при этом не исследуется ее эффект на региональное развитие. На подобный пробел в научных работах обращают внимание ряд ученых, которые некоторое время назад провели эмпирические исследования и выявили, что работа на дому (дистанционная работа) положительно влияет на средний доход домохозяйств. Согласно их результатам дистанционная занятость становится более желательным инструментом региональной политики, продолжая быть значимой для

региональной экономики [12, С.115]. При этом географическая кластеризация, характерная для промышленности, не идентична для дистанционных работников, что требует отдельной системы стимулирования развития.

Мы полагаем, что удаленная занятость в комплексе с инструментами экономического регулирования позволит России сократить различия в социально-экономическом развитии ее субъектов, а значит, укрепит общее экономическое пространство нашей страны. Учитывая вышеизложенное, наше исследование направлено на оценку влияния удаленной занятости на выравнивание дифференциации развития субъектов России.

Принимая во внимание то, что условным показателем эффективности функционирования экономики региона выступают налоговые поступления, в качестве результирующего показателя нами выбран объем поступлений налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) в консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации.

В работе предлагается новый подход к перераспределению НДФЛ: зачисление в бюджет субъекта Российской Федерации по месту жительства удаленного работника, принимая во внимание, что работодатель не несет дополнительных издержек по обустройству рабочего места, что выражается, в том числе и в частичном снижении нагрузки на использование производственных площадей и земельных участков субъекта Российской Федерации – места регистрации предприятия.

Информационная база исследования основана на данных межрегиональных матриц миграции занятого населения Российской Федерации, которые позволили изучить географию распределения внутрироссийских трудовых мигрантов для каждого субъекта Российской Федерации.

В результате теоретических и практических изысканий сформирована следующая модель оценки влияния изменения численности удаленных работников и географии распределения их работодателей на поступления НДФЛ в бюджет субъекта Российской Федерации – территории их проживания (1):

$$НДФЛ_{\%i} = \alpha * \frac{T_{НДФЛ} * t * \sum_1^n [(P_1 * ЗП_1) + (P_2 * ЗП_2) + \dots + (P_n * ЗП_n) - (P_i * ЗП_i)]}{V_{НДФЛi}}, \quad (1)$$

где:

$НДФЛ_{\%i}$  – прирост объема поступлений налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в консолидированный бюджет  $i$  – ого субъекта Российской Федерации, %;

$i$  – субъект Российской Федерации – территория расчета изменения НДФЛ;

$\alpha$  – изменение численности удаленных работников, %;

$T_{НДФЛ}$  – ставка налога на доходы физических лиц (13%);

$t$  – количество месяцев, ед.;

$n$  – субъект Российской Федерации, в который выехал житель  $i$  – ого субъекта Российской Федерации на работу,  $n=1,2,\dots,85$ ;

$P_n$  – численность жителей  $i$  – ого субъекта Российской Федерации, выехавших на работу в  $n$  – ый субъект Российской Федерации, чел.;

$ЗП_n$  – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций  $n$  – ого субъект Российской Федерации, руб.;

$P_i$  – численность въехавших на работу в  $i$  – ый субъект Российской Федерации, чел.;

$ЗП_i$  – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций  $i$  – ого субъект Российской Федерации, руб.;

$V_{НДФЛi}$  – объем поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет  $i$  – ого субъекта Российской Федерации в текущем году, руб.

В основу моделирования процесса положена гипотеза о том, что география текущей трудовой миграции между субъектами России отображает будущее распределения удаленных работников, что связано с исторически сформировавшимися регионами - деловыми центрами нашей страны.

Наше исследование показывает, что в субъектах Российской Федерации, население которых имеет низкие среднедушевые доходы, переход на удаленную работу содействует приросту поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет субъекта Российской Федерации в пропорции: 1% роста удаленных работников приводит к 0,05% роста поступлений НДФЛ (таблица 1).

Таблица 1

Результаты исследования в части субъектов Российской Федерации с наименьшим уровнем среднедушевых денежных доходов населения

№	Субъект РФ	Влияние трудовой миграции на поступления НДФЛ в бюджет субъекта РФ, %	Изменение поступления НДФЛ в бюджет субъекта РФ от 1% -ого увеличения удаленных работников	Изменение поступления НДФЛ в бюджет субъекта РФ от 15%-ого увеличения удаленных работников
1	Республика Марий Эл	-23%	0,4%	6%
2	Республика Крым	-2%	0,04%	0,6%
3	Чувашская Республика	-28%	0,78%	11,7%
4	Курганская область	-11%	0,23%	3,4%
5	Республика Алтай	+0,2%	0,02%	0,3%
6	Республика Мордовия	-13%	0,46%	6,9%
7	Республика Тыва	+1%	-0,01%	-0,15%
8	Карачаево-Черкесская Республика	-9%	0,17%	2,5%
9	Республика Калмыкия	-30%	0,92%	13,8%
10	Республика Ингушетия	+1%	0,001%	0,01%
Среднее значение		-11,4%	0,3%	4,5%

В тоже время, для субъектов Российской Федерации, которые характеризуются высоким уровнем среднедушевых доходов населения и которым свойственно превышение численности въезжающих над выезжающими, влияние удаленных работников на наполнение доходов бюджета в части НДФЛ незначительно и составляет в среднем значение, стремящееся к нулю (0,000007%). В отдельных случаях – будет происходить сокращение поступления НДФЛ, опять же в позиции близкой к нулю.

Указанный выше эффект вызовет перераспределение потоков НДФЛ, которое окажет влияние на повышение уровня среднедушевых доходов населения и доходной части бюджета субъектов Российской Федерации с наиболее низкими показателями социально-экономического развития при этом не затронув регионы-лидеры.

Безусловно, такой эффект возможно достичь при все возрастающей роли дистанционной занятости в жизни общества, однако доподлинно нам не известно какое нас ожидает будущее. Социолог Джон Урри сформулировал сценарии будущего в связи с развитием 3D-принтеров и мобильности в городах. В части распространения 3D-печати цифровые технологии, согласно автора, могут иметь четыре сценария развития. Первый сценарий «Компьютерные фабрики на дому» заключается в широкой доступности 3D-сканеров и 3D-принтеров в домашних условиях, второй сценарий «местные производства» предполагает формирование региональных (городских) центров печати, третий сценарий «Любительские ремесла» исходит из использования данной техники в общественных пространствах (преимущественно, для некоммерческого использования) и четвертый

«Только прототипы» – не выйдет за пределы прототипов. Цифровая экономика будет содействовать развитию мобильности в одном из четырех направлений:

- 1) высокая мобильность, предполагающая осуществления в пути следования значительной части общения и работы;
- 2) цифровой город, основанный на уходе от «физического общения»;
- 3) город удобный для жизни и практикующий снижение значимости средств передвижения с высоким потреблением энергии и формирование компактных городских районов;
- 4) город-крепость, который интерпретируется через усиление расслоения в обществе [13].

Опираясь на эти сценарии, представим несколько вариантов развития удаленной занятости, а также рисков и перспектив для пространственного развития России.

Первый сценарий можно назвать «Пространство удобное для жизни». В рамках него ожидается появление пунктов 3D печати в каждом муниципальном образовании, что будет способствовать развитию удаленной занятости в сфере торговли и услуг. Производители продукции или поставщики услуг будет высылать удаленному работнику необходимые картриджи и файлы соответствующих изделий, которые специалист будет печатать у себя в регионе и продавать. Кроме того, ожидается, что крупные компании примут практику дистанционной работы для широкого круга специальностей, тем самым исчезнет потребность в поиске работы согласно компетенции в другом регионе. Высокий уровень цифровой информации расширит возможности удаленных работников, в частности в сфере дистанционного образования. Такой сценарий развития будет способствовать выравниванию уровней социально-экономического развития между регионами, а также повышению уровня доходов населения. К основным рискам можно отнести: появление компаний-монополистов в сфере образования, 3D-печати, торговли и т.д.

Второй сценарий «Пространство высокой мобильности» строится на использовании беспилотных технологий, которые позволят быстро перемещаться между регионами и муниципальными образованиями, выполнять определенные работы в движении, доставлять товары на другие территории. Такой подход будет способствовать росту не только дистанционной занятости, но и самозанятости в «виртуальной среде», что также можно считать удаленной работой. Однако, высокая мобильность может содействовать усилению дифференциации регионов, укреплению центров и агломераций, в которых будут доступны новые технологии. Ухудшение экологии, снижения социальной активности в жизни родного региона можно отнести к основным рискам такого сценария.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки документов стратегического развития Российской Федерации, исходя из того, что даже, если перераспределение НДС останется на прежнем законодательном уровне, расширение доступа работников к удаленной работе позволит удержать в регионах рабочую силу и повысить доходы населения.

#### **Список литературы:**

1. Блануца В.И. Территориальная структура цифровой экономики России: предварительная делимитация «умных» городских агломераций и регионов // Пространственная экономика. – 2018. – №2. – С. 17–35.
2. Воронин И.Н., Воронин И.И. Информационные направления географических исследований // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского Серия «География». – 2011. – Том 24 (63). – №2, часть 2. – С. 44–50.
3. Geels F., Smit W. Failed technology futures: pitfalls and lessons from a historical survey. *Futures*. – 2000. – №32. – P. 867–885.
4. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

5. Felstead A. Assessing the growth of remote working and its consequences for effort, well-being and work-life balance / A. Felstead, G. Henseke // *New Technology, Work and Employment*. – 2017. – Vol.32. – №3. – P. 195–212.
6. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2016. – №6. – С. 89–106.
7. Шворина К.В., Фалейчик Л.М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // *Экономика региона*. – 2018. – Т.14, вып.2. – С. 485–501.
8. Бобков В.Н., Квачев В.Г., Новикова И.В. Неустойчивая занятость в регионах Российской Федерации: результаты социологического исследования // *Экономика региона*. – 2018. – Т.14, вып.2. – С. 366–379.
9. Банных Г.А., С.Н. Костина, А.И. Кузьмин Информационные потребности населения региона: социально-демографический аспект // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – №431. – С. 62–69.
10. Романова О.А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Ч.1 // *Экономика региона*. – 2018. – Т.14, вып.2. – С. 420–432.
11. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / Бирюкова С. С. и др.; под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 63, [1] с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7598-1758-1 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-1816-8 (e-book).
12. Gallardo R., Whitacre B. 21<sup>st</sup> century economic development: Telework and its impact on local income // *Regional Science Policy and Practice*. – 2018. – №.10. –P.103–123.
13. Урри Джон Как выглядит будущее?/Джон Урри; пер. с англ. А. Матвеевко; под науч. ред. С. Щукиной. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.

**Миронова Лариса Владимировна**  
*Член союза писателей РФ*  
г. Москва  
larissamir2006@yandex.ru

## **НОВЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НАЧАЛО ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ЭРЫ**

**Аннотация.** Главная особенность стремительно возникшей плеяды богачей в низкой стоимости труда в развивающихся странах. В числе проигравших их коллеги из США и Европы. Индустриальная экономика с неизбежностью угасает. Новые бизнес-модели и свержение режимов идут рука об руку. Перенос промышленности в Китай, Индию и др.

**Ключевые слова:** глобализация, бизнес-модели, монетизация, инновация, робототехника.

Новая волна глобализации одних превратила в принцев, других – в нищих. В числе первых венчурные инвесторы, удачливые бизнесмены, специалисты высшего класса, то есть все те, кто успел быстро сориентироваться на новых, внезапно появившихся рынках. И главная особенность этой столь стремительно возникшей плеяды богачей в том, что в неё вошли более миллиарда жителей *развивающихся* стран, мгновенно превратившихся из вчерашних нищих в весьма состоятельных представителей среднего класса. В число проигравших попали их коллеги из ведущих стран, где такой труд оплачивался традиционно дорого – это США и Европа. Так почти вся промышленная продукция, производившаяся с

1940 по 1980 гг. в развитых странах на собственных заводах, теперь изготавливалась в Мексике, Китае или Индии, и проблема жизни на Западе для этой категории некогда успешных людей отныне трактовалась, как способ выживания. В итоге пока одни страны с чёрной печалью в сердце сползали в депрессию, другие, воспрянув духом, с весёлым энтузиазмом вставали с колен. Мир индустриальной экономики безвозвратно отходил к прошлому, теснимый триадой технологий, автоматизации и глобализации. СССР уже перестал существовать, Индия активно проводила либеральные реформы, Китай поменял свою экономическую модель на некую разновидность гибридного капитализма, в целом, в мировой экономике появилось порядка миллиарда свободных агентов. В ЮАР закончился режим апартеида, и белые граждане, вчерашние хозяева положения, оказались в новых или наскоро перепрофилированных гетто, а Нельсон Мандела прямо из тюремных застенков режима апартеида стал первым чёрным президентом страны. В это же время на политической арене появляется Евросоюз, а также начинает действовать Североамериканское соглашение о свободной торговле - НАФТА, в него вошли США, Канада и Мексика. Таким образом, расстановка сил в мире существенно изменила привычную конфигурацию. В порядке утешения проигравшему Западу сегодня приводят весьма лукавый аргумент: пусть у вас сейчас меньше карьерных возможностей, чем было у ваших «предков», но жизнь ваша всё же стала разнообразнее, в целом, лучше, сытнее, а уж сколько развлечений и сервисов в нынешнем мире, вашим «предкам» и не снилось! И, главное, с каждым днём всё меньше запретов, а достижения медицины позволяют пересобрать заново практически весь человеческий организм, пока кроме мозга, но это лишь временно, были бы деньги. Однако подобные достижения и связанные с их введением испытания, блекнут перед угрозой новейшей волны глобализации, спровоцированной очередной серией инноваций, со скоростью урагана накрывающей почти две сотни стран нынешнего мира. Потрясения XX-го века померкнут на фоне преобразований века XXI, начиная уже с третьего десятилетия, и кто-то уже заранее ломает голову над тем, как половчее монетизировать их, эти новейшие инновации. В США, помимо Кремниевой долины, появился уже и «Маршрут 128» (Rout 128), что близ Бостона, а также «Научный треугольник» (Research triangle) в Северной Каролине, а что у нас, в России, кроме империи Чубайса? Понятно, что газ, это раз, но пока, похоже, кроме проблемы, как приспособить пилу, в качестве основного инструмента работы с бюджетом, на державный наш герб, и бесконечных «семейных» дрызг с Америкой, ничего существенного, в этом плане, не происходит. Помимо США, после долгого периода выжимания долларовых соков из феномена дешёвой рабочей силы, инновационные сигналы посылает уже зона 3-х млрд. населения: Индонезия, Бразилия, Индия и Китай. Преображается, по мере возможности, и Африка – и дело не только в том, что мобильными телефонами обеспечено всё население «чёрного» континента. Африканцы создают современные производства, которые весьма достойно конкурируют на мировом рынке с традиционными гигантами. Латинская Америка уже выстраивает свою собственную стратегию в глобальной экономике, а маленькая Эстония, которая чётко держит нос по ветру с самого начала перестройки в СССР, успела перевести всю свою крошечную экономику в цифровой режим, а ведь советские исследователи ещё сорок лет назад предлагали именно в этом направлении проводить перестройку народного хозяйства тогдашнего СССР. Не вняли. Создание новых бизнес-моделей и свержение старых режимов идут рука об руку, порой так тесно переплетаясь, что ответить свергнутому режиму порой нечего, кроме банального: «Ты виноват лишь в том, что слишком старый».

Недавняя революция инноваций стоимостью в триллионы долларов строилась на нулях и единицах – а будет ли такая инновация, которую построят на генетическом коде? Пока Япония, нынешний финансовый центр мира, – также мировой лидер по изготовлению робототехники, более трёхсот тысяч роботов из полутора миллионов существующих на данный момент в мире оттуда. В основном, это роботы по уходу за людьми, а также другие сервисы. Насколько полноценна подобная замена? И получится ли из робота сделать

человека? Это зависит от двух ключевых обстоятельств: прогресса в моделировании пространства убеждений и совершенствовании связей между роботом и облаком, что означает математическую структуру, позволяющую статистически моделировать условия и прогнозировать интересующие нас результаты. Речь идёт о приложении алгоритмов для понимания новых и смешанных контекстов, причем параллельно ведётся некая, но весьма активная работа по упрощению психики современного человека, вплоть до его полной *примитивизации*. До подключения к облаку робот имел в своём распоряжении ограниченный набор данных, располагая лишь своим личным опытом или опытом отдельных изолированных электронных устройств. Однако, объединившись в сеть, роботы обучаются очень быстро. Это то же самое, как если бы отдельный человек имел возможность мгновенно подключаться ко всему мировому интеллектуальному опыту. Так что, пока люди ещё раздумывают над этой проблемой, роботы уже совершили схожий квантовый скачок. Ещё один прорыв в робототехнике совершён в области материаловедения. Алюминиевый корпус, визитная карточка роботов прошлого поколения, уже необязателен, теперь роботов можно «шить» даже из шёлковой нити, их внешний вид стал до ужаса человекоподобен, их размер колеблется от огромных до миниатюрных. Между тем в разработке находятся нанороботы размером в миллионные доли миллиметра. Насколько радикально преобразуется жизнь человека в этом новом мире невиданных сверхвысоких технологий? К тому же, один из вероятных путей уже избран – слияние человека и машины, если по закону Мура мощность чипа удваивается каждые 2 года. Во вселенной Терминатора после достижения сингулярности суперкомпьютер принимает решение уничтожить человечество. Теперь вопрос – а достижима ли на практике эта самая сингулярность? Существует ли, если широко ставить проблему, предел развитию технологий? Что-то похожее на интуицию подсказывает, что такое уже случилось, и не раз, в жизни разумных существ, возникавших во Вселенной, но всякий раз предел ставила очередная техногенная катастрофа. Теперешняя ситуация с робототехникой также очень похожа на ситуацию с интернетом 20 лет назад, и вот опять мы стоим на пороге чего-то неведомого и страшного – и оно, это пугающее будущее, уже нетерпеливо стучится в дверь. Выживаемость человечества зависит от устойчивости его развития, что невозможно без постоянного движения. Блейк, великий провидец прошлого, заметил, что: «Если не меняешь своих взглядов/ Воде стоячей ты подобен:/ Чудовищных ползучих гадов/ Твой разум породить способен [1, С.313].

Гротескное создание Франкенштейна из романа Мэри Шелли сеяло повсеместно хаос и ужас, в конечном итоге прикончило и своего создателя... Роботы, тем не менее, распространились уже и в операционные, заменяя собой хирургов. Таких роботов на сегодня произведено несколько тысяч штук ценой в полтора миллиона долларов каждый, однако опасения таятся не только в цене такой услуги, но и в большом количестве травм и смертей, причинённых пациентам роботами-хирургами. Опасность таится также и в том, что рыночные силы начнут толкать роботов в операционную даже тогда, когда там лучше всё-таки находиться человеку – речь идёт о давлении на страховые компании и поставщиков медицинских услуг, которое оказывает необходимость снижения затрат, и, если робот будет запущен в медицину для этой именно цели, до здоровья пациенту не видать, как своих ушей. Роботы, возможно, начнут методично убивать людей – то есть совершать уже вполне законную во многих странах плановую эвтаназию. И всё это лишь верхушка айсберга. Так каково же будущее очеловеченного механизма или механического человека? В последние десятилетия совершена в буквальном смысле революция в области наук о жизни. Искусственные органы, трансплантация, чудодейственные таблетки и многое другое в том же духе сильно вскружили головы тем, кто мечтает о бессмертии, которое можно купить за деньги. Но всё это детские игры по сравнению с тем, что несёт нам ближайшее будущее: когда станет возможно «отстреливать» раковые клетки точно, а легкие и сердце для пересадки можно брать у домашних животных. Исследования генома с середины 19 века идут семимильными шагами, но прорывной точкой можно считать 1995 год, когда впервые секвенировали геном живого организма, бактерии, вызывающей серьёзные инфекции –



гемофильной палочки. Тут-то и стало ясно, что святой Грааль геномики – это секвенирование всего генома человека. Однако для начала всего-то и надо что разобрать 3 млрд. пар оснований, которые составляют нашу ДНК, чтобы понять себя на молекулярном уровне. Первый черновик генома человека сделал Билл Клинтон в июне 2000 года, а через три года Международный консорциум по секвенированию генома человека объявил, что дело сделано, а стоимость анализа последовательности первого генома – 2,7 млрд. долларов. Сейчас она в миллион раз ниже. Самую недавнюю из подобных разработок называют «жидкой биопсией», позволяющей в образце крови обнаружить мельчайшие частицы опухоли – в сто раз меньше, чем видит МРТ, до появления каких-либо симптомов. Однако это никак не проясняет сам механизм возникновения рака, и никак не учитывает тот факт, что человечество, в целом, делится на примерно две равные группы – одна половина людей подвержена сердечно-сосудистым заболеваниям, а другая – злокачественным опухолям. Причём каждое из этих заболеваний как бы блокирует возникновение своего антагониста. Ситуация похожа на то, как если бы эти две разновидности заболеваний поделили между собой криминальные сферы влияния. Тогда что это значит, по сути? Никто не может ответить. Сфера применения геномики выходит далеко за пределы проблемы лечения рака. Ответ, тем не менее, найти всё же придётся, и он содержится в самом понимании феномена жизни человека. Ответ: «Жизнь зародилась случайно в ходе эволюционного развития», - не принимается. Слишком закономерна смерть, как феномен. И тут надо бы задаться вопросом по существу – а что такое мозг, и чем он лучше (или хуже) искусственного интеллекта? NBIC (Nano, Bio, Info, Cognitive) – это глобальные технологии ещё и потому, что не просто охватывают весь земной шар, но и проникают во все поры социально-экономических структур и культурные ткани развития человечества – от личности до общества и природы как таковой. К чему это приведет – вопрос наиважнейший. [2, С.3] И начнём эту тему с разбора ситуации с рынками – куда они идут? А идут они туда, где более всего нужны – на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию и, конечно, в Африку с её миллиардным населением. Кодификация – главнейшее звено создания легкодоступного непосредственного общемирового рынка. Самые предприимчивые бизнесмены не упустили свой шанс наладить и в этих привлекательных частях мира устойчивую мобильную связь, а также онлайн-банкинг. Зарплаты, в том числе, и в армии, уже перечисляются на индивидуальные кредитные карты, и никто, без ведома владельца карты, не в силах уполовинить эту сумму. Исключение, однако, есть – мошенники и здесь в приоритете. Таким образом, цифровые сети и недоверие к правительству растут, идя рука об руку. И сам вопрос доверия с начала развития цифровых платежей маячит на горизонте непрерывно. Как закодировать доверие? Доверие в Сети является продуктом работы алгоритмов, в его основе – репутация, построенная на прошлых платежах и сделках, и контролируется владельцами платформы. Системно-целевая модель формирования системных же целей разбита на этапы: анализ целей, синтез целей и согласование целевых структур в системах целей – такова общая схема. [3, С.85]

Следующий шаг – экономика взаимопомощи, или совместного потребления. Здесь торговые площадки берут неиспользуемые активы и находят людей, которые в такой услуге нуждаются. Для тех же, кто не придерживается никаких идеологий и интересуется только прибылью и коммерческой выгодой, также есть свои предпочтения, способные превзойти всякое воображение. И тут важно учитывать заранее все издержки рыночных контрактов. В институциональной теории рынок рассматривается как институциональное соглашение, где типичной формой транзакционных издержек является т.н. оппортунистическое поведение, которое по мере усиления информационной асимметрии только ещё более активизируется [4. С.208-209]. Правители мира и блок-цепочки – это также одна из наиболее волнующих тем нового времени. «Биткойн – не валюта, а пирамида и тёмный коридор для преступлений, его сторонники видят в долларе всего лишь параноидальную теорию заговора!», - примерно так клеймили новую денежную единицу сильные мира сего с самого начала возникновения биткойна. Потом часть критиков перешла от ярой ненависти к примиряющему скептицизму,

а кое-кто и к приятию. Эволюция взглядов понятна: идея негосударственных денег – это один из самых простых способов выбраться из ловушки всем разумным людям давно уже обрыдлого глобализма. Даже очень враждебный поначалу Уолл-стрит, в конце концов, также проникся столь симпатичной идеей – безопасного, дешёвого и простого перевода денег по всему земному шару. Что, в принципе, настраивает людей против Биткойн? Ответ такой: стремительность его возникновения, огромный потенциал для теневого использования, а главное, неопределённость стоимости и устойчивости биткойнов. Но забавное поведение ряда правительств в этом деле просто выдало с головой всех критиков Биткойн: сначала они, негодуя, занимались конфискацией этих виртуальных денег, а затем, завладев их большим количеством, сами стали владеть и торговать биткойнами. Полный раздрай по этому вопросу царил и в правительстве США. В марте 2014 года налоговая служба определили биткойны не как деньги, а как собственность, подлежащую налогообложению, но уже через три месяца Федеральная избирательная комиссия одобрила их использование в качестве валюты для пожертвований на избирательную компанию. Полностью авторитарные государства задушили на корню новоявленного конкурента в сфере контроля за экономикой, в развивающихся же странах не стали ничего с ними делать, просто не понимая, как и зачем это делать. И всё же их можно понять: отделение технологии криптовалюты от её архаических корней не может не иметь решающих для всех правительств последствий – электронные транзакции гораздо легче контролировать, чем физические операции. Может именно поэтому действующая система физических платежей так упорно сопротивляется? Ведь биткойны вовсе не анонимны, они – псевдонимны. Более того, каждая транзакция отслеживается, навечно регистрируется в сети Биткойн и доступна каждому её пользователю, по сходству с электронной почтой. Все знают, кто чем владеет, сколько и на что тратит, ведь все сделки происходят на глазах общественности. Может быть, именно поэтому наиболее опасными соперниками Биткойн являются как раз сами правительства, вечно что-то утаивающие от народа? По их желанию система реестров ЦБ может достичь рыночного масштаба немедленно. Но не лучше было бы, если бы биткойн оставался протоколом, а не валютой, при этом опираясь на возможности технологий блокчейн, точно также, как HTML стал протокольным языком разметки для всего Интернета. Иными словами, блокчейн можно использовать как средство разметки для особо ответственных операций. Сеть по существу сплетена из HTML, что сделало интернет видимым, легко управляемым и доступным, что позволило легко наслоиться на уже имеющуюся паутину и другим инновациям, как платформа для надёжных сделок, что очень хорошо подошло бы для тех сфер, где нужен посредник, как незаинтересованный сторонний наблюдатель – это юриспруденция, брокерские услуги, покупка жилья, земли... Находятся даже среди конкурентов те, кто готов хоть сейчас помогать исправлять недостатки системы Биткойн, в частности, учить эту систему исправлять свои ошибки и не портить экологию. Пока расходы на электричество могут достигать 150 долл. в сутки. Майнинг же, в целом, за сутки «сжирает» 15 млн. долл. Один из путей решения охлаждения компьютера - использование его в холодную погоду, и (или) там, где есть дешёвое электричество. Это может быть, к примеру, шахта (mine) где-нибудь в Исландии вблизи геотермальных источников. В последние годы у Биткойн появились конкуренты, добывающие свои койны проще и дешевле, но создатели Биткойн продолжают держать глухую оборону. Так или иначе, криптовалюта и цифровая валюта будут набирать вес. *Лидер этой гонки, в конце концов, откажется от своих либертарианских корней и примет на себя ряд необходимых обязательств, в первую очередь, морального свойства, а также полный отказ будет сделан и от анонимности* – нельзя допустить, чтобы виртуальной валютой пользовались в дурных целях. Мир не стал лучше и надёжнее, более того, он стал ещё более хитрым и вероломным: отказавшись от обычной «холодной» войны, когда политические противники обзывают друг друга то земляным червяком, то обезьяной с гранатой, чаще всего, будучи по другую сторону экрана телевизора, мир перешёл к куда более ожесточённой, хотя и скрытой войне кодов. Киберпреступность создала для правительств новый императив, направленный на

защиту инфраструктуры и собственно граждан. Самая большая и всевозрастающая опасность киберпространства в том, что день ото дня растёт наша зависимость от него практически во всём. Если всё так и пойдёт дальше, вряд ли удастся избежать превращения киберпространства в полигон для испытания и применения программ в качестве оружия. Сегодня уже кибербезопасность – серьёзная отрасль экономики, и значение её в качестве индустрии безопасности будет только возрастать, ведь от «интернета вещей» разнеженный столь доступным комфортом мир не пожелает отказаться ни за какие пряники, несмотря на то, что история, пусть даже в слегка закодированном виде, но всё же даёт нам уроки осторожности. При неправильном развитии судьба человечества будет полностью зависеть от экспертов по кибербезопасности, а те неизбежно станут спекулянтами или превратятся поголовно в хакеров. Иного просто не дано. В области кибербезопасности уже есть некий комплекс, напоминающий протоиндустриальный, с ярко выраженными чертами масштабного военно-промышленного комплекса, и точно так же, как и реальный его прототип, он ловко использует в своих интересах общественное невежество и присущие массовому сознанию страхи. Однако ставки слишком высоки. Но что значит свобода, не обеспеченная безопасностью? Она становится слишком хрупка, чтобы представлять собой хоть какую-то ценность. Значит, придется учиться балансировать на лезвии бритвы. Или менять современный мир и все порожденные им пагубные представления всеми доступными средствами, в том числе, и путём принуждения к миру. Датаизм (религия данных) гласит: Вселенная состоит из потоков данных и ценность всякого явления определяется его вкладом в их обработку. Разрушая барьер между животными и машинами. Датаизм предрекает, что электронные алгоритмы расшифруют и подчинят себе все биохимические алгоритмы. Ученым же предлагают научный Святой Грааль в виде универсальной теории для всех дисциплин, от музыки до экономики и биологии, переворачивая традиционную пирамиду обучения [5, С.43—431]. Несмотря на то, что высокие технологии и другие достижения науки всё шире входят нашу общую жизнь, жизнь многих людей не только не становится лучше, но и наоборот, только ухудшается. И это не только у нас, но и в самых богатых странах мира, не спешат применить новейшие технологии для того, чтобы установить барьер для распространения этих, равно как и других форм мошенничества. Здоровье нации, в целом, ухудшается, и причина этого – бедность или скудность денежного обеспечения семьи для большей части населения. Но люди страдают также и от переедания, и этих людей надо лечить за счёт бюджета, в том числе. Такой дисбаланс никому не на пользу. Вторым фактором после голода и недоедания являются эпидемии, они возвращаются и свирепствует с нарастающей силой. Причина, чаще всего, также политическая. Да, мир должен измениться – но не в привычном режиме: «Наш ответ - рынок, а каков ваш вопрос?», а приняв радикальные контрмеры соответственно новым, в том числе, и цифровым вызовам, ведь мошенники первыми возьмут на вооружение новинки хай-тек, и жизнь превратится в кошмар.

#### **Список литературы:**

1. Блейк У. Видения Страшного Суда. – М.: 2002.
2. Казанцев А.К. и др. NBIC-технологии. – М.: 2012.
3. Клачек П.М. Гибридный вычислительный интеллект. Калининград.: 2018.
4. Кичигин О.Э., Дегтярёва В.А. Институциональная экономика. СПб.: 2018.
5. Харари Ной Юваль. HomoDeus. М.: 2019.

**Наумов Сергей Николаевич**  
кандидат экономических наук, доцент  
Всероссийская академия внешней торговли  
г. Москва  
Naumov\_SN@mail.ru

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

**Аннотация.** Рассматривается роль государственных программ как эффективного инструмента обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития стратегически важных территорий России. Излагаются предложения в части перевода этих государственных программ на проектные принципы управления.

**Ключевые слова:** стратегическое планирование, государственные программы, устойчивое социально-экономическое развитие, эффективность, проектные принципы управления.

Успешность достижения целей и решения задач долгосрочного устойчивого социально-экономического развития России в значительной степени зависит от эффективности функционирования системы стратегического управления, общие контуры которой заложены в федеральном законе о стратегическом планировании [1]. Одним из основоположников этой системы по праву считается Н.Д. Кондратьев, который рассматривал народнохозяйственный план как эффективный инструмент обеспечения более быстрого в сравнении с хаотичным развитием производительных сил и сбалансированного роста экономики, а также предполагал органическое сочетание рынка и плана применимым ко всему народному хозяйству.

При этом основная роль отводилась реальности, адекватности планирования экономическим прогнозам [2, С.92]. Даже самый продуманный, обоснованный и сбалансированный во всех отношениях план может остаться набором благих пожеланий, если он не будет подкреплён системой мероприятий и ресурсов, обеспечивающих его реализацию. В этой связи в настоящее время важнейшим инструментом достижения стратегических целей и решения приоритетных задач социально-экономического развития России, установленных в документах стратегического планирования, являются государственные программы Российской Федерации (далее – госпрограммы), перечень которых утверждён Правительством Российской Федерации [3]. Помимо целей, задач, целевых индикаторов и показателей в госпрограммах предусмотрены ресурсы и мероприятия, необходимые для их достижения.

Одним из критически значимых направлений системы госпрограмм является ускоренное и устойчивое социально-экономическое развитие особо важных в стратегическом плане пограничных территорий Российской Федерации, играющих особую роль в обеспечении национальной безопасности страны. В этой связи в рамках утверждённого перечня госпрограмм в настоящее время реализуются специальные госпрограммы социально-экономического развития Арктической зоны России, Северо-Кавказского федерального округа, Калининградской области, Республики Крым и г. Севастополь, входящие в группу IV «Сбалансированное региональное развитие» утверждённого перечня госпрограмм.

Эти госпрограммы призваны стать эффективным инструментом реализации целей и задач ускоренного развития соответствующих территорий, а также осуществления структурных сдвигов в экономике, способствующих повышению её эффективности, конкурентоспособности, социальной направленности, инновационности, укрепления экономической безопасности соответствующих территорий и национальной безопасности России.

Разработка госпрограмм этого направления должна базироваться на стратегии пространственного развития Российской Федерации, направленной на поддержание устойчивости системы расселения на территории страны и устанавливающей приоритеты, цели и задачи регионального развития страны на долгосрочную перспективу. Отсутствие утверждённой стратегии пространственного развития России существенно снижает качество целеполагания, сбалансированности и эффективности реализации госпрограмм данного направления.

Ситуация усугубляется вследствие отсутствия реальных оценок соответствия реализуемых госпрограмм критериям экономической эффективности (отражающим вклад госпрограммы в экономическое развитие страны и оценку влияния её ожидаемых результатов на различные сферы экономики России) и критериям социальной эффективности (отражающим ожидаемый вклад госпрограммы в социальное развитие страны, показатели которого не могут быть выражены в стоимостных категориях).

Представляется, что принципиальными задачами, решаемыми с помощью госпрограмм направления «Сбалансированное региональное развитие», должны являться следующие:

- обеспечение опережающего экономического развития соответствующих территорий и создание необходимых для этого условий, выражаемое в более интенсивной динамике производства продукции, выполнения работ и оказания услуг в рамках соответствующей госпрограммы по сравнению с динамикой валового внутреннего продукта страны (далее – ВВП). С позиции критерия экономической эффективности предлагается рассчитывать долю соответствующей госпрограммы в создании ВВП по годам реализации соответствующей госпрограммы;
- проведение структурных сдвигов в экономике территории и формирование более прогрессивной структуры последней путём ускоренного наращивания потоков ресурсов в приоритетные сектора экономики и территории опережающего социально-экономического развития. С позиции критерия экономической эффективности предлагается оценивать вклад госпрограммы в достижение основных макроэкономических показателей России - ВВП, прирост численности занятых в экономике страны, прирост количества рабочих мест (в том числе высокопроизводительных), прирост инвестиций в основной капитал и совокупный ввод в действие основных фондов, долю инновационной и высокотехнологичной продукции в общем объёме продукции, производимой в рамках соответствующей госпрограммы;
- опережающий рост производительности труда и реальных доходов населения территории, являющейся объектом данной госпрограммы, по сравнению с аналогичными показателями по стране в целом;
- создание наиболее благоприятных условий проживания, самореализации человека, развития производства и деловой активности на соответствующей территории, в том числе за счёт развития разнообразных форм и моделей государственно-частного партнёрства;
- повышение уровня инновационности, высокотехнологичности, импортозамещающего и экспортоориентированного потенциалов госпрограмм;
- обеспечение условий для устойчивого социально-экономического развития данной территории за счёт разностороннего развития человеческого потенциала. С позиции критерия социальной эффективности предлагается оценивать вклад госпрограммы в формирование индекса человеческого развития России;
- укрепление экономической безопасности соответствующей территории;
- обеспечение национальной безопасности и обороноспособности страны.

Для решения этих задач предлагается использовать унифицированную систему показателей, адекватно отражающих конечные результаты реализации госпрограммы в аспекте анализа её социально-экономической эффективности и коррелирующих с макроэкономическими показателями. В этой связи для оценки эффективности реализации

госпрограмм направления «Сбалансированное региональное развитие» предлагается использовать несколько групп индикаторов (показателей):

- показатели вклада госпрограммы в экономическое и социальное развитие России;
- показатели результативности и эффективности, характеризующие отдачу средств, вложенных в реализацию госпрограммы;
- удельные качественные показатели (доля продукции высокотехнологичных отраслей в общем объеме продукции, доля высокопроизводительных рабочих мест в их среднегодовом количестве, показатели инновационности, импортозамещающего потенциала, и экспортоориентированного потенциала, социальной эффективности, экономической безопасности и др.).

Разработка методического инструментария формирования облика соответствующих территорий на долгосрочный период предполагает гармоничное сочетание генетического (инерционного) и телеологического (нормативного, целевого) подходов к решению данной проблемы [4, С.97].

Преобладание генетического подхода объективно обусловлено при краткосрочном прогнозировании и планировании; в средне- и долгосрочной перспективе этот подход утрачивает точность и актуальность по мере нарастания новых реалий и новаций, которые не может предвидеть разработчик госпрограммы. Примат телеологического (от цели, от результата, нормативный, целевой, от будущего через настоящее к прошлому) подхода в большей степени характерен для среднесрочного и долгосрочного прогнозирования и планирования; он в меньшей мере ориентируется на достигнутый уровень развития территории, сложившиеся тенденции развития и доступные ресурсы. Здесь в качестве отправной точки используется цель (результат) развития либо состояние, облик конкретной территории к моменту завершения реализации госпрограммы.

В этой связи особенно важной проблемой представляется отработка системы эффективного управления реализацией госпрограмм, связанных с развитием стратегически значимых территорий. При этом перспективным решением может быть переход на проектные принципы управления госпрограммами, связанными с развитием стратегически важных территорий, по аналогии с пятью пилотными госпрограммами, реализуемыми с начала 2018 года [5]. Принципы формирования последних, как нам представляется, в значительной мере соответствуют миссии госпрограмм направления «Сбалансированное региональное развитие».

К этим принципам относятся следующие:

- обеспечение достижения целей социально-экономического развития и национальной безопасности страны, предусмотренных документами стратегического планирования;
- обеспечение консолидации бюджетных ассигнований федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов, направленных на реализацию государственной политики в соответствующих сферах и влияющих на достижение запланированных результатов;
- интеграция государственных финансовых и регулятивных мер (включая меры нормативного и тарифного регулирования, налоговых и неналоговых расходов, освобождений и иных преференций, совершенствования порядка лицензирования, осуществления контрольно-надзорной деятельности, реализации структурных реформ), влияющих на достижение целей государственной политики в соответствующей сфере;
- координация мероприятий госпрограммы с мероприятиями государственных программ субъектов Российской Федерации и мероприятиями, предусмотренными программами развития и иными программами госкорпораций, госкомпаний и акционерных обществ с государственным участием;
- включение в госпрограммы проектов (программ) и ведомственных целевых программ, прошедших процедуру ранжирования и реализация которых обеспечивает

достижение заданных в госпрограммах целей в полном объеме наиболее эффективным способом [6].

Для определения структуры пилотной госпрограммы развития территории прежде всего необходимо определить так называемые «точки роста», позволяющие обеспечить решение задач, предусмотренных документами стратегического планирования, которые не могут быть решены в процессе текущей деятельности ответственного исполнителя соответствующей госпрограммы.

В целях более эффективного достижения целей госпрограммы её ответственный исполнитель должен сформировать перечень проектов (программ) (федеральные, ведомственные, межпрограммные, отдельные мероприятия межгосударственных проектов) и ведомственных целевых программ, необходимых и достаточных для достижения в предусмотренные сроки и в установленных параметрах ресурсного обеспечения всех целей соответствующей госпрограммы (далее – проекты), образующих проектную часть соответствующей госпрограммы. При этом безусловный приоритет должен принадлежать проектам, направленным на достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 [7]. Применительно к госпрограммам направления «Сбалансированное региональное развитие» речь должна идти в первую очередь об обеспечении устойчивого естественного роста численности населения соответствующей территории, повышении ожидаемой продолжительности жизни, обеспечении устойчивого роста реальных доходов населения и пенсионного обеспечения граждан, снижении уровня бедности, улучшении жилищных условий населения, увеличении количества организаций, осуществляющих технологические инновации, обеспечении ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Процессная часть госпрограммы должна включать в себя деятельность, которая осуществляется для поддержания текущего (достигнутого) уровня функционирования субъектов, относящихся к данной госпрограмме.

В условиях ограниченных бюджетных ресурсов состав проектов в госпрограммах должен быть достаточным и полностью обеспечивать достижение установленных в них целей.

В связи с этим предусматривается процедура ранжирования проектов, которые включены либо могут быть включены в госпрограммы, целью которого является приоритизация финансирования тех проектов, реализация которых должна обеспечить максимизацию результата при минимальных издержках [8].

В процессе ранжирования проектов участвуют федеральные, ведомственные, межпрограммные, отдельные мероприятия межгосударственных проектов и ведомственные целевые программы. При этом в нём не участвуют ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия, направленные на финансовое обеспечение деятельности центральных аппаратов федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов, реализуемые в процессе текущей деятельности ответственного исполнителя госпрограммы.

Для приоритетных проектов, включённых в состав госпрограммы, может быть установлено прохождение специальной процедуры ранжирования Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

Ранжирование проектов (программ) или ведомственных целевых программ предлагается осуществлять с учётом следующих критериев:

- соответствие цели проекта (программы) или ведомственной целевой программы миссии госпрограммы;
- соответствие целей, задач, целевых индикаторов и показателей проекта (программы) или ведомственной целевой программы документам стратегического планирования;
- учёт региональных и отраслевых рисков в системе оценки реализуемости проекта (программы) или ведомственной целевой программы.

Критерии ценности проектов (программ) и ведомственных целевых программ характеризуют их способность достигать цели госпрограммы и вносить вклад в достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России. В качестве критериев ценности могут быть предложены следующие их группы:

- стратегические критерии (вклад в достижение приоритетов и целей государственной политики, определенных в документах стратегического планирования, в достижение целей/целевых индикаторов и показателей госпрограммы);
- финансово-экономические критерии (инвестиционная привлекательность, объемные производственные показатели, рост рентабельности, рост добавленной стоимости);
- рыночные критерии (вклад проекта в повышение конкурентоспособности отечественных производителей на внутреннем и внешнем рынках, повышение уровня локализации производства);
- технологические критерии (освоение инновационных технологий и инновационной продукции, коммерциализация результатов научных разработок);
- критерии социальной эффективности (количество новых рабочих мест, в том числе высокопроизводительных, повышение уровня жизни населения, улучшение среды обитания, экологическая безопасность, экологический след).

Критерии реализуемости отражают возможности реализации проектов (программ) с учётом потенциальных рисков. Эти риски характеризуют вероятные явления, события, процессы, не зависящие от ответственного исполнителя, соисполнителей и участников госпрограммы и негативно влияющие на основные параметры проекта.

К основным рискам могут быть отнесены: макроэкономические, природно-климатические, социальные, рыночные (внутренние и внешние), политические, законодательные, управленческие риски. В рамках этих рисков выявляются конкретные региональные и отраслевые риски, перечень которых определяется ответственным исполнителем с учетом специфики, целей и задач госпрограммы и проектов, анализа текущей ситуации.

Для учёта при ранжировании проектов (программ) или ведомственных целевых программ уровня их масштабности рекомендуется использование следующих критериев:

- доля субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации проекта (программы) или ведомственной целевой программы, в общем количестве субъектов Российской Федерации;
- доля субъектов Российской Федерации, для которых реализуется проект (программа) или ведомственная целевая программа, в общем количестве субъектов Российской Федерации;
- доля населения территории, для которой реализуется проект (программа) или ведомственная целевая программа, в общей численности населения Российской Федерации;
- иные критерии масштабности.

Ранжирование проектов (программ) и ведомственных целевых программ предполагает проведение их экспертной оценки по критериям ценности с учётом их масштабности и корректировкой на оценку по критериям реализуемости с учётом финансовой обеспеченности и поправочный коэффициент, учитывающий долю бюджетов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, средств внебюджетных фондов, внебюджетных средств в общем объёме финансовых затрат на реализацию проекта (программы) или ведомственной целевой программы.

В модели ранжирования рекомендуется определять веса критериев ценности и реализуемости, на основании которых проводится ранжирование проектов (программ) и ведомственных целевых программ, а также порядок получения результатов их ранжирования, включающий:

- оценку проектов (программ) и ведомственных целевых программ по критериям



ценности и реализуемости;

- учет региональных и отраслевых особенностей и рисков реализации проектов (программ) и ведомственных целевых программ;
- учёт использования в проектах (программах) и ведомственных целевых программах нефинансовых инструментов;
- перечень проектов (программ), включаемых в госпрограмму;
- оценку обеспеченности целей госпрограммы проектами (программами) и ведомственными целевыми программами;
- перечень проектов (программ) и ведомственных целевых программ, не включенных в госпрограмму по результатам проведенного ранжирования.

В случае недостаточности ресурсного обеспечения ответственный исполнитель может подать заявку на дополнительное финансирование с обоснованием необходимости реализации проектов для достижения целей госпрограммы.

При отказе в дополнительном финансировании ответственный исполнитель вправе направить запрос о пересмотре установленных целей госпрограммы в Правительство Российской Федерации.

#### **Список литературы:**

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
2. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
3. Перечень государственных программ Российской Федерации, утверждённый распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-р (с последующими изменениями и дополнениями).
4. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 октября 2017 г. № 1242 «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации».
6. Там же.
7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
8. Методические рекомендации по проведению ранжирования проектов (программ) и ведомственных целевых программ с учетом оценки достижения целей государственных программ Российской Федерации. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 15 ноября 2017 г. № 607.

**Никоноров Сергей Михайлович**

*доктор экономических наук, доцент*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*Москва*

*nico.73@mail.ru*

**Папенков Константин Владимирович**

*доктор экономических наук, профессор*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*Москва*

**Ситкина Кира Сергеевна**

*кандидат экономических наук*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*Москва*

*sitkinaks@gmail.com*

**Кривичев Александр Иванович**

*кандидат экономических наук*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*Москва*

*krivichev@live.ru*

**Лебедев Александр Валерьевич**

*кандидат экономических наук*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*НИУ «Высшая школа экономики»*

*Москва*

*[aleksander.lebedew@gmail.com](mailto:aleksander.lebedew@gmail.com)*

## **КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ РЕЙТИНГА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ И КОМПАНИЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ**

**Аннотация.** В данной статье представлены результаты работы в рамках НИР «Методика составления рейтинга устойчивого развития субъектов РФ, полностью или частично входящих в Арктическую зону РФ, и компаний, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ, – Полярного индекса». В статье приводится обзор существующих в России рейтингов устойчивого развития регионов, городов, компаний. Учтена региональная специфика Арктической зоны России в контексте триединого итога устойчивого развития: общества, бизнеса и власти. В работе показаны результаты Полярного Индекса 1.0 (Компании) и Полярного Индекса 2.0 (Регионы).

**Ключевые слова:** устойчивое развитие, Полярный Индекс, рейтинг устойчивого развития компаний Арктической зоны России, рейтинг устойчивого развития регионов Арктической зоны России.

Хотя принципы устойчивого развития уже более 20 лет обладают официальным статусом в ряде нормативных документов Российской Федерации[4, 2], пока они не получили действительно широкого распространения в нашей стране. Одной из иллюстраций данного факта является обзор составляемых в России рейтингов территорий, государственных и частных компаний. Лишь небольшое количество из них, в той или иной степени, отражают подход к устойчивому развитию как комплексному явлению. Большая же часть затрагивает лишь его отдельные сферы.

Альтернативой подобным рейтингам стал разработанный под руководством профессора Никонорова Сергея Михайловича и сотрудниками кафедры экономики природопользования Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с сотрудниками Проектного офиса развития Арктики «ПОРА» проект «Полярный индекс». В рамках проекта составлены два связанных между собой, но при этом самостоятельных рейтинга устойчивого развития – регионов Арктической зоны РФ и компаний, работающих на этой территории.

На современном этапе освоение Арктики является одним из ключевых приоритетов развития России - регион рассматривается как важнейший драйвер расширения экономических и геополитических позиций страны.

Несмотря на это, российская Арктика на политическом уровне пока не достигнута консенсуса ни в отношении административно-территориального статуса, ни вектора дальнейшего развития этой обширной территории.

В настоящий момент Арктическая зона Российской Федерации является конгломератом отдельных административных образований с разным статусом, в числе которых как целые регионы, так и отдельные муниципальные районы и города. У арктической территории отсутствует единый аппарат управления и, как следствие, инструментарий для централизованного планирования и контроля над исполнением принятых решений.

Существует несколько моделей объединения Арктической зоны России в единый административный контур: усиление и реформирование действующих межведомственных структур – Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, парламентских и экспертных советов и других координирующих органов; создание специального ведомства по делам Арктики, которое могло бы сосредоточить в своих руках широкий круг полномочий по координации развития Севера; создание специального Арктического федерального округа; создание на территории специального Арктического макрорегиона с централизованным управлением, собственной региональной нормативной базой и другими атрибутами единой внутригосударственной территориальной единицы.

Также необходим однозначный выбор направления развития Арктической зоны – должны быть зафиксированы принципы дальнейшего освоения российского Севера.

По мнению авторов проекта «Полярный индекс», в качестве такой базы могут выступать принципы устойчивого развития, подразумевающие соблюдение баланса его экономической, социальной и экологической составляющих. В Арктике ввиду огромной территории, хрупкой экологии и очень сложных условий выживания данный подход актуален в большей степени, чем для любой другой территории России. Именно на всестороннее внедрение принципов устойчивого развития в Арктической зоне РФ направлен проект «Полярный индекс».

Проект «Полярный индекс» методологически основан на «концепции триединого итога»: устойчивое развитие характеризуется сбалансированной взаимосвязью его экономической, экологической и социальной составляющих.

Модель можно представить в виде треугольника – фигуры, в которой все вершины геометрически взаимозависимы. Манипулируя с одной вершиной треугольника, мы неизбежно оказываем влияние на две оставшиеся. Изменение одного фактора меняет всю систему целиком:

- долгосрочное развитие экономики невозможно без бережного отношения к природным ресурсам
- необходимое для этого экологичное хозяйство может себе позволить только мощная экономика с высоким уровнем технологий
- наконец, развитие как экономики, так и экологии требует постоянного роста уровня культуры людей, повышения их гуманитарного потенциала

В рамках проекта «Полярный индекс» предлагается взглянуть на устойчивость развития Арктики в системе, представив ее как многоуровневую модель (рис. 1).



**Рисунок 1.** Концептуальный подход к составлению «Полярного Индекса»

1. Первое, внутреннее измерение – это оценка устойчивости работающих в Арктике компаний по трем классическим группам критериев: экономическим, экологическим и социальным.

Каждая компания, обладая той или иной степенью устойчивости, делает вклад в общую устойчивость/неустойчивость региона и является важным первичным звеном устойчивости.

2. Второе измерение – оценка устойчивости развития регионов по трем группам критериев: эколого-экономическим, социально-экономическим и социально-экологическим. На схеме это – рёбра большого, внешнего треугольника.

Используемые для оценки региона критерии – результирующие отношений между собой власти, бизнеса и общества.

- ❖ эколого-экономические параметры – как результирующие взаимодействия власти и бизнеса;
- ❖ социально-экономические параметры – как результирующие взаимодействия власти и общества;
- ❖ социально-экологические параметры – как результирующие взаимодействия бизнеса и общества.

3. Третье измерение дает актуализацию модели с точки зрения реальной жизни. Рейтинг позволяет оценить социальную устойчивость как гармоничность отношений общества, власти и бизнеса. На схеме это – вершины большого, внешнего треугольника.

Приведенная выше модель отражает комплексный подход к оценке усилий по устойчивому развитию Арктики. Таким образом, индексы, разрабатываемые в рамках проекта «Полярный индекс», дают интегральную оценку текущего состояния и потенциала устойчивого развития как арктических регионов, так и компаний, ведущих свою деятельность в Арктике. Для России освоение Арктики, добыча запасов минерального сырья, разработка транспортного потенциала может являться мегапроектом – драйвером для развития экономического потенциала[1; 3].

Пилотный рейтинг устойчивого развития арктических компаний «Полярный индекс. Версия 1.0» был представлен 5 июня 2018 года. Впоследствии рейтинг получит название «Полярный индекс. Компании». «Полярный индекс. Версия 1.0» стал первым специализированным рейтингом компаний, география деятельности которых затрагивает Арктическую зону России – аналогов ему в нашей стране пока не существует. В рейтинге рассматривались 17 крупных компаний, представленных в Арктике: 6 нефтегазовых, 3

металлургических, 3 нефтехимические, 2 энергетических концерна, по одной алмазодобывающей и транспортной компании, государственная корпорация по атомной энергии.

На первом этапе расчета рейтинга по специальной методике высчитывался индекс устойчивого развития компаний. В нем учитывается целый ряд параметров, разделенных на три группы:

- экономические – рентабельность активов, динамика выручки, капитальные затраты и др.
- социальные – условия труда работников организации, уровень их квалификации, благотворительная деятельность, развитие инфраструктуры, политика в отношении коренных малочисленных народов Севера и др.
- экологические – показатели загрязнения, наличие аварий, инвестиции в природоохранные мероприятия, наличие ресурсосберегающих технологий, вторичной переработки сырья и др.

На втором этапе осуществлялся экспертный опрос в форме анкетирования. Эксперты выставляют оценки по десятибалльной шкале всем участвующим в рейтинге компаниям по трем блокам вопросов – экономическому, социальному и экологическому. В анкете сделана попытка максимально учесть территориальную специфику – вопросы посвящены работе компаний именно в арктических условиях.

В результате расчета каждой из участвующей в рейтинге компаний присваивается интегральный индекс устойчивого развития в виде цифры от 0 до 1. Количественный индексу получил 80 % веса, а качественный – 20 %.

По результатам расчетов был сформирован следующий рейтинг компаний, работающих в Арктической зоне РФ (табл. 1).

Таблица 1

Полярный Индекс 1.0 (Компании)

№ п/п	Компания	Полярный Индекс
1	ПАО «Лукойл»	0,909
2	ПАО «СИБУР Холдинг»	0,901
3	ПАО «ГМК «НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ»	0,856
4	ПАО «Роснефть»	0,839
5	ПАО «АК «Алроса»	0,826
6	ПАО «Северсталь»	0,812
7	Государственная корпорация «Росатом»	0,810
8	ПАО «Транснефть»	0,807
9	ПАО «Газпром»	0,779
10	ПАО «Новатэк»	0,768
11	ПАО «Совкомфлот»	0,752
12	ПАО «Т плюс»	0,748
13	ПАО «Россети»	0,737
14	ООО «Башнефть-полюс»	0,734
15	ПАО «ФосАгро»	0,723
16	АО «ЕвроХим»	0,720
17	Филиал «РУСАЛ Кандалакша»	0,703

В пятерку лидеров рейтинга вошли крупнейшая частная нефтегазовая компания России «Лукойл», нефтехимический холдинг СИБУР, горно-металлургическая компания «Норникель», одна из крупнейших публичных нефтегазовых компаний в мире «Роснефть», а также российская группа алмазодобывающих компаний АК «Алроса», занимающая ведущую позицию в мире по объему добычи алмазов.

«Полярный индекс. Регионы» – первый специализированный рейтинг арктических субъектов Российской Федерации. Рейтинг охватывает 9 регионов, полностью или частично входящих в состав Арктической зоны России.

Согласно Указу Президента от 2 мая 2014г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», в нее входят полностью Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также отдельные территории Красноярского края, Архангельской области и республик Саха (Якутия), Карелия и Коми.

Задачей рейтинга «Полярный индекс. Регионы» является сбалансированная оценка регионов Арктики, равный охват всех трех составляющих устойчивого развития.

Расчет рейтинга осуществляется в три этапа.

Этап №1 – расчет количественного индекса устойчивого развития региона (КИ).

На первом этапе расчета рейтинга по специальной методике для каждого из участвующих в рейтинге регионов высчитывается количественный индекс устойчивого развития региона (КИ). В нем учитывается ряд параметров, характеризующих устойчивое развитие региона по трем блокам с равными весами: социально-экономическому, эколого-экономическому и социально-экологическому.

Перечень показателей, используемых при составлении количественного индекса устойчивого развития региона (КИ):

*Социально-экономические:*

- соотношение среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума
- региональный децильный коэффициент
- миграционный отток населения
- доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума
- объем производства валового регионального продукта на душу населения
- уровень удовлетворенности населения деятельностью властей всех уровней по обеспечению социальных гарантий
- обеспеченность транспортной инфраструктурой всех видов
- соблюдение прав представителей коренных малочисленных народов
- обеспеченность населения жильем
- доля населения, использующего сеть "Интернет", от общей численности населения
- доля занятых и безработных в общей численности населения

*Эколого-экономические:*

- доля затрат на охрану окружающей среды в бюджете регионов;
- соотношение темпов прироста запасов и добычи важнейших минерально-сырьевых ресурсов
- доля рекультивированных земель от общей площади земель, подвергшихся нарушению
- доля загрязненных и недостаточно очищенных сточных вод от общего объема сточных вод
- удельный вес возобновляемых источников воспроизводства ресурсной базы в общем объеме ресурсной базы
- организация и финансирование мониторинга состояния и изменения природной среды
- % ВВП, приходящийся на плату за допустимые и сверхнормативные выбросы
- % утилизированных опасных отходов в общем объеме отходов

*Социально-экологические:*

- количество людей, имеющих доступ к качественному питьевому водоснабжению
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Арктической зоны

- наличие региональных и муниципальных программ по адаптации населения и хозяйственных систем к климатическим изменениям

Все данные для расчета по указанным показателям берутся из данных государственной статистики и других официальных источников.

В результате расчета каждому из участвующих в рейтинге регионов присваивается индекс устойчивого развития региона (КИ) в виде числа от «0» до «1», до тысячного знака после запятой.

Этап №2 – расчет экспертного индекса устойчивого развития региона (ЭИ).

На втором этапе расчета рейтинга осуществляется экспертный опрос в форме анкетирования. Специально подготовленная анкета содержит 9 вопросов, разбитых на три блока – экономический, социальный и экологический.

Перечень вопросов анкеты, используемой на этапе экспертного опроса:

*Экономический блок*

1. Как Вы оцениваете экономический вклад региона в Устойчивое Развитие АЗРФ?
2. Как Вы оцениваете капитальные затраты из бюджета региона на развитие той территории региона, которая входит в состав АЗРФ (инфраструктура, инвестиции и пр.)?
3. Как Вы оцениваете стратегию развития (наличие долгосрочных планов, показателей, целей) региона в АЗРФ?

*Социальный блок*

4. Как Вы оцениваете качество жизни (комфортная среда обитания, социальная инфраструктура, возможность трудоустройства) на той территории региона, которая входит в состав АЗРФ?

5. Как Вы оцениваете наличие социальных программ на той территории региона, которая входит в состав АЗРФ?

6. Как Вы оцениваете политику и усилия администрации региона (наличие программных документов, реальная помощь) по взаимодействию с коренными малочисленными народами в АЗРФ?

*Экологический блок*

7. Как Вы оцениваете усилия администрации региона по модернизации производств, находящихся на арктической территории, с целью снижения негативного воздействия на окружающую среду АЗРФ?

8. Как Вы оцениваете политику и усилия администрации региона по поддержке биоразнообразия и природоохранных мероприятий в АЗРФ?

9. Как Вы оцениваете частоту техногенных аварий (разливы, взрывы, утечки, выбросы, просыпы) на той территории региона, которая входит в состав АЗРФ?

По каждому из вопросов эксперт выставляет оценку по шкале от 0 до 10 для каждого из участвующих в рейтинге регионов.

В результате сложения девяти оценок эксперта каждый из регионов получает оценку от «0» до «90» («0» – если по каждому из вопросов регион получил минимально возможную оценку эксперта, «90» – если по каждому из вопросов регион получил максимально возможную оценку эксперта).

Следующим шагом является вычисление  $N$  – среднего арифметического от всех суммарных оценок экспертов по каждому из регионов (число от «0» до «90» для каждого из участвующих в рейтинге регионов).

В итоговом интегральном индексе результаты количественного этапа имеют вес 80%, экспертного – 20%. Такое распределение весов выбрано с учетом точного характера количественных данных государственной статистики и других официальных источников. Экспертный же этап имеет уточняющий характер. Полученные в его рамках результаты верифицируют полученный ранее количественный индекс.

Исходя из этого, экспертный индекс устойчивого развития региона (ЭИ) рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ЭИ} = (N * 0,2) / 90$$

где N – среднее арифметическое от всех суммарных оценок экспертов по каждому из регионов (число от «0» до «90» для каждого из участвующих в рейтинге регионов);

0,2 – вес экспертной составляющей в интегральном индексе;

90 – максимально возможная оценка экспертами региона.

ЭИ представляет собой число от «0» до «0,2», до тысячного знака после запятой.

Этап №3. Расчет интегрального индекса устойчивого развития региона (ИИ).

На финальном этапе осуществляется расчет интегрального индекса устойчивого развития региона (ИИ), объединяющего в себе результаты количественного и экспертного этапов.

Интегральный индекс (ИИ) рассчитывается по следующей формуле:

$$ИИ = КИ * 0,8 + ЭИ$$

Где КИ – количественный индекс устойчивого развития региона, число от «0» до «1», до тысячного знака после запятой;

ЭИ – экспертный индекс устойчивого развития региона, число от «0» до «0,2», до тысячного знака после запятой.

Интегральный индекс устойчивого развития региона (ИИ) представляет собой число от «0» до «1», до тысячного знака после запятой.

Таким образом, по итогам расчетов, каждому из участвующих в Рейтинге регионов присваивается итоговое значение ИИ от «0» до «1». Чем большее значение присвоено региону, тем более высокое положение он занимает при ранжировании.

По результатам расчетов сформирован следующий рейтинг регионов Арктической зоны Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2

Полярный Индекс 2.0 (Регионы)

№ п/п	Регион	Полярный Индекс
1	Мурманская область	0,673
2	Республика Саха (Якутия)	0,670
3	Архангельская область	0,631
4	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,628
5	Красноярский край	0,620
6	Чукотский автономный округ	0,604
7	Республика Карелия	0,602
8	Ненецкий автономный округ	0,595
9	Республика Коми	0,590
10	Земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане	0,490

Таким образом, индексы, разрабатываемые в рамках проекта «Полярный индекс», дают интегральную оценку текущего состояния и потенциала устойчивого развития, как арктических регионов, так и компаний, ведущих свою деятельность в Арктике. С одной стороны, достигается комплексный подход к оценке усилий по развитию Арктики. С другой стороны, мы пытаемся достигнуть нового качества жизни для ныне живущих и будущих поколений Арктической зоны. И социальные запросы от населения должны, по нашему мнению, трансформироваться в новую экономику и в новые экологические требования и стандарты для бизнеса (где переход на наилучшие доступные технологии (НДТ) компаний в России является лишь первым этапом).

#### Литература:

1. Ивантер В. В., Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Арктический мегапроект в системе государственных интересов и государственного управления // Проблемный анализ и



- государственно-управленческое проектирование. Теория. Практика. Методология. - 2014. - N 6 (38), т. 7.
2. Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации = Basic principles of the Russian Federation sustainable development strategy / Федер. собр. Рос. Федерации, Гос. Дума, Комис. Гос. Думы по устойчивому развитию ; [Г.Н. Селезнев и др.] ; под общ. ред. М.Ч. Залиханова [и др.]. - М. : Изд. Гос. Думы, 2002. - 391 с. : табл.; 21 см.
  3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 20.02.2013). URL: [http://spp.nrd.ru/programs/arctica\\_strategiya.pdf](http://spp.nrd.ru/programs/arctica_strategiya.pdf)
  4. Указ Президента РФ от 01.04.1996 №440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040449>
  5. Экологический фактор экономического развития Российской Арктики / Environmental Factor of Economic Development of Russian Arctic Макаров, И.А. / Makarov. ЭКО. Всероссийский экономический журнал Issue 11 (2015) ISSN: 0131-7652

**Никулина Ольга Валерьевна**  
*доктор экономических наук, доцент*  
*Кубанский государственный университет*  
*г. Краснодар*  
*Olgafinans@mail.ru*

## **ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

**Аннотация.** В статье раскрыты основные направления пространственного развития России в условиях цифровизации мировой экономики. Проанализирована современная ситуация в сфере цифровизации бизнес-моделей международных и российских компаний. Представлены основные направления цифровизации мировой экономики и обоснована необходимость разработки стратегических целей и задач развития экономики России с учетом соблюдения принципов экономической безопасности и реализации экономических интересов.

**Ключевые слова:** цифровизация экономики, инновации, пространственное развитие, стратегические цели.

**Nikulina Olga Valeryevna**  
*Doctor of Economics, associate Professor*  
*Kuban state University*  
*Krasnodar, Russia*  
*Olgafinans@mail.ru*

## **SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF WORLD ECONOMY**

**Abstract.** In article the main directions of spatial development of Russia in the conditions of digitalization of world economy are opened. The modern situation in the sphere of digitalization of business models of the international and Russian companies is analysed. The main directions of digitalization of world economy are presented and need of development of strategic objectives and problems of development of economy of Russia taking into account observance of the principles of

economic security and realization of economic interests is proved.

**Keywords:** digitalization of economy, innovation, spatial development, strategic objectives.

Современное развитие мировой экономики характеризуется стремительным изменением информационно-технологической основы формирования связей и отношений всех участников всемирного хозяйства. Фундамент современных трансформаций характеризуется процессами цифровизации всех экономических процессов, которые в свою очередь оказывают существенное влияние на развитие стран и регионов мира. При этом пространственное развитие России встроено в архитектуру мировой экономики и так же подвержено влиянию современных процессов цифровизации.

Цифровизация мировой экономики связана с формированием в качестве ключевых факторов производства новых данных, представленных в цифровом виде, которые позволяют существенно повысить эффективность и качество бизнес-процессов, производительность труда в различных видах деятельности экономических субъектов [7]. Сегодня в качестве основных элементов цифровой экономики выступают:

- ✓ электронная коммерция, активно проникающая во все сферы международной торговли;
- ✓ электронный банкинг, позволяющий существенно сократить затраты времени в процессе взаимодействия клиентов с банком;
- ✓ электронные платежи, ускоряющие процесс осуществления международных расчетов в сфере мировой экономики;
- ✓ интернет-реклама, обеспечивающая информирование широкого круга потребителей различных товаров, работ, услуг;
- ✓ интернет-игры, формирующие новый подход к развитию системы развлечений, а также существенно расширяющие возможности применения образовательных технологий с использованием игровых моделей;
- ✓ электронные платежные системы, позволяющие каждой стране развивать систему внутренних и внешних платежей и расчетов, а так же позволяющие экономическим субъектам совершать расчетные операции в системе Интернет;
- ✓ криптовалюты, активно захватывающие финансовую сферу и стимулирующие переход к новой форме экономических отношений между субъектами мировой экономики.

Выделим два основных направления цифровизации мировой экономики, способных существенно повлиять на пространственное развитие России:

- развитие традиционных отраслей экономики на основе применения интернет-технологий и цифровых технологий;
- новое направление экономики как экономики цифровых объектов.

Каждое из представленных направлений требует разработки стратегических целей и задач развития экономики России как на внутреннем рынке, так и на внешнем с учетом соблюдения принципов экономической безопасности и реализации экономических интересов России как одной из ведущих держав мира в социально-экономической, культурной и политической сферах [5]. Основными направлениями цифровизации российской экономики в аспекте общемировых тенденций являются следующие:

- регулирование экономических процессов с использованием цифровых технологий;
- создание инновационно-информационной инфраструктуры для обеспечения быстрой адаптации, внедрения и обслуживания новых технологий;
- развитие научных исследований и разработок для стимулирования НИОКР во всех сферах экономической деятельности;
- формирование системы управления в новом формате с использованием цифровых технологий;
- реформирование системы образования на основе внедрения цифровых технологий, подготовка и переподготовка кадров для цифровой экономики;

- обеспечение информационной безопасности всех сфер экономической деятельности и разработка системы защиты информации и технологий;
- внедрение цифровых технологий в социально-значимые сферы экономической деятельности с целью обеспечения социально-экономического эффекта.

В настоящий момент цифровизация бизнес-моделей в мировой экономике позволяет быстро создавать и развивать рынки, что способствует наращиванию прибыли ведущими транснациональными корпорациями (ТНК) в условиях жесткой конкурентной борьбы на мировых рынках [5]. В мировой экономике уже активно функционируют успешные бизнес-модели с применением цифровых технологий, такие как Uber, Spotify, Netflix, Airbnb. В российской экономике активный переход к цифровизации способны осуществить в первую очередь крупные корпорации, деятельность которых связана с инновационными технологиями или требует внедрения новых цифровых технологий для эффективного развития в условиях жесткой конкуренции на мировом рынке. К числу таких корпораций относятся Ростех, Росатом, Роскосмос, Объединенная авиастроительная корпорация, Объединенная судостроительная корпорация и др. Для эффективного пространственного развития России в условиях цифровизации мировой экономики целесообразно развивать интеграционные формы взаимодействия экономических субъектов, что позволит объединить усилия не только крупных корпораций, но и привлечь к процессу цифровизации бизнес-моделей высшие учебные заведения, инновационные научно-технологические центры, научно-исследовательские институты, а так же финансовые институты, венчурные компании и государственные органы власти [5]. Пространственное развитие российской экономики включает в себя не только стратегическое развитие регионов, муниципальных образований внутри Российской Федерации, но также выход и закрепление на новых зарубежных рынках, встраивание в архитектуру мировой экономики в политическом, экономическом, культурном, технологическом, инновационном аспектах, позиционирование на мировой арене [6]. Ключевыми направлениями пространственного развития России с применением цифровых технологий в первую очередь должны стать:

- цифровизация в индустриальном секторе, с одной стороны, направлена на позиционирование российских компаний на внешних рынках как инновационных и высокотехнологичных, а с другой стороны, призвана способствовать повышению эффективности функционирования традиционных предприятий на основе применения цифровых технологий;
- цифровизация в электроэнергетике призвана внедрить технологию «умного дома» и сформировать новые возможности для производства, накопления и передачи энергии;
- цифровизация рынка финансовых услуг основана на внедрении финтех-инноваций и направлена на встраивание российской экономики в мировую финансовую систему.

Наиболее быстрыми темпами осуществляется внедрение цифровых технологий в финансовую сферу на примере банковского бизнеса и включает в себя следующие основные тенденции:

- Текущая цифровая трансформация бизнес-процессов заставляет банки сокращать свои расходы на филиалы и направлять инвестиции в цифровые каналы самообслуживания, поскольку мобильный и онлайн-банкинг являются востребованными технологиями среди клиентов [3].
- Сотрудничество банков с «Fin Tech» способно расширить спектр банковских услуг для клиентов в новом формате с использованием блокчейна, безналичных и бесконтактных платежей, криптовалют и даже созданием невидимых онлайн-банков.
- Внедрение искусственного интеллекта в банковскую сферу, автоматизация роботизированных процессов и машинное обучение, помогают банкам заменять трудоемкие ручные рабочие процессы высоконадежными, экономичными и быстрыми роботизированными операциями [4].

Следует отметить, что процессы цифровизации способны коренным образом изменить экономические отношения, возникающие между хозяйствующими субъектами в процессе перехода к цифровым технологиям. В первую очередь это связано с высвобождением ручного труда, повышением производительности за счет автоматизации производственных процессов и, как следствие, сокращением рабочих мест. Во-вторых, это способствует формированию новых потребностей, способных создать спрос на новые услуги, технологии и интернет-продукты. В-третьих, цифровизация финансовых процессов приводит к новым формам расчетов с использованием электронных денег, необходимостью создания платежных систем на основе облачных технологий и блокчейна [2]. В-четвертых, бурное развитие процессов цифровизации требует разработки системы контроля и регулирования всех экономических отношений, подверженных влиянию цифровой экономики, поскольку напрямую связано с необходимостью обеспечения экономической безопасности и информационной безопасности в первую очередь [1]. К данному перечню необходимо добавить уникальное свойство цифровизации – способность ускорять процессы передачи и кодирования информации, что особенно важно в тех сферах, которые связаны с коммуникациями и используют информацию в качестве основного ресурса и особой ценности в современной экономике.

Перечисленные особенности цифровизации мировой экономики требуют разработки стратегических целей и задач развития экономики России с учетом соблюдения принципов экономической безопасности и реализации экономических интересов. В связи с этим пространственное развитие России в условиях цифровизации охватывает следующие стратегические направления:

- поэтапное развитие IT-индустрии с целевой ориентацией на создание программного обеспечения и сопутствующих информационных технологий для внедрения и эксплуатации объектов в сфере промышленности во всех регионах России;
- формирование в регионах России инфраструктуры, обеспечивающей доступ в Интернет, использование телекоммуникаций и внедрение нового программного обеспечения во все сферы экономики;
- разработка концепции информационной безопасности, охватывающей все секторы экономики, включая социальную сферу;
- создание новых инструментов индустриального интернета, ориентированного на применение в регионах с развитыми промышленностью, энергетикой, нефтегазодобычей, аграрным сектором;
- развитие человеческого капитала для формирования экономики знаний, обеспечивающей возможность цифровизации всех экономических процессов и отношений;
- соединение усилий ведущих компаний в прорывных направлениях развития науки и техники, промышленности и социальной сферы;
- подготовка финансовых решений на базе внедрения цифровых технологий, обеспечивающих скорость передачи финансовой информации и экономическую безопасность платежей и операций;
- создание единых комплексных решений в сфере диджитализации управления бизнес-процессами как на уровне государства, так и на уровне предприятий;
- стратегическое инвестирование в комплексные программы цифровой трансформации важнейших отраслей экономики и регионов России.

Таким образом, в современных условиях стратегические ориентиры инновационного развития территорий в условиях цифровизации мировой экономики охватывают практически все сферы экономики, но наиболее активно проявляются в приоритетных инновационных отраслях. Влияние цифровизации на экономику территорий проявляется в данном случае двойко, вызывая с одной стороны, сокращение традиционных видов деятельности и видов работ, а с другой стороны, способствуя формированию спроса потребителей на новые работы и услуги, созданные с использованием искусственного интеллекта и основанные на

применении инновационных технологий. Следует отметить неизбежность перехода к процессам цифровизации, что во многом обосновано необходимостью обеспечения экономической и информационной безопасности всех бизнес-процессов за счет кодирования и автоматизации контрольных процедур.

#### **Список литературы:**

1. Никулина О.В., Ачмизова З.О. Направления совершенствования банковского контроля и надзора в системе инструментов денежно-кредитного регулирования национальной экономики // Экономика: теория и практика. 2017. №4. с. 56-64.
2. Никулина О.В., Квиткина Ю.А. Сравнительный анализ систем корпоративного управления в банковской сфере (на примере банков США, Китая и России) // Проблемы теории и практики управления. 2018. №7. С.71-83.
3. Никулина О.В., Печенин К.К. Стратегическое развитие деятельности ПАО Сбербанк на основе применения финансовых инноваций, обеспечивающих конкурентные преимущества банка на внутреннем и внешнем рынках // Экономика устойчивого развития. 2016. №2. С. 244-252.
4. Никулина О.В., Печенин К.К. Создание и внедрение финансовых инноваций в банковскую деятельность (на примере ПАО «Сбербанк») // Экономика устойчивого развития. 2016. №1(25). С.283-293.
5. Никулина О.В. Стратегические ориентиры инновационного развития экономики: монография / О.В. Никулина. Краснодар: Просвещение – Юг. 2010.
6. Технологический прорыв и пространственное развитие страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://roscongress.org/news/tehnologicheskij-proryv-i-prostranstvennoe-razvitie-strany/> (дата обращения 12.11.2018).
7. Юдина Т.Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. №3. С. 139-143.

**Одинцова Александра Владимировна**  
*доктор экономических наук, доцент*  
*Институт экономики РАН*  
*г. Москва*  
*Aleksod@yandex.ru*

### **СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ**

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, связанные с внедрением принципов стратегического планирования на муниципальном уровне. Включение муниципального звена управления в единую вертикаль стратегического планирования сталкивается с серьезными экономическими препятствиями, главное из которых заключено в негативной ситуации с системой местных финансов. Отмечена необходимость системного подхода к решению задач, связанных с интеграцией муниципального звена управления в единую вертикаль стратегического планирования в стране на основе ряда правовых новаций в законодательстве по стратегическому планированию и местному самоуправлению, а также комплекса мер по укреплению финансово-бюджетных и институциональных основ российского местного самоуправления. Рассматривается межмуниципальное сотрудничество в качестве важной составляющей процесса институционализации стратегического планирования.

**Ключевые слова:** местное самоуправление, стратегическое планирование, стратегирование, пространственное развитие, межмуниципальное самоуправление

Стратегическое планирование развития территорий сегодня рассматривается в качестве институциональной новации. Ее реализация позволит, по мысли многих, решить совокупность важных вопросов социально-экономического развития. Новые методы управления стали закономерным результатом изменений, наблюдавшихся в пространственном развитии многих стран за последние десятилетия. Ретроспективный анализ социально-экономического развития стран мирового сообщества в аспекте его территориальной составляющей показывает, что в течение многих десятилетий территории различного уровня рассматривались в качестве объекта по преимуществу государственного воздействия (регулируемого). Понимание пространства исключительно в качестве рамок (пространства) локализации централизованно регулируемой экономической деятельности отвечало как политическим условиям, в которых развивались территории и местные сообщества большинства стран, так и исходным принципам теорий экономического роста. Преобладание централизованных форм территориального управления неизбежно приводило к трактовке территории любого уровня как своеобразного «резервуара», наполненного совокупностью факторов производства, от эффективного структурирования и использования которых во многом зависели общенациональные показатели экономического роста.

Проведенные в 70–80-е гг. XX века реформы по децентрализации, затронувшие практически все страны, привели к расширению экономической самостоятельности местных сообществ. Децентрализация рассматривалась в качестве эффективного инструмента, позволяющего более полно учитывать местные особенности и потребности населения, более рационально использовать местные ресурсы.

Основной составляющей и целью проводимых преобразований стала передача полномочий на локальный уровень; повышение роли населения (гражданского общества) в управлении локальным социально-экономическим развитием. В целом, за последние десятилетия произошло увеличение доли местных сообществ в общенациональных публичных (бюджетных) расходах.

Реформы по децентрализации, в тех странах, где они проводились последовательно, сформировали качественно новую ситуацию. Расширение самостоятельности территориальных образований, увеличение доходной базы и расходных возможностей местных бюджетов, появление новых акторов локального развития, расширение возможностей формирования межтерриториальных образований позволили говорить о территории как о новом факторе экономического роста, как о субъекте, способном самостоятельно определять направления и формы своего развития.

Территория перестает выступать в качестве абстрактного пространства и объекта исключительно государственного воздействия (регулируемого). Она предстает уже как вполне самостоятельная активная институциональная единица, имеющая свой потенциал развития, свои интересы в широком смысле этого слова. Из достаточно простых в структурном аспекте анклавов централизованного регулирования территории превратились в активные производственные и социальные системы. Данная эволюция и стала фактором распространения с одной стороны, новых направлений научных исследований, новых школ, объединяющих достижения разных общественных наук; с другой, - практики стратегического планирования на различных уровнях территориального управления.

Стратегическое планирование рассматривается сегодня в качестве деятельности органов местного самоуправления по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития, направленной на решение задач устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований. Принцип устойчивости требует равновесного учета экологических, социальных и экономических факторов в определении направлений и стратегий развития. Речь идет о формировании стратегической цели, в которой экологическая, социальная и экономическая составляющие представляют собой органическое единство. Одно не происходит за счет второго и / или третьего.

В современных условиях именно на местном уровне лучше всего видны проблемы, относимые к вопросам устойчивого развития: проблемы социальной адаптации, использования возобновляющихся источников энергии, органического сельского хозяйства. Местные стратегии являются тем уровнем, где невозможно обойти вопросы устойчивого развития, связанные с национальными приоритетами как в том, что касается целеполагания, так и в том, что связано с участием населения в разработке и реализации муниципальной стратегии [1].

Таким образом, сам переход в России к практике стратегирования не является чисто российской спецификой. Вместе с тем, на общем фоне ситуация в России выглядит двойственно. С одной стороны, сегодня наблюдается практически полный охват практикой стратегирования как субъектов Российской Федерации, так и муниципальных образований. С другой стороны, многие документы стратегического планирования носят по преимуществу декларативный характер, представляя собой скорее некое идеальное видение будущего территории, нежели материально и финансовообоснованные стратегии устойчивого развития. Не случайно, с учетом этого, точка зрения многих экспертов, согласно которой процесс внедрения муниципального стратегирования во многом приобрел характер неумеренного и неквалифицированного увлечения [2, С.3].

Да и ключевой для стратегического планирования принцип устойчивости в существующих стратегиях трактуется крайне непоследовательно. Большинство стратегий в Российской Федерации исходят из традиционного, утвердившегося на предшествующих этапах социально-экономической эволюции понимания развития в терминах «экономический рост – залог прогресса».

Препятствием к становлению действенной системы стратегического планирования в муниципальном звене управления выступает множество причин. Особо следует выделить ограниченность финансовых ресурсов, которая наблюдается сегодня на всех уровнях территориального управления. Дефицит бюджетов всех уровней, международная ситуация делают затруднительным разработку долгосрочных стратегий. В этих условиях необходим поиск новых форм расширения экономической базы стратегирования и территориального развития в целом.

Важный вопрос, требующий прояснения касается степени самостоятельности муниципальных образования в процессе разработки документов стратегического планирования: как должна формироваться стратегия муниципального образования? Как самостоятельный документ, основанный на специфических особенностях и проблемах муниципалитета, и учитывающий все возможные изменения внешних условий, в т.ч. и регионального и федерального законодательства? Либо она должна представлять собой пространственную проекцию региональных стратегий социально-экономического развития? Чем, собственно, должна отличаться стратегия муниципального образования от комплексного плана его социально-экономического развития?

Вопрос о практике муниципального стратегирования, прежде всего, должен инициироваться и решаться в экономическом контексте. В этой связи нельзя, как мы полагаем, поддержать высказывавшиеся в последнее время предложение изъять из 131-го ФЗ (ст. 17, п. 6) положение относительно подготовки и принятия планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования, заменив это все на обязательность разработки стратегии социально-экономического развития для всех муниципальных территорий. Здесь необходимы более гибкие подходы к стратегированию, разработанные с учетом возможностей различных типов муниципальных образований.

Для городских округов и муниципальных районов федеральным законом стратегическое планирование должно быть обязательным. Что касается поселений, то в зависимости от местных условий их «включение» в стратегическое планирование должно определяться, на наш взгляд, не федеральными законами, а законами субъектов Федерации.

Разнообразие форм и методов муниципального стратегического планирования явно целесообразно. Но это разнообразие нельзя доводить до крайности, иначе оно может стать препятствием в сфере межбюджетных взаимодействий, в процессе согласования региональных и муниципальных стратегий, реализации межмуниципальных программ и пр.

Сетевая организация экономических связей, беспрецедентное развитие миграции населения, прежде всего, трудовой, развитие наряду с формальными, неформальных институтов, - все это меняет социально-экономические основы территориального развития. В результате, политико-административные границы перестают быть единственным критерием выделения субъектов локального развития и местного самоуправления. Территория становится местом пересечения сетей (физических и человеческих, формальных или неформальных), стратегий и взаимозависимостей между связанными друг с другом социально-экономическими субъектами. Это создает основу для развития практики межтерриториального сотрудничества, которая, как показывает мировой опыт, помимо прочего, способствует и институционализации стратегического планирования.

В РФ из трех основных форм межмуниципального сотрудничества - ассоциативные, договорные и организационно-хозяйственные - основное внимание уделяется ассоциативным формам. Это различного рода ассоциации, сформированные в большинстве субъектов РФ, функции которых ограничиваются обеспечением взаимодействия муниципальных образований с органами власти субъектов Федерации и Федерации в целом, представительством интересов муниципальных образований на всех уровнях.

Представляется актуальным изменить подход российского законодательства к статусу межмуниципальных образований: предусмотреть, во-первых, возможность передачи межмуниципальным объединениям отдельных полномочий (их части) местного самоуправления и, во-вторых, соответствующие инструменты по осуществлению контроля за их реализацией со стороны местных органов власти.

Всякое стратегирование в системе местного самоуправления осмысленно тогда, когда муниципалитеты могут строить свою экономическую, в т.ч. финансово-бюджетную политику на основе стратегии долговременного развития, долговременного целеполагания, а не сиюминутного выживания. Из-за постоянной финансовой необеспеченности территорий в понимании сути и перспектив муниципального стратегирования на местах складывается определенный дуализм. Не ясно: следует в муниципальных стратегиях на первый план выдвигать их практическую реализуемость по ожидаемым параметрам минимальной финансовой обеспеченности или же формировать эти стратегии без серьезного учета финансовых ограничителей, только исходя из наиболее значимых, оригинальных идей развития территорий, из необходимости осуществления масштабных проектов, представляющих собой центр притяжения для инвесторов, населения и пр.

Сегодня стратегические документы на муниципальном уровне отличаются самым общим характером целеполагания, ориентированным на провозглашение общего благополучия. В качестве примера можно привести Стратегию социально-экономического развития городского округа город Нефтекамск Республики Башкортостан «Нефтекамск – город, привлекательный для жизни» на 2016-2022 годы». В качестве приоритетной цели здесь зафиксировано обеспечение стабильного роста качества жизни населения городского округа на основе устойчивого повышения конкурентоспособности города Нефтекамск...» [3]. В Стратегии социально-экономического развития ЗАТО Северск на период до 2030 года в качестве генеральной цели определено «создание условий для повышения качества жизни и достижения высокого уровня благосостояния населения на основе устойчивого развития экономики, сочетающей модернизацию действующих производств и появление новых лидеров инновационного экономического развития...»[4].

Муниципальные стратегии ограничиваются небольшим целевых индикаторов как экономического, так и социального характера; не содержат указаний на ресурсное и институциональное обеспечение этих индикаторов. Скорее всего, подобные документы



вообще не могут рассматриваться как стратегии. Это - скорее рабочие документы действий местной администрации; некое идеальное видение будущего.

Полагаем, что совершенствование практики целеполагания в рамках стратегического планирования на муниципальном уровне в качестве фактора реальной экономической самостоятельности и «независимости» местного самоуправления требует решения двух взаимосвязанных вопросов.

С одной стороны, следует определиться с кругом полномочий, исполняемых на уровне местного самоуправления. Прежде всего, здесь следует более четко позиционировать так называемые «обязательные» и «добровольные» полномочия. При этом круг обязательных полномочий по вопросам местного значения может быть сокращен (но в нем обязательно должно остаться полномочие, касающееся разработки того или иного варианта плана социально-экономического развития муниципального образования). Эти полномочия должны гарантированно обеспечиваться финансовыми ресурсами, а за их неисполнение должны следовать санкции. Далее, следует определить полномочия, которые как собственные (обязательные) целесообразно передать на муниципальный уровень, одновременно существенно сократив объем делегируемых государственных полномочий, обеспечив их гарантированными доходами.

С другой стороны, следует пересмотреть подходы к формированию местных бюджетов, расширив состав их гарантированных доходных источников, в т.ч. круг местных налогов, а также права органов муниципального управления по их администрированию. Лучший вариант – передача в местные бюджеты большей доли НДФЛ и/или введение местной надбавки к федеральному НДФЛ на единую налоговую базу. Не лишено оснований и предложение о введении местного налога с продаж, в пределах, ограниченных федеральным законодателем. Активную поддержку на местах имеет предложение передать в местные бюджеты возможно большую или 100%-ю долю доходов от малого и среднего бизнеса.

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует о наличии прямой связи муниципального стратегирования, его успешности с развитием начал гражданского общества, привлечения населения и всех заинтересованных субъектов к решению локальных проблем. Стратегическое планирование рассматривается в рамках треугольника взаимодействий «государство - бизнес - население».

В Указе Президента РФ об основах государственной политики регионального развития от 16 января 2017 г. прямо говорится о том, что одной из целей этой политики выступает максимальное привлечение населения к решению региональных и местных задач. Здесь же говорится о необходимости дополнительных механизмов привлечения граждан к участию в государственном и муниципальном управлении, повышения их гражданской ответственности при решении вопросов социально-экономического и политического развития территорий.

Бизнес также должен овладевать методами стратегического планирования, осознавая то, что его стратегические планы являются частью (а во многом – и основой) стратегического видения экономики страны, ее регионов и отдельных территорий.

Если обратиться к зарубежному опыту и к работам иностранных исследователей, то там проблематика вовлечения населения, представителей бизнеса и всех заинтересованных сторон в практику стратегического планирования является одной из центральных в рассматриваемом вопросе. Именно степень и формы вовлеченности всех т.н. стейкхолдеров (как физических, так и юридических лиц, заинтересованных и причастных к локальному развитию) становится показателем институционализации стратегического планирования, перехода от традиционного планирования развития муниципальных образований к планированию стратегическому.

Анализ же проведенных на местах обследований показал, что характерной чертой российского местного самоуправления по-прежнему остаются такие негативные тенденции, как дефицит форм гражданского участия в развитии территорий; препятствия со стороны

властей к реализации социального потенциала местных сообществ; неосведомленность граждан об имеющихся лучших практиках «прямой демократии» и пр.

По данным экспертов, в подавляющем большинстве случаев стратегические документы поселений разрабатываются силами сотрудников местной администрации. Ни консультанты, ни бизнес не привлекаются. В исключительных случаях разработка происходит сторонними исполнителями, которые привлекаются по конкурсу и разрабатывают документ на основе запросов в местные органы власти.

Существенным минусом является и камеральная разработка стратегических документов, без стратегических сессий и должного публичного обсуждения принимаемого документа [5]. Только в трети городских поселений население и бизнес приняли участие в разработке документа, причем в пассивной форме — участие в обсуждении на завершающей стадии [5].

Институционализация стратегического планирования на муниципальном уровне – процесс длительный. Она требует реализации следующих мер:

1. Принятие Концепции (стратегии) развития местного самоуправления, где будет определена его роль в развитии страны, стратегические ориентиры и механизмы развития.
2. Обеспечение согласованности полномочий органов МСУ, определенных в 131-ФЗ с полномочиями, обозначенными в иных федеральных законах.
3. Повышение финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований: закрепление дополнительных доходных источников и дополнительной доли отчислений от налогов, на которые органы местного самоуправления могут оказывать наибольшее влияние (например, НДСФЛ).
4. Возможность дифференцированного подхода к организации органов муниципальной власти и к формированию местного бюджета в отношении специально выделенных типов муниципальных образований.
5. Урегулирование в федеральном или региональном законодательстве вопросов и устранение правовых препятствий организации межмуниципального сотрудничества.
6. Местное самоуправление – это, прежде всего, власть непосредственно населения на местах. Формировать эту исполнительную и представительную власть нужно с учетом и под контролем населения и только на основе его прямого волеизъявления.

#### **Список литературы:**

1. Territoires et Développement durable. Guide des collectivités territoriales pour la mise en œuvre d'un développement durable. Tome 2. // [http://www.comite21.org/docs/guides/guide\\_territoire\\_dev\\_durable2.pdf](http://www.comite21.org/docs/guides/guide_territoire_dev_durable2.pdf)
2. Швецов А.Н. Стратегическое планирование муниципального развития: полезное начинание или бюрократическая кампания? // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3.
3. <http://sovnetneftkamsk.ru/article/a-1058.html>
4. <http://www.forumstrategov.ru/UserFiles/Files/SeverskZayavka.pdf>
5. Аналитическая записка по результатам исследовательского проекта «стратегическое планирование в малых городах России» // Исполнители: Б.С. Жихаревич (руководитель), Н.А. Лебедева, О.В.Русецкая, Ю.А.Рябкова, Т.К.Прибышин. Санкт-Петербург, 2017. // см. <http://city-strategy.ru/UserFiles/Files/Executive%20summary.pdf>

**Огарков Сергей Анатольевич**

*кандидат экономических наук*

*Московский финансово-юридический университет МФЮА*

*г. Москва*

*[ogarkovsa@mail.ru](mailto:ogarkovsa@mail.ru)*

**Огарков Анатолий Прокопьевич**

*доктор экономических наук,*

*Государственный университет по землеустройству*

*г. Москва*

*[ogarkovsa@mail.ru](mailto:ogarkovsa@mail.ru)*

## **МЕХАНИЗМ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности жизнеустройства в период реформ, продиктованные негативными структурными изменениями пространственного и территориального развития в сельском хозяйстве. Обращается внимание на проблему наукоемких форм усадебного расселения, с выделением особой наследственной формы инвестиций - родовых поместий, в целях обеспечения роста эффективности планирования размещения и комплексного использования социальных основных фондов.

**Ключевые слова:** основные фонды, жизнеустройство, усадьба.

Механизм пространственного развития наукоемких основных фондов - это регулируемое взаимодействие форм и инструментов расселения по интересам с опорой на теорию пространственного развития, нормативно-правовое и информационное обеспечения организации инвестиционной деятельности. Отсутствие научно-обоснованной стратегии пространственного развития привело к сплошной деградации и ослаблению безопасности населения сельских территорий. Для успешной реализации национальных проектов, необходимо массовое участие и содействие кредитных организаций, частного капитала, строительной кооперации в воспроизводстве социальных основных фондов. В период реформ, зарождения частной собственности, при дефицитном бюджете и дорогом кредите, механизм воспроизводства на десятилетия оказался свернутым.

Поэтому, утверждение планов по увеличению продолжительности жизни, повышению оборонной безопасности территории, созданию комфортной среды расселения нуждается в поиске источников инвестиций для решения скопившихся социально-экономических вопросов. Институциональные структуры бизнес сообщества, население должны проявить интерес к новым формам организации экономического пространства, дорожа находящимися под незыблемой юридической охраной имущества.

Жизнеустройство – создание населению необходимых условий жизни, быта [1, С.188]. Комплексное жизнеустройство – создание населению, проживающему на сельских территориях, в сельских населенных пунктах необходимых социально-экономических и бытовых условий с обеспечением жильем, услугами общественных учреждений в пределах нормативной пешеходной и транспортной доступности.

В годы плановой экономики успешно решалась проблема – достижения относительно равномерного расселения по территории: на отдаленных территориях с наличием природных ресурсов строились заводы, фабрики, создавались дополнительные рабочие места, развивалась инфраструктура жизнеустройства (возрождение Нечерноземной Зоны, освоение целинных земель). Комплексно жизнеустроенными сохранились отдельные центральные поселения. Начатая политиками перестройка с институциональной реформой прервали крайне необходимый процесс территориального развития.

Разновидностью массового жилищного строительства с центростремительным типом служит усадебная застройка. Многие виды социальных объектов и предоставляемые услуги

должны находиться не только в шаговой и повседневной доступности и реального времени, но и соответствовать покупательной способности входящего в зону обслуживания населения – в этом состоят инновации обустройства территории. Реализация механизма пространственного развития основных фондов получит в расширенном масштабе комплекс активов различного социального назначения, которые можно совершенствовать по направлениям и приоритетам развития, создаст массовый потребительский спрос и обеспечит рост национального богатства [4, С.12-13,15,26-27,36].

Усадьба и приусадебное хозяйство (прилегающая в установленных границах собственность) отличающаяся целостностью архитектуры и целевым использованием с правом наследования, находящаяся под охраной государства и частной собственности, разновидность освоенной территории с комплексной малоэтажной застройкой, различного назначения: жилая, рекреационная, торговая, сельскохозяйственная, производственная, логистическая, обороны и безопасности. В городской среде апартаменты в жилом доме, замок, при церквях, монастырях, объектах культурно-исторического наследия, частные домовладения и земли с организованной на них площадях деятельностью различных социальных слоев по уровню располагаемого денежного дохода и капитала, физических и юридических лиц, отраслям.

Усадьба – обособленная и общинная, выделенная, охраняемая часть поселения, машинно-технологическая станция, здание административного аппарата, центр культуры и развлечений, военный городок, выступает одновременно как реальный актив и стоимость, способные получать свое продолжение в продлении семейных традиций, организационной преемственности и прироста капитала.

В рамках реализации национальных проектов в сфере здравоохранения, образования, жилья, экологии, становится актуальным исследование новых форм пространственного жизнеустройства. Усадебный тип расселения и застройки может оказать действенный механизм расширенного воспроизводства основных фондов, в том числе, опирающийся на трансформацию цифровых моделей - цифровая усадьба.

Также широко обсуждаемая форма родового поместья(хозяйства) нуждается в научном обосновании и юридическом закреплении в федеральном законодательстве. Формула родового поместья должна содержать признаки, отличающие термин поместье не только от местоположения, места происхождения основателя фамилии (рода), но и конкретизировать особенность цели создания, коммерческого оборота, подчеркивая устанавливаемый статус и механизм реализации. Комплекс материальных и нематериальных активов, а также их стоимость, вместе с проблемами наследования по линии основателя рода, хозяйственного оборота, включающего использование финансовых инструментов, привлечения рабочей силы, банкротства, раздела и расширения, выходят за рамки узконаправленного аграрного освоения экономического пространства. Концепция наследования должна опираться на современные институты нотариата, фондов, траста, ипотеки, кадастра, налогообложения, некоммерческих организаций и объединений, кооперации.

В период реформ сложилась крайне неравномерная, система расселения агломеративного типа с концентрацией трудовых ресурсов в крупнейших и больших населенных пунктах при малой заселенности, опустением и заброшенностью больших площадей, ранее возделывающихся, земельных угодий. Проблемы обустройства сельских поселений с тревогой обсуждаются с высоких трибун и в самих сельских поселениях. С этим созвучна статья председателя колхоза Белогорье из Ровенского района Белгородской области В.П. Кобыльника, «Страна прощается с деревней», опубликованная в газете «Сельская жизнь»: «Село вымирает. В основном там живут пенсионеры. Оставшаяся трудоспособная часть населения сел сидит без работы или ездит на заработки в города. Много школ, детских садов, ФАПов, домов культуры закрыто».

Комплексное жизнеустройство на сельских территориях и в поселениях целесообразно осуществлять на научной основе, реализуя предложения по выбору МСЖ на базе существующих сельских поселений, выбранных координатным методом и путем введения

севооборотов, определения трудоемкости работ в полях и на фермах и установления расчетным путем по предложенным формулам оптимального выбора местных центров жизнеустройства, которые комплексно обустраиваются и возрождают жизнеустройство территорий [2].

Значение объектов социальной сферы для жизнеустройства населения в сельских поселениях и территориях исключительно велико. Отсутствие этих объектов является одной из основных причин маятниковой миграции сельского населения в города, сдерживания строительства усадеб и родовых поместий.

Обустройство объектами социального назначения села, особенно важное при жилой застройке, продолжает находиться в кризисе. Требуется комплексное обустройство и освоение малообжитых сельских регионов. Одним из приоритетных направлений в экономике выступает инвестирование в развитие сельских домохозяйств усадебного типа.

Переписью населения страны 2002г. впервые зарегистрировано 13,4 млн сельских домохозяйств или 25,6% общей численности, в среднем по 2,8 человек [9]. В 2010г. их численность сократилась до 10,1млн и составила 24,9% общей численности в среднем по 3,3 человека. Проблемные домохозяйства, состоящие менее чем из трёх человек, составили 69,5% (в 2010г.- 62,0%) от общей численности, устойчивые из 4-5 чел – 24,7% (в 2010г. - 30,0%); родовые - численностью более шести человек – 5,8% (в 2010г. - 8,0%). Численность устойчивых и родовых домохозяйств в межпереписной период увеличилась соответственно на 5,5% и 2,2% в абсолютном выражении, что свидетельствует о росте экономической потребности развития сельского уклада жизнедеятельности [8]. В 142,2 тыс сельских населённых пунктах в 2002г. проживало 38,7млн. человек. Однако, в межпереписной период 2002-2010гг. количество сельских населённых пунктов сократилось на 8,5 тысяч из-за ликвидации и укрупнения(присоединения) малых поселений в связи с естественной убылью и миграционным оттоком населения, урбанизацией, в том числе из-за отдаления, отсутствия необходимых объектов социальной инфраструктуры (жилые дома, детские ясли-сады, общеобразовательные школы, учреждения здравоохранения, культуры, бытового обслуживания населения) [10].

Измельчение поселений связано в основном с естественной убылью престарелого населения малых деревень и свёртыванием в них жизнедеятельности. В целом по сохраняется мелкодисперсный характер сельского расселения. Изменения в сельском расселении не могли не отразиться на динамике численности и характере размещения объектов социальной сферы.

В 2016 году домашние хозяйства в сельской местности в основном сконцентрировались в отдельных домах (59,3%) или в отдельных квартирах (29,4%). В период 2003-2008 годов наибольшая часть сельского населения с наименьшими располагаемыми денежными доходами, проживающая в отдельных домах, увеличилась с 51,8% на 16,8% в абсолютном выражении, в отдельных квартирах снизилась с 31,9% на 1,9%. Данные по распределению домохозяйств с различным уровнем располагаемых ресурсов по видам благоустройства занимаемого жилого помещения с 2009г. статведомством в разрезе сельского и городского типа не публикуются. В целом за период 1989-2016 годов квартирные домохозяйства абсолютно сократились с 39,8% на 10,7%, проживающие в отдельных домах увеличились с 52,9% на 6,4 процента [6].

В большинстве населённых пунктов из-за малой численности населения возникают трудности с обеспечением занятости, предоставления жилищно-коммунальных и социальных услуг, всеми объектами социальной сферы в нормативных радиусах доступности. Дефицит инвестиций, миграция и естественная убыль населения повлияли на увеличение числа мелких населённых пунктов. Объекты социальной сферы села включают 11 наименований. При малых и мельчайших по численности поселениях, расположенных на взаимном удалении, невозможно в каждой малой деревне (на хуторе, улусе) построить все объекты социальной сферы. Выход в создании центров местных систем жизнеустройства на

группу малых поселений. Подобный центр выбирается объективно с помощью координатного метода, описанного подробно в монографии [2].

В 2017г. сельский жилищный фонд достиг величины одного триллиона м<sup>2</sup>, что составляет 27% жилищного фонда по стране, и увеличился по сравнению со средним значением периода 1991-1995гг. в 1,4 раза, или на 284 млн.м<sup>2</sup>.

Почти весь прирост пришёлся на индивидуальный сектор, доля которого в общем объёме сельского жилищного фонда повысилась в 1,6раза, в значительной мере за счёт частных домов горожан, построенных на селе. В частном секторе проживает 90,6% сельского населения, в том числе в индивидуальных домах – 87,4%, государственных - 2%, муниципальном жилье - 7,3% и прочих - 0,1%. При этом, только площадь частного жилищного фонда ежегодно непрерывно растёт, составив 940 млн. м<sup>2</sup>, несмотря на хроническую естественную убыль сельского населения.

В 2000г. отмечен перелом тенденции непрерывного спада по вводу в действие жилых домов в сельской местности, находившееся на минимальном значении с 1990г. уровне 40% или 7168 тыс.м<sup>2</sup> общей площади. В течение 2000-2017 годов в Уральском федеральном округе ввод в действие жилых домов, построенных населением в сельской местности, вырос в пять раз, в Центральном, Северо-Западном, Сибирском федеральных округах – утроился, в Южном, Северо-Кавказском, Дальневосточном – удвоился. В Республике Крым в период 2014-2017 годов – вырос в 1,7 раза и составил 257,5 тыс. м<sup>2</sup>. В 2017году ввод сельских жилых домов населением составил 17 541 тыс. м<sup>2</sup> и вырос в 4,6 раза по сравнению с уровнем 1990г. [7]. Сельский индивидуальный жилой дом (усадебный) в период рыночных реформ укоренился одной из важнейших ценностей среди населения, выступая как средство сбережения капитала и организации жизнедеятельности. За счет всех остальных источников в 2017г. построено всего 4500 тыс. м<sup>2</sup> или 20% общего объема, между тем, в 1990г.-80%. Ввод индивидуальных сельских жилых домов за счет собственных и заемных средств домохозяйствами в период 2000-2013 годов в целом удвоился с 6371 тыс. м<sup>2</sup> до 14879 тыс.м<sup>2</sup>, между тем, по сравнению с 1990г. вырос в четыре раза. В Уральском федеральном округе вырос в четыре раза, в Северо-Западном в три раза. В Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах прирост ввода сельских индивидуальных жилых домов составил 70-75%. Снижение доходов населения в период 2014-2018 годов негативно сказалось на цепных темпах прироста ввода сельского жилья. Крайне важно поддерживать доходность сельского хозяйства, а вместе с ней находить резервы для повышения темпов производительности труда.

Уровень благоустройства жилья в сельской местности в период 1993-2017 г. по большинству обеспечения социальными благами повысился в 1,5-2 раза [6]. Однако, из-за дефицита инвестиций в 2017 году 59% сельских населённых пунктов благоустроены водопроводом, канализацией – 48%, центральным отоплением – 68%, ванными – 36%, газом – 73%, горячим водоснабжением – 35%, напольными электроплитами – 7%. В течение 2000-2017 годов сохраняется стагнация в обеспечении газом сельского жилфонда на уровне 73-75%.

Удельный вес сельских населённых пунктов на конец 2010 г., не имеющих связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования, сократился по сравнению с 1995 годом на 17,1% и составил 28,6%, однако увеличился по сравнению с 2010 годом на 0,8%. В 2014г. по сравнению с 2010 г. доступность сельских населённых пунктов автобусным сообщением повысилась с 56,6 тыс до 88,0 тыс, утроилось число и удвоилась протяженность автобусных маршрутов. Вместе с тем, за период 1995-2010 годов резко сократилась длина и число автобусных маршрутов, число сельских населённых пунктов, обслуживаемых автобусами в пригородном и междугородном сообщении, протяженность автомобильных дорог, используемых сельскохозяйственными организациями [11].

Массовое индивидуальное жилищное строительство, ставшее всенародным за время рыночных реформ, создающее спрос, на селе сдерживается низкими зарплатами в сельском хозяйстве, недоступностью получения в рассрочку кредитов, отсутствием элементарных

инженерных коммуникаций тепла, связи. Недостаток тепла, избыток влажности, сырость, плохая шумоизоляция отнесли к проблемам жилищных условий 11-13% респондентов в 2016г. Менее половины опрошенных оценили состояние жилья как хорошее (40,3%) и удовлетворительное (46,8%) [12].

В 2013г. число сельских дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) уменьшилось по сравнению с 1991г. на 23,1 тысяч или в 2,4 раза, и составило 17,5 тысяч на 1310,2 тысяч детей. Основную массу (87%) составляют малокомплектные детские сады (до 75 мест). Сокращение сети ДОУ происходило в основном вследствие ликвидации учреждений малой вместимости (число ДОУ уменьшилось на 3,8%). Вместе с тем, на численности этих учреждений влияет и процесс интеграции дошкольного образования с начальным школьным. Однако, в течение 2013-2017 годов численность ДОУ выросла на 18,7 тысяч, при этом численность обучающихся выросла на 191,3 тысячи [6].

Сохраняется тенденция сокращения (оптимизация) числа сельских школ. За период 1991-2017 годов в сельской местности утрачено 13,8 тысячи школ, в том числе 1,6 тысяч в 2013-2016 учебных годах. Сеть сельских школ сокращается за счёт основных (в 2003-2004 учебном году на 1,8%) и начальных на 6,8%. Падение рождаемости, урбанизация привели к уменьшению численности обучающихся на 2 млн. человек [6]. Техническое состояние и гигиена сельских общеобразовательных учреждений стремительно снижается. В сельской местности благоустроено 38% школ. Больше всего аварийных и требующих капитального ремонта школ в Южном (62%) и Дальневосточном (51%) федеральных округах, самый низкий уровень благоустройства - в Южном и Сибирском Федеральном округе. Туалет в 3,4 тысяч школ расположен на дворе [13].

Число сельских больниц в период 1991-2016 годов сократилось на 4 431 единицы и составило 18,5%, потери мощности составили 125,1 тыс.коек. В период 1991-2013 годов закрыто 6 486 амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ). Однако, на протяжении 2013-2016 годов в сельской местности появилось 2159 АПУ, мощность которых превзошла уровень 1991г. и составила 570 тыс.пос в смену. Аудиторы счётной палаты выявили 17,5 тысяч населённых пунктов, не имеющих медицинской инфраструктуры, 11 тысяч из которых находятся на удалении более 20 км от ближнего медучреждения [14].

В 2016г. в аварийном состоянии находился 1% от общей численности зданий стационаров -11,6 тысяч, требуют реконструкции – 2,4%, ждут капитального ремонта – 21,1%. В 18,5% зданий отсутствует горячее водоснабжение, в 9,1% - центральное отопление; водопровод, канализация, телефонная связь среди 4-6% стационаров, которые с большими оговорками можно считать безопасными для предоставления услуг населению и не затратными по содержанию. Схожая удручающая картина и по амбулаториям: требуется капремонт для 16,3% из 19,7 тысяч зданий, горячее водоснабжение отсутствует в 27,7% зданий, центральное отопление в 12,6% зданий. Не смотря на рост зарплаты в здравоохранении, качество предоставляемых услуг остаётся под сомнением и несёт риски не только потери затраченных личных и страховых средств, но и потери здоровья от некачественного оказания медпомощи.

Сельское население страдает дефицитом доброкачественной питьевой воды. В 2016г. из 539,7 тысяч опрошенных респондентов всего 26,5% получали доступ к доброкачественной и 37,7% - условно доброкачественному питьевому водоснабжению. Имея охраняемый ядерным щитом один из самых больших в мире и среди стран БРИКС (после Бразилии) запас пресной воды в расчёте 30,5 тыс м<sup>3</sup> /чел, рассматривая планы экспортировать воду, не находится средств для снабжения сельского населения самым необходимым для жизни повседневного продукта – воды.

В 2015г. по сравнению с 1991г. сеть клубных учреждений в сельской местности сократилась на 43% и насчитывала 35,4 тысяч учреждений. Однако, увеличилась в предвыборный 2017г. до 37,6 тысяч или на 2,2 тысячи. Резко сократилось число основных радиотрансляционных точек с 10,9 млн до 0,05 млн или на 99,5%, что привело к утрате канала массового распространения информации. В 2017г. в сельской местности

насчитывалось 28,9 тысяч массовых библиотек или 68,5% к уровню 1991года, безвозвратно утрачено 41% библиотечного читального фонда. По сравнению с 2000г. в 2017г. снизился читательский контингент с 20,7 млн.чел до 15,8 млн.чел или на 24% [6]. Изживается массовая библиотечная сеть – источник знаний и культуры. Замена бумажных книг на электронный доступ к библиотечным фондам, частично компенсирует потери культурной ценности.

Материально-техническая база учреждений культурно-досугового типа остается в ветхом состоянии: 34% сельских клубов и 9% библиотек требуют капитального ремонта и находятся в аварийном состоянии. Подавляющее большинство сельских клубных учреждений имеют устаревшее оборудование. Продолжается сокращение сети подразделений сельской почтовой связи.

Разрушенная функциональная взаимосвязь объектов социальных и производственных основных фондов на сельской территории нуждается в масштабной перепланировке сохранившихся и вновь строящихся сел с учётом мест-потребности, селитебного производственного развития и размещения. Зависимость сельского населения от сферы услуг и оснащённости социальными основными фондами вытекает из неравенства доходов внутри профессионального распределения сельского населения, дисперсности мест проживания и неравномерной занятости. Развитие сельского хозяйства тормозит отсталое социальное положение и обустройство основными фондами сельских жителей. Развитие инфраструктуры и жилья в сельской местности - проблема коллективная, требующая институционального вмешательства, в первую очередь направленного на устранение диспропорций и противоречий в материальном и духовном обеспечении сельскохозяйственных тружеников.

#### **Список литературы:**

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка/С.И.Ожегов. Издание четвертое, исправленное и дополненное;около 53 000 слов.М.;1960-900 с.
2. Огарков С.А.,Огарков А.П. Комплексное социально-экономическое жизнеустройство на землях сельских поселений/С.А.Огарков, А.П.Огарков. Издательство ООО Онтопринт.М.-2015г., 374с.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика/ С.Д. Бодрунов /Монография/-М.:Культурная революция,2018.-432с.
4. Основные направления стратегии устойчивого социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года/И.Г.Ушачев,А.Г.Папцов,А.Ф.Серков и др.-М.:Изд.»Сам полиграфист»,2018.- 58с.
5. Стратегия устойчивого развития сельских территорий на период до 2030года.Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 №151-р/ <http://government.ru/docs/16757/>
6. Российский статистический ежегодник 2018.Статистический сборник/Росстат.- М., 2018. - 694 с.
7. Строительство в России. 2018: Стат. сб. / Росстат. - М., 2018. – 119 с
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010г./[http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf)
9. Всероссийская перепись населения 2002г./[http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM\\_06\\_01.htm](http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_01.htm)
10. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года/Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с., с.14
11. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015/[http://www.gks.ru/bgd/regl/b15\\_38/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_38/Main.htm)



12. Социальное положение и уровень жизни населения России - 2017 г. /[http://www.gks.ru/bgd/regl/b17\\_44/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm)
13. Васильева назвала число российских школ без туалетов. /<https://regnum.ru/news/2332294.html>
14. Здравоохранение в России. 2017/ [http://www.gks.ru/bgd/regl/b17\\_34/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm)

**Орешенков Александр Александрович**

*кандидат экономических наук, доцент*

*Витебская государственная академия ветеринарной медицины*

*г. Витебск*

*oreshenkov2006@rambler.ru*

## **ТЕХНОЛОГИИ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ**

**Аннотация.** По масштабу, объему и сложности четвертая промышленная революция не имеет аналогов во все предыдущем опыте человечества. Технологические прорывы ожидаются в широком спектре областей. В статье делается вывод о том, что грядущий технологический переворот, приходящийся на повышательную фазу шестой кондратьевской волны, будет связан с прорывами в медицине. Также автор представляет свой взгляд на проблему обеспечения доступа к услугам современной медицины населения регионов Беларуси.

**Ключевые слова:** четвертая промышленная революция, шестой технологический уклад, шестая кондратьевская волна, точная медицина, человеческий капитал регионов.

Слово «революция» означает резкое и радикальное изменение [1, С.17]. Революции происходят в ходе исторического развития человечества, когда новые технологии и новые способы восприятия мира вызвали фундаментальные изменения экономических систем и социальных структур. Первый кардинальный сдвиг в образе жизни человека – переход от собирательства к земледелию – произошел десять тысяч лет назад благодаря одомашниванию животных. Аграрная революция была построена на соединении силы животных и людей в целях обеспечения производства, транспортировки и коммуникации. Постепенно эффективность производства продуктов питания повышалась, стимулируя рост населения и обеспечивая жизнеспособность крупных поселений.

После аграрной революции последовал ряд масштабных технологических открытий в промышленности, получивших название промышленных революций. Начавшиеся во второй половине XVIII века промышленные революции стали вехами на пути от использования мышечной силы к механической энергии, который привел к сегодняшнему историческому моменту, когда в процессе четвертой промышленной революции производство развивается за счет познавательной деятельности человека.

Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Ее пусковым механизмом стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства. Вторая промышленная революция, начавшаяся в конце XIX и продолжавшаяся до начала XX века, обусловила возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера. Третья промышленная революция началась в 1960-х годах. Обычно ее называют компьютерной революцией, так как ее катализатором стало развитие полупроводников, использование в шестидесятых годах прошлого века больших ЭВМ, в семидесятых и восьмидесятых – персональных компьютеров и сети интернет в девяностых.

Ключевыми перспективными производственными технологиями, формирующими облик нового передового производства, являются: аддитивные технологии, технологии

создания передовых композиционных материалов, в том числе нанотехнологии, роботизация производства, инфраструктурные информационные технологии – интернет вещей и промышленный интернет, занимающие связующее звено между пятым и шестым технологическими укладами.

Недавнее появление термина «четвертая промышленная революция» или «Индустрия 4.0» символизирует, что происходящая сегодня цифровая революция с интернетом вещей приравнивается по своему историческому значению к трем предыдущим революциям: паровой, электрической и информационной (или микроэлектронной). Основными компонентами интернета вещей стали робототехника с элементами искусственного интеллекта, технологии дополненной реальности, 3D-печати, сенсорных сетей и облачных вычислений.

Одна из важных сфер приложения интернета вещей - это точная медицина, обеспечивающая применение правильного лечения к правильному пациенту в правильное время. Сегодня ведущие страны конкурируют в повышении продолжительности и качества активной здоровой жизни. В стареющем и благополучном населении западных стран востребованность медицинских услуг растет, вполне отчетливо просматриваются и возможности увеличения финансовой выгоды в расчете на конкретного потребителя. Поэтому большое значение в переживаемой ситуации, в рамках стадии Кондратьевского цикла имеют инновации в сфере применения медицинских технологий и фармацевтики.

Цифровые технологии, основанные на аппаратном и программном обеспечении и сетях, с каждым годом уходя все дальше от третьей промышленной революции, становятся усовершенствованными и интегрированными, вызывая трансформацию общества и глобальной экономики. Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях (нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии). Синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих, позволяя развивать в медицине ключевые факторы шестого технологического уклада. Например, нанобиотехнологии разнообразными связями объединяют в себя многие направления, связанные с медициной и фармацевтикой, что проявляется в разработке новейших медицинских препаратов и профессиональной техники.

Следующим шагом станет синтетическая биология. Она даст возможность регулировать организм путем записи ДНК. Многие неразрешимые медицинские проблемы, включая сердечные и раковые заболевания, имеют генетический компонент. По этой причине возможность определять индивидуальный генетический состав является эффективным и низкзатратным способом (при использовании секвенаторов в регламентной диагностике) совершить революционный переворот в сторону индивидуализированной и эффективной системы здравоохранения.

В бионанотехнологиях особую нишу заняли следующие направления: молекулярная диагностика, диагностические средства персонализации терапии, клеточная и тканевая инженерия для терапевтических целей, биосовместимые материалы, биофармацевтика. Открытие человеческой эмбриональной стволовой клетки сделало потенциально возможным выращивание отдельных биологических тканей, органов или их частей и элементов для использования в регенерации и реабилитации организма. Широкое использование биопротезов, выращенных из собственных стволовых клеток пациента и потому не вызывающих иммунной реакции отторжения, станет уже в 2020-е годы повсеместной клинической практикой.

Актуальным становится использование нейроинтерфейсов для исследования мозга и лечения различных болезней, в том числе нейродегенеративных. Революционируют эти области знаний современные лечебно-диагностические и когнитивные технологии: магнитно-резонансная анатомическая, позитронно-эмиссионная, функциональная магнитно-резонансная томография и пр. Новые методы исследования позволяют наблюдать за активностью мозга человека в режиме реального времени, за способностью нервной системы

обучаться и исправлять ошибки. По аналогии с работой мозга ученые пытаются построить информационно-математические модели с тем, чтобы создать искусственный интеллект для решения разного рода практических задач, в том числе в области медицины.

Революционное значение будет иметь изготовление и применение биочипов, которые могут быть встроены в органы человека с целью поддержания их функциональных свойств. Так, отдельные функции, фазы, участки процесса лечения станут возможным отдавать под наблюдение, пока процесс лечения заболеваний от начала до конца не будет проходить под их контролем. Это одно из важных направлений, которое будет реализовываться в течение 2030-2050-х годов. Особое будущее отводят наномашинам, которые доставляют молекулы лекарства прямо к месту болезненного воспаления.

Развитие информационных технологий расширит возможности точечных влияний и операций вместо современных хирургических. Активно развивающийся информативный метод диагностики с помощью трехмерных УЗИ, цифровой рентгенографии, компьютерной томографии, многослойных, объемных, трехмерных снимков в сочетании с компьютерными технологиями дал толчок к решению задач нового уровня - автоматизации процессов работы врача с полученными изображениями и возможностью их интерпретации. Например, диагностика с использованием нанобиочипов в роли миниатюрных датчиков, отслеживающих концентрацию различных веществ в организме, различающих раковые клетки от здоровых. Тогда врач может уничтожить их с помощью наноробота-хирурга без ущерба для здоровья пациента, открывая возможность победить рак. В качестве успешного примера применения роботов-хирургов для сверхточных операций можно привести американский робот Da Vinci, специализирующийся на операциях простаты. В США сегодня около трех тысяч подобных роботов, а в Европе – свыше тысячи. Начиная с 2011 года, свыше 85% всех операций у больных раком простаты в США, которые являются мировым лидером в совершенствовании различных методов лечения онкологических заболеваний, выполняются с помощью робота Da Vinci [2, С.72].

В настоящее время Беларусь является перспективной площадкой с огромными возможностями развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). За период с 2011 по 2016 год значение индекса развития ИКТ (ICT Development Index) для Беларуси, который рассчитывается для 175 стран мира, увеличилось на 40%. В результате Беларусь улучшила свою позицию среди других стран мира и переместилась с 50-го на 31-е место [3, С.14]. Таким образом, опережающее развитие данного сектора экономики позволило максимально приблизить достижение цели, отраженной в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, по вхождению в топ-30 стран по индексу развития ИКТ [4].

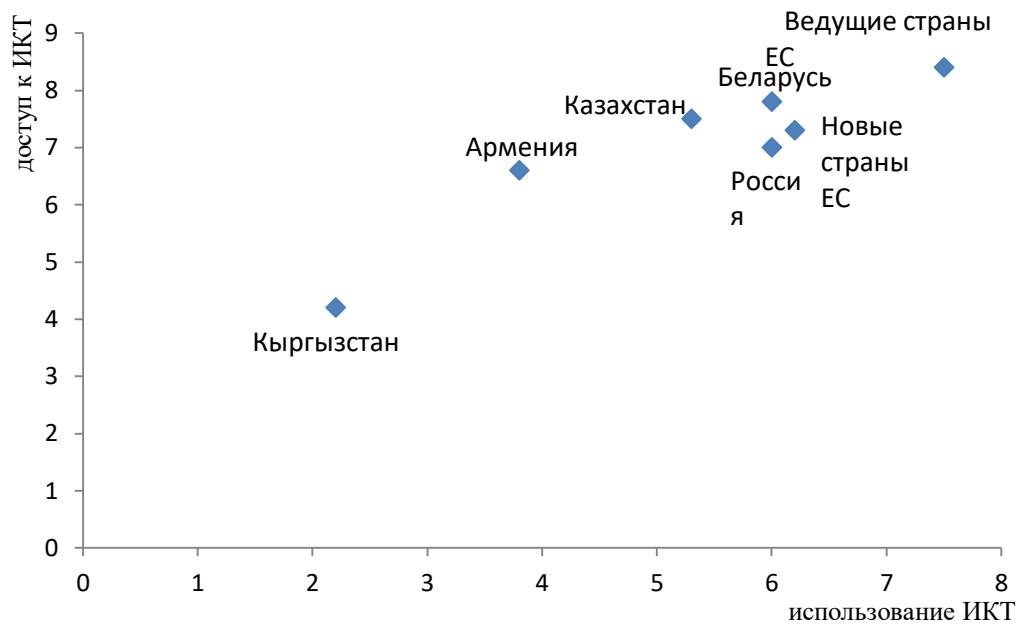


Рисунок – Основные компоненты индекса развития ИКТ в странах ЕАЭС и ЕС (страны, вошедшие в ЕС до и после 2000 года, приводятся отдельно)

*Источник:* данные Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы.

По двум ключевым компонентам, которые вносят основной вклад в формирование индекса развития ИКТ – «использование ИКТ» и «доступ к ИКТ», Республика Беларусь находится примерно на уровне России и стран, вступивших в состав ЕС после 2000 года (рисунок).

С целью развития информационно-коммуникационного сектора национальной экономики в Беларуси принята Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы [5]. В качестве основных направлений развития цифровой экономики в ближайшее пятилетие обозначены:

- дальнейшее формирование единого информационного пространства для оказания электронных услуг, как в рамках отдельных видов деятельности, так и на основе интеграции информационных систем;
- предоставление доступа к открытым данным;
- создание условий для использования электронных услуг, стимулирующих их востребованность;
- увеличение объема производства и безопасного потребления высокотехнологичных и наукоемких ИКТ товаров и услуг.

В декабре 2017 года подписан Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики». Его целью определено развитие Парка высоких технологий, инновационной сферы и построения цифровой экономики в стране [6].

Инновации востребованы во многих отраслях, в т.ч. в медицине. Согласно принятой на втором Съезде ученых Беларуси стратегии «Наука и технологии: 2018-2040» в здравоохранении должны развиваться технологии самосохранительного поведения, найдут применение концепции превентивной прецизионной медицины, в том числе с использованием «цифровых» мобильных поликлиник, диагностических смарт-устройств, «интеллектуальных» больниц [7]. Новые технологии заметно изменили современное здравоохранение и значительно усилили возможности не только провайдеров и поставщиков, но и пациентов. Прежде всего, речь идет о развитии электронного здравоохранения: запись на прием через интернет-ресурсы, выписка электронного рецепта (к системе подключены государственные организации здравоохранения) и др.

Роль информационных технологий велика в улучшении диагностики заболеваний. Благодаря совместной работе белорусских врачей и специалистов в сфере программирования

было создано первое в своем роде мобильное приложение Health First, которое в перспективе значительно упростит врачу постановку предварительного диагноза. Особенность Health First в том, что алгоритмы диагностики здоровья основываются не просто на симптоматике (как во многих упрощенных приложениях), а на более объективных данных, например на общем анализе крови. Показатели крови моментально отображают малейшие колебания в состоянии человека.

Впервые на территории СНГ специалисты РНПЦ детской хирургии внедрили в лечебный процесс технологию 3D-печати моделей сердца. На основании данных КТ и МРТ - исследований пациентов с врожденными пороками с помощью специальной программы проводится визуализация, а затем печать объемной анатомически идентичной копии сердца. Это позволяет хирургам проанализировать все нюансы врожденных дефектов, отработать тактику предстоящей операции, что значительно повышает ее эффективность. За последних 2 года использование 3D-моделей применено на дооперационном этапе у 25 детей.

В то же время в стране сохраняются различия между регионами в уровне доступа населения к качественным медицинским услугам. Так, если региональные различия в уровне обеспеченности практикующими врачами на 10 000 населения между областными центрами умеренно дифференцированы, то в некоторых районах (кроме Гродненской и Брестской областей) этот показатель в 2,2-3,1 раза ниже средней по стране (на конец 2016 года - 43,7). Например, в Любанском, Пуховичском и Смолевичском районах Минской области численность практикующих врачей на 10 000 человек населения в том же году составила 19,7; 18,2 и 14,2; в Горецком, Кировском, Климовичском, Кличевском, Краснопольском и Хотимском районах Могилевской области – 16,5; 18,5; 19,7; 17,3; 16,8 и 16,9; в Ельском, Житковичском, Лельчицком и Октябрьском районах Гомельской области – 18,3; 18,4; 18,7; 17,5 и 19,2; в Верхнедвинском, Глубокском, Городокском, Докшицком, Дубровенском, Толочинском и Ушачском районах Витебской области – 19,9; 17,2; 18,6 19,0; 16,0; 19,3 и 18,6 соответственно.

Общий коэффициент смертности сельского населения в 2015-2017 годах был в 2,2 раза выше, чем аналогичный показатель для городского населения. По некоторым классам причин рост смертности сельского населения превышал среднюю динамику умерших по стране. Так, смертность от злокачественных новообразований в 2017 году по сравнению с 2015 годом в целом по стране увеличилась на 5,6%, в то же время в сельской местности – на 8,8% (таблица 1).

Таблица 1  
Коэффициенты смертности в Республике Беларусь (число умерших на 100 000 человек населения соответствующего возраста)

Наименование причин	Все население		Городское население		Сельское население	
	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.	2015 г.	2017 г.
Всего умерших от всех причин, в том числе от:	1264,8	1256,1	1001,2	998,7	2169,0	2163,5
злокачественных новообразований	183,9	194,3	173,3	181,4	220,5	239,9
болезней системы кровообращения	700,3	697,7	556,5	559,6	1193,5	1186,4
болезней нервной системы и органов чувств	46,6	58,1	37,0	43,7	79,5	109,1

*Источник:* составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Как следствие ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения, проживающего в сельской местности, ниже чем горожан (таблица 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Республике Беларусь (2016 год)

Наименование области	Все население	Городское население	Сельское население
г. Минск	76,5	76,5	-
Брестская	74,5	75,6	72,1
Витебская	73,3	74,7	69,1
Гомельская	73,5	74,7	69,9
Гродненская	73,8	75,1	70,2
Минская	73,1	74,2	71,9
Могилевская	73,3	74,5	69,0
Беларусь	74,1	75,3	70,8

*Источник:* составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Развитие телемедицины, удаленной диагностики и хирургии в Беларуси обеспечит условия для оказания эффективной и качественной медицинской помощи в отдаленных от столицы и областных центров районах или чрезвычайных ситуациях на потенциально опасных предприятиях (в их число входит и БелАЭС). Это также снизит расходы на медицинское обслуживание, даст возможность пациентам получать консультации от лучших врачей и передовое медицинское обслуживание в их регионах, где нет квалифицированных специалистов. Более того, расширятся возможности лечения пациента вне поликлиники.

#### Список литературы:

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2018. – 285 с.
2. Яковец, Ю.В. Мир цивилизаций – 2100: интегральная научная утопия XXI века. Диалог трех поколений / Ю.В. Яковец, А.А. Акаев, А.Г. Савойский. – М.: Издательство Проспект, 2016. – 142 с.
3. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года: аналитический доклад / под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2017. – 222 с.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Респ. Беларусь. – 2015. - № 4. – С. 6-99.
5. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&po=c21600235>. – Дата доступа: 26.12.2018.
6. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/>. – Дата доступа: 27.12.2018.

**Орлова Анжелика Феликсовна**  
кандидат экономических наук, доцент  
Российский университет дружбы народов  
г. Москва  
orlova-angelika@yandex.ru

## УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОСНОВНОЙ ТРЕНД ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

**Аннотация.** В статье проанализированы тенденции антиустойчивого развития регионов России. Выделены основные проблемы развития регионов. Показана необходимость разработки сбалансированных стратегий развития регионов с учетом комплексных оценок развития, включающих как традиционные индикаторы, так и индикаторы устойчивого развития. Показана взаимосвязь стратегии пространственного развития и устойчивого развития регионов.

**Ключевые слова:** устойчивое развитие, стратегия сбалансированного развития.

Реализация стратегии пространственного развития имеет ключевое значение для развития как России в целом, так и ее регионов, которым принадлежит ведущая роль в этой области. Устойчивое развитие регионов, в свою очередь, является главным условием успешной реализации названной стратегии. Вместе с тем, оценка регионов в разрезе концепции устойчивого развития, говорит об антиустойчивых тенденциях развития. Рассмотрим основные проблемы, присущие регионам России, а также приоритеты и условия, необходимые для их устойчивого развития.

*Межрегиональная дифференциация.* Природно-климатические факторы в значительной степени влияют на функционирование и развитие региональной экономики России. Очевидно, что размещение природных ресурсов на территории нашей страны является изначальным и основным фактором межрегиональной дифференциации, как по уровню экономического развития, так и по качеству жизни населения. Регионы, по отраслевой специализации, условно делятся на два типа – добывающие и аграрные. Регионы, специализирующиеся на добыче природно-сырьевых ресурсов, привлекательны для размещения предприятий добывающей и обрабатывающей отраслей экономики, а государственная поддержка преимущественно этих отраслей, в том числе с помощью привлечения инвестиций, закрепляет сырьевую специализацию отдельных регионов. Как правило, в добывающих регионах более высокий уровень доходов, что приводит к миграционному притоку и усилению напряженности на рынке труда. Экологическая обстановка, в целом, крайне неблагоприятная, большинство городов с наиболее высоким загрязнением воздуха находятся преимущественно в этих регионах [2]. Имеет место высокая заболеваемость населения от экологически обусловленных факторов. Антропогенная и техногенная нагрузка на данные территории превышает допустимые нормы в несколько раз. Нерациональное природопользование в этих регионах, в итоге, приводит к истощению минерально-ресурсной базы [2]. Разрыв в темпах роста экономики между добывающими и аграрными регионами вынуждает к централизованному перераспределению федеральных бюджетных средств с целью оказания поддержки проблемным (аграрным) регионам. В свою очередь, регионы с аграрной специализацией не заинтересованы в мобилизации и использовании собственных имеющихся ресурсов и конкурентных преимуществ, что приводит к их дальнейшей экономической и социальной деградации. Высокий уровень безработицы среди экономически активного населения приводит к миграционному оттоку из региона. Наблюдается неустойчивый доступ к базовым социально-значимым видам услуг. Проблемы загрязнения окружающей среды минимальны. Большинство регионов обладает возможностью предоставлять экоуслуги, но вследствие неразвитости соответствующей инфраструктуры снижается конкурентоспособность отрасли в целом [3].

*Энергоемкость экономики.* Помимо проблем, связанных с межрегиональной дифференциацией, существуют проблемы, которые присущи всем регионам нашей страны. Высокая степень изношенности основных фондов, а также использование старых технологий приводят к повышению энергоемкости экономики, что подтверждается важным эколого-экономическим показателем «адаптированные чистые (истинные) сбережения»<sup>40</sup>. Экономический рост, основанный на старых технологиях, негативно воздействует на среду обитания и здоровье человека [3].

*Недоработанность государственной экологической политики.* Слабая государственная экологическая политика, недоработанная нормативно-правовая база, отсутствие правоприменительной практики в части природопользования осложняет ситуацию. Отсутствие системного подхода на макроуровне, устаревшая неэффективная политика выравнивания регионов, без учета их конкурентных преимуществ сводит на нет любые реформы. Имеет место несбалансированность интересов между федеральным и региональными (территориальными) уровнями управления. В довершении сказанного, неполнота и/или недостоверность информации, с помощью которой осуществляется процесс взаимодействия субъектов и объектов управления на всех уровнях, ведет к дальнейшим ошибочным решениям и действиям (рис.1.). Все перечисленное является следствием недооценки институционального аспекта в достижении устойчивого развития.



Рис. 1. Процесс взаимодействия субъектов и объектов управления путем переработки информации.

Итак, мы рассмотрели основные проблемные моменты, отрицательно влияющие на достижение регионами устойчивого (сбалансированного) развития, без которого реализация стратегии пространственного развития будет крайне затруднена. Устойчивое развитие региона возможно лишь при условии проведения социальной, экономической и экологической политики в комплексе. Любой «перекос» или недооценка одного из аспектов устойчивости, путем приоритетного финансирования, приведет к дестабилизации развития.

<sup>40</sup> Интегральный показатель, корректирует традиционные макроэкономические показатели за счет учета истощения природных ресурсов и ущерба окружающей среде.



Для выбора стратегии, необходимо определить миссию региона в единой социально-экономической системе страны с целью создания оптимальной региональной специализации. В регионах с сырьевой специализацией, преобладанием «тяжелых» отраслей производства требуются инвестиции в природоохранные мероприятия, новые ресурсосберегающие технологии (рис.2А.), в аграрных регионах необходимо инвестировать развитие бизнеса, социальной сферы (рис.2Б.). Далее, если в регионах с сырьевой специализацией нужно проводить антимонопольную политику, стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, то в аграрных регионах нужно проводить политику мобилизации имеющихся внутренних ресурсов, создавать конкурентоспособные кластеры. Это стабилизирует ситуацию на рынке труда, повысит уровень жизни населения и т.д. Т.е, для достижения устойчивого развития двух различных типов регионов требуются и различные стратегии - добывающие регионы нуждаются в разработке специальных эколого-ориентированных стратегий развития, аграрные - социально-экономических [3].

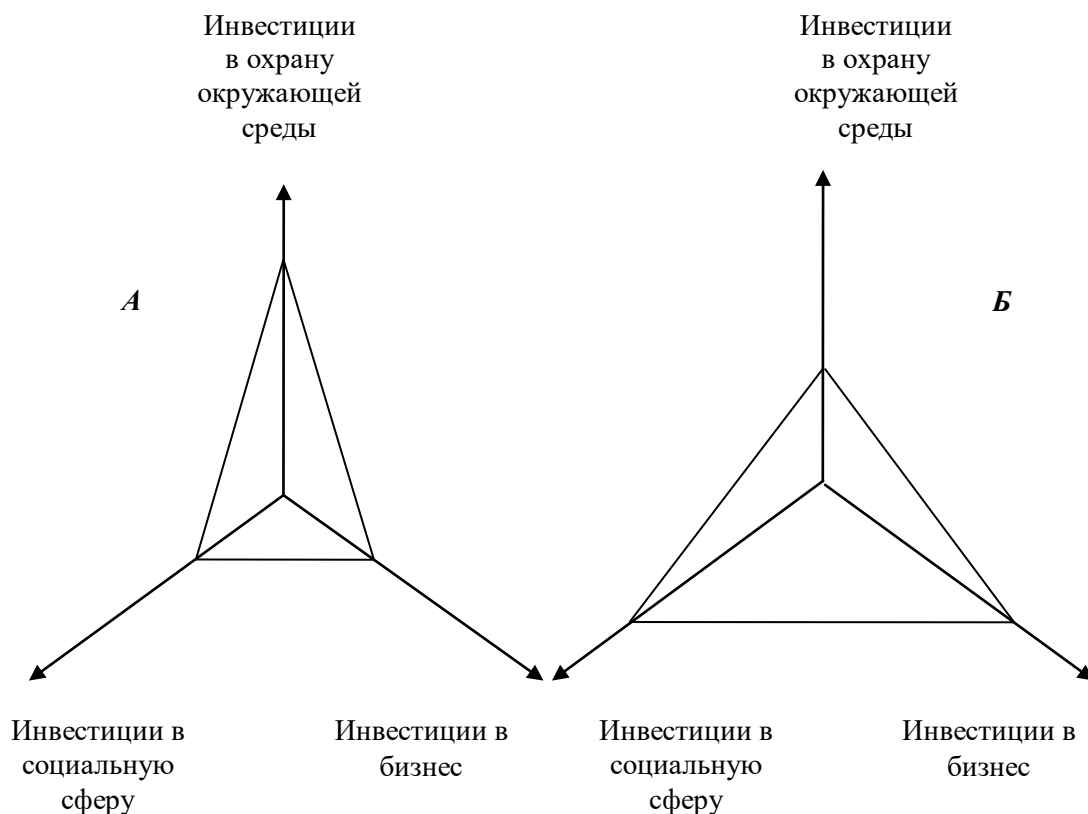


Рис. 2. Два варианта разработки стратегии

Разработка стратегий развития предполагает использование определенного информационного массива, который, учитывая переход России к устойчивому развитию<sup>41</sup>, должен включать в себя как традиционные индикаторы, так и индикаторы устойчивого развития<sup>42</sup>. Для комплексной оценки состояния регионов и последующей выработки оптимальной стратегии, система показателей должна содержать основные индикаторы устойчивого развития, отражающие уровень заболеваемости населения, сохранение биоразнообразия, дифференциацию доходов населения, обновление основных фондов, а также дополнительные индикаторы, отражающие специфику регионов. В России имеется

<sup>41</sup> Указ Президента РФ о разработке концепции перехода России к устойчивому развитию под руководством министерства экономики был издан в феврале 1994 г. и одобрен в апреле 1996 г. В 1996 г. Правительство РФ приняло Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию.

<sup>42</sup> Индикаторы устойчивого развития отражают четыре аспекта устойчивого развития - экономический, экологический, социальный и институциональный.

опыт разработки систем показателей устойчивого развития регионального уровня. Основываясь на международных методиках, в рамках научных исследований, несколько регионов России разработали свои системы показателей [1]. Также, в 2017 г. были утверждены «Показатели достижения целей устойчивого развития Российской Федерации» в количестве 90 показателей, увязанных с целями в области развития [4].

Подводя итог можно сказать, что для успешной реализации стратегии пространственного развития России нужно отталкиваться от единой цели – достижение устойчивого развития субъектов Федерации, т.е. создание условий для социально-экономического роста и развития и более высоких стандартов жизни при полном использовании экологических и социальных нормативов.

#### **Список литературы:**

1. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: методология и методики измерения: Учебное пособие. -М: Экономика, 2011.
2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». 28.12.2018 г.
3. Орлова А.Ф. Новые измерения в экономике устойчивого развития: мировой опыт и российская практика: Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. –М.:Реглет, 2012. 25 с.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2017 года № 2033-р.

**Погребинская Екатерина Александровна**

*доктор экономических наук, доцент*

*Первый Московский государственный университет им. И.М. Сеченова*

*г. Москва*

*pogrr@yandex.ru*

**Сидоренко Валентина Николаевна**

*кандидат педагогических наук, доцент*

*Московский городской педагогический университет*

*г. Москва*

*080507.111v@gmail.com*

## **ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССОВ САМООРГАНИЗАЦИИ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ**

**Аннотация.** Самоорганизация регионов, являющаяся мощным структурирующим началом, в наши дни существенно ослаблена рядом негативных условий. Одним из таких условий являются серьезные диспропорции на субнациональном уровне. Сам размер и экономический потенциал регионов – вопрос дискуссионный. Представляется необходимым досконально проанализировать предложения по укрупнению административно-территориальных единиц, исходя из сущности макрорегиона.

**Ключевые слова:** субнациональное деление России, самоорганизация регионов, региональная конвергенция, приоритеты динамического равновесия

Актуальность проблем регионального развития связана с целым комплексом проблем и перспектив развития. Одним из ракурсов является проблема самоорганизации административно-территориальных единиц в процессе общенационального развития, которую отдельные исследователи связывают с неоптимальным субнациональным устройством. Территориальная целостность России в современных условиях зависит от устойчивости развития регионов. Исторические и институциональные предпосылки

добавляют уникальности и сложности ситуации. Например, эксперты Всемирного Банка говорят о проявлении территориальной неповторимости России в отклонении от действия закона Ципфа – устойчивой эмпирической закономерности, которая характерна для других регионов мира. В соответствии с этим законом, численность населения Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов России должна быть выше текущих значений. Однако в России мало городов-миллионников, только два города, численность населения в которых превышает 1,5 млн человек. Еще в начале 20 века Россия была разделена на 99 губерний и областей, число которых возросло с 8 губерний, учрежденных Петром I. Специфичность нынешнего районирования России на основе критериев административно-территориального деления (города федерального значения, области, края) и национально-территориального деления (автономные округа, республики) порождает не только ряд противоречий, но и конфликты в развитии. Нестабильность регионального развития подкрепляется сохраняющейся непредсказуемостью институциональных условий, ростом расходной части региональных бюджетов без доходной компенсации, концентрацией в центральных регионах экономики, чувствительной к колебаниям цен на сырьевые товары, зависимостью доходов регионов от волатильных поступлений по налогу на прибыль.

Процесс экономического развития можно представить как взаимодействия в рамках самоорганизующейся системы регионов. Не случайно, в естественных науках самоорганизации связывается с установлением в диссипативной неравновесной среде пространственных паттернов (эволюционирующих во времени), параметры которых определяются свойствами самой среды и слабо зависят от пространственной структуры источника неравновесности, в том числе в регионе (экономического потенциала, производительных сил и т.д.), начального состояния среды региона и условий на границах. Бифуркационный механизм является одним из важнейших механизмов самоорганизации и играет важнейшую роль в эволюции экономической системы. Бифуркации является источником роста разнообразия различных форм организации материи, в том числе, субнациональных форм и систем. В региональном устройстве, как системе очень сложной и многогранной, постбифуркационное развитие может быть неоднозначным. Так, резкий рост регионального неравенства становился следствием быстрого экономического роста. Это происходило в Таиланде, Вьетнаме и Индонезии, а также в Польше, которая, как и Россия, осуществила быстрый переход к рыночной экономике. Ряд исторических потрясений приводил системы национального устройства в одних случаях – к распаду (Британская империя), в других – к появлению новой системы с новыми свойствами (система курфюрств в Германии).

Систему субнационального деления в Российской Федерации также можно отнести к классу больших и к классу сложных. Среди проблем особое место занимает проблема сохранения (расширения, сужения) политического и социально-экономического пространства. Для России, после распада СССР, данная проблема имеет актуальное значение в связи с опасностью потери пограничных участков пространства, возможностью появления центробежных и конфедеративных тенденций, необходимостью развития отношений со странами СНГ и мировым сообществом. Процессы самоорганизации могли бы протекать с меньшими потерями (как трансакционными, так и трансформационными) в том случае, если бы количество единиц этой системы (субнациональных образований) способствовало бы целостности, адаптивности, гибкости внутрисубъектной структуры при воздействиях внешнесредовых факторов, оптимальному и оптимистичному целеполаганию. Особенно ярко проблемы неоптимальности административно-территориального устройства РФ проявляли себя в 90-е годы XX века: тенденции сепаратизма, существенный разрыв в уровнях социально-экономических показателей в регионах, раскоординация межрегиональных экономических связей. В современных условиях основными целевыми установками могут быть гармонизация социально-экономических показателей развития, баланс децентрализации и централизации в системе региональной политики, повышение эффективности политики территориального развития и политических инициатив регионов.

Поиски научного обоснования эффективного территориального деления России ведутся давно. Особенности территориального экономического устройства России изучали М. Ломоносов, И. Посошков, А. Радищев, Д. Менделеев, Н. Чернышевский. В XIX-XX вв. изучение регионов включило в круг интересов естественные производительные силы, географию их размещения, региональные рынки, развитие железных дорог. При этом целостных моделей, подобных моделям И. Тюнена и А. Вебера, в России представлено не было.

Теория функционирующих регионов В. Вернадского на основе экономического критерия территориального деления России (а позже и СССР) предложила в 1921 году целостную систему, включавшую 21 хозяйственную единицу самоорганизованного экономического пространства. На практике это в значительной степени способствовало проведению нэповской реформы в России, разработке и реализации плана ГОЭЛРО. В 20-х гг. в рамках плана ГОЭЛРО было проведено обоснование экономического районирования, разработан региональный разрез первого пятилетнего плана, а в 1930 г. создана координирующая научная организация по региональным исследованиям – Совет по размещению производительных сил СССР.

Понять закономерности эволюции регионов России и выявить закономерности самоорганизации — серьезная и достаточно трудная научная задача. Поэтому хорошим методологическим подспорьем является теория больших циклов хозяйственной конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, уже нашедшая обоснование в выявлении эволюционного тренда формирования технологических укладов и стержневых инноваций. Изучение процессов региональной самоорганизации опирается и на междисциплинарные заимствования, например, из физиологии и климатологии. Так, политические и экономические процессы походят на процессы автоколебания сердца. Аналогом симбиоза политических и экономических процессов является баланс энергии, используемой сердечной тканью для сокращения сердечной мышцы, и используемой на поддержание процессов жизнедеятельности клеток сердца. Эти энергетические процессы полностью комплементарны, поскольку без прокачки через сердце артериальной крови, богатой кислородом, пополнение жизненной энергии клеток сердца невозможно. Наблюдаемые и интерпретируемые в климатологии смены времен года, колебания дневных и ночных температур, глобальные температурные и геодезические сдвиги влияют на эпохи эволюционного развития Земли.

Для совершенствования процессов региональной самоорганизации в РФ заметную роль могло бы сыграть и применение зарубежного опыта и лучших практик: концепция полюсов и центров роста (Франция), политика развития особых экономических зон (Китай), территориальное планирование (Япония), рыночное программирование региональных рынков (Франция). Памятуя о непреходящей ценности рекреационного и экологического потенциала, можно взять на вооружение и региональные программы экологического, демографического, аграрного, социального и других направлений, разрабатываемые и реализуемые в разных странах мира. Анализ международного опыта показывает, что процессы региональной самоорганизации в современных условиях кроме институциональных предпосылок должны поддерживаться эффективно функционирующим экономическим базисом. В числе моделей, хорошо зарекомендовавших себя при решении этой задачи в зарубежных странах, выделяются: модели региональной интеграции, в том числе трансграничных региональных образований; модели инновационного регионального развития, ориентированные на мобилизацию внутренних резервов каждого региона путем стимулирования предпринимательской активности на базе распространения передовых моделей в сочетании с использованием научно-технического потенциала. Ограничения использования указанных моделей в российской практике региональных преобразований связаны с тем, что прямое копирование опыта, дающего положительные результаты в других странах, в России не приносит аналогичных позитивных сдвигов. Например, несмотря на интенсификацию усилий государства по поддержке региональных инновационных систем, к

2016 году число инновационно-активных регионов не превышало 45% от общего количества субъектов [2, С.52-75].

А с начала 2000 годов получают признание конвергентные теории и модели развития регионов и территорий [1, С.19-35]. Исследователи отмечают, что в период с 2008 по 2011 год значение коэффициента пространственной автокорреляции принимало достаточно высокое значение, а скорость конвергенции достигала пика. Однако в период с 2012 по 2014 год как коэффициент пространственной автокорреляции, так и скорость конвергенции приобрели ничтожные значения, которые сохраняются и в 2018 году [1. С.19-35; 2, С.52-75].

Сложившаяся система субнационального деления, включающая 8 федеральных округов или 85 регионов, неэффективна для бюджета, для реализации социальных приоритетов, для вооруженного поддержания безопасности, для воспроизводства природного потенциала, для полного задействования инфраструктуры. Общий объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и количество регионов, получающих дотации на сбалансированность бюджета, к сожалению, растет последние шесть лет: если по итогам 2012 года оно увеличилось до 68 регионов, а в 2013 году - до 79 субъектов РФ, то в 2018 году – 82 региона [4]. Процессы самоорганизации затруднены, как в громоздких и инертных федеральных округах, так и порой в несамодостаточных регионах. Анонсированный в начале сентября 2018 года план по региональной реорганизации, призванный совместить проектный подход и учет естественных тенденций во внутренней и внешней средах регионов, и нацеленный на 14 субнациональных единиц, видится рациональным. Разработчики указывают на необходимость улавливать такие экзогенные влияния, как завершение очередного Кондратьевского цикла в развитии мировой экономики, переход к новому технологическому укладу, изменение геостратегических весов мировых центров, оскудение жизненно важных ресурсов. Среди эндогенных факторов торможения роста, практически во всех регионах России наблюдаются схожие проблемы: уменьшение численности населения, долговременные негативные демографические процессы; недостаток квалифицированных кадров; отставание темпов обновления промышленных мощностей от потребностей развития; недостаточно активная инновационная политика предприятий; межрегиональные различия в социально-экономическом развитии; резкая дифференциация жизни в городах и сельской местности, образование вымирающих деревень и неперспективных районов, неустойчивое развитие и кризисные явления в монопрофильных поселениях. Перечисленные проблемы увеличивают неупорядоченность в субнациональной структуре, но, как ни парадоксально, к меньшим затратам энергии (снижению внутрирегиональных транзакционных издержек, усилению скоординированности в действиях регионов и т.д.) не приводят.

Только региональное деление с устойчивыми в экономическом плане макрорегионами, может иметь исторические перспективы. Макрорегионы можно рассматривать, как экономические целостности в том случае, если имеющийся у них геополитический потенциал позволяет говорить о самодостаточном рынке (какого-либо фактора, технологий, инфраструктурного или экологического преимущества). Макрорегион как экономическое пространство совмещает особенности субнациональных процессов и структур, учитывая не только общее экономическое, но и проблемное экономическое районирования. Таким образом, повышается способность региона адаптироваться к изменяющимся условиям среды и изменять собственную структуру хозяйственных связей при целостности и самостоятельности. Для способности формировать инварианты поведения и выбирать из них наилучший, необходим ряд предпосылок. Экономическое пространство в этом случае должно базироваться на территории, представляющей ресурсные возможности для населенных пунктов, предпринимательских субъектов, хозяйственно освоенных и рекреационных площадей, инфраструктурных объектов и инженерных сетей. В целях усиления конвергентных явлений субнациональные единицы должны быть более или менее гомогенны с точки зрения параметров плотности (численности населения, объема валового регионального продукта, природные ресурсы, основной капитал и т.д. на единицу площади);

параметров размещения (равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения, экономических объектов, территорий); параметров связанности (интенсивности хозяйственных связей внутри региона, мобильности товаров, услуг, капитала и людей, показатели инфраструктурного развития). Именно последняя группа параметров проявляет себя как наиболее значимые на протяжении последних веков: для эффективной координации экономической системы в рамках региона важное значение имеют расстояния между ее элементами. Экономическое расстояние, в отличие от физического, измеряемого километрами, милями и т.п., характеризуется не только логистическими издержками, но и издержками доверия. Поэтому экономическое расстояние между одними и теми же географическими точками обуславливает неодинаковые транзакционные издержки не только для разных, но и для вполне равноценных перемещающихся товаров, услуг, групп мигрантов.

Конечно, полностью однородный регион в специфических российских условиях – это абстракция, однако даже при наличии своеобразия развития регионов, большинство из них разделяет цели развития, направленные на повышение уровня жизни. Для того, чтобы эти цели достигались, необходимы рациональные исходные условия, способствующие механизмам самоорганизации. Реформы, связанные с укрупнением и формированием макрорегионов, направлены на формирование именно таких условий. Целевые установки таких преобразований охватывают широкий круг задач: преодоление центростремительных потоков в распределении финансовых, интеллектуальных и трудовых ресурсов, решение проблем депрессивных территорий, отдаленного Севера, Дальнего Востока, Арктики, межрегиональное сотрудничество с целью сбалансированного развития регионов и горизонтальных межбюджетных взаимодействий. Процесс территориального планирования, как комплексный и охватывающий федеральный, региональный и муниципальный уровни, рациональнее будет протекать именно в условиях макрорегиона. Экономические предпосылки могут способствовать устранению накопленных диспропорций пространственного развития страны и отдельных территорий. Оптимальное количество макрорегионов – это кратчайший путь к согласованию стратегических документов социально-экономического развития России и документов территориального планирования, региональных стратегий. Субнациональные единицы в виде макрорегионов органично нацелены на самовосстановление и самовоспроизводство.

Макрорегион, как хозяйственный комплекс в числе базисных интересов, имеет сокращение разрыва размеров доходов и заработной платы на душу населения по сравнению с другими субъектами РФ, разрыва ВРП на душу населения по субъектам РФ, сокращение диспропорций в уровне занятости. Только в этом случае можно прекратить наблюдающийся отток в центральные регионы РФ, отток населения из сельской местности. Реальным продолжением может стать развитие городов и иных муниципальных образований (малых, закрытых городов, ЗАТО, монопрофильных городов, наукоградов). Территориальное деление на основе критерия экономического потенциала может содействовать координации процедур взаимодействия, прогнозирования, согласования между федеральными и региональными органами власти. На протяжении всего постсоветского периода вопросы финансового развития и самодостаточности регионов остаются очень болезненными. Неоптимальность налоговой системы, отсутствие территориального разреза в бюджетной классификации не способствуют началам самоорганизации. Понимание потенциала макрорегиона создаст предпосылки к наиболее полному использованию имеющихся ресурсов, к выработке и применению столь долгожданных универсальных показателей эффективности региональной экономической политики [5].

В заключение необходимо отметить, что региональное устройство при ослабленном состоянии начал самоорганизации в настоящее время не обладает должным потенциалом «невидимой руки» к укрупнению [3, С.448-450]. Отмеченные проблемы, как и разнородный исторический, политический и социальный опыт развития российских регионов, можно отнести к факторам, сдерживающим бифуркационный механизм в самоорганизации и

эволюции регионального развития. Тем очевидней, что этот вопрос не может быть областью либерализма в государственном управлении. Стратегия развития региональной экономики формируется на основе концепции и принципов госуправления и должна максимально учитывать специфические особенности социально-экономической среды региона, масштаб воздействия на нее вариативности внутренних и внешних факторов. Также необходимо понимать, что на механизм регионального развития в виде обратных связей оказывает влияние иерархия поставленных целей и рамки показателей качественного развития саморегулируемой социально-экономической системы. Поэтому более четкие государственные приоритеты и обоснованные сценарии – это задача государственного регулирования, выполнение которой в будущем гарантирует процессы региональной самоорганизации.

#### **Список литературы:**

1. Демидова О.А. Пространственно-авторегрессионная модель для двух групп взаимосвязанных регионов (на примере восточной и западной части России) // Прикладная эконометрика. 2014. Т. 34. № 2.
2. Демидова О.А., Иванов Д.С. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20. №1.
3. Дикинов А.Х., Каплина А.В., Хуранова З.Б. Направления государственной поддержки процесса региональной кластеризации на отсталых территориях // Экономика и предпринимательство. 2014 № 11-4 (52-4).
4. Доклад Всемирного банка «Преодоление пространственного неравенства: как снова собрать советский пазл в условиях рыночной экономики». - <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC-RUSSIAN.pdf?sequence=9> (дата обращения 25.12.2018).
5. Сулакшин С.С., Новиков Д.Б., Гаганов А.А., Хвыля-Олинтер Н.А. Проблемная повестка современной России. М.: Наука и политика, 2015. 184 с.

**Плисецкий Евгений Леонидович**

*доктор педагогических наук, профессор  
Финансовый университет при Правительстве РФ  
г. Москва  
plissetsky@mail.ru*

**Шедько Юрий Николаевич**

*доктор экономических наук, доцент  
ynshedko@mail.ru  
Финансовый университет при Правительстве РФ  
г. Москва  
УДК: 332.14*

## **ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ НОВОГО ОСВОЕНИЯ**

**Аннотация.** В статье приводится анализ современного состояния исследований пространственного развития регионов нового освоения России. Сделан вывод об отсутствии целостного научного обоснования оптимизации социо-эколого-экономического пространства и многоуровневой системы управления устойчивым развитием территорий нового освоения и необходимости более широкого использования в отечественной практике зарубежного опыта управления процессами освоения.

**Ключевые слова:** территории нового освоения, устойчивое развитие новых территорий, исследование проблем освоения, зарубежный опыт управления территориями нового освоения, кластерные формы пространственной организации экономической деятельности

В последние годы руководство страны, после заметного ослабления в постсоветский период внимания к проблемам хозяйственного освоения новых территорий на востоке и севере страны, вновь проявляет повышенный интерес к их развитию, что связано не только с возможностью вовлечь в эксплуатацию новые ресурсные источники, но и необходимостью решать социальные задачи по привлечению и закреплению в этих регионах населения, созданию инфраструктуры, обеспечивающей надежные связи удаленных территорий с хозяйственно освоенной частью страны.

Для этого, в частности, были разработаны и реализуются государственные программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». Вместе с тем анализ отечественного опыта освоения новых территорий, в том числе и в рамках госпрограмм, показывает, что во многих случаях этот процесс тормозится из-за несовершенства форм пространственной организации производства и управления устойчивым социально-экономическим развитием осваиваемых территорий. Слабая координация целей, задач и принимаемых управленческих решений при реализации инвестиционных проектов на новых территориях снижает их результативность.

Немаловажное значение для понимания сути обозначенных проблем и путей их решения будет иметь анализ отечественного и зарубежного опыта освоения новых территорий. Эти вопросы стали предметом рассмотрения данной статьи.

Формирование и фундаментальное научное обоснование стратегических приоритетов управления регионами нового освоения является одной из ключевых задач развития отечественной экономики. В Указе Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» говорится, в частности, о необходимости выявления и анализа экономической специализации и перспективных конкурентных преимуществ регионов и муниципальных образований с учетом их участия в территориальном разделении труда; совершенствования механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала; перехода к адресной поддержке приоритетных для конкретных регионов экономических специализаций и инвестиционных проектов.

Фундаментальной научной задачей является определение путей оптимизации социо-эколого-экономического пространства российской Арктики на основе совершенствования систем расселения и управления устойчивым развитием территорий нового хозяйственного освоения с целью повышения эффективности использования их природно-ресурсного и экономического потенциала, обеспечения экономической и экологической безопасности, повышения уровня жизни населения.

Согласно проекту Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, разработанной Минэкономразвития России в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в приоритетном порядке должно осуществляться социально-экономическое развитие территорий, где уже функционируют или будут формироваться новые крупные минерально-сырьевые центры, а также геостратегические территории страны, к которым относится и Арктическая зона России.

Исследования проблем освоения новых территорий в нашей стране имеют давнюю историю. В бывшем СССР они были связаны главным образом с реализацией в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока масштабных проектов формирования на основе эксплуатации разнообразных природных ресурсов мощных территориально-производственных комплексов (ТПК), развитием на севере и востоке страны



электроэнергетики (Ангаро-Енисейский каскад ГЭС и др.), транспорта (Северный морской путь, БАМ и др.), совершенствованием системы расселения (создание «тыловых баз» освоения Севера).

Заметный вклад в исследование новых территорий и практическое воплощение научных разработок внесли ученые Академии наук СССР, в частности, Совета по изучению производительных сил (СОПС), Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) СО АН СССР, Кольского филиала Академии наук (ныне Кольский научный центр РАН) и др.

К наиболее известным, опубликованным еще в советский период, работам по анализу проблем и опыта, в том числе зарубежного, освоения северных территорий, региональной политики на Севере можно отнести труды известных ученых Г.А. Аграната (Освоение Севера: мировой опыт. М., 1988; Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки, 1992 и др.), С.В. Славина (Освоение Севера Советского Союза. М., 1982), К.П. Космачева (Пионерное освоение тайги. Новосибирск, 1974) и др. В них нашли отражение особенности и тенденции пространственного развития территорий нового освоения в условиях функционирования плановой экономики. Как отмечал в свое время академик Н.Н. Некрасов, накопленный большой опыт развития производительных сил в новых регионах СССР доказывает высокую экономическую эффективность их освоения [1].

В постсоветский период вплоть до настоящего времени наиболее всесторонне вопросы освоения арктических территорий России рассматриваются в работах В.Н. Лаженцева, В.Г. Логинова, А.Н. Пилясова. В них особое внимание уделяется инновационным аспектам в области природопользования и управления северными территориями, однако признается, что до сих пор отсутствует системный подход к решению проблем – экономических и социальных, накопившихся в регионах пионерного освоения и пока, по мнению А.Н. Пилясова, «усилия в этом плане минимальные» [2].

Результаты исследования отдельных аспектов и проблем освоения новых территорий в разные периоды опубликованы в работах Д.П. Кондралю, Н.А. Морозова, Е.Л. Плисецкого, Е.Е. Плисецкого, Ю.Н. Шедько, Ю.А. Симагина, Г.Н. Фаузер, В.В. Фаузера, Е.А. Юминой, Е.А. Лялиной, А.М. Луговского и др. В них нашли отражение вопросы развития инфраструктуры и систем расселения на Севере, оценки демографической ситуации и социальной сферы, влияния рыночной экономики на хозяйственные процессы и устойчивое развитие осваиваемых территорий.

Большим коллективом ученых при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 12-32-06001) было проведено комплексное исследование, по результатам которого опубликована монография «Российская Арктика: современная парадигма развития» под редакцией академика А.И. Татаркина. В ней освещается история освоения арктических территорий, дана развернутая характеристика природных условий и ресурсов, инфраструктурного и социального потенциалов Арктической зоны России, отдельные разделы посвящены разработке прогнозов и стратегии развития арктической зоны [6].

В работах дальневосточных ученых выдвигается новая концепция формирования северной широтной оси освоения в рамках проекта «Арктика», особенностью которой является то, что в ее пределах в отличие от южной хозяйственно освоенной оси интенсивная экономическая деятельность возможна только в виде локальных полюсов. Приводится анализ особенностей пространственной дифференциации экономической деятельности арктических регионов, что позволяет выявить определенные тенденции развития пространственных экономических структур на перспективу.

Вместе с тем следует отметить, что в упомянутых работах, на наш взгляд, остаются еще недостаточно проработанными вопросы методологии системного подхода к управлению устойчивым развитием территорий нового освоения, не в полной мере раскрыты взаимосвязи и взаимовлияние социально-экономических, демографических и экологических факторов и организационно-управленческих механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие территорий нового освоения. Кроме того, проведенные учеными Финансового университета

исследования по определению приоритетов социально-экономического развития регионов России и направлениям совершенствования их государственной поддержки выявили глубокие пространственные диспропорции в уровне развития экономики (включая хозяйственную специализацию регионов) и социальной сферы, сложившиеся, по сути, на всей территории страны и особенно в регионах нового освоения Севера и Востока России [5]. Преодоление этих диспропорций должно стать одним из приоритетов Стратегии пространственного развития Российской Федерации, что потребует максимально полного учета условий и факторов территориального развития при принятии управленческих решений как на государственном, так и особенно на региональном уровне.

В решении задач устойчивого развития новых территорий и совершенствования методов управления ими весьма полезным может оказаться зарубежный опыт государственного регулирования развития территорий нового освоения. Заслуживает внимания практика управления устойчивым развитием арктических регионов в Канаде, которые по условиям формирования социо-эколого-экономических систем близки российским. Для управления развитием северных территорий в Канаде на правительственном уровне была разработана Федеральная стратегия устойчивого развития на 2016-2019 гг.» (FSDS). Этим документом установлены государственные приоритеты экологической устойчивости, определены цели, задачи, комплекс конкретных мероприятий. В консультационном проекте «Планирование устойчивого будущего» в рамках реализации Стратегии даются конкретные рекомендации по созданию устойчивой экономики, защите окружающей среды и повышению благосостояния населения [8]. При этом как весьма важная рассматривается задача сохранения культурного наследия коренных народов Севера с учетом адаптации их к процессу экономической глобализации.

В настоящее время в Канаде ведется разработка новой *Концепции арктической политики*, к обсуждению которой активно привлекается население и общественные институты. В ней определяется шесть ключевых направлений:

- **Комплексная арктическая инфраструктура** (приоритетные инфраструктурные проекты должны определяться на основе предложений сообществ, представляющих различные сферы – транспорт, телекоммуникации, жилищный сектор и др.);
- **Активные местные сообщества** (предусматривается учет мнений общественности по поводу формирования федеративных отношений, использования трансфертных платежей и финансирования услуг);
- **Сильная, устойчивая и диверсифицированная экономика Арктики** (предполагает устойчивое развитие региона на основе экологически чистых технологий, что потребует развития региональной инфраструктуры, снижения высокой стоимости ведения бизнеса и решения проблем экологической безопасности, создавая одновременно больше возможностей для бизнеса коренных народов, новых отраслей и торговли);
- **Арктическая наука и знания коренных народов** (предполагает обеспечение доступа к образованию и включение знаний коренных народов в арктические научно-исследовательские программы, местные жители должны сами определять, что необходимо изучать и вносить свой вклад в процесс исследования);
- **Защита окружающей среды и сохранение биоразнообразия Арктики** (признается влияние, которое изменение климата может оказать на все аспекты жизни северных стран; научные исследования с участием представителей коренных народов, совместное управление и передача полномочий станут важной практикой в деле использования возобновляемой энергии, защиты экосистем, обеспечения устойчивого развития и позволит подготовиться к будущим изменениям);
- **Арктика в глобальном контексте** (этот раздел концепции содержит меры, направленные на усиление международного лидерства Канады в Арктике, развитие сотрудничества с другими арктическими государствами в научных исследованиях и решении общих проблем защиты окружающей среды, культуры и языков коренных народов, развития инфраструктуры, торговли, безопасности) [7].

Новая Концепция направлена на решение проблем, многие из которых уже были обозначены в предыдущей Северной стратегии. Ключевое отличие организационно-управленческих подходов заключается в том, что новая политика в отношении северных территорий выстраивается снизу вверх, а не сверху вниз, как ранее, а это означает, что потребности северян и бизнеса будут более полно учитываться. И хотя процесс взаимодействия государства, бизнеса и общества может быть далек от идеального, такой подход, безусловно, является шагом в правильном направлении.

Подобный опыт совместного участия государства, бизнеса и общества в управлении территориями нового освоения может оказаться полезным и при разработке стратегии пространственного развития регионов Российского Севера.

Недооцененными при формировании программ развития территорий нового освоения являются такие *институциональные инструменты*, широко используемые за рубежом, как создание координирующих органов управления (комиссий, комитетов, советов дирекций по развитию и координации сотрудничества, операторов межрегиональных связей и т.п.), информационное обеспечение (формирование межрегиональных информационно-аналитических систем, маркетинговых центров и т.п.); продвижение выпускаемых товаров на национальный рынок (выставочно-ярмарочная деятельность, распространение рекламно-информационной продукции, продвижение региональных брендов и торговых марок товаропроизводителей и т.п.), осуществление совместных проектов (организация предприятий на основе различных форм кооперации, территорий с особым режимом хозяйствования, территориально-промышленных кластеров); создание межрегиональных институтов развития инвестиционной направленности (инвестиционных, страховых, венчурных фондов, бизнес-альянсов, совместных инжиниринговых центров, межрегиональных банков развития, клиринговых и расчетных центров) и др. [3].

Весьма эффективными в регионах нового освоения могут оказаться *кластерные формы* пространственной организации экономической деятельности. К примеру, драйвером освоения Нижнего Приангарья в Красноярском крае стал масштабный проект «Комплексное развитие Нижнего Приангарья»<sup>43</sup>, предусматривающий формирование территориального кластера, ядром которого служит вошедшая недавно в строй Богучанская ГЭС. Цель проекта – вовлечение в хозяйственное использование природных богатств региона и строительство здесь промышленных объектов на принципах государственно-частного партнерства и на основе создания и развития транспортной и энергетической инфраструктуры [4].

Данный проект является развитием идей формирования ТПК в процессе освоения новых территорий, доказавших свою эффективность в условиях плановой экономики. В состав кластера входят мощная гидроэлектростанция, которая решает проблемы энергоснабжения территории, алюминиевый завод, предприятия лесопромышленного комплекса. Также реализуются инвестиционные проекты по разработке нефтегазовых месторождений, сооружению объектов транспортной и социальной инфраструктуры и др. Предполагается, что успешная реализация инвестиционного проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» позволит снизить дотационность входящих в состав территории муниципальных образований, повысить уровень занятости и денежных доходов населения, качество жизни людей, в том числе за счет обеспечения транспортной доступности населенных пунктов района, тем самым позволит остановить отток из региона молодого и наиболее активного населения.

Вместе с тем критики проекта обоснованно указывают на то, что в настоящее время процесс освоения Нижнего Приангарья в большей мере ориентирован на добычу и вывоз сырья. По их мнению, обозначенный в названии проекта комплексный подход к развитию региона не соответствует действительности, поскольку на практике осуществляются лишь отдельные крупные инвестиционные проекты, никак не подкрепленные общими экологическими, социальными и экономическими программами, направленными на

<sup>43</sup> Утвержден распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2006 г. № 1708-р.

поддержку малого и среднего бизнеса, развитие в регионе сельского хозяйства, здравоохранения, образования, ЖКХ.

Таким образом, анализ современного состояния исследований пространственного развития показал, что остается еще недостаточно разработанной методология комплексного подхода к изучению и оценке социо-эколого-экономического потенциала территорий нового освоения на севере и востоке страны, включая Арктическую зону, на основе которой могла бы быть сформирована научная база стратегии их социально-экономического развития. Отсутствует целостное научное обоснование оптимизации социо-эколого-экономического пространства и многоуровневой системы управления устойчивым развитием территорий нового освоения. Недостаточно еще в практике освоения новых территорий в нашей стране используются институциональные инструменты управления. В их применении следует шире опираться на зарубежный опыт и отечественную практику, сложившуюся в хозяйственно освоенной части России.

### Литература

1. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – М.: Экономика, 1978. – 344 с.
2. Пилясов, А.Н. Российский арктический фронт: парадоксы развития // Регион: экономика и социология. 2015. № 3. С. 3–36. URL: <https://doi.org/10.15372/REG20150901>
3. Плисецкий, Е.Л. Управление развитием городских поселений на территориях нового освоения / Е.Л. Плисецкий, Ю.Н. Шедько // Управленческие науки в современном мире. 2018. Т. 1. №1. С. 535-538.
4. Плисецкий, Е.Л. Устойчивое развитие территорий нового хозяйственного освоения: инновационные решения / Е.Л. Плисецкий, Е.Е. Плисецкий, Ю.Н. Шедько // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 5. – С. 942 – 955.
5. Пространственная дифференциация и приоритеты социально-экономического развития регионов России: монография / колл. авторов; под ред. Е.Л. Плисецкого. – М.: РУСАЙНС. – 2016. – 234 с.
6. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А.И. Татаркина. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 844 с. [Серия: Россия в Арктике: история, современность, перспективы].
7. Официальный сайт Правительства Канады. Toward a new Arctic Policy Framework. – Режим доступа: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1499951681722/1537884604444> (дата обращения: 07.01.2019).
8. Planning for a sustainable future. Federal sustainable development strategy for Canada 2016-2019. Consultation draft – Режим доступа: [http://www.fsds-sfdd.ca/downloads/3130%20-%20Federal%20Sustainable%20Development%20Strategy%202016-2019\\_.pdf](http://www.fsds-sfdd.ca/downloads/3130%20-%20Federal%20Sustainable%20Development%20Strategy%202016-2019_.pdf) (дата обращения: 27.09.2016).

**Попова Екатерина Витальевна**

*кандидат экономических наук, академик РАЕН  
Председатель Совета Фонда ТПП РФ  
заместитель Генерального директора АО «ИЭРТ»*

## **СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ КАК ПРЕЕМНИК ГЕНЕРАЛЬНОЙ СХЕМЫ РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СССР (ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)**

**Аннотация.** Генсхема развития железных дорог в настоящее время является одним из ключевых документов, определяющих масштабы и параметры долгосрочного развития

железнодорожного транспорта, потребности в инвестициях, задачи по модернизации инфраструктуры, совершенствованию техники и технологии, реализации инвестиционных проектов.

В 60-е годы был осуществлен переход от исследований отдельных районов страны к планированию развития всех территорий СССР.

Перед народным хозяйством встали масштабные задачи: опережающими темпами развивать прогрессивные отрасли промышленности (электроэнергетику, химическую, машиностроение), осуществить сдвиги в структуре топливного баланса (резко повысить долю нефти и газа), сблизить темпы роста промышленности и сельского хозяйства.

Намеченные задачи должны были привести к крупным изменениям в территориальном развитии производительных сил – к уменьшению отставания развития восточных районов, снижению сверхконцентрации производства в промышленных областях и др.

Еще до этого, в конце 50-х гг., председатель Госплана Н.К. Байбаков обязал соответствующий отдел Госплана представить предложения по разработке научно-обоснованной **схемы развития и размещения отраслей промышленности на 10-15 лет**. Думаю, и сегодня такая задача актуальна. Постановка для каждой отрасли четких целей развития, с учетом специализации каждого региона, даст возможность и в наше время правильно планировать будущее.

В начале 60-х гг., при активном содействии АН СССР, был реорганизован СОПС (Совет по развитию производительных сил), который стал основным разработчиком Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР, – именно как системы предплановых документов, что повышало эффективность плановых решений. Думаю, этот момент необходимо учесть и при определении сегодня места Стратегии пространственного развития в системе документов стратегического планирования, предусмотренных ФЗ от 28 июня 2014 г. №172 «О стратегическом планировании».

В разработке отраслевых и территориальных схем, вошедших в качестве разделов в Генсхему, участвовали около 560 научных и проектных институтов. Большое внимание уделялось обоснованию территориальных экономических пропорций, обобщающий анализ которых был представлен по трем макрорегионам – европейская часть СССР, Сибирь и Дальний Восток, а также Средняя Азия и Казахстан. В генсхему включались схемы народно-хозяйственных территориально-производственных комплексов – Западно-Сибирской равнины, Саянского и Братского.

Были разработано и подробное методическое обеспечение Генсхемы. Из данной методики хочу особо выделить балансовый метод, который и сейчас всесторонне используется в ОАО «РЖД», в Газпроме и других крупных компаниях – но так и не принят на государственном уровне – он даже не упомянут в ФЗ «О стратегическом планировании».

Что касается Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, представленной для согласования Минэкономразвития, то это, несомненно, большой шаг вперед по созданию системы стратегического планирования в рыночных условиях.

Одним из существенных замечаний, которое можно сделать в отношении представленной Стратегии – это то, что необходимо отразить в проекте стратегии целевые ориентиры развития экономики и промышленности в отраслевом и региональном разрезе на расчетные сроки.

Следует отметить, что проект Стратегии не в полной мере учитывает и стратегические документы ОАО «РЖД»: Генеральную схему развития сети железных дорог ОАО «РЖД» и Долгосрочную программу развития ОАО «РЖД».

- ❖ *В настоящее время в нормативных документах федерального уровня определения Генеральной схемы (в том числе железных дорог) нет.*
- ❖ *Положения о Генсхеме нет.*
- ❖ *Статус документа не закреплён.*

*В то же время Генсхема развития железных дорог в настоящее время является одним из ключевых документов, определяющих масштабы и параметры долгосрочного развития железнодорожного транспорта, потребности в инвестициях, задачи по модернизации инфраструктуры, совершенствованию техники и технологии, реализации инвестиционных проектов.*

*В этой связи считаю необходимым рекомендовать Минэкономразвития определить статус Генсхемы в целом, а также статус Генсхемы развития и размещения производительных сил, Генсхемы развития железных дорог, Генсхемы размещения объектов электроэнергетики.*

Хотелось бы кратко остановиться на вопросе применения пространственного анализа при разработке Генсхемы развития сети железных дорог ОАО «РЖД».

Несмотря на то, что Генсхема носит ведомственный, «корпоративный» характер, тем не менее, она является базой при разработке железнодорожной составляющей документов общегосударственного значения по планированию транспортной отрасли.

По мнению ряда специалистов железнодорожной отрасли, с которым можно согласиться, недостатком нынешней «идеологии» разработки Генсхемы является недооценка значения железнодорожной инфраструктуры для экономики, населения и обороноспособности нашего государства.

При перспективном планировании железнодорожной сети, кроме интересов собственно транспортной отрасли, пассажиров и грузовладельцев, необходимо учитывать и потребности территории, которую эта сеть обслуживает. Поскольку потери общественного продукта, связанные с недостаточно развитой инфраструктурной системой, как правило, превышают затраты, необходимые для её развития.

Таким образом, для решения проблемы оптимального размещения инфраструктуры на территории страны и её отдельных регионов возникает потребность в исследовании количественными методами пространственных форм географических явлений (расселения, производства, транспорта).

Этими вопросами занимается пространственный анализ – научное направление в социально-экономической географии, родственное теоретической географии и региональной науке (regional science). Отметим, что последнюю относят в России к региональной экономике и экономической географии.

Пространственный анализ, как научное направление, возник в 1950–1960-е годы благодаря работам В. Бунге, У. Изарда (Айзарда), Р. Морилла, Г. Олссона, Дж. Парра, Е. Таафе, Э. Ульмана, П. Хаггета, Т. Хегерстранда и ряда других географов. Изучение транспорта в пространственном анализе, основанное на теории графов (т.н. геосетевой анализ), получило распространение благодаря работам учёных Северо-Западного университета (США, штат Иллинойс) – проф. В. Гаррисона и его учеников.

В последней четверти XX в. в пространственном анализе получает распространение использование понятийного и математического аппарата синергетики. В частности, Г.А. Гольц установил инвариант самоорганизации пространства, описывающий зависимость предельных размеров города от продолжительности рабочего дня и скорости пассажирского транспорта, а С.А. Тарховым выявлены закономерности эволюции транспортных сетей, не зависящие от их масштаба и типа.

Какие же показатели используются пространственным анализом при исследовании размещения транспортных сетей? На сегодняшний день все показатели можно разбить на две большие группы.

К *первой группе* можно отнести показатели густоты транспортной сети. Среди них есть как простые показатели – плотности относительно территории и населения (существуют с середины XIX века), так и комплексные – Энгеля, Успенского, Василевского, Гольца и другие.

Ко *второй группе* относятся показатели, характеризующие структуру сети. Они достаточно многочисленны. Их можно разделить на подгруппы. Во-первых, это *теоретико-*

графовые индексы, полностью заимствованные из теории графов. Во-вторых, это показатели, описывающие структурные элементы сетей. В третьих, это показатели, описывающие сеть в целом – 14 индексов Канского, индексы соотношения циклических и ациклических элементов сети (индексы Тархова), а также разнообразные интегральные индексы.

Учёные Северо-Западного университета США в 1959–1963 гг., при поддержке Управления транспортных исследований армии США, проводили анализ взаимосвязей некоторых параметров транспортных сетей, из числа представленных выше, как друг с другом, так и с экономико- и физико-географическими показателями. Наиболее высокая положительная степень корреляции обнаружилась между плотностью автодорожной и железнодорожной сетей (+0,818), а также между индексом технического развития территории (индекс Берри I) и плотностью железнодорожной сети (+0,806).

В связи с этим встаёт вопрос – возможно ли наряду с **нахождением закономерностей** при исследованиях существующего транспортно-географического положения территории давать **обоснованные рекомендации** по перспективному размещению железнодорожной сети?

- А) На карте России (рис.1) видно, что на территории страны можно выделить три части – обеспеченную железнодорожной сетью (в пределах 100-километровой зоны доступности);
- Б) «переходную», ограниченную территорией, обеспеченной сетью, а также внешним контуром перспективных железнодорожных магистралей, включающих северное звено «Белкомура», Северный широтный ход и Севсиб;
- В) «внешнюю» территорию, не обеспеченную железнодорожной сетью.



Для каждой из этих частей актуальны различные вопросы нового строительства. Для территории «А» главным является обеспечение надлежащей связности железнодорожной

сети, обусловленной стратегическими, экономическими, социальными, экологическими и военными потребностями. Для территории «В» актуален вопрос обеспечения железнодорожной сетью районов потенциального промышленного развития, прежде всего перспективных месторождений полезных ископаемых. То же актуально и для территории «Б», однако для неё также важно завершение создания связного «опорного каркаса» магистралей.

Одним из вариантов решения данной проблемы может стать разработанный специалистами АО «ИЭРТ» алгоритм определения территорий, недостаточно обеспеченных железными дорогами.

На *первом этапе* при помощи одного из видов многомерного статистического анализа проводится выявление наиболее значимых факторов, влияющих на размещение железнодорожной сети – её протяженность и топологию.

Далее, на *втором этапе* для каждого из отобранных факторов составляется псевдоизолинейная карта, отображающая положительные и отрицательные отклонения от найденной статистической зависимости (карты отклонений от регрессии). В данном случае отрицательные отклонения указывают на участки территории, недостаточно обеспеченные железнодорожной сетью (относительно данного фактора).

На *третьем этапе* даются конкретные предложения по строительству железных дорог на указанной территории с учётом приоритетов на основе приведённого выше районирования и имеющихся проектов по развитию железнодорожной сети.

Таким образом, заслуживает внимание вопрос включения в Генсхему дополнительных разделов (подразделов), в которых анализировалось бы *существующее размещение* железнодорожной сети Российской Федерации, а также давались бы научно обоснованные рекомендации по её *перспективному размещению*.

*Следовательно:*

- представляется целесообразным в I этап работы включить раздел «Анализ существующего пространственного размещения железнодорожной сети Российской Федерации»;
- при рассмотрении вопросов расширения сети железных дорог на перспективу 2025 и 2030 годов в рамках II (III) этапа работ необходимо в соответствующий раздел добавить подраздел «Изменения в пространственном размещении железнодорожной сети Российской Федерации в результате реализации проектов строительства новых железных дорог»; данный подраздел должен предшествовать остальной части раздела «Расширение сети железных дорог на перспективу».

Дополнение Генсхемы новыми разделами позволит повысить достоверность результатов перспективного планирования железнодорожной сети за счёт применения современных методов, используемых в социально-экономической географии.

Так как на современном этапе для ряда внешних эффектов отсутствуют расчетные методы стоимостной оценки, систематизация информации о размещении железнодорожных линий будет стимулировать перспективные разработки в области расчёта эффекта от оптимальной топологии сети.

Переход к общеэкономическому подходу при оценке потребности в транспортной инфраструктуре может способствовать повышению статуса Генсхемы (от ведомственного – к общегосударственному).

*Доклад подготовлен совместно с Чибряковым Я.Ю., с.н.с. АО «ИЭРТ»*



**Рабкин Сергей Владимирович**

*кандидат экономических наук, доцент*

*Коми республиканская академия государственной службы и управления*

*г. Сыктывкар*

*Fulcrum-A@yandex.ru*

## **ТРАНСПОРТНАЯ ДОСТУПНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**Аннотация.** На основе историко-экономического подхода рассматриваются вопросы пространственного развития современной России. Особое внимание уделяется оценке транспортной доступности территории как институционального фактора реализации национальных интересов российского государства. Указывается на необходимость определения приоритетных направлений в развитии транспортной инфраструктуры и создания соответствующих этим задачам новых образцов техники с позиции обеспечения гарантий экономической безопасности.

**Ключевые слова:** транспортная доступность, национальные интересы, пространственное развитие, институциональные факторы, экономическая безопасность.

Определение национальных интересов для любого государства является фактором не только обеспечения его суверенитета и гарантий экономической безопасности, но и не в меньшей степени своеобразной институциональной основой общества в осознании им исторически обусловленного процесса выработки стратегических приоритетов современного экономического развития.

Уникальность геополитического положения России всегда была одним из определяющих факторов создания основ ее будущего развития. Однако сохранение данного преимущества непосредственно связано с транспортным освоением этого пространства и тем самым сохранением целостности самого государства в противостоянии внешним и внутренним угрозам его экономического развития. Исторически изменяются формы этих угроз и вызовов пространственного развития России как независимого государства, но институциональная их природа остается неизменной и в большей степени определяется интересами национальной и как её важнейшей составляющей экономической безопасностью страны. Это наглядно демонстрируют задачи стоящие перед современным российским государством в освоении своих территорий Арктики и Дальнего Востока.

Одним из первых эти вопросы в своей работе «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» обозначил М.В.Ломоносов. Анализируя исторический опыт многих поколений и разных народов в исследовании данных территорий Михайло Васильевич, делает вывод о необходимости освоения огромного по своим масштабам территориального пространства страны, не смотря на видимые первоначальные убытки государства. «Жаление о людях, пишет он, много чувствительнее, нежели о иждивении, однако поставим в сравнение пользу и славу отечества» [1,С.354].

Именно общественный интерес и безопасность будущего развития России должны определять этот процесс и стать основой стратегии ее пространственного развития ибо «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [1,С.355].

Ломоносов настаивает на привлечении сил военно-морского флота к экспедиции в поисках этого пути и делает все, чтобы оснастить экспедицию самым современным научным оборудованием и методиками изучения Арктики. Так фактически зарождается весьма важная институциональная основа, рассмотрения вопросов научного исследования Северных и

Дальневосточных территорий России исходя из возможности освоения их в рамках создания объектов двойного назначения.

Не менее интересны в современном контексте реализации стратегических интересов освоения данных макрорегионов рассуждения Д. И. Менделеева. Покорение «Северного полярного океана» по его мнению, является один из важнейших вопросов развития северо-восточных территорий России. Однако кроме экономических выгод не менее важны вопросы обеспечения безопасности страны «когда, можно будет - без Суэцкого или иных каналов теплых стран - около своих берегов перевозить военные суда...» [2,С.50].

Призывая исследовать окраины России, Менделеев указывает на то, что «Свое мы знаем вообще слабо, а экономическая сторона при описании новых краев вовсе упускается из вида» [2,С.58].

Но следуют указать и на тот факт, что, не смотря на всю гениальность этих учёных, их идеи весьма неоднозначно были приняты государством и во многом неосознанны как их современниками, так и современным российским обществом. Во все времена развитие транспортной инфраструктуры нашей страны было связано с огромными затратами, обоснование которых характеризовалось восприятием обществом не только рациональных расчетов эффективности инфраструктурных проектов, но и не в меньшей степени неэкономическими факторами определения национальных приоритетов пространственного развития.

Именно исследование влияния неэкономических факторов на принятие государством той или иной модели своего пространственного развития представляется одним из важных направлений современных научных исследований, позволяющих на основе ретроспективного анализа тенденций формирования соответствующих институциональных норм определить приоритеты в реализации крупных инфраструктурных объектов.

Реализация крупных инфраструктурных мегапроектов, направленных на «стягивание» пространства, для современной России является безальтернативным, хотя эффекты и риски их финансирования так же достаточно очевидны [3, С.31]. В полной мере это может быть отнесено к развитию Северного морского пути.

Идеи его освоения далеко не новы и с определённой исторической периодичностью были интересны как государству, так и обществу. Но с такой же периодичностью темпы освоения данной транспортной артерии постепенно снижались, сменяя периоды бурного развития, периодами застоя и фактически разрушения созданной инфраструктуры. И лишь обострение угроз национальной безопасности давало импульс для создания объектов транспортной инфраструктуры, в т. ч. двойного назначения.

Развитие Северного морского пути становится сегодня стержнем арктической транспортной системы, определяющим гарантии единства экономического пространства и обеспечения национальной безопасности страны [4,С.34].

Оценивая реальные перспективы развития данной коммуникации можно утверждать о заинтересованности ряда стран в использовании ее возможностей для решения задач транзитных перевозок. Так Китай подтверждает готовность перевозить около 10-15% своих внешних торговых грузов. Согласно контракту «Ямал СПГ» с «Росатомфлотом» 96% сжиженного газа будет направлено до 2040 г. в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. По оценкам некоторых экспертов в целом грузопоток в ближайшей перспективе может достигнуть 75 млн.тонн в год [4,С.35].

Однако это потребует решение многих задач и прежде всего обновления ледокольного флота, модернизацию и строительство новой портовой инфраструктуры. Уровень затрат при этом будет достаточно велик. Например, только стоимость новых ледоколов типа «Арктика» и «Лидер» сопоставима с доходной частью отдельных субъектов Федерации. Поэтому без рассмотрения этого вопроса вне межрегионального сотрудничества и использования транзитных возможностей территорий прилегающих к Арктической зоне Российской Федерации реализация подобных задач будет весьма затруднительной.

Следует согласиться и с мнением ряда авторов, о том, что борьба за арктические территории со стороны ряда стран будет достаточно долгой и противостояние может быть бескомпромиссным. Прежде всего, это касается транспортных коммуникаций. Исходя из этого необходимо оборонно-экономическое позиционирование программ современного российского государства по созданию объектов транспортной инфраструктуры с целью защиты национальных интересов нашей страны [5, С.177].

Именно критерии безопасности во многом были исторически определяющим фактором при обосновании инвестиций в транспортную инфраструктуру России. Но принятие об этом решения со стороны государства во все времена имело чёткую институциональную основу, связанную, прежде всего, с определением национальных интересов развития. Любые попытки изменить эту основу приводили к трагическим для страны последствиям ограничения транспортной доступности территории и создания предпосылок экономической зависимости транспортной системы от влияния извне на её внутреннюю эффективность.

Однако в России в период рыночных трансформаций сменилась сама парадигма безопасности и институтов её обеспечивающих [6, С.43]. Вместо создания эффективной системы пространственного развития территорий уход государства от регулирования данных процессов привел к нарушению единства транспортной системы страны. В свою очередь ограничения в технологическом функционировании общего инфраструктурного пространства усугубляли диспропорции в развитии не только отдельных отраслей, но и целых субъектов Федерации.

Поэтому определяя Северный морской путь как основу инфраструктурного развития нескольких субъектов Российской Федерации, необходимо рассматривать решение вопросов комплексного (взаимодействие различных видов транспорта) освоения этих территорий, как основу гарантий экономической безопасности страны в контексте современных угроз и вызовов её национальным интересам.

Речь идет не столько об изменении самой системы государственного регулирования экономики, сколько о возможности в рамках реализации принципов стратегического планирования перейти к системе индикативных показателей определяющих гарантии экономической безопасности страны. К таким показателям в полной мере могут быть отнесены показатели транспортной доступности территории.

Безусловно, принятие такой модели оценки эффективности реализации региональной политики потребует изменения взаимоотношений Федерального центра и регионов, закономерному переходу к планированию транспортных потоков в рамках обозначенных макрорегионов. Отсюда необходимость рассмотрения показателей транспортной доступности территории на основе институционально - критериального подхода.

С формальной точки зрения использование различных коэффициентов, в т.ч. транспортной подвижности населения, позволяет определить эффективность принимаемых органами государственного управления шагов по реализации задач пространственного развития. Однако с точки зрения реализации общих задач региональной политики, этот критерий должен быть напрямую связан с показателями, характеризующими качество жизни населения, тем самым определяя институциональную основу реализации региональных стратегий социально-экономического развития исходя из общих критериев обеспечения экономической безопасности.

Данный подход требует не только определения приоритетных объектов транспортной инфраструктуры, но и создание соответствующих образцов техники, позволяющих решать вопросы транспортной доступности на качественно новом уровне. Наряду с развитием полярной авиации, ледокольного флота необходимо большее внимание уделить вопросам создания крупных экранопланов и возможности возрождения проектов сверхзвуковых пассажирских самолетов. Это потребует пересмотра действующей системы организации, планирования и управления транспортными потоками, в т.ч. с учетом реализации транзитных перевозок территорий примыкающих к Арктической зоне Российской Федерации. Однако эти меры в полной мере будут способствовать созданию новой

институциональной основы пространственного развития современной России, во многом определяющей её национальные интересы в будущем.

**Список литературы:**

1. Ломоносов, М. В. Для пользы общества / Сост. А.С. Елеонский.- М.: Сов. Россия. – 1990. – 384 с.
2. Менделеев, Д.И. Проблемы экономического развития России / М.: Директ- Медиа. – 2012. – Ч.1. – 102 с.
3. Гринберг Р.С. Размышления об экономике и геополитике // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 1(48). – С.30 – 31.
4. Особенности и проблемы обеспечения экономической безопасности в Российской Арктике. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной, Е.П. Башмаковой, М. В. Ульченко – Апатиты: изд. КНЦ РАН, 2018.– 51 с.
5. Современные проблемы и перспективы развития арктического газопромышленного комплекса / под. науч. ред. д.э.н. Козьменко С.Ю., д.э.н. Селина В.С. – Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2017. – 228 с.
6. Гринберг Р.С. Некоторые размышления об императивах экономической модернизации в России // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2(56). – С.41 –46 .

**Румянцева Светлана Юрьевна**

*кандидат экономических наук, доцент*

*Санкт-Петербургский государственный Университет*

*Россия, Санкт-Петербург*

*s.pumyantseva@spbu.ru*

**ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ  
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ**

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-02-00521-ОГН  
«Динамика смены технологических укладов и перспективы  
грядущих экономических трансформаций»*

**Аннотация.** В статье рассмотрено развитие сельского хозяйства России как возможного синергетического драйвера развития шестого технологического уклада.

**Ключевые слова:** длинные волны, технологические уклады, сельское хозяйство, драйверы роста

С учетом двойственности возможности перехода к интегральному обществу и остроты геополитических рисков для России, переход к научному прогнозированию и планированию цели развития страны необходим. Как показано в исследовании [1], большинство стран восточной части Земли, прежде придерживавшиеся прокоммунистической идеологии в построении экономической политики, постепенно стали с 80-х-90-х гг. XX века допускать элементы рынка и частного предпринимательства, строя общество высококонкурентное, но социально справедливое. С другой стороны, в капиталистических странах под влиянием идей П.Сорокина о конвергентном обществе в эпоху противостояния социализма и капитализма был построен капитализм с элементами общества всеобщего благосостояния. И хотя под влиянием рецессии последних лет социальная ориентация экономической политики западных стран подвергается ущемлению, элементы, взятые от социалистической системы, которые способствуют международной конкуренции, применяются в полном объеме. К

таким элементам-инструментам относятся прогнозирование и планирование социально-экономического развития.

В России существует перечень ключевых технологий, на развитие которых направлено планирование, выделяются средства, притом как показывает прошлый опыт, подрядчикам далеко не всегда удается достигнуть плановых показателей [2].

Перечень критических технологий впервые появился во Франции и реализуется в виде сменяющих друг друга Федеральных Целевых программ (ФЦП), реализуются они в Финляндии, в Китае и других странах. [3]. В России всего избрано 27 критических технологий, среди которых лидерами по реализуемости оказались технологии информационных, управляющих, навигационных систем, технологии и программное обеспечение распределенных высокопроизводительных вычислительных систем, технологии мониторинга и прогнозирования состояния окружающей природной среды, предотвращения и ликвидации ее загрязнения [3, С.51]. Две первые воспроизводят недостаточное участие России в реализации пятого технологического уклада, последняя относится к шестому технологическому укладу. Кроме вневременных военных технологий, в перечень критических технологий России вошли нано-био-когнитивные технологии, технологии живых систем, технологии наноустройств и микросистемной техники, технологии атомной энергетики, рациональное природопользование и энергоэффективность, технологии новых и возобновляемых источников энергии, включая водородную энергетику, технологии создания высокоскоростных транспортных средств и интеллектуальных систем управления новыми видами транспорта, технологии создания ракетно-космической и транспортной техники нового поколения, технологии создания электронной компонентной базы и энергоэффективных световых устройств и другие [4].

Обобщая опыт технологического развития западных стран, Л.Е.Гринин и А.Л.Гринин центрируют свое внимание на МАНБРИК-технологиях – комплексе нано-био-когнитивных и информационных технологий, нацеленных на повышение качества медицинского обслуживания и предложения принципиально новых медицинских продуктов, которые существенно увеличат качество и продолжительность жизни [5]. Исследуя тренды инновационного развития в мировой экономике, Ю.Р.Ичкитидзе выделил в мировой экономике группы отраслей, которые уже сейчас показывают себя как лидирующие сектора: это продолжение производства полупроводников как технологической базы всей коммуникативной экономики, LED-освещение, в том числе дисплеи на основе органических светодиодов, фотогальваническая промышленность, перерабатывающая солнечную энергию в электро- и тепловую энергию, новая линейка перезаряжаемых экологически более дружелюбных аккумуляторов, биотехнологии [6, С.142-185].

Как можно заметить, запланированные критические технологии развития экономики России и мировые тренды технологического развития во многом пересекаются. Это говорит о том, что в своем стратегическом прогнозировании и планировании технологий страна стоит на верном магистральном пути.

Однако, разорванный внутренний рынок, огромные просторы и недостаточность транспортных коммуникаций, затухающие, как будет показано ниже, тенденции в обрабатывающей промышленности страны и, как следствие, недостаток промежуточного, инвестиционного и конечного, потребительского платежеспособного спроса являются существенным препятствием для внедрения новых технологий. Инвестиции в инновации идут, как в государственном (через бюджет), так и в частном секторе, и инновационная продукция в ряде отдельных секторов начинает производиться именно сейчас, перед депрессией между пятой и шестой Кондратьевскими волнами, которая ожидается в 2020-2025 гг., но возникает трудноразрешимый вопрос.

Породят ли ростки новых технологических производств новые отрасли, которые поведут за собой экономический рост и обеспечат подъем шестой длинной волны в России? Попытку ответа на этот вопрос мы постараемся дать в этой статье.

## **1. Длинноволновая динамика ВВП РФ и колебания госрасходов**

Начнем с динамики ВВП РФ и ее источников. На рис. 1 показана эта динамика, а в таблице 1 – долгосрочная динамика инвестиций в основной капитал в РФ.

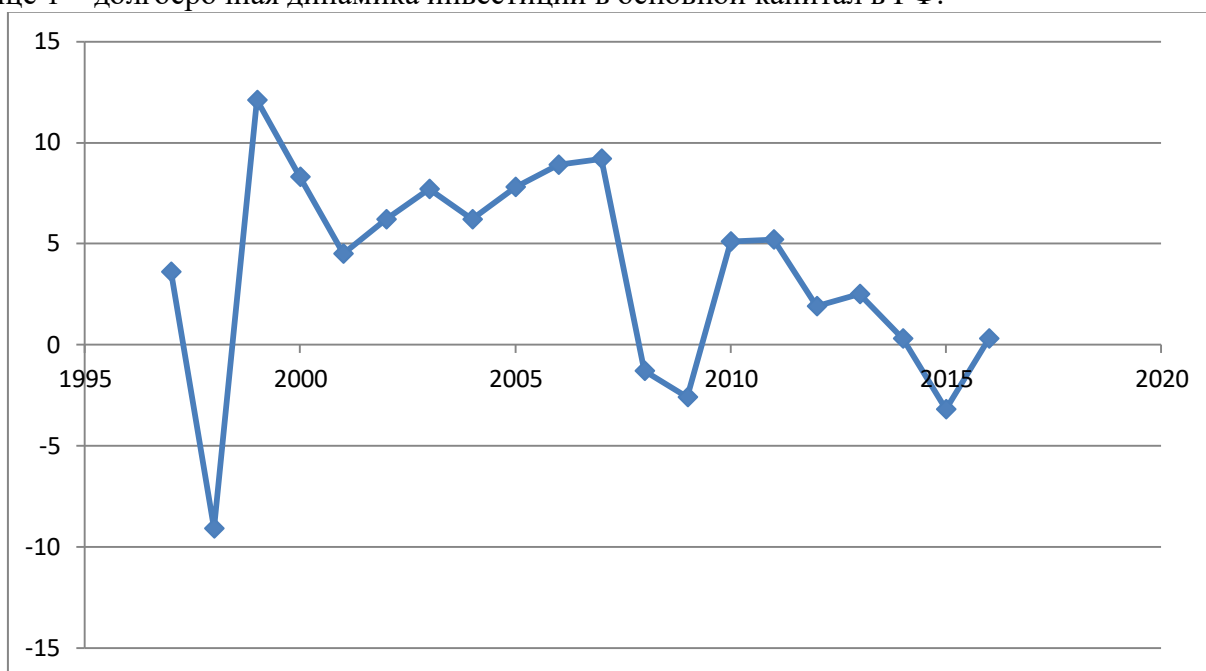


Рис. 1 Колебания ВВП РФ в 1997-2016 гг.

Рассчитано по: федеральная служба государственной статистики Пост. цены 2008 г. гг. Bloomberg. Дата обращения 20.06.2018

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал РФ 1918-2016 гг.

годы	суммы	% к предстоящему году
1918-1928	5,5	NA
1933-1937	37,2	NA
1938-1941	28,0	NA
1941- 1945	29,3	NA
1946-1950	57,9	117,9
1951-1955	115,2	119,6
1961-1965	290,8	112,9
1966-1970	407,1	111,7
1976-1980	769,9	113,3
1986-1990	1168,9	104,3
2000	1165234	117,4
2010	9152096	106,3
2014	13902645	98,5
2015	13897188	98,9
2016	14639835	99,1

Источник: [8, С.296]

На рис.1 видна вся пятая длинная волна с депрессией в окрестности 1998 года и скатыванием в рецессию после кризиса 2008 г. В таблице 1, определяющей источник экономического роста – инвестиции в основной капитал – также заметен их рост на протяжении фазы подъема IV длинной волны, до 1955 г. в России, спада до 1990 года, и нового роста с 2000 по 2010 год, сменяющегося спадом настоящего времени. Заметно, что динамика инвестиций в основной капитал опережает динамику экономического роста/спада.

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования (млрд рбл)

Год	2000	2010	2014	2015	2016
Собственные средства	500,6	6625,0	4742,3	5271,1	5271,1
Заемное финансирование	30,6	595,8	1098,7	849,9	1172,8
Отношение заемного финансирования к собственным средствам	6%	9%	23 %	16,1%	22,2%

Рассчитано по: [8, С.298]

Продемонстрированные в табл. 2 расчеты свидетельствуют, что на всем протяжении пятой длинной волны финансы предприятий не выходили за пределы защищенного финансирования по трехступенчатой таксономии Мински, не выходя даже к границам спекулятивного финансирования или тем более финансирования по принципу Понци [9]. Это говорит о том, что российские предприятия, сталкиваясь с трудностями производства и сбыта продукции в понижательной волне конъюнктуры, остаются финансово стабильными и надежными проводниками промышленной политики, если такая будет производиться [подробнее см. 10, С.102-130]

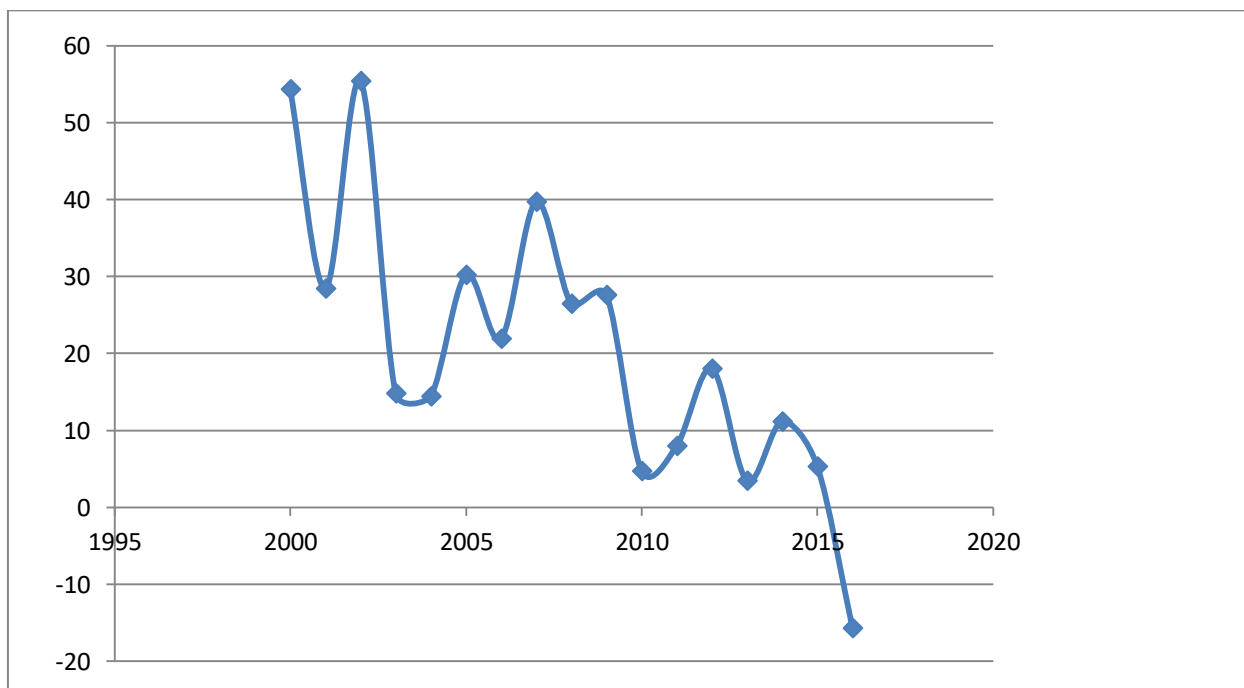


Рис. 2. Госрасходы РФ в 1999-2016 гг.

Рассчитано по: [7], Russia Federal Budget Cumulative Expenditures Russian Ministry of finance Billio, Дата обращения 20.06.2018.

На рис. 2 показана динамика госрасходов РФ на протяжении повышательной и понижательной волны пятого Кондратьевского цикла. Заметно, что после 2007 г. госрасходы стали стремительно сокращаться. Это и неудивительно с учетом растущего, но некритичного дефицита госбюджета, который в 2015 г. составлял 845,6 млрд. рбл, в 2016 – 2819,6 млрд. рбл, (3,3% ВВП) а в 2017 – 3142,1 млрд. рбл. [8, С.495]. Доля затрат на исследования и

разработки таким образом в 2016 г. составила 1%. Это ничтожно мало в эпоху, когда потребность в коренном обновлении российской экономики чувствуется во всех сферах.

Для сравнения – в США на протяжении всей ее промышленной истории в периоды длинноволновых депрессий госрасходы росли [11, С.129-134]. Не выступает исключением и пятая длинная волна (рис. 3)

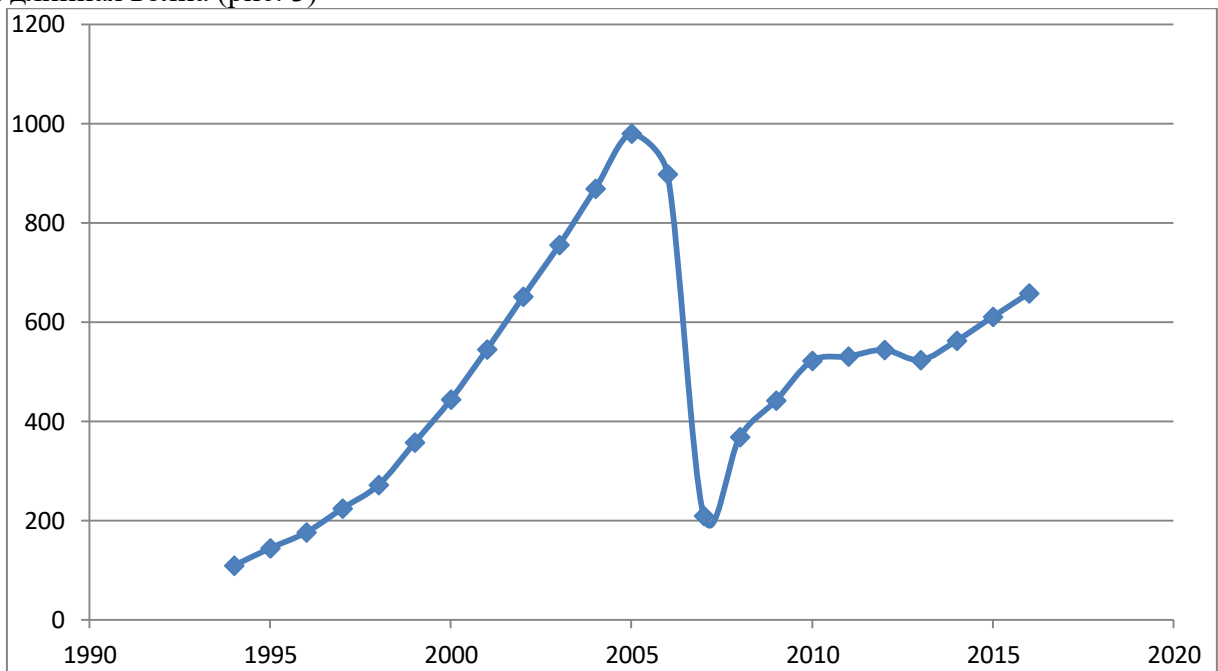


Рис. 3. Пятая длинная волна в динамике госрасходов США, млрд. долл.

Рассчитано по: [12]

ФЦП требуют вливаний, в том числе бюджетных. Но главная проблема ФЦП – это чтобы деньги, потраченные на них, привели к формированию новых конкурентоспособных отраслей, способных потянуть за собой экономический рост и подъем шестой длинной волны в России. Посмотрим, как это возможно.

## 2. Сельское хозяйство как драйвер роста?

На рис. 4 представлен индекс цен производителей России на протяжении пятой длинной волны.



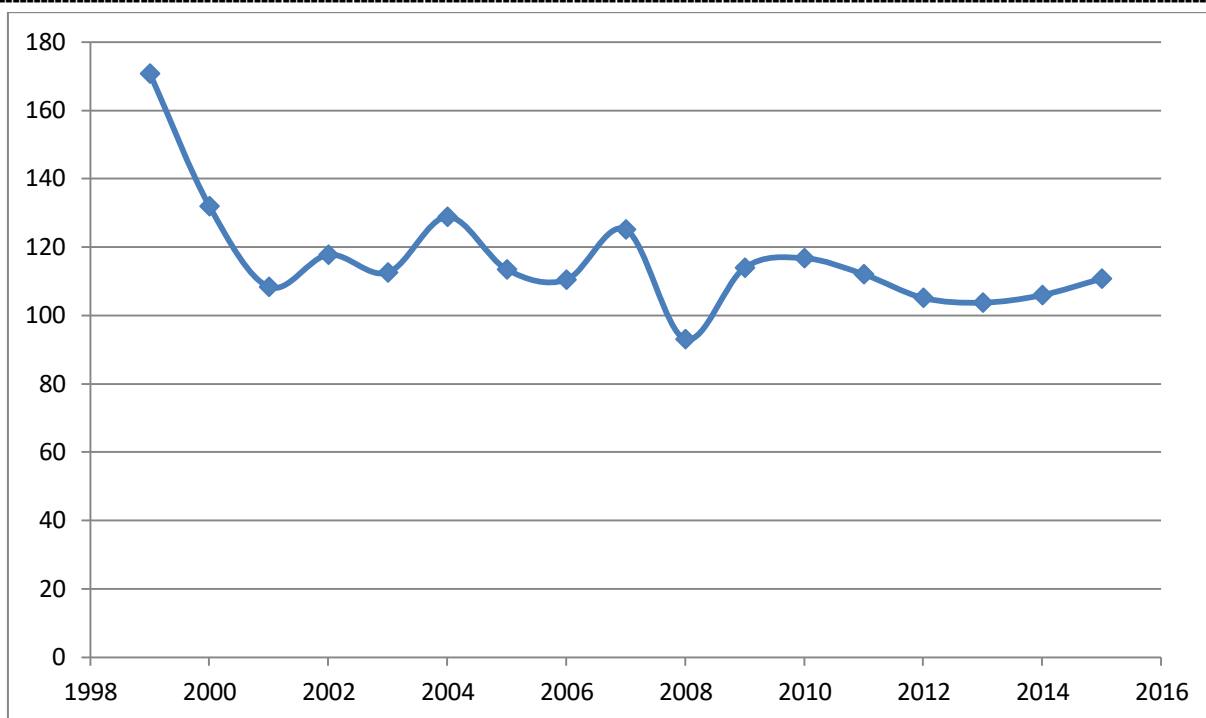


Рис. 4. Индекс цен производителей промышленной продукции в России в % к предыдущему периоду (1999-2015)

Источник: [13]

Заметна тенденция дефляции после 2010 года, что означает, что длинноволновая рецессия в России протекает по нормальному руслу.

Если взять индексы физического объема выпуска по отраслям экономики, то почти все они показывают спад, даже финансовая деятельность, что видно по показателю итоговой валовой добавленной стоимости в основных ценах (табл. 3). Исключением на этом фоне выступают лишь сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, что и представляет собой интригу данного исследования.

Таблица 3

Индексы физического объема выпуска по отраслям экономики

отрасль	2014	2015	2016	$\Delta$
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	102,0	103,0	103,6	1,005
Финансовая деятельность	105,4	94,0	100,8	0,95
Итого валовая добавленная стоимость в основных ценах	100,9	97,7	97,7	0,97

Рассчитано по: [8, С.267]

Валовая прибыль и валовая добавленная стоимость устойчиво росли в российском сельском хозяйстве в 2014—2016 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Сельское хозяйство, валовая прибыль и валовая добавленная стоимость

показатель	2014	2015	2016	Δ
Валовая прибыль	2185414	2632540	2815588	1, 33
Вал. добавл. стоимость	1944485	3203492	3456301	1, 78

Рассчитано по [8, С.269-271 ]

Говорит ли это о том, что сельское хозяйство можно рассматривать как лидирующую отрасль экономики России?

Среди производства основных видов машин и оборудования наблюдается общий спад. Лидерами на этом фоне выглядят только погрузчики сельскохозяйственные (рост 224%) и комбайны зерно- и силосноуборочные (рост 41% и 89,3% соответственно). Это говорит о том, что механизированное сельское хозяйство не без эффекта санкций пробивает себе путь в лидеры отраслевой структуры экономики России.

Хотя этот уклад относится к доиндустриальным, его как раз сейчас нельзя сбрасывать со счетов, ибо его можно оплодотворить современными достижениями микробиологии, генетики и телекоммуникаций, сделав поистине постиндустриальным лидером экономического развития России. Сельскохозяйственный сектор пытается использовать благоприятные для него условия, созданные внешнеэкономическими санкциями, и является потенциальным плацдармом для применения новых технологий.

На его основе можно создать высокотехнологичный сектор развития российской промышленности, включая применение новейших технологий нано-био и когнитивных технологий, создать высокотехнологичное высококонкурентное сельское хозяйство, обслуживающее емкий внутренний рынок и создать высококачественный блок социальных и культурных услуг на селе, что позволит преодолеть тенденции чрезмерной урбанизации постиндустриальных элементов общества в России.

Коэффициент обновления основных фондов в сельском хозяйстве в 2016 г. был одним из самых высоких – 7,2, причем он вырос по сравнению с 2010 г. почти вдвое [8, С.379], выше этот коэффициент только в строительстве (9,4) и финансовом секторе (10,9). Степень износа основных фондов по-прежнему остается высокой. Самая высокая – в обрабатывающей промышленности (50%), в сельском хозяйстве снизилась с 42, 1 в 2010 до 41,2 в 2016 г.

Индексы физического объема инвестиций в основной капитал показывают общий спад со 106,3 до 89,9 в 2010 и 2015 годах соответственно, при этом наблюдается рост до 99,1 в 2016 г. в сельском хозяйстве при этом рост за весь указанный период составил с 89,1 до 113, 3. В обрабатывающих производствах этот индекс снизился со 101,5 до 90,2 % к предыдущему году, в том числе производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования снизилось с 100,7 в 2010 г. до 79,4 в 2016. [8, С.301].

Таким образом, движущие технологии пятой длинной волны и часть технологий шестой – оптооборудование – пока не приживаются в России, являясь затухающими секторами ее экономики, вернее, секторами, находящимися в неадекватном окружении по терминологии С.Ю.Глазьева, назвавшего этот феномен гипотезой Гуублера-Фетисова [14, С.50 ], хотя и поддерживаются ФЦП.

Рост демонстрирует также металлургическое производство, что неудивительно в связи со строительством новых газо-и нефте-проводов, а общее производство машин и оборудования показывает спад.

Это говорит о продолжении парадигмы сырьевой направленности экономики России и затухании ее сектора, производящего основной капитал, кроме сельхозоборудования.

Розничная торговля сжалась со 131,7 % в 2010 г. до 97,9%, что вызвано спадом платежеспособного спроса населения, сократились операции с недвижимостью, аренда, финансовые операции.

В целом все это говорит о продолжении тенденции длинноволнового спада в экономике России, сквозь который проклевывается новый неожиданный сельскохозяйственный тренд. Это несколько противоречит третьей эмпирической правильности Н.Д. Кондратьева, который писал, что во время общеэкономического спада больших циклов наблюдается депрессия сельского хозяйства [15, С.376]. Видимо, не без влияния внешнеэкономических ограничений, механизм длинных волн в России несколько изменился и впервые в постиндустриальную эпоху не сверхвысокотехнологичный сектор, а жизнеобеспечивающий, поставляющий основные продукты выживания, доиндустриальный на новом витке спирали развития становится лидирующим.

Но это только по относительным данным. В целом же доля сельхозсектора только в Северо-Кавказском Федеральном округе составляет 11,5% от общего числа предприятий, в остальных округах – не более 3%. Это говорит во-первых, о том, что Северо-Кавказский регион можно сегодня рассматривать локомотивом роста российской экономики, и именно его надо интенсифицировать, а во-вторых, о том, что сельскохозяйственное производство надо поддерживать не путем его экстенсивного разрастания (хотя пустующие поля Центрального ФО можно было бы и задействовать), а за счет коренной модернизации существующих сельхозпредприятий.

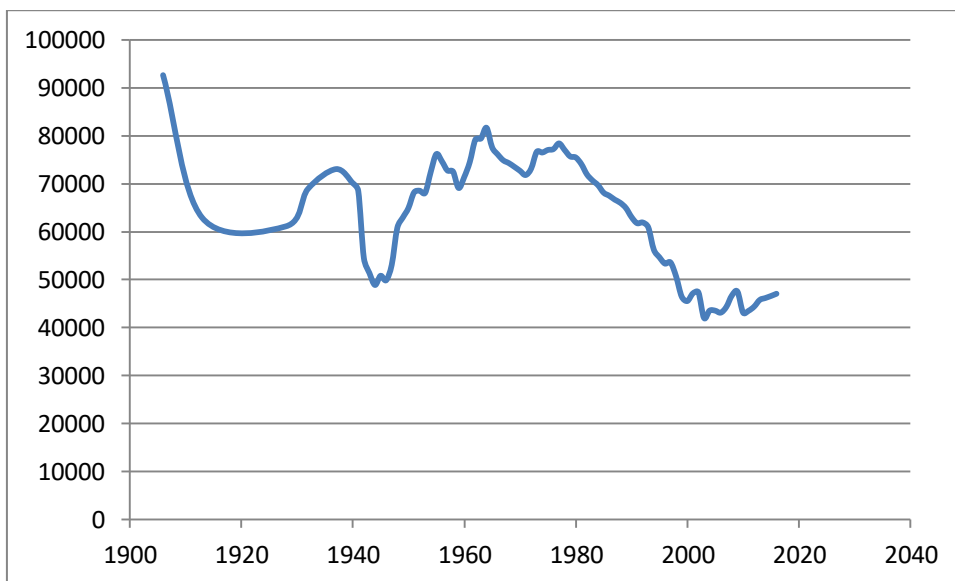


Рис. 5. Посевные площади зерновых и зерно-бобовых культур 1906-2016, тыс. га  
Составлено по: РСЕ, С.366

На рис.5 заметно серьезное сокращение посевных площадей в годы Второй Мировой Войны, а также после перелома 4 длинной волны в 80-е годы, когда в стране был взят курс на интенсификацию производства и начались процессы урбанизации. Темпы падения величины посевных площадей в период перестройки были не больше темпов падения в 80-е-90-е годы. Падение прекратилось в 2000-х, и в период 2010-2016 гг. даже наметился прирост в размере 10,5%, когда по сути должна была наблюдаться по третьей эмпирической правильности Н.Д. Кондратьева глубокая длинноволновая депрессия. Длинноволновой закономерности на этом графике вообще не заметно, поскольку это доиндустриальный уклад. Но что интересно: при приросте занятых площадей в 10,5 % в 2010-2016 гг. валовый сбор продуктов растениеводства (зерновые ) вырос вдвое - с 60,1 до 120,7 млн. тонн в указанный период. В период с 1996г. до 2011 г. этот показатель вырос лишь на треть – с 60,1

до 90,3 млн. тонн [8, С.368]. Рост происходит за счет увеличения урожайности практически по всем видам растениеводства. [8, С.370]. Это говорит о существенной интенсификации сельского хозяйства России в последние годы, которая уже идет.

Этот шанс надо использовать для обозначения точек экономического роста на будущее путем симбиоза сельского хозяйства как растущей отрасли с технологиями шестого технологического уклада.

В животноводстве все хуже. По сравнению с 1986 годом, когда наблюдалось максимальное поголовье крупного рогатого скота – 60, 5 млн. голов – поголовье сократилось больше, чем втрое – до 18, 8 млн. голов. Но при этом продуктивность скота и птицы в период 2000-2016 гг. выросла вдвое [8, С.376].

### **3. Длинные волны и пространственный потенциал России**

Этой маленькой статьей невозможно продемонстрировать остальные точки роста в российской экономике. Отметим лишь для будущих исследований, что растет использование вторичных энергоресурсов, сокращается удельный расход условного топлива на производство отдельных видов продукции, растет альтернативная энергетика.

В ряде отраслей – кроме обрабатывающей промышленности – также намечаются ростки подъемного движения. Это производства прошлых укладов, нашедшие свою нишу либо из-за санкций либо в результате международного разделения труда (текстильная промышленность, деревообработка, химическая промышленность).

При этом добыча и первичная переработка нефти остается энергетически неэффективной и затратной. Так, затраты электроэнергии на первичную добычу нефти возросли с 2000 по 2016 год на 47%, на первичную переработку нефти остались прежними. Позитивной тенденцией является рост глубины переработки нефтяного сырья – с 65,2 до 79,0% в период с 1990 до 2016 г.[8, С.347].

Эта отрасль остается энергетически и экологически неэффективной. При тенденциях замещения энергоносителей чистыми видами топлива, наблюдающимися в Европе, как одном из главных импортеров российской нефтедобычи, эта отрасль в перспективе должна перейти на производство нетопливных товаров – пластиков, каучуков, синтетических тканей, сырья для изготовления состава дорожных покрытий с особо прочными свойствами, полиэтиленов, моющих средств и прочих продуктов. Незаменима будет нефть в качестве расходного материала для 3D принтеров.

Также растет производство резиновых и пластмассовых изделий: шин, покрышек, фитингов, пластмассовых труб и трубок, полимерных плит, материалов для покрытий пола, стен и потолка полимерных, в рулонах или в форме плиток,- от 20 до 100% за весь период 2010-2016 гг. [8, С.350]. Производство пластмасс – атрибут 4 длинной волны, но при симбиозе с 3D технологиями это производство может дать синергетический эффект, «выстрелив» новой растущей отраслью.

Производство транспортных средств и оборудования демонстрирует общий спад. Несмотря на то, что переход к 6 длинной волне подразумевает в ряде развитых стран революцию в области транспорта, у нас в этой сфере продолжается застой, пока ничто не сигнализирует о статистически важных событиях, которые отражали бы зарождение новых трендов в этой области. [8, С.354].

Это очень тревожная тенденция, поскольку без строительства дорог, без широкополосной связи, обеспечивающей коммуникацию между производителями и закупщиками сельскохозяйственного сырья и продукции этот тренд постепенно затухнет, не дав развиться новой лидирующей высокотехнологической отрасли России. Но это – тема следующего исследования.

#### **Заключение.**

Сельское хозяйство не является единственным драйвером роста российской экономики. Как показывает наше исследование, комплекс энергетических технологий, включая альтернативную энергетику, спутниковая связь и предоставление широкополосного доступа

к Интернету, а также мобильная связь растут опережающими темпами. Важно поймать этот момент начала роста для обеспечения хозяйственной монолитности отечественной экономики, и сделать это можно, на наш взгляд, именно на основе «кормящей» отрасли – сельского хозяйства, так или иначе представленного во всех регионах нашей страны.

### Литература:

1. Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю., Глинкина С.П., Дашичев В.И., Куликова Н.В., Меньшиков С.М., Меньшикова Л.А., Пивоварова Э.П., Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н.Цаголова. – М.: ЛЕНАНД, 2016 – 256 с.
2. Korostyshevskaya E.M., Romyantseva S.Yu., Samylov I.O. Determination and Realization of scientific and technological priorities of Russia in the context of globalization // Globalization and its socio-economic consequences. 17th International Scientific Conference Proceedings. 4th – 5th October 2017. Rajcke Teplice, Slovak Republic Part III p. 1044-1051
3. Кольцов А.В., Октябрьский А.М., Хабарова Т.В. Критические технологии и приоритетные направления развития науки и техники в рамках реализации ФЦП развития научно-технологического комплекса Российской Федерации // Инноватика и экспертиза 2016 №3, С. 31-54. Код доступа: [http://inno-exp.ru/archive/18/innov\\_2016-3\\_31-54.pdf](http://inno-exp.ru/archive/18/innov_2016-3_31-54.pdf)
4. Приоритетные направления развития науки, техники и технологий РФ <https://urfu.ru/ru/science/razvitie-nauki-v-urfu-i-rossii/prioritetnyie-napravlenija-razvitija-nauki-tehniki-i-tehnologii-rf/> (дата обращения 06.12.18)
5. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. О шестом технологическом укладе // Кондратьевские волны. Циклическая динамика в прошлом и настоящем / отв. Ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев. – Волгоград «Учитель», 2016., С. 191-212.
6. Ичкитидзе Ю.Р., Румянцева С.Ю. Тренды инновационного развития: мировой опыт государственной поддержки новых отраслей. – СПб.ЖИЗДжательско-полиграфическая ассоциация университетов России. 2016. – 344 с.
7. Bloomberg
8. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат.сб./Росстат. - М., 2017 – 686 с.
9. Киндлебергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи. – СПб., Питер, 2010 – 544 с.
10. Румянцева С.Ю. Неиндустриализация России в контексте циклической экономической динамики // Новая индустриализация России : стратегические приоритеты страны и возможности Урала [Текст]; под ред. С.Д.Бодрунова, Я.П.Силина, В.Т.Рязанова, Е.Г.Анимицы [отв. за вып: У.Б.Дворяджина, С.Г.Пьянкова]; М-во образования и науки Рос. Урал. Гос. экон. ун-т. – Екатеринбург,: Изд-во Урал. Гос. экон. ун-та, 2018 – 317 с.
11. Румянцева С.Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003 – 232 с.
12. [http://be5.biz/makroekonomika/government\\_consumption\\_expenditure/us.html#main](http://be5.biz/makroekonomika/government_consumption_expenditure/us.html#main) (дата обращения 25.09.2018)
13. [http://www.icss.ac.ru/macro/index\\_year.php?id=6](http://www.icss.ac.ru/macro/index_year.php?id=6)
14. Обучение рынку / Под ред. С.Ю.Глазьева. М., ЗАО «Издательство «Экономика», 2004, - 639 с.
15. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н.Д.Кондратьев; Международный Фонд Кондратьева и др.; Ред. колл.: Абалкин Л.И. (пред.), и др. ; сост. Яковец Ю.В. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002 -767 с.

Савойская Елена Васильевна  
*аспирант*  
Институт экономики РАН  
г. Москва  
*alenasuprw@yandex.ru*

## СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

**Аннотация.** Осуществление концептуально-теоретических и прикладных исследований в области стратегического развития крайне актуально в данный период, так как их плоды способствуют выходу промышленности на новый виток экономического развития. Внедрение результатов научных исследований в реальный сектор экономики, который в первую очередь способен вывести экономику в новый технологический цикл, должно осуществляться с применением высоких технологий, учитывая глобальные тренды устойчивого развития.

**Ключевые слова:** устойчивое экономическое развитие, стратегия развития, эффективность хозяйственной деятельности, экономический цикл.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обоснования возможных путей обеспечения устойчивого экономического развития промышленных предприятий, являющихся двигателем социально-экономического роста страны.

Стремительные процессы глобализации и эволюции поспособствовали формированию концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, ведущую к цели коэволюции общества и природы. В рамках теории синергии концепция устойчивого развития имеет стратегический характер [14]. В данной статье показано, что трансформация стратегии предприятия обусловлена стремлением хозяйственного субъекта повышать устойчивое экономическое развитие. Проанализирована теоретическая база для адаптации бизнес-стратегии промышленных предприятий к целям устойчивого развития, провозглашенных ООН в 2015 году, которые обрели глобальный характер. Фундаментом для изучения факторов устойчивого экономического развития в данном исследовании послужит теория экономического роста [4]. Устойчивое экономическое развитие обеспечивается за счет основных мероприятий, включенных в стратегии предприятий, по повышению корпоративной ответственности и по снижению воздействия на окружающую среду для целей коэволюции природы и общества. Поэтому возникла необходимость рассмотреть теоретическую базу стратегического развития предприятия для дальнейшего определения устойчивости промышленных предприятий и исследования трансформации механизмов устойчивого развития в бизнес-стратегию.

Согласно мнению экспертов, даже глубоко продуманная и высокоэффективная концепция стратегии не может быть широко применима для всех платформ, так как теория стратегического управления не относится к области точных научных исследований. Поэтому крайне важно рассмотреть предпосылки формирования стратегий в конкретной сфере промышленности, в отраслевом и региональном разрезах. В настоящее время территориальный аспект приобретает важное значение, благодаря усилению конкурентоспособности в некоторых регионах и влияния этого фактора на экономическую устойчивость производственных объектов. Дальнейшее изучение указанного процесса будет проведено на основе концепции фирмы, что поможет осуществить анализ теоретической базы исследования приоритетных направлений устойчивого развития предприятий промышленности.

Современная концепция устойчивого развития или постоянного роста активно применялась при стратегическом планировании в промышленности в конце XX столетия, как единство экономических систем [16]. Для определения точки сопряжения стратегических

целей предприятия с целями устойчивого развития необходимо рассмотреть предпосылки формирования актуальной бизнес-стратегии.

### **1. Цикличность, как инструмент прогнозирования**

Для изучения динамики устойчивого экономического развития необходимо обратиться к теории цикличности, которая отображает нелинейность и не равномерность экономического развития. С точки зрения теории циклов производственный объект оказывается под давлением периодов устойчивости и неустойчивости макроэкономических систем. Если рассматривать воздействие циклических процессов с точки зрения эволюции устойчивого развития, то каждый новый подъем после неустойчивых колебаний в развитии отражался более качественными характеристиками устойчивости, обусловленными новыми научными открытиями или совершенствованиям механизмов преодоления кризисов. Исследованиями законов циклической динамики посвящены работы российских ученых А.А. Акаева [1], С.Ю.Глазьева [3], В.М. Бондаренко [2], Ю.В. Яковца [15], Н.Д. Кондратьева [8]. Найти решение индустриально-инновационных задач с позиции устойчивого развития вполне возможно при тщательном отслеживании реальных траекторий глобального и государственного развития, которые все более неустойчивы, но поддаются анализу посредством закономерностей циклической динамики социо-эколого-экономических систем [12]. Развитие теории экономической конъюнктуры реализуется с помощью исследований динамики, благодаря которой осуществляются анализ и прогноз в областях экономики.

Исходя из теории больших циклов экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева периоды начинаются с повышательной волны, следовательно на которой будет обеспечиваться устойчивость экономической системы вплоть до спада. С целью осуществления прогнозирования математик-кибернетик А.Акаев предлагает модель взаимодействия циклических колебаний и тренда роста, которая позволяет определить точку бифуркации потери устойчивости экономической системы [1]. Для долгосрочного прогнозирования кризисов, связанных со сменной больших кондратьевских циклов и технологических укладов, необходимо обратиться к номографической теории, раскрывающей взаимосвязь элементов. Использовать долгосрочные модели с циклами Кондратьева, длиною в 65-70 лет, целесообразно на национальном или мировом уровне. В рамках формирования модели экономического роста, инструментом проведения эффективного конъюнктурного анализа, визуализации данных для прогноза и анализа динамики устойчивого развития на микро и мезоэкономическом уровнях послужат циклы Саймона Кузнеця [23], длиною в 15 – 25 лет. Среднесрочные циклы Жюгляра генерируют базу для осуществления краткосрочных прогнозов тенденций развития динамики статистических данных потоковых и кумулятивных показателей.

Практический смысл для определения устойчивости промышленного предприятия состоит в том, что на базе количественного выражения экономической динамики, выражающегося в финансовых показателях, возможно идентифицировать предкризисное состояние или спад технологического жизненного цикла и осуществить прогноз.

Специалист в области экономической теории А. Кульман отмечал, что в поддающихся количественной оценки механизмах мультипликации используются мультипликаторы с единичным начальным импульсом и с возобновляемым импульсами, способными обеспечивать развитие [5].

Вышеперечисленные инструменты определения тенденций развития служат фундаментом прогнозирования, на котором и строится стратегия устойчивого экономического развития.

### **2. Концепции формирования стратегии развития предприятия**

Библиографический анализ показал, что стратегия – это «чувствительный», постоянно совершенствующийся и адаптирующийся к конкретной рыночной среде, направленный на развитие процесс.

Закономерностью также является необходимость трансформации стратегии компании при условии расширения бизнеса. Эдит Пентроуз аргументировала указанную гипотезу в труде в 1959 году [20]. Так, в результате анализа периодов адаптации компаний к условиям быстроразвивающегося окружающего пространства наблюдалось совершенствование стратегии развития организаций.

Систематизацию информации трудов ученых, занимающихся областью стратегического менеджмента, провел В.С. Катькало [7].

Основоположниками подхода к формированию корпоративной стратегии были И. Ансофф [17], П.Друкер [21], Г.Минцберг [10], А. Чандлер [19], К. Эндрюс [18], и другие экономисты, разрабатывающие концепции стратегического менеджмента с начала 1960-х годов.

Экономисты определяли организацию процесса планирования как логически обоснованные нормы и правила, руководствоваться которым необходимо последовательно, в соответствии с намеченным планом менеджмента компании [13]. Ядром концепции указанного подхода является информация, подталкивающая руководство компании к выбору определенного пути стратегического развития.

В первой половине 60 годов на модель организационного поведения и процессов принятия решений повлияла теория ограниченной рациональности, основные положения которой представлены в трудах лауреата Нобелевской премии Г.А. Саймона [23]. Лауреат Нобелевской премии 1987 года за достижения в области теории экономического роста Р.М. Солоу, осуществил прорыв в направлении по стимулированию инвестиций, а также представил неоклассическую модель долгосрочного экономического роста [24]. Развитие динамики инвестиционной деятельности в отраслевом разрезе анализировал выдающийся экономист С.С. Кузнец, методики исчисления различных показателей, включая национальный продукт и доход, используются в настоящее время [23]. Понятие «стратегическое управление» было введено в 1972 году Д. Шенделом и К.Хаттенном, позже разграничив это понятие на направления стратегического планирования и политику ведения бизнеса [25]. До этого момента отсутствие соответствующей терминологии, не мешало менеджерам определять направление при управлении компаниями и формировать внутренний каркас, не уделяя особого внимания воздействию на окружающую среду [22].

Процесс поступательной трансформации стратегического планирования в стратегический менеджмент можно охарактеризовать как становление научной дисциплины, которая базировались на концепции стратегического управления, предусматривая эффективность стратегий. Но не смотря на попытки управляющего звена зондировать внешнюю среду фирмы, концепция конкурентной стратегии М.Потера не сравнимы ни с одним ранее предложенным концептом. К 1980 году усилилось влияние анализа конкурентной среды на концептуальную основу формирования стратегии. Предложенное М.Портером видение о необходимости изучения конкурентных преимуществ в отраслевом разрезе повлияло на выбор нового предмета исследования — стратегий [11].

Фундаментальное переосмысление тенденций развития стратегического менеджмента с 1980-х гг. до начала 1990-х гг. повлекло кардинальное изменение концепций его развития. Особенности ведения бизнеса основывались на достижении максимального экономического эффекта, при этом все больше влияния оказывала идеология школы управления качеством предлагаемых продуктов и услуг, а также не финансовым показателям эффективной деятельности компании [7].

### **3. Стратегические приоритеты промышленных предприятий**

В данный период осуществилась интеграция Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), принятых 25 сентября 2015 года, в государственную политику, нормативно-правовые акты и корпоративные стратегии [26]. Анализ новых семнадцати глобальных целей продемонстрировал, что более половины из них интегрировались в бизнес-стратегию и реализуются промышленными предприятиями (например производителей минеральных удобрений), на уровне основного звена экономики страны – компании.



Более того, с каждым годом усиливается интеграция корпоративной социальной ответственности, экологическое и экономическое обеспечение целей устойчивого развития ООН в бизнес-стратегию компании.

Таблица 1

Анализ ЦУР ООН 169

№ п/п, цель	Интенсивная интеграция в бизнес-стратегию	Формы реализации компании
Цель 1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.	+	Осуществление деятельности в благотворительных и спонсорских сферах.
Цель 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.	+	Расширение производственных мощностей для удовлетворения спроса на продукцию. Одна из важнейших задач обеспечение продовольственной безопасности.
Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.		Внедрение социальных программ по здравоохранению.
Цель 4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.	+	Обучение сотрудников, повышение квалификаций. Спонсорство образовательных программ.
Цель 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.		Равные права сотрудников женщин с мужчинами в продвижении по карьерной лестнице.
Цель 6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех.	+	Осуществление производственно-хозяйственной деятельности предприятий, согласно с требованиями водного законодательства.
Цель 7. Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.		
Цель 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.	+	Большинство предприятий градообразующих, обеспечивают достойным трудом целые города.
Цель 9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям.	+	Переход на принципы наилучших доступных технологий.
Цель 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними.		

Цель 11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов.		Внедрение программ по минимизации воздействия на окружающую среду. Проведение субботников и прочих программ, повышающих экологическую устойчивость окружающей среды.
Цель 12. Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства.	+	Рациональное использование ресурсов.
Цель 13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.	+	Осуществление деятельности в рамках основных международных договоров в сфере охраны окружающей среды.
Цель 14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.	+	Осуществление деятельности в рамках основных международных договоров в сфере охраны окружающей среды.
Цель 15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия.	+	Основная цель применения минеральных удобрений – восстановление плодородия почвы, поэтому компании осуществляют максимальную интеграцию рассматриваемой цели.
Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.		
Цель 17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития.		Осуществление взаимодействия с участниками мирового рынка минеральных удобрений.

*Источник: составлено автором на основе данных [26].*

Анализ данных предприятий продемонстрировал непрерывное совершенствование стратегии устойчивого развития, положения которой направлены на улучшение и повышение уровня социальной ответственности, охрану труда и обеспечения безопасности сотрудников, снижение нагрузки на окружающую среду, а также улучшение экономических результатов производственно-хозяйственной деятельности, наряду с совершенствованием качества продукции [27].

Промышленность по производству минеральных удобрений за последних пол века развивалась стремительными темпами, уверенно опережая другие направления в национальном производственно-хозяйственном комплексе. Глобальный рынок ежегодно демонстрировал около 7% уверенного роста [27]. Как на мировом, так и на отечественном рынке химическая продукция все больше вовлекалась в различные сектора экономики. И в

современных условиях жизнедеятельности доля химического комплекса в ВВП увеличивается, что обусловлено ростом объемов использования химической продукции в смежных отраслях экономики.

Анализ отечественного опыта реализации отраслевой стратегии развития предприятий по производству минеральных удобрений продемонстрировал, что предприятия реализуют долгосрочную стратегию развития на базе емкой инвестиционной программы за счет собственных и заемных средств. Вместе с этим, компании нацелены на завоевание приоритетных сегментов рынка, при этом задействуют самые перспективные точки роста прибыли. Ключевая роль в этом процессе приходится на потребность рынка.

Однако без прогнозирования, на фоне сохранения стабильности функционирования производственно-хозяйственной деятельности, теряется возможность прорывного скачка социально-экономического развития и повышения производственно-экономической устойчивости.

В условиях глобализации, ускоренной трансформации экономических отношений современной реальности возникают существенные риски без четкого видения будущего. В этой связи теория цикличности сможет определить вектор развития быстроменяющейся конъюнктуры мирового рынка (рис.1).

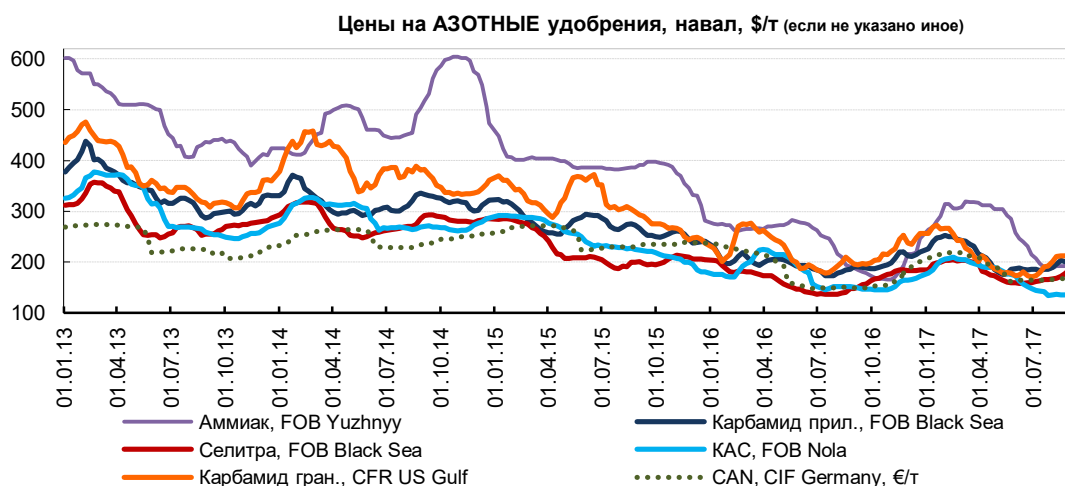


Рисунок 1 – Индикативные цены на минеральные удобрения  
Источник: составлено автором на основе данных [27].

Следовательно, для решения задач обеспечения устойчивого экономического роста промышленности производства минеральных удобрений необходимо использовать базовые инструменты прогнозирования, а на основе их показателей ставить новые цели и формировать декомпозицию основных целей, которые укажут вектор стратегии устойчивого развития предприятия на базе высокотехнологичной и инновационной модели трансформации.

#### **Заключение**

В данной статье рассмотрена сущность и виды стратегических направлений устойчивого экономического развития предприятий промышленности на примере производства минеральных удобрений. Очевидно, что вектор стратегических решений предприятий производителей минеральных удобрений направлен на повышение устойчивого развития, адаптируя задачи Повестки-2030 ООН в бизнес-стратегию, выдвигая новые условия экономической устойчивости. Анализ работы предприятий производителей минеральных удобрений за последние 10 лет выявил интеграцию целей устойчивого развития в бизнес-стратегию, что позволяет отечественной промышленности производить высокотехнологичные продукты, обретать стойкость в конкурентной борьбе, открывать

просторы для расширения позиций по освоению перспективных рынков, совершенствуя принципы природопользования и обеспечения экологичности производства.

### Литература:

1. Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Экономические циклы и экономический рост. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011. – 456 с.
2. Бондаренко В.М. Теория больших циклов и кризисов Н.Д. Кондратьева. Возможности ее использования для разработки стратегии развития России, ее экономического роста и структурной перестройки. *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2017, № 9.
3. Глазьев С.Ю. 2012. Современная теория длинных волн в развитии экономики. *Экономическая наука современной России* 2: 27-42.
4. Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М.: Изд-во МГУ, 1991.
5. Зубченко Л.А. Кульман А. Экономические механизмы / Пер. с фр. Островской Е.П.; Общ. ред. Хрусталева Н.И. – М.: Прогресс, 1993. – 189 с.
6. Катькало В.С. Исходные концепции стратегического управления и их современная оценка. *Российский журнал менеджмента*. №1, 2003. С. 7-30.
7. Катькало В.С. Эволюция теории стратегического управления: монография / В. С. Катькало. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. Дом С.-Петербург. гос. Ун-та, 2008. – 548 с.
8. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. / Сост. Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
9. Кондратьевские волны: Циклическая динамика в прошлом и настоящем: ежегодник / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В.Коротаев. – Волгоград: Учитель, 2016. – 256 с.
10. Минцберг Г., Куинн Д.Б., Гошал С. — Стратегический процесс концепции, проблемы, решения. Год выпуска: 1998.
11. Портер М.Е. 2005а. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. Пер. С англ. М.: Альпина Бизнес Букс.
12. Спицын А.Т. Новая индустриализация экономики и перспективы реализации Евразийской интеграции, трансконтинентальных мегапроектов XXI века / А.Т.Спицын. – Москва: Проспект, 2016. с. 20.
13. Стратегический менеджмент / Под ред. Петрова А. Н. — СПб., 2005. — 496 с.
14. Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. Доклад Ялтинского цивилизационного клуба. Второе издание, переработанное и дополненное. Научные редакторы: Ю.В. Яковец, А.А. Акаев. Редактор: Е.Е. Растворцев. Москва: МИСК, 2018.
15. Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций. – М.: МИСК – ИНЭС, 2017. – 374 с.
16. Яруллина Г.Р. Методология обеспечения устойчивого развития промышленного предприятия. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 357 с.
17. Ansoff H.I. Corporate Strategy: An Analytical Approach to Business Policy for Growth and Expansion. – N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1965.
18. Andrews K.R. The Concept of Corporate Strategy. – Homewood (Ill.): Dow, Jones-Irwin, 1971. – 245 p.
19. Chandler A.D. Strategy and Structure: A Chapter in the History of Industrial Enterprises. – Cambridge; Mass: MIT Press, 1962. – 724 p.
20. Penrose E. History, the Social Sciences and Economic ‘Theory’, with Special Reference to Multinational Enterprise // Historical Studies in International Corporate Business / A. Teichova, M. Levy-Leboyer, and H. Nussbaum. – Cambridge: University Press, 1989. Pp. 7–13.

21. Drucker, P.F. Management Challenges for the 21th Century / P.F.Drucker. - [Repr.]. – Oxford [etc.]: Butterworth – Heinemann, 2003. – 205 p.
22. Hofer C.W., Schendel D. Strategy Formulation: Analytical Concepts. – West Publishing Company: St.Paul, MN, 1978. – 488 p.
23. Simon Kuznets. Modern Economic Growth: Findings and Reflections. Nobel lecture delivered in Stockholm, Sweden, December 1971.
24. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // The Review of Economics and Statistics. 1957, August, Vol. 39, No. 3. Pp. 312–320.
25. Schendel D.E., Hatten K.J.. Business Policy or Strategic Management: A Broader View for an Emerging Discipline. Academy of Management Proceedings, 1972. Pp. 99–102.
26. ООН в Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://www.unrussia.ru/ru/un-in-russia/news/2015-08-03>.
27. Российская ассоциация производителей удобрений [Электронный ресурс] // URL: <http://rapu-fertilizer.ru>.

**Симонян Ренальд Хикарович**

*доктор социологических наук, профессор*

*Институт экономики РАН*

*г. Москва*

*[sim@isras.ru](mailto:sim@isras.ru)*

## **ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 1990-х ГОДОВ**

*При поддержке РФФИ грант 16-06-00125*

**Аннотация.** Экономические реформы 1990-х годов поставили страну в тяжёлое положение во всех сферах общественной жизни: социальной, экономической, демографической, политической, правовой, и, самое главное, морально-психологической, так как при падении морали невозможно добиться высоких результатов во всех остальных сферах общества. Дальний Восток России испытал наибольшую деривацию в результате реформ. В статье анализируются экономические и демографические результаты реформ для дальневосточного региона России.

**Ключевые слова:** Дальневосточный регион, результаты реформ 1990-х гг.

Дальний Восток – это почти треть нашей территории, 6,7 млн км<sup>2</sup>, и среди двух сотен государств мира есть только шесть (в т.ч. Россия), у которых площадь больше. Регион обладает гигантскими природными ресурсами планетарного масштаба. Так, извлекаемые запасы природного газа здесь оцениваются примерно в 3 трлн м<sup>3</sup>, в том числе на шельфе – 1,3 трлн м<sup>3</sup>, а нефти – около 1,3 млрд т (на шельфе – 680 млн т). Огромны запасы угля, железной руды, свинца, меди, алмазов, золота, серебра. Запасы плавленого шпата, ртути, бора, сурьмы и олова составляют более чем 95% всех запасов российского государства. Территория дальневосточного региона богата древесным сырьем. В южной части располагаются массивы очень дорогостоящих хвойных пород, в том числе и кедр. В уссурийской тайге растут уникальные породы дерева – маньчжурский орех и амурский бархат, представляющую собой самую ценную в мире древесину. Дальневосточный рыболовный флот поставляет России почти две трети ее морского улова. Если прибавить к Дальнему Востоку Забайкалье, как это часто делают эксперты, то на эту часть России придется почти половина потенциальных гидроэнергетических ресурсов страны, из которых две трети пригодны для получения электроэнергии, причем 99% этих ресурсов еще ждут своего освоения.

Дальний Восток обеспечивает геополитическому положению России трансконтинентальный характер и делает непосредственными соседями России такие крупнейшие государства АТР, как Китай и Япония. Поэтому российское государство издавна стремилось осваивать этот регион, привлекать сюда людей, строить промышленные предприятия, возводить новые города, создавать транспортную инфраструктуру, словом, заботится о его развитии. Процессы экономической дезинтеграции, охватившие страну с начала экономических реформ 1990-х гг. прервали этот процесс. Обвальное сокращение поставок материальных ресурсов из центра ощущалось в регионе гораздо в большей мере, нежели в других российских субъектах. Дезинтеграция единого экономического пространства, сбой и остановка работы целых промышленных комплексов, увеличивающаяся стоимость железнодорожных и авиационных перевозок, постоянно растущие энергетические тарифы, неплатежи и другие сопутствующие им отрицательные факторы, дополненные общим политическим хаосом в стране, способствовали глубокому спаду производства в регионе.

Столь необходимое для Дальнего Востока, где сосредоточены капиталоемкие добывающие отрасли, требующие значительных инвестиций, централизованное финансирование практически прекратилось. Экономические реформы для Дальнего Востока – это, прежде всего, развал инвестиционной сферы. Так, в период 1990-х гг. доля государственной финансовой поддержки составила лишь 10,2 % от утверждённой суммы. За первые пять лет реформ – с 1992 по 1996 гг. – промышленный потенциал Дальнего Востока по сравнению с 1991 г. уменьшился в 2 раза (на 49,7 % , в целом по России на 38,1%), объем валовых инвестиций снизился на 73,4% (по России на 66,8 %). Численность населения сократилась на 12,4 % [3, С.5.]. Разрушение крупных объектов промышленности, которые доминировали в регионе (Амуркабель, Дальдизель, Электроаппарат, Амурэлектроприбор и др.), способствовало появлению безработицы, особенно среди наиболее квалифицированной части персонала. Население в массовом порядке стало покидать Дальний Восток. Причем уезжают самые молодые и образованные [2]. Если в 1992 г. покинуло регион 8,4 тыс. чел., то в 1993 г. в более благоприятные районы проживания переселилось 67,6 тыс. человек. С этого восьмикратного взрыва можно вести отсчет демографических последствий реформации для Дальнего Востока.

Монопольно высокие тарифы на продукцию топливно-энергетического комплекса, не обновляющееся техническое оснащение, высокая себестоимость – все это не позволило сырьевым отраслям Дальнего Востока (угольной, горнорудной, лесной) выйти на международные рынки. Даже такая ранее благополучная отрасль, как рыбная, оказалась на грани банкротства. Непродуманная государственная политика в отношении этой отрасли от передачи США права на добычу рыбы в районе Берингова моря и Тихого океана до криминальной приватизации и распродажи рыболовного флота привела к масштабным экономическим потерям. После реформ лишь небольшая часть добываемой рыбаками рыбы и морепродуктов стала доступна для отечественного потребителя, основной улов за бесценок оправляется на перерабатывающие предприятия Японии и Южной Кореи. Помимо криминальной составляющей это связано с тем, что в условиях резкого сокращения централизованного финансирования экономического развития Дальнего Востока, а также колоссального роста транспортных издержек и, следовательно, снижения конкурентоспособности дальневосточной продукции на внутреннем рынке страны, внешняя торговля превратилась в способ выживания региона. Если до экономических реформ регион вывозил 86% продукции машиностроения, сырья, полуфабрикатов, то к концу 1990-х гг. из общего объема произведенной продукции 72% потребляется внутри региона, около 15% экспортировалось и лишь около 13% вывозилось на внутренний рынок

Но наиболее тяжелый удар пришелся по машиностроению, черной металлургии, легкой промышленности, производству строительных материалов, доля которых в стоимости промышленной продукции снизилась с 30,7% до 13,5%. Разрушение промышленности и сокращение рабочих мест усиливали отток трудовых ресурсов. По данным Росстата, только в

2014 году регион покинуло более 265 тысяч человек, что сопоставимо с населением Калмыкии. Помимо деиндустриализации еще одной причиной оттока населения с Дальнего Востока было стремление защитить свои имущественные права в новых государствах – прежние гарантии сохранения за выезжавшими на Дальний Восток права на жилье в «родных» районах были автоматически утрачены выходцами из бывших союзных республик (Украина, Белоруссия, Молдавия и др.) В условиях «лихих 1990-х» у населения была утрачена и уверенность в том, что доходы, полученные на Дальнем Востоке, являются гарантией накоплений для будущей жизни. Ранее именно эта гарантия, а даже не текущий уровень номинальных доходов регулировал во многом миграционное поведение населения в регионах, поставлявших трудовые ресурсы для Дальнего Востока [7].

Промышленный комплекс региона продолжал сжиматься вплоть до финансово-экономического кризиса 1998 г., падение было самым глубоким среди всех экономических районов РФ и составило к 1999 г. около 56% от уровня 1990 г. В советский период население региона было сравнительно молодым и отличалось низким уровнем смертности. Коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке всегда был выше, чем по стране в целом: в 1980 г. – 18,4 против 15,9; 1985 г. – 18,5 и 16,6; 1990 г. – 15,7 и 13,4; 1992 г. – 11,9 и 10,7, а смертность была ниже: в 1980 г. – 11,0 и 8,8; в 1991 г. – 11,2 и 8,5; в 1992 г. – 12,3 и 9,6. [4, С.374]. Директор Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН академик П.А.Минакер в своей монографии предложил убедительный образ деятельности российских реформаторов: «В 1992–1994 годах экономика России, а вместе с ней и экономика Дальнего Востока напоминали смертельно больного человека, на излечение которого бессмысленно тратить деньги...» [4, С.388]. Этот образ подчёркивает резкий контраст с результатами реформ соседнего Китая, в которых начатые Дэн Сяопином в 1978 г. уже к 1981 г. дали существенные для населения положительные результаты. Жители Дальнего Востока были очевидцами того, как соседняя страна, разорённая 15-летием «Большого скачка» и «Культурной революции», где были уничтожены инженерно-технические кадры, а в течение десяти лет были закрыты вузы, где от голода, по данным китайской официальной статистики, погибло более 60 млн. чел., уже в 1982 г. продавала нам излишки продовольствия. Поэтому региональное сознание дальневосточников отличается от общественного сознания России в целом, так как реформы Дэн Сяопина и Ельцина – Гайдара проходили на глазах одного поколения дальневосточников. Психологическая травма, пережитая населением Дальнего Востока в 1990-х гг., во многом определяет общественную атмосферу региона, в том числе и на миграционные установки [6].

С начала реформ смертность населения на Дальнем Востоке стала расти темпами, опережающими аналогичные показатели по России, а с 1993 г. стала превышать рождаемость. В 1993–2003 гг. смертность в России выросла на 13,5%, а на Дальнем Востоке – на 26,3% [5, С.53]. Рост смертности на фоне падения рождаемости представляет собой концентрированное выражение деградации общества. Ещё недавно, на рубеже 1990-х гг. по показателю смертности Россия находилась на среднеевропейском уровне (11,2%), а на Дальнем Востоке даже ещё ниже (8,2 %), [1, С.65]. Экономические реформы 1990-х наибольший урон Дальнему Востоку нанесли в демографии, ибо экономика, как и другие сферы, не может развиваться на безлюдье. Своего пика численность дальневосточников достигла в 1991 г. – 8,1 млн. чел.<sup>44</sup> – последний дореформенный год и с тех пор она неуклонно снижается. Неолиберальная экономическая модель, запущенная в 1990-х гг., продолжает действовать. По данным Росстата население ДВО в 2018 г. составило 6,1 млн. чел., т.е. за пореформенный период Дальний Восток потерял четверть населения – более двух миллионов человек. По прогнозу Росстата, число жителей Дальнего Востока к 2025 г. уменьшится до 5,7 млн. человек. А к 2050 г., при неизменности демографической ситуации, на территории федерального округа будут жить только 4 млн. граждан. Эти прогнозы вполне соответствуют задачам нынешней номенклатуры по созданию городских агломераций, что

<sup>44</sup> По прогнозам Госкомстата в 2000 г. население Дальнего Востока должно было достигнуть 9,3 млн. чел.

декларируется, например, в многократных высказываниях мэра Москвы С.Собянина о необходимости довести численность населения Москвы («Большой Москвы») до 30 млн чел. Очередное заявление о необходимости переселения 15 млн «лишних людей» российской глубинки в мегаполисы было сделано 24 ноября 2017 г. на Общегражданском форуме: «Развитие агломераций приводит к развитию конкуренции и укреплению обороноспособности страны, а Россия всегда находилась под ударом, и сегодня под ударом, пусть и не в военном смысле» [8]. «Лишние люди» при наших необозримых просторах – это весьма опасный концепт для территориальной целостности страны.

В некотором смысле Россия на своих тихоокеанских рубежах оказалась в том же положении, что и 200 лет назад, когда движение на восток, присоединение новых земель по Амуру и Уссури представлялись как новые возможности экономического развития всей страны. Европейский рынок по-прежнему был основным, но возможности экстенсивного наращивания экспортных доходов оказались исчерпаны при очевидной неготовности России использовать структурную и технологическую модернизацию для интенсификации изъятия внешнеторговой ренты. Сырье оставалось единственной структурной нишей для извлечения этой ренты. Продолжение курса на экстенсивное развитие за счет внешнего фактора объективно потребовало поиска новой пространственной ниши. Таким новым экономическим пространством для России стала представляться Восточная Азия, в том числе Китай.

К 1995 г. очевидными стали системные проблемы, грозившие не просто ухудшением социально-экономической ситуации, но и блокировкой имеющихся возможностей по ее улучшению – дефицит энергетических ресурсов, истощение сырьевых баз отраслей специализации, чрезмерные для многих производств транспортные тарифы, прогрессирующее снижение реальных доходов населения, усиление локализации экономического оборота в границах региона. Иностраннные инвестиции, на которые возлагались большие надежды, не оправдали ожиданий. За 1988-1993 гг. число совместных предприятий в регионе достигло 633 единиц, увеличившись в 1,9 раза, в основном за счет производств с китайским капиталом. Они создавались в расчете на спекулятивную прибыль в связи с либерализацией внешнеторговых операций в России и легкого доступа к сырьевым ресурсам в регионе. В 1993 г. лишь 37% этих предприятий реально функционировали или хотя бы оплатили часть уставного капитала. Надежды на появление крупных инвестиционных проектов, подобных компенсационным соглашениям в 1960-1970-х годах, не оправдались. Сказалась негативная общеэкономическая и финансовая конъюнктура в российской экономике, в которой доходы от внешней торговли являлись практически единственным привлекательным аргументом для инвестирования. Но и этот аргумент существенно ослаблялся из-за чрезвычайно громоздкой и невыгодной для инвесторов системы конвертации валюты. Внутренние инвестиции сокращались даже быстрее, чем объем выпуска продукции. К началу финансового кризиса 2014 г. объем инвестиций в основной капитал составлял не более 25% от уровня 1990 г.

Потеря внутреннего рынка и действие ряда удорожающих факторов запустили механизм эндогенной адаптации экономики региона. Во-первых, усилился комплекс добывающих отраслей, во-вторых, произошла переориентация с внутреннего на внешние рынки сбыта. Только за 1992 г. объем внешнеторгового оборота увеличился вдвое по сравнению с 1991 г. Сформировалась примитивная модель региональной экономики: увеличение инвестиций в основной капитал – прирост экспорта и валового выпуска. В 1999-2015 гг. каждый процентный пункт прироста инвестиций в основной капитал вызывал прирост объемов экспорта в размере 3,3 п. п., но только 0,35 п. п. прироста валового регионального продукта. Тем не менее, существуют опасения за судьбу Дальнего Востока, в основе которых лежат три фактора. Во-первых, регион тяжело пережил годы перестройки и реформ и впал в затяжной социально-экономический кризис. В советское время хозяйство региона во многом строилось исходя из геостратегических целей, рабочую силу завлекали сюда повышенной зарплатой и множеством льгот, а потери от перевозок пассажиров и



грузов на сверхдальние расстояния, в западные и южные регионы СССР, покрывались особой системой льготных тарифов. Неудивительно, что переход на рыночные отношения проходил особенно болезненно. Многие дальневосточные предприятия, в том числе головные для ряда городов, оказались нерентабельными, их персонал лишился работы. Началась массовая миграция россиян из региона. К 2005 г. из него уехало 16% жителей, имевшихся здесь в 1990 г. И без того малочисленное (особенно на фоне гигантской территории) население таяло на глазах, и складывалось впечатление, что недалек тот год, когда российский Дальний Восток вообще опустеет. Во-вторых, тревожит социально-экономическое положение населения, рост бедных слоев [7]. Дальний Восток – самый молодой регион нашей страны, его первый город – Хабаровск отметил свое 150-летие в 2008 г. (для сравнения можно напомнить, что сибирская Тюмень была основана на 300 лет раньше, в 1586 г.). Общественная жизнь здесь еще не устоялась, в ней много черт, типичных для новоосвоенных районов с их «пионерным» бытом. Наконец, в-третьих, Дальний Восток стал выглядеть самой неустойчивой частью России – и не только потому, что он «Дальний». Сверхдальние расстояния между ним и основной частью страны сыграли фатальную роль в развитии связей региона с остальной Россией. Доля транспортных услуг в ВРП региона сейчас примерно вдвое выше, чем в среднем по России. На экспорт идет в 6 (!) раз больше продукции, чем в остальную Россию. Невольно создается впечатление, что Дальний Восток начинает «вываливаться» из российского экономического пространства и все более втягиваться в орбиту экономик мощных соседних государств. Из отдаленного тупика межрегиональных связей, каким был Дальний Восток, регион стал распахнутыми воротами России в Азиатско-Тихоокеанский регион мира.

Необходимо подчеркнуть, что с первых лет реформ эти ворота стали активно использовать для теневого бизнеса. Прежде всего, для контрабанды, притом в размерах, не только сопоставимых, но и в ряде случаев многократно превышающих статистические показатели официальной внешней торговли. Широко известно, что дальневосточные рыболовы сплошь и рядом отгружали и отгружают улов прямо из моря в японские порты, а взамен берут на борт подержанные японские автомобили для сбыта на родине. Недаром Япония фиксирует импорт рыбы из России в количестве, которое в 2,5-3,0 раза превышает данные российской таможни. До недавнего времени такие же статистические казусы происходили и с экспортом леса из России в Китай. Все это служило важным дополнительным источником дохода для жителей, притом не только для непосредственных участников этой незаконной деятельности. Разумеется, такая широкая контрабанда питает рост преступности, прежде всего, коррупцию бюрократического аппарата, отравляет социально-психологическую атмосферу региона.

Масштабная криминализация Дальнего Востока – ещё один результат экономических реформ 1990-х гг. Теневая экономика существует во всех регионах страны, но есть веские основания считать, что именно на Дальнем Востоке она не только чрезмерно велика, но, что еще опаснее, характеризуется тесным сращиванием криминалитета и государственных чиновников. Эта особенность во многом связана с географическим положением: широким выходом региона к океану и границам, за которыми расположены богатые, динамично развивающиеся государства и громадные рынки, что открывает перед теневой экономической деятельностью самые широкие возможности.

#### **Список литературы:**

1. Ковалевская Ю.Н. Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения /Ойкумена, 2011, № 4. С.63-70.
2. Леонов А.К., Долгополова О.В. Образы желаемого будущего в массовом сознании населения города и рабочего поселка в приграничном регионе // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 82. С.32-44.
3. Минакир П.А. Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока Забайкалья / Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2002. № 2. С.3-18.

4. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М. Экономика. 2006.
5. Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народоноселение. 2016. № 1. С.25-33.
6. Симонян Р.Х. Травматический опыт 1990-х как урок для российского общества // Россия и современный мир. 2014. № 4 (85). С.108-124.
7. Халикова С.С. Оценка уровня бедности населения Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С.9-17.
8. <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc>

**Смелик Надежда Леонидовна**  
*кандидат сельскохозяйственных наук*  
*доцент кафедры вычислительной техники и информационного обеспечения АПК*  
*Санкт-Петербургский государственный аграрный университет*  
*г. Санкт-Петербург*  
*smeliknl@mail.ru*

## ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СДВИГИ В МАТЕРИАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

**Аннотация.** Сдвиги в материальном производстве носят пространственный характер, в силу реализации на различных уровнях. Выделены три группы закономерностей сдвигов в национальном материальном производстве в периоды спада пятой и начала шестой К-волны. Первая группа закономерностей связана с изменением средней скорости сдвигов как в материальном производстве, так и в его факторах. Для фазы роста шестой К-волны характерно снижение средней скорости сдвигов в эндогенных факторах материального производства – в структуре инвестиций в основной капитал РФ по отраслям производства и услуг, а также в структуре инвестиций в основной капитал сельского хозяйства РФ по источникам финансирования. При этом средняя скорость сдвигов в посевных площадях зерновых по категориям хозяйств и в продукции сельского хозяйства РФ по отраслям возрастает. Вторая группа закономерностей связана с установлением соотношения К-волны и циклов Кузнеця и Жюгляра, выделенных на основе скорости сдвигов. Длинные циклы реализуются для скорости сдвигов в продукции сельского хозяйства РФ по отраслям (цикл Кузнеця – 17-лет) и в производстве минеральных удобрений РФ по видам (цикл Кузнеця – 21 год). Среднесрочный инвестиционный цикл (три ритма цикла Жюгляра – 11-летний за 1991-2002 г., 10-летний за 2002-2012 гг., с 2012 г. по настоящее время) выделен для скорости сдвигов в инвестициях в основной капитал РФ по отраслям производства и услуг. Третья группа закономерностей связана с наличием транспозиционного сдвига как смены преобладающей доли в составе целого. В период смены фаз длинных волн не претерпела изменений структура производства минеральных удобрений РФ по видам, в которой преобладает доля азотных удобрений.

**Ключевые слова:** сдвиг, материальное производство, цикл, К- волна

Материальное производство реализуется на основе факторов – труд, инвестиции и земля [1]. Изменение уровня экономического роста часто исследуется в рамках изменения уровня материального производства и его факторов (уровень производительности труда, капиталовложений и др.). При этом изменение уровня обусловлено сдвигами внутри параметра. Так, объективным внешним условием функционирования экономик с 70-х годов XX века становится сдвиг в сторону преобладания сферы услуг над реальным производством [5]. Преобладание сферы услуг над реальным сектором, во-первых, связано со сдвигом внутри самого сектора услуг. Так, преобладающая доля в транзакционном секторе приходится на кредитно-финансовую сферу [2]. Во-вторых, реализован сдвиг внутри финансовых отношений, при котором реальная стоимость заменяется фиктивной,

виртуальной [2]. В-третьих, проявлением преобладания сферы услуг над реальным сектором считается рост уровня кредитования [2, С.262]. Сдвиг в сторону преобладания сферы услуг над реальным сектором совпадает по времени с интенсивным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, что, в числе других факторов, ведет к преобразованию экономик в “экономике услуг” [7, С.155]. В четвертых, осуществляется переход к шестому технологическому укладу, что расширяет многообразие укладов [4]. Тогда изменения в соотношении существующих технологических укладов в рамках национальной экономики представляет собой сдвиг. Таким образом, важнейшими факторами глобального уровня являются сдвиги. При этом длинные волны Кондратьева представляют собой изменения уровня (конъюнктуры) [6]. Становится актуальным изучение взаимодействия изменений различных форм – уровня и сдвигов.

Период 1990-2015 гг. приходится на спад пятой и начало шестой длинной волны, которые соответствуют V и VI технологическому укладу [3]. Является актуальным определение закономерностей влияния K-волны на макроуровне в рамках национального материального производства.

Согласно С.Ю. Глазьеву, несущими отраслями как пятого, так и шестого технологического уклада остаются сельское хозяйство (особенно, растениеводство), химическая промышленность и сфера услуг [3]. Эмпирическая база исследования составлена динамическими рядами рассчитанных по квадратическим коэффициентам абсолютных структурных сдвигов (скорость сдвигов) (за период 1990-2015 гг.) в высокоагрегированных объемных экономических показателях РФ макро- и мезоуровня. Сдвиги оценивали средними показателями квадратических коэффициентов абсолютных структурных сдвигов в период спада пятой волны (1990-2009 гг.) и начала роста шестой K-волны (2010-2015 гг.).

На макроуровне материальное производство в начале шестой волны (2010-2015 гг.) в сравнении с фазой спада пятой волны (1990-2009 гг.) характеризуется особенностями, связанными со скоростью сдвигов, с цикличностью и качественными изменениями в структуре агрегатных параметров.

Различие в среднегодовой скорости сдвигов в материальном производстве и его факторах отмечено для разных фаз K-волны (рис.).

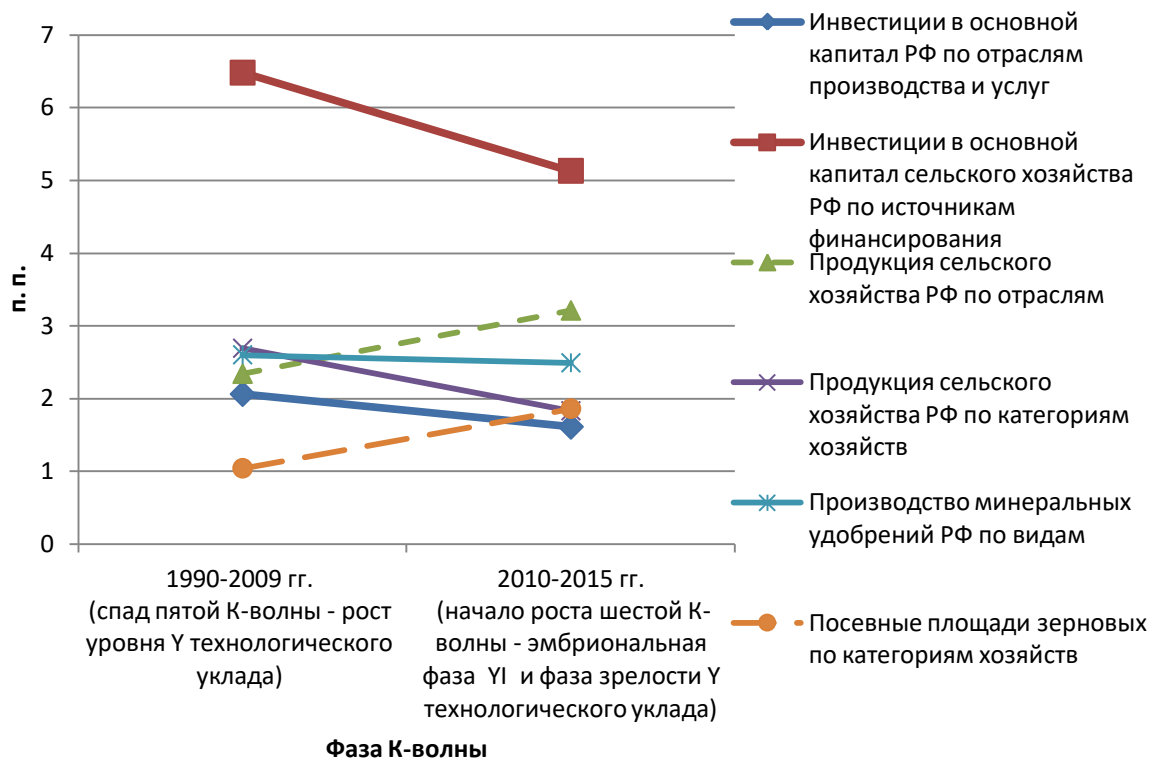


Рисунок – Средняя скорость сдвигов ( $\delta$ ) в материальном производстве и его факторах на макроуровне в период смены фаз К-волны

Так, снижается средняя скорость сдвигов в эндогенных факторах макроуровня, а именно, в структуре инвестиций в основной капитал РФ по отраслям производства и услуг (на 22 %) и в структуре инвестиций в основной капитал сельского хозяйства РФ по источникам финансирования (на 21 %).

Снижение скорости сдвигов в капиталовложениях координируется снижением средней скорости сдвигов в структуре сельскохозяйственных угодий РФ (на 54 %) и в продукции сельского хозяйства РФ (на 32%) по категориям хозяйств. Незначительно снижается средняя скорость сдвигов в производстве минеральных удобрений РФ по видам (на 5 %). Однако увеличивается средняя скорость сдвигов в продукции сельского хозяйства РФ по отраслям (на 37 %) и в посевных площадях зерновых по категориям хозяйств (на 79%).

На мезоуровне материальное производство в фазу начала шестой К-волны характеризуется снижением средней скорости сдвигов по категориям хозяйств в продукции растениеводства (на 59%), животноводства (на 21%), в валовом сборе зерна (на 10 %), картофеля (на 38 %), овощей (на 66%). При этом в наибольшей степени снижение средней скорости сдвигов характерно для отраслевой структуры продукции ЛПХ (на 44%), а наименьшее – для СХО (на 15%).

На основе скорости сдвигов на макроуровне установлены циклы Кузнеця и Жюгляра. Для скорости сдвигов в продукции сельского хозяйства РФ по отраслям выделены 17-летний длинный цикл (Кузнеця) с 1991-2007 гг., а для скорости сдвигов в производстве минеральных удобрений РФ по видам – один длинный цикл (Кузнеця – 21 год) за период 1991-2011 г. Для скорости сдвигов в инвестициях в основной капитал РФ по отраслям производства и услуг выделен среднесрочный инвестиционный цикл (Жюгляра), который реализует три ритма – 11-летний за 1991-2002 г., 10-летний за 2002-2012 гг., с 2012 г. по настоящее время. Для скорости сдвигов в структуре сельскохозяйственных угодий РФ по видам выделен среднесрочный агропромышленный цикл (Жюгляра) с периодом 7 – 9 лет. За

рассматриваемый период реализовано 4 ритма данного цикла – 1991–1997 гг., 1997–2005 гг., 2005–2011 гг., с 2011 г. по настоящее время.

Известно, что каждая фаза кондратьевской волны длится 20–30 лет, в которую укладывается от двух до четырех среднесрочных жюглярских циклов [8]. В среднем, в одну кондратьевскую волну (40–60 лет) вмещается 4–6 циклов (7–11-летних) Жюгяра. Кроме того, в длинные волны встраиваются более короткие (20–30-летние) ритмы С. Кузнецца. Таким образом, выделенные циклы Жюгяра и Кузнецца на основе скорости сдвигов также могут быть соотнесены с К-волнами.

Значительные качественные изменения в фазу начала шестой К-волны (в начале эмбриональной фазы YI технологического уклада) сопровождаются реализацией транспозиционного сдвига – сменой преобладающей доли в составе целого (авторский термин). Транспозиционный сдвиг может осуществляться как в прямом, так и в обратном направлении.

Реализация транспозиционных сдвигов рассматривается автором как качественные изменения структуры. Так, в продукции сельского хозяйства РФ по отраслям происходит периодическая смена прямого и обратного транспозиционного сдвига – периодическая смена преобладания доли животноводства и растениеводства, начиная с 2012 г. Тогда как период 2008–2010 г. в продукции сельского хозяйства РФ по категориям хозяйств характеризуется преобладанием доли ЛПХ над долей СХО. Однако, начиная с 2011 г., преобладание доли СХО реализуется стабильно.

В период смены фаз длинных волн не претерпела изменений структура производства минеральных удобрений РФ по видам, в которой преобладает доля азотных удобрений, за исключением 2005 г., 2007 г и 2014 г., когда преобладало производство калийных удобрений.

На мезоуровне фазу роста шестой К-волны (в эмбриональную фазу YI технологического уклада) формируются условия для качественных изменений. Так, в растениеводстве и животноводстве реализуется, начиная с 2011 г., устойчивое преобладание доли СХО над долей ЛПХ. В валовом сборе картофеля РФ по категориям хозяйств увеличивается доля СХО и КФХ при выравнивании соответствующих долей в валовом сборе овощей РФ.

В целом, в фазу роста шестой К-волны на макроуровне снижается средняя скорость сдвигов в эндогенном факторе – в структуре инвестиций в основной капитал РФ по отраслям производства и услуг. При этом из несущих отраслей YI технологического уклада структурно наиболее устойчиво производство минеральных удобрений по видам. Тогда как, в сельском хозяйстве средняя скорость институциональных сдвигов снижается, а и экономических – возрастает.

Кроме того, пространственные сдвиги в материальном производстве носят циклический характер, связанный с реализацией процессов К-волны. В фазу спада К-волны (пятой) укладывается 1 ритм длинного цикла сдвигов (Кузнецца) и два – три ритма среднесрочных циклов сдвигов (Жюгяра). При этом в длинный цикл (Кузнецца – производства минеральных удобрений РФ по видам) укладывается два ритма среднесрочного инвестиционного цикла с временным лагом плюс 1 год и три ритма среднесрочного агропромышленного цикла (Жюгяра).

### **Литература:**

1. Бодрунов С.Д., Колганов А.И. Сфера услуг и материальное производство: проблемы соотношения в современной экономике// Экономическое возрождение России, 2016, № 1 (47). – С. 9-30
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т.2 Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы (“Капитал” re-loaded).– Изд. 3-е, исправл. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912 с.
3. Глазьев С.Ю. Причины кризиса и возможности его преодоления/ Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики:

- Сборник материалов Международного конгресса “Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения”/ Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. –М.: ЛЕНАНД, 2015 – С. 70 – 77
4. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса/С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. –255 с.
  5. Иноземцев В. Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? //Россия в глобальной политике. – Т.1. – №1. – 2003. – С.158 – 173
  6. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды/Н.Д. Кондратьев; Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; Ред. кол.: Абалкин Л.И. (пред.) и др.; сост. Яковец Ю.В. – М.: ЗАО “Издательство ” Экономика”. – 2002. –767с.
  7. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет/ Под ред. И.С. Королева.– Юрист, 2003.– 604 с.
  8. Цветков В.А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект/ В.А. Цветков. ИПР РАН. Москва – Санкт-Петербург: Нестор История, 2012. – 504 с.

**Соболев Эдуард Неньевич**  
*доктор экономических наук*  
*Институт экономики РАН*  
*г. Москва*  
*edsobol@rambler.ru*

## **МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОПЛАТЕ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ**

**Аннотация.** В статье исследуются факторы, определяющие масштабы и динамику межрегионального неравенства в оплате труда: различия в стоимости и качестве жизни; неоднородность профессионально-квалификационной структуры занятости; отраслевая специфика регионов; неразвитость институциональной инфраструктуры рынка труда. Раскрываются особенности российской модели дифференциации в оплате труда.

**Ключевые слова:** межрегиональное неравенство, факторы дифференциации, реальная зарплата, региональный прожиточный минимум

Межрегиональные различия в оплате труда существуют во всех странах, но особенностью России является гипертрофированное значение этого фактора. Во Франции (самой большой западноевропейской стране) разрывы между крайними регионами составляют 1,57, в Германии – 1,56 раза. В США и Канаде разрыв несколько больше – примерно 2 раза (в США – 2,19; а в Канаде – 2,0) [1, С.304]. В России величина вклада этого фактора в общую дифференциацию по стране почти в три раза превышает его «вес» в странах с максимальным региональным разбросом (Франция).

Если за точку отсчета брать советский период, статистика отчетливо демонстрирует, что территориальная разница в оплате существенно возросла, естественно, в пользу северных районов, где такие факторы как приоритет добывающих отраслей и потребительной цены (стоимости жизни) повлияли на заработную плату в наибольшей степени. В советское время эти различия были существенно ниже – 2,5–3 раза [6, С.111]. Но уже к середине 1990-х годов средняя заработная плата в Ямало-Ненецком автономном округе и Дагестане различалась более чем на порядок (1995 – 16 раз). Хотя в последующие годы региональные различия в оплате существенно снизились, они по-прежнему находятся на высоком уровне. Среди национальных республик максимальный разрыв в номинальном исчислении по-прежнему можно наблюдать между Ямало-Ненецким округом и Дагестаном – чуть более 4 раз. Растет разрыв в абсолютном измерении: в 2000 г. жители Ямало-Ненецкого

округа опережали тех же дагестанцев на 8 тыс. руб., а в 2016 г. – почти на 63 тыс. руб., т.е. разрыв за эти годы увеличился на 55 тыс. руб. При среднемесечном показателе по стране в 2016 г. 36,7 тыс. руб. в Ямало-Ненецком округе работник получил 83,2 тыс. руб., а в Дагестане – 20,6 тыс. руб. [5, С.37–38].

В чем причины высоких межрегиональных различий в заработной плате в российской экономике? Вопрос этот сложный и не имеет однозначного ответа. С известной степенью условности можно выделить четыре главных фактора региональной дифференциации:

- различия в стоимости и качестве жизни, которые обуславливают необходимость компенсации в зарплате относительно худших условий проживания в том или ином регионе;
- неоднородность профессионально-квалификационной структуры занятости в различных регионах, когда в одних регионах используется более квалифицированная и образованная рабочая сила, а в других – менее. Это может быть следствием, например, аграрной или промышленной специализации территорий;
- особый механизм формирования оплаты труда, при котором переменная часть заработка (а она в России составляет около 70-75% против 10-15% от общего заработка в западных странах) привязана к финансово-экономическим результатам деятельности предприятий;
- скособоченная региональная политика Центра с акцентом на экспортно-сырьевую ориентацию экономики.

Первые два фактора региональных различий – компенсирующий и структурный (профессионально-квалификационный) – являются вполне традиционными, нормальными, поскольку имеются в любой, в т.ч. и рыночной экономике. Необычность действия этих факторов для России состоит в величине их разброса. Но такова география нашей страны, а также исторически сложившаяся разница в условиях проживания на различных территориях.

Важнейшим фактором, воздействующим на величину реальной зарплаты, является показатель стоимости жизни в том или ином регионе. Региональные различия в уровне жизни (стоимости жизни) в советской практике хозяйствования реализовались в территориальных коэффициентах заработной платы. С этой целью в СССР были установлены следующие территориальные зоны: Центральные, Южные и Западные районы Европейской части СССР; отдаленные районы Урала, Юга Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии; отдаленные районы Севера европейской части и Юго-Восточной Сибири и Дальнего Востока; Северные и отдаленные районы (включая Мурманскую обл. и Центральные районы Сибири и Дальнего Востока); районы Крайнего Севера (исключая Мурманскую обл.). В постсоветский период государство также осуществляло территориальное регулирование зарплаты через специальные поправочные коэффициенты, повышающие оплату до 2 раз. Вместе с тем, эти коэффициенты рассчитывались и были дифференцированы еще в советское время, исходя из действующей тогда централизованной системы ценообразования. Поэтому корректировка заработной платы в соответствии с районными коэффициентами лишь в незначительной мере компенсировала удорожание жизни в районах с тяжелыми условиями жизни. Кроме того, эта система оставляла в стороне различия в стоимости жизни по остальным регионам РФ.

Регионы различаются не только стоимостью жизни, но и ее качеством. Последнюю определяют такие нематериальные факторы как экология, степень толерантности в межнациональных отношениях, уровень преступности в регионе, близость военных конфликтов. Имеются расчеты, которые показывают, что значимость фактора качества жизни может составлять до трети значимости фактора стоимости жизни.

Ряд экспертов полагает, что наблюдаемая межрегиональная вариация в заработной плате может быть объяснена в рамках теории компенсирующих различий [1, С.332]. Конечно, сам факт наличия компенсирующих различий в оплате труда отмечен правильно, сомнения вызывает доля этих факторов. По нашему мнению, эти факторы не в состоянии объяснить, по крайней мере, половину межрегиональной дифференциации в зарплатах. В

этом можно убедиться, если сравнить зарплаты не в номинальном, а в реальном исчислении. Для этого можно разделить номинальное значение заработной платы на величину прожиточного минимума. Если в марте 2007 г. в номинальном исчислении территориальный разброс составил 6,5 раза – от 34 563,6 руб. в Ямало-Ненецком автономном округе до 5321,5 в Дагестане, то после корректировки в Ямало-Ненецком округе средняя зарплата стала составлять 5,3 региональных прожиточных минимума трудоспособного человека, а в Дагестане – менее 2. Скорректированная дифференциация стала равняться 2,7 раза. Это означает, что «чистые» (т.е. скорректированные на различия в стоимости и качестве жизни) заработки идентичных групп работников могут различаться в различных регионах до 3 раз [4]. Эта «чистая» часть зарплатного неравенства не вытекает из необходимости компенсации различий в условиях жизни и требует специального объяснения.

Что касается фактора концентрации более «дорогой» рабочей силы в регионе как причины ее более высокой оплаты, то такое объяснение представляется недостаточным по следующим причинам. Во-первых, такие факторы стоимости рабочей силы как образование, квалификация и опыт являются определяющими при определении величины заработка только в нормальной, а не деформированной рыночной экономике [3]. В России, где рынок труда не развит, при определении заработка эти факторы не играют первую роль. Во-вторых, сторонники данного подхода рассматривают разделение регионов на богатые и бедные с точки зрения оплаты труда как некую данность. Между тем эта данность также «не с неба свалилась», а требует своего объяснения, что предполагает более широкий воспроизводственный подход к сложившейся дифференциации, базирующийся на определении места и роли тех или иных регионов в общей модели развития страны. Сформировавшаяся в 90-е годы экспортно-сырьевая модель развития России расширенно воспроизводит «точечный» или «сегментный» рост отдельных регионов, подотраслей и крупных мегаполисов (где концентрируется львиная доля финансовых ресурсов). В результате социальная дифференциация территорий и, разумеется, дифференциация населения различных регионов становится запредельной, что означает дальнейшую дезинтеграцию единого социального пространства страны [2].

Таким образом, для российской экономики в условиях неразвитости общенационального и конкурентного рынка труда теория компенсирующих различий не в состоянии объяснить огромные межрегиональные различия в заработках, возникшие в постсоветский период. Более убедительным выглядит подход, объясняющий межрегиональные различия в России особым характером формирования заработной платы в России.

В отличие от западной модели зарплаты, где профессионально-квалификационная структура рабочей силы (квалификация, опыт, образование) определяет и уровень оплаты в регионе, в нашей стране на первом месте находится отраслевая структура региона, рассматриваемая под углом зрения ее финансовой состоятельности. Средний уровень зарплаты в регионе определяется долей «прибыльных», доходных предприятий в регионе. В стране сформировался какой-то особый тип социального неравенства – региональное. Те регионы, которым повезло и есть нефть, имеют среднедушевой валовой региональный продукт в 18 раз больше, чем те, которые занимаются малоприбыльным сельским хозяйством.

С чем связан такой характер дифференциации? Прежде всего, с распадом единого социального пространства, корпоративизацией и регионализацией социально-трудовой сферы в стране. Этот распад, с одной стороны, есть следствие особенностей социально-экономической организации производства (приватизация, децентрализация управления, корпоративизация производственной сферы), а с другой, связан со спецификой российского рынка труда, в частности с неразвитостью общенационального рынка труда по профессиям как результат низкой территориальной мобильности населения [8, С.196–199]. Согласно данным опроса, проведенного исследовательской компанией Synovate, 78% россиян не согласились бы переехать работать в другую страну, а 77% – в другой город, даже если им



предложить повышение зарплаты в полтора раза. Менее всего склонно к перемене места жительства население Урала и Западной Сибири. Не менее показательны данные опроса ВЦИОМ, по которым только 8% россиян работают не там, где они встретили свое совершеннолетие. А в зрелом возрасте мобильными оказываются буквально единицы. Сдерживает внутреннюю миграцию и то, что значительную часть своего дохода люди получают от «интегрированности» в местную среду (начиная от нужных «знакомств» и кончая подсобными хозяйствами), и потому переезд чреват не повышением, а снижением уровня доходов и качества жизни. Рабочая сила фактически привязана к одному месту, где формируются локальные рынки труда (региона, мегаполиса, города) со своими ценами на труд.

Такой разорванный рынок подкрепляется особенностями такого института как профсоюз. Наши профсоюзы – эта традиция идет еще с советских времен - организованы в основном по производственно-отраслевому принципу, а не по профессиям, как в развитых странах. В итоге специалисты одной и той же профессии приписаны к разным профсоюзам, поэтому говорить о какой-либо единой или согласованной политике оплаты труда затруднительно.

Слабое влияние рынка труда не означает, что в России рыночные механизмы совсем не влияют на уровень и дифференциацию зарплаты. Просто это влияние другое – идет не через рынок труда со стороны предложения рабочей силы, а через формирование финансовых результатов деятельности предприятия, т.е. со стороны спроса. Иначе говоря, финансовое благополучие предприятия определяет и уровень оплаты труда на нем. Следует сказать, что в разумных пределах это не плохо, поскольку представляет собой реализацию на практике известного лозунга «Делиться надо!». Но стимулирующее воздействие такого распределения доходов серьезно ослабляется тем обстоятельством, что в российских условиях финансовое состояние предприятий зачастую определяется не реальными результатами хозяйственной деятельности предприятий, а рентными доходами, динамикой цен на товары и услуги, устанавливаемыми в зависимости от степени монопольного давления на рынок и органы власти. Такие факторы дифференциации как образование и квалификация играют относительно меньшую роль. В результате оплата труда утрачивает свое основное предназначение меры труда и стимулирующую функцию. Ее величина больше говорит о том, как устроился человек, чем о его квалификации, образовании и опыте. Поэтому такая ситуация диктует поведение работника – не повышать свою квалификацию, а найти предприятие, где больше платят [7].

В странах с развитой рыночной экономикой заработная плата - это цена труда, устанавливаемая на рынке труда в соответствии со спросом и предложением на рабочую силу вне зависимости от результатов хозяйственной деятельности предприятия. В российской модели заработная плата – это остаточная доля работника в валовом доходе собственника организации. Если в западной рыночной модели фонд заработной платы складывается из индивидуальных заработков, то в российской модели фонд заработной платы распадается на заработки отдельных работников. Сам же ФЗП формируется по результатам деятельности организации и распределяется в соответствии с количеством, качеством и результатами деятельности работника, а зачастую в зависимости от возможностей и желаний собственника, в лучшем случае с учетом мнения представительного органа работников [9]. Следствием такого порядка формирования и распределения ФЗП является чрезмерная дифференциация заработной платы по организациям и, соответственно, по видам деятельности, регионам, отраслям, в стране в целом. Именно данный порядок формирования заработной платы, при котором подавляющая часть заработка зависит от финансовых результатов предприятия, приводит к тому, что идентичные группы работников могут получать в одних регионах более высокую «чистую» (т.е. скорректированную на различия в стоимости и качестве жизни) заработную плату, чем в других [4].

В бюджетном секторе величина бюджетных ассигнований определяет размер зарплаты. В депрессивных регионах при отсутствии должного бюджетного финансирования оплата труда большинства бюджетников опускается ниже или едва превышает прожиточный минимум, отменяются различного рода надбавки и районные коэффициенты. Сегодня регионы, экономика которых основана на добыче природных ресурсов (Тюменская и Пермская области, республики Татарстан и Коми, Красноярский край), и те, кто «жируют» на освоении создаваемых в сырьевом секторе финансовых потоков (прежде всего Москва и Санкт-Петербург), генерируют бюджетные доходы, в среднем в 1,5-1,6 раза превышающие местные расходы. В то же время в республиках Северного Кавказа, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке собираемые налоги покрывают лишь 12-25% бюджетных потребностей региона. Возникающие дыры власти закрывают либо трансфертами из центра (которые составляют примерно треть расходов федерального бюджета), либо привлечением «социально ответственных предпринимателей».

В рамках российской модели размер зарплаты определяется не на рынке труда (за исключением лишь минимальных гарантий), а устанавливается собственником организации по результатам хозяйственной деятельности. В результате средний уровень зарплаты в регионе определяется долей «прибыльных», доходных предприятий в регионе. В отличие от западной модели заработной платы, где профессионально-квалификационная структура рабочей силы (квалификация, опыт, образование) определяет и уровень оплаты в регионе, в нашей стране на первом месте находится отраслевая структура региона. В условиях же экспортно-сырьевой ориентации экономики это приводит к дезинтеграции единого социального пространства, одной из форм которой и является значительная дифференциация в оплате труда.

Таким образом, высокая межрегиональная дифференциация заработков в России имеет свое объяснение в одновременном воздействии и наложении двух факторов. С одной стороны, в одних и тех же районах имеются крайне неблагоприятные (естественные и сложившиеся) условия проживания, однозначно требующие компенсации с точки зрения работников, а с другой стороны, в этих же регионах концентрируются предприятия с высокой доходностью (прежде всего экспортных отраслей).

#### **Список литературы:**

1. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Гимпельсона, Капелюшникова. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
2. Куликов В., Роик В. Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики // Российский экономический журнал. 2005. № 1. С. 3–17.
3. Марцинкевич В.И. США: человеческий фактор и эффективность экономики. М.: Наука, 1991.
4. Рынок труда в регионах ЮФО РФ: состояние и основные тенденции (1992-2004). М.: ГУ ВШЭ, 2005.
5. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии. – М.: ИЭ РАН, 2017. – 50 с.
6. Соболев Э.Н. Социально-трудовые отношения в России: история, современное состояние, перспективы. – М.: ИЭ РАН, 2008. – 280 с.
7. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в современной России / Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. №5 (71). С. 33-50.
8. Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста / рук. авт. кол. Д.Е. Сорокин; под ред. Н.Ю. Ахапкина, Л.В. Никифорова. – М.: ИНФРА-М, 2017.
9. Яковлев Р.А. О регулировании заработной платы в Российской Федерации. Доклад на Ученом Совете НИИ труда. М., 2007.

**Сорокина Наталья Юрьевна**  
кандидат экономических наук, доцент  
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова  
Россия, г. Москва  
sorokina-tula@mail.ru

## **ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ**

**Аннотация.** В современных условиях особую актуальность приобретает выбор адекватных инструментов государственной поддержки развития старопромышленных регионов - территорий, на которых сконцентрированы отрасли промышленности, связанные с «уходящими» технологическими укладами. Показано, что сложность выбора инструментария обеспечения экономической безопасности старопромышленных регионов России обусловлена неоднородностью их состава. С применением ключевых постулатов синергетики обосновано, что наибольшую эффективность инструменты государственной поддержки регионального развития могут обеспечить в том случае, если они используются в точке бифуркации. Аргументировано, что бифуркационное состояние характеризуется нарастанием угроз устойчивому функционированию и развитию региональной социально-экономической системы и снижением уровня экономической безопасности региона. Обоснована важность выбора и предложен инструментарий дифференцированной государственной политики развития старопромышленных регионов как условия, обеспечивающего успешность переходного процесса, осуществляемого регионом.

**Ключевые слова:** старопромышленный регион, экономическая безопасность региона, дифференцированная региональная политики, синергетика.

Приоритеты государственной политики обеспечения экономической безопасности провозглашены в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», одним из ключевых направлений которой определено достижение сбалансированного пространственного и регионального развития страны, укрепление единства ее экономического пространства [1]. Реализация указанного направления требует осуществления комплекса мер по обеспечению устойчивого, безопасного социально-экономического развития на уровне отдельных территорий – регионов и муниципальных образований.

В современных условиях особый интерес представляет обоснование выбора адекватных инструментов развития старопромышленных регионов - территорий, на которых сконцентрированы высокоспециализированные отрасли промышленности, связанные с «уходящими» технологическими укладами [2]. Их устойчивое, безопасное социально-экономическое развитие обеспечивается путем «встраивания» новых производств, выпускающих наукоемкую и высокотехнологичную продукцию, в сложившийся «индустриальный каркас» региональной экономики. Тем самым позитивная динамика старопромышленных регионов становится значимым фактором сокращения «разрывов» в социально-экономическом развитии регионов и сглаживания на этой основе довольно существенной межрегиональной дифференциации, традиционно характерной для Российской Федерации.

Следует отметить, что старопромышленные регионы России представляют собой неоднородный по составу объект государственной региональной политики. Анализ исторических особенностей формирования и специфики современного социально-экономического развития позволяет выделить следующие классы старопромышленных регионов (таблица 1).

Таблица 1

Классификация старопромышленных регионов России

Класс регионов	Специфика
Высокоперспективный старопромышленный регион с потенциалом диверсификации экономики	Территории, где традиционные отрасли промышленности, составляющие основу региональной экономики, и новые высокотехнологические отрасли развиваются комплексно, усиливая друг друга и создавая внутренний импульс развитию региона
Перспективный старопромышленный регион с потенциалом расширения состава «отраслевого ядра» экономики	Территории, на которых развиваются высокотехнологичные отрасли, ориентированные на индустриально развитое экономики региона, что способствует ее диверсификации на основе включения в состав отраслей региональной специализации высокотехнологичных отраслей и видов деятельности
Перспективный старопромышленный регион с потенциалом развития на основе включения сферы услуг в «отраслевое ядро» экономики	Территории с развитой производственной инфраструктурой, обеспечивающей положительное воздействие инфраструктуры на индустриально-ориентированное «отраслевое ядро» и экономику региона в целом
Умеренно перспективный старопромышленный регион с потенциалом роста в рамках «отраслевого ядра» экономики	Территории, где основу региональной экономики формируют традиционные отрасли промышленности (отрасли уходящих технологических укладов), не обеспечивающие достаточные уровни занятости и доходов населения. Перспективы регионального развития связаны с производством продукции для внутреннего рынка
Недостаточно перспективный старопромышленный регион с потенциалом развития сферы услуг	Территории, для которых характерны недостаточная производственная и инвестиционная активность и отсутствие высокотехнологичных отраслей, что обуславливает ориентацию региона на развитие сферы услуг
Малоперспективный старопромышленный регион с высокой потребностью в федеральной поддержке	Территории, для которых характерно отставание от большинства индустриальных регионов страны по ключевым показателям регионального развития и нуждающиеся в прямом государственном регулировании и поддержке

Таким образом, сложность выбора инструментария обеспечения экономической безопасности старопромышленных регионов России обусловлена их неоднородностью, заключающейся в том, что в их составе присутствуют и высокоперспективные в плане индустриального развития территории с потенциалом диверсификации региональной экономики, и малоперспективные регионы, отстающие от большинства промышленных регионов страны по ключевым показателям регионального развития и испытывающие высокую потребность в федеральной поддержке. Именно поэтому обоснование оптимального состава инструментов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие конкретной разновидности (класса) старопромышленных регионов, и определение адекватного момента их использования является важнейшей задачей, стоящей перед органами регионального управления, в компетенцию которых входит решение вопросов обеспечения экономической безопасности развития территории.

В методологическом плане решение указанной задачи может быть основано на ключевых постулатах науки синергетики и теории оптимизации.

Определение оптимального состава инструментов обеспечения экономической безопасности региона осуществляется на базе теории оптимизации с привлечением математических методов решения задачи нахождения «наилучших вариантов из всех возможных». К настоящему времени накоплен и активно используется в практике государственного управления значительный арсенал методов оптимизации: от линейного программирования до теории игр. В специальной литературе широко представлены подходы к применению математических методов оптимизации и исследования операций в качестве инструмента поддержки принятия экономических и управленческих решений.

Что же касается второй составляющей задачи - обоснования адекватного момента использования конкретного инструмента (набора инструментов), то единого мнения исследователей по этому вопросу до сих пор не сложилось. Представляется, что ее решение может быть сформулировано с привлечением идей синергетики, в соответствии с которыми наибольшую эффективность инструменты обеспечения экономической безопасности могут обеспечить в том случае, если они используются в точке бифуркации – состоянии, при котором экономика региона как динамическая система приобретает новое качество, что обусловлено «ветвлением» системной траектории развития на конкурентные аттракторы [3]. Проблема заключается в том, что в точке бифуркации развитие становится многовариантным и случайным, в результате чего региональная система может как перейти в хаотическое состояние, утратив свои сущностные черты, так и выйти на новый, более высокий уровень развития. Результат этого перехода является необратимым. Следует отметить, что теория синергетики не исключает, что после точки бифуркации дальнейшее развитие региональных систем одного типа может пройти параллельно по разным путям (рисунок):

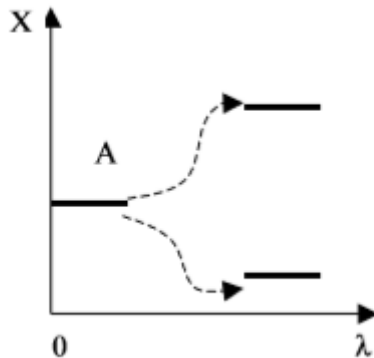


Рисунок - Варианты бифуркационного развития региональной системы [4, С.102]

Бифуркационное состояние характеризуется нарастанием угроз устойчивому функционированию и развитию региональной социально-экономической системы – это утверждение позволяет сделать два принципиально важных заключения:

1) в точке бифуркации происходит снижение экономической безопасности региона, под которой понимается способность территории противостоять «кризисным ситуациям, вызываемым воздействиями внешних и внутренних факторов на научно-производственный и ресурсный потенциал и их структуру, институциональную инфраструктуру, социальную сферу, уровень и качество жизни людей» [5];

2) повышение уровня экономической безопасности региона свидетельствует о «прогрессивности» перехода и является косвенным свидетельством адекватности выбора аттрактора. Следовательно, для оценки результатов переходных процессов целесообразно использовать систему показателей состояния экономической безопасности старопромышленного региона.

С точки зрения государственного управления региональным развитием особый интерес представляет вывод авторов теории синергетики о том, что выбор аттрактора может

происходить и случайным образом, и в результате эволюционных изменений в объекте, и под влиянием воздействия, порой незначительного, со стороны внешней среды. Последнее позволяет аргументировать важность выбора адекватного инструмента государственной поддержки как условия, обеспечивающего успешность переходного процесса, осуществляемого конкретным старопромышленным регионом (таблица 2).

Таблица 2

Инструментарий дифференцированной политики развития старопромышленных регионов Российской Федерации

Класс регионов	Аттрактор	Приоритетные направления государственной поддержки региона
Высокоперспективный регион с потенциалом диверсификации экономики	Развитие	Продвижение региона как участника национальной и мировой экономики, содействие формированию положительного имиджа региона
Перспективный регион с потенциалом расширения состава «отраслевого ядра» экономики	Развитие	Поддержка высокотехнологичных отраслей региональной экономики в рамках программ государственной макроэкономической, промышленной и инновационной политики
Перспективный регион с потенциалом развития на основе включения сферы услуг в «отраслевое ядро» экономики	Рост	Государственная поддержка развития транспортной, жилищно-коммунальной, энергетической региональной инфраструктуры
Умеренно перспективный регион с потенциалом роста в рамках «отраслевого ядра» экономики	Рост	Стимулирование модернизации производств в рамках государственной научно-технической, внешнеторговой и макроэкономической политики
Недостаточно перспективный регион с потенциалом развития сферы услуг	Спад	Государственная поддержка развития сферы услуг региона, содействие улучшению трудовых ресурсов, инфраструктуры и социальной сферы региона
Малоперспективный регион с высокой потребностью в федеральной поддержке	Упадок	Прямая государственная поддержка социальной инфраструктуры, вспомоществование населения

Аттрактор «развитие» характеризуется возникновением позитивных качественных изменений в региональной социально-экономической системе в результате прогрессивного перехода от одного класса старопромышленных регионов к другому. Результатом может стать формирование нового типа территорий – новопромышленного региона, развитие которого осуществляется на основе капитализации знаний и эффективной реализации человеческого потенциала в индустриальном секторе экономики. Важнейшим условием выбора данного аттрактора является государственная поддержка высокотехнологичных отраслей региональной экономики в рамках программ государственной макроэкономической, промышленной и инновационной политики, а также продвижения региона как участника национальной и мировой экономики, содействие формированию его

положительного имиджа, реализация иных мер институционального характера, нацеленных на популяризацию региона на национальном и международном уровне.

Аттрактор «рост» характеризуется преобладанием количественных изменений, при этом их наличие предполагает (хотя и не гарантирует) улучшение с течением времени качественных параметров региональной экономики и повышение благосостояния населения. Перспективы региональной динамики связаны с превращением старопромышленного региона в динамично развивающийся индустриальный центр с диверсифицированной отраслевой структурой, обеспечивающей увеличение наукоемкости выпускаемой продукции и на этой основе – переход к новым, более перспективным технологическим укладам. Реализация данного сценария требует государственной поддержки транспортной, жилищно-коммунальной, энергетической региональной инфраструктуры и стимулирование модернизации «традиционных» производств в рамках государственной научно-технической, внешнеторговой и макроэкономической политики. Особое значение приобретает роль государства в недопущении деградации социального и экономического потенциала старопромышленного региона в начале переходного периода.

Аттрактор «спад» характеризуется негативной динамикой развития отраслей индустрии старопромышленного региона. Анализ исторического опыта российских и зарубежных регионов старопромышленного типа показывает, что данной траектории перехода, как правило, следуют регионы, приоритеты развития которых лежат не в производственной сфере, а в сфере услуг. Недостаточная производственная и инвестиционная активность, отсутствие высокотехнологических отраслей в структуре региональной экономики обуславливают слабость производственного сектора территории. Если это не противоречит национальным интересам государства, то поддержка данной траектории перехода заключается в направлении создания условий для развития региональной сферы услуг, формирования сервисной специализации региона.

Аттрактор «упадок» характерен для старопромышленных регионов, демонстрирующих хроническое отставание от большинства индустриальных территорий страны по ключевым показателям регионального развития. Данные регионы, обладающие всеми признаками депрессивных, нуждаются в прямом государственном регулировании, заключающемся в поддержании рабочих мест на градообразующих предприятиях региона; помощи при реализации промышленной политики, а также программ поддержки малого и среднего предпринимательства; социальной поддержке населения в целях предотвращения массовой бедности и малообеспеченности и т.д.

Ярким примером региона, выбравшего траекторию развития, является Калужская область, осуществляющая в настоящее время переход от преимущественно традиционно-индустриальной модели к инновационному, «новоиндустриальному», типу развития на основе капитализации знаний и эффективной реализации человеческого потенциала территории. Между тем значительное число старопромышленных регионов России следуют аттрактору стагнации, в частности, речь идет о Воронежской области, для промышленного комплекса которой характерна низкая конкурентоспособность, обусловленная доминированием традиционных производств, основанных на уходящем (четвертом) технологическом укладе. К регионам, выбравшим аттрактор «рост», может быть отнесен целый ряд старопромышленных регионов центра России, источником социально-экономического развития которых выступает советская индустрия, сохранившая сильные позиции в региональной экономике. Регионы ориентированы на проведение политики «интеллектуальной индустриализации», предполагающей увеличение наукоемкости выпускаемой продукции и на этой основе – постепенный переход к новым, более перспективным технологическим укладам.

Актуальным направлением научных исследований, по нашему мнению, является формирование модели, характеризующей особенности развития старопромышленного региона при переходе из одного системного состояния в другое и выявление с ее использованием условий, обеспечивающих целенаправленность этого перехода в

направлении достижения более высокого уровня экономической безопасности и социально-экономической динамики территории.

### Список литературы

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_216629/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/)
2. Сорокина Н.Ю., Латов Ю.В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 6-22.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986. —432 с.
4. Латов Ю.В. Россия 1990-х годов: недоразвитость через упадок или развитие через спад? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Том 1. № 1. С. 100-115.
5. Российское экономическое пространство: проблемы и перспективы реструктуризации / под ред. В. И. Гришина, Г. Ю. Гагариной. – М. : ИНФРА-М, 2013.- 186 с.

**Старостин Александр Михайлович**

*доктор политических наук, профессор*

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*

*г. Ростов-на-Дону*

*amstar2912@mail.ru*

**Швец Лариса Георгиевна**

*доктор политических наук, профессор*

*Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ*

*г. Ростов-на-Дону*

*largeo.shvets@mail.ru*

## **ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ГЛОКАЛИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**Аннотация.** В статье представлен взгляд на современную глобальную динамику с позиций концепции альтернативных моделей глобализации (секторная модель, модель антропологической революции, глобализация как становление космической цивилизации I уровня). Выделены основные факторы глокализации как проекции глобальной динамики на развитие макрорегиона. В качестве основных факторов выделены: векторы геополитического, геоэкономического и цивилизационного воздействия. Южно-Российский макрорегион рассмотрен как пример сочетания всех трех указанных факторов.

**Ключевые слова:** глобализация, глокализация, альтернативные модели глобализации, геополитический фактор глокализации, геоэкономический фактор глокализации, цивилизационный фактор глокализации, Южно-Российский макрорегион.

В современной науке, экспертных разработках, в общественном мнении достаточно устоялся и занял свое место концепт *глобализации общества*. Его принято определять как «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества» [1, С.163], а также как применяемого для обозначения «интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества» [2, С.5]. Соответственно, результаты исследований и различных



интерпретаций процесса глобализации концентрируются в междисциплинарной области научных исследований, получившей название «*глобалистика*». Ее усилия направлены «на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий» [2, С.4]. В целом данные определения приемлемы. Однако в них есть весьма существенные нюансы, которые требуют уточнения. Прежде всего, следует отметить, что «глобалистика» на сегодняшний день представляет из себя не междисциплинарную область исследований, а *многодисциплинарную* область. Хотя сама проблема глобализации и требует перехода на *междисциплинарный* уровень, но современная матрица науки и логика ее реализации развертывается по традиционному научно-аналитическому сценарию: репрезентации характеристик глобализации на дисциплинарном уровне (экология, метеорология, политология, социология, экономика и др.), и выходя в итоге на постановку проблемы сборки дисциплинарных образов в целостный образ глобализации. Однако примеров сборки на сегодняшний день очень мало и они нас не вполне устраивают. Да и само состояние глобалистики как комплексной области познания и знания еще далеко от того, чтобы осуществить успешный синтез, или говоря современным языком – теоретическую сборку.

Подчеркнем два важных, заявивших о себе в сфере современной глобалистики обстоятельства: во-первых, нарастание когнитологического дефицита в области понимания сущности и механизмов глобальных проблем; а, во-вторых, недостаточность и противоречивость усилий государств и межгосударственных акторов в сфере выстраивания системы глобального управления.

В этом контексте в качестве нового направления мы предлагаем ориентироваться на концепт «альтернативная глобалистика», где в качестве основы выдвигается исследование и соотнесение ряда парадигмально-концептных коллизий в области современной глобалистики. Движение в русле синтеза этих коллизий должно будет способствовать более глубокому пониманию сущности глобализации и выработке *междисциплинарного* взгляда на нее.

Первичный анализ концептуальных оснований альтернативных моделей глобализации позволяет выделить несколько основных трендов в их развитии (см. схему).

### *Основания альтернативных моделей глобализации*

а) продолжение секторного подхода (прежде всего макроэкономического и геополитического), все более активное включение в анализ признаков нового мирохозяйственного и технологического укладов, политической многополярности	б) глобализация как новая антропологическая революция (аналог неолитической и индустриальной) с ее качественными изменениями в производстве, ценностно-мотивационной и когнитивной сфере на массовом уровне	с) глобализация в контексте глобального эволюционизма (Федоров, Циолковский, Т. Де Шарден, Вернадский, Кардашев) как становление космической цивилизации I уровня
---	---	---

*Схема*

В качестве приоритетной модели нами видится эволюционно-антропологическая («новая антропологическая революция»), в рамках которой происходит смена фундаментальных установок организации социальной жизни на уровне массового социального бытия (переход к модели личностной и групповой самореализации и концентрации духовного капитала). Ее существенные проявления и предпосылки уже

просматриваются в организации жизнедеятельности значительного слоя людей нескольких наиболее развитых стран мира. Существо изменений заключается в скачкообразном переключении деятельности, характерной для так называемого «креативного класса». Но при этом востребуются и принципиально новые технологии, в том числе социально-гуманитарные. И явно обозначаются установки на развитие и расширенное воспроизводство прежде всего человеческого капитала, а не промышленного потенциала, финансового капитала и других, отчужденных от живой человеческой, прежде всего духовной деятельности, видов капитализации труда и других видов деятельности.

В этом аспекте актуальной видится разработка расчетной модели «порогов роста», позволяющей наметить авангардные и периферийные социальные кластеры, в рамках которых возможен переход к фазе самореализации в массовом слое на личностном и групповом уровне.

Обращаясь к рассмотрению современной глобальной динамики с учетом уже имеющегося когнитивного опыта, и, прежде всего, имея в виду контекст альтернативных подходов и их оснований, обозначим основные коллизии современной глобальной динамики (глобальный контекст и детерминанты его неустойчивости).

а) Прежде всего, это переход от системы глобальной иерархии, сложившейся и функционировавшей четверть века и связанной с распадом СССР и социалистической системы, что получило название «однополярного мира». В настоящее время формируется полиархическая система, связанная с существенным укреплением экономического и военного потенциала Китая, а также Индии и изменением политических притязаний России. Все это может быть названо устремленностью к *глобальной демократии*. На очереди становление новых международно-правовых и международно-финансовых отношений, что может также занять 25-30 лет. Но в итоге сформируется политико-экономическая платформа нового этапа глобализации.

б) Не следует упускать из вида, что глобальные экономические и политические процессы сопровождаются и балансируются сопряженным *процессом государствообразования*. За период с конца 40-х годов (около 65 лет) число государств в мире выросло более чем втрое. Государствообразование этого периода включает две интенсивные волны: послевоенную, связанную с распадом колониальной системы Запада и постсоветский период, связанный с распадом СССР и восточно-европейской социалистической системы [3]. Именно государствообразующий процесс способствовал становлению глобальной демократии посредством ускоренного развития новых крупных государств и образования новых государственных союзов, не связанных с геополитическими и геоэкономическими мотивами и интересами, сложившимися под влиянием стран Запада (Об эволюции нормативно-регулятивной системы международных отношений в условиях глобализации см. подробнее: [4]).

в) Мощным фактором становления нового этапа глобализации и нового глобального контекста выступают *цивилизационные факторы*, возобновление локально-цивилизационной динамики. На это повлияло как изменение баланса отношений крупнейших государств и новых государственных объединений (США и ЕЭС, Китай, Индия, Россия, страны Ближнего и Среднего Востока), так и девальвация объединяющего потенциала крупнейших идеологических систем (национал-социализм, коммунизм, либерализм). Ныне, наряду с христианско-протестантскими началами, которые продолжают занимать ведущее место в ценностно-цивилизационном ряду, усиливается влияние конфуцианско-буддийского комплекса, палитры исламских религиозно-ценностных комплексов, а также православно-христианских цивилизационно-духовных начал.

г) следует подчеркнуть ныне четко обозначившееся существенное воздействие на становление нового глобального контекста *культурно-антропологических факторов*. Они связаны, прежде всего, с очень высокой динамикой в прохождении населения многих стран мира, макрорегионов основных ценностно-мотивационных ступеней в процессе первичной и вторичной социализации. Прежде всего, это выход основной массы человечества за

послевоенный период на ступень массового материального потребления и некоторой части населения мира (до 15-20%) – на ступень личностной и духовной самореализации и духовно-культурных приоритетов в массовом потреблении.

Можно предположить, что последующие 25-30 лет (жизнь одного поколения) приоритеты духовно-личностной самореализации станут нормой не только для элитного и среднего слоя, но и распространятся в массовом слое, что, скорее всего, отразится и на приоритетах глобальной экономики, а также будет связано со становлением новых технологических укладов и их задействованием на обеспечение мотивов и потребностей высокого уровня.

Наряду с четырьмя обозначенными тенденциями, определяющими облик новой парадигмы глобализации в первой половине XXI века, следует особо подчеркнуть детерминанты, которые «подавливают» движение мира в данном направлении. Это, прежде всего:

д) интенсивный процесс *глобальной экономической перестройки*, основные проявления которой сводятся к следующим направлениям:

- в технологическом плане – это четвертая промышленная революция (по Клаусу Швабу [5, С.31-32] или, о чем чаще говорится в отечественной экономической литературе – переход к 6-му технологическому укладу, вытекающему из кондратьевских циклов [6; 7]. И в том, и в другом случае говорится о начале 20-х годов XXI в. и сюда включают такие базовые технологические новшества, как освоение технологий квантовых вычислений и искусственного интеллекта (ИИ); Интернета вещей (ИВ); трехмерной печати; создание мощных нано- и биотехнологических отраслей; «зеленая экономика» [8]; новая (микрокосмическая и макрокосмическая) энергетика; создание транспортной инфраструктуры, базирующейся на новых энергетических носителях;
- в финансово-экономическом плане – это преодоление расширяющегося разрыва между реальной глобальной экономикой и финансовой сферой через посредство инфосферы и информационных регулятивов рыночных обменов;
- глобальная капитализация человеческих ресурсов (многопараметрическая) и, в частности, рост социальной сферы, что явно обозначилось в странах ЕС, на которые уже приходится около 60% совокупного мирового объема социальных расходов при менее 10% населения мира [9, С.31–32];
- формирование геокосмической экономической инфраструктуры [10, С.115-121];
- формирование эколого-экономической сферы (производство замкнутых и открытых экологических макро- и микросред).

К этому необходимо добавить:

е) глобализацию и синхронизацию развития научно-инновационных процессов, прежде всего, сопряженных с *глобальной цифровой инфосферой*, что проявляется в:

- формировании глобальной инфосферы как суммы инфомиров с атрибутами самоорганизации и саморазвития, и перемещении туда научно-экспериментальной и проектной деятельности как базовой области практического опыта и его верификации (альтернативная когнитивистика) [11, С.163–165]; освоение новых фрагментов фундаментальной реальности и установление сопряжений (не только когнитивных) между этими областями и инфореальностью;
- концентрации научно-инновационных процессов на сохранении и приумножении человеческого потенциала, и поддержании потенциала самоорганизации глобального социума;
- формировании новой волны военно-технологической и военно-политической революции, позволяющей парировать, купировать и элиминировать возможности оружия массового поражения; перемещение военной конкуренции в область инфосферы (когнитивное оружие, кибероружие) [12, С.3-14].

Указанные факторы, формирующие глобальную динамику на новом этапе, мы конечно должны иметь в виду не только при разработке новой картины глобализации, но и при проекции глобальных процессов на локальный уровень.

Важнейшим аспектом современной глобалистики выступает исследование проекции глобальных процессов на макрорегиональные и локальные системы, что получило название глокализации [1, С.243-244].

Основной смысловой посыл макрорегиональной проекции глобальных процессов должен быть, прежде всего, связан с сотрудничеством. Естественно, что конкурентные начала в экономическом и политическом взаимодействии государств, отдельных регионов и крупных корпораций никто не отменял. Но они должны развиваться в русле цивилизованных отношений, основанных на правовых и договорных началах [13].

Между тем, современный этап глобализации, да и предшествующие ему, показывают, порой, преобладание других начал: когда конкуренция выходит на уровень конфликтов – сначала низкой интенсивности, а потом – и с использованием жесткой силы, включая военное принуждение.

Чередой таких ситуаций в мире сменяет друг друга: на рубеже XX – XXI веков и по сей день – это Югославия и Ближний Восток, Афганистан, Кавказ и Украина. Ныне – это рождающиеся новые макроконфликтные ситуации в Европе, на Корейском полуострове и на Ближнем Востоке.

Анализ показывает, что основными факторами, детерминирующими проекцию глобальных процессов на развитие макрорегиона, оказываются геополитические, геоэкономические и цивилизационные векторы воздействия. В зависимости от особенностей макрорегиона: его пространственного расположения, экономических связей с ним других регионов и его цивилизационной принадлежности, мы можем увидеть воздействие всех названных факторов, либо отдельных из них.

Естественно, что нас в первую очередь интересует наш Южно-Российский регион, раскинувшийся от Черного до Каспийского моря. Для него как раз характерно сочетание взаимосвязи всех трех названных факторов. Прежде всего в его пограничье ныне сходятся непосредственно серьезные интересы полутора десятков государств, в том числе новых, образовавшихся в результате распада СССР (Россия, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Молдавия, Украина, Южная Осетия, Абхазия и самопровозглашенная Новороссия) и, конечно «старожилов» (Турция, Болгария, Румыния, Иран).

С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в нашем регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов – две чеченские войны, Карабахский и Приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета Безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем, что срывает или сдерживает реализацию больших потенциальных возможностей привлечения сюда крупных инвестиций глобального уровня на развитие энергодобывающей, транспортно-логистической, рекреационной, торговой сфер. И, как следствие, не происходит ожидаемого скачкообразного развития занятости, роста уровня жизни, развития культуры и образования.

Поэтому весьма значимо обсудить проблемы стабилизации нашего региона, что, естественно, должно основываться на понимании глобального контекста, условий и возможностей встраивания в него макрорегиона. А также на выявлении непосредственных детерминант внутреннего порядка, как способствующих, так и препятствующих стабилизации и росту.

Глокализационный облик Южно-Российского региона складывался в зависимости от тех основных функций, наметившихся во взаимодействии глобальной динамики и государственно-суверенного развития России.

В геополитическом аспекте Юг России, Северный Кавказ, в XVIII – XX в. формировался как потенциально лимитрофная зона, периферийный пояс безопасности для государственно-территориального ядра России. В принципе и поныне данная функция сохраняется и роль ее даже усиливается в связи с отпадением части прежних республик СССР и выдвиганием на их территорию сил глобального влияния и вторжения.

В последующий период предстоит решение задач расширения лимитрофной зоны за счет укрепления дружеских и партнерских отношений с приграничными государствами и их регионами, а также укрепления оборонительной приграничной инфраструктуры. Это сеть транспортных коммуникаций, портов, ремонтных заводов, полигонов, складов и других элементов оборонительной инфраструктуры и логистики. Направленность ее функций связана с антитеррористической деятельностью и потенциальными угрозами со стороны Ближне-Средне Восточных макрорегионов (Южное направление) и Юго-Восточной Европы с ее новыми союзниками.

В *макроэкономическом аспекте* регион нацелен на решение рекреационных задач, сельскохозяйственного производства и переработки, «зеленой экономики», транспортно-связывающей и перевалочной инфраструктуры и логистики [14].

В перспективе регион может быть значительно больше нагружен топливно-добывающей и энергетической инфраструктурой и созданием транспортных магистралей Север–Юг и Восток–Запад для оптимизации глобального транзита больших потоков товаров, энергоносителей (новый Шелковый путь, новые трубопроводы). Следует подчеркнуть, что потенциал рекреационных услуг за следующие 25-30 лет может быть увеличен в 3-4 раза, а в области производства и переработки сельскохозяйственной продукции возможности макрорегиона позволяют ему стать основной производственной и экспортной базой страны в этой части (ныне – не более 30 %).

В *цивилизационном аспекте* Южно-Российский макрорегион выступает как площадка сопряжения наиболее крупных цивилизационно-религиозных комплексов современного мира: христианско-православного, исламского и буддийского.

Управление отношениями в таком формате на государственном и местном уровне прошло апробацию, образно говоря, в трех изданиях: Российско-имперском, советском и постсоветском. В каждом «издании» со временем удавалось оптимизировать столь сложные отношения между макрогруппами населения. Данный опыт многообразен и имеет не только государственно-национальное, но и глобальное значение. Но потенциал этот имеет дальнейшие перспективы развития и возможности использования в других макрорегионах Европы и Азии. Мы полагаем, что изучение южно-российского опыта государственного и регионального кросс-культурного управления заслуживает отдельного внимания.

Для более углубленного и детального исследования описанных проблем, а также для координации научно-экспертной деятельности недавно создан в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, и можно надеяться на продвижение новых знаний о глобальных процессах не только в науке, но и в системе высшего образования (см. подробнее: [15, С.651-656]).

Важно при этом учесть *уроки протоголобализации (Эллинский мир, Византия)*.

В работах ряда современных ученых, мыслителей (Валлерстайн, Гидденс, Линдси) проводится идея о волнообразном характере глобализации. В частности, Бринк Линдси пишет о первой волне глобализации конца XIX – начала XX века (еще в рамках индустриального общества), которая была даже более масштабной, нежели современная [16].

С таких эволюционных позиций можно утверждать о наличии протоголобализационных процессов, которые зарождались вместе с появлением крупнейших древних государств и империй. Именно от них исходил импульс освоения или завоевания (военного, торгового, культурного) всех пригодных для жизни пространств Земли.

В этом плане первой мировой Империей можно считать античную Грецию и древний Рим. А в последующем – Византию, Второй Рим, где уже осознанно сформировалось

государство-цивилизация. Цивилизационно-религиозные скрепы, как показывает опыт других государств-цивилизаций, оказываются наиболее прочными в удержании государств на исторической арене.

Россия уже много веков придерживается принципа «Москва – Третий Рим» и успешно доказывает ту же теорему о прочности государства, базирующегося на цивилизационной платформе. И хотя Южно-Российский регион примкнул к Российской Империи по историческим меркам недавно, но культурно-цивилизационные предпосылки, родственные российско-цивилизационным, сформировались много раньше. Это связано со взаимодействием торгово-экономическим, культурным с регионами в последующем Юга России, с Эллинским миром (Танаис, Феодосия, Херсонес и др.).

Продовольственное снабжение Афин в античную эпоху во многом зависело от хлебной торговли с северо-причерноморскими городами. Эти экономические связи оказались очень устойчивыми и пережили века.

Вплоть до того, что в XVIII – начале XX вв. в этом регионе сформировался самый крупный район экспорта зерна в мире.

Очевидно и то влияние, которое на этом фоне было связано с продвижением греческой культуры и религии, которое мы воспринимаем сейчас как фоновое. Но недавно высказанная Президентом РФ В.В. Путиным мысль о том, чтобы сделать из Херсонеса Таврического «русскую, российскую Мекку» заставляет более серьезно задуматься о наших духовных корнях и цивилизационном коде. И об опыте культурной эволюции от эллинского язычества – к византийскому монотеизму, который оказывается сходным с русской духовной эволюцией.

На наш взгляд, можно утверждать, что ценностно-культурный стержень, основанный на цивилизационной культуре и цивилизационной преемственности, позволяет народам сохранять свою историческую идентичность при любых сложных переменных, в том числе и не затеряться в турбулентных процессах глобализации. Это подтверждает опыт многих народов Южно-Российского макрорегиона, которых даже репрессировали и выселяли. Но они не стали маргиналами, не потеряли свой национально-культурный код и идентичность. Это подтверждает мысль В. Франкла, известного психолога и мыслителя, пережившего заключение в гитлеровском концлагере [17, С.232]. Он полагал, что выжить в этих условиях смог тот, кто не терял своей духовности и веры.

В этом плане, как уже говорилось выше, историческая судьба Южного региона, Кавказа сложилась так, что здесь сложились, хотя и не сразу, и не без труда, формы общечеловеческого, традиции взаимоотношений народов, принадлежащих к разным локальным цивилизациям. Это началось с эллинских времен, с эллинской торговли и культуры.

В результате регион к новому и новейшему времени жил по законам симфонического взаимодействия, найдя свои способы преодоления конфликтов, порождаемых властной системой, устроенной по принципу: «разделяй и властвуй». Этот противоположный ход, дающий результат, который наш известный ученый, политик, академик Ю.А. Жданов назвал «Солнечное сплетение Евразии», он описал так:

«Передовых людей России на протяжении многих поколений волновала мысль: как преодолеть насаждаемые эксплуататорским обществом антагонизмы и противоречия между народами? Первоначальный ответ заключался в том, чтобы устанавливать дружеские, братские связи с народами Кавказа, ... стремиться ко взаимному обмену, обогащению культурными ценностями, создавать и укреплять интернациональные связи ...» [18, С.360].  
Думается, что с этим вполне можно согласиться.

Если перейти теперь от описательного дискурса к аскрептивному (предписывающему), то исходя из проделанного анализа, можно прийти к следующим выводам и рекомендациям:

1.1 Рассмотрение среднесрочных и долгосрочных тенденций развития и, тем более, индикативного планирования изменений Южного макрорегиона требует вписывания в контекст глобального развития и учета перспективных направлений и противоречий

глобализации на ее новом этапе – многополюсного характера с центрацией на ведущих цивилизационных центрах.

1.2 Можно полагать, что Южный макрорегион, как и в предшествующие периоды своего развития, скорее всего сохранит свои геополитические, геоэкономические, локально-цивилизационные характеристики, которые требуют более глубокой привязки к тем глобальным проектам, которые могут быть органично сопряжены с макрорегиональными характеристиками (высокий лимитрофно-геополитический, рекреационный потенциал, возможности развития зеленой экономики и соответствующей транспортной инфраструктуры и логистики).

1.3 Необходимо изучить и обобщить тенденции формирования эволюционного потенциала межцивилизационного и кросскультурного взаимодействия в Южном макрорегионе, а также выделить факторы, способствующие его деградации и разрушению.

1.4 Следует продумать и обсудить возможности создания в Южно-Российском макрорегионе особой экономической зоны по типу оффшорной, основанной не только на финансовых началах, но и с особым льготным режимом налогообложения, кредитования, землеотведения, таможенной регуляции и паспортного режима для жителей других, прежде всего дружественных, государств. Цель – создание условий для эффективного привлечения инвестиций, реализации международных инновационных проектов.

Необходимый опыт по ряду указанных направлений уже сложился во взаимодействии России и некоторых ее регионов с приграничными дружественными государствами и партнерскими макрорегионами.

1.5. Как показывает анализ, наиболее перспективные объяснительные и прогнозные возможности в понимании глобального и глокального развития демонстрируют междисциплинарный и полидисциплинарный подходы, разработки соответствующих алгоритмов и дискурсов, которым следует уделить самое пристальное внимание.

1.6. Следует включить в образовательные программы и курсы высшей школы те новые области знаний, касающиеся глобальной и глокальной безопасности, угроз и рисков данной природы, которые основаны на новых, порой альтернативных концепциях глобализации и апробированы в ходе международных научных диалогов.

#### **Литература:**

1. Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.–СПб., 2006.
2. Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7.
3. Старостин А.М., Губарев П.Ю., Медяник И.А., Самыгин С.И. Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве. – М.: РУСАЙНС, 2017.
4. Саямов Ю.Н. Международные отношения в контексте глобальных процессов. – М.: «Изд-во «Известия», 2018.
5. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во «Э», 2017.
6. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
7. Акаев А., Садовничий В. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой экономики и России // Сайт «Социальный анализ и моделирование».
8. Альбеков А.У. Императивы развития экологически чистых технологий в Российской Федерации // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2016. № 3 (55). С. 11–20.
9. Глобальная перестройка. – М.: «Весь мир», 2014.
10. Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2009. С. 115-121.

11. Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
12. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: Книжный мир, 2015.
13. Альбеков А.У., Резников С.Н. Глобализация vs регионализация цепей поставок. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2014.
14. Альбеков А.У. Характеристика экспортного потенциала Ростовской области // Концепция международного, межрегионального сотрудничества и поддержки экспортной деятельности в Ростовской области. – Ростов н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2016. С. 9-73.
15. Старостин А.М. Исследовательская философия. Монография. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
16. Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. – М.: ИРИСЭН, 2008.
17. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. М., 2016.
18. Жданов Ю.А. Избранное. Т. 2. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.

**Степанов Никита Сергеевич**  
кандидат экономических наук  
старший научный сотрудник  
Институт экономики РАН  
г. Москва, Россия  
nikitosstepanov@gmail.com

**Соколовская Елена Анатольевна**  
кандидат экономических наук  
старший научный сотрудник  
Институт экономики РАН  
г. Москва, Россия  
marsokolovskaya@mail.ru

## **ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

### **Аннотация.**

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена высокой значимостью малого предпринимательства для экономического роста национальной экономики любого государства. Для России данная проблема стоит особенно остро, что детерминирует необходимость развития институциональной среды поддержки малого и среднего бизнеса. Сформулированные в статье предложения позволят обеспечить эффективное выполнение модернизации экономики.

**Ключевые слова:** малый бизнес, институциональная среда, государственная поддержка, предприниматели

## **PERSPECTIVE OF DEVELOPMENT OF INSTITUTES OF SMALL ENTREPRENEURSHIPS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MODERNIZATION OF RUSSIAN ECONOMY**

**Abstract.** The relevance of the topic of this article is due to the high importance of small business for the economic growth of the national economy of any state. For Russia, this problem is particularly acute, which determines the need for the development of an institutional environment



for supporting small and medium-sized businesses. The proposals formulated in the article will ensure the effective implementation of the modernization of the economy.

**Keywords:** small business, institutional environment, government support, entrepreneurs

### **Введение**

Структурная трансформация национальной экономики, расширение процедур глобализации требуют необходимости соответствующих преобразований в предпринимательском секторе. Динамичное развитие малого предпринимательства является фактором формирования конкурентной среды, ускорения научно-технического процесса, повышения уровня занятости населения, формирования среднего класса.

Это может быть достигнуто за счет быстрой реакции на изменения внешней среды, что повышает конкурентоспособность страны. Как показывает опыт развитых стран, достижение этой цели в период экономической нестабильности возможно только путем осуществления сбалансированной государственной поддержки малого предпринимательства. Основой для этого является модернизация институциональной составляющей в соответствии с требованиями времени и сформировавшихся условий развития. Данные мероприятия будут способствовать дальнейшей оптимизации использования государственных инструментов развития малого бизнеса, приоритетных отраслей государственной экономики, повышению уровня эффективности государственных и региональных программ поддержки.

### **Основная часть**

Малый бизнес является важной частью национальной экономики развитых стран, что обеспечивает социальную и экономическую стабильность, занятость, внедрение инноваций. Адаптивность малого бизнеса к изменениям требований клиентов, возможность трудоустройства людей позволяют этому сектору бизнеса положительно влиять на формирование валового внутреннего продукта (далее – ВВП) и поддерживать экономику государства в период кризиса [3, С.6-18]. В связи с чем, важной является государственная поддержка, которая традиционно рассматривается как способ воздействия на субъекты, который направлен на решение конкретных проблем экономики с использованием комплекса инструментов и форм.

Государственная поддержка играет важную роль в государственном регулировании развития малого предпринимательства. Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии единодушия во взглядах ученых относительно определения государственной поддержки. Можно выделить три подхода к сроку данной экономической категории [4, 7, 8, 10]:

- В рамках первого подхода анализируется государственная поддержка малого бизнеса исключительно исходя из его финансовой составляющей. Однако такой подход является спорным, поскольку помимо финансовой, можно выделить также финансовую, информационную и консультационную поддержку.
- Второй подход рассматривает государственную поддержку через отдельные ее составляющие, которые не учитывают все возможные инструменты стимулирования малого бизнеса.
- Третий подход предусматривает государственное стимулирование ограниченного круга малых предприятий в зависимости от вида деятельности, что также не представляется оптимальным.

По-нашему мнению, государственная поддержка развития малого предпринимательства должна рассматриваться, прежде всего, в институциональном аспекте, который включает в себя формирование и развитие институтов, обеспечивающих содействие самозанятости и увеличению доли малого бизнеса в ВВП.

Институциональная среда поддержки малого предпринимательства уже давно является предметом научных дискуссий и важной проблемой практической деятельности. Различные аспекты и вопросы развития институтов государственной поддержки малого бизнеса исследовались такими учеными, как Борисов И. [1], Виленский А.В., Домнина И.Н.,

Маевская Л.И. [4], Буров В.Ю. [2], Кононкова Н.П., Гаврилова В.Е. [12], Романенко Е.В., Бирюков В.В. [14] и другими. В России были для формирования институциональной базы приняты многочисленные законы и нормативные акты, созданы государственные и некоммерческие структуры, регулирующие данные процессы. Однако, несмотря на высокий уровень существующих теоретических работ и принимаемых законодательных актов, перспективы развития институтов стимулирования малого предпринимательства в условиях модернизации национальной экономики требуют дальнейшего изучения.

В России на данный момент можно отметить позитивные тенденции в развитии малого предпринимательства [9], в таблице 1 представлена динамика субъектов малого и среднего предпринимательства в федеральных округах России.

Таблица 1

Динамика субъектов малого и среднего предпринимательства в федеральных округах России (авторское обобщение по данным [6])

Федеральные округа (ФО)	01.08.2016	10.01.2017	10.01.2018	10.12.2018
Центральный ФО	1636987	1771841	1861590	1863874
Северо-Западный ФО	629902	673351	697706	705229
Южный и Крымский ФО	670767	692589	712124	713142
Северо-Кавказский ФО	188631	198867	199503	202386
Приволжский ФО	1016076	1068590	1083030	1081441
Уральский ФО	482238	509842	520433	518408
Сибирский ФО	653465	689615	702399	698046
Дальневосточный ФО	245699	261085	262431	260372
Российская Федерация	5523765	5865780	6039216	6042898

Анализ представленных данных демонстрирует постоянный ежегодный рост количества субъектов малого предпринимательства, такие тенденции наблюдаются во всех федеральных округах России. На рисунке можно увидеть количество субъектов малого предпринимательства в разрезе формы собственности.

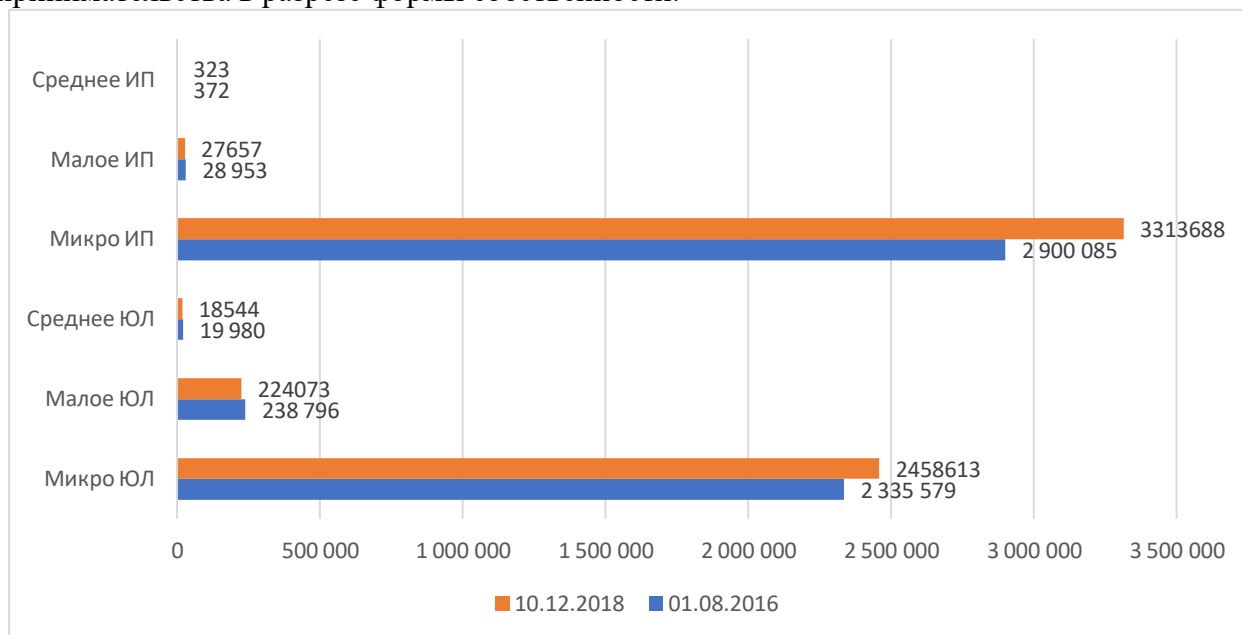


Рисунок – Изменение субъектов малого и среднего предпринимательства по масштабу бизнеса и формам собственности (авторское обобщение по данным [6])

Данные статистического анализа показывают рост абсолютных показателей количества микро индивидуальных предпринимателей (далее - ИП) и микро предпринимателей -

юридических лиц (далее – ЮЛ). Негативной тенденцией можно назвать то, что количество малых и средних предприятий и среди ИП, и среди ЮЛ снизилось. Если рассмотреть структуру малого и среднего предпринимательства (табл. 2), можно увидеть, что сокращение малых и средних предприятий довольно значительно.

Таблица 2

Структура субъектов малого и среднего предпринимательства по масштабу бизнеса и формам собственности (авторское обобщение по данным [6])

Дата	Юридические лица			Индивидуальные предприниматели		
	Микро ЮЛ	Малое ЮЛ	Среднее ЮЛ	Микро ИП	Малое ИП	Среднее ИП
01.08.2016	42,28	4,32	0,36	52,50	0,52	0,007
10.12.2018	40,69	3,71	0,31	54,84	0,46	0,005

Как мы видим, изменения относительных показателей субъектов малого и среднего предпринимательства по масштабу бизнеса и формам собственности показывают увеличение доли только микро ИП. Такая тенденция позволяет сделать вывод о том, что развитие масштабов малого предпринимательства не происходит, что снижает возможности развития и экономического роста России.

В таких условиях становится понятна необходимость развития институтов поддержки малого предпринимательства. Как уже было сказано выше формирование институциональной базы для развития малого предпринимательства происходило в России довольно интенсивно. Так, ключевыми документами в этой сфере являются Стратегия развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 г., «дорожной карте», содержащая мероприятия по ее реализации [11], а также проект «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [13], названный приоритетным для экономики России.

Немаловажную роль в государственной поддержке малого бизнеса играет и Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России», которая с 2002 года предпринимает попытки решить многочисленные проблемы развития малого предпринимательства. О важной роли данной организации говорил в своем выступлении Президент России В.В. Путин, который отметил, что необходимо и дальше проводить работу по формированию комфортной бизнес-среды, максимальному использованию возможностей цифровых технологий, расширению применения современных технологий, в том числе, контрольно-кассовых средств и техники [5].

В то же время В.В. Путиным было указано, что для модернизации экономики России необходимо обеспечить «не просто поступательное, а ... качественное развитие малого и среднего бизнеса», что подразумевает важность повышения эффективности работы институтов и государственной политики по поддержке малого предпринимательства. Было отмечено, что до 2024 года необходимо, чтобы вклад малого предпринимательства в экономический рост государства стремился к 40 % (в настоящее время вклад малого бизнеса в ВВП составляет около 20 %), кроме того, следует создать шесть миллионов дополнительных рабочих мест и укрепить экспортный потенциал малых компаний и предприятий [5].

Необходимость дальнейшего развития институтов малого предпринимательства отражена в статье И. Борисова, где рассказывается о проведенном Российской академией народного хозяйства и государственной службы исследовании. Данное исследование показало, что развитие малого и микробизнеса зависит от институциональных факторов, имеющих ключевое значение. При этом среднее предпринимательство более устойчиво к

уровню развития институциональной среды, а ключевыми факторами их развития являются численность населения и размер доступных рынков [1].

Для более глубокого понимания перспектив развития институтов малого предпринимательства интерес представляет коллективная монография «Институциональные изменения в социальной сфере российских регионов», где раскрываются институциональные изменения, происходящие в социально-экономической сфере регионов России [7]. Проведенный анализ особенностей и тенденций развития российских регионов позволил сделать вывод о том, что основные проблемы в России обусловлены несовершенством институтов.

### **Заключение**

Таким образом, ключевые проблемы, определяющие перспективы развития малого предпринимательства, связаны с необходимостью повышения ее конкурентоспособности на основе технологической и структурной модернизации, преодоления институциональных барьеров общественно эффективного хозяйствования и создание механизмов и институтов развития. Для реализации этих задач нужны, с одной стороны, изменения в экономической политике государства, направленные на преодоление зависимости от внешних заимствований, увеличения доступности кредитов, особенно для малого и среднего бизнеса, расширения возможностей кредитования для реализации инфраструктурных проектов, а с другой - подъем деловой активности и развитие предпринимательства [2, С.78-83].

В основе развития малого предпринимательства лежит развитие собственного производства, диверсификация его структуры, внедрения организационно-технологических инноваций, что достигается благодаря предпринимательской инициативе и правительственной поддержке, повышению делового совершенства как залога успешности отдельных компаний и национального хозяйства в целом. Поэтому задача укрепления позиций России в мировом экономическом пространстве обуславливают императив развития национального производства на основе формирования внутренней конкурентной предпринимательской среды.

Для решения данных проблем необходимы [5]:

- упрощение всех процедур создания и ведения бизнеса, сделав их дружественными для малых предпринимателей, необременительными, сохраняя баланс между интересами граждан, государства, общества и свободой предпринимательства.
- установление исчерпывающего перечня отчётности для небольших компаний и индивидуальных предпринимателей.
- расширение доступа продукции малых предпринимателей на отечественные региональные рынки.
- увеличение доли продукции с высокой добавленной стоимостью, ориентированной, в том числе на экспорт.

Таким образом, в результате формирования институтов развития малого предпринимательства можно существенно простимулировать эффективность деятельности субъектов малого предпринимательства, что будет способствовать интенсивному экономическому росту государства, модернизации экономики, повышение уровня социального обеспечения граждан России.

### **Список литературы:**

1. Борисов И. Институциональная среда для малого бизнеса по значению первостепенна // Экономика и жизнь. 2018, №15 (9731). URL: <https://www.eg-online.ru/article/371259/> (дата обращения: 20.12.2018).
2. Буров В.Ю. Малое предпринимательство в пространственном развитии региона // Вестник БГУ. 2015. №2. С.78-83
3. Бухвальд Е.М. Правовые и институциональные проблемы государственной политики развития и поддержки малого и среднего предпринимательства // Финансы: Теория и Практика. 2016. №3. С.6-18.

4. Виленский А.В., Домнина И.Н., Маевская Л.И. Воздействие не крупного предпринимательства на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации». Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. URL: [https://inecon.org/docs/2018/Vilensky\\_Domnina\\_Mayevsky\\_paper\\_20181218.pdf](https://inecon.org/docs/2018/Vilensky_Domnina_Mayevsky_paper_20181218.pdf) (дата обращения: 20.12.2018).
5. Выступление президента В.В. Путина на пленарном заседании ежегодного форума Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» «Малый бизнес – национальный проект!». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58879> (дата обращения: 20.12.2018).
6. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 20.12.2018).
7. Институциональные изменения в социальной сфере российских регионов: Коллективная монография / Под ред. д.э.н. М. Ю. Шерешевой. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. — 260 с.
8. Мазилев Е.А., Кремин А.Е. Оценка влияния малого бизнеса на социально-экономическое развитие регионов // Вопросы территориального развития. 2018. №1 (41). С.2.
9. Медведев: Число малых предприятий в России превысило 6 миллионов // Российская газета. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/01/31/medvedev-chislo-malyh-predpriatij-v-rossii-prevysilo-6-millionov.html> (дата обращения: 20.12.2018).
10. Михалева О.В., Мутылина К.О. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года // *Juvenis scientia*. 2016. №2. С.129-131.
11. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий ("дорожной карте") по ее реализации. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/#ixzz5aWdffMTM> (дата обращения: 20.12.2018).
12. Предпринимательство в России: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей по итогам межфакультетской студенческой конференции, под ред. д.э.н. Н. П. Кононковой, к.э.н. В. Е. Гавриловой. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. — 256 с.
13. Приоритетный проект «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <http://government.ru/projects/selection/654/> (дата обращения: 20.12.2018).
14. Романенко Е.В., Бирюков В.В. Малое и среднее предпринимательство в условиях модернизации российской экономики // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2015. №2 (42). С.158-165.

**Стрекалова Анастасия Сергеевна**

*кандидат биологических наук*

*Волгоградский государственный университет*

*г. Волгоград*

*strekalovaas@mail.ru*

## **ПОТЕНЦИАЛ МАРКЕТИНГА ТЕРРИТОРИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации  
Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-410-340005*

**Аннотация.** В статье описаны проблемы регионального стратегирования и стратегического позиционирования, спровоцированные трендами глобализации и цифровизации. Показаны вызовы, связанные с усилением ведущей роли сообществ местного населения, непрерывно и самостоятельно продуцирующих и потребляющих информационный контент о своей территории с помощью технологий Web 2.0, стоящие перед российскими регионами. Аргументирован потенциал маркетинга территорий, позволяющий учесть современные тенденции стратегического управления региональным развитием.

**Ключевые слова:** региональная экономика, идентичность территорий, маркетинг территорий, технологии Web 2.0, цифровизация, зеленая экономика, экологический маркетинг территорий.

В мировой экономической науке дебаты по поводу особенностей и моделей стратегии и политики регионального развития продолжают разгораться с новой силой и дискуссии по целому ряду основополагающих вопросов очень далеки от завершения. Новой главой в теории региональной политики стал целый ряд подходов. Отметим среди них новую теорию экономического роста [32, 38], новую экономическую географию [25] и особенно новую институциональную экономику [18, 19, 37]. Именно они стали фундаментом модернизации систем управления развитием городов и регионов по всему миру.

Исследования в области стратегии и политики регионального развития связаны с переходом от территориально-нейтрального подхода (и «пространственно слепой» стратегии развития) к территориально-ориентированному подходу, предложенному Ф. Баркой и соавторами [22] и подходам учитывающим тренды глобализации и цифровизации. Последние, уже с 1990-х годов подталкивают региональные власти по всему миру к переходу от традиционного административного мышления «сверху – вниз» к механизмам, отражающим региональное развитие с позиций критически важной роли групп и сообществ местного населения, непрерывно и самостоятельно продуцирующих и потребляющих информационный контент о своей территории с помощью технологий Web 2.0 <sup>45</sup> [20, 23, 28, 30, 31, 33]. Однако научное сообщество до сих пор игнорирует запросы администраторов-практиков, а «мягкие» маркетинговые технологии и вовлечение различных групп стейкхолдеров в интерактивное управление развитием региона все еще остаются за пределами региональной экономической политики. При этом крайне странным выглядит тот факт, что в условиях активного формирования цифровой экономики, роста прозрачности и открытости всех процессов, до сих пор в региональном стратегировании практически никак не учитывается необходимость проведения системной, последовательной, сконцентрированной, реалистичной, максимально приближенной к целевым аудиториям, направленной на цели устойчивости коммуникационной политики.

К проблемам стратегирования в России и недостаткам ранее применявшейся региональной политики ученые относят «дикую» рыночную конкуренцию регионов 1990-х годов, вылившуюся в дифференциацию уровней их социально-экономического развития и породившую увеличение ареалов депрессивности и бедности регионов, усиление межрегиональных противоречий и ослабление межрегиональных экономических связей, что в свою очередь привело к неравенству между уровнем жизни населения центральных и периферических регионов и усилению социального напряжения; маневрирование централизованными финансовыми потоками в пользу тех или иных проблемных регионов или решения политических задач, что не приводило к увеличению потенциала территорий (материально-техническому, трудовому); реагирующий на текущие экономические, социальные, межэтнические, и политические потребности подход и государственно-патерналистский характер стратегий [2 – 4, 8 – 11, 15, 17]. Ловушки, в которые попадают

---

<sup>45</sup> Технологии Web 2.0 («Вебдванольные» технологии) включают блоги и микроблоги, вики-проекты и социальные медиа, фото- и видеохостинги и т.д.

разработчики стратегий и стратегических планов российских регионов и локальных территориальных образований подробно рассматриваются в работах представителей Дальневосточной школы пространственной экономики и многими другими учеными-регионалистами России [1, 5 – 7, 12 – 14]. Однако изучение массивов исследований по стратегическому планированию показало, что в настоящее время, равно как и в последние десятилетия, в региональных стратегиях вообще не используются достижения современной публичной дипломатии, коммуникационных концепций маркетинга территорий, ориентированных на внутренний (эндогенный) потенциал.

Такое отношение к комплексному коммуникационному подходу, основанное на значительной недооценке его потенциала, особенно в перенасыщенной цифровой среде, выглядит недальновидным. Цена ошибки в цифровую эпоху значительно повышается, а необоснованная стратегическая позиция, не подкрепленная согласованными тактическими действиями и не сопровождаемая коммуникационной политикой и вовлечением всех групп стейкхолдеров региона, сводят на нет цели, запланированные в традиционных стратегиях. Именно игнорированием мультисубъектности цифровой среды Web 2.0 и отсутствием комплексных механизмов вовлечения граждан в интерактивное управление развитием территории можно объяснить провалы PR-кампании на уровне городов и регионов во многих странах мира, которые привели лишь к увеличению бюджетного дефицита и росту напряженности между представителями власти и населением.

Тренды глобализации и цифровизации способствуют дискуссиям в рамках концепции «зеленой» экономики. Дискуссии направлены на поиск изменений традиционных путей пространственного социально-экономического развития в сторону низкоуглеродных инициатив в различных областях. Ведущие ученые называют поиск выхода из сложившейся неблагоприятной экологической ситуации, спровоцированной традиционными подходами к экономическому развитию, важнейшей задачей XXI века для национальных, региональных и местных органов управления [34, 36]. В последних работах, посвященных новым направлениям регионального развития, именно города и регионы называются локомотивами новой экономической политики, поскольку они играют важнейшую роль в продвижении «зеленой» / низкоуглеродной экономической политики, могут служить экспериментальными полигонами для различных комбинированных стратегий и развития новых рынков и ниш [26, 39]. Однако, стратегическое позиционирование территорий как устойчивых и экологически дружелюбных систем, впрочем, как и продвижение низкоуглеродной экономики на региональном уровне, кроме традиционных экономических механизмов должно включать маркетинговые (в том числе конкуренто-ориентированные, отношенческие, коммуникационные и др.). Но такая постановка вопроса остается «за скобками» мейнстрима региональных исследований. Впрочем, и сама «зеленая» экономика носит дискуссионный характер и интерпретируется в широком диапазоне мнений – от либералистского признания ведущей роли рынка до более радикальных концепций, таких как стабильная экономика (steady-state economy) и экономика деградации (degrowth economy) [21, 24, 29, 35].

Несмотря на признание высокого потенциала «зеленой» экономики в пространственном развитии, манифестирование экологических принципов и экологической обусловленности, на практике, перечисленные научные направления недостаточно внимания уделяют экологическому компоненту развития территорий, а традиционные подходы к стратегическому планированию продолжают продуцировать стратегии, не учитывающие идентичности и, тем более аутентичности территорий. Повестка дня будущих региональных исследований на протяжении последних двух десятилетий неизменно связывается с устойчивым развитием, но в итоге подчас сводится к природопользованию и экологической безопасности. Иначе говоря, локальные и региональные социально-экологические системы не рассматриваются в контексте рыночной экономики.

Маркетинговый подход к пространственному развитию территорий, напротив, основан на уникальной, конкурентоспособной идентичности территории. Авторская концепция экологического маркетинга территорий (ЭМТ) [16, С.104-107] позволяет преодолеть

ограничения традиционных подходов к социально-экономическому развитию регионов и окрасить белые пятна «зеленой» экономики. ЭМТ междисциплинарная концепция синтезирующая как смежные, так и достаточно далекие друг от друга области науки начиная с институционально-эволюционной теории социально-экологических систем Э. Остром, парадигмы маркетинга 3.0, концепций «зеленой» экономики (и «зеленого» маркетинга как ее части) и устойчивого развития, экологических конкурентных преимуществ и уязвимостей территорий, стратегического позиционирования, «зеленых» методов и инструментов конструирования и продвижения территорий. В рабочем варианте ЭМТ – это маркетинговая концепция, объединяющая и адаптирующая научно-практические знания в области институциональной экономики, территориального, экологического, социально ответственного, событийного, отношенческого и других видов маркетинга в совокупности с достижениями в сферах экологии, биологии и урбанистики, архитектуры, ландшафтного дизайна, механики и др. В ближайшей перспективе ЭМТ, как маркетинговый подход к устойчивому конкурентоспособному управлению развитием социально-экологических систем региона, предполагает концептуализацию механизмов, принципов, структуры и алгоритмов стратегических и тактических методик основанных на экологических конкурентных преимуществах региона и создание модели организационно-экономического механизма реализации стратегии регионального экологического маркетинга основанной на согласованной многоуровневой региональной медиаполитике (что особенно актуально в современном цифровом мире).

#### **Список литературы:**

1. Аралбаева Ф.З. Реализация стратегии управления локальными социально-экономическими системами // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 9. С. 40-44.
2. Белкина Т.Д. От стратегического планирования к стратегическому управлению городами: проблемы и решения // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 60-70.
3. Богомолова И.В. Экстраполяционный взгляд на современное состояние территориального стратегического планирования в России // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3. Экономика, экология. 2014. № 6. С. 96-102.
4. Бухвальд Е.М. Инновационное развитие регионов: роль децентрализации полномочий // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 55-71.
5. Бухвальд Е.М., Мошкова Л.Е. Регионы России как стратеги экономической безопасности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 3. С. 106-117.
6. Гагарина Г.Ю., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1080-1094 doi 10.17059/2017-4-9. С. 1091.
7. Захарченко Н.Г., Минакир П.А. Макроэкономический прогноз в региональных стратегиях: пример Хабаровского края // Пространственная экономика. 2016. № 2 С. 14-36.
8. Ильина И.Н., Плисецкий Е.Е., Копыченко Г.С., Рыбина Е.Г. Оценка качества разработки региональных стратегий развития в России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 5. С. 178-196.
9. Комплексное обновление Стратегического плана устойчивого развития Волгограда до 2025 года / [авт. коллектив: Д.П. Фролов (науч. руководитель) [и др.]]; под ред. проф. А.Э. Калининой. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 484 с.
10. Ланцев Д.М. Согласование стратегического и бюджетного планирования на муниципальном уровне // Бюджет. 2015. № 6. С. 60-65.
11. Лободанова Д. Стратегии развития старопромышленных городов // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 56-76.



12. Минакир П.А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3 С. 7-15.
13. Минакир П.А. О стратегиях роста российской экономики // Пространственная экономика. 2016. № 2 С. 158-167.
14. Мирзеханова З.Г. Экологические аспекты современного развития дальневосточных регионов в формате модели «зеленой экономики» // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. Вып. 6. С. 1082–1096.
15. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / И. Стародубровская [и др.]; под ред. И. Стародубровской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С.248
16. Стрекалова А.С. Маркетинг территорий 3.0: идентификация новой концептуальной рамки регионального развития // Журнал экономической теории. – 2017. – № 3. – С. 99-107.
17. Татаркин А.И., Некрасов А.А. Теоретико-методологические подходы к оценке стратегий городов-миллионников: роль местного сообщества // Управленец. 2014. № 1. С. 19-25.
18. Acemoglu D., Johnson S. De Facto Political Power and Institutional Persistence. *American Economic Review*. 2006. Vol. 96. Issue 2. Pp. 325-330.
19. Acemoglu D., Robinson J.A. Political Losers as a Barrier to Economic Development. *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. Issue 2. Pp. 126-130.
20. Ashworth G. J., Voogd H. Can places be sold for tourism? / In B. Goodall & G. Ashworth (Eds.), *Marketing tourism places*. London, New York: Routledge, 1990. Pp. 1-16.
21. Bailey I., Caprotti F. The green economy: Functional domains and theoretical directions of enquiry. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2014. Vol. 46. Issue 8. Pp. 1797-1813.
22. Barca F., McCann Ph., Rodríguez-Pose A. The case for regional development intervention: Place-based versus place-neutral approaches. *Journal of Regional Science*. 2012. Vol. 52. No. 1. Pp. 134-152.
23. Costa J.A. *Paradisaal discourse: A critical analysis of marketing and consuming Hawaii*. Consumption, Markets and Culture, 1997. Vol. 1. Iss. 4. Pp. 303-423.
24. Ferguson P. The green economy agenda: Business as usual or transformational discourse? *Environmental Politics*. 2015. Vol. 24. Issue 1. Pp. 17-37.
25. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge, MA and London: The MIT Press, 1999. 384 p.
26. Gibbs D., O'Neill K. Future green economies and regional development: a research agenda. *Regional Studies*. 2017. Vol. 51. Issue 1. Pp. 161-173.
27. Haywood M.K. Revising and implementing the marketing concept as it applies to tourism. *Tourism Management*. 1990. Vol. 3. Pp. 195-205.
28. Herbig P., O'Hara B. Ecotourism: A guide for marketers. *European Business Review*. 1997. Vol. 97. Pp. 231-236.
29. Kenis A., Lievens M. *The limits of the green economy: From reinventing capitalism to repoliticising the present*. London: Routledge. London: Routledge, 2015. 188 p.
30. Kotler P., Haider D.H., Rein I.J. *Marketing places: Attracting investment, industry, and tourism to cities, states, and nations*. New York: Free Press 1993. 388 p.
31. Lichrou M., O'Malley L., Patterson M. Place-product or place narrative(s)? Perspectives in the Marketing of Tourism Destinations. *Journal of Strategic Marketing*. 2008. Vol. 16. No. 1. Pp. 27-39.
32. Lucas R.E. On mechanisms of economic development. *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. Issue 1. Pp.3-42.

33. Morgan N., Pritchard A., Piggott R. New Zealand, 100% pure: The creation of a powerful niche destination brand. *Journal of Brand Management*. 2002. Vol. 9. Issue 4-5. Pp. 335-354.
34. Piketty T. *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014, 685 p.
35. Rao P.K. *The Architecture of Green Economic Policies*. Springer Science & Business Media, 2010. 169 p.
36. Rockström J., Steffen W., Noone K., Persson A., Chapin F. S., Lambin E. F.,... & Foley J. A. A safe operating space for humanity. *Nature*. 2009. Vol. 461. Issue 7263. Pp. 472-475.
37. Rodrik D., Subramanian A. Trebbi F. *Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development*. *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. Issue 2. Pp. 131-165.
38. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *Journal of political economy*. 1986. Vol. 94. Pp. 1002-1037.
39. Smith A., Raven R. What is protective space? Reconsidering niches in transitions to sustainability. *Research Policy*. 2012. Vol. 41. Pp. 1025-1036.

**Сухотин Алексей Борисович**

*кандидат экономических наук*

*Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*

*Москва*

*forac@yandex.ru*

**Чернова Лариса Сергеевна**

*кандидат экономических наук*

*старший научный сотрудник*

*Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*

*Москва*

*chelsydouble@yandex.ru*

## **РЕЗЕРВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ**

**Аннотация.** Исследования политической среды в регионах как фактора, влияющего на их экономическое развитие, является существенно недооцененным в противовес финансовому, производственному и ресурсно-географическому анализу. Статья посвящена дальнейшей разработке авторами модельного анализа взаимодействия решающих политических интересов, от которых, наряду с оценками региональной дифференциации территорий по доходам, зависит выбор различных установок развития регионов.

**Ключевые слова:** политика, экономика, выбор, местная власть, интересы, дисперсия, функция роста, мажоритарная группа, влияние, мера.

При всей сложности и неоднозначности возможных мнений о состоянии российской институциональной среды, местной власти, перемен в благосостоянии населения и перспектив развития экономики на территориях – опыт авторов экспертной оценки, мнение самих участников властно-хозяйственных отношений, мировая практика и заключение ряда признанных отечественных специалистов говорят, что к настоящему времени необходимо указать на ряд важнейших проблем регионального развития сконцентрированных в важнейшей сфере региональных отношений относящийся к самоуправлению территориями. В этом отношении проблемы местного самоуправления способны стать наглядным

примером, который отражает аналогичные ошибки, накопившиеся во многих сферах управления.

Для проблем местного самоуправления характерно, что они давно назрели и требуют только дополнительной конкретизации их причин с целью принятия незамедлительных решений правительством. Сохраняющаяся угроза опустения и, главное, обезлюдения громадных территорий нашей страны, причем, вполне пригодных для проживания, все большее отдаление уровней экономического развития ее регионов и отдельных мест – необходимо сейчас сделать главной темой, с которой должны быть соотнесены, скажем без преувеличения, любые меры государственной, социальной и экономической политики. Тем более отчетливо, эти проблемы и пути их возможного решения предстают в особенно концентрированном виде в такой отправной точке развития страны, как местное самоуправление.

Однако если присмотреться повнимательней, то можно увидеть, что все перечисленное выше, несмотря на то, что относится к наиболее обсуждаемым темам, ещё не отражает полной картины состояния экономики территорий, а лишь является некоторыми следствиями более глубоких и тонких нарушений хозяйственных отношений. Полагаем, что отражением реальных проблем состояния экономических условий, а также причиной слабого экономического развития провинций, является уровень управления, который в настоящий момент демонстрирует местная власть практически на всей территории РФ. Данный уровень не просто является недостаточным для решения задач населения, проживающего на огромной территории РФ, а обладает совершенно неприемлемыми чертами, запутывающими и затрудняющими наведение надлежащего порядка. При этом, нельзя сказать, что никакого порядка на территориях местной власти нет. Проблема видится в том, что местная власть оказалась в заложниках групп, представляющих лишь временные, случайно складывающиеся интересы, которые мало совпадают с целями развития экономического потенциала территорий. Именно такое состояние местной власти согласуется с целым набор её малопривлекательных черт.

Все это мало отвечает задачам, стоящим перед населением территорий в новых экономических условиях. Сложившееся положение приводит к тому, что местное население испытывает чрезмерно большие затруднения при попытках реализации своих экономических и общественных интересов на своих территориях ввиду плохой организации местного самоуправления. Сказанное относится самым непосредственным образом к тому, что экономическая ситуация для предприятий, которые могли бы вырасти на местных ресурсах территорий и в интересах населения этих территорий оказываются в крайне нестабильной ситуации с абсолютно неясным экономическим будущим. По этой причине неоправданное преимущество получают пришлые фирмы, являющиеся в лучшем случае филиалами более крупных организаций, мало заинтересованных в развитии самих территорий. А в худшем случае оказываются под влиянием разоряющих территории фирм-однодневок.

Окончательно ещё не может быть названа ясной тенденция развития и трансформации организационной формы подавляющего числа будущих производств, учреждений и фирм. В настоящее время мы можем только с уверенностью сказать, что в организации производства, все большего числа отраслей и услуг, нарастает внедрение новых технологий, особенно в сфере связи, которые могут разрушить привычный уклад производства. Вместо него, согласно многим прогнозам, видится, что будет распространение все более децентрализованных отношений и дистанционной кооперации внутри фирм всё более самостоятельных и материально независимых людей. Дальнейшая кооперация высокотехнологических производств будет с высокой долей вероятности перенесена в пространство небольших городов и сельских поселений. Всё это значительно повысит требования к организации местной власти, развитию конкуренции между территориями, где победа будет за теми, кто сможет лучше обустроить пространство добрососедских и взаимобязательных отношений.

Особенной чертой, присущей современному уровню развития территорий является слабость экономики, вялый характер отечественного бизнеса. Сложившееся положение характерно для описания проблем не только территорий и регионов, а и всех сфер экономической деятельности. Оно ведёт к скудному притоку инвестиций, низкой реальной занятости населения, которое вынуждено мириться с низкими зарплатами, поскольку, скорее всего, на самом деле эта занятость является избыточной.

Авторы статьи предполагают показать, основания сложившихся правил и в целом порядка общественно-экономических жизни характеризуются избыточным влиянием системы политических решений. Данная система принятия решений сама по себе организована крайне неэффективно и сдерживает развитие хозяйственной, а, возможно и многих других сфер деятельности.

Перед нами стоит задача найти такие параметры системы коллективных решений, которые характеризуют основное содержание или квинтэссенцию области свободы индивидуального выбора, обеспечивающего взаимовыгодное развитие прочих членов коллектива. Мы опускаем здесь, для краткости рассуждения, которые позволяют перейти от системы сопряженные комплексных чисел к заменяющей её, а точнее саму систему решений, исследованиям самого комплексного числа. Для более подробного исследования существующих зависимостей в задаче мы будем применять математические конструкции связанные с использованием также тригонометрических функций, как источника возможных вариаций базовых параметров системы, а именно различных частот распределения случайных функций.

Числовые характеристики общей экономической функции роста уже не предстают такими монолитными, зависящими только от экономических причин. Характер стихийной и сознательной координации социально-экономических процессов оказывается в зависимости от нескольких самостоятельных общественных групп, которые по-своему откликаются на изменения экономической системы. Таким образом, характеристики общего экономического результата, представленные через изменения двух разнонаправленных тенденций экономического роста, получают свое дополнительное выражение, через различные периодические зависимости.

Перейдём теперь к ещё более обобщенному варианту задачи.

Вечные вопросы, которые интересуют экономистов очень часто формулируются весьма просто. К ним, в первую очередь, относится проблема сопоставления ресурсов будущим потребностям. Очевидно, что темпы потребления ресурсов будут каким-то образом связаны с темпами общего экономического роста. Более того, естественно предположить, что различные темпы роста общей экономики будут определять различную структуру потребляемых ресурсов. Однако эта задача, как можно предположить, уже следующей очередности, если пытаться установить какой-либо порядок в методологическом подходе к исследованию данной проблемы.

Перво-наперво, представляется необходимым выделить один или несколько важных участков начальной задачи, особенно сильно влияющих на весь обширный объем возможных ее подзадач, которые связаны, по-сути, с представлением о ключевых характеристиках взаимодействия параметров динамического баланса национальной экономики. Возможный подход к первой формулировке начальных условий строгой математической задачи был представлен в и резюме Доклада к последней за этот год XXVI Кондратьевской конференции [1, С.240] опубликованных ранее статьях [2], [3, С.226]. Данная задача имеет непосредственное отношение к поиску определяющих зависимостей координационного процесса экономического развития и переходит к проблемам поиска и реализации наиболее устойчивых законов взаимодействия, которые более правильно будет называть координацией, между субъектами экономических отношений. Термин координации действительно представляется использовать наиболее удобно, поскольку он отражает, как известно применительно к понятию относительных величин координации, соотношения различных частей целого между собой. Задача же соотношения их конкретных размеров

относительно целого, представляется как раз следующей, которая является во-многом зависимой от успеха решения задач координации.

Переходя к более определенным контурам теоретической задачи и ее методологического аппарата начнем с одного важного момента, о котором впервые было упомянуто в работах [2] и [3, С.226]. Речь идет о возможных методах представления путей снижения искажений в прогнозировании динамики функции общего экономического роста, сопоставимой с различными параметрами динамики ВВП. Данные методы непосредственно вытекают из целей дальнейшего уточнения методов наблюдения за особенностями взаимодействия двух ортогональных тригонометрических функций, вытекающих из аппроксимации производными искомой общей функции с заранее неопределенными свойствами.

В статьях [2] и [3, С.226] мы показывали, что существует вариант математического описания общих характеристик изменений экономической системы, при которой он представляет из себя модель взаимодействия однокачественных искажений. Эти искажения обладают общими признаками аргумента комплексного числа, а их взаимодействие определяется характером симметричной матрицы линейного преобразования этих искажений и параметрами градиента к поверхности, соответствующей данной матрице преобразования. Для обозначения контура условий, соответствующих задаче на поиск минимума возможных искажений тогда было достаточно указать на необходимость одновременного выполнения двух уравнений, подставляющих собой по разному выраженные требования соответствия одной и той же характеристики матрицы искажений. Она, эта характеристика, выражалась как  $da$ , где она обозначала дифференциал искомой и неизвестной функции общеэкономического результата. Если же задаться приведением алгебраической части уравнений к одному знаку и переписать их в форме системы градиентов различных направлений, то система уравнений станет более наглядной и будет выражать требования одновременного выполнения равенств этих уравнений 1 и -1. Более подробное описание последствий для динамического анализа возможных реакций функции, выражающей преобразования экономической системы с точки зрения управляющих параметров не входит в задачи настоящего анализа. Отметим только, что данное условие в конечном итоге может быть сопоставлено условиям существования уравнения Эйлера, описывающим важную часть условий стабильного развития сложных систем за счет регулярной сходимости к динамическому равновесию.

Сейчас мы хотим описать путь к представлению той части условий достижения динамического равновесия, который касается не сходства двух систем искажений, неизбежно присутствующих при изображении обобщенных характеристик экономического развития, а их различий. При таком представлении искажений они способны, по нашему мнению, становиться индикаторами важных особенностей, во многом гипотетической, обобщенной результирующей функции экономического развития. По сути дела мы должны описать функцию, численно выражающую сумму возможных искажений, от которых зависит один из наиболее важных параметров результирующей функции.

Если вспомнить прошлые публикации, то они завершались описанием особых "привилегий", которые получали участники высокодоходной группы, благодаря особым, регулярно проявляющим себя, свойствам периодической функции  $\cos$ , наиболее полно соответствующей их базовым характеристикам. На конкретных числовых примерах было показано, что даже при ухудшении общей ситуации в межрегиональных отношениях, выражаемых увеличением значения среднеквадратического отклонения между регионами, считающей разброс между ними в производстве ВРП (Валового регионального продукта), возможность неограниченных изменений позиций лидирующей группы препятствует, каким либо изменения базовых параметров задачи. В качестве таких базовых параметров могут быть выбраны потребительские предпочтения, параметры выпусков товаров, поданные при выборах голоса избирателей. Функция  $\cos$  отражала область возможных изменений таких параметров. Теперь мы готовы к поиску путей, которые описывают вывод зависимостей

общего вида, в достаточной степени характеризующих общие правила, определяющие свойства данного явления.

Возможность политического маневра предполагает, что стационарная функция от двух сопряженных комплексных величин, которыми удобно изображать вероятностные пространства, также является комплексной величиной. Тогда, как в частности следует из начальных формул, приведённых в [1, С.240], [2], числовая характеристика такой функции, в качестве которой естественным образом выступает ее дисперсия, отразит сочетания двух принципиально различных способов ее формирования в виде суммы периодических функций от различных - бесконечного (непрерывного) и конечного числа множеств ее значений. Эту зависимость можно выразить как общий результат от двух принципиально различных сумм интегралов ступенчатой и непрерывной функций, подробнее о выводе формулы изложено в [4]. Причем, непрерывность первого слагаемого определяется за счет введения особенной меры  $\mu$  для измеримых множеств:

$$(1) \quad \delta_X(\tau) = \sum_{\delta} \mu(D_1(\omega_X) \cos \omega_X \tau) + \sum_0^{\infty} D_2(\omega) \Delta \cos(\omega \tau)_i, \text{ где } \Delta(\omega \tau)_i \rightarrow 0.$$

Теперь окончательно убедимся, что существует прямая зависимость между величиной дисперсии  $D_1$ , а соответственно общей дисперсией всех классов  $\delta_X$  и числовым значением меры  $\mu$  равным  $\mu \xi(n, X)$ . Здесь необходимо пояснить, что если множество значений функции конечно, как в первом слагаемом формулы (1), то ее можно представить как измеримую функцию от суммы индикативной функции  $\omega_X$ , принимающей значения 0 или 1, в зависимости от принадлежности элементов  $\omega$  классу  $X$ ,

(2) где  $\xi(\omega) = \sum \xi_k I \omega_X(\omega)$ , а интегралом от измеримой случайной величины будет число:

$$(3) \quad \mu \xi = \sum_{k=1}^n \xi_k(\omega_X).$$

Поскольку теперь мы можем поставить условие существования интеграла для первого слагаемого формулы (1) в виде требования сходимости к мере  $\mu \xi$ , то остается выяснить условия ее существования. Напомним, что наши предположения о наличие прямой зависимости между свободой политических маневров мажоритарной группы, выраженной функцией  $\cos \omega_X \tau$ , отражается в способности быть участником, а возможно инициатором, множества  $n$  количеств маневров в рамках различных классов  $X$ , принимающих значения угловой величины  $\omega$ . Главным выводом, который нам еще предстоит сформулировать и доказать в строгой форме является уже более конкретная задача. Она заключается в том, что вроде бы ограниченная мерой  $\mu \xi$  последовательность  $n$  маневров внутри произвольно образуемых мажоритарной группой классов  $X$  сама и определяет величину данной меры  $\mu \xi$ !

Прикладной смысл этих рассуждений заключается в том, что политическая форма решений, являющаяся составной частью практически всех долгосрочных решений может служить, при реально неограниченном ее характере, источником ухудшения общей функции роста общественного благосостояния. Данное явление может происходить ввиду того, что подобный рост неограниченных маневров мажоритарной группы находится в прямой зависимости с ростом дисперсии, характеризующей не только частную функцию конечного числа возможных исходов, но и ухудшает значение ее суммы с характеристиками возможных исходов для непрерывно дифференцированной функцией.

Это означает, что любые ошибки в организации местной власти, которые приводят к замене долгосрочных экономических решений на краткосрочные, скорее политически ориентированные решения, вполне способны стать одним из главных условий продолжительного ухудшения экономического положения территорий.

### Список литературы:

1. А.Б. Сухотин, Л.С. Чернова. Резервы политической устойчивости экономического потенциала регионов. Тезисы докладов и выступлений участников Международной конференции XXVI Кондратьевские чтения: «Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее», Москва, 22-23 ноября 2018 г., с. 283.
2. А.Б. Сухотин. Оценки потенциала устойчивости взаимовыгодных вариантов социально-экономической координации. Доклады X Международной научной конференции «Россия ключевые проблемы и решения», 17-18 декабря, Москва, 2009, часть II, М., ИНИОН, 2010 г.
3. А.Б. Сухотин, К проблеме поиска взаимовыгодных вариантов социально-экономической координации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, II Круглый стол «Системная экономика, экономическая кибернетика, мягкие измерения в экономических системах. XVIII Международная конференция по мягким измерениям и вычислениям, 30 июня, Москва – 2015, М. 2015, с. 422..
4. Е. С. Вентцель. Теория вероятности. Москва, Наука, 1969 г., 576 с.

**Трофимова Ольга Ефимовна**

*кандидат экономических наук*

*Институт мировой экономики международных отношений им. Е.М. Примакова*

*г. Москва*

*olgatrofimova53@mail.ru*

## **РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

**Аннотация.** В статье исследуются особенности инвестирования иностранных компаний в Калужской области, дана оценка их роли в ее инновационном развитии до и после введения экономических санкций в отношении РФ. Выявлены инвестиционные преимущества региона, анализируются его кластерная модель, способствующая развитию инноваций и использование индустриальных парков как важного механизма привлечения иностранных инвестиций.

**Ключевые слова:** иностранные прямые инвестиции, инновационное развитие, кластерная модель, индустриальные парки.

Особенности привлечения иностранных прямых инвестиций на региональном уровне имеют ряд сходств и различий, а механизм и инструменты инвестиционной политики различных регионов имеют свою специфику, на которую влияют субъективные и объективные факторы. Улучшение инвестиционного климата в ряде регионов России привело к росту притока иностранного капитала, но их распределение было неравномерным из-за неэффективной инвестиционной политики некоторых регионов и отсутствием стратегии в этой области. Развитие высокотехнологичных инновационных отраслей, в первую очередь информационных технологий является в свою очередь катализатором развития других отраслей экономики, а также отдельных хозяйствующих объектов, способных создавать и распространять инновации. Одним из таких успешных примеров является Калужская область, которая в 2017 г. занимала 5-е место в рейтинге инвестиционной привлекательности российских регионов и заняла 6-е место в рейтинге инновационного развития, проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» [9].

В качестве приоритета региональной политики в Калужской области была выбрана инновационная модель развития, а главным двигателем экономического роста стала

активизация внутренних резервов, развитие наукоемких технологий и инновационной деятельности. По оценкам экспертов национального рейтингового агентства «Эксперт РА» доля инновационного потенциала Калужской области составила 22,6%, опередив Московскую область (22,1%) [7].

Иностранные инвестиции в Калужской области в основном ориентируются на обрабатывающую промышленность, а их отраслевое размещение свидетельствует о значительных успехах региона в создании импортозамещающих производств (автомобилестроение, фармацевтическая, химическая, пищевая). Сотрудничество с крупными иностранными компаниями, в основном европейскими, позволило создать в области современные производства, а использование такого механизма для привлечения иностранных инвесторов как индустриальные парки привело к формированию новых технологических платформ и производственных цепочек. Происходит процесс интеграции традиционных компаний с инвестиционными, в том числе ряд местных предприятий приступил к сотрудничеству и кооперации с иностранными компаниями. В качестве примера кооперации можно привести производство и поставки комплектующих для компании «Volvo» предприятием ОАО «Калужский двигатель», а Калужский завод автомобильного электрооборудования поставляет автокомпоненты на заводы Reydell, Faurecia и Lear, которые в свою очередь поставляют готовые изделия для «Фольксваген Групп Рус» и «ПСМА Рус».

Для определения роли иностранных прямых инвестиций в реализации проектов в регионе необходимо рассмотреть ключевые элементы инновационной структуры области как важнейший фактор привлекательности для инвесторов. Основным ресурсом регионального инновационного сектора является опыт Обнинска, используемый для формирования инновационной системы Калужской области в целом. В городе сосредоточено 10 государственных научно-исследовательских организаций и предприятий, три из которых имеют статус государственных научных центров. Кроме того, есть технопарк в сфере высоких технологий «Обнинск» и «Обнинский Центр науки и технологий». Эта структура включает в себя также 5 бизнес инкубаторов, два инновационно-технологических центра, Региональный венчурный фонд, консалтинговые компании и др. Для реализации региональной инвестиционной и инновационной политики в Калужской области созданы такие институты развития как «Агентство регионального развития Калужской области», АО «Корпорация развития Калужской области» для создания и финансирования инфраструктуры индустриальных парков и технопарков, АО «Агентство инновационного развития – центр кластерного развития Калужской области» и др.

Важным и успешным направлением развития региона является формирование территорий инновационного развития (ТИР), когда инновационность региона основывается на принципе тройной спирали: государство – бизнес – университеты и использование совместного предпринимательства в качестве двигателя этой системы. ТИР соответствуют самому современному подходу развития территорий, вписываются в стратегию развития и содействуют созданию конкурентных ниш в регионе. ТИР предполагает сфокусированность на наиболее перспективных отраслях, которые имеют основу для своего развития в регионе, в частности это специализация технопарка высоких технологий «Обнинск» (биофармацевтика и радиомедицина, нано- и информационно-коммуникационные технологии и новые материалы и др.).

Среди разных видов инвестиций, таких как государственные, частные и иностранные, преобладающими в Калужской области являются иностранные прямые инвестиции (ПИИ): на них приходится примерно 2/3 иностранных инвестиций. По объему ПИИ на душу населения Калужская область занимала в 2016 г. 4-е место в ЦФО и 15-е в РФ [10]. В 2015 г. из 150 новых инвестиционных проектов 82 проекта были с участием иностранного капитала. Иностранных инвесторов привлекает не только инвестиционный климат, обеспеченность региона инновационной и производственной инфраструктурой, квалифицированные кадры, но и налоговые льготы и гарантии, снижающие различные риски. Всего на территории

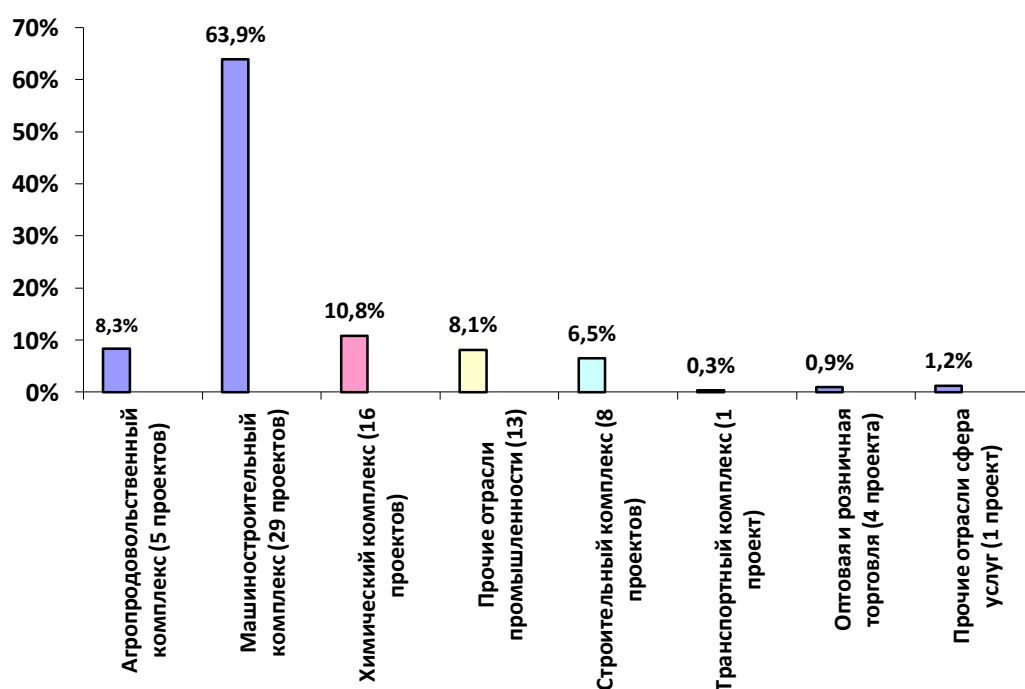


региона осуществляют свои проекты 155 иностранных компаний из 90 стран, из 102 крупных иностранных компаний, работающих в Калужской области 79 это европейские [12].

Калужская область для привлечения иностранных инвестиций делает акцент на уже используемые и отработанные в ряде стран механизмы как создание индустриальных парков с готовой инфраструктурой. Основные площадки региона это 12 индустриальных парков (ИП) и одна особая экономическая зона на двух площадках в Людиново и Боровске. Управление индустриальными парками осуществляет ОАО «Корпорация развития Калужской области», которая организует финансирование инфраструктурных проектов, осуществляет их сопровождение и развивает инженерную и логистическую инфраструктуру этих парков. В настоящее время на их территории реализуются 94 инвестиционных проекта, причем 60 предприятий уже работают и выпускают 18 марок автомобилей, видеотехнику, бытовую химию, косметику в основном европейских марок. Уровень локализации производства составляет 40–60% [6]. Для производства автомобилей Mitsubishi в Калужской области уровень локализации достиг 36% в конце 2017 г. [2, С.9]. В четырех индустриальных парках («Грабцево», «А-парк», «Калуга-Юг», «Росва») основными резидентами стали производители автомобилей и автокомпонентов, в основном европейские и японские компании.

Введение санкций в 2014 г. привело к определенным сдвигам в притоке иностранных инвестиций, в том числе и в Калужской области, которой удалось переориентировать свои приоритеты в пользу стран Азии, но их отраслевое размещение и инновационный характер остались прежними. Переход региона, не имеющего богатых запасов сырья, к инновационной экономике, где ключевыми ресурсами становятся человеческий капитал и качество среды, смягчил последствия введения санкций, и интерес европейских инвесторов к этому региону сохранился.

Приток иностранных прямых инвестиций в Калужскую область в 2015-2017 гг. в целом имел положительную тенденцию, но число инвестпроектов колебалось в этот период. Так, в 2015 г. оно составляло только 7, затем в 2016 г. наблюдался их рост почти в 2 раза до 15 проектов, и Калужская область заняла второе место после Москвы и Московской области. При этом они охватывали почти все отрасли - от химической и фармацевтической до пищевой и лесной [11, р.10]. Однако в 2017 г. их количество снизилось с 15 до 7, а в состав инвесторов вошли только европейские компании [4].



**Рис.** Структура европейских инвестиций по видам деятельности в 2006–2017 гг., в %  
*Составлено и рассчитано по [5].*

По некоторым расчетам в 2006-2017 гг. 63,9% всех европейских инвестиций сосредоточено в автомобильной промышленности, 10,8% в химической, куда входят фармацевтика, биотехнологии и биомедицина, далее идет агропромышленный комплекс (8,3%). Самым крупным инвестором в Калужской области сегодня является Германия (24 проекта, в том числе один совместный российско-германский), на конец 2017 г. объем накопленных инвестиций из этой страны составил почти 3.26 млрд долл., или более 51% всех европейских ПИИ. На втором месте стоит Франция – 830.8 млн долл. (8 проектов, в том числе франко-японский завод Peugeot-Citroen-Mitsubishi), далее идет Швейцария с объемом инвестиций в 506.2 млн долл. (5 проектов, один из них – российско-швейцарский) и Финляндия – 477.1 млн долл. (7 проектов). Кроме того, 10 небольших проектов реализует Италия, 9 - Австрия. Южно-корейские инвестиции в предприятие Самсунг составили 290 млн. долл. Китай также участвует в инфраструктурном проекте Новый шелковый путь по организации товарооборота между Европой и Азией через Калужскую область [3, С.84].

Выбор региональной инвестиционной стратегии также играет важную роль в привлечении ПИИ. Инвестиционная стратегия Калужской области до 2020 г., разработанная еще в 2013 г., базируется на мягких факторах привлечения ПИИ как человеческий капитал, законы, обеспечивающие свободный доступ инвестиций, налоговые льготы, транспортная и энергетическая инфраструктура, поддержка инвесторов, объем внутреннего рынка и др., и была связана с промышленной стратегией, чтобы иностранный капитал поступал не только в быстрокупаемые и прибыльные проекты, но и в отрасли имеющие значение для эффективного инновационного развития региона и отдельных его отраслей, определяющих специализацию региона.

Калужская область одна из первых в России стала использовать кластерный подход к развитию своей экономики (в регионе существует 10 кластеров, ориентированных на наиболее перспективные отрасли экономики). Важным моментом кластерной модели является взаимосвязь внешнеэкономической активности предприятий кластера, социального капитала, передачи технологии и инвестиционно-инновационной деятельности. Это содействует росту эффективности и инновационности региональной экономики и обеспечивает ее конкурентные преимущества. В автомобильном кластере в основном присутствуют европейские инвесторы: на продукцию автомобилестроения с европейским участием приходилось в 2016-2017 гг. почти 41% общего объема промышленного производства области (более ¼ приходилось на «Фольксваген Групп Рус») [1, С.16]. В 2018 г. объем производства двигателей «Фольксваген Групп Рус» вырос на 56,3% и составил 161 000 двигателей (103 000 единиц в 2017 году) [5].

Наиболее перспективным для иностранных инвесторов является Калужский кластер фармацевтики, биотехнологий и медицины, который в числе первых 14 кластеров страны получил в 2013 г. статус инновационного, а также финансовую поддержку бюджета. Он объединяет около 40 резидентов, в том числе крупные европейские промышленные фармацевтические компании “Nemopharm”, “Novo Nordisk”, “Berlin-Chemie/Menarini”, “AstraZeneca”. Главными задачами развития фармацевтики в регионе названы создание новых современных производств и реализация совместных проектов с крупными предприятиями (в основном европейскими) с привлечением малых и средних инновационных организаций. Калужский фармацевтический кластер (девятый в Европе среди фармацевтических/медицинских кластеров) стал первым в России обладателем серебряного сертификата Cluster Excellence Европейского секретариата кластерного анализа (2017 г.).

В последние годы иностранных инвесторов привлекают не только ресурсы, но и рыночные возможности регионов, и такие их преимущества как наличие высококвалифицированных специалистов. ОАО «Агентство инновационного развития –

центр кластерного развития Калужской области», созданное в 2011 году, оказывает всестороннюю поддержку субъектам инновационной деятельности (стартапам) и осуществляет управление индустриальными парками. Опыт Калужской области доказывает, что фактически с нуля можно создать инновационную инфраструктуру и новые индустриальные центры, что свидетельствует о стремлении региона к переходу от заимствования к инновациям.

Несмотря на характерную для России концентрацию капитала, в том числе и иностранного, в отраслях ТЭК и достаточную его размытость в обрабатывающей промышленности, отдельным регионам и областям удалось добиться определенных успехов не только путем реструктуризации некоторых отраслей машиностроения, но и создать отдельные отрасли фактически с нуля, как например, автомобильную в Калужской области. Этого удалось добиться за счет активизации инновационной деятельности, внедрения и распространения инноваций, развития высокотехнологичных секторов в отдельных отраслях, в том числе используя иностранный капитал, технологии и ноу-хау, для налаживания выпуска конкурентоспособной продукции и продвижения ее на мировом рынке. Из других направлений самыми подготовленными к выходу на рынок являются 4 направления инновационной деятельности в Калужской области: биотехнологии и фармацевтика, ядерные технологии и радиомедицина, производство новых материалов, нанотехнологии. «Однако в современных условиях актуальность приобретает нелинейная модель инновационного цикла, подразумевающая тесное взаимодействие рынка (бизнеса) и науки в различных организационных формах научно-исследовательских фирм, опытно-экспериментального производства и т.д.» [8, С.60].

Введение санкций в 2014 г. привело к определенным сдвигам в притоке иностранных инвестиций, в том числе и в Калужской области, которой удалось переориентировать свои приоритеты в пользу стран Азии, но их отраслевое размещение и инновационный характер остались прежними. Переход региона, не имеющего богатых запасов сырья, к инновационной экономике, где ключевыми ресурсами становятся человеческий капитал и качество среды, смягчил последствия введения санкций, и интерес европейских инвесторов к этому региону сохранился.

Локализация производства продолжается, несмотря на уменьшение числа инвестпроектов. Это связано с тем, что в Калужской области существуют реальные возможности для этого процесса, а именно особая экономическая зона с двумя площадками и 12 технологически оснащенных индустриальных парков, широкий выбор площадок под строительство производственных мощностей (greenfields), готовых производств (brownfields), а также бесплатное подключение к инженерным коммуникациям и выходы на таможенные и логистические терминалы.

Все большее значение после закрепления позиций в регионе приобретает такое направление деятельности иностранных и совместных компаний как экспорт продукции в страны Европы и Азии. Кластерная модель развития региона позволила сгладить спад в отдельных отраслях за счет роста других. Прагматичные европейцы не пошли на свертывание сотрудничества, а, напротив, продолжили реализовывать одобренные проекты и планируют новые. «Volkswagen AG», «Berlin Farma», «Nestle», «L'Oreal» расширили производство. Компании других стран как «Samsung» (Корея), «General Electric» (США) также не сократили свою деятельность.

### **Заключение**

Калужская область добилась больших успехов в привлечении иностранных инвестиций в свою экономику. При этом наблюдалась тенденция к оптимальному сочетанию собственных и заимствованных технологических инноваций, что позволило создать в регионе достаточно развитую обрабатывающую промышленность, сделать важный шаг в сторону перехода от заимствования к инновациям. Однако предпочтения иностранных инвесторов к созданию предприятий со 100% иностранным участием и нежелание передавать современные технологии, ноу хау, управленческий опыт создают ряд проблем,

которые требуют обдуманых и взвешенных решений. Негативное влияние на развитие инновационного потенциала Калужской области оказывают и такие внутренние факторы как невысокая эффективность стимулирования инноваций, слабые связи между исследованиями и разработками и бизнесом, незначительные объемы финансирования НИОКР. Тем не менее, в регионе сохраняется стабильная инвестиционная активность, что связано с благоприятной инвестиционной средой, активной поддержкой местных властей различных инвестиционных инициатив, эффективной системой институтов развития, использованием кластерной модели и таких инструментов как индустриальные парки. Такое сочетание факторов является оптимальным для привлечения иностранных инвесторов.

### Список литературы:

1. Вестник Минэкономразвития Калужской области ноябрь 2017
2. Вестник Минэкономразвития Калужской области декабрь 2017. [Электронный ресурс]: Available at: [http://admoblkaluga.ru/upload/minsocial/press/smi/vestnik/10\\_2017.pdf](http://admoblkaluga.ru/upload/minsocial/press/smi/vestnik/10_2017.pdf) (Дата обращения 15.10.2018)
3. Гутник А. В., Трофимова О. Е. Европейские инвестиции в Калужской области: особенности в условиях санкций. //Мировая экономика и международные отношения. том 62. № 9, 2018, сс. 81-87.
4. Зарубежные инвесторы вложили средства в рекордное количество проектов на территории России. [Электронный ресурс]: [http://www.vedomosti.ru/press\\_releases/2018/05/24/zarubezhnie-investori-vlozhili-sredstva-v-rekordnoe-kolichestvo-proektov-na-territorii-rossii](http://www.vedomosti.ru/press_releases/2018/05/24/zarubezhnie-investori-vlozhili-sredstva-v-rekordnoe-kolichestvo-proektov-na-territorii-rossii) (Дата обращения 15.10.2018)
5. Инвестиционный портал Калужской области . [Электронный ресурс] : <http://investkaluga.com/media/news/ekstruzionnye-tehnologii-i-konstruktsii-novyye-rezident-oez-kaluga/volkswagen-group-rus-demonstriruet-rekordnye-pokazateli-proizvodstva/> (Дата обращения 15.10.2018)
6. Индустриальные парки. Не браунфилд, так гринфилд, [Электронный ресурс]: <http://www.tehsovet.ru/article/chief/1856.html> (Дата обращения 10.01.2018)
7. Инновационный потенциал Калужской области. [Электронный ресурс]: <http://www.admobninsk.ru/obninsk/economic-development/oi/inno/?curPos=0&template=97> (Дата обращения 15.10.2018)
8. Райхлина А.В. Формирование и развитие инфраструктуры инновационной деятельности//Экономика, Статистика и Информатика. Вестник УМО №2 2013, сс. 59-. 62
9. Топ-10 инновационных регионов России. [Электронный ресурс]: <https://rb.ru/news/rating-innovative-russia/> Дата обращения 15.10.2018)
10. Экономический потенциал Калужской области. [Электронный ресурс]: [https://wtmoscow.ru/upload/pdf/Econimicheskiy\\_potential.pdf](https://wtmoscow.ru/upload/pdf/Econimicheskiy_potential.pdf) (Дата обращения 15.10.2018)
11. EY European Attractiveness Survey 2017. Russia findings. 2017 Ernst & Young Valuation and Advisory Services LLC., pp. 1-16
12. Foreign investors in Kaluga region. [Электронный ресурс]: <http://ru.investinrussia.com/investment-in-region/24> ( обращения 15.10.2018)

Турсунмухамедов Искандер Гайратович

кандидат экономических наук, P(h)D

Финансовый университет при Правительстве РФ, Калужский филиал  
г. Калуга

iskander-t@yandex.ru

## ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы использования проектного управления в практике экономического развития Калужской области. Дана характеристика комплексного подхода к реализации пространственно-кластерной модели региона. Речь идет о созданных в области институциональных условиях и реальном воплощении стратегических приоритетов хозяйственного развития области.

На основе описания системы управления проектной деятельности автором сделан вывод о том, что главной задачей развития проектного управления в Калужской области является создание надежного единого экономико-информационного пространства для эффективного развития региона.

**Ключевые слова:** проектное управление, региональное развитие, инновационное предпринимательство, кластерный подход, проектный офис.

В эффективном развитии России и ее регионов огромное значение приобретают методы достижения поставленных целей. В настоящее время в стране активно используется в государственном управлении программно-целевой подход. Суть его состоит в том, что теперь стратегия развития национальной экономики подкрепляется целевыми показателями, которые, в свою очередь, трансформируются в перечень исполняемых государственных программ, охватывающих все стороны жизни общества и государства в целом. Каждая государственная программа содержит в себе взаимосвязанный перечень основных мероприятий — проектов. Для того чтобы достичь поставленных целей и в современных условиях эффективнее расходовать бюджетные средства, необходимо внедрение и использование новых управленческих инструментов.

Один из таких инструментов — проектное управление. Как известно, методы проектного управления показали свою востребованность и эффективность. Правительство Российской Федерации, сформировав бюджетный процесс по программному принципу, тем самым создало предпосылки для развития практики проектного управления в российских государственных органах. Ведь государственная программа — это и есть система проектов. На данном этапе возникает потребность соответствующим образом усовершенствовать деятельность органов государственной власти, внедрив эффективные технологии проектного управления.

Исследованиями эффективности реализации проектного управления давно занимаются научные работники. Так, Прокофьев С.Е. профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при правительстве РФ выделяет следующие особенности управления проектами, присущие государственному сектору [1]:

- 1) осуществление деятельности в жестких правовых рамках;
- 2) подотчетность вышестоящим органам власти;
- 3) финансирование проектов за счет бюджетных ресурсов;
- 4) публичная отчетность и общественный контроль;
- 5) амбициозность целей проектов;
- 6) многогранность, архиважность и масштабность государственных проектов;
- 7) направленность на социальный эффект, а не на получение выгод от инвестирования финансовых средств.

Главной задачей развития проектного управления в Калужской области создание надежного единого информационного пространства для его эффективного развития региона. При этом используется комплексный подход, позволяющий добиться высокой эффективности проектного управления в сочетании с применением пространственно-кластерного подхода, основанного на создании институциональных условий развития.

Законодательная и нормативная базы Калужской области гарантируют безопасность капиталовложений. В Калужской области устранены все административные барьеры, максимально упрощены процедуры регистрации бизнеса, получения лицензий, разрешений и согласований. Для сопровождения инвестиционных проектов в Калужской области созданы институты развития. Это Агентство регионального развития, которое бесплатно оказывает консалтинговые услуги для инвесторов, и Корпорация регионального развития, которая осуществляет девелоперские услуги. Индивидуальный подход к каждому проекту – основное правило взаимодействия руководства области с инвесторами.

В регионе принята государственная программа «Развитие предпринимательства и инноваций в Калужской области». Ее основными задачами на период до 2020 г. являются:

- формирование региональных приоритетных направлений внедрения инновационных проектов, реализация которых будет иметь наибольшее значение для экономического развития региона;
- дальнейшее развитие частно-государственного партнерства в научно-технической и инновационной сферах;
- создание недостающих элементов региональной инновационной инфраструктуры (отраслевых технопарков и зон инновационного развития и других).
- увеличение доли инновационной продукции до 25% от общего объема продукции и в общем объеме экспортной продукции;
- увеличение количества малых инновационных предприятий до 30% от общего количества малых предприятий области;
- создание университета инновационного типа, а также научно-образовательных комплексов;
- активное вовлечение муниципальных образований области в инновационную деятельность.

Государственная программа «Развитие предпринимательства и инноваций в Калужской области» имеет свои подпрограммы:

- ❖ развитие малого и среднего, в том числе инновационного, предпринимательства в Калужской области;
- ❖ создание и развитие технопарков в сфере высоких технологий в Калужской области;
- ❖ создание и развитие инновационных территориальных кластеров в сфере фармацевтики, биотехнологий, биомедицины и информационно-телекоммуникационных технологий.

Реализация вышеуказанных подпрограмм позволит улучшить условия ведения бизнеса в Калужской области, уменьшить административные барьеры при осуществлении предпринимательской деятельности, модернизировать производственную базу субъектов малого и среднего предпринимательства, сформировать и развивать рынки инновационных продуктов (технологий и услуг), создать инфраструктуру поддержки инновационной деятельности, включающей бизнес-инкубатор для начинающих компаний.

Одним из приоритетов Стратегии развития Калужской области является создание и развитие кластеров как инновационного способа реализации экономической политики, что позволит обеспечить конкурентоспособность региона не только по стандартным макроэкономическим показателям, но и по состоянию среды жизни и качеству человеческого капитала.

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития в ближайшие 20 лет в Калужской области планируется формирование 7 кластеров: жизнеобеспечения и развития

среды; биотехнологий, фармацевтики, медицинских услуг; образовательного; автостроительного; транспортно-логистического; туристско-рекреационного; агропищевого.

Сегодня на территории области активно развиваются восемь индустриальных парков, где предлагаются условия, опережающие потребности инвесторов. Так, для малых и средних компаний, которым экономически рискованно вкладываться в строительство, регион предоставляет возможность аренды площади со всеми коммуникациями по доступным льготным ценам.

Разработка прогрессивных технологий и нововведений, с последующим их массовым применением в отечественной экономике, а также соединение заимствованных зарубежных технологий с отечественными НИОКР может быть обеспечено созданием специальных территориальных образований – особых экономических зон (далее – ОЭЗ).

Особые экономические зоны могут помочь в создании эффективного механизма для обеспечения единого экономического и производственно-технологического пространства в регионе [2]. Широкомасштабное привлечение инвестиций в региональную экономику посредством создания ОЭЗ будет способствовать решению таких задач, как модернизация производства, освоение невостребованного научно-технического потенциала, расширение производства продукции и создание новых рабочих мест.

На территории Калужской области с 2012 г. функционирует ОЭЗ промышленно-производственного типа «Людиново». Общая площадь ОЭЗ 1024,6 га. Основными видами производств на территории данной ОЭЗ являются производство машин и оборудования, обработка древесины и производство изделий из древесины, производство частей и принадлежностей автомобилей и их двигателей, медицинское оборудование, приборостроение.

Особый режим предпринимательской деятельности на территории ОЭЗ согласно соглашению между Правительством РФ, Правительством Калужской области и Администрацией муниципального образования «Город Людиново и Людиновский район» от 25.01.2013 № С-10-ОС/Д14 проявляется в первую очередь в предоставлении ее резидентам таможенных, налоговых, финансовых и административных льгот.

Внедрение проектного управления в регионах является инициативой Президента России. Выступая на Петербургском международном экономическом форуме еще в 2015 году, глава государства предложил в целях обеспечения внедрения лучших практик формирования благоприятного инвестиционного климата создать в каждом субъекте специальные проектные офисы.

Организационная структура системы управления проектной деятельностью в Калужской области включает в себя:

- а) постоянные органы управления проектной деятельностью, к которым относятся:
  - координационный Совет;
  - проектный офис Калужской области;
  - ведомственные координационные органы;
  - проектные офисы органов исполнительной власти Калужской области
- б) формируемые в целях реализации проектов (программ) временные органы управления проектной деятельностью, к которым относятся:
- в) обеспечивающие и вспомогательные органы управления проектной деятельностью.

Инициирование приоритетных проектов (программ) и формирование портфеля приоритетных проектов (программ) региона включает:

- Формирование предложений по приоритетному проекту (программе);
- Разработка Паспорта приоритетного проекта (программы).

После утверждения паспорта приоритетного проекта (программы) разрабатывается сводный план приоритетного проекта (программы).

Затем утверждается сводный план приоритетного проекта (программы) и в соответствии с ним разрабатывается финансовое обеспечение приоритетного проекта (программы), которое может осуществляться частично или полностью за счет средств

федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов, бюджета Калужской области, местных бюджетов, средств государственных корпораций, публичных акционерных обществ с государственным участием, общественных, научных и иных организаций

В целях организации проектной деятельности в органах исполнительной власти в 2017 году в Калужской области был создан Проектный офис Калужской области.

Создание офиса обусловлено необходимостью внедрения проектного управления в деятельность органов исполнительной власти Калужской области в целях:

- обеспечения достижения результатов, запланированных органами исполнительной власти;
- соблюдения и сокращения сроков достижения результатов;
- повышения эффективности использования ресурсов;
- прозрачности, обоснованности и своевременности принимаемых решений в органе исполнительной власти;
- повышения эффективности внутриведомственного, межведомственного и межуровневого взаимодействия, а также взаимодействия с подрядными организациями, привлекаемыми органом исполнительной власти, за счет использования единых подходов проектного управления.

Региональный проектный офис выполняет следующие основные задачи:

1. Оказание содействия органам исполнительной власти Калужской области и подведомственных учреждений в области планирования, управления, координации и сопровождения проектов Калужской области.
2. Оказание содействия органам исполнительной власти Калужской области и подведомственных учреждений в области развития процессов проектного управления.
3. Оказание содействия органам исполнительной власти Калужской области в области использования автоматизированных средств поддержки проектной деятельности, включая специализированные прикладные программы и комплексные программные решения.

За первый год работы проектного офиса правительства региона созданы сотни тысяч новых рабочих мест в сфере малого бизнеса, отремонтированы дороги в крупнейших городах. Проектный офис заработал и набирает сторонников в самых разных сферах. Уже к концу 2018 года улучшилась ситуация с дорогами в крупнейших городах области, запустилось всенародное движение по благоустройству городской среды, созданы сотни тысяч новых рабочих мест в сфере малого бизнеса. Есть достижения в области здравоохранения и образования. Перезапущена система санитарной авиации в труднодоступных регионах. Создана сеть детских технопарков в 37 регионах, введено дополнительное образование.

По вовлечению граждан в работу лучшими стали проекты по городской среде и дорогам. По применению ускоренной процедуры межведомственного взаимодействия и сокращения бюрократии отличные результаты показала команда реформы контрольно-надзорной деятельности. По обеспечению согласованного взаимодействия федерального, регионального и муниципального уровней, по решению конкретных задач на местах очень хороший результат имеется у проекта по развитию моногородов.

В ближайшее время многие проекты из сегодняшнего портфеля Калужской области останутся, некоторые будут скорректированы, а какие-то передадут на ведомственный уровень, появятся и новые.

На уровень проектного управления необходимо переводить всё, что связано с внедрением технологий, цифровизацией. Сейчас область работает над «Цифровой школой», расширяется проект «Электронное здравоохранение». **Реализация всех «кейсов» проектного управления может ускорить рост ВВП.** Например, есть проект по



несырьевому экспорту. Если к 2025 году его удвоить, то, по существующим оценкам, рост экономики составит 3,5–4%.

**В ходе реализации проектного управления предполагается наделение проектных госслужащих новыми функциями.** Тут важна роль руководителя проекта: он должен ставить вопросы принципиально. В этом направлении поставлены две большие задачи: совершенствование механизмов материального стимулирования участников проектов и внедрение IT-решений. Например, безбумажный документооборот, автоматический контроль исполнения плана, удаленное согласование документов, удобные средства коммуникаций. Кроме того, необходимо увязать стратегическое планирование, проектное управление и бюджетное планирование — всё должно быть в единых циклах.

Для того чтобы проектное направление было действительно эффективным, над ним должна быть сбалансированная система стратегических целей. Тогда, понимая, к чему идти, можно отобрать проекты, которые работают на достижение этих целей, оценить их возможный вклад, присвоить каждому проекту свой ранг. При этом сначала надо определять стратегические цели и сформировать под них проекты и программы. Необходимо успевать своевременно разработать предложения, прорабатывать их с общественностью и заинтересованными сторонами. Также требуется проводить ранжирование и оценку проектов, насколько они работают на достижение стратегических целей, вовремя их представлять, чтобы получить под них финансирование в рамках бюджетного процесса, а не точечным волевым решением. Предстоит синхронизировать процессы разработки стратегических документов, проектов и формирования бюджетов.

В 1918 году в Калужской области начата отработка указанных подходов на пяти пилотных госпрограммах (развития образования, здравоохранения, транспортной системы, сельского хозяйства и обеспечения доступным жильем и коммунальными услугами), переведенных на проектное управление.

Таким образом, главной задачей развития проектного управления в Калужской области является создание надежного единого экономико-информационного пространства для эффективного развития региона. Это позволит: во-первых, увязать цикл стратегического, программного и бюджетного управления; во-вторых, создать информационную платформу для работы не только по приоритетным, но и министерским, региональным и другим проектам по единому стандарту; в-третьих, продолжать подготовку специалистов для работы в региональных проектах.

#### **Литература:**

1. Прокофьев С.Е., Мурар В.И., Рашкеева И.В., Елесина М.В. Проектное финансирование: сущность и значение // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/02EVN614.pdf>.
2. Турсунмухамедов И.Г., Александров Е.Л. Особые экономические зоны как фактор привлечения инвестиций в региональную экономику: монография «Экономика и общество: проблемы и перспективы модернизации в России», глава 16. Пенза, Изд. ПГУ, 2013, С. 356.

**Федоров Николай Юрьевич**

*кандидат философских наук*

*Российский государственный гуманитарный университет*

*Г. Москва*

*ninani@mail.ru*

**ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ДИНАМИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**Аннотация.** В статье дана трактовка человеческого капитала как творческой деятельности исследователей и инноваций. Творчество и инновации отличают человеческий капитал от рабочей силы. Его динамика в России противоречива: снижение численности исследователей сопровождается ростом производительности их труда при крайне медленном росте инновационных инвестиций и оплаты труда. Выводы из этих фактов не могут быть однозначными.

**Ключевые слова:** человеческий капитал, творчество, патент, исследователь; созданные технологии.

Понятие человеческого капитала и проблематика его регулирования получает все большее распространение в социально-экономических науках и в практике управления, заменяя собой понятие кадров и рабочей силы, конкурируя с понятиями персонала и человеческих ресурсов. По общему признанию и вслед за основателями теории Т.Шульцем и Г.Беккером человеческий капитал включает знания, навыки, квалификацию работника, прежде всего, его образование, более высокий уровень которого приносит и более высокие доходы [1; 3; 4; 5; 18]. Сюда же многими авторами включается так же и мотивация, здоровье, культура и т.п. [1; 2; 7; 8; 16]. Инвестиции в них выступают «инвестициями в человека», т.е. в соответствующие сферы народного хозяйства, и служат повышению производительности, доходов и т.п.

Современные зарубежные и отечественные экономисты рассматривают человеческий капитал в самых различных аспектах, прежде всего, в контексте растущей общественной роли научных знаний и инновационной экономики [5; 9; 14; 15; 16]. У подавляющего большинства авторов он предстает как экономическая категория, отражающая развитые личностные качества, используемые в экономической деятельности. В русле экономической трактовки человеческого капитала он понимается и в социологии [8; С.128].

Понятие человеческого капитала, сохраняет свою экономическую направленность, несмотря на доминирование социальных компонентов и определений. Он играет роль не самостоятельного общественного феномена, служащего развитию человека, а подчинен экономическим целям. Как экономисты, так и социологи рассматривают человека и его капитал как элемент трудового и производственного, социального и политического процесса, но не как самоцель развития самого человека.

В отличие от этого, в ряде работ автора настоящей статьи сделана попытка показать человеческий капитал как сугубо социологическую категорию, выражающую саморазвитие человека и социальной группы в творческом процессе [11; 12; 13].

Понятие человеческого капитала выражает человеческое содержание объективных общественных отношений как субъективное содержание, а сам капитал – это особый способ человеческого отношения к предметному миру и его деятельного преобразования. Капитал превращается в продолжение человека в вещах и других людях, в перенесение его личности, идей и ценностей на вещи и других людей. Социологическая интерпретация понятий заостряет внимание на человеческой субъективности, а капитал в этом смысле должен быть понят в контексте самореализации человека. С другой стороны, в социологическом понимании человека способом его существования становится его деятельность, в которой он осуществляет творчество [10], и капитал становится принадлежностью человека, человеческим капиталом, создающимся в творческом процессе. Воспроизводство же экономического капитала, как и интеллектуального, социального и других его видов, исследуемых в экономической науке, становится частным случаем воспроизводства капитала человеческого.

Содержание этой категории, данное экономистами, социологично: все включенные в него компоненты принадлежат человеку и только ему. Поэтому, не останавливаясь подробно на теоретических положениях человеческого капитала, суть которых изложена многими авторами и лишь в ограниченной мере является предметом настоящей статьи, подчеркнем следующее.

*Во-первых*, как известно, понятие «капитал», прежде всего, экономический, выражает не просто факт наличия имущества и денег, а отношения между людьми, в которых производятся товары, деньги, доходы и пр., и в которых действует производительная и социальная сила человека. В современной экономической науке это наиболее отчетливо показал М.М. Критский [6]. Для социолога эти отношения содержат средства развития самого трудящегося — повышение содержательности его труда, количество и качество профессиональной подготовки, уровень образования, знания и т.п., и сам капитал также выступает средством такого развития. Поэтому, *во-вторых*, рост человеческого капитала означает не увеличение денег и вещей, а обогащение собственных качеств работника, прежде всего, рост профессионализма, профессионального знания, которое реализуется в труде и средствах производства, в новых технологиях и организации, в инновациях. Поэтому человеческий капитал проявляется, как это принято считать, в работниках, имеющих профессиональное образование.

*В-третьих*, должны различаться понятия «человеческий капитал» и «рабочая сила». Если человеческий капитал считать только развитой рабочей силой (с высоким уровнем профессионального образования), то происходит простая подмена понятия «квалифицированная рабочая сила» понятием «человеческий капитал» [17; С.47].

Однако, между ними, как мы полагаем, должно быть и имеется существенное различие. Рабочая сила — это способность к репродуктивным действиям — повторяемым, хотя и сложным операциям, являющимся продолжением движения машин и организации. Для рабочей силы ее способность к труду является как интеллектуальной, так и физической, способность и к разнообразному, и к монотонному труду. У работника доминируют ориентации на вещественные блага и доходы, необходимые для восстановления и развития способностей к труду в индустриальном производстве. В отличие от этого, для человеческого капитала решающую роль играет информационная и интеллектуальная насыщенность труда. Такое различие обусловлено сущностью капитала: в экономике он представляет собой саморазвивающуюся стоимость, сам растет и сам себя воспроизводит в отношениях между владельцами товара и денег, и только так он и существует. Для этого капитал использует свои собственные структурные элементы — наемный труд, вещественные средства производства, собственность, рынок и пр. Результат — создание и экономическое движение денег, как капитала. Аналогично, человеческий капитал — это самовозрастание самого человека, работника в процессе труда, его саморазвитие относительно независимо от технологического процесса, которое происходит за счет внутренних для самого капитала источников.

В связи с этим мы полагаем, что провести различие между этими категориями позволяет творческая деятельность, результаты которой инновационны. Рабочей силе знание и образование необходимы лишь как исполнителю; человек, как бы ни был сложен его труд, подчинен производственной организации и технологическому процессу, преимущественно однозначному взаимодействию с другими исполнителями и руководителями. А человеческий капитал отличается творчеством — созданием новых элементов труда, производства, организации и пр. Он растет в создании нового знания, в исследованиях и разработках, которые реализуются и проявляются в инновациях. Инновационная деятельность также естественна человеческому капиталу, как исполнительная — рабочей силе. Выступая как источник модернизации производства и экономики, рабочая сила превращает свои качества в человеческий капитал именно при условии собственного самовозрастания, т.е. увеличения и реализации своих профессиональных знаний по мере осуществления творческого труда, по мере разработанных и реализованных инноваций. Последние осуществляются специалистами в интеллектуальной трудовой деятельности, в прямых и опосредованных отношениях с различными работниками на конкретном производстве и в национальном хозяйстве, в органах хозяйственного управления, в исследовательских и других организациях. Точно так же и знания, необходимые для инноваций, возникают лишь в самом этом процессе деятельных отношений — как в

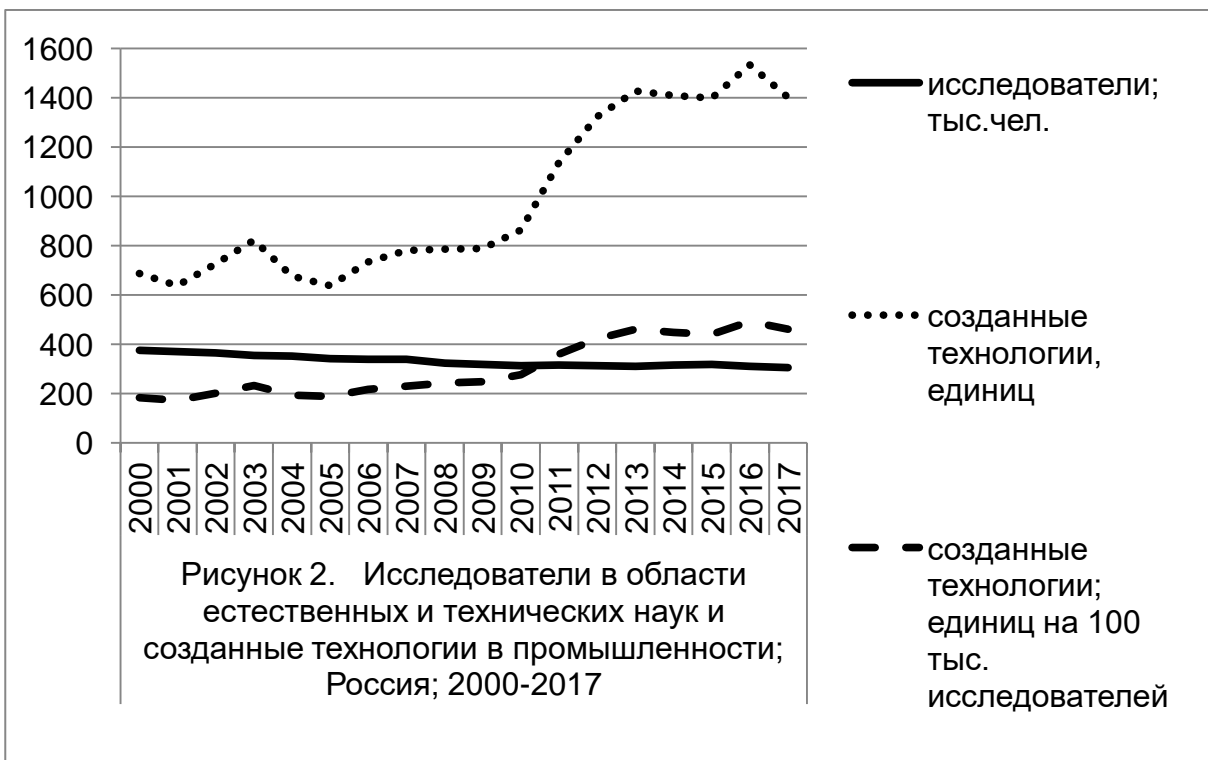
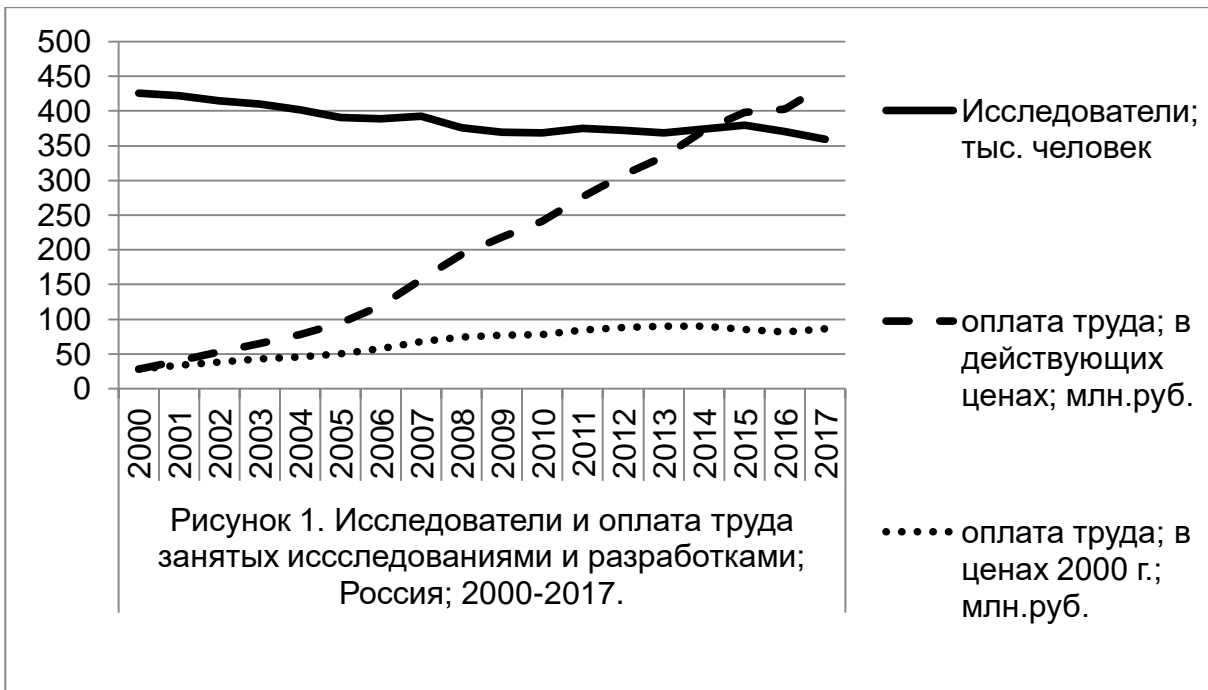
совместной подготовке преобразований, так и в изменении содержания образования; возникают, чтобы затем реализоваться в тех же отношениях и деятельности, в которой происходит профессиональный рост работника и развитие его социальных качеств. Поэтому человеческий капитал включает, прежде всего, наиболее квалифицированную часть рабочей силы, способную к разработке и применению новых технологий и продукции, прежде всего, исследователей. Их численность, представленная в российской официальной статистике становится показателем человеческого капитала, однако, не сводится к ней. Результативность труда заключается здесь в творческих производственных результатах, а именно — в патентах и инновациях. Тем самым творческий труд этой социальной группы определяет результативность человеческого капитала России. И именно в таком труде выражен человек, как его видит социология — субъект, индивидуальность, творец, в повседневной работе создающий особые, ранее не создававшиеся знания и предметы.

Стремясь показать ее как категорию, имеющую самостоятельное теоретическое и практическое содержание, проведем небольшое социологическое исследование человеческого капитала, используя официальную статистику. Выбранные нами показатели, как и любые другие, имеют свои ограничения, однако, они, на наш взгляд, достаточно полно выражают основные тенденции человеческого капитала — его рост и вместе с тем те или иные противоречия.

В исследовании представлена одна из социальных групп, образующих человеческий капитал, — группа исследователей, включающая ученых, конструкторов и проектировщиков специализированных организаций, вузов и т.п. Наряду с ними такими группами могут быть и другие работники с высоким уровнем профессионального образования (предприниматели, квалифицированные рабочие, менеджеры и государственные служащие, прямо и косвенно занятые организацией и управлением инновационной деятельностью, преподаватели вузов и другие). Исследователи — это специалисты, в работе которых непосредственное создание инноваций является главной целевой функцией. Их творческая деятельность проявляется в количестве полученных патентов, внедрение инноваций — в количестве созданных в промышленности передовых производственных технологий. Эти два показателя в концентрированном виде отражают общую тенденцию количественного изменения творческой активности, зафиксированную статистикой, за ними, как мы полагаем, скрываются аналогичные тенденции исследований и разработок, рационализации производства, создания инноваций и пр., не только в промышленности, но и в других областях народного хозяйства и науки.

Остановимся на динамике соответствующих показателей, что, однако, не должно исключать возможности использования и каких-либо других.

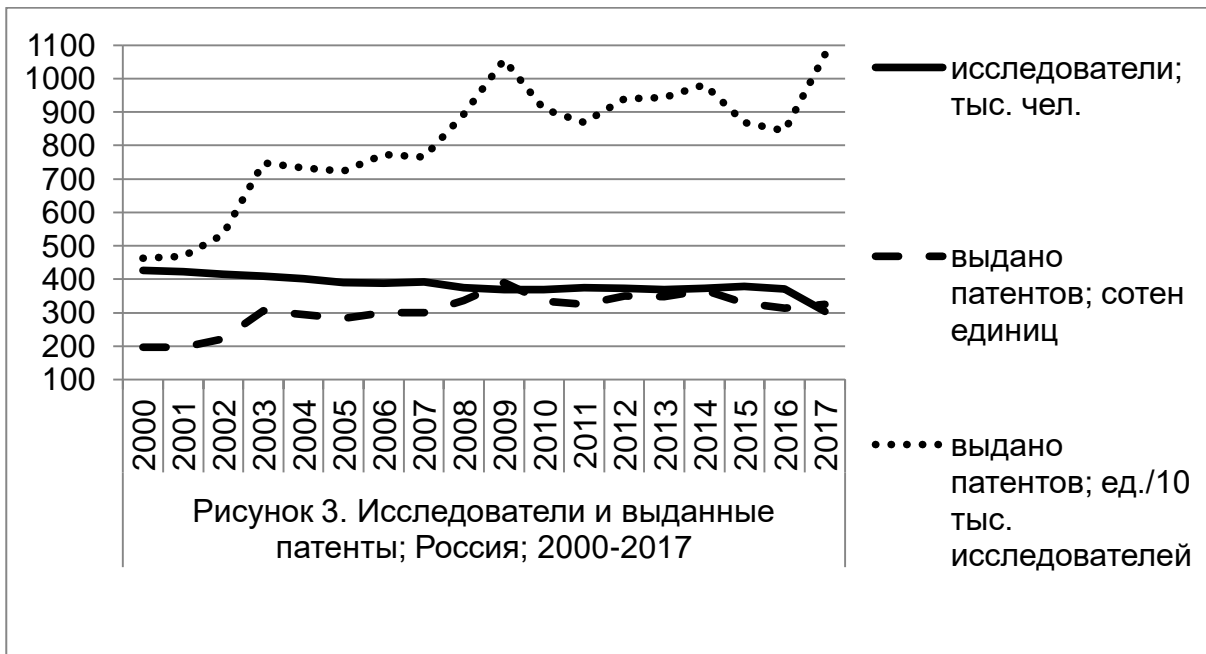
Человеческий капитал, представленный в виде социально-профессиональной группы исследователей, занятых в во всех областях научной и практической деятельности, в 2000-х гг. подвержен устойчивому снижению — с 426,0 до 360,0 тыс.чел., т.е. на 66,2 тыс.чел., или на 18,4% (рисунок 1). Эта тенденция сохраняется с 90-х гг., когда страну постиг системный кризис. В 2000-е гг. она стала менее интенсивной, однако, не прекратилась, несмотря на значительный рост оплаты труда занятых исследованиями и разработками. Вместе с тем, такой рост в значительной степени является инфляционным, что значительно снижает фактическую оплату: измеренная в ценах 2000 г., она в 2017 г. составляет лишь 19,7% от оплаты в действующих ценах в том же году.



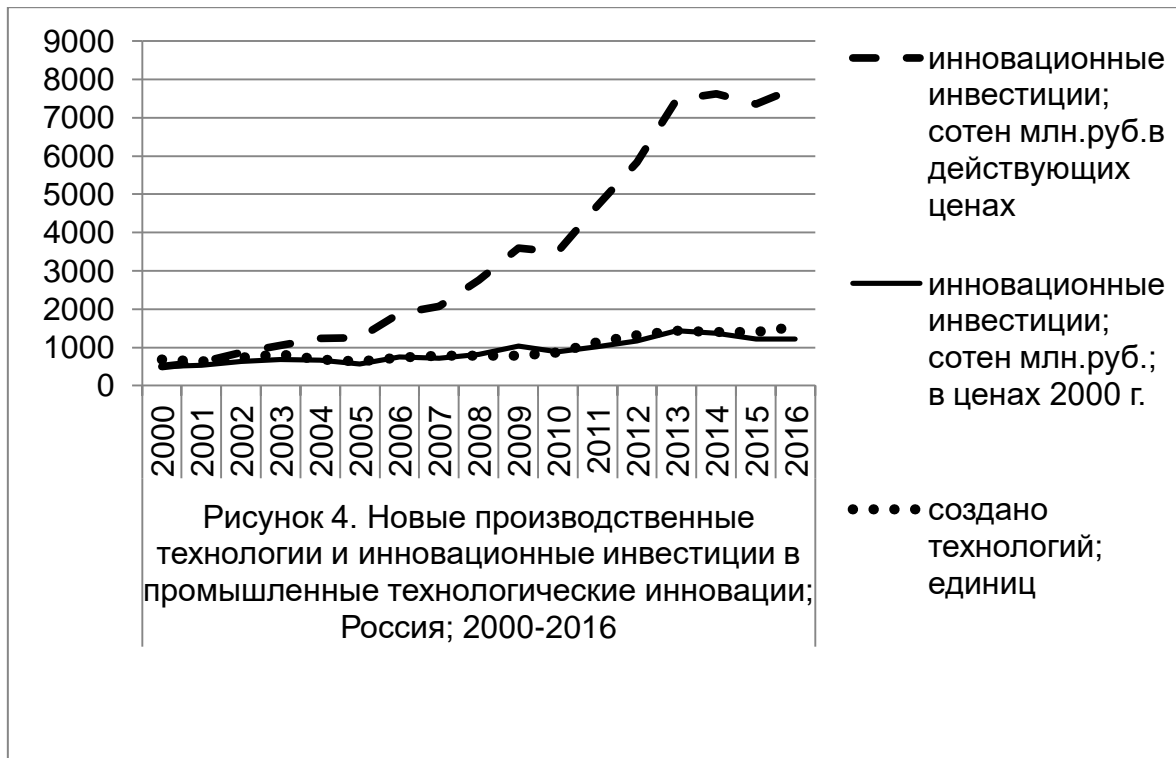
Вместе с тем, растет количество созданных производственных промышленных технологий (рисунок 2), причем, как в абсолютной, так и в относительной форме (в расчете на 100 тыс. исследователей): при снижении численности исследователей, занятых в технических и естественных науках, на 71 тыс.чел. количество созданных технологий выросло на 714 ед. Иначе говоря, в 2000-е годы выросла «производительность труда» исследователей и разработчиков. Это явно противоречит тенденции устойчивого снижения их численности и небольшому фактическому росту затрат на оплату труда: в течение 17 лет они увеличились (в ценах 2000 г.) лишь в 3,1 раза (при росте в действующих ценах в 15,8 раз и индекса потребительских цен в 5,1 раза). Нельзя не обратить внимание так же и на некоторое снижение количества созданных технологий в 2016-2017 гг., которое как бы

«намекает» на некоторый достигнутый «порог результативности» инновационного труда при столь малом росте его оплаты.

Аналогичный рост можно видеть и в динамике результатов деятельности исследователей и других творческих людей, которая представлена в данной статье в количестве выданных патентов (рисунок 3). За период 2000-2017 гг. оно увеличилось на 58,6% в абсолютной (на 11,6 тыс. единиц) и на 132% в относительной форме (на 609 ед. на 10 тыс. исследователей).



Определенное влияние на повышение производительности исследователей оказывают растущие инновационные инвестиции, т.е. финансирование исследований и разработок (рисунок 4). За период 2000-2016 гг. эти инвестиции выросли в 15,7 раза. Однако, эффективность этого роста остается весьма относительной: притом, что в действующих ценах это увеличение представляется довольно-таки значительным, с учетом инфляции инновационные инвестиции составили в 2016 г. лишь 15,7% от суммы инвестиций в действующих ценах.



Важно указать на прямую зависимость количества новых технологий от инновационных инвестиций в ценах 2000 г. (рисунок 4): медленный рост количества созданных технологий, не зависящий от довольно-таки высокого роста инновационных инвестиций, выраженный в действующих ценах, обусловлен преимущественно инфляционным характером этих инвестиций.

Таким образом,

- с одной стороны, динамика численности исследователей — основной группы творческого, инновационного труда — должна была бы свидетельствовать о снижении российского человеческого капитала; с другой стороны, динамика абсолютного количества результатов инновационной деятельности свидетельствует о его многолетнем устойчивом росте;
- с одной стороны, незначительно растет фактическая оплата труда занятых инновационной деятельностью; с другой стороны, значительно растет индивидуальная производительность, следовательно, социально-профессиональная группа исследователей, человеческий капитал подвержен значительной эксплуатации;

Важно также сделать вывод о том, что увеличение созданных технологий продолжается низкими темпами по сравнению с высокими потребностями становящейся инновационной экономики. Они могут и должны быть более значительными, но лишь при многократном увеличении финансирования инновационных инвестиций и увеличении численности исследователей. С другой стороны, рост человеческого капитала, как мы полагаем, происходит за счет не только профессионализма, но и профессиональной морали ученых, инженеров и других специалистов творческого труда, не оставляющих свою работу, не снижающих интенсивность своего труда даже в самых сложных экономических условиях. Что нуждается как в финансовой, так и в морально-политической поддержке.

#### Литература:

1. Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. / Беккер Г. Избранные труды по экономической теории. Перевод с английского – М., ГУ ВШЭ, 2003

2. Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала. - Санкт-Петербург: Издательство СПб УЭФ, 1994. - 160 с.
3. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? Препринт WP3/2012/06 Серия WP3 Проблемы рынка труда – М., 2012
4. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») - Москва 2010
5. Карпенко Е.З. Формирование отечественного человеческого капитала в условиях перехода к инновационной экономике – М.: РУСАЙНС, 2016 – 173 с.
6. Критский М.М. Человеческий капитал – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991
7. Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России – М.: Институт экономики РАН, 2012 – 230 с.
8. Радаев В.В. Экономическая социология. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 603 с.
9. Развитие человеческого капитала в условиях глобализации и формирования экономики, основанной на знаниях – Оренбург: ОГАУ, 2016 – 200 с.
10. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования – М., 2013, №3
11. Федоров Н.Ю. К теории человеческого капитала: экономические истоки и доминирующее социальное содержание // Личность. Культура. Общество. 2018. - Т. 20. Вып. 1-2 (97-98).
12. Федоров Н.Ю. Оценка уровня развития человеческого капитала субъектов РФ и его реализации в региональных экономиках // Россия: тенденции и перспективы развития. / М.: ИНИОН, 2010 – Выпуск 5.
13. Федоров Н.Ю. Человеческий капитал. // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь.– СПб.: Наука, 2006
14. Человеческий капитал системы образования – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018 – 2016 с.
15. Человеческий капитал: теория и практика управления в социально-экономических системах – М.: ИНФРА-М, 2017 – 290 с.
16. Ширинкина Е.В. Формирование человеческого капитала в постиндустриальной экономике. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2017 – 223 с.
17. Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки / Мировая экономика и международные отношения – М., 2001, №12;
18. Schultz. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research - Chicago 1971

**Хосроева Наталья Ильинична**

*кандидат экономических наук, доцент*

*Северо-Осетинский государственный университет*

*имени Коста Левановича Хетагурова*

*г. Владикавказ*

*khosroeva\_n@rambler.ru*

## **ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ**

**Аннотация.** В статье осуществлена попытка определения человеческого капитала как важнейшего фактора устойчивого, инновационно-ориентированного социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий. Затронута проблема оценки и



отражения количественных характеристик человеческого капитала, необходимости в адекватных и современных методах оценки, которые позволят учитывать более широкий спектр факторов влияющих на состояние и возможность использование человеческого капитала.

**Ключевые слова:** человеческий капитал; индекс человеческого развития, устойчивое развитие, динамический фактор, оценка человеческого капитала.

Главным фактором развития современного общества и экономики, по мнению многих исследователей, является человеческий капитал [1, 2, 3, 4, 5]. Человеческий потенциал, человеческий капитал и его реализация в процессе труда – это основные динамические факторы повышения уровня человеческого развития, то есть динамизм труда, и синергия его различных видов содействует положительной динамике пространственного развития, которое включает в себя благоприятный инвестиционный климат, развитую инфраструктуру, развитое гражданское общество, качество жизни и труда.

Ю.А. Корчагин в своей монографии «Три основные проблемы России, ее регионов и механизмы их решения» подчеркивает, что «только качественный человеческий капитал является ведущим фактором роста и развития общества, страны и экономики» [1]. Проблемы осмысления категорий «человеческий капитал», «устойчивое экономическое развитие» в современных экономических и социальных условиях приобретает все большее значение. Накопление и эффективное использование человеческого капитала в современном экономическом контексте оказывает определяющее влияние на развитие социально-экономических систем и территорий. Страны и регионы, которым удался успешный рывок к новым технологиям, по мнению Ю.А. Корчагина, на первое место ставили задачу развития национального человеческого капитала путем реформирования системы науки, образования и здравоохранения. В свою очередь на базе высококачественного человеческого капитала может быть создана конкурентоспособная инновационная экономика.

Сегодня человеческий капитал составляет основное богатство любого государства и определяет перспективы развития социума на всех уровнях и во всех его аспектах. Речь идет о том, что с одной стороны базовой составляющей национального богатства является человеческий капитал, с другой стороны национальное благосостояние становится в связи с этим интегрированным институциональным условием воспроизводства человеческого капитала [5, 6].

Многочисленные публикации и выступления указывают на актуальность данной проблематики, в них проводится мысль о том, что человеческий капитал является определяющим фактором социально-экономического устойчивого инновационно-ориентированного развития [7, 8, 9, 10]. России предстоит одновременно реализовать комплекс взаимосвязанных по ресурсам, срокам и этапам преобразований по нескольким направлениям, первым из которых является развитие человеческого потенциала страны [7, С.14]. Проблема формирования и развития человеческого капитала для нашей страны, провозгласившей курс на инновационное развитие, является как никогда актуальной, поскольку только интеллект, умения и профессионализм человека лежат в основе разработки новшеств, которые кардинальным образом могут изменить экономическую ситуацию [8].

Проблемы измерения и оценки человеческого капитала активно обсуждаются научным сообществом. Р.И. Капелюшников задаваясь вопросом, сколько стоит человеческий капитал России, говорит о том, что огромный интерес приобретает вопрос о запасах человеческого капитала, накопленных разными странами, и траекториях их изменения во времени [11]. Корчагин Ю.А. в монографии «Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?» рассматривает сущность, роль, методики оценки и количественные характеристики человеческого капитала как главного производительного и социального фактора развития современной экономики, общества и государственности [12]. Н.А. Сергеева рассматривает тенденции развития человеческого капитала в России, выявила подходы к определению данного понятия, в том числе проблемы его измерения и оценки [7].

Г.Н. Тугускин и В.Д. Дорофеев исследуют состояние человеческого капитала России, процессов его формирования и развития [8]. Р.М. Устаев описывая тенденции формирования человеческого капитала, дает оценку и сравнительный территориальный анализ инновационной составляющей человеческого капитала, а также выявляет особенностей ее формирования и развития [6]. Хмелева Г.А. в монографии «Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона» предлагает различные концептуальные подходы к оценке человеческого капитала [13]. В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скоблякова в работе «Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование» пишут о том, что современный экономический рост связан с массовыми инновациями на всех стадиях воспроизводственного процесса. По их мнению носителем и продуцентом всех новых идей является человек, в XXI веке только знание, интеллект становятся источником власти и конкурентных сил фирм и государств в условиях перехода на инновационный путь экономического роста [14].

С.Ю. Малков, А.И. Андреев, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, А.С. Малков в монографии «Россия в контексте мировой динамики: моделирование и прогноз» предприняли попытку заглянуть в будущее России и мира на перспективу ближайших 35 лет, в том числе рассмотрели методы измерения и оценки человеческого капитала [15].

Для оценки эффективности человеческого капитала принято использовать так называемый индекс человеческого развития. При расчете ИЧР учитываются такие индикаторы, как средняя продолжительность жизни, душевые показатели образования и дохода. Существует два способа расчета индекса. Первый использовался Программой Развития ООН (далее — ПРООН) до 2010 года, и был применен для расчета индекса для регионов России. Данный метод предполагает расчет ИЧР как среднеарифметического трех индексов. Во-первых - это индекс долголетия, который рассчитывается на основе средней продолжительности жизни. Во-вторых, индекс образования, который рассчитывается на основе доли грамотного населения и доли, обучающихся в возрасте от 7 до 24 лет. Наконец, это индекс дохода, который рассчитывается на основе ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Основной принцип расчета каждой из составных частей — сравнение текущей ситуации с максимальными (желаемыми) и минимальными значениями. Второй (новый) метод подсчета был представлен ООН в 2011 году; он представляет собой усовершенствованный вариант первого метода за счет добавления новых компонентов (продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения, валовой национальный доход на душу населения по ППС) и усложнения итоговой формулы.

Наиболее популярный метод оценки человеческого капитала посредством изучения темпов и направлений человеческого развития. Это результат независимого исследования, проводимого Отделом по подготовке Докладов о человеческом развитии (ОДЧР) Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) [16].

В данном исследовании мы бы хотели подробнее остановиться на оценке индекса человеческого развития Северокавказского федерального округа (СКФО) и основных показателях, влияющих на рейтинг по индексу человеческого развития в субъектах СКФО. Рейтинг субъектов Северокавказского федерального округа по индексу человеческого развития составлен по материалам П.С. Юнусовой, официального сайта ПРООН и выглядит следующим образом (таб. 1)

Таблица 1

Рейтинг субъектов Северокавказского федерального округа по индексу человеческого развития

Объект анализа	Индекс ЧР	Место в рейтинге среди регионов	Индекс ЧР	Место в рейтинге среди регионов	Индекс ЧР	Место в рейтинге среди регионов
	2013 <sup>46</sup>		2013 <sup>47</sup>		2014 <sup>48</sup>	
Российская Федерация	0,843		0,869		0,874	
СКФО	0,793	66	0,819	-	0,825	-
Республика Дагестан	0,802	61	0,826	64-67	0,836	59
Республика Ингушетия	0,79	71	0,823	68	0,832	63-65
Кабардино-Балкарская Республика	0,795	70	0,808	76	0,815	74
Карачаево-Черкесская Республика	0,785	74	0,817	71-72	0,817	73
РСО – Алания	0,817	38	0,843	39-42	0,846	48
Чеченская Республика	0,765	79	0,792	79 78	0,799	78
Ставропольский край	0,797	67	0,826	64-67	0,833	62

Данные таблицы позволяют сделать вывод о том, что уровень человеческого развития в России, Северокавказском федеральном округе, его субъектах повышается в целом. Однако в отдельных случаях наблюдается снижение рейтинговой позиции некоторых территорий при повышении основного показателя, как например Республика Северная Осетия-Алания откатилась почти на 10 позиций в рейтинге, Кабардино-Балкария на 4. При этом необходимо отметить, что РСО-Алания значительно опережает остальные субъекты СКФО по ИЧР. Очевидно, что данные различных источников в некоторых случаях значительно отличаются, требуют уточнения и дополнения более современной информацией. Основные показатели, влияющие на рейтинг по индексу человеческого развития в субъектах СКФО, выглядят следующим образом (таб. 2)

<sup>46</sup> по материалам П.С. Юнусовой

<sup>47</sup> по материалам официального сайта ПРООН

<sup>48</sup> по материалам официального сайта ПРООН

Таблица 2

Основные показатели, влияющие на рейтинг по индексу человеческого развития в субъектах СКФО

Объект анализа	Индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении			Индекс образования			Индекс дохода		
	2013	2013	2014	2013	2013	2014	2013	2013	2014
Российская Федерация	0,731	0,763	0,766	0,916	0,929	0,933	0,882	0,916	0,924
СКФО	0,808			0,86			0,711		
Республика Дагестан	0,82	0,844	0,847	0,842	0,846	0,847	0,743	0,788	0,814
Республика Ингушетия	0,901	0,897	0,907	0,821	0,834	0,841	0,647	0,737	0,747
Кабардино-Балкарская Республика	0,797	0,812	0,819	0,856	0,868	0,870	0,732	0,763	0,755
Карачаево-Черкесская Республика	0,776	0,816	0,815	0,861	0,868	0,873	0,719	0,767	0,762
РСО – Алания	0,796	0,816	0,814	0,898	0,908	0,917	0,756	0,806	0,806
Чеченская Республика	0,799	0,803	0,801	0,856	0,875	0,885	0,64	0,697	0,710
Ставропольский край	0,765	0,796	0,796	0,885	0,891	0,895	0,741	0,792	0,809

Необходимо отметить положительную динамику по всем показателям во всех указанных субъектах. Очевидным является то, что данных недостаточно для выявления тренда, при этом общая тенденция понятна. При этом основной недостаток ИЧР состоит в том, по мнению многих исследователей, что данный индекс не отражает качества образования, качества ВВП на душу населения и качество здоровья населения, и другие аспекты. Среди проблем, связанных с оценкой состояния человеческого капитала, С.А. Антонов в статье «Подход к развитию человеческого капитала» например, выделяет [2, С.17]:

- а) сокращение численности трудоспособного населения;
- б) ухудшение физиологического, психологического, нравственного здоровья;
- в) развитие социальных заболеваний и инвалидности;
- г) снижение уровня морали и этики.

Продолжая данную мысль рассуждением, что описанные проблемы являются следствием не только объективных факторов, но и проявлением воли самого человека.

Академик Д.С. Львов, рассуждая о миссии России, пишет, о том, что опыт последних десятилетий подтверждает - роль лидеров мирового развития закономерно претендуют страны, имеющие наиболее высокий уровень образования, науки, культуры и духовности. Далее он продолжает, поддержание и умножение научно-образовательного потенциала обходится дорого, но без него нет, и не может быть инновационного общества, способного к быстрому саморазвитию [17].

В связи со всем вышеизложенным становится очевидным, что необходимы более современные методики выявления уровня человеческого развития и эффективности использования человеческого капитала, изменение спектра показателей учитываемых в

подобных расчетах. Для более серьезных выводов и рекомендаций требуется пополнение данных новыми значениями указанных показателей. В целом на показатели России и отдельных ее регионов негативное влияние оказывают социально-экономическое неравенство населения, экологические проблемы, относительно низкая продолжительность жизни.

В число целей устойчивого развития входит сокращение неравенства внутри страны, как социальное неравенство, так и неравенство между регионами. Наиболее распространенные подходы к вопросам неравенства затрагивают соотношение доходов различных социальных групп и возможности для роста развивающихся и наименее развитых стран. Вместе с тем еще одной формой неравенства, препятствующей устойчивому развитию, является межрегиональное неравенство. Почти все субъекты Северокавказского федерального округа длительное время отстают в своем развитии от общенационального тренда. Отставание происходит по различным причинам — территориальным, климатическим, историческим, политическим и т.п. Во всех случаях ответственная региональная политика требует реализации дополнительных мер, направленных на повышение сбалансированности регионального развития. Невозможно за счет государственного вмешательства полностью выправить диспропорции, которые по естественным причинам складывались десятилетиями (например, по объему валового регионального продукта на душу населения российские регионы-лидеры сегодня опережают отстающие регионы в 20 раз). Однако является актуальной задача создания преференций и предоставления, дополнительных мер поддержки для регионов, нуждающихся в ускорении социально-экономического развития, приращения человеческого капитала. Определение территорий приоритетного развития необходимо осуществлять не только на основе таких общеэкономических показателей, как объем и темпы роста валового продукта на душу населения, но также с учетом широкого круга экономических, политических и социальных факторов [16].

Многие вопросы, связанные с управлением человеческим капиталом в условиях современного инновационного развития, формирования экономики знаний остаются нерешенными: оценка человеческого капитала, определение эффективности его использования, влияние человеческого капитала на экономическую и технологическую эволюцию, регулирование социально-экономической сферы на национальном и региональном уровне. Оценка человеческого капитала, проблемы его наращивания и эффективного использования в условиях инновационной ориентации территорий, должны решаться в контексте стратегического подхода к их социально-экономическому развитию.

#### **Список литературы:**

1. Корчагин Ю.А. Три основные проблемы России, ее регионов и механизмы их решения. – Воронеж: ЦИРЭ, 2007, 144 с.
2. Антонов С.А. Подход к развитию человеческого капитала //Управление. 2016. Т. 4. № 4. С. 16-20.
3. Юнусова П.С. Человеческий капитал Северокавказского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 43 (418). С. 33-42.
4. Лазарева Е.И., Кожанова Ю.А. Управление человеческим капиталом как ключевым фактором устойчивого развития региона / В сборнике: Актуальные вопросы современной науки сборник научных трудов по материалам международных конкурсов: "Лучший научно-исследовательский проект 2016", "Лучшее научное эссе 2016". Научный центр "Олимп". 2016. С. 726-728.
5. Лазарева Е.И. Национальное благосостояние как интегрированный ресурс инновационно-ориентированного развития экономики: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону, 2009.

6. Устаев Р.М. Тенденции формирования и оценка инновационной составляющей человеческого капитала регионов юга России // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 2. С. 53-64.
7. Сергеичева Н.А. Тенденции развития человеческого капитала в России: проблемы измерения и оценки // Управление в современных системах. 2016. №4 (11). С.14-25.
8. Тугускин Г.Н., Дорофеев В.Д. Исследование состояния человеческого капитала России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 170–176.
9. Хосроева Н.И. Человеческий капитал в контексте современных трендов устойчивого развития / Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2 (86-2). С. 848-851
10. Хосроева Н.И. Человеческий капитал как фактор формирования экономики знаний / Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 255-258.
11. Капелюшников, Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? : препринт WP3/2012/06 [Текст] / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
12. Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?: Монография. – Воронеж: ЦИРЭ, 2005. – С.: 252.
13. Хмелева Г.А. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона: монография. Самара: САГМУ, 2012. 168 с.
14. Смирнов В.Т., Сошников И.В., Романчин В.И., Скоблякова И.В Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография, под ред. д.э.н., профессора В.Т. Смирнова. – М.: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005. – 513 с.
15. Малков С.Ю., Андреев А.И., Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков А.С. Россия в контексте мировой динамики: моделирование и прогноз. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2016. – 208 с.
16. Официальный сайт ПРООН: <http://www.undp.org/content/undp/en/home.html>
17. Львов Д.С. Миссия России [Текст] / Д.С. Львов // Сборник научных трудов. Государственный университет управления; под науч. ред. С.Ю. Глазьева и Б.А.Ерзнкяна. М.: ГУУ, 2008. – 120 с.

**Цикин Алексей Максимович**  
кандидат химических наук  
Финансовый университет  
г. Москва  
[tsikinalexey@mail.ru](mailto:tsikinalexey@mail.ru)

## **ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

*Статья публикуется при поддержке гранта Российского фонда  
фундаментальных исследований (РФФИ) «Проблемы конфигурации глобальной  
экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные  
интерпретации, № 18-010-00877 А»*

**Аннотация.** В работе обусловлена необходимость пространственного развития России на основе кластерного подхода. В качестве ядер кластерных образований предложено включать производственные предприятия, позволяющие полноценно использовать эффект возрастающей отдачи. В работе детализированы предложения по развитию «точек роста», территориальных и отраслевых кластеров. Результаты работы могут использоваться при

разработке стратегий повышения конкурентоспособности на региональном и федеральном уровнях.

**Ключевые слова:** конкурентоспособность, национальная экономика, пространственное развитие, производственные кластеры

Пространственное развитие России сегодня практически невозможно представить без формирования устойчивых объединений, позволяющих полноценно использовать эффекты масштаба, синергии и трансфера знаний по производственным цепочкам. Для России использования данного кластерного подхода представляется тем более оправданным, т.к. позволяет получить эффекты масштаба не только за счет увеличения производства продукции, но и за счет диверсификации выпускаемых товаров, определенной технологической зависимостью. В качестве ядер формируемых кластеров целесообразно рассматривать промышленные предприятия, позволяющие решить задачи концентрации на выпуске высокотехнологичной продукции и трансформации структуры российской экономики в целом. В соответствующей государственной кластерной стратегии необходимо предусмотреть координацию целей и механизмов их достижения на федеральном и региональном уровне [1].

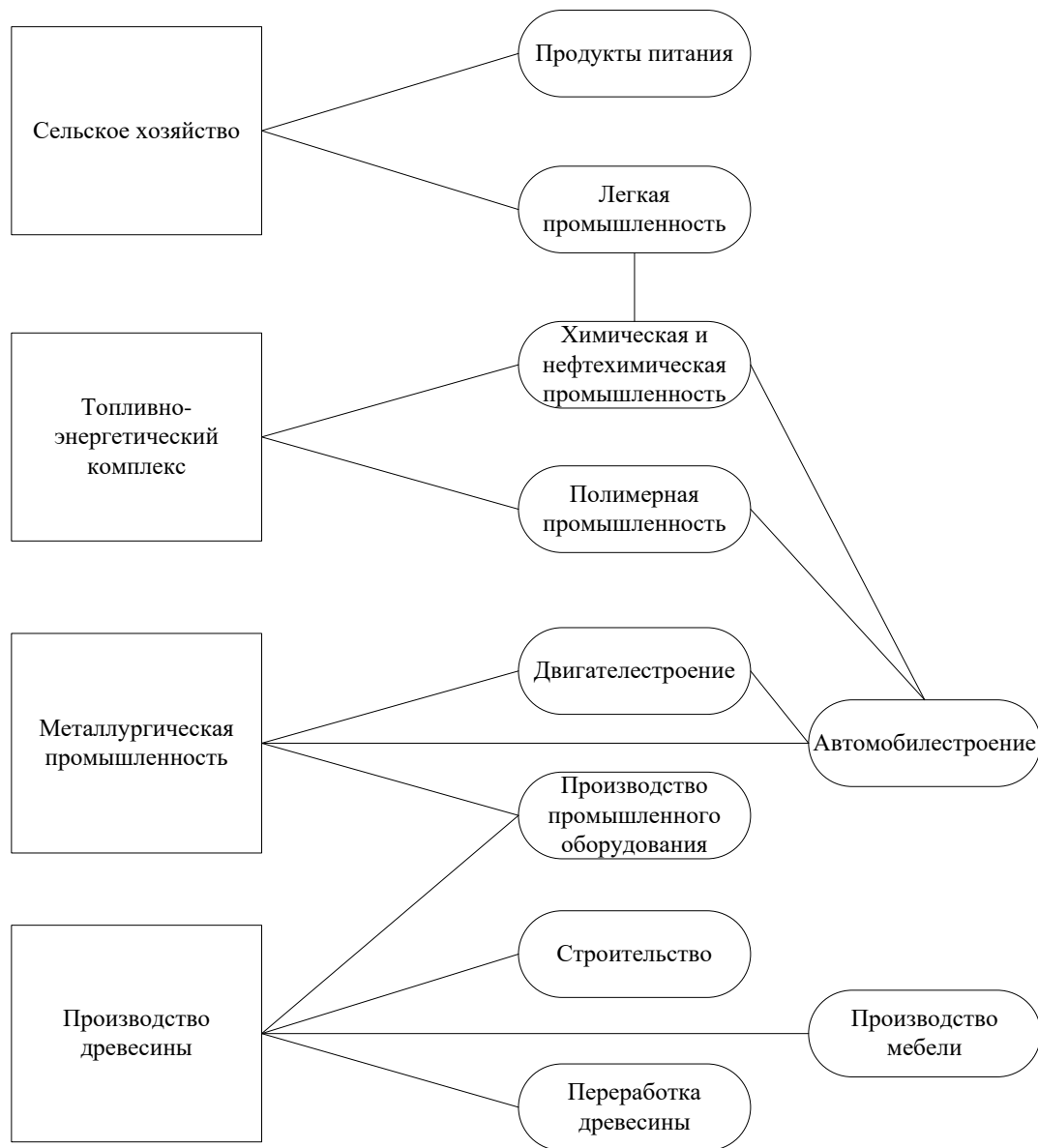
Базовыми принципами предлагаемой в работе государственной кластерной стратегии, учитывающей временной аспект [2], является

- расширение экспортоориентированности кластеров, производящих высокотехнологичную продукцию, для которой характерен положительный эффект масштаба;
- таможенно-тарифная защита незрелых кластеров и сельскохозяйственного комплекса от глобальных ТНК;
- создание необходимых условий для повышения результативности НИОКР;
- развитие системы подготовки специалистов на всех уровнях;
- расширение использования механизмов государственно-частного партнёрства для реализации кластерных проектов;
- повышение качества инфраструктуры и институтов развития кластеров.

Основные российские кластеры представляют собой обособленные структуры, развитие которых должно предполагать усиление горизонтальных и вертикальных связей с другими производителями [3]. В числе таких взаимодействий можно выделить усиление связи

- сельскохозяйственного комплекса с производством продуктов питания и лёгкой промышленностью;
- производства металлов с двигателестроением, производством автомобилей и промышленного оборудования;
- нефтегазового сектора с нефтехимическими производствами и полимерной промышленностью;
- производства древесины с её переработкой, производством мебели, промышленного оборудования, строительством.

Соответствующая схема взаимодействий крупнейших российских кластеров с другими отраслями экономики представлена на рисунке 1.



Источник: составлено автором

Рисунок 1– Схема взаимодействия основных российских производственных кластеров с другими отраслями экономики

Анализ представленной схемы позволяет выделить ряд отраслей экономики, связанных между собой. Так, производство промышленного оборудования связано с двумя конкурентоспособными отраслями промышленности: металлургией и производством древесины. Это отражает возможности по диверсификации рынков промышленной продукции и использования системы взаимосвязи кластеров для роста конкурентоспособности российской экономики. Аналогичные выводы можно сделать для химической и нефтехимической промышленности, автомобилестроения.

Исследования российских авторов показывают низкий охват и уровень отечественных кластеров по сравнению с мировыми аналогами [4]. Глобальный институт Мак-Кинзи предпринял попытку на основе анализа отечественных кластеров промышленных предприятий и условий их деятельности определить основные барьеры развития [5], в числе которых упомянуты:

- невысокую производительность труда, значительно уступающую показателям развитых стран;
- малое использование кластерного подхода в российской промышленности, отсутствие скоординированной политики по его развитию;



- низкие конкурентоспособность и экспортный потенциал отечественных производителей высокотехнологичной продукции, для которых свободный выход на глобальный рынок является логичной фазой развития;
- чрезвычайно высокое значение нефтегазовой промышленности и прочих сырьевых отраслей для российского экспорта и государственного бюджета в целом;
- неразвитость российского малого и среднего бизнеса, отсутствие действующих программ по его поддержке;
- высокую долю морально устаревших производственных мощностей, малое проникновение передовых технологий в производственный процесс.

Государственная кластерная стратегия в отношении промышленности должна минимизировать барьеры развития на основе предложенных базовых принципов. В соответствии с мировой практикой поставленная цель является многоуровневой задачей и охватывает поддержку отраслевых кластеров, территориальных кластеров и «точек роста» [6].

*Государственная кластерная стратегия в отношении отраслевых производственных кластеров*

Анализ российской экономики показывает существование в настоящее время кластеров или их пилотных проектов в ряде отраслей промышленности: нефтегазовом секторе, сельском хозяйстве, оборонно-промышленном комплексе, производстве цветных и черных металлов, производстве и обработке древесины и некоторых других [7]. Данные отрасли являются сегодня наиболее конкурентоспособными российскими кластерами на мировом рынке.

В основном (за исключение оборонно-промышленного комплекса) эти кластеры составлены из производителей продукции низкого передела, для которых характерна убывающая отдача. Дальнейшее развитие этих кластеров должно быть развёрнуто в сторону выпуска на основе сырья продуктов с высокой добавленной стоимостью, для которой характерен положительный эффект масштаба. Например, в государственную кластерную стратегию должно быть включено развитие нефтегазохимического комплекса, а не рост транспортных мощностей и объёмов отправки ценного минерального сырья за границу. Аналогичны соображения для металлургической промышленности, производства древесины и других, тем более что схема взаимодействия отраслей российской экономики (рисунок 1) предполагает возможности развития сырьевых кластеров за счёт роста объёмов поставок их продукции на предприятия, производящие товары следующего передела.

Конкретные механизмы достижения основных целей государственной стратегии в отношении отраслевых кластеров сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Совокупность целей и механизмов государственной стратегии в отношении отраслевых кластеров

Задачи стратегии	Механизмы реализации
Рост экспортоориентированности производителей продукции с возрастающей отдачей	– стимулирование замены морального устаревшего и физически изношенного оборудования, внедрения передовых техник и технологий в производственный процесс; – эмуляция зарубежных предприятий на основе импорта наукоёмких технологий; – развитие научно-производственных связей между организациями, осуществляющими разработки, и промышленными предприятиями; – участие в торговых союзах с государствами для кластеров с достаточной конкурентоспособностью; – инвестиционная, продуктовая, технологическая и организационная

	диверсификация деятельности.
Развитие конкуренции на внутреннем рынке	– поощрение выделения из крупных структур малых и средних организаций; – развитие различных форм частного финансирования предприятий (в том числе венчурного и проектного финансирования, различных механизмов государственно-частного партнёрства).
Формирование благоприятной среды	– внедрение современных образовательных технологий, формирование специализированных кафедр и институтов для подготовки персонала отраслевых производственных кластеров; – совершенствование программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников.

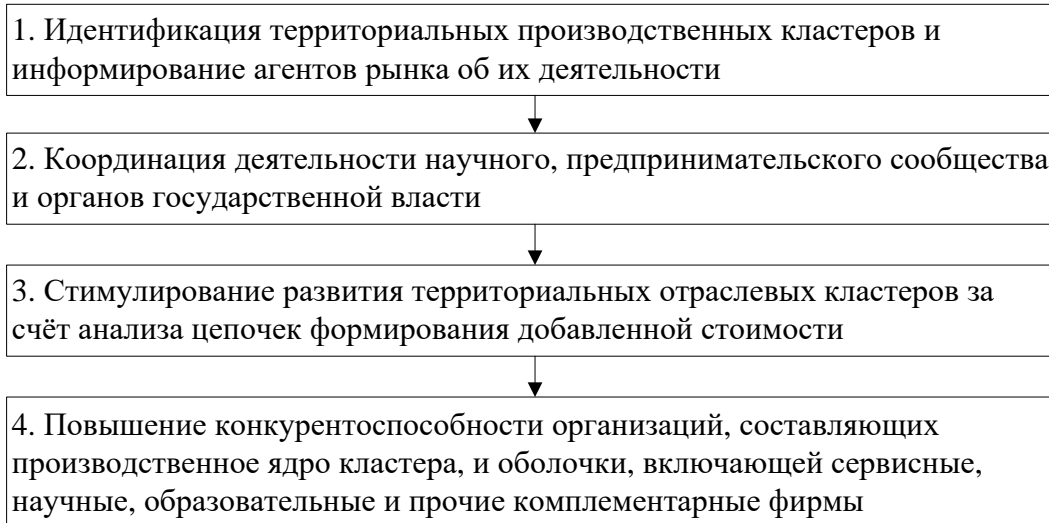
Таким образом, государственная стратегия развития отраслевых производственных кластеров должна предполагать политику в трех аспектах:

- во-первых, повышение конкуренции на внутреннем рынке и соответственно конкурентоспособности российских кластеров;
- во-вторых, развитие кластерных объединений предприятий, производящих несырьевую продукцию высокого передела, и расширение их экспортноориентированности;
- в-третьих, создание институциональных, инфраструктурных, образовательных условий для развития отраслевых производственных кластеров и вовлечение в них новых участников.

Отдельно необходимо отметить чрезвычайно важную роль внешнеторговой политики в успешной реализации предлагаемой стратегии. Для развития только зарождающихся отраслевых кластеров с низкой стартовой конкурентоспособностью необходима таможенно-тарифная защита от недобросовестной конкуренции со стороны крупнейших мировых корпораций. Однако в дальнейшем ограничение конкуренции и ориентация исключительно на внутренний рынок являются сдерживающим фактором. Достигнув международной конкурентоспособности за счёт усилий государства по развитию конкуренции на внутреннем рынке российские отраслевые кластеры должны расширять рынки сбыта за счёт зарубежных стран. Для успеха подобной стратегии важно ориентироваться на выпуск продукции с возрастающей отдачей, позволяющей снижать удельные издержки с ростом объёмов производства.

*Государственная кластерная стратегия в отношении территориальных производственных кластеров*

Ведущие мировые экономики уделяют существенное внимание развитию территориальных кластеров. Среди наиболее часто используемых механизмов поддержки следует упомянуть консультационную и информационную помощь, маркетинговое сопровождение, финансирование государственных проектов по развитию территориальных кластеров и другие. Развивая территориальные производственные кластеры, становится возможно перейти к наиболее эффективному из известных вариантов объединений предприятий – по территориально-технологическому принципу. Общий алгоритм этого процесса схематично представлен на рисунке 2.



*Источник: составлено автором*

Рисунок 2 – Алгоритм развития территориальных производственных кластеров

Основная роль в реализации предлагаемого алгоритма принадлежит органам местной власти, которые обладают наибольшей полнотой информации о положении дел в региональной промышленности. Первый шаг алгоритма является возможно наиболее важным, т.к. позволяет определить кластеры, к которым в дальнейшем будут применяться меры стимулирования. Вопросы идентификации территориальных производственных кластеров достаточно широко освещались в литературе. Как правило, большинство методов идентификации сводится к трём группам: на основе теории локализации Маршалла, группы методов «затраты – выпуск» или теории формирования кластеров М. Портера [8].

Второй шаг заключается в инициации и выполнении краткосрочных и долгосрочных программ совместного выполнения НИОКР, при этом полученные результаты используются всеми участниками. Среди возможных механизмов можно выделить выделение грантов на проведение НИОКР или прямое финансирование соответствующих программ.

Третий шаг предполагает поиск узких мест, связанных с недостаточным качеством продукции промежуточных звеньев технологической цепочки или неиспользованием регионального потенциала по кластерообразованию.

Повышение конкурентоспособности ядра и оболочки территориальных кластеров должно осуществляться с учётом уровня развития региональной экономической системы. Регионы, входящие в состав Российской Федерации, характеризуются различными особенностями своего развития и факторами конкурентоспособности. Соответственно и стратегии развития территориальных производственных кластеров в обязательном порядке должны принимать во внимание региональный аспект.

Принимая во внимание особенности регионального развития, Правительством России в 2012 году был утверждён перечень из 25 территориальных кластеров, в отношении которых необходимо реализовывать меры государственной поддержки [9]. В число выбранных территориальных кластеров вошли объединения предприятий опорных отраслей, относящихся к обеспечивающим импортонезависимость или потенциально являющихся мировым лидером. Наибольшая часть выделенных территориальных производственных кластеров сконцентрирована в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах и относится к сфере медицины и фармацевтики, информационно-коммуникационных технологий, нефтехимии, оборонно-промышленному комплексу [10]. Потенциальные механизмы их поддержки приведены в таблице 2.

Таблица 2

Совокупность целей и механизмов государственной стратегии в отношении  
территориальных кластеров

Задачи стратегии	Механизмы реализации
Развитие технологического уровня производств	<ul style="list-style-type: none"> <li>– формирование особых экономических зон со специальным режимом налогообложения;</li> <li>– возмещение расходов на НИОКР и их внедрение;</li> <li>– инициация совместных программ выполнения НИОКР и использования их результатов на региональном уровне;</li> <li>– содействие коммерциализации НИОКР.</li> </ul>
Повышение эффективности взаимодействий	<ul style="list-style-type: none"> <li>– прогнозирование потребностей территориальных производственных кластеров в материальных, технологических и трудовых ресурсах;</li> <li>– координация стратегий развития различных кластеров, действующих на территории региона;</li> <li>– разработка целевых программ развития территориальных производственных кластеров.</li> </ul>
Формирование благоприятной среды	<ul style="list-style-type: none"> <li>– развитие региональной транспортной, технологической и энергетической инфраструктуры;</li> <li>– научная и методическая поддержка новых территориальных производственных кластеров;</li> <li>– разработка региональных учебных программ повышения квалификации персонала;</li> <li>– повышение уровня высшего и среднего специального образования в регионе.</li> </ul>

Для России успешное развитие территориальных производственных кластеров имеет особенное значение, т.к. позволит осуществить реальную федерализацию страны. Только развивая региональную промышленность, можно добиться повышения уровня благосостояния всех граждан страны, справедливого распределения материальных, трудовых и финансовых ресурсов, снизить социальную напряжённость и повысить экономическую безопасность государства.

*Государственная стратегия в отношении «точек роста»*

Стандартная теория развития производственных кластеров предполагала поддержку только двух рассмотренных типов производственных объединений: территориальных и отраслевых кластеров. Однако в 1990-х годах Финское правительство показало всему миру важность поддержки «точек роста», потенциально способных стать ядром процесса образования кластеров. Так, компания «Нокиа» на начало 1990-х годов только переходила от производства изделий лёгкой промышленности к изготовлению высокотехнологичных продуктов. Руководство страны распознало потенциальный кластер и организовало ряд мер государственной помощи, которые обеспечили мультипликативный эффект на вложенные средства.

В современной России потенциальные точки роста целесообразно искать в наукоёмких высокотехнологичных отраслях, для которых характерен положительный эффект масштаба. Для данных предприятий особенно важно максимально быстро выходить на большие объёмы реализации товаров и/или услуг для преодоления порога рентабельности. Наиболее целесообразным является повышение объёмов производства на основе кластерного принципа. Кроме того, при вовлечении в процессы кластерообразования наукоёмких предприятий широко используется синергетический эффект, связанный с переносом знаний и технологий по организациям, входящим в производственный кластер.

Основная задача государственной стратегии в области «точек роста» состоит в налаживании связей между государственными органами власти, научным и предпринимательским сообществом для ускорения внедрения организационных, технологических и других инноваций в практику отечественных компаний.

Соответствующие механизмы реализации поставленных задач для потенциальных «точек роста» территориальных и отраслевых кластеров сведены в таблицу 3.

Таблица 3

Совокупность целей и механизмов государственной стратегии в отношении «точек роста»

Задачи стратегии	Механизмы реализации
Развитие технологического уровня производств	– улучшение качественных характеристик существующей и разработка новых видов товарной продукции; – снижение себестоимости выпускаемой продукции за счет повышения производительности труда, снижения удельных энергетических и материальных затрат; – замена морально устаревшего и физически изношенного оборудования, совершенствование используемых в технологическом процессе техник и технологий; – стандартизация и сертификация продукции.
Повышение эффективности взаимодействий	– развитие взаимодействий с поставщиками материалов и услуг, использование механизмов аутсорсинга и аутстаффинга; – развитие связей между научными и производственными организациями для выполнения НИОКР и внедрения их результатов в промышленность; – маркетинговый анализ зарубежных рынков, доступный для группы организаций; – общая координация деятельности агентов рынка.
Формирование благоприятной среды	– повышение значимости и престижа предпринимательской инновационной деятельности; – совершенствование образовательных и бизнес-программ.

Результатами реализации предлагаемой стратегии развития территориальных, отраслевых кластеров и «точек роста» должны стать

- повышение доли экспорта высокотехнологичных наукоемких товаров и услуг;
- неценовой конкурентоспособности российских организаций;
- доли инновационных предприятий и их продукции в российской экономике
- числа малых и средних производственных организаций;
- инвестиций в российскую промышленность;
- производительности труда;
- квалификации работников и других показателей, количественно описывающих перспективную модель конкурентоспособности российской экономики [11].

#### Список литературы:

1. Марков Л.С. Проблемы реализации кластерной политики в России // Научный эксперт. – 2007. – № 4. – С. 20-30
2. Best M.H. Cluster Dynamics in Theory and Practice: Singapore/Johor and Penang Electronics. – URL: <https://myweb.rollins.edu/tlairson/pek/bestpaper3.pdf>
3. Портер М., Кетельс К. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. – М.: Центр Стратегических Разработок, 2007. – 114 с.
4. Бортник И.М. и др. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // Инновации. – 2015. – № 7 (201). – С. 26-36

5. Бакатина Д. и др. Эффективная Россия: производительность как фундамент роста / McKinsey Global Institute, 2009. – 180 с.
6. Andersson T. et al. The Cluster Policies Whitebook. – Malmö: IKED, 2004. – 250 p.
7. Карта кластеров в России / Российская кластерная обсерватория, Институт статистических исследований и экономики знаний, НИУ ВШЭ. – URL: <http://map.cluster.hse.ru/>
8. Турганбаев Е.М., Козлова М.В. Идентификация региональных индустриальных кластеров и оценка их структурного воздействия на экономику региона (на примере ВКО) // Управление большими системами: сборник трудов. – 2009. – № 25. – С. 139-178
9. Поручение Председателя Правительства Российской Федерации от 28.08.2012 № ДМ-П8-5060 «Об утверждении перечня инновационных территориальных кластеров»
10. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / под ред. Л.М. Гохберга, А.Е. Шадрина. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2013. – 108 с.
11. Цикин А.М. Формирование конкурентоспособности в условиях новых вызовов и ограничений // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». – 2017. – № 2. – С. 44-49

**Цукерман Вячеслав Александрович**

*кандидат технических наук, доцент,*

**Горячевская Елена Сергеевна**

*Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН»*

*г. Апатиты*

*tsukerman@iep.kolasc.net.ru*

## **О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ**

*Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Прогноз реализации стратегии научно-технологического развития России»*

**Аннотация.** Выполнен анализ возможностей и проблем формирования стратегии пространственного развития. Анализ инновационно-промышленной деятельности северных территорий показал, что целый ряд целевых показателей не выполняется в необходимом объеме и сроках. Показано, что при формировании стратегии необходимо предусматривать новые подходы и механизмы пространственного развития территорий с учетом теоретических положений Николая Дмитриевича Кондратьева.

**Ключевые слова:** пространственное развитие, стратегия, инновационно-промышленная деятельность, Север, Арктика.

Базовыми государственными документами, определяющими пространственное развитие России и Арктической зоны РФ в последние годы, являются:

- Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969);
- Стратегия инновационного развития РФ до 2020 года (Стратегия-2020) [1];
- Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»;

- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 20.02.2013 г.);
- Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»;
- Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны РФ на период до 2020 г. (утв. Постановлением Правительства РФ от 21.04.2014 N 366);
- Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»;
- Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2].

Формирование стратегии пространственного развития северных регионов в среднесрочной перспективе связывается, прежде всего, с освоением месторождений полезных ископаемых, в том числе содержащих медь, никель, кобальт, драгметаллы, редкоземельные элементы, ниобий, тантал, титан, железо, хром, марганец, вольфрам, фосфор, ванадий, молибден, алмазы. Особое внимание уделено широкомасштабному освоению нефтегазовых ресурсов шельфа арктических морей. По оценкам экспертов запасы нефти на арктическом шельфе составляют 90 млрд. баррелей, газа - 47,3 трлн. м<sup>3</sup>, газового конденсата – 44 млрд. баррелей. К 2050 году Арктика будет способна обеспечивать до 30 % мировой нефтедобычи, при этом более 50 % углеводородов придется на шельф Арктики [3].

Обеспечение реализации стратегии пространственного развития северных регионов должно быть связано с инновационно-промышленной деятельностью [4]. Анализ инновационно-промышленной деятельности северных регионов, полностью относящихся к Северу и Арктике [5, 6] показал, что целый ряд целевых показателей, предусмотренных базовыми государственными документами, не выполняется в полном объеме и указанные сроки. Характерным примером является индекс промышленного производства Севера и Арктики (рисунок 1).

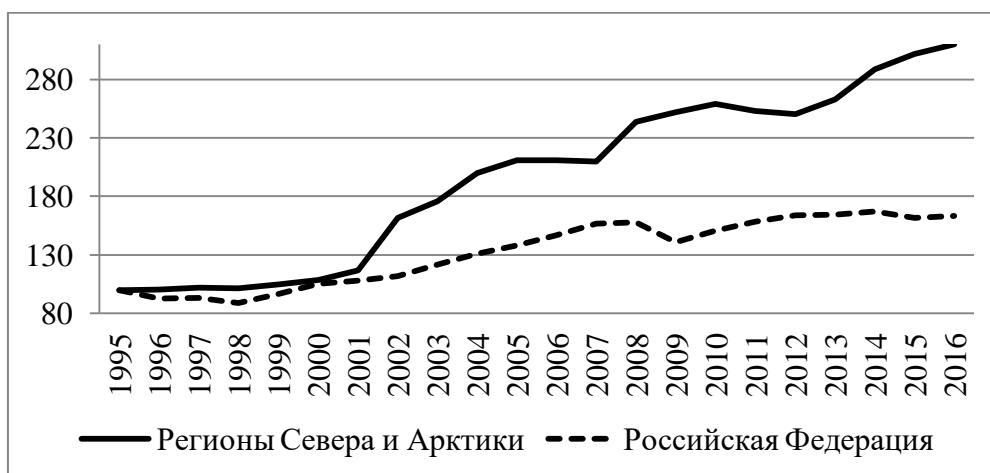


Рисунок 1 – Индекс промышленного производства (в % к 1995 году)

Развитие промышленного производства имеет явно положительную динамику, однако увеличение объема основано не на реализации инновационных технологий.

Основные социально-экономические показатели развития регионов Севера и Арктики не коррелируют с низким уровнем инновационного развития (таблица 1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели регионов Севера и Арктики [7]

	Промышленное производство на д.н.		Уровень зарегистр. безработицы, %	Отношение среднедуш. ден. доходов населения к прожиточному минимуму, %	Инвестиции в основной капитал на д.н.	
	тыс. руб.	место в РФ			руб.	место в РФ
Ненецкий АО	5906,4	1	2,5	371,9	1939414,0	2
Мурманская область	429,3	23	1,7	318,5	133003,0	15
Ямало-Ненецкий АО	3500,2	2	0,9	473,1	2050416,0	1
Республика Саха (Якутия)	756,2	7	2,4	300,8	286366,0	5
Камчатский край	384,7	30	1,7	241,3	105714,0	22
Магаданская область	857,2	6	1,8	326,1	266431,0	6
Чукотский АО	1883,3	4	2,1	482,2	194956,0	8
Российская Федерация	362,9	-	1,2	370,1	99812,0	-

По среднедушевому промышленному производству северные регионы (кроме Камчатского края и Мурманской области) находятся в первой двадцатке среди субъектов Российской Федерации. В основном это обеспечивается сырьевой специализацией – 42 % добавленной стоимости приходится на добычу полезных ископаемых. При этом в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, а также Республике Саха (Якутия) этот показатель составляет более 50 % [8].

По среднедушевым инвестициям в основной капитал, кроме Камчатского края, регионы Севера и Арктики занимают первые 15 мест среди субъектов РФ.

Зарегистрированная безработица в северных регионах соответствует среднероссийским показателям. Исключение составляют Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия) и Чукотский АО.

Неблагоприятные показатели денежных доходов населения по отношению к прожиточному минимуму наблюдаются в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах.

Особо следует отметить низкие показатели производства ВРП северных регионов (таблица 2).

Таблица 2

ВРП на 1 км<sup>2</sup> территории региона, тыс. руб.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ненецкий АО	935,7	888,4	979,5	1057,7	1285,0	1445,1
Мурманская область	1820,6	1958,9	2115,8	2265,6	2771,4	2938,8
Ямало-Ненецкий АО	1255,8	1548,5	1788,5	2123,2	2329,2	2552,8
Республика Саха (Якутия)	157,9	175,5	184,9	213,4	242,5	281,7
Камчатский край	246,3	274,4	287,2	313,9	377,8	426,7
Магаданская область	156,1	169,6	192,2	209,6	272,0	317,7
Чукотский АО	62,0	63,2	61,6	80,0	85,6	91,7
Российская Федерация	2654,8	2920,0	3164,3	3456,2	3839,4	4044,0



Ни один из северных регионов не превышает среднероссийские показатели. Наибольшее значение ВРП на квадратный километр территории среди регионов Севера и Арктики характерно для Мурманской области, минимальное – для Чукотского автономного округа.

По величине среднедушевого ВРП северные регионы опережают Российскую Федерацию (таблица 3).

Таблица 3

ВРП на душу населения, приведенный к показателю уровня жизни, руб.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ненецкий АО	325,6	293,4	260,1	260,9	278,5	304,5
Мурманская область	38,2	38,9	39,1	36,7	38,7	41,3
Ямало-Ненецкий АО	173,4	203,6	203,7	212,5	211,8	229,8
Республика Саха (Якутия)	50,7	53,0	50,1	51,6	50,3	56,2
Камчатский край	28,3	29,7	29,0	29,0	30,1	32,3
Магаданская область	45,3	46,5	41,7	42,2	48,9	56,7
Чукотский АО	77,3	73,8	59,4	84,2	72,8	74,4
Российская Федерация	51,1	52,0	51,5	49,2	47,5	48,7

Наилучший показатель ВРП на душу населения характерен для Ненецкого АО, который связан, прежде всего, с большим объемом освоения углеводородных ресурсов. Минимальные значения характерны для Камчатского края.

Следует особо отметить, что указом Президента РФ от 7 мая 2018 года поставлена задача ускорения технологического развития и увеличения количества осуществляющих технологические инновации организаций к 2024 г. до 50 % от общего числа [2]. Выполнение указа Президента применительно к северным регионам потребует беспрецедентных мер. За период 2011-2016 г.г. в регионах Севера и Арктики наблюдается отрицательная динамика разработки и реализации технологических инноваций (таблица 4). Имеет место и уменьшение объемов производимой инновационной продукции (таблица 5).

Таблица 4

Доля организаций, которые осуществляют технологические инновации, к общему числу организаций, проценты [9-11]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ненецкий АО	8,7	8,3	4,8	2,6	5,9	5,6
Мурманская область	5,5	4,8	9,0	8,4	7,8	7,3
Ямало-Ненецкий АО	7,4	8,2	6,2	11,2	7,7	9,2
Республика Саха (Якутия)	6,7	5,2	8,1	9,1	6,2	7,4
Камчатский край	17,6	17,5	9,7	6,5	8,2	14,3
Магаданская область	22,2	19,0	22,4	15,2	17,6	17,0
Чукотский АО	20,0	17,6	17,6	33,3	26,1	14,7
Российская Федерация	9,6	9,9	9,7	9,7	9,5	9,2

Таблица 5

Удельный вес инновационных работ, услуг, товаров от объема произведенных работ, услуг, товаров, проценты [7]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ненецкий АО	-	-	-	-	-	0,0
Мурманская область	0,2	0,1	0,8	3,6	1,7	1,5
Ямало-Ненецкий АО	1,5	1,3	-	0,0	0,2	0,1
Республика Саха (Якутия)	0,4	0,3	2,9	1,6	0,7	3,8
Камчатский край	0,4	0,5	1,2	1,2	0,3	0,9
Магаданская область	3,7	9,4	10,0	0,1	10,7	0,3
Чукотский АО	-	1,2	1,7	0,0	0,1	0,7
Российская Федерация	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5

Доля инновационных работ, услуг, товаров (к общему объему произведенных работ, услуг, товаров) в регионах Севера и Арктики на порядок ниже, чем в Российской Федерации [12]. Аналогичная ситуация имеет место и по изобретательской активности (таблица 6).

Таблица 6

Коэффициент изобретательской активности [13]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ненецкий АО	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,20
Мурманская область	0,55	0,74	0,40	0,40	0,47	1,03
Ямало-Ненецкий АО	0,45	0,31	0,26	0,48	0,60	0,29
Республика Саха (Якутия)	0,77	0,78	1,01	0,93	0,76	0,68
Камчатский край	0,66	0,22	0,38	0,44	0,22	0,62
Магаданская область	0,71	0,33	0,40	0,34	0,27	0,38
Чукотский АО	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,23
Российская Федерация	1,85	2,00	2,00	1,65	2,00	1,83

Особо неблагоприятная ситуация по изобретательской активности в Ямало-Ненецком АО, Камчатском крае, Магаданской области и Республике Саха (Якутия).

Большинство северных регионов отстают и по использованию передовых производственных технологий от средних показателей Российской Федерации (таблица 7).

Таблица 7

Обеспеченность собственными передовыми производственными технологиями, проценты

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Ненецкий АО	-	4,00	12,50	-	8,00	8,33
Мурманская область	-	-	-	-	-	-
Ямало-Ненецкий АО	0,11	0,03	0,10	0,41	0,32	0,61
Республика Саха (Якутия)	0,17	0,23	0,23	0,33	0,14	-
Камчатский край	1,46	0,78	1,90	-	-	1,03
Магаданская область	1,81	1,36	0,99	0,41	0,97	-
Чукотский АО	-	-	-	-	0,50	-
Российская Федерация	0,59	0,69	0,74	0,69	0,64	0,66

Результаты выполненного анализа инновационно-промышленной деятельности Севера и Арктики показали необходимость формирования стратегии пространственного развития и

ее дальнейшей реализации на принципах научного обоснования с учетом специфических особенностей и потенциальных возможностей территорий. При этом важное значение при формировании стратегии имеет изыскание направлений развития имеющегося научного и производственного потенциала и региональных инновационных систем. Особенное значение реализация передовых технологий имеет для старопромышленных регионов, таких как Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО и Магаданская область.

Северным регионам необходимо наращивать инновационный потенциал, прежде всего за счет привлечения дополнительных финансовых, интеллектуальных и профессиональных ресурсов.

При формировании стратегии необходимо предусматривать новые подходы и механизмы пространственного развития территорий с учетом теоретических положений Николая Дмитриевича Кондратьева [14].

### Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»
3. Комков Н.И., Селин В.С., Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Проблемы и перспективы инновационного развития промышленного комплекса российской Арктики // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 41-49
4. Инновационное промышленное развитие регионов Арктики минерально-сырьевой направленности / Науч. ред. Цукерман В.А. – Апатиты, КНИЦ РАН, 2017. 127 с.
5. Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 N 12 (ред. от 03.03.2012) "О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. N 1029" (вместе с "Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях", утв. Постановлением Совмина СССР от 10.11.1967 № 1029) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2017)
6. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 27.06.2017 № 287) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2017)
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. - 1326 с. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1138623506156](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156) (дата обращения: 18.12.2018)
8. Цукерман В.А. Проблемы инновационно-промышленного развития арктических регионов // Современные проблемы регионального развития [Электронный ресурс]: тезисы VII Всерос. науч. конф. Биробиджан, 9-11 октября 2018 г. / Под ред. Е.Я. Фрисмана. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2018. – 1 электрон., опт. диск (CD-ROM). С. 400-403. DOI 10.31433/978-5-904121-22-8-2018-400-403
9. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. 344 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii2018> (дата обращения: 10.04.2018)

10. Индикаторы инновационной деятельности: 2016: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. 320 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii2016> (дата обращения: 30.03.2016)
11. Индикаторы инновационной деятельности: 2012: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. 472 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii2012> (дата обращения: 23.05.2018)
12. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Об управлении технологическим развитием Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 4. С. 141-152. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.4.2018.60.141-152
13. Коэффициент изобретательской активности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43573> (дата обращения: 03.05.2018)
14. Кондратьевские волны: длинные и среднесрочные циклы: ежегодник / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – Волгоград: Учитель, 2014. 360 с.

**Черноуцан Елена Михайловна**  
*кандидат экономических наук, доцент*  
*Национальный исследовательский институт*  
*мировой экономики и международных отношений имени*  
*Е.М. Примакова РАН,*  
*Московский государственный лингвистический университет*  
*г.Москва*  
*[echernoutsan@yandex.ru](mailto:echernoutsan@yandex.ru)*

## **СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ФРАНЦИИ: ОПЫТ ПОЛЮСОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**

**Аннотация.** Франция выбирает свой собственный, дирижистский путь развития кластерных структур. Политика «полюсов конкурентоспособности», специализированных инновационных кластеров, где главную роль в организации и функционировании принадлежит государству, оригинальна и нетипична для развитых индустриальных стран. Автор попытался показать её специфику, основные нерешенные проблемы и риски, с которыми столкнулась Франция в ходе реализации данной политики.

**Ключевые слова:** инновационная политика, дирижизм, кластерная политика, инновационная экосистема, полюс конкурентоспособности.

Формирование единого инновационного пространства началось во Франции после Второй мировой войны. Уже с первых форм территориальной организации (технопарки, локальные производственные системы и пр.) отчетливо проявилась национальная специфика научно-технологического развития, где государству принадлежит решающая роль.

С середины 80-х гг. на государственном уровне наблюдается радикальный сдвиг в методологических подходах к изучению и регулированию инновационных процессов. Ключевым становится системный подход на основе концепции национальной инновационной системы (НИС), а именно нелинейной модели тесных ретроактивных связей между её основными игроками, деятельность которых связана с производством, распространением, внедрением научных знаний и технологий в пределах национальных или региональных границ. Механизм взаимодействия носит многофакторный характер (технический, коммерческий, финансовый, правовой, социальный и пр.) и определяется спецификой социально-экономического, исторического и культурного развития конкретной страны. Спецификой НИС современной Франции остается ярко выраженный дирижизм.

Следуя дирижистским традициям, Франция выбирает свой собственный путь в области кластерной модели организации инновационного пространства, пытаясь объединить логику вертикального и горизонтального взаимодействия участников сетевых структур. Именно государство берет на себя решающую роль по организации, управлению и финансированию кластерных структур, которые включаются в иерархическую систему связей. В результате во Франции формируется дирижистская модель кластерной организации инновационного пространства, участники которого органично вписаны в систему вертикальных и горизонтальных связей. Наблюдается парадоксальная ситуация – переплетение разных по характеру механизмов взаимодействия между различными участниками инновационного пространства.

Французская практика «полюсов конкурентоспособности» (*les pôles de compétitivité*), специализированных инновационных кластеров Франции весьма нетипична для западных индустриальных стран, и до сих пор является предметом острых дискуссий. Один из важнейших спорных вопросов: *насколько эффективно прямое государственное вмешательство в формирование и развитие сетевых систем*, функционирующих по своей природе на основе логики горизонтального добровольного взаимодействия.

Разумеется, на этот сложный вопрос французская практика полюсов конкурентоспособности не может дать исчерпывающий ответ. Каждая страна имеет свою специфику. Тем не менее, она помогает выявить ряд общих проблем и рисков, с которыми сталкивается страна, выбирающая дирижистский путь развития кластерных структур.

## **1. Полюса конкурентоспособности как инструмент формирования инновационного пространства**

С конца 90-х гг. XX века Франция входит в затяжной период деиндустриализации, стремительно теряя конкурентоспособность на мировых рынках. Перед страной встаёт реальная угроза выхода из группы индустриальных лидеров по многим показателям экономического и технологического развития. В этих условиях Франция более чем когда-либо остро нуждается в формировании новой модели организации национального хозяйства и создании новых точек роста. Правительство решительно берёт курс на инновационную модернизацию национальной экономики и объявляет инновации главным фактором усиления конкурентоспособности и промышленного возрождения страны.

Практически во все периоды Пятой Республики государственные власти Франции всегда особое внимание уделяли приоритетному развитию новых технологий и их локомотивной роли для промышленного развития. Не теряет актуальности знаменитое выражение Ж.П. Шевенмана<sup>49</sup> – «Нет приговорённого сектора промышленности, есть только устаревшие технологии!» [4, Р.1]. В «Золотой век французской промышленности»<sup>50</sup>, когда Франция превращается из аграрно-индустриальной страны в ведущую индустриальную, основными точками роста стали такие стратегические отрасли как космос, авиастроение, ядерная энергетика, телекоммуникации. Именно в этот период были заложены основы современного научно-технологического потенциала Франции. Сегодня в планах правительства Э. Макрона по реиндустриализации страны основой модернизации выступают новейшие технологии XXI века (цифровые технологии, биоиндустрия и др.).

С 2004 г. инновационная политика официально объявляется ключевым государственным приоритетом, а ее главная цель – вывод Франции на передовые позиции в мире в новых высокотехнологичных областях XXI века. Отныне инновационная политика носит комплексный характер и рассматривается в неразрывной связи с промышленной и региональной политикой, и её важнейшая задача - развитие широкомасштабного

<sup>49</sup> Ж.П. Шевенман (J.P. Chevenement) – министр научных исследований и промышленности Франции в период 1981-1983 гг.

<sup>50</sup> Так называемый период «Тридцати славных лет», который обычно датируется с 1946 г. по 1975 г.

инновационного процесса, затрагивающего практически все отрасли национального хозяйства и всю территорию страны.

Для реализации нового инновационного курса на вооружение был взят кластерный подход к организации национального хозяйства, который практикуется во Франции уже с середины 50-х гг. XX века. Особенно активно он применялся в периоды острых социально-экономических проблем, когда требовалась мобилизация национальных усилий в различных областях деятельности. Однако только с начала 2000-х гг. действия государства в этой области приобретают комплексный и общенациональный характер, и среди кластерных инициатив приоритетными становятся инновационно–ориентированные, а не традиционные промышленно–отраслевые.

Кроме того, важнейшим приоритетом государственной кластерной политики становится курс на активизацию самого процесса взаимодействия (*коллаборации*) между основными участниками сетевых структур. Совместная деятельность в научно-технологической сфере юридически независимых и взаимосвязанных между собой партнёров (общий проект, обмен компетенциями, знаниями и технологиями, совместное использование ресурсов и оборудования и пр.) начинает рассматриваться как важнейшее условие формирования инновационной экономики.

В 2004 году правительство запускает долгосрочную программу по созданию в стране специализированных инновационных кластеров, затрагивающих большинство секторов национального хозяйства и всю территорию Франции, так называемых «полюсов конкурентоспособности» (*далее ПК*), которые должны стать ключевым инструментом создания инновационной экосистемы на национальном и региональном уровне. В официальной трактовке ПК – «это объединение на определенной территории различного рода предприятий (независимо от размера и сферы деятельности), научных и образовательных учреждений вокруг совместных проектов с сильной инновационной составляющей и общей стратегией развития. Данное партнёрство тесно связано с рынком, привязано к определенному научно-технологическому направлению и нацелено на поиск той критической массы, которая ведёт к конкурентоспособности и международной значимости страны (региона) [6]. *Главное назначение ПК* – активизация взаимодействия между основными участниками национальной инновационной системы. *Конечная цель политики ПК* - создание единого инновационного пространства (или инновационной экосистемы) на национальном и региональном уровне, а именно благоприятной среды для активизации взаимодействия между основными участникам инновационного процесса.

Необходимо подчеркнуть, что ключевой механизм активизации взаимодействия в рамках ПК - совместные научно-технологических проекты, выдвигаемые самими участниками, но отбираемые на основе решения центральной государственной власти. Отбор проектов происходит на основе конкурса, условия которого также строго регламентируются сверху. Всего за период 2005 -2018 гг. было заявлено 3967 проектов, но поддержано государством только 1836 [7]. Важнейший критерий поддержки проектов – увязка с государственными научно-технологическими приоритетами.

Изменился и территориальный подход. Долгое время основная задача территориальной политики Франции – восстановление экономического равновесия национальной территории и перемещение ряда сфер деятельности из наиболее развитых географических зон в менее развитые и кризисные регионы. Новая кластерная стратегии нацелена на развитие широкомасштабного инновационного процесса, затрагивающего всю территорию страны и поиск факторов конкурентоспособности каждой конкретной территории.

К 2007 г. во Франции было создано 71 ПК, и только с 2017 г. происходит некоторое сокращение их числа (за счет слияния). Сегодня в стране действует 66 ПК (2018 г.). Разбросанные по всей территории континентальной Франции (достаточно неравномерно), они охватывают большинство отраслей национального хозяйства от традиционно успешных (авиастроение, автомобилестроение, медицина и др.) до новейших в стадии становления (цифровые технологии, биотехнологии и пр.). По последним официальным данным (2015 г.),

в них участвует 8886 юридически независимых предприятий разного размера, в том числе 7125 – малых и средних, 918 – предприятий промежуточного размера<sup>51</sup>, 179 крупных предприятий (практически все предприятия из группы САС 40) и 1289 научных и образовательных организаций страны [8]. С 2019 г. начинается новый четвёртый этап государственной политики в области ПК (2019 -2022 гг.). Каждая фаза, по сути, отражает эволюцию приоритетов государственной промышленной и инновационной политики Франции с 2005 по 2022 гг.

Отметим, что в Германии, инновационно - ориентированные кластеры сначала были организованы только в одном секторе – биотехнологии, в котором она стремилась достичь лидерства на европейской арене. Столь значительное число ПК во Франции во многом связано с их многоотраслевым характером и нацеленностью на равномерное вовлечение всей территории в инновационный процесс. Кроме того, в отличие от многих стран ПК Франции носят национальный характер и прямо не зависят от административно-территориального деления, один полюс может затрагивать сразу несколько регионов. Неслучайно, укрупнение регионов французской метрополии и их сокращение с 22 до 13 (с 1 января 2016 г.), пока не сказалось на их числе.

Мировой финансовый кризис 2008 г. спровоцировал усиление тенденций дирижизма в промышленной и инновационной политике государства. Логика «Больших программ»<sup>52</sup>, основанная на целенаправленном административном регулировании и вертикальной организации национального хозяйства, была опять взята на вооружение правительством Франции и легла в основу новых стратегических научно-технологических и промышленных программ последнего десятилетия, призванных модернизировать экономику страны<sup>53</sup>. Среди механизмов реализации данных программ ключевая роль отводится полюсам конкурентоспособности, функционирующих по своей природе как сетевая форма организации на основе логики горизонтального добровольного взаимодействия.

В результате, новый неодирижистский этап промышленной политики характеризуется матричной формой секторального (отраслевого) взаимодействия, кластерные структуры органично включены в иерархическую систему связей, а децентрализованные принципы и рычаги управления сетевых экосистем становятся частью механизма централизованного государственного вмешательства. По оценкам некоторых экспертов [3, Р.50-53], сегодня успех ряда отраслей (авиакосмическая, автомобильная и др.), функционирующих по логике технологических цепочек, во многом определяется насколько глубоко они трансформируют вертикальные отношения между предприятиями в кластерные (горизонтальные), основанные на добровольном взаимодействии.

## 2. Основные проблемы и риски дирижистского пути развития кластерных структур (уроки ПК)

История развития «полюсов конкурентоспособности» Франции помогает выявить ряд трудностей, с которыми сталкивается страна, выбирающая дирижистскую модель развития кластерных систем. Уроки пятнадцатилетней практики реализации данной весьма амбициозной государственной программы неоднозначны. В целом она получила положительную оценку со стороны представителей государственной власти, научных и деловых кругов. Неслучайно, с 2019 г. объявлен новый четвёртый этап государственной

<sup>51</sup>Предприятия промежуточного размера (*Entreprises Taille Intermediaire*) официально были выделены во Франции из группы Малые и средние предприятия только в 2008 г. Их часто сравнивают с немецкими предприятиями группы *Mittelstand*, основой инновационных успехов Германии.

<sup>52</sup>«Большие программы» («*Grandes programmes*») - государственные научно-технологические мобилизационные программы в области стратегических отраслей промышленности (космос, самолётостроение, ядерная энергетика и др.) - основа научно-технологических и промышленных успехов Франции во времена «Тридцати славных лет».

<sup>53</sup> Речь идет о таких программах как «Инвестиции в будущее» («*Investissements d'avenir*»), 2010 г.; «Новая индустриальная Франция» («*La Nouvelle France industrielle*»), 2013; «Большой инвестиционный План» на 2018-2022 гг. («*Le Grand Plan d'investissement*»).

политики в области ПК (2019 -2022 гг.), а правительство Э. Макрона продолжает рассматривать ПК как важнейший инструмент реализации целей инновационной политики Франции.

Нельзя не отметить такие очевидные положительные эффекты ПК как обмен идеями и компетенциями, общая инфраструктура, импульс для развития ряда ранее «деиндустриализированных» территорий, и особенно рост активности промышленных предприятий-участников в области научно-исследовательской деятельности. По ряду оценок, в среднем «каждый евро государственной финансовой помощи, выделенный на поддержку ПК, увеличивал собственные расходы предприятий-участников на научные исследования и разработки на 2 евро» [1]. Отметим, что всего за период 2005 -2018 гг. на проекты в рамках ПК было выделено только 7,6 млрд. евро, в том числе 4,6 млрд. евро из частных источников (65,%) [7]. Сумма сравнительно небольшая.

Однако, несмотря на положительные эффекты, практика ПК пока так и не смогла решить многие важные задачи, поставленные перед ними. Одной из острых трудно разрешимых проблем Франции была и остается слабый уровень взаимодействия промышленности с наукой и высшей школой. Государство во Франции уже сравнительно давно проводит целенаправленную политику по стимулированию научно-технологического партнёрства. Сегодня Франция – одна из лидеров в индустриальном мире по количеству и разнообразию государственных инструментов поддержки инновационной деятельности. За период 2000-2015 гг. их число возросло с 30 до 62, среди которых значительная часть – меры, направленные на стимулирование сотрудничества [5, Р.8]. Страна отличается и по специализированной правовой базе в области научно-технологического партнёрства, активно развивающейся с 1999 года. Отметим знаменитый закон *Аллегра (Loi Allègre)*, который разрешил ученым из научных центров и высшей школы создавать предприятия без потери научной и преподавательской ставки.

Изобилие мер поддержки еще не говорит об их эффективности, особенно когда идет речь о такой чуткой к регулированию сфере как взаимодействие. Например, эффект субсидий, которые являются основной формой государственного финансирования ПК – неоднозначен. Как показывает французский опыт, они зачастую тормозят финансовую активность частного сектора. Серьёзной проблемой остаётся инновационная отдача ПК. Не стоит забывать, что первоначально ПК рассматривались как сеть по разработке новых знаний и технологий на основе совместных проектов. Согласно оценкам, в 2012 г. «на все ПК приходилось менее 1,5% зарегистрированных французских патентов, 5% созданных инновационных предприятий и только 1 из 4 совместных проектов генерировал инновации» [2, Р.25].

На третьей фазе политики ПК (2013-2018 гг.) акцент переносится на коммерциализацию результатов научных исследований и разработок, и ставится цель - превратить ПК из «фабрик по производству проектов» («*usine à projets*») в «фабрики по производству продукта» («*usine à produits*»). Инновационная отдача ПК и в этом периоде также оказалась весьма скромной, и задача передачи и промышленного освоения результатов научных исследований и разработок остаётся одной из самых острых и трудно разрешимых проблем Франции.

Практически не удалось решить и такую важную задачу, поставленную правительством перед ПК в 2004 г. как стимулирование занятости в регионах. Кроме того, 15-летняя история ПК наглядно показала, что наиболее эффективно данная практика реализуется в таких отраслях, в которых Франция и раньше имела высокие показатели развития, и где исторически сложилась система устойчивых взаимосвязей между различными игроками. Созданный сверху, ПК в большинстве случаев просто официально оформляет уже имеющие связи. Наглядным примером могут служить такие сектора национального хозяйства как здравоохранение и авиакосмическая.

В ходе исследования было обнаружено, что при строительстве единого инновационного пространства сверху большое значение имеет решение таких задач:



- как совместить организацию и управление сетевых структур, функционирующих на основе логики горизонтального взаимодействия, с механизмами централизованного государственного вмешательства;
- как избежать риска искусственной технологической специализации той или иной территории;
- как учесть специфику развития различных секторов деятельности и как избежать риска навязывания кластерной организации тем из них, кто по своему характеру с трудом встраивается в процесс географической концентрации;
- насколько целесообразно проводить одинаковую политику для разных кластеров и разных регионов.

Опыт ПК Франции убедительно показывает, что не существует единой модели формирования инновационного пространства. В каждой стране оно формируется под влиянием национальной специфики экономического, промышленного и регионального развития. В частности, размер территории не является решающим фактором. Особо важную роль играет исторически сложившаяся система взаимосвязей между различными игроками национальной экономики.

#### **Список литературы:**

1. Baret Loïc. Les pôles de compétitivité : le challenge de l'industrialisation des nouveaux produits . URL: <https://portail-ie.fr/analysis/1731/les-poles-de-competitivite-le-challenge-de-lindustrialisation-des-nouveaux-produits> (дата обращения 21 ноября 2018 г.).
2. Cordoba V., Lucazeau R. Pôles de compétitivité : transformer l'essai//Policy Paper. Novembre 2012. P.: Institut de l'entreprise, 2012.
3. Encaoua David. La notion de filière peut-elle être un outil de politique industrielle?/ Thibault Bidet-Mayer et Louisa Toubal. A quoi servent les filières? Fabrique de l'industrie, P. 2013.
4. Gallois L. La politique industrielle de la France // Revue d'économie industrielle. P. 1983. N 23.
5. Harfi M., Lallement R. Quinze ans de politiques d'innovation en France. Rapport de la Commission nationale d'évaluation des politiques d'innovation // France Stratégie.P.:Janvier 2016.
6. Les labellisations des pôles depuis 2005. URL: <http://competitivite.gouv.fr/la-politique-des-poles-depuis-2005/les-labellisations-des-poles-de-competitivite-476.html> (дата обращения 1 ноября 2018 г.).
7. Pôles de compétitivité : nombre de projets déposés et retenus au Fonds Unique Interministériel (FUI) et leur financement par l'État et les collectivités locales, 2006-2018 FUI. Ministère de l'Economie, de l'Industrie et du Numérique. URL: <https://www.data.gouv.fr/fr/datasets/poles-de-competitivite-nombre-de-projets-deposes-et-retenus-au-fonds-unique-interministeriel-fui-et-leur-financement-par-letat-et-les-collectivites-locales-2006-2018/> (дата обращения 1 ноября 2018 г.).
8. Pôles\_en\_mouvement. URL: [http://competitivite.gouv.fr/documents/commun/Les\\_Poles\\_en\\_mouvement/tableaux-bord-stats-communs/2015\\_publies\\_2018/TdB\\_ensemble\\_donnees\\_2015.pdf](http://competitivite.gouv.fr/documents/commun/Les_Poles_en_mouvement/tableaux-bord-stats-communs/2015_publies_2018/TdB_ensemble_donnees_2015.pdf) (дата обращения 1 декабря 2018 г.).

**Швецов Александр Николаевич**  
*доктор экономических наук, профессор*  
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН  
г. Москва  
san@isa.ru

## СИСТЕМНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, ИНСТРУМЕНТЫ

**Аннотация.** Предметом анализа выступают причинно-следственные связи постсоветских трансформаций социоэкономического пространства, которые характеризуются автором как системные преобразования. Раскрывается обусловленность таких трансформаций основным противоречием между пространственной организацией жизнедеятельности, сформированной в советский период исключительно государственными планово-директивными решениями, и качественно новыми обстоятельствами, порожденными формационным поворотом 90-х гг. Показано, что основными способами разрешения этого противоречия выступают кризис и реформы. Обосновывается новая роль государства в проведении пространственных преобразований.

**Ключевые слова:** модернизация, социоэкономическое пространство, системные преобразования, государственное регулирование

Значение пространства в модернизации<sup>54</sup> современной России является исключительно важным, разнообразным и противоречиво сложным. Российское пространство продолжает оставаться беспрецедентно емким и неиссякаемым *источником*, с одной стороны, уникальных *возможностей и преимуществ*, а, с другой, - существенных *рисков и ограничений* развития страны. При этом оно не выступает застывшей и однородной структурой; его конфигурация под нарастающим воздействием многих *новейших факторов*, противоречиво взаимодействующих с *укоренившимися особенностями*, претерпевает значительные, динамичные и неравномерные *трансформации*, формирующие *новое пространственное распределение* социоэкономического потенциала с иной, нежели прежде комбинацией *свойств, пропорций и диспропорций* освоенного (организованного) пространства<sup>55</sup>.

Неравнозначны роли *основных акторов* пространственных трансформаций - государства, бизнеса, социумов, одновременно, но по-разному воздействующих на пространственную организацию жизнедеятельности и вызывающих в ней различные по содержанию, значимости и устойчивости изменения. В том случае, если следствием синтеза

---

<sup>54</sup> Это понятие, несмотря на его чрезвычайную распространенность (а может быть именно поэтому), требует уточнения. Но дабы не плодить без особой нужды новые сущности, мы прибегнем к мнению Н.И. Лапина, который полагает, что в наше время модернизацию следует рассматривать не только в ее классическом содержании - как процесс перехода от традиционных обществ к современным, но и в качестве комплексного способа решения политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач в контексте внутренних и внешних угроз и рисков; как совокупность процессов технического, экономического, социального, культурного, политического развития общества (страны и ее регионов) [1, С.345].

<sup>55</sup> Уточним, что мы делаем акцент на так называемом социоэкономическом пространстве, под которым нами понимается та часть общего (заключенного в государственных границах) российского пространства, в пределах которой распределен «рукотворный» социально-экономический потенциал страны и осуществляется жизнедеятельность ее населения. Этот потенциал включает, разумеется, и природные ресурсы, но уже вовлеченные в хозяйственный оборот. Можно сказать, что физико-географическое пространство по мере и в силу его освоения становится социоэкономическим пространством. К сожалению, мы не имеем возможности в рамках настоящей публикации и в контексте поставленных в ней задач с большей обстоятельностью раскрыть наши дефиниции и соотнести их с разнообразными аналогичными представлениями наших авторитетных предшественников и коллег; в частности с такими понятиями как «территориальная организация общества» [2, 3], «экономическое пространство» [4, 5], «социальное пространство» [6].

указанных отдельных воздействий становится переход пространственной организации социоэкономического потенциала в *новое качественное состояние*, то такие изменения пространства следует характеризовать как его *системные преобразования*.

Процесс системных пространственных преобразований, взятый в исторической ретроспективе, поддается *периодизации*, в основе которой лежит вычленение отдельных *этапов* пространственного развития страны с наиболее *характерными* (доминирующими) для них ключевыми предпосылками, главными движущими силами и обусловленными ими массовидными и существенными пространственными трансформациями.

### **Основное противоречие постсоветской организации пространства как предпосылка современных пространственных преобразований**

Своеобразие нынешнего - постсоветского - этапа таких преобразований состоит в их обусловленности резко обозначившимся *кардинальным несоответствием* (антагонизмом) пространственной организации жизнедеятельности, целенаправленно, энергично и последовательно формировавшейся в предшествующие десятилетия путем воплощения исключительно государственных *планово-директивных решений* - схем развития и размещения производительных сил, а также расселения на территории СССР, *качественно новым обстоятельствам*, возникшим вследствие пережитого страной в 90-е годы *крутого формационного поворота* (переход к рынку, федерализация). Это *противоречие* является *предпосылкой* и *источником* неотвратимых и существенных преобразований сложившейся системы пространственной организации жизнедеятельности (системных преобразований).

Разумеется, возникновение новых обстоятельств и адаптацию к ним можно считать вполне обычным делом для развития сложных общественных систем. Однако в современной России речь идет о совершенно особом (правда, для ее истории вовсе не уникальном) случае, когда происходит не постепенное (эволюционное) перестраивание отдельных сторон жизнеустройства, а предельно сконцентрированная во времени, по сути дела, революционная смена всех устоев жизнедеятельности, внезапно поставившая страну перед небывалыми по числу, масштабу и сложности *пространственными вызовами*. Существенно сократилась территория страны, произошла смена функциональных ролей и геополитического значения ее отдельных частей (регионов), усилилась гипертрофия северных территорий с экстремальными условиями проживания населения и ведения хозяйственной деятельности (две трети территории современной России занимает зона вечной мерзлоты), оказались утраченными (отошли другим государствам) основные выходы в бассейны Балтийского и Черного морей и вынужденно усилилась роль тихоокеанских и северных портов, возросло экономическое тяготение Восточно-Сибирских и Дальневосточных территорий к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличилось число приграничных регионов, появилась эксклавная территория и т.д.

На смену исключительно *планомерному* государственно-направляемому распределению хозяйственного (а следом и социального) потенциала по территории страны пришел преимущественно *стихийный* процесс стягивания не только производства, но и экономической активности вообще в наиболее жизнеспособные ареалы. Только жизнеспособность получает здесь уже другие основания и связана она либо с наиболее благоприятными природно-ресурсными предпосылками, либо с выгодами географического положения (транспортная доступность, близость к рынкам сбыта и т.д.).

### **Способы разрешения основного противоречия пространственного развития**

Процесс *массовых* и *существенных* пространственных трансформаций в России запущен и, по-видимому, будет набирать обороты. Смысл и содержание этого процесса будет заключаться в преодолении (снятии) отмеченного выше коренного постсоветского противоречия. Уже обозначались основные способы решения этой задачи. С одной стороны,

это *кризис* как стихийно возникающий и неуправляемо развивающийся процесс спонтанного саморазрешения (на практике до настоящего времени - преобладающего) и, с другой, это *реформы* как заранее спланированный целесообразный процесс государственно-направляемого преодоления (на деле до сих пор имевшего место в меньшей степени) названного противоречия. Совокупным следствием этих способов пространственных преобразований – кризиса и реформ - выступает противоречиво формирующаяся *новая пространственная среда* (новая конфигурация пространства), характеризующаяся *уникальным* - по количеству, масштабам, содержательному разнообразию, остроте и территориальной неравномерности, - сочетанием пространственно опосредованных проблемных ситуаций и явлений.

Важно при этом учитывать, что сложившаяся на обширной российской территории пространственная организация жизнедеятельности исключительно *инерционна* и вялотекущий и малопродуктивный реформационный процесс быстро изменить параметры этой конструкции будет не в силах. В еще меньшей степени на это способно стихийное (как следствие самодеятельной активности субъектов рынка или кризисных явлений) перераспределение социоэкономического потенциала. Поэтому, на наш взгляд, очевидны объективная *закономерность*, *временная длительность*, *пространственная неравномерность*, динамическая *неустойчивость* и содержательная *противоречивость* начавшегося *переходного периода* реорганизации пространственной архитектуры социоэкономического потенциала на новых основаниях.

### **Новая роль государства в преобразовании пространства**

Сокращению продолжительности и снижению болезненности трансформационного периода могло бы способствовать проведение имеющей широкую общественную поддержку и адекватной складывающейся ситуации *государственной политики*, предметом которой в широком понимании могли бы стать осмысленные действия власти, выступающие в качестве целесообразных и обоснованных реакций на разнообразные процессы изменения организации социоэкономического пространства советского типа. Осмысленными такие действия могут стать только при условии ясного понимания долговременных *общественных интересов* в сфере пространственного развития и *государственных возможностей* их реализации. Другими словами обществу и государству важно было бы определиться, *в каких сферах, в какой мере, во имя каких целей, какими способами и какой ценой* они намерены влиять на содержание, темпы и направленность преобразований социоэкономического пространства страны и ее отдельных территориальных частей. Выбор верной политики, оцениваемой исключительно по ее реальным последствиям, сулит немалые выгоды, тогда как ошибочная политика чревата очень высокими экономическими и социальными издержками. К сожалению, реформационные деяния власти свидетельствуют пока об отсутствии корректного и глубокого понимания подлинно общественных (а не узко групповых) интересов и государственных возможностей (как ресурсных, так и инструментальных) в процессах пространственного развития. Государственная власть, у которой в 2000-е годы появилось подкрепленное ресурсами стремление возобновить свою былую активность в этой сфере, ориентируется преимущественно на частные интересы отдельных наиболее влиятельных лоббистских группировок и действует к тому же импульсивно, беспорядочно и вслепую. Не выработав для себя *новых ценностных ориентиров*, власть зачастую сбивается на *стереотипное воспроизведение псевдо советских подходов* к пространственному развитию, преимущественно *«по государственному проекту»* и на государственные же деньги без должного учета новых обстоятельств и задач. И что немаловажно - без оглядки на общественное, в первую очередь *научное мнение*, которое имеет исчезающе малое влияние на государственные решения.

Недвусмысленные подтверждения наличия у государственной власти не просто «генетической предрасположенности» к воспроизведению советского опыта определения

перспективной пространственной специализации, формирования и реализации схем размещения производства и расселения, но вполне реальной ее готовности к практическим действиям в этом направлении можно без труда обнаружить в правительственных программных и концептуальных документах, принимавшихся с начала 2000-х годов. Ознакомление с ними убеждает, что государство вновь, как это было в советский период, готово не просто участвовать, но взять на себя *главную роль* в формировании нового облика пространственной конфигурации socioэкономического потенциала страны и ее регионов. «Центр» последовательно стремится установить новый баланс функций в своей политике, сократив те из них, содержанием которых является создание *общих институциональных условий для самостоятельного развития регионов*, в пользу расширения своего непосредственного участия в территориальном размещении производственных и инфраструктурных объектов. И этот процесс втягивания государства в решение проблем пространственного развития производственно-промышленного и инфраструктурного потенциалов, а также системы расселения, судя по множасьимся примерам, нарастает. Но при этом не похоже, что правительство отдает себе отчет в том, что коль скоро оно берется за непосредственную реализацию проектов преобразования социально-экономического пространства страны, то ему хорошо бы располагать четким представлением о предпочтительном варианте перспективной пространственной конфигурации. Важно также, чтобы все планируемые государственные действия были бы самым тщательным образом продуманы и *обоснованы*, возможные альтернативы выявлены и *взвешены*, последствия допустимых решений *оценены*, объемы ресурсных потребностей *определены* и источники их удовлетворения *известны*.

К сожалению, ни одна из правительственных пространственно-ориентированных концепций (стратегий) не отвечает таким условиям. Прежде всего, концептуальные документы не предлагают перспективного облика социально-экономического пространства, которое представляется желательным обществу и государству с позиций их *ценностных устремлений* и *ресурсных возможностей*, не устанавливает *целей* и *способов* осуществления пространственных преобразований. Без такого ценностно-целевого ориентира, задающего *критериальную базу* для оценки сложившейся ситуации и принятия важнейших решений по ее исправлению, становится абсолютно *бессмысленным* анализ современных пространственных проблем, а формируемый на этой основе перечень задач перспективного пространственного развития выглядит *малообоснованным* и *случайным*. Серьезнейший недостаток правительственного подхода заключается в отсутствии оценок социально-экономической обоснованности предлагаемых мер; нет никакой ясности, во сколько эти меры обойдутся государству, и какую *выгоду* получит или, напротив, с какими *рисками* столкнется страна в результате их осуществления. Государственные решения принимаются, как правило, по прихотливым соображениям политической целесообразности, противоречащим строгим критериям *экономической эффективности* и *социальной приемлемости*. Примеров на сей счет современная российская действительность предоставляет в избытке. Более того соответствующая активность властей возрастает.

Государственная власть, затеявая пространственные проекты, видимо, имеет намерения определенно *показать бизнесу* где, как и когда будет улучшаться инвестиционный климат и формироваться благоприятная предпринимательская среда, якобы давая тем самым бизнесу четкие ориентиры развития. Но это в современной экономике не такой простой вопрос: кто кому и в чем должен намечать ориентиры – государство бизнесу, бизнес государству или же это более сложный обоюдный процесс? Ставя перед собой амбициозные цели, не оказывается ли государство заложником устаревших подходов, не подвергается ли оно чрезмерному риску попасть в сложную ситуацию, когда будут потрачены колоссальные общественные средства на инфраструктурное обустройство выбранных государством территорий, а бизнес не пойдет туда, и придется решать непростую задачу, как заинтересовать (или принудить) бизнес жить по предписанным государством схемам. Напомним, что нынешняя пространственная конфигурация экономики вообще и

инфраструктуры в частности была создана именно по «государственным схемам»; в той системе экономических отношений только государство решало, в каком районе страны будут размещены принадлежащие ему предприятия. Оно ставило задачи, оно и логично несло все риски. Разгосударствление же экономики освободило государство от этого бремени (или привилегии) и теперь на повестке дня стоят проблемы рыночной трансформации пространственной конфигурации экономики, которая должна бы происходить, конечно же, не без участия государства, но все же в большинстве случаев под определяющим влиянием интересов частного бизнеса, равноудаленного от государства. И в новой ситуации предстоит определить меру и формы государственного участия в этом трансформационном процессе. В любом случае свою новую роль государство не сможет эффективно выполнять, если не научится корректно идентифицировать и непротиворечиво учитывать в своих стратегиях интересы бизнеса. И для этого потребуются *государственно-частное партнерство*, основанное на взаимном доверии и информационной открытости сторон [7].

### Новый баланс отношений государства и регионов в преобразовании пространства

Вместе с тем стоит признать и актуальность постановки задачи преодоления устоявшихся стереотипов и обратить внимание на целесообразность ухода от проведения политики пространственных преобразований исключительно «по государственному проекту и сверху» в сторону модели, делающей акцент на большее *саморазвитие* регионов и муниципалитетов, сопряженное с интересами крупного бизнеса, который играет возрастающую роль в преобразованиях экономического пространства, а в ряде регионов и городов становится главной движущей силой их социально-экономического развития. Многие регионы достигли такой степени социально-экономической зрелости и устойчивости, когда они могли бы уже в гораздо большей мере сами заботиться о своем комплексном сбалансированном развитии, необходимые условия для которого в свою очередь призвано обеспечивать как раз государство.

Его миссия в рамках такой модели пространственного развития - осуществлять *общесистемные меры*, направленные на создание общих предпосылок и условий, благоприятствующих развитию всех без исключения регионов. Меры такого общесистемного регулирования не должны иметь какого-либо избирательного назначения (четкой нацеленности на конкретный регион), а должны более или менее равномерно влиять на все субъекты Российской Федерации, формируя экономическую и институциональную, организационную и правовую среду их самостоятельной активности [8].

Но этим государственное воздействие на преобразование пространства ограничиваться не должно и наряду с общесистемным государственным регулированием не исключено и даже необходимо проведение государственных *селективных мер*, выражающихся в целенаправленном влиянии на определенные территориальные части страны, в воздействии на складывающиеся в них конкретные социально-экономические и экологические ситуации. В отношении данного направления государственной политики приоритетной задачей является упорядочение *хаотично* складывающейся многолетней практики принятия федеральных решений по отдельным «проблемным территориям», переход от *спонтанного* реагирования «центра» на «сигналы о помощи» отдельных регионов к *систематическому* порядку оценки положения в регионах, селекции региональных ситуаций, требующих федерального вмешательства, выработке и применения мер такого вмешательства [8].

#### Список литературы:

1. Лапин Н.И. Измерения стагнации и модернизации России и ее регионов // Консолидация и модернизация России. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С.345-361.

2. Хорев Б.С. Территориальная организация общества: Актуальные проблемы регионального управления и планирования СССР. - М.: Мысль, 1981. - 320 с.
3. Агафонов Н.Т. Территориальная организация общества в России: проблемы и пути становления / Теоретические проблемы региональной политики. Кн. 2. – СПб.: Петрополис, 1993. С.5-42.
4. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С.6-32.
5. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. - Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. - 224 с.
6. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007. – 288 с.
7. Швецов А.Н. Государственно-частное партнерство и инфраструктурные проекты регионального развития // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 3. С. 19-29.
8. Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. – М.: КРАСАНД. 2010. – 320 с.

**Щапова Юлия Леонидовна**

*доктор исторических наук, профессор*

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,*

*г. Москва*

*y\_schapov@mail.ru*

**Гринченко Сергей Николаевич**

*доктор технических наук, профессор*

*Институт проблем информатики ФИЦ "Информатика и управление" РАН*

*г. Москва*

*sgrinchenko@ipiran.ru*

## **ЗАКОНЫ ГАРМОНИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: МОДЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

**Аннотация.** На базе объединённой модели пространственно-временных характеристик археологической эпохи (АЭ) – в составе «Фибоначчиевой» модели АЭ и информатико-кибернетической модели – проведён сравнительный анализ расчётных значений типичных пространственных характеристик системы Человечества и реально наблюдаемых (на примере России). Найдено, что её гармоничная пространственная структура теоретически должна быть организована согласно «золотому сечению» и включать ориентировочно 7 Федеральных округов и 18 проектируемых «макрорегионов».

**Ключевые слова.** Пространство России, «сверхстрана», моделирование, законы гармонии, «золотое сечение», макрорегионы РФ

В соответствии с общенаучной методологией, для решения частной проблемы полезно и необходимо рассмотреть её с более общих позиций. В частности, анализируя проблематику формирования пространства России, целесообразно прежде всего установить её место в иерархии пространственных характеристик Человечества как системы.

Ранее [2] при числовом (информатико-кибернетическом) моделировании [3] пространственно-временных характеристик самоуправляющейся системы Человечества был использован ряд Жирмунского-Кузьмина – геометрическая прогрессия со знаменателем  $e^e = 15,15426...$  либо  $e^{-e} = 0,065988...$  [7]. Такая информатико-кибернетическая модель (ИКМ) позволила выявить типичные (ориентировочные) критические значения указанных

пространственно-временных характеристик структурных элементов этой системы. В их число в качестве пространственных характеристик мы ввели вместо привычных площадей размеры линейные: *радиусы кругов* той же площади. Модель показало, что они составляют ряд, фрагмент которого по нисходящей: ... – ~3367 км – ~222 км – ~15 км – ~1 км – ... . Этот ряд мы сопоставили с рядом известных типичных размеров территорий империй/союзов, государств среднего размера, небольших территориальных образований и малых муниципальных образований, соответственно.

Шаг результирующего ряда в рамках ИКМ весьма велик, и это определило необходимость привлечь для анализа данной пространственной иерархической структуры ряд с *меньшим* шагом. Для этого целесообразно обратиться к объединённой модели пространственно-временных характеристик археологической эпохи в составе «Фибоначчиевой» модели археологической эпохи (ФМАЭ) [8] и ИКМ ([4, 9]). Согласование временных параметров ФМАЭ и ИКМ в рамках объединённой модели показало, что в археологическую эпоху каждому шагу по ИКМ соответствуют с достаточной точностью 6 шагов по ФМАЭ.

Имея в виду, что используемый во ФМАЭ ряд Фибоначчи – это дискретный вариант числового ряда «золотого сечения» со знаменателем 1.618... либо 0.618... , возникла идея, по аналогии с временными параметрами системы Человечества, применить алгоритм «золотого сечения», анализируя и её пространственные параметры.

Как известно, со времён Фибоначчи и Кеплера идея *гармонии* находит своё алгебраическое воплощение в форме числовых рядов «золотого сечения» и, таким образом, можно утверждать, что организованный подобным образом пространственный ряд демонстрирует *гармонию* своего изменения [5].

Вместе с тем, уместно заметить, что если последовательность иерархически структурированных размеров элементов природных подсистем близка к гармоничной, то такие подсистемы функционируют более устойчиво и эффективно, нежели чем в иных случаях.

Сравнивая расчётные значения типичных (ориентировочных) пространственных характеристик системы Человечества с реально наблюдаемыми обратимся к имеющимся в литературе эмпирическим данным о динамике и тенденциях в изменениях пространственных структур, наблюдаемых в истории России.

В таком контексте особенно интересна историко-географическая работа Г.А.Гольца [1]. Он исследовал изменения размеров наиболее характерных пространственных общностей на территории России в недалёком прошлом. В частности, вычисленные им значения максимальных линейных размеров систем расселения разного иерархического уровня в России в период 1865-1975 гг. отражают эмпирически наблюдаемую транспортную систему, которая «реализует в пространстве социально-экономические условия, достигнутые на каждом данном этапе развития общества» [1, С.353-354].

Небольшое отступление. Его социально-экономические и географические данные находятся в отличном от нашего научно-исследовательском поле и изложены на языке (в терминах) «максимальных размеров» объекта. Площадь последнего, с нашей точки зрения, в первом приближении можно полагать кругом, и тогда «максимальный размер» естественно было бы сопоставить с *диаметром* такого круга. Мы же используем для пространственных оценок своих объектов *радиусы* кругов (той же площади, что и реальные). Известно, что диаметр круга – это сумма двух его радиусов. Таким образом, для сопоставления их мы поделили «максимальные размеры» Г.А.Гольца на 2 (пополам). И оказалось, что эти его результаты весьма близки к линейным размерам типичных образований предлагаемой нами иерархической структуры Человечества.

Данные Г.А.Гольца, пересчитанные таким образом, и наши расчётные, согласно «золотому сечению», данные в диапазоне от личного пространства человека до пространства Человечества в целом, сведены в табл. 1. В этой иерархии Россия выступает как «сверхстрана» [2].



Таким образом, располагая данными таблицы 1, можно сформулировать ряд задач, имеющих практическое значение. Например, задаться вопросом: сколько структурных пространственных образований, организованных гармонично, типа Межрегиональных систем и Региональных систем 1-го и 2-го уровня, теоретически может вместить нынешняя территория Российской Федерации и – для сравнения – территория СССР? Результаты соответствующих расчётов сведены в таблицу 2.

Таблица 1

Максимальные линейные «полуразмеры» пространственных систем расселения разного иерархического уровня и их реперные модельные оценки.

№ п./ п.	Предлагаемая пространственная иерархия системы Человечества (по Г.А.Гольцу [1] – выделено курсивом)	Максимальные «полуразмеры» пространственных общностей России по Г.А.Гольцу [1] (по годам), км			Расчётный радиус эквивалентного круга, км	Предлагаемая терминология ИКМ (эмпирические оценки радиусов эквивалентного круга – в км)
		1865 г.	1925 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6	7
	...				...	...
1	<b>Экзопланетарная система-2</b>				<b>51018</b>	
2					32432	высота геостационарной орбиты (35786)
3	Экзопланетарная система-1				20616	
4					13106	вся поверхность планеты (12742)
5	Планетарная система				8331	вся суша планеты (6885)
6					5296	Континент (Евразия: 4175)
7	<b>Общегосударственная система</b>	<b>378</b>	<b>882</b>	<b>3360</b>	<b>3367</b>	<b>«сверхстрана»</b> (СССР: 2670, Россия: 2335)
8					2140	
9	<i>Межрегиональная система</i>	<i>162</i>	<i>378</i>	<i>1440</i>	1360	
10					865	
11	<i>Региональная система – 1 уровень</i>	<i>54</i>	<i>126</i>	<i>480</i>	550	
12					349	
13	<b>Региональная система – 2 уровень</b>	<b>24</b>	<b>56</b>	<b>194</b>	<b>222</b>	<b>«сверхрайон»</b>
14					141	
15	<i>Региональная система – 3 уровень</i>	<i>12</i>	<i>28</i>	<i>97</i>	90	
16					57	
17	<i>Агломерация</i>	<i>8</i>	<i>12</i>	<i>45</i>	36	
18					23	
19	<b>Город</b>	<b>2,5</b>	<b>3,5</b>	<b>10</b>	<b>15</b>	<b>«округа»</b>
20					9,3	
21	Муниципальная				5,9	

	структура – 1 уровень					
22					3,8	
23	Муниципальная структура – 2 уровень				2,4	
24					1,5	
25	<b>Муниципальная структура – 3 уровень</b>				<b>0,97</b>	<b>«поселение»</b>
26					0,61	
27	Мезоструктура – 1 уровень				0,39	
28					0,25	
29	Мезоструктура – 2 уровень				0,16	
30					0,10	
31	<b>Мезоструктура – 3 уровень</b>				<b>0,064</b>	<b>«двор»</b>
32					0,040	
33	Локальная структура – 1 уровень				0,026	
34					0,016	
35	Локальная структура – 2 уровень				0,010	
36					0,0066	
37	<b>Локальная структура – 3 уровень</b>				<b>0,0042</b>	<b>«личное пространство человека»</b>
Примечания: 1) полужирным шрифтом выделены числа, рассчитанные по ИКМ; 2) числа в 1-3 строках 6-го столбца следует рассматривать как радиус самой трёхмерной сферы (вокруг человека), а не её большего двумерного круга (сечения сферы диаметральной плоскостью)						

Таблица 2

Теоретическая гармоничная пространственная структура РФ и СССР.

Пространственная иерархия		РФ, $S_0^{PФ} = 17125191 \text{ км}^2$	СССР (на 1.12.1991), $S_0^{СССР} = 22402200 \text{ км}^2$
$R_i$ (расчётный радиус эквивалентного круга, км)	$S_i$ (соответствующая площадь, кв.км): $S = \pi R^2$	$N_i^{PФ} = \frac{S_0^{PФ}}{S_i}$	$N_i^{СССР} = \frac{S_0^{СССР}}{S_i}$
222	155046	110	144
349	382649	45	58
550	950330	<b>18</b>	24
865	2350616	<b>7</b>	10
1360	5810684	3	4

Как представляется, рекомендуемые с позиций гармонии числа  $N_i$  равняются: число Федеральных округов России – 7 (при создании их было 7, в настоящее время – 8); возможное число проектируемых макрорегионов России – 18.

Сегодня, в рамках выполнения Указа Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»), специалисты Всероссийской академии внешней торговли и Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ предлагают выделить **17 макрорегионов** России [6, С.209-210]; необходимость такого выделения основывается на экономико-политических и экономико-географических критериях.

Наша теоретическая ориентировочная оценка числа соответствующих пространственных образований – **18 макрорегионов**, – отражает *гармонию* пространственной структуры РФ. Она достаточно близка к содержательной оценке, сделанной учёными, экономистами и географами, и это следовало бы рассматривать как взаимную верификацию разных подходов к решению проблемы. Особенно учитывая тот факт, что следующая в нашем ряду ориентировочная оценка **7** также близка к числу **8** существующих на сегодня Федеральных округов РФ.

С другой стороны, имеющееся на сегодня число субъектов РФ 85 далеко от близких расчётных – и от 45, и от 110, – что косвенно обосновывает необходимость реализующегося сейчас уточнения региональной структуры России.

## ВЫВОДЫ

1. Гармоничная пространственная иерархия, характерная для Человечества в целом, естественно адекватна и для «сверхстраны» России. Её детализация посредством ряда «золотого сечения» даёт ориентиры для выработки решений по реорганизации существующих элементов внутренней структуры государственных образований и формированию новых.

2. Для обеспечения эффективности и устойчивости гармоничной пространственной структуры России она должна включать ориентировочно 7 Федеральных округов и 18 проектируемых "макрорегионов".

3. Можно полагать, что гармония, свойственная естественно-историческому процессу, должна быть присуща и научно спланированным антропогенным процессам развития России и Человечества в целом.

## Список литературы:

1. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII-XX вв. Том 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, Сибирский хронограф, 2002. 536 с.
2. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИРАН, 2007. 456 с. – см. также [http://www.ipiran.ru/grinchenko/book\\_2/text.shtml](http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/text.shtml)
3. Гринченко С.Н. Моделирование: индуктивное и дедуктивное // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 95–101.
4. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. 2010. № 12. С. 1076-1084.
5. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Гармония в процессах развития природы и общества: «безусловный» и «условный» аргументы // Пространство и время, 2018. № 1-2 (31-32). С. 61-65.
6. Гришина И.В., Польшнев А.О., Шкуропат А.В., Котов А.В. Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока. М.: Всеросс. Академия внешней торговли Минэкономразвития РФ, 2018. 280 с. – см. также <https://elibrary.ru/item.asp?id=35603525>
7. Жирмунский А.В., Кузьмин В.И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. М.: Наука, 1982. 179 с.
8. Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М.: КомКнига, 2005. 192 с.
9. Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат.

М.: Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. Центр  
«Информатика и управление» РАН, 2017. 236 с. – см. также  
<http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/03f/45831.pdf>

**Ягуткин Сергей Михайлович**

доктор экономических наук, доцент  
г. Белгород  
[yagutkin@yandex.ru](mailto:yagutkin@yandex.ru)

**Ягуткина Екатерина Сергеевна**

аспирант  
Белгородский ГАУ им. В.Я.Горина  
г. Белгород  
[yagutkin@yandex.ru](mailto:yagutkin@yandex.ru)

## НЕЙРОНОМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕПОПУЛЯЦИОННОГО РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ДЕЛОВЫХ ЦИКЛОВ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА

*Исследования проведены при поддержке внутреннего гранта  
ФГБОУ ВО БелГАУ им В.Я.Горина*

**Аннотация.** В течении последних 20 лет смертность в большинстве регионов превышает рождаемость, что грозит не только потерей пространственного потенциала, но и исчезновению государства. В статье рассматриваются аналитические прогнозы нейрономических (разумного поведения) моделей будущего России.

**Ключевые слова:** демографические циклы, аналитическое прогнозирование, Белгородская области, социальные группы населения.

Демографические циклы практически повторяют циклы экономического развития Н.Д. Кондратьева. Пик рождаемости приходится на фазу высшего экономического развития, а демографический провал характеризующейся естественной убылью населения совпадает с фазой экономического кризиса. Сегодня в Белгородской области, так же как и в большинстве регионов России на 1 женщину приходится менее 1,5 ребенка, что однозначно приведёт к демографической катастрофе и исчезновению государства в существующих пространственных границах.

Обработка данных ежегодных социологических опросов 650 чел. жителей Белгородской области в 2015-2018г. показывает, что теснота связи между желанием завести 3 ребенка и ежемесячным душевым уровнем дохода выше 4 минимальных прожиточных минимума составляет более 70%.

С позиций методологии социального прогнозирования сегодня в регионе сложились следующие группы [2].

«Крайней нищеты», составляет 13,8 тыс. чел. жителей Белгородской области – 9,2% от общего количества и характеризуется душевыми доходами ниже 1 прожиточного минимума. Для представителей данной группы характерно хроническое недоедание, не соответствующее физиологическому развитию, что ведёт к дистрофии, невозможность покупать одежду и оплачивать коммунальные услуги. Рождение детей возможно только при условии внешней компенсации затрат. Родители в этой группе не в состоянии прокормить детей и вынуждены их отдавать в детские дома. Ежеминутная борьба за выживание основана на изнуряющем неучтённом труде и случайных заработках. Представители этой группы зачастую пополняют группу российских бездомных, лишаящихся последнего жилья, и попадающих в фактическое средневековое рабство [5].

«Нищета» - 217,5 тыс. чел., состоит из людей имеющих душевые доходы 14,5 тыс. руб. и выше прожиточного минимума до 30%. Для этой группы так же характерно недоедание, невозможность оплаты коммунальных услуг. Эта группа составляет значительную часть общества. Люди существуют за счёт изнуряющего труда, близкого к грани выживания. У них практически нет свободного времени. Всё рабочее время занимает оплата только минимальных жизненно-необходимых потребностей: еда и ЖКХ. Данная группа не в состоянии обеспечить простое воспроизводство населения и сохранение пространственных границ. Репродуктивная нагрузка на 1 женщину составляет менее 1 ребёнка, что недостаточно даже для простого воспроизводства населения.

«Бедность», насчитывает 292,5 тыс. чел., душевые доходы от 1,4 до 2,2 прожиточных минимума. Это пограничная группа. С одной стороны, доходы позволяют удовлетворять минимальные физиологические потребности организма в необходимых калориях, оплачивать коммунальные услуги. Население этой группы вынуждено экономить на всем, не в состоянии позволить себе заводить детей и в случае попадания в сложную ситуацию (потеря работы, болезнь) перемещается вниз по социальной иерархии. Репродуктивная нагрузка на 1 женщину составляет 1,2 ребёнка, что способствует усилению депопуляционных процессов в регионе.

«Выше бедности» насчитывает 420,0 тыс. чел. душевые доходы 2,5 – 3,3 прожиточных минимумов, что позволяет иметь определённые накопления, которые можно инвестировать в детей, здоровье и знания. По калорийности рацион питания близок к удовлетворению физиологических потребностей, но структура рациона не соответствует медицинским нормам рационального питания. Репродуктивная нагрузка на 1 женщину составляет 1.7 ребёнка. Эта группа при определенных условиях потенциально может обеспечить стагнационное воспроизводство населения и сохранение пространственных границ.

*Стратификационная группа «средний достаток»* составляет 52,5 тыс. чел. душевые доходы от 3,4 – 7,9 прожиточных минимумов. Рацион питания соответствует физиологическим нормам по калорийности и стремится к медицинским нормам рационального питания. Члены этой группы могут позволить инвестиции в развитие детей, себя, интересный досуг. Здесь уже не стоит вопрос о предоставлении услуг как таковых вообще, а предъявляются критерии качества к продуктам питания, услуг ЖКХ получения образования и саморазвития. Репродуктивная нагрузка на 1 женщину составляет 2,3 ребёнка, что позволяет преодолеть негативные тенденции депопуляции в регионе и обеспечить расширенное воспроизводство населения в границах региона.

*Стратификационная группа «состоятельные граждане»*, входящие в неё граждане имеют 8,0 – 12 прожиточных минимумов. Рацион питания членов группы соответствует медицинским нормам рационального питания. К состоятельным гражданам относится 52,5 тыс. чел – 3,5 % Репродуктивная нагрузка на 1 женщину составляет 2,5 чел. Это так же недостаточно для освоения незаселённых пространств.

*Стратификационная группа «богатые»* включает в себя граждан имеющих душевой доход 12,1 – 20,0 прожиточных минимумов. Структуру питания и потребления членов группы составляют не только качественные товары и услуги, но и брендовые. подчеркивающие статус потребителя. В данную группу входят 0.07% или 1050 чел. жителей области. Репродуктивная нагрузка на 1 женщину чуть выше 2,6 ребёнка

*Стратификационная группа «сверх богатые»*, сюда включаются белгородцы, имеющие душевой доход более 20 прожиточных минимумов. Основу потребления составляют уже не только качественные и брендовые товары и услуги, а эксклюзивные премиум и лакшари класса (1 экземпляра под индивидуальные особенности 1 конкретного человека) товары и услуги. Их количество составляет 750 чел. – 0,03%, соответственно. Репродуктивная нагрузка на 1 женщину чуть выше 2,6 ребёнка

Целевая функция нейрономического моделирования освоения пространственного потенциала депопуляционного региона на основе теории деловых циклов Н.Д. Кондратьева предполагает выход из кризиса и переход в стадию устойчивого инновационного роста,

поскольку ресурсы экстенсивного развития региона и страны практически исчерпаны [3]. Сценарии аналитического прогнозирования не опережающего инновационного развития регионов и страны в нейрономическом моделировании не рассматриваются

Во-первых, сценарий опережающего динамичного стабильного развития» [3]. Его поддерживает более 98% жителей Белгородской области. Его суть заключается в обеспечении темпов социально-экономического развития выше темпов постиндустриальных стран, составляющих 5-6% и для индустриальных регионов страны, в том числе Белгородской области на уровне 14-16% ежегодно на протяжении 10-12 лет. Это связано с теорией циклического социального развития Н.Д.Кондратьева, Й. Шумпетера и др. ученых, обосновывающих деловые циклы социально-экономического развития на основе физического и морального износа активной части основных средств [4]. Некоторые азиатские страны, как Китай и др., развиваются по данному сценарию. Ежемесячные душевые доходы на 1 члена семьи в размере 10 физиологических минимумов – 100 тыс. рублей в действующем масштабе на апрель 2018г. цен, для большинства белгородцев являются фантастическими из-за технологической отсталости (в 7-12 раз) от постиндустриальных стран: США, Япония, Германия и др. По этой же причине невозможно ежедневное 6 часовое свободное саморазвитие без учёта выходных и праздничных дней. Так же невозможно рождение 7 и более детей на 1 женщину в репродуктивном возрасте. Более 90 % опрошенных белгородцев посещающих церковь менее 1 раза в месяц под воздействием чуждых, внешних социальных технологий «Other hand» -чужие руки, не считают для себя построение многодетных семей в рамках традиций православной церкви и русского народа. Тем не менее, компонента доверия и конструктивизма во взаимодействия с региональными и федеральными властями, при иных факторах технологического и экономического развития позволяют развиваться по данному сценарию, что является несомненным достижением Правительства Белгородской области и региональной научной школы социальных технологий. Данный сценарий позволит обеспечить душевые доходы более 500 тыс.чел. белгородцев не ниже 4-х прожиточных минимумов и позволит примерно 500 тыс.чел. из стратификационных групп «крайней нищеты», «нищеты», «бедности» трансформироваться в группу «выше бедности». Будет преодолен негативный процесс естественной убыли населения, поскольку неимущие белгородцы решаться завести 1-2 ребенка, но прогнозируемый коэффициент репродуктивной нагрузки составит 2,3-2,5 ребенка, что обеспечит лишь простое воспроизводство. Теснота связи, определяемая коэффициентом корреляции между ростом душевых доходов и желанием завести второго ребёнка составляет более 82%. Рождение второго ребёнка, как показывает коэффициент детерминации, на 65% объясняется ростом материального благополучия. Существенно возрастёт количество обучающихся человек - 625 тыс. чел. Белгородцы будут стремиться, во-первых, повысить квалификацию по уже полученной профессии, во-вторых, будут стремиться приобрести новые, востребованные рынком, специальности. Количество браков увеличится на 60% за счёт заключения новых и узаконивания гражданских в связи с желанием рождения ребёнка. Индекс доверия к региональному правительству превысит более 90%. Но коэффициент репродуктивной нагрузки на 1 женщину равный 5 детей, необходимый для заселения пространственного потенциала страны не будет достигнут. Данный сценарий лишь смягчает, но не решает проблемы социального возрождения страны. Он позволяет обеспечить незначительный прирост населения в регионе, но не приемлем для страны в целом, поскольку процесс пространственного умирания, обезлюдивающих территорий будет продолжен.

Во-вторых, сценарий «динамического развития на уровне постиндустриальных стран» - поддерживают более 98% опрошенных белгородцев. Однако, душевые доходы 80-90 тыс. на каждого члена семьи в сопоставимых ценах апреля 2018г. невозможны из-за технологического отставания и, как следствие, крайне низкой производительности труда. По этой же причине невозможно достижение ежедневных 4 часов свободного времени в рабочие дни. Отказ от традиционных христианских и семейных ценностей. Малочисленность

социально активной христианской молодёжи и дискредитация традиционных семейных ценностей не позволяют выйти на уровень репродуктивной нагрузки 5 детей в расчёте на 1 женщину, что делает невозможным заселение незанятых территорий России в сколько-нибудь обозримой перспективе. Тем не менее, компонента доверия и конструктивизма во взаимоотношениях с Правительством Белгородской области позволяет реализовать данный сценарий. Тем не менее он так же неприемлем для Белгородской области, поскольку негативные демографические процессы будут заморожены, но не преодолены.

В-третьих, сценарий развития в рамках запрограммированного отставания от ведущих стран мира. Это разработанная Фондом Центра Стратегических Разработок «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года». Реальность такова, что в современной России приходится всего два многофункционального робота на каждые 10 тыс. В Южной Корее — 446. В Китае — 36, в США — 136. Еще больше роботизирована экономика Германии и Японии, где количество роботов более 500 и к 2020г. приблизится к 1 тыс. Несомненным плюсом данной стратегии является, что прирост ВВП от 1,5% до 2020г., 2-3% до 2025% и 4% 2025-203г% обеспечивается за счет роста производительности труда. Однако среднемировые темпы социально-экономического развития составляют 5%, что выше прогнозируемых в России. Приоритет импорта зарубежных технологий и инноваций, вложение средств в американские ценные бумаги, означают, что страна только усугубит своё положение как социально-интеллектуальной колонии развитых стран мира. Данная стратегия является производной социальных технологий «Other hand» - чужие руки по созданию групп влияния и продвижению зарубежных интересов в российском обществе. Это модернизированный тупиковый сценарий западного неокOLONIALИЗМА.

В-четвертых, сценарий социальной стагнации номинального экономического роста, реализуется в настоящее время федеральным центром в Белгородской области и др. сырьевых регионах. Он не приемлем для области и страны, поскольку ведет к социальной деградации общества, усилению нисходящей динамики абсолютно всех трансформаций социально-стратификационных процессов.

В-пятых, сценарий социальной стагнации без существенного падения экономического базиса. Характерен для Центрального Федерального Округа и регионов России с развитым агропромышленным комплексом. Не приемлем для России, так как предполагает состояние регулируемой извне неопределённости, зависимости от внешних политических факторов.

В-шестых, сценарий социальной стагнация допустимого падения. В настоящее время используется в антикризисной стратегии неолиберального правительства. Представляется недопустимым на длительный период времени. Результаты социологических исследований показывают, что его реализация ведёт к снижению доверия федеральному и региональному правительству с 68% в 2015г. до 58% в 2018г., хотя это по прежнему высокие показатели, необходимые для модернизации общества.

В-седьмых, сценарий социального кризиса и падения уровня жизни относительно развитых стран. Реализуется в рамках стратегии социально-интеллектуального неокOLONIALИЗМА путём введения антироссийских санкций по сдерживанию научно-технического развития. Для преодоления данного сценария развития, необходимо развивать собственные технологии, а не импортные. Отсюда конфликт интересов. Для руководителей государственных и частных предприятий выгоднее импортировать зарубежные технологии, поскольку они уже отработаны, гарантированное сервисное обслуживание и, главное, неучтённые откаты от зарубежных партнеров. Поэтому, большинство опрошенных белгородцев, 65% от их общего количества, считают борьбу с коррупцией общенациональной задачей и поддерживают действия Президента по привлечению к ответственности олигархов и коррумпированных чиновников. Это так же тупиковый вариант социальной катастрофы.

В-восьмых, сценарий социального кризиса и падения уровня жизни относительно развивающихся стран. Реализуется теневым сектором национальной и мировой экономики, поскольку позволяет получить дополнительную прибыль на снижении оплаты труда

россиянам и мигрантам, как официальным и еще более высокую неофициальным. Данные социологических исследований подтверждают выводы Росстата и областного комитета по статистике о снижении реальных доходов 2017г. относительно 2015г. на 5,6%. Однако, количество белгородцев, отметивших в социологических опросах, что их душевые доходы в январе-апреле 2018г. сократились относительно 2015г. более чем на 15%, составило 58%. Это является негативным, провоцирующим протестные настроения фактором. Вариант не приемлем для российского общества.

В-девятых, сценарий социального кризиса и падения уровня жизни относительно беднейших стран мира. Данный сценарий реализуется, маргинальными группами населения, поддерживающие международные террористические организации. Социальные технологии международного запугивания и рэкета позволяют не только террористическим организациям, сообществам, но и целым странам иметь устойчивый доход, направляемый на решение собственных социальных задач. Сегодня сложилась и «успешно» развиваются социальные технологии терроризма, например, в некоторых странах развивающихся за счёт морского пиратства и ведения войн в рамках страновой, этнической и теологической конкурентной борьбы. Здесь же следует отметить систему социального наёмничества, запрещённую в России, но реально существующей, так же и в других странах мира. Это так же сценарий социальной катастрофы.

В-десятых, сценарий социальной катастрофы, реализующейся целыми странами и их группировками предъявляющие территориальные претензии к России. Поэтому, на стресс-фактор угрозы войны приходится 18% условного совокупного стресса, отмеченного белгородцами. Данный вариант, как и все предшествующие, является неприемлемым.

Таким образом, все сценарии развития России до 2035г. рассматриваемые в Правительстве и экспертном сообществе России являются неприемлемыми, поскольку не решают, главной проблемы, развития класса социальной стабильности, позволяющего преодолеть негативные последствия неудачных социально-экономических реформ, ведущих к самоуничтожению российского общества. Для выхода из кризиса необходимы прорывные технологии и развивающийся социально-стабилизирующий класс активной молодёжи традиционных ценностей многодетных семей.

#### **Литература:**

1. Акаев А.А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева /А.А.Акаев // Экономическая наука современной России. 2013. № 2 (61). С. 7-29.
2. Белгородская область в цифрах. 2018: Крат. стат. сб./Белгородстат. - 2018. - 300 с.
3. Бондаренко В.М. Теория больших циклов и кризисов Н. Д. Кондратьева. Возможности ее использования для разработки стратегии развития России, ее экономического роста и структурной перестройки / В.М.Бондаренко // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 9. С. 116-120.
4. Дудин М.Н. Стратегическое управление устойчивым развитием предпринимательских структур с учетом циклов Кондратьева - Шумпетера (в условиях волновой природы инновационной экономики). Бронзовая медаль / М.Н.Дудин // Кондратьевские волны. 2018. № 6. С. 257-262.
5. Статья 127 УК РФ: «незаконное лишение свободы» / Каталог документов, изменяющих УК РФ. Уголовный кодекс в действующей, актуальной редакции, со всеми изменениями и дополнениями, постатейные комментарии по УК РФ и законодательство по уголовному праву.



Ягуткина Екатерина Сергеевна  
аспирант  
Белгородский ГАУ им. В.Я.Горина  
г. Белгород  
yagutkin@yandex.ru

## РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ, ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ЗАСЕЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

*Исследования проведены при поддержке внутреннего гранта  
ФГБОУ ВО БелГАУ им В.Я.Горина*

**Аннотация.** В статье представлены результаты исследований, характеризующие зависимость между циклами развития Н.Д.Кондратьева и изменениями социальных ценностей общества. Для преодоления кризиса и заселения пространственного потенциала России необходимо развития стабилизирующей группы социально-активной молодёжи, исповедующей традиционные ценности многодетных семей и инновационного земледелия.

**Ключевые слова:** циклы, стабилизирующий класс, пространственное заселение, нейромическое моделирование.

Существует зависимость между циклами развития Н.Д. Кондратьева и изменениями социальных ценностей общества. Среднесрочные циклы, связанные с моральным старением и физическим износом активной части основных средств, в узкоспециализированной сырьевой экономике, усиливаются из-за отсутствия возможности хеджировать риски. Отсюда, нехватка финансовых ресурсов для инновационных прорывов, способных вывести российское общество на качественно новый, посткризисный уровень. В условиях снижения реальных доходов населения, рождение ребенка в семье в определённом смысле слова становится непозволительной роскошью. Естественная убыль населения последних 25 лет, связанна с превышением смертности над рождаемостью. Учитывая неизбежное сокращение миграционного притока русскоязычного населения, при сохранении сложившихся тенденций, Россия неминуемо повторит печальную судьбу Советского Союза к 2080. Очередные циклы грядущих мировых экономических кризисов, связанные с износом активной части основных средств и моральным старением технологий 2019-2025гг., 2030г-2033гг., 2037-2040гг. могут выступить катализатором негативных процессов деградации российского общества. Циклические кризисы каждый раз заканчиваются тогда, когда на смену умирающим технологиям вчерашнего дня, разрабатываются качественно иные технологии завтрашнего дня. Но население страны неизбежно вымирает и её территории обезлюдываются, если на смену традиционным семейным ценностям народа, вместе с новыми технологиями посткризисного периода, искусственно навязываются чужеродные ценности искусственного бесплодия.

Для возрождения России и освоения пространственного потенциала необходимо формирование и развитие стабилизационного класса, способного самостоятельно, без помощи государства, преодолевать негативные последствия грядущих мировых циклических кризисов. Стабилизирующий класс, как позитивно развивающаяся группа социально-активного населения должен обладать следующими базовыми характеристиками: приоритетными ценностями многодетных семей, предпринимательской активностью, лояльностью к власти, стремлением к получению новых созидательных знаний и стремлению к самовыражению, обеспечивающему динамическое развитие и процветание российского общества. Проведённые исследования показали, что таким классом исторически является христианская молодёжь, исповедующая социальные ценности многодетных семей [1].

Нейрономическое моделирование социально-экономических и демографических циклов показывает, что для преодоления фазы кризиса и освоения пространственного потенциала России репродуктивная нагрузка на христианскую женщину должна составлять не менее 5 детей. Практически все девушки из 800 чел. активной христианской молодёжи выступают за многодетные семьи и хотели бы иметь более 5 детей. Как позитивное, следует отметить, что абсолютно все респонденты активистов христианской молодёжи не представляют себя в гражданском браке, считают необходимым ответственным отношением мужчин и женщин в построении семьи рождению и воспитанию детей. Поэтому, 96,8% отрицательно относятся к разводам и допускают разводы только в исключительных, крайних случаях, связанных с супружеской изменой, различиях в образе жизни. Это позволит преодолеть демографический кризис и освоить пространственный потенциал России. Парадигма традиционной христианской морали полностью соответствует интересам будущей России, а принцип «детей должно быть столько, сколько бог даст» является жизнеобеспечивающим для российского общества и государства. Без прироста населения невозможно перейти от фазы умирания к фазе развития.

Среди 800 чел. молодежи общества парадигмы потребления, посещающей церковь реже 1 раза в месяц, хотели бы иметь менее 2-х детей – 65%, 1 ребёнка – 20% и примерно 7-10% вообще за бездетные гражданские браки. Основной причиной отказа от рождения ребёнка респонденты, посещающие церковь реже 1 раза в месяц, называют циклический кризис и неуверенность в завтрашнем дне. Прослеживается зависимость между ежемесячными душевыми доходами и желанием завести ребёнка. Коэффициент корреляции 0,75, при табличном значении достоверности по t-критерию Стьюдента более 90%. Для заселения пространственного потенциала России ежемесячные выплаты на ребёнка с момента рождения, до достижения трудоспособного возраста, должны составлять 5 прожиточных минимумов в действующих ценах. Логика респондентов проста. Для удовлетворения потребностей ребёнка в рационе по медицинским нормам питания, образовании, одежде требуется 3 прожиточных минимума, ещё по одному для удовлетворения нужд матери и в накопительную часть будущих расходов развития. В условиях стагнирующей экономики самоуничтожающегося общества потребления это невозможно. При сложившихся тенденциях вывоза капитала клептократического государства, социальные инвестиции противоречат парадигме правящего олигархата. Реалии таковы, что в соответствии с циклами делового развития Н.Д.Кондратьева, правительству России необходимы инвестиции в инновационную часть развития общества [3].

Данный негативный процесс объясняется целенаправленным воздействием социальных технологий "Other hand - (чужие руки)" транснациональных корпораций, подменяющих в стремлении максимизировать прибыль, традиционные христианские ценности многодетных семей, чужеродными ценностями потребительского эгоизма. Здесь же следует учесть исторические интересы геополитических противников, жаждущих захватить российские территории и природные ресурсы. Технологии современного социально-интеллектуального неокOLONIALИЗМА «other head - (чужая голова)» предполагают изменение сознания россиян, превращая их в яловый скот, своеобразное быдло, необходимое для обеспечения комфорта жителям метрополий. Нравственная деградация фазы спада деловых циклов вполне реально могут спровоцировать катастрофу всего российского общества. Только, сохранение и приверженность традиционным ценностям многодетной семьи, являются необходимым условием стадии нового качественного роста.

Заселение пространственного потенциала, предполагает переселение россиян из мест их постоянного жительства на новые территории [4]. Результаты социологических исследований показывают, что 65% активистов христианской молодёжи готовы переселиться на неосвоенные территории России и выполнять миссионерскую деятельность в рамках русской общины и русского мира. Здесь следует учесть, что цикл нового качественного роста и освоение пространственного потенциала России с иными, чем у переселенцев природными и климатическими условиями, требует приобретение новых знаний, адаптированных к

зональным системам ведения хозяйства интеллектуального земледелия на возрождаемых и осваиваемых территориях. Отсюда, необходимость дальнейшего развития современного этапа эволюции теории и практики интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции в АПК, связанного с формированием постиндустриального общества. С позиций предмета исследования категория «интеллектуальная кооперация» - это система отношений общества, формирующая процесс объединения взаимосвязанных и взаимозависимых знаний, материализация которых позволит обществу снизить стоимость единицы полезного эффекта продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. Соответственно, категория «инновационная интеграция» - это система отношений общества, связанная с необходимостью разделения процесса творческого труда, специализации хозяйствующих субъектов рынка, позволяющая получить качественно новые полезности продуктов питания и сельскохозяйственного сырья на основе синергитического эффекта. Широкополостный интернет и система электронного консультанта ФГБОУ ВО Белгородский ГАУ им. В.Я.Горина позволяет заинтересованным субъектам аграрного бизнеса заселяемых территорий получить консультации и технолого-экономическое обоснование (ТЭО) внедрения результатов НИР и ОКР практически по профильным видам современной технологии аграрного производства в схожих природно-климатических условиях, используя схему: результаты лабораторных исследований – поле, ферма или производственный участок. Процесс интеллектуальной кооперации предполагает получение пользователями систематизированных и непрерывно обновляемых в электронных библиотеках знаний, в том числе и по индивидуальному обслуживанию переселенцев, консалтинговые услуги в режиме on-line. Процесс инновационной интеграции предполагает, что семейные фермы получают от профильных лабораторий университета экспериментальные семена и в счёт их оплаты 50% прибавки урожая переходит в собственность к учёным для последующего использования в опытах, а так же реализации на рынке [5]. Существуют и другие формы распространения и реализации интеллектуальной продукции в рамках действующего законодательства, но в любом случае инновационная интеграция предполагает узкую специализацию всех участников создания интеллектуальных товаров и услуг, но в любом случае хозяйствующие субъекты переселенцев выступают в роли завершающего потребителя или продавца произведенного на основе инновационных технологий продукции [2]. Для инновационного развития малозаселенных территорий коэффициент мотивации переселения должен быть выше 1,5 кратного значения относительно уровня жизни мест выезда. Не ниже аналогичных значений должны быть коэффициенты мотивации интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции, тогда синергитический или агрегированный коэффициент мотивации заселения территорий, использования прорывных инновационных технологий фазы развития посткризисного цикла составит не ниже 3. Это означает, что переезд на новое место жительства и освоение пространственного потенциала России на основе прорывных технологий позволит условно повысить финансовый уровень жизни переселенца, относительно уровня прежнего места жительства примерно, в 3 раза. Это является весомым аргументом в пользу смены места жительства [3].

Предпринимательская активность, так же является обязательным условием преодоления циклического кризиса. Более 90% респондентов христианской молодёжи считают, что для выхода из кризиса надо самим много трудиться, не надеясь на внешнюю помощь, Соответственно 63,3% респондентов молодёжи, посещающей церковь реже 1 раз в месяц, надеются на собственные силы. Различия в позиции носят чисто психологический характер. Христианская община изначально ориентирована, на взаимовыручку в случае предпринимательских неудач, единоличников некому подстраховать в случае неудач. Фактор риска неопределённости и страха фатального конца, с потерей всех социально-значимых ценностей для человека, является краеугольным при обосновании выбора предпринимательской активности. Учитывая действующий режим антироссийских санкций, который вряд ли будет отменен в сколько-нибудь обозримой перспективе, а так же ограниченность во внешних заимствованиях, позиция христианской молодёжи

представляется наиболее прагматичной. Христианские общины, как самостоятельный институт социального управления, прошёл значительный путь своего развития, в том числе и эффективного управления монастырской экономики. Трудолюбие, разумные потребности, терпение и надежда на собственные силы, являются фундаментом эффективного управления, необходимого российскому обществу для выхода из кризиса и перехода в стадию роста.

Большинство христианской молодёжи хотели бы иметь свой дом и малый семейный бизнес, поскольку общее дело объединяет членов семьи, а каждый рождённый ребенок рассматривается как будущий помощник, гарантия обеспеченной старости для родителей. Семейные крестьянские хозяйства, в так же семейный бизнес во всех сферах АПК и секторах национальной экономики способны создать не только реальные условия для затянувшегося на десятилетия системного социально-экономического кризиса, но и обеспечить стратегию динамического развития российского общества в будущем. Это и есть российская мечта социально-стабильного, процветающего общества. В этой связи, практически во всех аграрных вузах России готовят специалистов, способных эффективно управлять, как крупным высокотоварным производством, так и небольшими семейными фермами христианской общины. Высокая нравственность и духовные ценности формируют основу социальной стабильности христианских общин. Среди верующих людей крайне редки случаи насилия и правонарушений, заболевания алкоголизмом и наркоманией.

Проявлением стабилизирующей роли христианской молодёжи является отрицание экономической эмиграции как способа решения собственных материальных проблем. Подавляющее количество опрошенных респондентов связывают свою судьбу с судьбой страны, народа, братьев и сестер по вере. Утечка за рубеж квалифицированной рабочей силы составляет не только экономическую, но и социальную проблему общества, поскольку способствует не только потере интеллектуальной ренты, но и социально-интеллектуальной деградации российского общества, инновационному и технологическому отставанию от ведущих мировых держав.

В группе молодежи, посещающей церковь реже 1 раза в месяц, идея экономической миграции получила более широкое распространение, поскольку меркантилизм составляет основу парадигмы общества всеобщего потребления. Более 15,5% опрошенных респондентов готовы покинуть Россию при первом же удобном случае, и еще 33,8% опрошенных респондентов при определенных обстоятельствах, что составляет значительный отрицательный миграционный потенциал. Упрощение процедуры выезда за рубеж потенциально может привести к тому, что Россия, в целом, и Белгородская область, в частности, могут повторить судьбу стран, где подавляющая часть трудоспособного населения находится на заработках и желает получить соответствующее гражданство или вид на жительство в экономически более привлекательных странах. Это создаёт угрозу не только национальной безопасности, но и существованию общества всеобщего потребления в целом.

Выход из циклических фаз кризиса и развитие пространственного потенциала России невозможно без патриотизма и защиты собственных территорий, поскольку торговые войны и противоречивые интересы, в любой момент могут перейти в неконтролируемую фазу своего развития. Вопреки всё еще бытующему и ошибочному мнению, о чрезмерном пацифизме, христианская молодёжь является патриотично настроенной. Более 90% молодых людей готовы защищать Россию от внешних врагов, в лучших традициях войнов-монахов еще со времён Куликовской битвы. Причём в случае войны, практически все молодые люди, хотели бы служить полковыми священниками, что бы вместе с однополчанами стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы, но при этом оказывая духовную помощь нуждающимся и страждущим войнам, словом и духом облегчая выпадающие на их долю испытания. Более половины второй группы молодёжи так же готовы защищать Отчизну, а количество потенциальных отказников находится в рамках статистической и социологической погрешности. Неопределенность трети опрошенных респондентов в значительной степени объясняется маргинальной субкультурой активно продвигаемой

вешними технологиями «other hand» - чужие руки странами глобального социально-интеллектуального неокOLONиализма претендующими на недра и территории России, а так же алчными политическими, экономическими и конфессиональными конкурентами.

Для координации трансформационных процессов социальной стратификации формирования и развития стабилизирующего класса современной России и преодоления негативных последствий циклических социально-экономических кризисов необходимо синхронизировать деятельность институтов государственного и муниципального управления сельских территорий на финансирование и стимулирование адресных программ «Многодетная семья», «Многодетный дом», «Многодетное село», «Многодетная Россия» [3].

**Заклучение.** Для преодоления циклических социально-экономических кризисов и заселения пространственного потенциала, России необходимо вернуться к традиционным истокам христианских многодетных семей, развития на вовлекаемых в хозяйственный оборот землях, различных форм аграрного бизнеса, сочетающих крупное производство и малые семейные фермы, способствующие внедрению прорывных технологий на основе процессов интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции хозяйствующих субъектов отраслей науки, образования и аграрного производства.

#### **Литература:**

1. Бабинцев В.П., Тарабаева В.Б. Ценности жителей Белгородской области как приграничного региона России [Текст] / В.П. Бабинцев, В.Б. Тарабаева Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.- 2014. - № 28 (180). - С.37-43.
2. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Непрерывное образование как фактор снижающий социальные риски новых социальных слоев современного российского общества [Текст] / З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова // В сборнике: Социологический альманах Материалы VII Орловских социологических чтений. Под общей редакцией П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. - 2016. - С.19-21.
3. Дорофеев А.Ф. Стратегия инновационного развития человеческого капитала аграрного сектора России / А.Ф. Дорофеев // Инновации. 2016. № 12 (218). С. 46-54.
4. Растворцева С.Н. Сущность социально-экономической эффективности развития региона / Регионология. 2008. № 4. С.130-135.
5. Турьянский А.В., Олива Л.В. Механизмы восстановления потенциала сельскохозяйственных земель в Белгородской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 2. С.46-47.

**Ярашева Азиза Викторовна**

*доктор экономических наук, профессор*

*Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН*

*г. Москва*

*baktriana@rambler.ru*

### **МАКРОРЕГИОНЫ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

**Аннотация.** В статье затронуты актуальные вопросы социально-экономической и демографической дифференциации (неравенства) российского населения в разрезе Федеральных округов. Проанализированы статистические данные в динамике за последние несколько лет: численность и ожидаемая продолжительность жизни, объем ВРП на душу населения и располагаемые денежные доходы, уровень безработицы и структура потребительских расходов. Сделан вывод о тесной причинно-следственной связи всех видов неравенства в обществе и многофакторности дифференциации населения.

**Ключевые слова:** макрорегион, субъект Федерации, дифференциация, неравенство, доходы и расходы, демографические показатели.

Дифференциация населения по социальному и демографическому принципам - неотъемлемый элемент всякого общества, которое воспроизводится в достаточно устойчивых формах, как отражение политической, экономической, культурно-нормативной структуры. И если порождается неравенство естественными различиями между людьми, то наиболее глубоко оно проявляется как следствие действия социальных факторов.

Теоретические проблемы изучения дифференциации (или неравенства) при научном анализе требуют искусственного разделения тесно связанных между собой понятий: стратификация, депривация, распределение доходов и состояний и др. Кроме того, исследование затрудняется еще и рассмотрением отдельных типов неравенства (финансового, имущественного, социального), при том, что все они в реальной жизни общества неизбежно переплетаются.

Разные формы социальной дифференциации выделял П.А. Сорокин: имущественное неравенство порождает экономическую дифференциацию, неравенство в обладании властью (политическая дифференциация), разделение по роду деятельности, различающейся уровнем престижа (профессиональная дифференциация).

Изучение причин и последствий дифференциации населения в разрезе территорий (Федеральных округов и регионов – субъектов Федерации), а также социально-доходных групп, всегда были в центре внимания ученых Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН). Так, измерение динамики различий в уровне и качестве жизни жителей типичного российского города (Таганрог) осуществлялось под руководством член-корреспондента РАН Н.М. Римашевской на протяжении 50 лет (1967-2017) [7].

Традиции глубоких исследований неравенства в пространственном развитии страны сохраняются в ИСЭПН РАН до сегодняшнего дня [5]. Социально-демографическая дифференциация рассматривается в различных аспектах. Вопросы, связанные с видами и причинами экономического и социального неравенства [10], изучаются в тесной связи с процессами увеличивающейся бедности населения [1].

Рассмотрим макрорегионы России в динамике процессов, демонстрирующих дифференциацию населения сначала по демографическим показателям. Численность жителей страны за период с 2014 по 2017 г. увеличилась более чем на 600 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1.

Численность населения, на конец года, человек (по состоянию на 15 марта 2018 г.)

	2014	2015	2016	2017	
РФ	146 267 288	146 544 710	146 804 372	146 880 432	↑
ЦФО	38 951 479	39 104 319	39 209 582	39 311 413	↑
СЗФО	13 843 556	13 853 694	13 899 310	13 952 003	↑
ЮФО	16 298 716	16 367 949	16 428 458	16 441 852	↑
СКФО	9 659 044	9 718 001	9 775 770	9 823 481	↑
ПФО	29 715 450	29 673 644	29 636 574	29 542 696	↓
УФО	12 275 853	12 308 103	12 345 803	12 356 229	↑
СФО	19 312 169	19 324 031	19 326 196	19 287 474	↓
ДФО	6 211 021	6 194 969	6 182 679	6 165 284	↓

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики //www.gks.ru (дата обращения 02.06.2018).

Увеличение в основном произошло за счет населения, проживающего в ЦФО и СКФО. Уменьшилось число жителей в ПФО, ДФО и СФО.

Если рассматривать каждый из макрорегионов отдельно, то следует отметить, что в ЦФО наибольший показатель роста наблюдался в Москве и Московской области, а сокращение – в Тверской, Тамбовской, Владимирской и Ивановской областях. В СЗФО численность населения выросла в трех регионах (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области), а в оставшихся – снизилась. В Южном Федеральном округе Краснодар в 2018 году стал городом-миллионником. Кубань, Крым и Севастополь показали положительную динамику, а наибольшее снижение численности – в Волгоградской области. В СКФО традиционно быстро растет население в Республике Дагестан и Чеченской Республике, самое большое сокращение численности в этом макрорегионе – в Республике Северная Осетия-Алания. В ПФО рассматриваемы показатель вырос только в Республике Татарстан, уменьшение численности наблюдалось в Нижегородской, Саратовской и Оренбургской областях. В УФО быстрее всего росло количество жителей в Тюменской области, а сокращалось – в Курганской области. В СФО самый большой рост численности оказался в Новосибирской области и Красноярском крае, в то время как Алтайский край показал самое большое сокращение. В ДФО, который в последние годы вызывает особую озабоченность органов государственной власти, вновь демографическая ситуация ухудшается, несмотря на принятые различные программы развития (в т.ч., «дальневосточный капитал») [13, С.36]. Население здесь выросло лишь в Республике Саха (Якутия), а самое большое уменьшение численности жителей – в Приморском крае.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), рассматриваемая в территориальном, возрастном и гендерном разрезе, изучается в ИСЭПН РАН вместе с проблемами физического здоровья населения и неравенства в доступности услуг здравоохранения [3; 4]. ОПЖ тесно связана как с социальными факторами, так и с экологическими условиями проживания на конкретной территории.

Анализируя статистические данные по ОПЖ, как демографическому показателю, можно увидеть, что в рассматриваемый период он вырос как в целом по стране, так и во всех федеральных округах (табл. 2).

Таблица 2.

Ожидаемая продолжительность жизни, число лет (по состоянию на 15 марта 2018 г.)

	2014	2015	2016	2017	
РФ	70,93	71,39	71,87	72,70	↑
ЦФО	72,10	72,72	73,07	73,89	↑
СЗФО	71,42	71,70	72,16	72,97	↑
ЮФО	71,74	72,13	72,29	73,16	↑
СКФО	74,11	74,63	75,13	75,86	↑
ПФО	70,20	70,71	71,39	72,26	↑
УФО	70,20	70,38	70,82	71,85	↑
СФО	68,85	69,31	69,81	70,50	↑
ДФО	68,21	68,68	69,22	70,09	↑

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики //www.gks.ru (дата обращения 02.06.2018).

Наиболее успешным по динамике роста ОПЖ за период с 2014 по март 2018 года стали ПФО, ДФО и ЦФО, а самый низкий рост – в ЮФО. Что касается абсолютного показателя, то он наивысший в СКФО (75,86 лет). Ниже общероссийского уровня ОПЖ на протяжении всего рассматриваемого периода времени располагаются ПФО, УФО, СФО и ДФО. Если рассматривать данный индикатор, в разной степени связанный с качеством жизни и экологическими условиями проживания, по регионам, то лидирует Республика Ингушетия (81,59 лет), Москва (77,87 лет) и Республика Дагестан (77,79 лет). Анти-лидеры: Республика Тыва – 66,29 лет и Чукотский автономный округ – 66,10 лет.

В ИСЭПН РАН в ходе исследований аспектов дифференциации населения еще в начале 2000-х годов А.Ю. Шевяковым был предложен термин «избыточное неравенство» [8; 9]. Речь идет о подразделении общего неравенства на «нормальное» и «избыточное». При этом нормальное характеризует распределение доходов среди слоев населения, активно вовлеченных в экономические процессы, а избыточное – обусловлено низкими доходами тех слоев населения, которые не оказывают существенного влияния на макроэкономические процессы (по крайней мере, в краткосрочном периоде) и живут за счет социальных трансфертов и домашнего производства. То есть, избыточное неравенство отражает неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечить им приемлемый уровень жизни.

Расти может и нормальное и избыточное неравенство, при этом в отличие от показателя общего неравенства, показатели нормального и избыточного весьма чувствительны к направлениям, в которых изменяется распределение доходов.

В динамике изменения объема ВРП на душу населения можно увидеть увеличение с 2013 по 2016 г. во всех макрорегионах России (табл. 3).

Таблица 3.

Объем ВРП на душу населения, рублей (по состоянию на 27 апреля 2018 г.)

	2013	2014	2015	2016	
РФ	377 006,0	405 147,7	449 097,9	472 161,9	↑
ЦФО	494 482,7	536 607,9	580 706,6	616 366,2	↑
СЗФО	403 612,9	430 130,6	520 253,4	562 371,6	↑
ЮФО	256 444,6	255 076,2	283 856,1	298 585,7	↑
СКФО	146 117,2	163 950,4	176 399,5	184 466,3	↑
ПФО	284 810,4	308 995,4	339 075,0	349 884,7	↑
УФО	619 540,9	662 531,0	737 316,0	758 885,0	↑
СФО	287 293,8	317 784,6	353 119,2	369 150,3	↑
ДФО	454 144,1	516 739,8	577 684,3	607 004,2	↑

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики //www.gks.ru (дата обращения 02.06.2018).

Лидерами в абсолютном выражении оказались УФО, ЦФО и ДФО. Наименьший показатель – в СКФО (особенно в Республике Ингушетия) и ЮФО. Но по темпам роста объема ВРП на душу населения за более чем 4 года, впереди всех СЗФО и ДФО, а среди отстающих – ЮФО и ПФО.

Изучая дифференциацию в распределении доходов, С. Кузнец в 1954 г. установил, что с увеличением уровня дохода на душу населения неравенство распределения сначала возрастает, затем после достижения определенного уровня дохода на душу населения снижается. Ученый выдвинул гипотезу о том, что неравномерность в производительности приводит к высокому уровню доходов в индустриальном секторе и увеличению его доли в экономике, способствуя росту неравенства.

Проблема различия в уровнях доходов становится все более актуальной для современной России и ее регионов [11]. Неравенство в доходах населения формируется в результате комплексного взаимодействия факторов, характеризующих экономическую, социальную и географическую ситуацию. Реальные располагаемые денежные доходы с 2014 по 2017 г. сократились в целом по России и во всех макрорегионах, кроме ЦФО (табл. 4).



Таблица 4.

Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году (по состоянию на 15 марта 2018 г.)

	2014	2015	2016	2017	
РФ	99,3	96,8	94,2	98,3	↓
ЦФО	96,3	96,5	94,3	98,1	↑
СЗФО	101,3	98,4	96,0	95,8	↓
ЮФО	103,4	97,4	96,8	99,1	↓
СКФО	103,6	96,8	95,8	100,4	↓
ПФО	101,9	96,3	91,9	96,4	↓
УФО	98,2	95,1	92,4	94,6	↓
СФО	97,7	97,6	94,4	95,5	↓
ДФО	102,9	100,3	93,0	97,3	↓

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики //www.gks.ru (дата обращения 02.06.2018).

Наибольший рост данного показателя в 2017 г. наблюдался в Москве, Московской и Тверской областях. Что касается Федеральных округов, то «лидерами» по сокращению реальных располагаемых денежных доходов населения стали ДФО (особенно Магаданская и Сахалинская области), ПФО (Нижегородская область и Республика Татарстан) и СЗФО (Вологодская область).

В России высокая степень дифференциации сложилась в условиях сравнительно низкого среднедушевого дохода и поэтому повлекла за собой увеличение числа бедных жителей страны. Но напряжение в обществе может вызывать не только дифференциация доходов, но и их низкий уровень. Практически все развитые страны мира постоянно осуществляют меры по сокращению неравенства, но разработка этих мер возможна лишь при умении точно измерять степень дифференциации доходов и богатства, а также оценивать результаты воздействия на нее со стороны государства.

В отношении дифференциации, связанной с проблемами занятости, следует отметить, что уровень безработицы с 2014 по 2017 г. в целом по всей России остался практически неизменным (табл. 5).

Таблица 5.

Уровень безработицы, в %

	2014	2015	2016	2017	
РФ	5,2	5,6	5,5	5,2	↔
ЦФО	3,1	3,5	3,5	3,2	↑
СЗФО	4,1	4,7	4,6	4,2	↔
ЮФО	6,2	6,7	6,4	6,0	↓
СКФО	11,2	11,1	11,0	11,0	↓
ПФО	4,5	4,8	4,8	4,7	↑
УФО	5,8	6,2	6,1	5,6	↓
СФО	7,0	7,7	8,0	7,3	↑
ДФО	6,4	6,3	5,8	5,6	↓

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики //www.gks.ru (дата обращения 02.06.2018).

Увеличивалась безработица в 2015 и 2016 гг. в связи с кризисом, начавшимся в конце 2014 г. Но в 2017 г. уровень достиг прежнего значения – 5,2%. Неизменно высоким он оставался в СКФО (11,0%). Самый успешный в этом смысле, как и прежде, - ЦФО (3,2%) и особенно г. Москва (1,4%) [6].

По-настоящему тревожной, согласно официальной статистике, можно назвать ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике (27,0%), Республике Тыва (18,3%), Чеченской (14,0%) и Карачаево-Черкесской Республике (13,5%) и Республике Алтай (12,0%).

Депривация – в рамках социологического анализа в самом широком смысле определяемая как неравенство доступа к социальным благам, может иметь место сразу в нескольких областях социальной жизни – «множественная депривация»: например, низкий доход и безработица могут сочетаться с низким уровнем жилищной обеспеченности, слабым здоровьем и доступом лишь к невысокому по качеству образованию. Разница в доходах (номинальных и реальных) населения тесно связана с трудовым поведением индивидумов, уровнем безработицы в регионах страны, и, соответственно, со структурой потребительских расходов домохозяйств (табл. 6). Изменения именно в этой структуре дает гораздо более достоверную информацию о дифференциации, чем уровень доходов населения (учитывая объемы теневого сектора экономики и теневой занятости в России).

Таблица 6.

Структура потребительских расходов домашних хозяйств в соответствии с КИПЦ-ДХ\*  
(по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

	Продукты питания и безалкогольные напитки			Одежда и обувь			ЖКУ и топливо		
	2010	2016		2010	2016		2010	2016	
РФ	29,6	32,3	↑	10,8	9,2	↓	11,3	11,3	↔
ЦФО	27,0	30,9	↑	11,7	9,6	↓	11,0	11,4	↑
СЗФО	29,8	31,4	↑	9,1	9,0	↓	11,2	11,0	↓
ЮФО	34,6	34,9	↑	9,5	8,1	↓	12,0	11,1	↓
СКФО	37,4	43,3	↑	12,1	9,7	↓	10,0	10,5	↑
ПФО	30,8	32,3	↑	10,3	9,1	↓	11,0	10,8	↓
УФО	27,0	30,8	↑	11,0	8,6	↓	11,4	12,2	↑
СФО	31,0	32,9	↑	11,0	8,8	↓	12,0	11,3	↓
ДФО	30,0	29,3	↓	11,7	9,3	↓	12,2	12,5	↑

\* КИПЦ-ДХ – классификатор индивидуального потребления домашних хозяйств по целям.

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики //www.gks.ru (дата обращения 02.06.2018).

В таблице представлены лишь наиболее важные составляющие части расходов домохозяйств, поэтому в сумме по трем статьям расходов цифры не равны 100 %.

Среди проявлений неравенства можно увидеть разницу в структуре расходов на покупку продуктов питания, на покупку непродовольственных товаров и оплату потребительских услуг [12, С.119].

Понижение уровня реальных располагаемых доходов российского населения приводит к постоянному росту трат на жизненно необходимые потребительские расходы – продукты питания. Эта доля в структуре расходов огромна (в среднем 32,3%) по сравнению с развитыми странами (от 8 до 18%). Такая ситуация свидетельствует о низком уровне жизни большинства граждан нашей страны, при котором большая часть доходов буквально «проедается» и, к сожалению, эта статья расходов для большинства децильных групп растет [14].

Наибольшая доля расходов домохозяйств на продукты питания отмечена в СКФО (43,3%), к тому же это и самый быстрый с 2010 по 2016 год рост относительно других макрорегионов. Самые неблагополучные в этом смысле – Республики Ингушетия (60,9%) и Дагестан (59,3%). Небольшое снижение можно увидеть только в ДФО.

Что касается доли расходов на покупку одежды и обуви, то во всех макрорегионах она снизилась, именно на этом экономит большинство россиян: заметнее всего в СКФО, УФО и ДФО – на 2,4 %, и в ЦФО – на 2,1 %.

Расходы на жилищно-коммунальные услуги и топливо с 2010 по 2016 год в целом по России не изменились: в ЦФО, СКФО, УФО и ДФО увеличились, но в СЗФО, ЮФО, ПФО и СФО – сократились.

Британско-американский экономист А. Дитон, удостоенный в 2015 г. Нобелевской премии в области экономики за новый подход к оценке спроса на различные товары, исследовал взаимосвязи между доходом и потреблением, и написал работу по измерению уровня жизни и бедности. В своей уже теперь знаменитой книге «Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства» А. Дитон рассматривает причины и последствия неравенства как внутри одной страны, так и между государствами в контексте ускорения/сдерживания прогресса и роста экономики [2]. Интересен его вывод о том, что «деньги не имеют никакого значения для улучшения жизни, по крайней мере, после того как удовлетворены базовые потребности людей». При оценке удовлетворенности жизнью уровень доходов оказался более важен для населения в беднейших странах, чем в самых богатых. Такой же вывод можно сделать и для нашей страны: чем выше на определенной территории уровень жизни, тем больше остается средств у населения данного региона для получения доступа к важным услугам: здравоохранения и образования. А это, в свою очередь, может влиять на повышение человеческого (в том числе, трудового) потенциала жителей государства.

В любой эффективно управляемой экономической системе определенная степень неравенства неизбежна и даже необходима, для обеспечения стимулов к развитию. Но в наше время различия в доходах и благосостоянии стали настолько укоренившимися, что они проходят через поколения, где семейное благосостояние и наследство имеют гораздо большее влияние на экономические перспективы, чем талант и трудолюбие.

Сравнительный анализ территорий в нашей стране остается актуальным в силу существования высокого уровня неравенства не только относительно разных социально-доходных слоев общества, но и дифференциации в уровне жизни по отдельным округам и субъектам Федерации. И чем беднее регион, тем значительнее (и губительнее) для его жителей дифференциация в уровне доходов, т.к. не удовлетворены их базовые потребности. Особую озабоченность в научном сообществе в последнее время вызывает не только межрегиональная дифференциация, но и быстро растущее внутри-региональное неравенство в субъектах Федерации (в рамках типов поселений: областной (краевой) центр – крупный город – малый город – сельская местность и т.д.).

Усиление социальной и демографической дифференциации препятствует развитию внутреннего рынка России, формированию среднего класса, и, соответственно, платежеспособного населения. Низкий уровень доходов значительной части семей в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов обуславливают социальный разлом общества, может вызвать социальную напряженность, демографический кризис, препятствовать успешному экономическому развитию страны.

### Список литературы

1. Александрова О.А., Ярашева А.В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. 2018. № 1 (79). С. 4-21.
2. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. / Пер с англ. А. Гуськова. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 368 с.
3. Доброхлеб В.Г., Баллаева Е.А. Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 44-55.

4. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 89-103.
5. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / Под ред. проф. Локосова В.В. / Коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. 411 с.
6. Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве. Александрова О.А., Токсанбаева М.С., Ярашева А.В., Аликперова Н.В., Коленникова О.А., Гузанова А.К., Ненахова Ю.С., Виноградова К.В., Бедова А.И. / Под науч. ред. А. В. Ярашевой. М.: Издательство: ООО "Акварель", 2017. 252 с.
7. Таганрогские исследования: полвека спустя // Коллективная монография / под науч. ред. чл.-корр. РАН, проф. Н.М. Римашевской, проф. В.В. Локосова. М.: Экономическое образование, 2017. 288 с.
8. Шевяков А.Ю. Измерение социально-экономического неравенства: информационно-методологические аспекты // Экономические системы. 2009. № 4. С. 40-41.
9. Шевяков А.Ю. Экономическое неравенство: тормоз демографического роста // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9 (9). С. 197-201.
10. Шевяков А.Ю., Кируга А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. Монография. Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М.: М-Студио, 2009. 192 с.
11. Ярашева А.В. Денежные доходы: регионы и группы населения // Вестник научных конференций. 2016. № 8-1 (12). С. 143-146.
12. Ярашева А.В. Потребительское поведение населения: динамика структуры расходов // В сборнике: Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, Изд-во: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2018. С. 118-121.
13. Ярашева А.В. Региональные экономические проблемы: трудовой потенциал развития Дальнего Востока // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 3 (23). С. 32-37.
14. Ярашева А.В., Макарова Е.А. Типология регионов РФ по потребительскому поведению домохозяйств // Народонаселение. 2015. № 3 (69). С. 77-84.